ВОПРОСЫ МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.

ВЪ СБОРНИКѢ ПРИНЯЛИ УЧАСТІЕ: Е. Е. Баумгартенъ, акад. В. М. Бехтеревъ, проф. М. И. Боголѣповъ, Н. Боринъ, проф. В. А. Бутенко, проф. В. М. Гессенъ, пр.-доц. С. І. Гессенъ, проф. Э. Д. Гриммъ, К. Г. Житковъ, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. бар. С. А. Корфъ, проф. А. А. Лихачевъ, П. Н. Милюковъ, В. А. Мукосѣевъ, М. В. Новорусскій, проф. Б. Э. Нольде, Н. А. Рынинъ, проф. Евг. Тарле, проф. В. Н. Твердохлѣбовъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, проф. М. И. Фридманъ, проф. В. Фриче, проф. А. А. Чупровъ, проф. Н. В. Ястребовъ.

Чистый доходъ отъ изданія поступитъ въ пользу Комитета по устройству этапнаго лазарета имени Высшихъ Учебныхъ Заведеній Петрограда.

Изданіе Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО“.

Петроградъ, Литейный, 28.

1915.

Оглавленіе.

Нѣсколько словъ объ этапномъ лазаретѣ имени Петроградскихъ Высшихъ Учебныхъ Заведеній.

Мысль объ объединеніи всѣхъ петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ помощи жертвамъ войны возникла въ средѣ профессоровъ Петроградскаго Женскаго Медицинскаго Института. При этомъ наиболѣе желательной формой такой помощи совѣту Женскаго Медицинскаго Института казалось созданіе этапнаго лазарета, т. е. такого учрежденія, которое, находясь вблизи военныхъ дѣйствій, могло бы обслуживать раненыхъ по возможности вскорѣ послѣ ихъ раненія.

Призывъ совѣта Женскаго Медицинскаго Института къ профессорскимъ коллегіямъ петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній принять участіе въ содержаніи лазарета, оборудованіе котораго уже было обезпечено средствами, собранными преподавательскимъ персоналомъ Женскаго Медицинскаго Института, при содѣйствіи сочувствующихъ этому дѣлу лицъ, встрѣтилъ всеобщее горячее сочувствіе. Какъ преподавательскій, такъ и служебный персоналъ высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда постановилъ производить ежемѣсячныя отчисленія въ пользу лазарета. На общемъ собраніи представителей всѣхъ петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній было постановлено приступить къ практическому осуществленію лазарета и обратиться въ общество Краснаго Креста съ ходатайствомъ о принятіи вновь создаваемаго лазарета въ свое вѣдѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общее собраніе рѣшило обратиться съ предложеніемъ принять участіе въ дѣлѣ лазарета къ учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ студенческихъ кругахъ предложеніе это встрѣчено было также очень сочувственно: въ рядѣ учебныхъ заведеній учащіеся постановили производить опредѣленныя отчисленія

въ пользу лазарета или-же принять участіе въ дѣлѣ помощи лазарету трудомъ.

Организація попеченія о лазаретѣ и доставленія ему средствъ вылилась въ слѣдующую форму.

Во главѣ организаціи общимъ собраніемъ участниковъ былъ поставленъ комитетъ, куда вошли отъ Петроградскаго Женскаго Медицинскаго Института директоръ Б. В. Верховскій, его помощникъ А. А. Кадьянъ, ученый секретарь А. А. Лихачевъ и профессоръ Г. Ф. Цейдлеръ, отъ Университета ректоръ Э. Д. Гриммъ, отъ Политехническаго Института директоръ В. В. Скобельцынъ, отъ Технологическаго Института директоръ Г. Ф. Деппъ, отъ Высшихъ Женкихъ Курсовъ директоръ С. К. Буличъ и отъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія директоръ С. Д. Карейша. Въ комитетъ было введено относительно большое число профессоровъ Женскаго Медицинскаго Института, потому что на нихъ, какъ на врачей по спеціальности, была возложена ближайшая забота но оборудованію лазарета. Изъ другихъ учебныхъ заведеній въ комитетѣ были представлены тѣ, которыя производятъ сравнительно большіе взносы на лазаретъ. Помимо представителей отъ учащихъ въ комитетъ вошли 2 представителя отъ учащихся по выбору отъ послѣднихъ, а именно студентъ Политехническаго Института Н. И. Фокинъ и студентъ Сельско-Хозяйственныхъ Курсовъ В. Г. Разепинъ. Для пріисканія въ пользу лазарета средствъ, обслуживанія его надобностей, а также для болѣе тѣсной связи между лазаретомъ и всѣми участниками въ его организаціи и содержаніи, помимо комитета, была образована исполнительная комиссія, куда вошли по 2 представителя отъ учащихъ и служащихъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, участвующихъ въ дѣлѣ лазарета, и по два-же представителя отъ учащихся тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ и студенты принимаютъ, въ той или другой формѣ, участіе въ этомъ дѣлѣ.

Оборудованіе лазарета было закончено къ октябрю мѣсяцу. Лазаретъ оффиціально считается лазаретомъ на 50 кроватей, но онъ оборудованъ на 150-200 раненыхъ и соотвѣтственно этому онъ былъ снабженъ перевязочнымъ матеріаломъ и лѣкарственными средствами. Какъ самый лазаретъ, такъ и женщины-врачи и слушательницы, поступившія въ него въ качествѣ сестеръ милосердія, были по просьбѣ комитета зачислены въ Елисаветинскую Общину Краснаго Креста, причемъ комитетъ встрѣтилъ самое отзывчивое отношеніе со стороны предсѣдательницы Попечительнаго Совѣта

Общины, А. Н. Родзянко. Персоналъ лазарета при его образованіи былъ слѣдующій: старшій врачъ, прозекторъ Петроградскаго Женскаго Медицинскаго Института, докторъ медицины И. И. Крыжановскій; хирургъ-врачъ В. В. Гориневская; сестры милосердія—врачи: В. В. Соболева, В. В. Зконопницъ-Грабовская, Е. А. Докукина, Е. И. Меликова, К. И. Полисадова; слушательницы Петроградскаго Женскаго Медицинскаго Института: М. Н. Меренищевская, В. Л. Каратыгина, О. И. Деминская и фельдшерица В. П. Аксенова; завѣдующій хозяйствомъ В. А. Кудрявый; санитары-добровольцы: студенты Электротехническаго Института Б. П. Громогласовъ, В. С. Лызловъ и А. А. Берсоновъ и 10 санитаровъ изъ нижнихъ чиновъ отъ Елисаветинской Общины Краснаго Креста.

Лазаретъ выѣхалъ изъ Петрограда 8-го октября въ Варшаву и поступилъ тамъ въ вѣдѣніе особоуполномоченнаго общества Краснаго Креста, А. И. Гучкова. Къ работѣ лазаретъ приступилъ въ Жирардовѣ, гдѣ впервые былъ развернутъ, но главную свою дѣятельность проявилъ онъ въ Лодзи, гдѣ ему пришлось усиленно работать во время ноябрьскихъ боевъ. Лазаретъ былъ развернутъ на 400 человѣкъ, и на персоналъ лазарета легла, такимъ образомъ, крайне тяжелая и отвѣтственная задача обслужить число раненыхъ, въ нѣсколько разъ превосходившее то, на которое были разсчитаны силы персонала. Съ этой задачей лазаретъ справился съ честью и заслужилъ очень лестный отзывъ особоуполномоченнаго Краснаго Креста. Въ ближайшемъ будущемъ лазаретъ и его персоналъ ожидало другое, гораздо болѣе серьезное испытаніе. Ему предстояло быть оставленнымъ съ ранеными и больными въ Лодзи, послѣ эвакуаціи этого города нашими войсками 22-го ноября. Согласно объясненію, представленному проф. Бурденко, замѣстителемъ особоуполномоченнаго общества Краснаго Креста, это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: „При эвакуаціи изъ Лодзи свыше двадцати четырехъ тысячъ раненыхъ, нашлось немалое число не подлежавшихъ эвакуаціи. Къ таковымъ относились: раненія центральной нервной системы, полостныя раненія, нѣкоторыя формы сосудистыхъ раненій, больные съ осложненіями септическаго характера, нѣкоторыя формы осложненныхъ переломовъ. Всѣ эти больные были разсѣяны во многихъ лѣчебныхъ заведеніяхъ г. Лодзи, гдѣ было ихъ всего организовано до 143. Въ виду того, что лѣчебныя заведенія города Лодзи были, по соглашенію съ Краснымъ Крестомъ, открыты только на время, а въ особенности въ виду

пищевого и угольнаго голода,—организаторы общественныхъ лѣчебныхъ заведеній въ послѣднее время обнаружили лихорадочную дѣятельность по ликвидаціи своихъ учрежденій. Такое положеніе заставляло Красный Крестъ стоять на стражѣ при контролѣ эвакуаціи. Красный Крестъ обратился съ просьбой не эвакуировать вышеупомянутыя категоріи больныхъ, тщательно фильтруя ихъ на станціи и возвращая не подлежащихъ эвакуаціи обратно. Тогда изъ многихъ лѣчебныхъ заведеній поступили запросы, и очень настойчивые, какъ кормить больныхъ, чѣмъ отапливать помѣщенія, какъ освѣщать помѣщенія и т. д.; наконецъ, кромѣ хозяйственныхъ требованій, шли запросы о медикаментахъ, о бѣльѣ, о перевязочномъ матеріалѣ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, о врачахъ: многіе врачи должны были явиться къ отбыванію воинской повинности, а нѣкоторые оставили Лодзь по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Приходилось все это учитывать и произвести подсчетъ раненымъ, которыхъ нельзя было эвакуировать и которыхъ въ то же время нежелательно было оставлять въ неособенно устойчивыхъ лѣчебныхъ заведеніяхъ. Такихъ больныхъ оказалось около 550 человѣкъ. Часть изъ нихъ была помѣщена въ хорошо оборудованныя мѣстныя лѣчебныя заведенія:

Больница Краснаго Креста—Панская 113 82

Лѣчебница, арендованная группой
жертвователей—Пустая 11 80

Евангелическая больница—Полуночная 66 76

Больница купцовъ и фабрикантовъ—
—Петроковская 99 12

Больница Познанскаго 14

Остальные больные, въ числѣ 286 человѣкъ, не могли быть оставлены въ учрежденіяхъ, очень склонявшихся къ ликвидаціи, а равно и не могли быть транспортированы въ вышеназванныя учрежденія, такъ какъ послѣднія были почти наполнены, а два изъ нихъ не вмѣщали болѣе 20 кроватей.

Все это побудило меня сосредоточить всѣхъ больныхъ-раненыхъ въ одномъ учрежденіи Краснаго Креста и, пользуясь правомъ, предоставленнымъ женевской конвенціей, оставить его для обслуживанія ихъ при всѣхъ возможныхъ положеніяхъ г. Лодзи. Выборъ палъ на лазаретъ Высшихъ Учебныхъ Заведеній Петрограда,—такъ какъ въ существѣ это былъ единственный оборудованный ла-

заретъ Краснаго Креста въ Лодзи. Весь персоналъ былъ освѣдомленъ о своей миссіи и принялъ ее.

Лазаретъ оставался въ голодномъ городѣ, потому онъ усиленно былъ снабженъ продовольственными матеріалами—хлѣбомъ, мукой, консервами. Снабженъ онъ также былъ крупными денежными средствами, въ размѣрѣ 20.000 рублей. Его медицинскій персоналъ—хирургическій—былъ усиленъ прикомандированіемъ врача изъ резерва, Сергѣя Николаевича Клементьева, и сестеръ изъ резерва, болѣе или менѣе знакомыхъ съ дѣломъ хирургически работающихъ лазаретовъ, г-жъ Жуковской, Мартыновой, Коровиной, Аничковой, Петровой, Вильчинской, Смирновой, Осмолянъ-Смолянской, Кохменко, Бакшино-Бакшинской, Дербиной, Полторацкой, Рѣзниковой, Морозовой, Кировой, Тетериной, Поповой и Сикора.

Въ виду предположеній, что подъ Лодзью могутъ быть аріергардные бои, и на лазаретъ можетъ выпасть роль и передового перевязочнаго пункта—при лазаретѣ было оставлено значительное количество перевязочнаго матеріала въ стерилизованномъ видѣ и вся обстановка одного изъ перевязочныхъ пунктовъ, работавшихъ въ Лодзи на фабрикѣ Фр. Вагнера. Врачи этого пункта были временно приглашены въ свое время въ Лодзь только на срочныя работы. Имъ, какъ мѣстнымъ жителямъ, въ числѣ четырехъ—г.г.: Ельшанскому, Циглеру, Гершуни, Аронсону и двумъ фельдшерамъ предложено было перейти въ вѣдѣніе главнаго врача лазарета Высшихъ Учебныхъ Заведеній и работать на распредѣлительномъ перевязочномъ пунктѣ Краснаго Креста, расположенномъ на Паbіяницкомъ шоссе. По окончаніи предполагаемыхъ боевъ врачъ Ельшанскій долженъ войти въ составъ лазарета, какъ интернистъ: въ лазаретѣ было открыто тифозное отдѣленіе и отдѣленіе для внутреннихъ болѣзней. Остальные врачи изъ живущихъ въ Лодзи, смотря по надобностямъ, могутъ быть, по усмотрѣнію главнаго врача лазарета, или привлечены къ работѣ въ лазаретѣ, или отпущены.

При такой организаціи лазарета, казалось, лазаретъ былъ бы въ состояніи справиться съ возлагаемымъ на него порученіемъ. По своему устройству и расположенію, въ одномъ изъ лучшихъ зданій города—нѣмецкая реальная гимназія (Развадовская, 7) лазаретъ могъ расшириться до 450-500 кроватей и дать пріютъ кромѣ того 150-200 легко раненымъ. Кромѣ того, отъ видныхъ общественныхъ организацій и наиболѣе надежныхъ общественныхъ

дѣятелей было получено обѣщаніе помочь посильно оставляемому лазарету въ трудныя минуты положенія плѣненныхъ".

Слѣдуетъ добавить, что одновременно съ прикомандированіемъ къ лазарету новаго штата сестеръ милосердія—работавшія въ немъ въ качествѣ таковыхъ, женщины-врачи, были переведены въ разрядъ врачей лазарета.

Послѣ ухода нашихъ войскъ и занятія Лодзи германскими войсками, дѣятельность лазарета не прекратилась. Изъ писемъ, полученныхъ отъ главнаго врача И. И. Крыжановскаго, извѣстно, что въ декабрѣ и январѣ въ лазаретѣ было до 600 человѣкъ больныхъ и раненыхъ русскихъ.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны на персоналъ лазарета дѣйствительно выпала на долю тяжелая задача, то съ другой, нельзя не признать, что врядъ-ли возможны другія условія, при которыхъ помощь лазарета была бы такъ же цѣнна раненымъ и больнымъ, какъ въ случаѣ нахожденія ихъ въ плѣну. Слѣдуетъ предположить, впрочемъ, что большинство больныхъ и раненыхъ, оставленныхъ въ лазаретѣ при отходѣ нашихъ войскъ, къ настоящему времени поправилось, такъ что врачебныя обязанности уже не задерживаютъ медицинскій персоналъ долѣе въ Лодзи. Въ виду этого нужно надѣяться, что если начатые обществомъ Краснаго Креста переговоры объ освобожденіи изъ германскаго плѣна лицъ медицинскаго персонала закончатся благопріятно, то и персоналъ нашего лазарета будетъ имѣть возможность вернуться въ близкомъ будущемъ въ Петроградъ

Переходя къ разсмотрѣнію дѣятельности участниковъ созданія лазарета уже послѣ его оборудованія, слѣдуетъ отмѣтить, что съ этого момента дѣятельность ихъ не прекратилась. Какъ уже указано выше, требовались средства на содержаніе лазарета, а кромѣ того, создавшія его лица и коллегіи хотѣли, по возможности, расширить дѣятельность лазарета—увеличить число его кроватей, а затѣмъ устроить при лазаретѣ и питательные пункты, предназначивъ ихъ не только для чиновъ арміи, но и для пострадавшаго въ районѣ военныхъ дѣйствій населенія.

Задача о прісканіи средствъ на лазаретъ получила особенное значеніе послѣ того, какъ лазаретъ былъ оставленъ въ Лодзи послѣ эвакуаціи этого города нашими войсками, и была потеряна надежда на его благополучное освобожденіе изъ плѣна. Тутъ надо было рѣшить,—или считать лазаретъ потеряннымъ и все дѣло за-

конченнымъ, или озаботиться присканіемъ новыхъ средствъ для возстановленія лазарета. Всѣми участниками созданія лазарета единогласно было принято второе рѣшеніе. Съ этой цѣлью было рѣшено прибѣгнуть къ устройству лекцій, концертовъ и пр. Подобныя начинанія были, впрочемъ, важнымъ подспорьемъ при оборудованіи и содержаніи лазарета съ самаго начала его существованія.

Среди такихъ источниковъ дохода слѣдуетъ указать на концертъ Солистки ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА М. И. Горленко-Долиной въ циркѣ Чинизелли, на лекцію проф. М. В. Бернацкаго „Народное хозяйство и война", прочитанную по просьбѣ студентовъ-политехниковъ, на лекцію Н. А. Рынина „Воздушная война", прочитанную по просьбѣ студентовъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, на концертъ въ театрѣ „Интегралъ" въ Лѣсномъ, устроенный Бессарабскимъ землячествомъ въ Политехническомъ Институтѣ, на аукціонъ художественныхъ произведеній при курсахъ архитектурныхъ знаній Е. Ф. Багаевой и на рядъ концертовъ, устроенныхъ по иниціативѣ различныхъ землячествъ Политехническаго Института во многихъ провинціальныхъ городахъ въ минувшія святки.

Дальнѣйшимъ источникомъ дохода въ пользу лазарета явился однодневный кружечный сборъ 10-го марта. Иниціаторами этого сбора были студенческія организаціи, участвующія въ дѣлѣ лазарета. Кромѣ нихъ, впрочемъ, выразили готовность участвовать въ сборѣ также и стоящія внѣ организаціи лазарета студенческія коллегіи. Такимъ образомъ, сборъ состоялся при участіи профессоровъ, преподавателей и служащихъ: Высшаго Художественнаго Училища; Высшихъ Женскихъ Естественно-Научныхъ Курсовъ М. А. Лохвицкой-Скалонъ; Высшихъ Женскихъ Историко-Литературныхъ и Юридическихъ Курсовъ; Высшихъ Женскихъ Курсовъ при лабораторіи П. Ф. Лесгафта; Высшихъ Коммерческихъ Курсовъ М. В. Побѣдинскаго; Горнаго Института ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II; Женскихъ Курсовъ Высшихъ Архитектурныхъ Знаній Е. Ф. Багаевой; ИМПЕРАТОРСКОЙ Римско-Католической Духовной Академіи; ИМПЕРАТОРСКАГО Училища Правовѣдѣнія; ИМПЕРАТОРСКАГО Археологическаго Института; ИМПЕРАТОРСКАГО Женскаго Педагогическаго Института; ИМПЕРАТОРСКАГО Лѣсного Института; ИМПЕРАТОРСКАГО Петроградскаго Историко-Филологическаго Института; ИМПЕРАТОРСКАГО Петроградскаго Университета; Института Гражданскихъ Инженеровъ ИМПЕРАТОРА НИ-

КОЛАЯ I; Института Инженеровъ Путей Сообщенія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I; Отдѣла Восточныхъ Языковъ; Педагогическихъ Курсовъ при Фребелевскомъ Обществѣ; Первыхъ Петроградскихъ Политехническихъ Курсовъ М. А. Шуммера; Петроградскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ; Петроградскихъ Высшихъ Женскихъ Политехническихъ Курсовъ; Петроградскихъ Политехническихъ Курсовъ Товарищества Профессоровъ и Преподавателей; Петроградскихъ Сельско-Хозяйственныхъ Курсовъ; Петроградскаго Женскаго Медицинскаго Института; Петроградскаго Института Высшихъ Коммерческихъ Знаній; Политехническаго Института ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО; Психо-Неврологическаго Института; Стебутовскихъ Высшихъ Женскихъ Сельско-Хозяйственныхъ Курсовъ; Технологическаго Института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I; Электротехническаго Института ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, и студентовъ и слушательницъ: Высшаго Художественнаго Училища; Высшихъ Женскихъ Естественно-Научныхъ Курсовъ М. А. Лохвицкой-Скалонъ; Горнаго Института ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II; Женскихъ Курсовъ Высшихъ Архитектурныхъ Знаній Е. Ф. Багаевой; ИМПЕРАТОРСКОЙ Петроградской Духовной Академіи; ИМПЕРАТОРСКАГО Женскаго Педагогическаго Института; Института Гражданскихъ Инженеровъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I; Института Инженеровъ Путей Сообщенія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I; Педагогическихъ Курсовъ при Фребелевскомъ Обществѣ; Первыхъ Петроградскихъ Политехническихъ Курсовъ М. А. Шуммера; Петроградской Консерваторіи; Петроградскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ; Петроградскихъ Политехническихъ Курсовъ Товарищества Профессоровъ и Преподавателей; Петроградскихъ Сельско-Хозяйственныхъ Курсовъ; Петроградскаго Женскаго Медицинскаго Института; Политехническаго Института ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО; Психо-Неврологическаго Института; Стебутовскихъ Высшихъ Женскихъ Сельско-Хозяйственныхъ Курсовъ; Технологическаго Института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I; Электротехническаго Института ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Руководство ревизіей по сбору приняла на себя ревизіонная комиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора С. В. Иванова, при товарищахъ предсѣдателя: проф. В. Д. Кузьминѣ-Караваевѣ и членѣ Государственной Думы А. И. Шингаревѣ, и членахъ комиссіи—извѣстныхъ общественныхъ дѣятеляхъ, а также представителяхъ учащихся высшихъ учебныхъ заведеній.

Особенностью настоящаго сбора была продажа, наравнѣ со значками, сборника, содержащаго слѣдующія произведенія: Валерикъ—М. Ю. Лермонтова, Набѣгъ—Л. Н. Толстого и Четыре дня—В. М. Гаршина. Мысль объ изданіи сборника принадлежитъ студенту В. Г. Разепину. Главныя-же заботы по наблюденію за исполненіемъ изданія принялъ на себя проф. Н. А. Бородинъ.

Чистый доходъ отъ сбора 10-го марта предназначается въ размѣрѣ $^1/_3$ собственно на лазаретъ и въ размѣрѣ $^2/_3$ на питательные пункты, главнымъ образомъ, для пострадавшаго отъ военныхъ бѣдствій населенія [1]).

Для полученія средствъ на ту же цѣль, наканунѣ дня сбора, состоялся въ Александровскомъ залѣ Городской Думы симфоническій концертъ, устройство артистической части котораго любезно взяли на себя: А. К. Коутсъ, А. К. Глазуновъ и Н. Н. Черепнинъ. Въ концертѣ приняли участіе артисты ИМПЕРАТОРСКОЙ оперы: Е. И. Збруева, Е. И. Попова, А. М. Матвѣевъ и артисты, оркестръ и хоръ консерваторіи подъ управленіемъ А. К. Глазунова и Н. Н. Черепнина. Затѣмъ, въ день сбора, въ залѣ Калашниковской Биржи были прочитаны, подъ предсѣдательствомъ проф. М. М. Ковалевскаго, доклады проф. В. Э. Дена и проф. М. В. Бернацкаго „О продовольственномъ вопросѣ въ Германіи".

На увеличеніе средствъ лазарета предназначенъ и чистый доходъ отъ настоящаго сборника. Предложеніе объ этомъ изданіи было сдѣлано проф. Е. Ф. Лискуномъ и горячо поддержано всѣми членами общаго собранія участниковъ организаціи этапнаго лазарета. Предварительная программа была выработана комиссіей въ составѣ профессоровъ: Е. Ф. Лискуна, Н. Д. Паракова, Л. Н. Бенуа и студента Н. И. Фокина. На общемъ же собраніи было постановлено просить проф. М. И. Туганъ-Барановскаго взять на себя трудъ редактированія сборника, съ предложеніемъ какъ выработать окончательную программу изданія, такъ и привлечь сотрудниковъ и образовать редакціонную комиссію, на что проф. М. И. Туганъ-Барановскій изъявилъ свое согласіе.

Успѣшность дѣятельности комитета и исполнительной комиссіи, проявленная до сихъ поръ на пользу этапнаго лазарета, даетъ

---

[1]) Общій валовой доходъ отъ сбора, включая суммы, полученныя отъ продажи билетовъ на концертъ и доклады, превысилъ 25.000 руб.

право надѣяться, что дѣятельность эта не ослабѣетъ и въ дальнѣйшемъ, что лазаретъ будетъ возстановленъ, будутъ вскорѣ организованы и питательные пункты, въ которыхъ такъ нуждается пострадавшее отъ войны населеніе и, такимъ образомъ, получитъ дальнѣйшее развитіе дѣло этапнаго лазарета имени Петроградскихъ Высшихъ Учебныхъ Заведеній,—дѣло, на пользу котораго такъ дружно соединились усилія профессуры и студенчества Петрограда.

А. Лихачевъ.

ВОПРОСЫ МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

Борьба народовъ.

Э. Д. Гриммъ.

Въ одной изъ нашихъ газетъ, искавшей названія для нынѣшней войны, нѣсколько времени тому назадъ было предложено назвать ее войной народовъ. Не знаю, отдавалъ-ли себѣ авторъ этого предложенія ясный отчетъ въ томъ, что содержится въ этомъ терминѣ, но я думаю, что такое названіе дѣйствительно должно быть признано очень подходящимъ именно потому, что въ немъ содержится указаніе на основной трагизмъ совершающихся событій, на исключительную ихъ важность и на огромное ихъ значеніе для внѣшней и внутренней жизни Европы.

Правительства давно чуяли неизбѣжность войны, дипломатія вела свою шахматную игру, генеральные штабы составляли планы мобилизаціи и кампаніи, и вся эта работа была совершенно необходима и наложила свою печать на ходъ событій. Но то, что придаетъ этой войнѣ ея истинный, грозный характеръ, то, что должно быть прежде всего учтено, если кто-либо желаетъ понять значеніе совершающагося, это именно то, что сражающіеся народы сдѣлали эту войну своей, признали ее „настоящей“ и вносятъ въ нее всю доступную каждому изъ нихъ сумму напряженія духовной и матеріальной энергіи. Когда она началась, одни отнеслись къ ней какъ къ празднику своей силы, другіе какъ къ неустранимому испытанію, но всѣ сразу поняли, что рѣшаться тутъ будетъ не вопросъ самолюбія и не вопросъ о пріобрѣтеніи или утратѣ столькихъ-то квадратныхъ миль территоріи, а вопросъ національно-государственнаго существованія, вопросъ о всемъ будущемъ данной національной жизни и всей европейской культуры.

Это сознаніе присуще всѣмъ участникамъ войны. Безъ него не могло бы быть и рѣчи о томъ чудовищномъ напряженіи силъ, свидѣтелями котораго мы являемся. И уже теперь можно смѣло сказать, что побѣдитъ въ этой борьбѣ та группа народовъ, которая окажется способной на наиболѣе высокое и наиболѣе длительное напряженіе своей духовной энергіи.

Было-бы нелѣпо, если-бы кто-нибудь не пожелалъ считаться съ огромнымъ значеніемъ военно-технической стороны дѣла. Никакая духовная энергія сама по себѣ не замѣнитъ ни тактической подготовки войскъ, ни техническаго совершенства мобилизаціонныхъ пріемовъ или стратегическаго развертыванія мобилизированныхъ массъ. Никакая духовная энергія не устранитъ необходимости располагать возможно лучшей и возможно болѣе многочисленной артиллеріей, не упразднитъ важности современнаго подвоза снарядовъ и иныхъ боевыхъ припасовъ, не позволитъ нападать на врага съ пустыми руками или защищаться дубиной противъ пулемета. Все это настолько ясно, что объ этомъ и говорить не приходится. Но въ то же время уже событія первыхъ полутора-двухъ мѣсяцевъ войны показали, какую огромную роль играетъ нравственное состояніе армій и стоящихъ за ними народовъ. Сопротивленіе Бельгіи, настойчивое наступленіе французовъ послѣ того, какъ врагъ побѣдоносно дошелъ до стѣнъ Парижа, изумительная энергія въ движеніяхъ нашей галиційской арміи, не позволившей противнику придти въ себя и усѣсться прочно на новыхъ позиціяхъ, все это достаточно ясно свидѣтельствуетъ объ огромномъ значеніи моральнаго фактора въ военныхъ событіяхъ.

А однимъ изъ основныхъ условій высоты моральнаго состоянія арміи является моральное состояніе ея тыла, т. е. всей націи въ цѣломъ и каждаго ея члена въ частности. Никакая армія не можетъ сохранить высокаго уровня духовной энергіи, если стоящая за нею народная масса не оказываетъ ей постоянной поддержки. Примѣръ этого тоже налицо— это австрійская армія. Несмотря на проявленную ею храбрость, несмотря на искусство ея вождей, она страдаетъ, повидимому, однимъ огромнымъ недостаткомъ: отсутствіемъ того чрезвычайнаго упорства, котораго требуетъ современная война, въ особенности тогда, когда военныя событія принимаютъ

неблагопріятный для данной арміи оборотъ. Только армія, сохраняющая упорство и въ моментъ несчастья, способна заставить счастье повернуться къ ней лицомъ. Но такое упорство дается лишь глубокимъ убѣжденіемъ въ неустранимой неизбѣжности, въ роковой важности войны для родного государства и своего народа. Племенная разноголосица монархіи Габсбурговъ, разнородность и противоположность ея національныхъ интересовъ и задачъ подрываетъ созданіе этого настроенія въ австро-венгерской арміи и представляетъ едва-ли не важнѣйшую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва-ли устранимую причину внутренней ея слабости. Настроенія и чувства, переживаемыя въ тылу этой арміи,—т. е. во всей странѣ,—налагаютъ роковую печать на самую армію.

Отсюда ясно огромное значеніе настроенія и жизненнаго тонуса не-военныхъ элементовъ каждой изъ участвующихъ въ войнѣ странъ для исхода войны. Побѣда или пораженіе будутъ продуктомъ всей народной жизни данной страны, и пусть тотъ, кто дастъ себя побѣдить, знаетъ, что ему нельзя будетъ сваливать отвѣтственность за пораженіе на другихъ, на войско, на командный составъ или на правительство. Отвѣтственность падетъ на всѣхъ, быть можетъ, не въ равныхъ доляхъ, но на всѣхъ, на военныхъ и не-военныхъ, на мужчинъ и на женщинъ, на все общество, на весь народъ.

Исключительная серьезность настоящей войны заключается въ томъ, что она создана не легкомысліемъ или коварствомъ кабинетовъ, а всѣмъ ходомъ европейскаго развитія послѣднихъ десятилѣтій, всѣмъ складомъ экономической жизни Европы и характеромъ международной политики всѣхъ европейскихъ государствъ.

Въ первый моментъ, когда Германія объявила намъ войну, и въ особенности, когда окончательно выяснилось, что она и Австрія будутъ имѣть противъ себя не только Россію и Францію, но и Англію, а вскорѣ и Японію, и что Италія останется, до поры до времени, безучастной, въ тотъ моментъ могло казаться, что Вильгельмъ II бросился въ безумную авантюру, и что онъ скоро будетъ вынужденъ признать себя разбитымъ какъ въ дипломатической игрѣ, такъ и на полѣ битвы. Тогда можно было удивляться легкомыслію его совершенно безумнаго, казалось, рѣшенія и забыть, что

какъ ни какъ онъ объявилъ войну лишь на 27-омъ году своего царствованія, т. е., во всякомъ случаѣ, не проявилъ готовности воевать, во что бы то ни стало. Теперь пора оставить подобныя сужденія до окончанія войны, не баюкать себя надеждами на „неизбѣжный“ разгромъ Германіи и отдать себѣ отчетъ въ ея могуществѣ и въ той страшной опасности, которой грозитъ всей Европѣ нѣмецкій бронированный кулакъ, напрягшій всѣ силы націи въ одномъ направленіи и готовый ради достиженія побѣды пренебречь рѣшительно всѣмъ, вплоть до уваженія къ основнымъ завѣтамъ культуры и основнымъ требованіямъ человѣчности. Да, разгромъ Германіи неизбѣженъ, но только въ томъ случаѣ, если ея враги не отнесутся легкомысленно къ военной мощи Германіи и сами напрягутъ всѣ свои силы до послѣдней степени, до готовности принести какія угодно жертвы, лишь-бы сломить угрозу нѣмецкаго ига. Никакія неудачи, какъ-бы онѣ ни были серьезны и длительны, какъ-бы болѣзненно онѣ ни отражались на народной жизни, не должны заставить забыть объ этой основной и роковой задачѣ нашего времени.

И у насъ, и на западѣ многіе полагаютъ, что мы ведемъ войну не съ нѣмецкимъ народомъ, а съ нѣмецкимъ правительствомъ и съ нѣмецкими командующими классами. Это большая ошибка. Германское общественное развитіе послѣднихъ десятилѣтій, приведшее во внутренней жизни Германіи къ глубокому расколу, создало, наоборотъ, въ области внѣшней политики необыкновенно однородное настроеніе какъ среди власть имущихъ, такъ и среди очень широкихъ массъ нѣмецкаго народа. Само собою разумѣется, что не каждый Михель и не каждый Карлъ сумѣлъ-бы его формулировать. Мало того, формулировка этого настроенія была-бы, безспорно, весьма разнообразна, смотря по тому, кто-бы ее далъ, соціалъ-демократъ или министръ, филистеръ или шовинистъ-профессоръ. И тѣмъ не менѣе, Вильгельмъ II въ свое время высказалъ лишь общую всѣмъ имъ мысль, когда онъ заявилъ, что Германія должна себѣ обезпечить „мѣсто подъ солнцемъ“: въ этихъ словахъ нашло себѣ выраженіе общее всѣмъ слоямъ нѣмецкаго народа убѣжденіе, что для Германіи расширеніе политико-экономической базы нѣмецкой жизни является вопросомъ жизни или смерти. И тотъ-же Вильгельмъ II опять-

таки высказывалъ лишь общую всѣмъ имъ мысль, когда неоднократно восхвалялъ исключительныя духовныя свойства нѣмецкаго народа и вытекающее изъ нихъ провиденціальное право его на міровое первенство. Не всѣ нѣмцы сознавали, что такія притязанія осуществимы лишь „кровью и желѣзомъ"; многіе, надо полагать, разсчитывали на то, что и „мѣсто подъ солнцемъ", и признаніе культурно-политическаго первенства нѣмцевъ удастся достигнуть какимъ-то инымъ путемъ (постепенной ликвидаціей національной энергіи французовъ, побѣдоносной конкурренціей съ экономическимъ господствомъ Англіи, внутреннимъ разложеніемъ спаиваемой и подтачиваемой всѣмъ своимъ неустройствомъ Россіи); многіе нѣмцы, надо полагать, были очень далеки отъ мысли о необходимости вести борьбу одновременно на три фронта и т. д. Но сущность дѣла отъ этихъ и многихъ другихъ разногласій не мѣняется. Съ того момента, какъ обозначился гигантскій ростъ нѣмецкой торгово-промышленной жизни, всѣ нѣмцы, отъ мала до велика, отъ крестьянина и рабочаго до литератора, сочли себя въ правѣ предложить сосѣдямъ посторониться, чтобы дать нѣмецкому народу возможность существовать и развиваться такъ, какъ онъ это считалъ нужнымъ; возмущались, когда этого ихъ права не признавали, обвиняли несогласныхъ въ коварствѣ, нелѣпомъ упрямствѣ и даже въ измѣнѣ цивилизаціи, и не сомнѣвались въ томъ, что будущее принадлежитъ никому иному, какъ именно имъ. Въ единодушности этого настроенія и заключалась, кстати сказать, одна изъ главныхъ причинъ гигантскаго роста нѣмецкаго вліянія внѣ предѣловъ Германіи: только опираясь въ данномъ вопросѣ всецѣло на нѣмецкое общество, нѣмецкая власть могла занять то исключительно вліятельное положеніе, которымъ она пользовалась до войны, и которое помогали ей пріобрѣсти и укрѣпить каждый нѣмецкій комми-вояжеръ, каждый инженеръ, каждый журналистъ, усматривавшіе во всемъ мірѣ лишь экономическій и культурный Hinterland для Германіи.

Въ національномъ характерѣ нѣмецкаго движенія къ захвату міра (Weltmachtpolitik) заключается трудность даннаго вопроса не только для нѣмцевъ, но и для враждебныхъ имъ націй. Если бы вопросъ заключался въ пангерманистскомъ

движенiи, его разрѣшенiе было бы куда проще. Пангерманизмъ, разумѣется, также имѣетъ своихъ адептовъ и внутри, и внѣ Германiи, но число ихъ значительно меньше и основы ихъ влiянiя значительно болѣе хрупки, чѣмъ число тѣхъ, кто, прямо или косвенно, захваченъ идеей экономическаго и культурнаго господства нѣмцевъ на земномъ шарѣ, и чѣмъ влiянiе этихъ послѣднихъ. Пангерманизмъ представляетъ такой же идеологическiй наростъ на фонѣ нѣмецкой жизни, какъ панславизмъ—на фонѣ русской жизни. Истинную силу имѣетъ и тамъ, и тутъ лишь то, что непосредственно проистекаетъ изъ основныхъ потребностей государственной жизни и чувства экономическаго, культурнаго и политическаго самосохраненiя державной нацiональности и совпадающихъ съ этимъ послѣднимъ интересовъ прочихъ народностей, не только включенныхъ въ данное государственное тѣло, но и ощущающихъ свою неразрывную бытовую или культурную связь съ нимъ.

Нѣмецкая политика захвата „мѣста подъ солнцемъ" или что то же, *нѣмецкая мiровая политика есть нѣмецкая нацiональная политика*, а не политика нѣмецкихъ командующихъ слоевъ или, какъ теперь принято́ пренебрежительно выражаться, нѣмецкаго „кайзера". Вотъ почему наша борьба съ нѣмцами есть борьба съ нѣмецкимъ народомъ, а не съ нѣмецкимъ правительствомъ;—вотъ почему борьба имѣетъ такой исключительно серьезный и отвѣтственный характеръ, и вотъ почему нечего утѣшать себя надеждой на то, что нѣмецкiй народъ въ одинъ прекрасный моментъ выдастъ своего „кайзера", и „разсчитавши" его, обрадуется возможности заключить миръ. Не слѣдуетъ также забывать и того, что Наполеонъ III, политика котораго пользовалась куда меньшимъ успѣхомъ въ нацiи, сдался 2 сентября, и былъ низложенъ 4 сентября, а прелиминарый миръ былъ заключенъ лишь 2 марта, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ седанскаго разгрома.

Но если нынѣшняя война не есть продуктъ безумiя или злой воли нѣмецкаго правительства, а проистекаетъ изъ всего хода нѣмецкой народной жизни, съ одной стороны, изъ естественнаго сопротивленiя, оказываемаго всѣми конкуррентами Германiи нѣмецкому стремленiю къ „мѣсту подъ солнцемъ", съ другой стороны, то мы стоимъ, очевидно, передъ

трагическимъ конфликтомъ европейской жизни, въ которомъ всѣ участники борьбы одинаково добросовѣстны.

Характерная черта современнаго международнаго положенія заключается въ томъ, что законное стремленіе каждой націи къ обезпеченію экономической базы ея существованія находитъ себѣ выраженіе не только въ заботѣ о подъемѣ экономическаго и культурнаго строя данной народной жизни, не только въ мирной конкурренціи на открытомъ для всѣхъ міровомъ рынкѣ, но и въ стремленіи каждой націи создать себѣ путемъ *политическаго* господства и давленія привилегированное *экономическое* положеніе, обезпечить себѣ силой своего *политическаго* могущества возможно болѣе благопріятныя условія *экономической* конкурренціи съ остальными націями и лишить послѣднія, по возможности, равнаго положенія съ державной въ данной территоріи націей. Именно отсюда и возникли, въ этомъ и сказались имперіалистическія тенденціи въ международной политикѣ *всѣхъ* великихъ державъ. Было бы странно не признавать этого факта и не признавать въ частности того, что *нѣмецкая* міровая политика является лишь неизбѣжнымъ отраженіемъ *общеевропейской* экономической политики. Положеніе Германіи еще осложнялось при этомъ тѣмъ, что остальныя европейскія націи своевременно обзавелись прочными колоніями или пока не испытываютъ въ нихъ острой потребности, а нѣмцы опоздали явиться къ моменту дѣлежа міра и заинтересовались имъ лишь тогда, когда имъ для того, чтобы принять участіе въ этомъ дѣлежѣ, приходилось выбивать остальныя націи изъ занятыхъ ими позицій или подчинять ихъ себѣ.

Заниматься сейчасъ соображеніями абстрактной справедливости не время. Но это отнюдь не значитъ, чтобы можно было воздержаться отъ стремленія понять врага и оцѣнить степень серьезности и жизненности руководящихъ имъ соображеній. Чтобы понять опасность, грозящую намъ отъ нѣмцевъ, надо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что они борются не за „кайзера“, а за себя и за свое будущее въ томъ видѣ, какъ они его понимаютъ, и какъ понимаютъ его въ данный моментъ, каждый для себя, всѣ европейскіе народы.

Особенность германской политики заключается не въ принципіальномъ отличіи ея отъ политики другихъ вели-

кихъ державъ, а въ исключительной напряженности нѣмецкихъ аппетитовъ, обусловленной по истинѣ чудовищнымъ ростомъ нѣмецкой экономической жизни и возраставшимъ несоотвѣтствіемъ между экономической энергіей нѣмцевъ, съ одной стороны, и территоріальными размѣрами и внутреннимъ строеніемъ ихъ рынковъ, съ другой стороны. Всѣ европейскіе народы оберегаютъ свою собственную экономическую жизнь, свои колоніи и прочіе свои рынки отъ сосѣдей, оберегаютъ ихъ и экономическими мѣропріятіями и своей политической мощью. Но только одинъ нѣмецкій народъ развилъ свои силы за послѣднія десятилѣтія настолько быстро, что ему стало положительно тѣсно и что онъ сталъ съ каждымъ годомъ все безпокойнѣе и непринужденнѣе искать пресловутаго „мѣста подъ солнцемъ". Комбинація экономическихъ интересовъ нѣмецкаго народа съ политическимъ могуществомъ германскаго государства, способнаго и готоваго охранить ввѣренные ему экономическіе интересы, окружила нѣмцевъ повсемѣстно кольцомъ подозрѣнія и ненависти. Дѣло приняло постепенно такой оборотъ, что или нѣмцамъ удастся сломить сопротивленіе другихъ державъ и обезпечить себѣ путемъ политическаго разгрома и экономическаго порабощенія сосѣдей нужные имъ широчайшіе рынки, или остальныя державы, соединившись, нанесутъ политическому могуществу нѣмцевъ непоправимый ударъ и заставятъ ихъ отказаться отъ идеи насильственнаго расширенія экономической базы нѣмецкой жизни.

Чѣмъ однороднѣе по самому своему существу пріемы государственной политики всѣхъ великихъ державъ, чѣмъ однообразнѣе во всѣхъ нихъ господствуютъ лозунги націоналистическаго имперіализма, тѣмъ болѣе ясно, что конфликтъ между Германіей и ея сосѣдями не можетъ быть разрѣшенъ иначе, какъ полной побѣдой той или другой стороны въ настоящемъ и пересмотромъ принциповъ современной экономической политики въ будущемъ. Сейчасъ о такомъ пересмотрѣ рано говорить, да и не для всѣхъ великихъ державъ онъ былъ бы одинаково возможенъ. Сейчасъ вопросъ сводится къ одному, къ полной побѣдѣ или полному пораженію со всѣми тѣми послѣдствіями побѣды или пораженія, которыя неизбѣжно вытекаютъ въ данное время изъ

господствующей нынѣ системы политическихъ и экономическихъ взглядовъ.

Нельзя, разумѣется, утверждать заранѣе съ полной увѣренностью, что война ни въ коемъ случаѣ не окончится какимъ-нибудь компромиссомъ. Стоитъ только вспомнить, что цифра выбывшихъ изъ строя во всѣхъ арміяхъ вмѣстѣ уже теперь, повидимому, превышаетъ пять милліоновъ человѣкъ, чтобы признать возможнымъ, что борющіеся народы истекутъ кровью и дойдутъ до полнаго истощенія раньше, чѣмъ побѣда явно и окончательно склонится на чью-либо сторону. Въ такомъ случаѣ можетъ случиться, что даже послѣ этой войны возстановится status quo ante, быть можетъ, съ какими нибудь относительно незначительными территоріальными приращеніями или потерями въ Европѣ и въ колоніяхъ. Но это означало бы, что основной вопросъ не разрѣшенъ, что разрѣшеніе его лишь отсрочено, и что Европа даромъ пролила рѣки крови и принесла неслыханныя матеріальныя жертвы, чтобы опять годами готовиться къ войнѣ и жить въ атмосферѣ хронической неувѣренности, когда Германіи будетъ снова угодно бросить перчатку всему міру.

Повторяю, отрицать возможность такого ужаснаго исхода войны нельзя. Но если только не считать именно такое полное и преждевременное истощеніе всѣхъ противниковъ, истощеніе, которое принудитъ ихъ всѣхъ къ заключенію мира-перемирія, абсолютно неизбѣжнымъ, то трудно себѣ представить, какъ миръ могъ бы быть заключенъ безъ полной побѣды той или иной стороны. Слишкомъ огромны тѣ жертвы, которыя приносятъ всѣ участники войны, жертвы и людьми, и капиталомъ, и трудомъ, слишкомъ тягостны послѣдствія этой войны уже сейчасъ для любого изъ воюющихъ народовъ, чтобы народы могли помириться на половинчатомъ рѣшеніи, и чтобы европейскія правительства рѣшились передъ лицомъ своихъ народовъ согласиться на такой миръ, не сдѣлавъ предварительно всѣхъ возможныхъ усилій, чтобы добиться путемъ этой войны не какихъ нибудь частныхъ результатовъ, а длительнаго успокоенія европейской жизни.

Только спеціалистъ-экономистъ могъ бы съ должной полнотой выяснить, что поставлено на карту каждымъ изъ вою-

ющихъ народовъ. Только онъ могъ бы показать, чѣмъ грозила бы побѣда Германіи,—Франціи и Англіи, какой торговый договоръ и какія невыносимыя условія экономическаго вассалитета выпали бы на нашу долю. Но и не-экономисту ясно, что побѣдоносная Германія не постѣснилась бы рѣшительно ничѣмъ, чтобы подвергнуть своихъ конкуррентовъ такому кровопусканію, которое подорвало бы ихъ силы на многія десятилѣтія, а силы нѣкоторыхъ изъ нихъ и навсегда.

Для того, чтобы повѣрить этому, достаточно вспомнить до какой степени Германія считаетъ ненужнымъ стѣсняться какими бы то ни было культурными традиціями уже теперь, когда война только началась: хозяйниченіе нѣмцевъ въ Бельгіи ясно показало, можно-ли сомнѣваться въ томъ, что нѣмцы использовали бы свою побѣду съ планомѣрно-безпощадной, отвратительно-систематической жестокостью. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что только эта война показала народамъ Европы воочію, чѣмъ грозила бы имъ германская побѣда, до какого неслыханно-циничнаго и холоднаго издѣвательства надъ всѣмъ, что свято другимъ народамъ, способенъ дойти тотъ furor teutonicus, которымъ хвалятся нѣмцы.

Уже одного этого факта было бы достаточно, чтобы придать нынѣшней войнѣ характеръ борьбы не на животъ, а на смерть. Уже онъ заставитъ всѣ народы стремиться къ полной ликвидаціи нѣмецкаго военнаго могущества. Но стоитъ только представить себѣ реально, что означаетъ такая ликвидація, чтобы понять, что, въ случаѣ побѣды союзниковъ, передъ лицомъ самихъ нѣмцевъ встанетъ уже не только вопросъ объ обезпеченіи себѣ „мѣста подъ солнцемъ“, но гораздо болѣе грозный вопросъ о сохраненіи, если не всего, то значительной доли того, что ими пріобрѣтено со времени франко-прусской войны, а, быть можетъ, и раньше—со времени нѣмецко-датской войны 1864 г., и съ чѣмъ не только всѣ они свыклись, какъ съ непремѣннымъ условіемъ нормальной національной жизни, но съ чѣмъ связаны весьма реальные интересы ихъ повседневнаго существованія.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что для не разгромленной въ конецъ Франціи никакой миръ не будетъ пріемлемъ, который не вернетъ ей Эльзаса и Лотарингіи. Едва-ли побѣдоносная Англія согласится допустить дальнѣйшее суще-

ствованіе нѣмецкаго военнаго флота и нѣмецкихъ морскихъ крѣпостей, вродѣ Гельголанда, Киля и Вильгельмсгафена. Едва-ли она удовольствуется на будущее время бумажными гарантіями бельгійскаго нейтралитета. Едва-ли Россія согласится терпѣть, чтобы вся Пруссія до Вислы представляла одну сплошную, выдвинутую въ предѣлы русской территоріи, крѣпость. Едва-ли всѣ три державы-союзницы не пожелаютъ ликвидировать германскую имперію Гогенцоллерновъ въ томъ видѣ, какъ она создалась въ 1871 г.

Каждая изъ державъ-союзницъ будетъ по своему права. Но не правы ли будутъ и нѣмцы, если они предпочтутъ напречь свои силы раньше, чѣмъ согласиться на такія условія? И удивительно ли, что они уже теперь вносятъ въ войну всю безудержную дикость настоящей борьбы за существованіе?

Надо ли доказывать, что для Австро-Венгріи, какъ двуединаго государства, война имѣетъ не менѣе роковое значеніе? Сложившись въ свое время не столько вслѣдствіе пресловутыхъ счастливыхъ браковъ габсбургской династіи, сколько въ качествѣ европейскаго заслона противъ грозной турецкой опасности, Австро-Венгрія, по мѣрѣ исчезновенія этой опасности, все болѣе превращалась въ нѣмецкій форпостъ противъ славянства, въ опору грядущаго нѣмецкаго владычества надъ балканскимъ полуостровомъ и въ хроническую угрозу не только общеславянскимъ тенденціямъ Россіи, но и въ угрозу ея цѣлости. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ лицѣ Галиціи Вѣна старалась создать, если не польско-русинскій Пьемонтъ— это едва-ли соотвѣтствовало видамъ собственно нѣмецкихъ элементовъ самой Австріи, не говоря уже о Германіи,—то тотъ клинъ, который она разсчитывала вбить въ тѣло „сѣвернаго колосса". Удивляться этому нечего: въ этомъ просто сказывался инстинктъ самосохраненія. Трагизмъ австро-венгерской государственной жизни заключался, съ этой точки зрѣнія, въ томъ, что для успѣха такой политики Вѣна должна была все больше считаться со славянскимъ элементомъ разныхъ областей государства, а въ то же время этому препятствовали традиціи и интересы ея нѣмецкихъ элементовъ, подозрительность и великодержавная манія венгровъ и рѣзко отрицательное отношеніе неизбѣжной союзницы, Германіи, ко-

всякимъ серьезнымъ уступкамъ славянству, вообще, и полякамъ, въ частности. Безъ помощи Германіи Габсбурги не могли вступить въ борьбу съ Россіей, а союзъ съ Германіей подрывалъ значеніе самой сильной ставки Габсбурговъ противъ Россіи —ставки на Польшу и на украинское движеніе. Проваломъ своихъ надеждъ на поляковъ Австрія обязана, прежде всего, Германіи. Съ этой точки зрѣнія боевой германизмъ пожинаетъ плоды собственной политики: не согласившись дать просторъ болѣе слабымъ славянскимъ племенамъ, онъ тѣмъ самымъ содѣйствовалъ исключительно благопріятному положенію единственно сильной и единственно грозной для нѣмцевъ русской державы, и въ то же время содѣйствовалъ всемѣрному ослабленію позицій своей единственной союзницы. Если Австро-Венгрія исчезнетъ съ карты Европы, то можно будетъ смѣло сказать, что ее взорвали соединенными усиліями тѣ самые элементы, которые, казалось, больше всего заинтересованы въ ея существованіи—нѣмцы и мадьяры.

Но сколько бы нѣмцы и мадьяры не сдѣлали для того, чтобы подорвать жизнеспособность Австро-Венгріи, все это дѣлалось, разумѣется, безсознательно, и въ данный моментъ единственные элементы монархіи Габсбурговъ, участвующіе не только за страхъ, но за совѣсть въ войнѣ, это, именно, нѣмцы и мадьяры. По существу дѣла имъ отступленіе такъ же отрѣзано, какъ и самой Германіи. Разгромъ Австріи грозитъ кореннымъ интересамъ и традиціямъ и тѣхъ, и другихъ: и тѣ, и другіе неизбѣжно утратятъ съ державнымъ положеніемъ и всѣ вытекающія изъ него разнообразныя экономическія преимущества.

Проявятъ ли нѣмецко-мадьярскіе элементы Австро-Венгріи въ тотъ моментъ, когда война коснется непосредственно ихъ территоріи, а не галиційской периферіи монархіи, такое же упорство, какое можно ожидать отъ нѣмцевъ, сказать трудно. Но даже если и предположить, что это будетъ именно такъ, и въ такомъ случаѣ ихъ сопротивленіе уже въ силу географическихъ и этнографическихъ условій по всему вѣроятію не можетъ оказаться столь же серьезнымъ, какъ сопротивленіе нѣмцевъ. Сила германско-австрійскаго натиска на Европу покоится на Германіи. Побѣда Германіи была бы побѣдой нѣмецкаго элемента, прежде всего, въ самой Австріи;

если, по всему вѣроятію, даже мадьяры вскорѣ почувствовали бы послѣдствія этой побѣды на себѣ, то что же говорить о славянахъ не только австрійскихъ, но и балканскихъ, а далѣе, и о полякахъ и русскихъ?

Ходъ европейскаго развитія привелъ къ тому, что вооруженная борьба германскаго и славянскаго міра стала стихійно-неизбѣжной. Сталкиваясь повсемѣстно съ возрастающимъ нѣмецкимъ или, союзнымъ съ нимъ, мадьярскимъ засиліемъ, славяне поневолѣ въ процессѣ своего культурнаго развитія были вынуждены ради сохраненія своего національнаго лица, своей экономической и культурной будущности, вступить въ борьбу съ нѣмцами. Какъ бы традиціи и интересы разныхъ группъ славянства ни были разнородны и, подчасъ, казалось бы, даже противоположны, неотвратимая необходимость борьбы съ нѣмцами все снова и снова побуждала и даже принуждала славянъ вспоминать о своемъ родствѣ и обращать свои взоры на Россію. Послѣднимъ и самымъ разительнымъ доказательствомъ этого факта является успѣхъ воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ.

Въ то же время культурный подъемъ славянства выбивалъ нѣмцевъ постепенно изъ цѣлаго ряда насиженныхъ мѣстъ. Старое пренебреженіе къ славянамъ, какъ къ некультурной и реакціонной массѣ, соединилось съ возрастающей тревогой по поводу ихъ упорнаго натиска на нѣмецкія позиціи и постепенно создало ту нечеловѣческую ненависть, которую, въ первую голову, пришлось испытать сербамъ. Ростъ пангерманистскихъ тенденцій въ Австріи совершался по мѣрѣ возрастанія „славянской опасности“ и, въ свою очередь, сообщалъ болѣе далекому отъ постояннаго соприкосновенія съ славянствомъ, собственно нѣмецкому пангерманизму все болѣе боевой антиславянскій характеръ.

Оба племенныя теченія, и славянское, и германское, такимъ образомъ взаимно питали и укрѣпляли другъ друга, и такимъ образомъ создавалось то положеніе, которымъ характеризуется настоящій моментъ. Все равно, пожелала ли бы Россія ограничиться въ этой войнѣ только одними интересами русской государственности или нѣтъ, пораженіе Рос-

сіи было бы пораженіемъ всего славянства. Быть можетъ, это звучитъ парадоксально, но можно сказать, что многіе важнѣйшіе факты славянской исторіи послѣднихъ дней объясняются не столько желаніемъ побѣды Россіи, сколько страхомъ передъ послѣдствіями ея пораженія.

Но если славяне отстаиваютъ въ борьбѣ съ нѣмцами свое „мѣсто подъ солнцемъ“, то нѣмцы, съ своей стороны, не могутъ имъ уступить этого мѣста безъ отчаяннаго боя. Потеря или сокращеніе австро-венгерскаго, балканскаго и русскаго рынковъ имѣетъ для нѣмцевъ при данныхъ условіяхъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ всякій иной ударъ, который могъ бы быть нанесенъ ихъ торгово-промышленной жизни. А утрата господствующаго положенія въ Австріи и на Балканахъ и невозможность принудить Россію къ заключенію угоднаго нѣмцамъ торговаго договора неизбѣжно приведетъ, если не къ потерѣ, то къ значительному сокращенію этихъ рынковъ. Эти экономическія соображенія имѣютъ несомнѣнно сами по себѣ огромное значеніе, но ими дѣло все же не исчерпывается. При данныхъ исторически сложившихся и неустранимыхъ условіяхъ ростъ славянства равносиленъ подрыву не только экономическаго, но и политическаго могущества Германіи, и по тому самому равносиленъ росту политическаго могущества Россіи. Нація, привыкшая за нѣсколько десятилѣтій къ своей гегемоніи, нелегко отказывается отъ нея, въ особенности, когда она смотритъ на эту гегемонію, какъ на своего рода историческое и культурное право, когда она смотритъ на себя, какъ на истинную носительницу всѣхъ высшихъ культурныхъ цѣнностей. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что тѣ нѣмецкіе ученые, которые выступили съ возмущеннымъ протестомъ противъ Англіи, поддерживающей своимъ союзомъ съ Россіей варварство противъ культуры, добросовѣстно убѣждены въ томъ, что побѣда Россіи будетъ гибельна для европейской цивилизаціи. Можно сколько угодно удивляться тому невѣроятному національному самомнѣнію, до котораго дошли современныя нѣмцы, можно возмущаться той легкости, съ которой они клеймятъ славянство и, въ частности, Россію какъ дикарей и „культурный навозъ“, но надо считаться съ тѣмъ, что таково дѣйствительное глубокое убѣжденіе широкихъ массъ нѣмецкаго народа. Въ этомъ

убѣжденія содержится одно изъ основаній несомнѣнной національности нынѣшней войны въ Германіи.

Еще разъ: для нѣмцевъ современная война есть война національная, и она станетъ таковой еще въ гораздо большей степени, когда они почувствуютъ, что война угрожаетъ не только ихъ будущему, но ихъ территоріи и ихъ національному бытію. Только этимъ и можно объяснить, что гордая своей численностью нѣмецкая соціалъ-демократія сразу забыла всѣ свои пасифистскіе и антимилитаристическіе лозунги и ни минуты не задумалась встать подъ знамена Вильгельма II. Не считаться съ такими фактами или ограничиваться по поводу нихъ одними дешевыми насмѣшками или горькимъ изумленіемъ, значило бы проявлять непростительную наивность. Какіе ужъ тутъ пролетарскіе протесты, разъ на карту поставлено самое существованіе той промышленности, которой кормятся эти пролетаріи!

Но если это такъ, тогда ясно, какую огромную силу почерпаютъ нѣмецкое правительство и нѣмецкая армія въ такомъ національномъ настроеніи,—тогда ясно, какую чудовищно грозную силу представляетъ современная Германія, какую исключительную опасность приходится преодолѣть ея противникамъ,—тогда ясно, насколько серьезна начавшаяся война.

Залогъ побѣды надъ нѣмцами только въ одномъ,—въ сознаніи безусловной необходимости побѣды надъ ними во имя государственнаго и національнаго самосохраненія. И такъ же какъ у нѣмцевъ забота объ ихъ собственномъ дальнѣйшемъ развитіи соединяется съ убѣжденіемъ, что ихъ побѣда есть побѣда культуры, ихъ пораженіе—пораженіе культуры, такъ же, но только съ большимъ основаніемъ, враги нѣмцевъ въ правѣ сказать, что побѣда надъ нѣмцами необходима во имя культуры, во имя обезпеченія дальнѣйшаго болѣе нормальнаго развитія европейской жизни.

Побѣда нѣмцевъ была бы равносильна могучему укрѣпленію самыхъ отрицательныхъ сторонъ современнаго склада международной, политической и національной жизни Европы. Подавленіе слабыхъ національностей сильными — въ число слабыхъ попали бы, помимо австрійскихъ и балканскихъ славянъ, и французы, и англичане и, на время, по крайней мѣрѣ, и мы; укрѣпленіе милитаризма; усиленіе болѣзненно разви-

того шовинизма; система имперіалистической эксплоатаціи міра въ угоду экономическихъ интересовъ властвующаго народа и т. д. и т. д. Было бы странно ожидать, что, одержавъ побѣду, нѣмцы внезапно отказались бы отъ своихъ привычныхъ лозунговъ и навыковъ. Для того, чтобы отвыкнуть отъ нихъ, имъ надо будетъ на горькомъ опытѣ убѣдиться въ ихъ вредоносности, скажемъ больше—въ ихъ некультурности.

Едва-ли кто-либо рѣшится утверждать, что у враговъ нѣмцевъ все обстоитъ благополучно, и что они являются хрустально чистыми носителями идеи права и справедливости. Мы всѣ отлично знаемъ, что это не такъ, и, разумѣется, признаніе культурной необходимости побѣды, и возможно болѣе полной побѣды, союзниковъ надъ нѣмцами отнюдь не должно превращаться въ восхваленіе всего жизненнаго уклада союзныхъ державъ. Все это настолько элементарно, что какъ будто даже неловко объ этомъ говорить. Но вопросъ сейчасъ не въ этомъ, вопросъ не въ желаніи воспѣть оду благоустройству всѣхъ государствъ, борющихся съ Германіей, а въ томъ, что германская побѣда не только не улучшитъ теперешняго положенія, а наоборотъ, чрезвычайно ухудшитъ его, укрѣпитъ въ самой Германіи всѣ отрицательныя стороны ея жизни и подорветъ на долгіе годы подлинную жизненную энергію враждебныхъ ей народовъ.

Европейское развитіе привело къ тому, что Германія воплотила въ себѣ сейчасъ, въ почти каррикатурной формѣ, всѣ самыя отрицательныя стороны европейской культурной жизни: узкій, человѣконенавистническій, національный шовинизмъ, культъ голой цѣлесообразности и грубой силы, не признающей на своемъ пути никакихъ культурныхъ или этическихъ препятствій, самодовольное мѣщанство влюбленнаго въ свой уголъ сытаго филистера. Побѣда нѣмцевъ—недаромъ же въ этомъ сходятся Пуанкарэ и Жюль Гэдъ, Асквитъ и англійская трудовая партія, наше правительство и Крапоткинъ!—была бы несчастіемъ для всей Европы, несчастіемъ для каждой изъ сражающихся съ нѣмцами націй. Необходимо, чтобы этотъ фактъ былъ бы такъ же ясно сознанъ всѣми, какъ и фактъ огромной силы нѣмцевъ. Необходимо, чтобы изъ со-

знанія важности и трудности войны родилась непоколебимая воля побѣдить.

Война потребуетъ огромныхъ жертвъ, но только черезъ нее откроется всей Европѣ путь къ болѣе нормальной жизни. Мечтать о томъ, что это послѣдняя европейская война, правда, не приходится: въ концѣ концовъ глубокія, жизненныя противорѣчія между разнообразными, традиціонно укоренившимися интересами европейскихъ народовъ не могутъ быть разрѣшены пушками и пулеметами, а найдутъ себѣ разрѣшеніе лишь въ медленномъ видоизмѣненіи господствующихъ нынѣ инстинктовъ національной исключительности и національнаго властолюбія. Такой процессъ, надо полагать, совершится, и совершится безъ ущерба для благороднаго чувства національнаго достоинства. На этомъ чувствѣ національнаго достоинства, чувствѣ общечеловѣческой значительности жизни своего народа зиждется вся подлинная сила культурной работы и внутренняго преуспѣянія каждаго изъ народовъ Европы. Замѣна національнаго чувства идеями космополитическаго характера отнюдь не послужила бы на пользу человѣчества. Она привела бы лишь къ распыленію національной энергіи, въ всеобщему „моя хата съ краю", къ ослабленію коллективной общественной работы надъ устроеніемъ жизни, къ оскудѣнію культурной жизни.

Но если національная связь и національная идея представляетъ непремѣнное условіе всякаго крупнаго и жизненнаго культурнаго развитія, то настоящая война представляетъ въ то же время грозный урокъ, къ какимъ роковымъ послѣдствіямъ какъ для отдѣльной эгоистически зазнавшейся націи, такъ и для всей человѣческой культуры ведетъ отрицаніе законности сосуществованія и мирной конкурренціи разныхъ націй. Провести грань между законнымъ и культурно цѣннымъ стремленіемъ каждой націи къ возможно лучшему устройству ея жизни—стремленіемъ, которое неизбѣжно сопряжено съ болѣе или менѣе напряженной борьбой съ другими національными единицами,—съ одной стороны, и узко націоналистическимъ подавленіемъ законныхъ интересовъ другихъ націй, съ другой стороны, совсѣмъ не легко. Одними теоретическими построеніями тутъ не обойтись. Реальные вопросы практической жизни куда сложнѣе всякой теоретической

схемы. И въ то же время проблема примиренія національныхъ задачъ каждаго народа съ тѣснымъ сожительствомъ разныхъ народовъ въ предѣлахъ одного и того же государства или въ предѣлахъ всей Европы или, наконецъ, въ предѣлахъ земного шара есть самая серьезная, самая отвѣтственная и самая необходимая задача нашего времени.

Европа пережила такой періодъ, когда казалось, что совмѣстное существованіе разныхъ религіозныхъ системъ представляетъ нѣчто недопустимое,—мало того, нѣчто, по существу дѣла, невозможное. Потоки крови пролились раньше, чѣмъ европейскіе народы примирились съ необходимостью допустить такое сосуществованіе разнообразныхъ религіозныхъ системъ, и европейская культурная жизнь не только не оскудѣла, а обогатилась отъ установленія нѣкотораго, быть можетъ, теоретически мало понятнаго, но практически неизбѣжнаго равновѣсія. Повидимому, мы находимся теперь среди аналогичнаго процесса борьбы, но не изъ-за религіознаго, а изъ-за національнаго начала. Какъ тогда разныя религіи или вѣроисповѣданія претендовали на исключительное право на существованіе или господство, такъ теперь на такое право претендуютъ разныя національности. Культурная жизнь человѣчества въ цѣломъ сложнѣе и богаче каждой исключительной религіи и каждой отдѣльной національности. Какъ бы высоко ни цѣнить огромное значеніе національной жизни въ процессѣ общечеловѣческаго культурнаго развитія, общечеловѣческая культура, рождающаяся въ мукахъ религіозной, національной, сословной и классовой борьбы, богаче каждаго изъ своихъ составныхъ элементовъ въ частности. Счастье враговъ Германіи заключается въ томъ, что, защищая свое національное лицо противъ всепоглощающаго натиска германизма, они защищаютъ въ то же время интересы культуры въ цѣломъ, защищаютъ тѣмъ болѣе успѣшно и съ тѣмъ большимъ правомъ на успѣхъ, чѣмъ больше они сознаютъ, что защита культуры обязываетъ, что она только тогда по истинѣ содержательна, когда она служитъ знаменемъ всей жизни, лозунгомъ собственнаго развитія, цѣлью всей собственной жизни.

Побѣда надъ Германіей необходима потому, что только она обезпечитъ европейскіе народы отъ оскудѣнія, которое несетъ съ собой всякая исключительность, въ томъ числѣ и

исключительность національная—но эта побѣда только тогда будетъ богата культурными и этическими результатами, если каждый изъ европейскихъ народовъ, борющихся съ нѣмецкимъ засильемъ, пойметъ, что задача будущаго заключается въ подлинномъ примиреніи законныхъ національныхъ запросовъ, стремленій и интересовъ съ правами другихъ національностей. Всякое искусственно созданное однообразіе жизни создаетъ лишь оскудѣніе жизни, и въ этомъ смыслѣ оно „смерти подобно". Задача культурнаго развитія не можетъ заключаться въ стираніи разнообразія жизни, а въ использованіи всего того богатства, которое содержится именно въ разнообразіи.

Задача эта чрезвычайно трудна. Сейчасъ, когда каждая нація поневолѣ думаетъ только о самосохраненіи, какъ будто не время объ этомъ вспоминать. Но такое суженіе горизонта, такое суженіе цѣлей борьбы глубоко ошибочно и опасно даже съ точки зрѣнія борьбы съ германизмомъ.

Совмѣщеніе разныхъ національно-культурныхъ цѣнностей ради общекультурныхъ интересовъ, которые въ то же время по существу дѣла совпадаютъ съ высшимъ интересомъ каждой націи въ частности, представляетъ чрезвычайно трудное дѣло. Безумное національное самомнѣніе губитъ современную Германію. Неспособность примирить разныя національно-культурныя цѣнности въ высшемъ синтезѣ губитъ Австрію. Задача враговъ Германіи и Австріи заключается въ томъ, чтобы, побѣдивъ гибельную односторонность нѣмецкой и австрійской государственности и жизни, найти выходъ къ новымъ формамъ жизни и культурнаго творчества, болѣе широкаго, болѣе богатаго и болѣе содержательнаго. Ни передъ какимъ изъ народовъ и государствъ Европы этотъ роковой вопросъ начавшагося столѣтія не стоитъ такъ остро и отчетливо, какъ передъ Россіей. Въ этомъ заключается огромная трудность русской государственной жизни и культуры, въ этомъ заключается и то исключительное культурно-историческое значеніе, которое принадлежитъ въ ближайшемъ будущемъ Россіи и ея внутреннему развитію, и надо быть очень малодушнымъ или очень однобокимъ, чтобы не вѣрить въ то, что Россіи и русскому обществу удастся разрѣшить эту мировую задачу.

Какъ отдѣльное лицо, такъ и цѣлая нація только тогда могутъ дать максимальные плоды своей дѣятельности, когда они не боятся никакихъ проблемъ, а считаютъ себя и въ правѣ, и обязанными ставить себѣ возможно болѣе трудныя и возможно болѣе отвѣтственныя задачи. Борясь за *свое* національное и государственное дѣло, именно Россія волею судебъ должна вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить и грозную, очередную проблему общеевропейской, а, стало быть, и общечеловѣческой культуры. Въ этомъ ея задача, въ этомъ залогъ ея успѣха, въ этомъ историческій смыслъ современной борьбы народовъ прежде всего для насъ. И какія бы препятствія— и внѣшнія и внутреннія—не стояли бы въ этомъ вопросѣ на пути русскаго народа, онъ ихъ преодолѣетъ, ибо онъ *долженъ* ихъ преодолѣть—ради собственнаго развитія, ради своего національнаго, государственнаго и культурнаго будущаго, ради расцвѣта всей своей энергіи.

Прошлое двухъ союзовъ великихъ европейскихъ державъ.

Н. И. Карѣевъ.

I.

Сто лѣтъ тому назадъ, послѣ вѣнскаго конгресса, создавшаго въ Европѣ новый международный порядокъ, вошло въ употребленіе понятіе пяти великихъ державъ, совокупность которыхъ составляла, такъ называемую, „пентархію", т. е. пятивластіе, и которыя должны были руководить остальными европейскими народами. Политика тогда была еще по преимуществу европейскою, не міровою, хотя уже и намѣчался переходъ къ послѣдней въ той роли, какую со своимъ морскимъ могуществомъ и своими колоніями во всѣхъ частяхъ свѣта стала тогда играть Англія. Только позднѣе къ великимъ европейскимъ державамъ прибавилась американская—Соединенные Штаты, еще позднѣе—держава азіатская, Японія, да и въ самой Европѣ за это время, въ лицѣ объединенной Италіи, возникла новая, шестая великая держава нашей части свѣта.

Перечислять традиціонныя пять державъ принято было въ алфавитномъ порядкѣ (конечно, по латинской азбукѣ). Это были Австрія, Великобританія, Франція, Пруссія и Россія. Въ пентархіи различали двѣ группы: западную и восточную, различали не только географически, но и политически. А именно, западныя державы были монархіями конституціонными, восточныя—абсолютными. Притомъ три послѣднія державы были тѣсно связаны между собою узами

Священнаго союза, заключеннаго въ 1815 г. ихъ государями послѣ вторичнаго низложенія Наполеона.

Священный союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи имѣлъ длительное существованіе. Начало ему было положено, собственно говоря, еще въ XVIII вѣкѣ дѣлежемъ Польши въ 1772, 1793 и 1795 годахъ; бывшія польскія земли даже послужили своего рода цементомъ, скрѣплявшимъ этотъ союзъ. Другою спайкою между ними была борьба съ революціонною и наполеоновскою Франціей, а также съ ея наслѣдіемъ въ видѣ либеральныхъ движеній послѣдующаго времени, особенно послѣ революцій 1830 и 1848 г. Это была консервативная группировка, взявшая на себя задачу поддерживать и международный миръ,—значеніе, которое перешло, къ такъ называемому, союзу трехъ императоровъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ основѣ международныхъ союзовъ всегда лежатъ какіе-либо интересы, правильно или ошибочно понимаемые и очень разнообразные по своему содержанію (династическіе, вѣроисповѣдные, племенные, политическіе, экономическіе и т. п.), причемъ нерѣдко давность традицій дѣлаются также своего рода скрѣпою такихъ союзовъ среди мѣняющихся историческихъ обстоятельствъ. Особая близость, установившаяся между Австріей, Пруссіей и Россіей, сдѣлалась какъ разъ одною изъ политическихъ традицій въ теченіе весьма продолжительнаго времени, тѣмъ болѣе, что и раньше между государствами этой группы существовали мирныя отношенія, которыя были нарушены только въ серединѣ XVIII в., когда происходила борьба между Австріей и Пруссіей изъ - за Силезіи, и въ борьбѣ этой Россія стояла на сторонѣ Австріи. Вскорѣ по окончаніи этой борьбы монархія Габсбурговъ была вознаграждена за потерю Силезіи присоединеніемъ Галиціи, по первому раздѣлу Польши, положившему, какъ только-что было сказано, начало болѣе прочному соединенію трехъ дворовъ.

Въ теченіе столѣтія отъ перваго раздѣла Польши до образованія упомянутаго союза трехъ императоровъ, узы, соединявшія Австрію, Пруссію и Россію, не разъ ослаблялись, и союзъ расшатывался, но каждый разъ, когда это происходило, по прошествіи нѣкотораго времени онъ возстановлялся.

Послѣднее его скрѣпленіе произошло послѣ войны между Австріей и Пруссіей въ 1866 г., изгнавшей одну изъ нихъ изъ Германіи и положившей начало объединенія Германіи подъ гегемоніей другой, но это скрѣпленіе было только временнымъ и скоро уступило мѣсто тройственному союзу, въ которомъ Россію замѣнила Италія.

Въ то время, какъ въ восточной половинѣ Европы столь долгое время господствовало австро-прусско-русское соединеніе, двѣ западныя великія державы находились между собою большею частью въ состояніи соперничества и вражды. Въ войнахъ между Австріей и Пруссіей Англія и Франція были въ противоположныхъ лагеряхъ и одновременно вели между собою борьбу изъ-за колоній. Когда вскорѣ послѣ этого началось возстаніе англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ противъ своей метрополіи, Франція пришла на помощь возставшимъ колонистамъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ мира, ликвидировавшаго эту войну, началась вооруженная борьба Англіи съ французской революціей, перешедшая въ войну съ Наполеономъ и продолжавшаяся почти непрерывно безъ малаго четверть вѣка (1793—1815). Послѣ этого Англія и Франція между собою не воевали и даже сближались одна съ другою, какъ въ эпоху „сердечнаго согласія“ при Людовикѣ-Филиппѣ или въ крымскую кампанію, но это были скорѣе кратковременные эпизоды, чѣмъ что-либо постоянное и прочное. Когда уже дѣйствовалъ тройственный союзъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, отношенія между Англіей и Франціей натягивались до бывшей довольно близкою возможности начала военныхъ дѣйствій. Равнымъ образомъ, прежде нежели былъ заключенъ теперешній англо-французскій союзъ, когда на континентѣ стояли другъ противъ друга два большихъ политическихъ союза тройственный, австро-германо-итальянскій, и двойственный, франко-русскій, Англія держалась въ сторонѣ отъ обоихъ, въ „блестящемъ одиночествѣ“, какъ тогда выражались.

Когда уже въ началѣ текущаго столѣтія великія державы въ Европѣ окончательно раздѣлились на тройственный союзъ и тройственное соглашеніе Англіи, Франціи и Россіи, получились двѣ политическія комбинаціи изъ государствъ, которыя раньше чаще бывали въ антагонизмѣ между собою.

Съ одной стороны, еще въ XVIII в. намѣтилось соперничество между Австріей и Пруссіей изъ-за преобладанія въ Германіи, превратившееся въ XIX в. въ борьбу между ними изъ-за вопроса, кому будетъ принадлежать роль объединительницы Германіи. Что касается Италіи, то ея объединеніе могло быть достигнуто лишь путемъ войны съ Австріей, которая въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій только и дѣлала, что мѣшала итальянцамъ устроиться у себя согласно со своими національными стремленіями. Въ 1866 г. становившаяся во главѣ объединенія Германіи Пруссія и невполнѣ еще объединившаяся Италія даже сообща воевали съ Австріей, и вотъ какъ-разъ выпертая какъ изъ Германскаго союза, такъ и изъ Апеннинскаго полуострова, монархія Габсбурговъ вступила въ тѣснѣйшій союзъ со своими недавними заклятыми врагами.

Образованіе тройственнаго союза и то значеніе, которое онъ получилъ подъ гегемоніей Германіи въ политикѣ европейской, перешедшей въ концѣ прошлаго столѣтія къ политикѣ міровой, заставили сблизиться между собою державы, до того времени находившіяся въ разобщеніи и даже въ антагонизмѣ. Франко-русскія отношенія въ XVIII и XIX вѣкахъ были, большею частью, враждебными, хотя временами и дѣлались попытки сближенія. Опасаясь быстраго роста русскаго могущества, Франція въ XVIII вѣкѣ постоянно возбуждала противъ насъ Швецію, Польшу и Турцію. Въ концѣ XVIII в. Россія примкнула къ коалиціи противъ французской революціи, а потомъ воевала и съ Наполеономъ. Въ эпоху реставраціи началось-было сближеніе между обоими государствами, но іюльская революція опять поставила ихъ во враждебные лагери. Такъ дѣло продолжалось во все время іюльской монархіи, февральская же революція могла только обострить непріязненныя отношенія между Франціей и Россіей. Вторая имперія уже прямо вела съ нами войну и готовила коалицію противъ Россіи въ защиту поляковъ. Борьба съ Франціей, какъ очагомъ революцій, какъ державой, поощрявшей Польшу къ возстаніямъ и т. п., была однимъ изъ условій, заставлявшихъ русское правительство держаться союза съ Пруссіей и Австріей. Нужны были совершенно особыя условія, которыя привели къ образованію союза само-

державной Россіи и республиканской Франціи: это была аггрессивная политика Германіи.

Та же самая причина—„нѣмецкая опасность"—заставила и Англію выйти изъ своего „блестящаго уединенія" и покончить старые счеты съ Франціей для борьбы съ германской міровой политикой. Находясь уже въ союзѣ съ Россіей, Франція оказала содѣйствіе и сближенію между обѣими своими союзницами. Подозрительное отношеніе къ русской политикѣ, противодѣйствіе всѣмъ ея начинаніямъ, поддержка всѣхъ враговъ Россіи, въ особенности Турціи, были главными правилами великобританской дипломатіи, одною изъ политическихъ традицій Англіи, т. е. и англійскаго правительства, и англійской націи. Разность государственныхъ порядковъ въ обѣихъ странахъ тоже немало содѣйствовала поддержанію взаимнаго англо-русскаго недоброжелательства; особенно же со стороны англичанъ постоянно проявлялись опасенія касательно британскихъ интересовъ на Востокѣ, угрожаемыхъ со стороны Россіи.

Сто лѣтъ тому назадъ дѣйствовали интересы, прочно сближавшіе между собою Австрію, Пруссію и Россію и этой группѣ державъ противополагавшіе Англію и Францію. Несмотря на то, что Австрія и Пруссія вели между собою войну, онѣ остались въ союзѣ, который даже сдѣлался еще болѣе тѣснымъ, тогда какъ Россія, наоборотъ, изъ него вышла и вступила въ союзъ съ двумя державами, отъ которыхъ была очень далека по своимъ внутреннимъ порядкамъ и съ которыми приходила въ столкновенія по вопросамъ международной политики. Какія причины произвели столь важную перемѣну?

II.

Иниціаторъ Священнаго союза, установившаго тѣсную связь между Австріей, Пруссіей и Россіей, умеръ черезъ десять лѣтъ послѣ заключенія союза, и при его преемникѣ послѣдній пережилъ очень острый кризисъ. Спасла его только революція 1830 года.

Настоящею руководительницею политики Священнаго союза, какъ извѣстно, сдѣлалась Австрія, которая и сумѣла

извлечь изъ него для себя наибольшее количество выгодъ. Поддержаніе status quo стало для вліятельнаго австрійскаго министра, Меттерниха, главною цѣлью всѣхъ его усилій, между прочимъ, и поддержаніе status quo на Востокѣ, Австрія, границы которой сто лѣтъ тому назадъ соприкасались непосредственно съ Оттоманской имперіей, не могла оставаться равнодушною ко всему, что могло бы, такъ или иначе, вмѣшать Россію въ дѣла Балканскаго полуострова, а, между тѣмъ, греческое возстаніе, вспыхнувшее въ началѣ двадцатыхъ годовъ, угрожало интересамъ Австріи именно съ этой стороны. Меттернихъ боялся, что русскій императоръ возьметъ на себя сдѣлавшуюся въ Россіи традиціонною защиту христіанскихъ подданныхъ Турціи, и употребилъ всѣ свои усилія, чтобы добиться отъ Александра I отказа отъ помощи грекамъ, которыхъ старался представить, какъ мятежныхъ подданныхъ легитимнаго правительства, дѣйствовавшихъ заодно съ западными революціонерами. Во всѣхъ христіанскихъ странахъ греческое дѣло пользовалось большимъ сочувствіемъ, пользовалось имъ и въ Россіи, и на Западѣ, но лишь въ Англіи и во Франціи правительства не только не сдерживали проявленія общественныхъ симпатій къ грекамъ, но и сами стали поощрять ихъ и имъ помогать. Особенную энергію при этомъ проявила англійская дипломатія, которая дѣйствовала такъ искусно, что греки стали возлагать особую надежду именно на англичанъ, мало-по-малу разочаровавшись въ возможности русской помощи.

Трудно судить, какое направленіе приняла бы политика Россіи, если бы Александръ I, пожертвовавшій русскими симпатіями къ грекамъ для сохраненія Священнаго союза, прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. Его преемникъ повелъ въ греческомъ дѣлѣ совсѣмъ другую политику. Николай I сначала вышелъ изъ-подъ вліянія Меттерниха, удерживавшаго Россію, въ концѣ царствованія его брата, отъ нежелательной войны съ Турціей. Англія воспользовалась перемѣною на русскомъ престолѣ, и уже весною 1826 г. было подписано между Англіей и Россіей, оставшееся нѣкоторое время секретнымъ, соглашеніе о вмѣшательствѣ въ греческій вопросъ. Узнавъ объ этомъ, Меттернихъ сталъ интриговать въ Лондонѣ противъ министра (Каннинга), якобы давшаго увлечь себя въ

ловушку, но это ни къ чему не привело, и весь успѣхъ австрійской политики въ это время выразился только въ томъ, что ей удалось отклонить Пруссію отъ какого-бы то ни было участія въ англо-русскомъ соглашеніи. Франція наоборотъ, къ нему присоединилась лѣтомъ 1827 г.

Такимъ образомъ, въ началѣ царствованія императора Николая I комбинація политическихъ силъ въ Европѣ измѣнилась. Россія, бывшая въ союзѣ съ Австріей и Пруссіей, сблизилась съ Англіей и Франціей. Другими словами, въ Священномъ союзѣ образовалась трещина, и намѣтилось совмѣстное дѣйствіе Англіи, Франціи и Россіи. Осенью 1827 г. соединенные флоты этихъ трехъ державъ истребили при Наваринѣ турецкій флотъ, и это было самымъ нагляднымъ доказательствомъ наступленія новой констелляціи великихъ державъ. Для австрійской политики оно было большимъ ударомъ. Ударъ ждалъ ее и съ другой стороны. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Франція, войти въ соглашеніе съ которою очень хотѣлось Меттерниху, также стала стремиться къ сближенію съ Россіей. Сдѣлавшійся въ 1829 г. французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Полиньякъ мечталъ о союзѣ своего отечества съ нашимъ для полной передѣлки карты Европы, созданной на вѣнскомъ конгрессѣ. Едва, однако, начались переговоры въ этомъ направленіи, какъ вспыхнула іюльская революція. Въ этотъ моментъ Австрія оказывалась совершенно изолированною, потому что между нею и Пруссіей теперь достаточно также обнаружилось соперничество изъ-за вліянія на другія германскія государства.

Уже значительно расшатанный событіями второй половины двадцатыхъ годовъ Священный союзъ былъ спасенъ іюльской революціей.

При первомъ извѣстіи о парижскомъ переворотѣ 1830 г. Меттернихъ задумалъ-было устроить новую коалицію противъ Франціи, и долгое время, дѣйствительно, въ Европѣ ожидали большой войны. Обстоятельства, однако, сложились такъ, что дѣло до войны не дошло, но Священный союзъ былъ все-таки возстановленъ. Признавъ новое правительство во Франціи, Николай I заявилъ, однако, что Россія останется тѣсно связанною съ Австріей и Пруссіей, дабы заставить уважать трактаты 1815 г. Бельгійская революція еще болѣе

сблизила австрійское, прусское и русское правительства, тогда какъ на защитѣ Бельгіи отъ Голландіи сошлись между собою и стали сообща дѣйствовать Франція и Англія. Въ державахъ Священнаго союза начались прямыя приготовленія къ войнѣ, которая была предотвращена только возстаніемъ, вспыхнувшимъ въ Царствѣ Польскомъ: оно связало руки Россіи, а безъ нея Австрія и Пруссія не рѣшались вести войну съ западными державами. Но польская революція, кромѣ того, еще болѣе скрѣпляла австро-прусско-русскій союзъ.

Только къ концу 1832 г. сдѣлалось въ Европѣ яснымъ, что великой войны между двумя группами державъ не произойдетъ. Тѣмъ не менѣе, для обезпеченія себя отъ новыхъ осложненій въ будущемъ Австрія, Пруссія и Россія формально возстановили свой прежній союзъ. Инициатива принадлежала Меттерниху, который, чтобы вернуться къ традиціямъ троппаускаго и лайбахскаго конгрессовъ, сталъ хлопотать объ устройствѣ новыхъ съѣздовъ союзныхъ монарховъ. Первый изъ нихъ, на которомъ присутствовали австрійскій и русскій государи, а со стороны Пруссіи наслѣдный принцъ, принялъ рѣшенія совершенно въ духѣ тѣхъ, какія дѣлались на конгрессахъ, собиравшихся въ началѣ двадцатыхъ годовъ: цѣлями союза оставались борьба съ революціей и защита трактата 1815 г. Кромѣ того, всѣ три державы обязались поддерживать въ пользу другъ друга спокойное обладаніе бывшими владѣніями Польши. Наконецъ, въ частности, Австрія и Россія обѣщала одна другой сохранять неприкосновенность Турціи. Въ 1835 г. произошло новое свиданіе трехъ союзныхъ государей въ Теплицѣ, на которомъ были подтверждены принципы прежняго соглашенія.

Возобновленіе союза восточныхъ державъ, въ свою очередь, сблизило Англію и Францію. Обѣ западныя державы дали знать, что всякое вмѣшательство этого союза въ дѣла Бельгіи, Швейцаріи и Пьемонта,—чего тогда опасались,—будетъ отражено силою. Этимъ западныя державы какъ-бы становились на стражѣ національной и политической свободы своихъ ближайшихъ сосѣдей, трехъ малыхъ государствъ, изъ которыхъ первымъ, т. е. Бельгіей, по его географическому положенію особенно была заинтересована Англія. Входящими въ сферу своего вліянія обѣ державы,—между которыми скоро

установилась „сердечное согласіе“ (entente cordiale),—считали еще Испанію и Португалію, гдѣ обѣ онѣ поддерживали либеральныя партіи въ то время, какъ испанскіе и португальскіе консерваторы пользовались сочувствіемъ и поддержкою трехъ абсолютныхъ монархій. И на Пиренейскомъ полуостровѣ Англія и Франція,—впослѣдствіи, однако, разошедшіяся въ своихъ интересахъ,—готовы были оказывать военную помощь противъ сторонниковъ абсолютизма и иностраннаго имъ содѣйствія. Извѣстно, что англо-французское соглашеніе было непрочно, и только его распаденіемъ объясняется то, что со стороны западныхъ державъ не было оказано противодѣйствія треμъ абсолютнымъ монархіямъ, когда онѣ сначала заняли своими войсками вольный городъ Краковъ, созданный вѣнскимъ конгрессомъ, а потомъ присоединили его къ Австріи, какъ центръ польскихъ революціонныхъ происковъ. Въ краковскомъ эпизодѣ еще разъ проявилась солидарность австрійской, прусской и русской политики на почвѣ польскаго вопроса. Расхожденіе же Англіи и Франціи къ 1840 г. приняло даже такой характеръ, что Англія очутилась на сторонѣ другого союза, и Франціи одно время грозила война съ цѣлой европейской коалиціей *).

Въ теченіе всего времени до крымской войны Австрію, Пруссію и Россію удерживали въ тѣсномъ союзѣ консервативная политика и польская опасность. Соглашеніемъ своимъ относительно неприкосновенности Турціи, Австрія и Россія устраняли свои разногласія касательно Балканскаго полуострова, и благодаря вмѣшательству Россіи же устранялось столкновеніе противоположныхъ интересовъ Австріи и Пруссіи въ Германіи. Новая революція во Франціи (февральская 1848 г.), между прочимъ, вызвавшая вспышки въ польскихъ владѣніяхъ союзныхъ державъ, опять-таки заставила послѣднія крѣпче держаться одна за другую.

III.

Въ борьбѣ съ революціей Австрію, Пруссію и Россію объединялъ общій политическій принципъ. Вѣроисповѣдныя различія католической Австріи, протестантской Пруссіи и право-

*) См. въ моей „Исторія Западной Европы“, т. V, стр. 160 и слѣд.

славной Россіи не только не препятствовали политическому союзу, но въ эпоху заключенія Священнаго союза разсматривались, какъ своего рода благопріятное обстоятельство, въ смыслѣ сближенія на общехристіанской основѣ трехъ могущественныхъ государствъ, принадлежащихъ къ тремъ главнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, что даже было особенно подчеркнуто въ актѣ Священнаго союза. Національные вопросы, кромѣ польскаго, тоже не выдвигались впередъ въ эпоху заключенія Священнаго союза.

Вѣнскій конгрессъ перекроилъ карту Европы, оперируя лишь цифрами квадратныхъ миль и человѣческихъ душъ и совершенно не принимая въ расчетъ того, какими племенами населены поступавшія въ раздѣлъ территоріи, къ какимъ націямъ принадлежатъ души, отдававшіяся тому или другому государству. Въ Священномъ союзѣ и Пруссія, и Австрія одинаково выступали, какъ державы нѣмецкія. Въ серединѣ XIX столѣтія отношенія измѣнились. Въ Австріи къ этому времени дало себя знать, такъ называемое, славянское возрожденіе, которое не могло не отразиться на австро-русскихъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, въ то же время въ Германіи обнаружилось стремленіе къ политическому объединенію, поставившее ребромъ вопросъ объ отношеніяхъ между Австріей и Пруссіей. Для дальнѣйшей исторіи традиціоннаго союза и то, и другое не могло остаться безразличнымъ.

Начало національнаго возрожденія среди австрійскихъ славянъ относится, главнымъ образомъ, къ двадцатымъ годамъ. Къ 1848 году, который на всемъ Западѣ былъ годомъ революціи, славянское возрожденіе въ Австріи уже сдѣлало такіе успѣхи, что революція въ монархіи Габсбурговъ была не только нѣмецкой, венгерской, итальянской (въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ), но и славянской.

Культурное возрожденіе австрійскихъ славянъ, выражавшееся въ областяхъ просвѣщенія и литературы, сопровождалось развитіемъ сознанія о принадлежности всѣхъ славянскихъ народовъ къ одному великому цѣлому, о взаимности, которая должна царить въ этомъ цѣломъ, о роли, которая ему принадлежитъ въ будущемъ, когда эти народы пріобрѣтутъ необходимое просвѣщеніе и объединятся, о томъ, наконецъ, что у славянъ есть великое государство, Россія, которая мо-

жетъ и должна оказывать защиту и помощь угнетеннымъ братьямъ, дѣтямъ одного и того же славянскаго племени. Въ этихъ славянскихъ стремленіяхъ было много романтики, много расплывчатыхъ и неопредѣленныхъ мечтаній, много прямо наивныхъ ожиданій, но панславизмъ, какъ стали называть общее среди славянъ увлеченіе новыми перспективами, открывавшимися передъ славянскими народами съ Россіей во главѣ, былъ принятъ австрійскимъ правительствомъ, какъ очень серьезная опасность для самаго существованія монархіи, и вреднымъ же признали его для себя въ предѣлахъ монархіи и нѣмцы, и мадьяры. Въ славянскомъ движеніи многіе усматривали происки Россіи, готовой-де стать во главѣ всѣхъ славянъ, чтобы сокрушить всю западную цивилизацію,—взглядъ, распространившійся далеко за предѣлы Австріи.

Въ Россіи, между тѣмъ, правительство не одобряло славянскихъ стремленій, какъ нарушавшихъ установившійся порядокъ, да и сами австрійскіе славяне, проповѣдуя борьбу съ нѣмцами и мадьярами, отнюдь не покушались ни на цѣлость Австріи, ни на права Габсбурговъ. Мало того, они указывали на то, что славянскіе подданные этой династіи могутъ быть лучшимъ оплотомъ противъ всѣхъ ея враговъ. Далеко не всѣ славянскіе публицисты были притомъ увлечены мыслью о Россіи, какъ главѣ славянскаго міра: были и такіе, которые убѣждали, что Австрія сама должна начать славянскую политику въ противовѣсъ Россіи. Между прочимъ, нѣкоторые подчеркивали, что Австрія призвана разрѣшить восточный вопросъ, который есть-де по существу своему вопросъ югославянскій, и что тутъ-то нужно дѣйствовать противъ Россіи, столь, напримѣръ, популярной среди православныхъ сербовъ. Хотя, затѣмъ, въ 1848 г., никто другой, какъ австрійскіе славяне стали на сторону Габсбурговъ противъ нѣмецкой итальянской и мадьярской революцій, и что какъ-разъ помощь Россіи въ 1849 г. сохранила Венгрію за Габсбургами, тѣмъ не менѣе недовѣріе къ славянскимъ подданнымъ и подозрительность къ Россіи, какъ къ центру тяготѣнія славянскихъ народовъ, и впослѣдствіи играли не малую роль въ австро-русскихъ отношеніяхъ, особенно послѣ того, какъ—уже позднѣе—началось освобожденіе турецкихъ славянъ, среди кото-

рыхъ Австрія попрежнему стремилась всячески противодѣйствовать русскому вліянію.

Послѣ подавленія революціи 1848 г. Россія помогла Австріи справиться не только съ Венгріей, провозгласившей-было независимость свою отъ Габсбурговъ, но и противъ Пруссіи, оказавшейся опасною для Австріи соперницей въ Германіи. Революціонный „сорокъ восьмой годъ" поставилъ на очередь объединеніе Германіи, причемъ послѣднее мыслилось или подъ гегемоніей Австріи, или подъ гегемоніей Пруссіи, и притомъ безъ Австріи. Въ знаменитомъ франкфуртскомъ общемъ-парламентѣ возобладало второе направленіе, и онъ даже предложилъ прусскому королю корону будущей Германской имперіи. Прусскій король не захотѣлъ принять титулъ германскаго императора отъ революціи, да и самъ франкфуртскій парламентъ скоро былъ разогнанъ, и Германія вернулась къ союзному устройству, данному ей вѣнскимъ конгрессомъ. Случилось это, однако, не сразу, и былъ моментъ, когда по вопросу о будущемъ Германіи возникъ конфликтъ между Австріей и Пруссіей, который былъ улаженъ Россіей въ пользу первой изъ нихъ.

Русское правительство отнеслось враждебно къ предпринятому въ 1848 г. объединенію Германіи, такъ какъ оно дѣлалось революціей. Въ числѣ причинъ, заставившихъ Фридриха-Вильгельма IV отклонить императорскую корону, было и прямое давленіе на него со стороны Николая I. Русскій государь былъ недоволенъ и тѣмъ, что Пруссія сохранила конституцію, отъ каковой, наоборотъ. Австрія отреклась. Равнымъ образомъ, ему не понравились попытки, сдѣланныя Пруссіей, образовать въ Германіи свой особый, болѣе тѣсный союзъ, что вызвало неудовольствіе Австріи, сумѣвшей добиться возстановленія стараго Германскаго союза. Конфликтъ между обѣими великими нѣмецкими державами далъ поводъ Россіи вмѣшаться въ германскія дѣла въ пользу болѣе консервативной Австріи. Безъ этого уже въ 1850 г., пожалуй, могла бы произойти австро-прусская война изъ-за гегемоніи въ Германіи.

Для того, чтобы заставить Пруссію смириться передъ Австріей, Николай I пригласилъ пріѣхать въ Варшаву австрійскаго государя и прусскаго наслѣднаго принца. Когда, съ другой стороны, въ 1851 г. Австрія пожелала включить въ со-

ставъ Германскаго союза свои юго-восточныя области, въ него не входившія, что противорѣчило трактатамъ 1815 г., Николай I имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Варшавѣ, гдѣ обѣщалъ уже ему свою поддержку противъ замысловъ Австріи, а потомъ видѣлся и съ австрійскимъ императоромъ въ Ольмюцѣ и заставилъ его отказаться отъ этого плана, нарушавшаго равновѣсіе въ Германскомъ союзѣ. Такимъ образомъ, Россія въ началѣ пятидесятыхъ годовъ сыграла роль арбитра въ конфликтѣ между обѣими нѣмецкими державами. Австрія была этимъ крайне недовольна и уже тогда собиралась „поразить міръ своею неблагодарностью“, Пруссія же, наоборотъ, стала въ такое зависимое отъ Россіи положеніе, что его сравнивали прямо съ вассальнымъ подчиненіемъ.

Когда въ 1854 г. западныя державы заступились за Турцію, съ которою Россія съ 1853 г. была въ войнѣ, и тоже объявили намъ войну, Австрія заняла по отношенію къ Россіи прямо угрожающее положеніе, и только вѣрность Пруссіи русскому союзу удержала Австрію отъ перехода на сторону Англіи и Франціи; когда же къ западнымъ державамъ присоединилась Сардинія, то Австрія даже заключила съ ними оборонительный союзъ. Между прочимъ, оккупаціей дунайскихъ княжествъ она заслонила Турцію отъ Россіи. Въ 1863 г. во время польскаго возстанія, Австрія также стала на сторону западныхъ державъ, начавшихъ дипломатическую кампанію противъ Россіи. Наоборотъ, Пруссія и во время крымской войны, и во время польскаго возстанія оставалась вѣрною союзу съ Россіей, которая, со своей стороны, держала себя весьма благожелательно по отношенію къ Пруссіи, когда послѣдняя вела свои войны съ Австріей и съ Франціей.

IV.

Поведеніе Австріи во время крымской войны разстроило старыя связи ея съ Россіей, а когда, вскорѣ за тѣмъ, въ Германіи жизнь поставила на очередь вопросъ о политическомъ объединеніи, возобновилась и австро-прусская распря.

До восточной войны 1853—56 гг. бывали случаи, когда Россія дѣйствовала солидарно съ Англіей и Франціей. Такъ, съ 1851 г. всѣ три государства протестовали противъ намѣ-

ренія Австріи включить всѣ свои земли въ составъ Германскаго союза. Эти же три государства въ 1852 г. обязались охранять неприкосновенность датской территоріи противъ нѣмецкаго на нее посягательства по поводу желанія вернуть Германіи Гольштейнъ и Шлезвигъ. Это обязательство не спасло, однако, Данію отъ разгрома ея въ 1864 г. Австріей и Пруссіей, соединившимися на сей разъ для нападенія на эту маленькую страну. Но и австро-прусскій союзъ 1864 г. оказался непрочнымъ. Черезъ два года между обѣими великими нѣмецкими державами вспыхнула война, которая окончилась изгнаніемъ Австріи изъ Германіи и началомъ объединенія послѣдней подъ прусской гегемоніей. Сама Австрія изъ единой имперіи превратилась тогда въ дуалистическую Австро-Венгрію.

Габсбургская монархія не хотѣла примириться съ положеніемъ, въ какое ее поставила война 1866 г. и, по всей вѣроятности, вступила бы въ союзъ съ Франціей противъ Пруссіи, если бы, съ одной стороны, къ союзу примкнула Италія, а съ другой—отъ войны съ Пруссіей ее самое не удержала угроза со стороны Россіи, сохранившей благожелательное отношеніе къ Пруссіи. Полный разгромъ Франціи и возстановленіе Германской имперіи подъ прусскою гегемоніей сдѣлали совершенно яснымъ, для руководителей австрійской политики, что съ совершившимися фактами приходится примириться. Мало того, Австро-Венгрія стала искать сближенія съ новой имперіей, и въ 1871 г. между ними начался налаживаться союзъ, который опять сблизилъ съ Австріей и Россію. Свиданіе трехъ государей въ Берлинѣ осенью 1872 г. дало поводъ говорить объ образованіи союза трехъ императоровъ, бывшаго возстановленіемъ стараго Священнаго союза, хотя въ собственномъ смыслѣ никакого союза, какъ теперь извѣстно, здѣсь не было. Свиданія повторялись и потомъ, что только подтверждало общее мнѣніе о возстановленіи прежней комбинаціи, съ тѣмъ лишь отъ нея различіемъ, что Пруссія теперь привела съ собою въ новый союзъ всю Германію.

Сближеніе трехъ императоровъ оказалось непрочной комбинаціей. Разстройство въ него, какъ и въ 1826 году, было внесено дѣлами Балканскаго полуострова.

До своего исключенія изъ Италіи и изъ Германіи Австрія не вела дѣятельной политики на Балканскомъ полуостровѣ. Потеря Ломбардо-Венеціанскаго королевства и всякаго вліянія въ Италіи и полное устраненіе отъ участія въ дѣлахъ Германіи заставили Австро-Венгрію искать компенсаціи за эти потери на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ у нея была съ 1815 г. цѣлая прибрежная полоса (Далмація), и гдѣ по сосѣдству съ ея землями, населенными сербо-хорватскимъ племенемъ, жила другая часть этого племени какъ въ вассальномъ по отношеніи къ Турціи Сербскомъ княжествѣ, такъ и подъ непосредственною властью султана. Одинъ изъ правителей названнаго княжества, Михаилъ Обреновичъ, носился съ мыслью объ объединеніи всѣхъ православныхъ сербовъ въ одно государство, чѣмъ Австрія, конечно, не могла быть довольна, но въ шестидесятыхъ годахъ, когда это происходило, Австріи было не до дѣятельной балканской политики. По той же причинѣ Габсбургская монархія ничего не могла предпринять и противъ соединенія Молдавіи и Валахіи въ единую Румынію, сдѣлавшуюся также своего рода угрозою для монархіи по отношенію къ населенной румынами Трансильваніи.

Послѣ франко-прусской войны и примиренія своего съ Пруссіей Австро-Венгрія повела на Балканскомъ полуостровѣ болѣе дѣятельную политику, но встрѣтилась здѣсь съ дѣятельностью Россіи, снова занявшей весьма вліятельное положеніе въ Константинополѣ. Изъ Германіи поощряли движеніе Австро-Венгріи на Балканскій полуостровъ, и встрѣча здѣсь какъ съ русскимъ вліяніемъ въ столицѣ Турціи, такъ и съ популярностью Россіи среди православныхъ славянъ, была одною изъ причинъ, толкнувшихъ Австро-Венгрію въ объятія Германской имперіи.

Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ вспыхнуло противъ турокъ возстаніе въ Герцеговинѣ, которое въ Россіи объясняли австрійской агитаціей, въ Австро-Венгріи—агитаціей русской. Повстанцамъ оказали помощь единоплеменныя съ ними Черногорія и Сербія, и въ Вѣнѣ стали опасаться, какъ бы Герцеговина не присоединилась къ Черногоріи, а Боснія—къ Сербіи. Извѣстно, какія событія разыгрались отсюда вплоть до новой войны между Россіей и Турціей въ 1877—1878 гг. Австро-Венгрія вела свою линію въ полномъ

согласіи съ Германіей и съ рѣшительнымъ съ ея стороны содѣйствіемъ. Боснія и Герцеговина должны были сдѣлаться достояніемъ Габсбурговъ. Въ этомъ смыслѣ, не безъ косвеннаго содѣйствія главнаго направителя тогдашней международной политики, германскаго имперскаго канцлера Бисмарка, состоялось совѣщаніе между русскимъ и австрійскимъ государями, чѣмъ Россія, еще передъ началомъ войны съ Турціей, покупала австро-венгерскій нейтралитетъ въ этой войнѣ, но въ то же время со стороны Бисмарка было посѣлено взаимное недовѣріе между обоими государствами. Благодаря этому, во время восточной войны 1877—1878 гг. не была включена возможность присоединенія къ Турціи, вмѣстѣ съ Англіей, и Австро-Венгріи, которая, въ концѣ концовъ, то, чего желала, получила изъ рукъ берлинскаго конгресса, присудившаго ей оккупировать Боснію и Герцеговину.

Изъ войны 1877—1878 г. и послѣдовавшаго послѣ нея берлинскаго конгресса Россія не могла не вынести крайняго недовольства не только противъ Англіи и Австро-Венгріи, но и противъ Германіи, которая въ лицѣ „честнаго маклера", Бисмарка, содѣйствовала тому, что условія мира, заключеннаго съ Турціей въ Санъ-Стефано, были сильно урѣзаны. Союзъ трехъ императоровъ больше существовать не могъ при той неудачѣ, которую въ эти годы испытала русская политика.

Разстройство соглашенія трехъ императоровъ обнаружилось не сразу. И послѣ берлинскаго конгресса Александръ II продолжалъ думать, что это соглашеніе и впредь должно оставаться наилучшимъ средствомъ обезпеченія европейскаго мира. Мало-по-малу, однако, русское правительство фактами стало убѣждаться въ томъ, что между двумя другими союзниками начали устанавливаться болѣе тѣсныя отношенія, притомъ неблагопріятныя для интересовъ Россіи. Лѣтомъ 1879 г. русскій государь даже обратился къ германскому императору, своему дядѣ, съ родственною жалобою на политику Германіи, переставшую соотвѣтствовать исконной дружбѣ между обоими государствами. Вскорѣ затѣмъ между племянникомъ и дядей состоялось свиданіе, на которомъ Александръ II повторилъ свои жалобы, но Вильгельмъ I его тогда успокоилъ.

А между тѣмъ, какъ-разъ въ это время Бисмаркъ заключилъ союзъ Германіи съ Австро-Венгріей противъ Россіи.

Въ планы желѣзнаго канцлера никогда не входило оттолкнуть Австрію отъ Германіи на вѣчныя времена. Еще до войны 1866 г. онъ убѣждалъ Австрію, что ей лучше добровольно уступить Пруссіи первенство въ Германіи, а самой перенести центръ тяжести своей политики на Балканскій полуостровъ. Послѣ побѣды 1866 г. онъ воспротивился намѣренію своего государя устроить тріумфальный въѣздъ въ Вѣну и отнять у Австріи часть ея территоріи. Тогда же онъ началъ указывать Францу-Іосифу на необходимость пріобрѣтенія Босніи и Герцеговины и даже обѣщалъ ей въ этомъ дѣлѣ поддержку со стороны Германіи. Передъ возобновленіемъ старой дружбы съ Россіей обѣ нѣмецкія державы уже вошли между собою въ тайное соглашеніе относительно вознагражденія австрійскихъ потерь въ Италіи на счетъ турецкихъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ. Если, далѣе, Австрію пришлось исключить изъ Германіи, то для Бисмарка это не значило, что между обѣими нѣмецкими державами не должно было образоваться прочной связи въ интересахъ всего германства (Deutschtum), что Австрія не могла сдѣлаться его форпостомъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ направленіи къ южнымъ морямъ, и что этимъ путемъ нельзя было бы сдѣлать Габсбургскую монархію проводникомъ германскаго экономическаго и политическаго вліянія далеко за предѣлами имперіи. Рядомъ ловкихъ дипломатическихъ шаговъ Бисмаркъ достигъ того, что убѣдилъ и германскаго императора, и гр. Андраши, руководившаго въ то время австро-венгерской политикой, въ необходимости заключенія австро-германскаго оборонительнаго союза противъ Россіи и возможнаго сближенія ея съ Франціей. Союзъ съ Австріей былъ навязанъ имперскимъ канцлеромъ Вильгельму I прямо противъ его воли: дѣло доходило до взаимныхъ угрозъ— Бисмарка отставкою, Вильгельма I отреченіемъ отъ престола.

Австро-германскій союзный договоръ 1879 г. устранилъ старый антагонизмъ династій Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ, но, мало-по-малу, выяснилось, что направляющая роль въ союзѣ выпала на долю Германіи, за которою Австро-Венгрія

теперь покорно слѣдовала, ставъ къ Берлину чуть не въ вассальныя отношенія.

Мѣсто третьяго члена въ старомъ тройственномъ союзѣ, принадлежавшее Россіи, скоро, въ 1882 году, заняла Италія. Замѣчательно, что къ Австріи и Пруссіи присоединилась страна, еще такъ недавно бывшая во враждѣ съ первою изъ нихъ и отторгшая отъ нея въ 1859 и 1866 г.г. двѣ большія области. Германской дипломатіи удалось увѣрить Италію, что только въ союзѣ съ средне-европейскими державами она будетъ въ состояніи обезпечить свое національное существованіе и свое политическое единство. Захватъ Франціей Туниса, на который въ Италіи смотрѣли, какъ на будущую колонію, немало способствовалъ тому, что Италія примкнула къ австро-германскому союзу. Кромѣ того, союзъ съ сильной германской монархіей, казалось, долженъ былъ обезпечить Италію отъ республиканской опасности, которая, какъ многіе думали, шла для Савойской династіи изъ Франціи.

Тройственный союзъ, между прочимъ, обезпечивалъ за Германіей обладаніе Эльзасомъ и Лотарингіей, отнятыми, у Франціи въ 1871 г., за Австро-Венгріей—Босніей и Герцеговиной, „оккупированными“ отъ Турціи въ 1878 г., за Италіей—Римомъ, въ который она вступила въ 1870 г. Разница была, однако, та, что и Германія, и Австро-Венгрія завладѣли чужимъ, тогда какъ Италія занятіемъ Рима только завершила свое національное объединеніе. Не такъ ли, — можно спросить, - и для Австріи, Пруссіи и Россіи долгое время однимъ изъ мотивовъ союза было спокойное обладаніе бывшими польскими областями?

V.

Австро-прусско-русская политическая комбинація съ перерывами просуществовала больше ста лѣтъ. Впервые она сложилась въ 1772 г. для перваго польскаго раздѣла, за которыми послѣдовали и второй (безъ Австріи, впрочемъ), и третій раздѣлы. Въ послѣдній разъ она возобновилась ровно черезъ сто лѣтъ, чтобы, просуществовавъ семь лѣтъ, распасться. Какъ-разъ двѣ нѣмецкія державы въ этомъ союзѣ, интересы которыхъ прежде наиболѣе расходились, теперь, наоборотъ,

тѣснѣе всего, — такъ тѣсно, какъ никогда раньше, — соединились въ новомъ союзѣ, направившемъ свое остріе противъ третьяго члена прежняго союза и замѣнившемъ этого третьяго члена новымъ, Италіей. Главною спайкою австро-германскаго союза сдѣлались интересы германизма, представленнаго въ Австріи какъ династіей, такъ и населеніемъ цѣлаго ряда коронныхъ земель или вкрапленнымъ въ не-нѣмецкое населеніе монархіи Габсбурговъ.

Бисмаркъ послѣ 1879 г., какъ самъ онъ выразился, не хотѣлъ обрывать совсѣмъ ту проволоку, которая соединяла Германію съ Россіей, но во всякомъ случаѣ, Россія была теперь отрѣзаннымъ ломтемъ, какія бы временныя сближенія и соглашенія у нея ни происходили и съ Германіей, и съ Австро-Венгріей. Изолированное положеніе Россіи было подчеркнуто въ извѣстномъ тостѣ императора Александра III за пріѣхавшаго въ гости въ Россію черногорскаго князя, какъ за единственнаго ея дѣйствительнаго друга.

Чувствовала себя изолированною и Франція. Уже въ 1875 г. ожидали новаго нападенія на нее нѣмцевъ, но тогда ее отъ этой опасности спасло личное вмѣшательство русскаго государя въ Берлинѣ. И послѣ этого Франція жила подъ вѣчной угрозой новой войны съ Германіей. Въ 1887 г., въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей Бисмаркъ сказалъ, что эта война рано или поздно неминуема, что въ сравненіи съ нею война 1870 г. будетъ дѣтской игрой, что изъ французовъ нужно будетъ выпустить всю кровь, дабы никто нѣсколько десятковъ лѣтъ и подумать во Франціи не могъ объ отместкѣ. До 1890 г. Россія еще могла разсчитывать на миръ съ Германіей, потому что между ними существовали, такъ называемые, перестраховочные договоры, время отъ времени возобновлявшіеся на срокъ, т. е. договоры о взаимномъ нейтралитетѣ въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, но въ 1890 г. эта перестраховка не была возобновлена. Общая опасность со стороны тройственнаго союза привела въ 1891 году къ франко-русскому соглашенію, вскорѣ превратившемуся въ настоящій союзъ.

Мысль о желательности прочнаго союза между Россіей и Франціей не была новою. Попытки ея осуществленія дѣлались и при Наполеонѣ I, и въ эпоху реставраціи. Во вре-

мена іюльской монархіи, второй республики и имперіи Наполеона III, въ теченіе четырехъ среднихъ десятилѣтій XIX в. (1830—1870) мысль о такомъ союзѣ и возникнуть не могла, да и потомъ, въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ годовъ, Россія снова считала себя членомъ стараго союза съ Австріей и Пруссіей, разросшейся въ Германію; притомъ могла-ли Россія дорожить союзомъ съ разбитой Франціей. Различіе политическихъ принциповъ тоже стояло поперекъ возможности сближенія. Нуженъ былъ довольно продолжительный періодъ времени, въ теченіе котораго, то и дѣло, въ Германіи раздавались угрозы по адресу и Россіи, и Франціи, чтобы и въ той, и въ другой сознана была необходимость взаимной поддержки въ случаѣ нападенія. О возможности войны Германіи съ Россіей говорили давно, причемъ приписывали нашему отечеству воинственные планы, которыхъ у него на самомъ дѣлѣ не было. Многіе думали, что, одолѣвъ своихъ враговъ на трехъ фронтахъ (сѣверномъ съ Даніей, южномъ съ Австріей, западномъ съ Франціей), Германія должна будетъ вести войну и на четвертомъ, восточномъ, съ Россіей. Союзъ Россіи съ Франціей вызывался, такимъ образомъ, политическою необходимостью, съ чѣмъ, до извѣстной степени, совпадало и общественное настроеніе. Союзы съ нѣмцами никогда у насъ не пользовались общественнымъ сочувствіемъ, которое, наоборотъ, у насъ почти всегда было на сторонѣ французовъ. Въ 1870—71 гг. въ этомъ отношеніи правительство и общество въ Россіи рѣзко между собою расходились: первое было на сторонѣ Пруссіи, второе—на сторонѣ французовъ. Теперь и правительство стало искать сближенія съ Франціей.

Были, конечно, въ обѣихъ странахъ общественные элементы, относившіеся скептически и прямо отрицательно къ союзу двухъ государствъ, столь непохожихъ одно на другое по своему политическому строю, но, въ общемъ, и здѣсь, и тамъ союзъ пользовался сочувствіемъ, и въ Россіи, наприм., многіе прогрессивно настроенные люди находили, что перемѣна германскаго союза на французскій можетъ оказаться благопріятнымъ обстоятельствомъ для нашего внутренняго развитія. Дѣло началось съ посѣщенія Россіи французскою эскадрою и Франціи русскою, съ обмѣномъ взаимными привѣтствіями главъ обоихъ государствъ, въ которыхъ сначала

говорилось только о соглашенiи, а потомъ о дружбѣ и союзѣ. Двѣ поѣздки русскаго Государя во Францiю и неоднократныя посѣщенiя Россiи президентами французской республики все болѣе скрѣпляли союзъ.

Тройственный и двойственный союзы въ теченiе цѣлаго ряда лѣтъ оставались двумя политическими группами на материкѣ Европы. Англiя продолжала держаться особнякомъ или, какъ любили одно время выражаться, находилась въ положенiи „блестящей изолированности“.

Въ исторiи Англiи конца XIX в. былъ моментъ (1890 г.), когда она сблизилась-было съ Германiей, и это обстоятельство также ускорило сближенiе между Францiей и Россiей, но данный моментъ скоро прошелъ, и отношенiя Англiи съ Германiей стали быстро обостряться. Изъ своей блестящей изолированности, съ какою Англiя перешла въ XX вѣкъ, она вышла только въ 1904 г., когда состоялось ея соглашенiе съ Францiей, за которымъ, въ 1907 г., послѣдовало и соглашенiе съ Россiей.

Въ началѣ XIX в., когда создавался Священный союзъ, международная политика была европейскою, къ началу XX столѣтiя, когда образовалось тройственное соглашенiе, политика стала уже мiровою. Благодаря своему морскому могуществу и своимъ колонiямъ во всѣхъ частяхъ свѣта, Англiя одна изъ первыхъ европейскихъ державъ, выступила на поприще мiровой политики и только къ концу XIX в. встрѣтилась на этомъ поприщѣ съ новою соперницею въ лицѣ Германiи. Раньше опасность для себя она видѣла только со стороны Францiи и Россiи. Вступленiе Англiи въ союзъ какъразъ съ этими двумя державами знаменуетъ крупный переворотъ въ международныхъ политическихъ отношенiяхъ.

Съ середины XIX в. англичанъ особенно тревожили успѣхи русскихъ въ Средней Азiи, приблизившiе Россiю къ англiйскимъ владѣнiямъ въ Индiи. Въ 1885 г. изъ-за тамошнихъ отношенiй чуть-было не вспыхнула война между Англiей и Россiей. Нѣсколько позднѣе едва также не произошла война и между Англiей и Францiей изъ-за одного пункта во внутренней Африкѣ (фашодскiй инцидентъ 1898 г.). И въ другихъ мѣстахъ англiйскiе интересы сталкивались или съ русскими (напр., въ Персiи), или съ французскими (напр., въ

Индо-Китаѣ). Соперничество Англіи съ Россіей и Франціей по азіатскимъ и африканскимъ дѣламъ, собственно говоря, и заставило ее искать сближенія съ Германіей, пока развитіе германской промышленности, начавшей конкурировать съ англійской, усиленіе германскаго флота и враждебныя выступленія Вильгельма II противъ Англіи въ другихъ частяхъ свѣта не заставили англійское правительство покончить старые счеты съ Франціей и Россіей.

Эфемерная и довольно случайная англо-франко-русская комбинація временъ Наваринской морской битвы была своего рода указаніемъ на возможность наступленія такихъ условій, при которыхъ Россія окажется въ одномъ лагерѣ съ Англіей и Франціей, а не съ Австріей и Пруссіей. По отношенію къ Турціи въ 1914 г. Англія и Франція, всегда отстаивавшія Оттоманскую имперію отъ Россіи, оказались также на сторонѣ прежней своей соперницы, а не Турціи, которую они защищали, и какъ-разъ съ нею теперь ведутъ войну. Германія, которая раньше имѣла наименьшее количество интересовъ въ Турціи, оказалась въ началѣ XX вѣка наиболѣе вліятельной державой въ Константинополѣ. Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія германское правительство стало съ большимъ успѣхомъ распространять свое экономическое и политическое вліяніе въ Оттоманской имперіи, имѣя въ виду подчинить германскимъ интересамъ турецкія владѣнія въ Азіи до самаго Персидскаго залива. И еще одна знаменательная перемѣна: съ началомъ великой войны Италія фактически вышла изъ тройственнаго союза, и опроставшееся въ немъ мѣсто заняла Турція.

Такъ строятся и перестраиваются международныя отношенія. Прежніе союзники расходятся, прежніе враги, наоборотъ, сходятся, и вѣковыя традиціи рушатся подъ натискомъ вновь возникающихъ интересовъ.

VI.

Задача, которую поставилъ себѣ Священный союзъ 1815 г., имѣла строго консервативный характеръ. Первымъ, самымъ важнымъ его дѣломъ была охрана международнаго мира—послѣ военной эпохи, продолжавшейся безъ малаго четверть вѣка.

Вѣнскій конгрессъ только-что создалъ новую политическую карту Европы, и союзъ взялся охранять установленныя конгрессомъ границы отдѣльныхъ государствъ. Наиболѣе въ этомъ были заинтересованы Австрія, Пруссія и Россія, вышедшія изъ борьбы съ Наполеономъ съ самыми крупными территоріальными пріобрѣтеніями. Спеціально для Австріи вѣнскій конгрессъ создалъ особое положеніе въ средней Европѣ, сдѣлавъ ее наиболѣе вліятельной политической силой и въ Германіи, и въ Италіи. Охрана трактатовъ 1815 г. поэтому стала для союза однимъ изъ главныхъ предметовъ заботъ и хлопотъ. Консервативный его характеръ проявлялся и въ его борьбѣ съ революціонными движеніями, ради чего онъ собиралъ конгрессы начала двадцатыхъ годовъ—въ Тропау, Лайбахѣ и Веронѣ. Это были годы, когда и Англія, и Франція, въ той или другой мѣрѣ, подчинялись консервативнымъ лозунгамъ Священнаго союза. Тремъ его членамъ было даже провозглашено право вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ нихъ грозитъ опасность спокойствію сосѣдей. Англія и Франція не хотѣли дать своей санкціи этому принципу, но вмѣшательство въ дѣла Неаполитанскаго королевства и Испаніи по уполномоченію, полученному отъ конгрессовъ Австріей и Франціей, все-таки произошло, причемъ на долю Франціи, чуть не противъ ея собственнаго желанія, выпало совершить экзекуцію въ Испаніи. Великія державы диктовали свою волю второстепеннымъ государствамъ, которыя, такимъ образомъ, попали подъ опеку „пентархіи“ или, вѣрнѣе, Священнаго союза.

Своимъ остріемъ онъ былъ направленъ противъ Франціи, побѣда надъ которой въ 1814 и 1815 г.г. и создала новую международную конъюнктуру. Изъ всѣхъ великихъ державъ одна Франція не могла быть довольна постановленіями вѣнскаго конгресса. Наканунѣ іюльской революціи у французскаго правительства былъ планъ новой, въ союзѣ съ Россіей, передѣлки карты Европы, планъ, о которомъ будетъ сказано нѣсколько ниже. Вѣдь и вся внѣшняя политика Франціи при Наполеонѣ III вытекала также изъ желанія отмѣнить невыгодныя для Франціи статьи вѣнскаго конгресса, тогда какъ союзъ консервативныхъ державъ и теперь продолжалъ держаться за границы 1815 года.

Въ настоящее время не лишенъ историческаго интереса только-что упомянутый французскій планъ передѣлки политической карты Европы, который Карлъ X и его министръ Полиньякъ предположили осуществить при помощи Россіи.

Планъ былъ основанъ на идеѣ раздѣла Турціи, послѣ котораго Россія овладѣла бы Моравіей и Валахіей, Австрія—Сербіей, Босніей, Герцеговиной съ побережьемъ Адріатическаго моря, а изъ остальныхъ частей Турціи съ Константинополемъ, Греціей и островами составилось бы новое государство съ королемъ нидерландскимъ во главѣ. Такъ предполагалось разрѣшить восточный вопросъ. Перемѣщеніе нидерландскаго короля въ Константинополь должно было быть вознагражденіемъ ему за потерю его королевства, которое тоже должно было быть раздѣлено: Голландія отходила къ Пруссіи, Бельгія и Люксембургъ—къ Франціи, голландскія колоніи—къ Англіи. Пруссія, кромѣ Голландіи, должна была получить еще Саксонію взамѣнъ прусскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна, которыя были бы переданы саксонскому королю съ возвращеніемъ Франціи того, что у нея было отнято въ 1815 г.

Планъ, конечно, былъ фантастиченъ, но въ то же время онъ очень характеренъ. Недалеко позади была еще наполеоновская эпоха, когда также, то и дѣло, перекраивалась политическая карта Европы, и сильные не церемонились со слабыми и дѣлили между собою цѣлыя государства. Весь XVIII вѣкъ занимался такими дѣлежами: дѣлили цѣликомъ или частями испанское наслѣдство, Швецію, австрійское наслѣдство, Польшу и т. д. Французская революція и Наполеонъ продолжали эту же самую политику раздѣловъ. Венскій конгрессъ, самъ перекраивавшій и выкраивавшій территоріи, долженъ былъ, по основной своей идеѣ, положить этому конецъ и, создавъ прочный международный порядокъ, поставить его подъ охрану великихъ державъ. Въ сущности, господами положенія сдѣлались Австрія, Пруссія и Россія. Только внѣшнія обстоятельства, а не добрая ихъ воля помѣшали имъ въ 1830 г. заставить Бельгію оставаться подъ властью Нидерландскаго королевства, равно какъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Франціи.

Главною противницею опеки великихъ державъ надъ второстепенными государствами была Англія, которая одно время

дѣйствовала въ этомъ отношеніи въ союзѣ съ Франціей. Мы видѣли, какъ обѣ онѣ заявили союзу консервативныхъ державъ, что не допустятъ ихъ вмѣшательства въ дѣла Бельгіи, Швейцаріи и Сардинскаго королевства. Въ сороковыхъ годахъ, однако, и Франція перешла на сторону своихъ прежнихъ противниковъ, когда стала искать союза съ Австріей, чтобы сообща бороться съ демократическими движеніями въ Италіи и въ Швейцаріи.

Благопріятная для малыхъ государствъ на континентѣ роль Англіи—фактъ общеизвѣстный, но по временамъ заодно съ Англіей дѣйствовала не только Франція, но и Россія. Напомню о греческомъ дѣлѣ, о защитѣ Даніи въ 1852 г. совмѣстно Англіей, Франціей и Россіей. Но бывали случаи. когда, наоборотъ, Англія была за политику порабощенія, а освободительную политику вела Россія: случаи эти относятся къ борьбѣ христіанскихъ народностей Турціи съ ихъ вѣковыми угнетателями. Не всегда, значитъ, и Англія стояла на сторонѣ правъ малыхъ народовъ, и въ балканскомъ кризисѣ конца семидесятыхъ годовъ она дѣлала одно дѣло съ Австріей, противясь освободительной роли Россіи.

Для великихъ державъ не безразлично было, на чьей сторонѣ были малыя государства. При Наполеонѣ I въ западной части континента была только одна великая держава—Франція, стоявшая во главѣ цѣлаго ряда второстепенныхъ государствъ, къ положенію которыхъ были низведены и сильно урѣзанная Пруссія, и Австрія. Новая Германская имперія, ставшая во главѣ тройственнаго союза, обнаружила стремленіе къ такой же общеевропейской гегемоніи, какой не достигали ни Россія при Николаѣ I, ни Франція при Наполеонѣ III. Въ эпоху полной изолированности Россіи, Франціи и Англіи, руководимый Германіей тройственный союзъ сдѣлался великою политическою силою, подъ вліяніе которой стали подпадать второстепенныя государства, тѣмъ самымъ усиливая политическую мощь Германіи. Послѣ образованія Германской имперіи сосѣднія мелкія государства прямо боялись за свою судьбу. Одно время Бисмарку приписывали намѣреніе присоединить Голландію со всѣми ея колоніями. Существовало также опасеніе, какъ бы Германія не присоединила къ себѣ большую часть Швей-

царіи съ ея нѣмецкимъ населеніемъ. Тревожилась за свою судьбу и Бельгія. Эти страхи потомъ разсѣялись, но германское вліяніе вездѣ росло, и въ сферу его все болѣе и болѣе входили второстепенныя государства Европы. Однимъ изъ фронтовъ, на которыхъ Германія, при помощи Австро-Венгріи, создавала для себя господствующее положеніе, былъ Балканскій полуостровъ, гдѣ въ восьмидесятыхъ годахъ обѣимъ нѣмецкимъ державамъ удалось перетянуть на свою сторону Болгарію, только-что освобожденную Россіей отъ турецкаго ига. Этотъ успѣхъ австро-германской политики былъ тоже одною изъ причинъ того, что Россія склонилась къ сближенію съ Франціей. Въ самомъ концѣ XIX в. и Турція подпала подъ германское вліяніе до такой степени, что въ 1914 г. Вильгельмъ II сумѣлъ заставить султана начать войну съ Россіей. Это усиленіе нѣмецкаго вліянія на берегахъ Босфора, равнымъ образомъ, было одною изъ причинъ того, что Англія, всегда бывшая соперницей Россіи въ Оттоманской имперіи, перемѣнила свои отношенія къ намъ. Независимо отъ этого, съ конца XVIII в. здѣсь неоднократно происходили солидарныя, хотя и не всегда успѣшныя отъ недостаточной внутренней сплоченности, выступленія Англіи, Франціи и Россіи (требованіе проведенія реформъ въ Арменіи, оказаніе помощи Греціи послѣ войны съ Турціей). Въ общемъ было очень важно, что Англія въ эти годы отказалась отъ прежней туркофильской политики. Впрочемъ, въ это же время Россія связывала себя по балканскимъ дѣламъ соглашеніями съ Австро-Венгріей, которыя вносили въ нашу политику извѣстную непослѣдовательность.

Мы прослѣдили, при какихъ обстоятельствахъ и какими условіями были созданы въ Европѣ два союза, которые вступили въ 1914 г. въ вооруженную борьбу. Когда въ 1872 г. какъ-будто возобновился традиціонный союзъ трехъ великихъ державъ восточной половины Европы, въ немъ видѣли лучшее обезпеченіе мира. Когда потомъ союзъ трехъ императоровъ, съ выходомъ изъ него Россіи, замѣнился тройственнымъ союзомъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, цѣлью его также ставилось поддержаніе мира,—правда, мира вооруженнаго, но все-таки мира. Россія ушла изъ союза съ двумя другими имперіями не по своей волѣ и отнюдь не

съ воинственными цѣлями, и если заключила союзъ съ Франціей, то опять-таки не ради войны, а для поддержанія европейскаго мира. Сдѣлалось даже своего рода основнымъ тезисомъ международной политики, что европейскій миръ одинаково охраняется существованіемъ тройственнаго и франко-русскаго союзовъ. Еще всего за нѣсколько дней до начала великой войны, во время посѣщенія Россіи президентомъ Французской республики, въ оффиціальныхъ заявленіяхъ обѣихъ сторонъ звучала та же нота: союзъ Россіи и Франціи направленъ на обезпеченіе европейскаго мира. Въ другомъ лагерѣ, наоборотъ, была рѣшена война „превентивная война", какъ назвали ее незадолго передъ тѣмъ, когда еще никто не предвидѣлъ, что она уже такъ близка. Въ сущности, Германія стремилась къ одному—къ міровому владычеству, и это дѣлало ея союзъ съ Австро-Венгріей союзомъ агрессивнымъ.

Какъ все перевернулось теперь въ международныхъ отношеніяхъ, лучше всего видно изъ воззванія Верховнаго Главнокомандующаго, возвѣстившаго возсоединеніе польской націи, раздѣлъ которой между тремя державами послужилъ первымъ базисомъ для ихъ союза, и судьба которой была одною изъ причинъ отрицательнаго отношенія Франціи и Англіи къ русской политикѣ. Другой, не менѣе важный симптомъ коренной перемѣны въ международной политикѣ, это—участіе Англіи и Франціи на сторонѣ Россіи въ войнѣ съ Турціей, которую обѣ эти державы такъ усиленно оберегали отъ Россіи. Въ двухъ старыхъ своихъ вопросахъ—польскомъ и восточномъ—въ данную минуту Россія имѣетъ на своей сторонѣ двѣ державы, которыя всегда были въ этихъ двухъ вопросахъ противъ нея, но и сама Россія въ первомъ изъ этихъ вопросовъ стала на новый путь.

Борьба европейскихъ державъ за Бельгію.

В. А. Бутенко.

Ужасная трагедія, которую пришлось пережить на нашихъ глазахъ Бельгіи, поразила весь міръ своей неожиданностью. Со времени образованія самостоятельнаго и навѣки нейтральнаго бельгійскаго государства, европейское общество привыкло считать бельгійскій вопросъ рѣшеннымъ окончательно и даже было склонно нѣсколько завидовать тому удивительному благосостоянію, котораго достигла эта маленькая страна, благодаря гарантированному ей нейтралитету. А между тѣмъ вся исторія Бельгіи до 1830 г. была сплошнымъ мартирологомъ. Германія вписала въ этотъ мартирологъ лишь новую кровавую страницу.

Низменная область, лежащая на устьяхъ Рейна, Мааса и Шельды и получившая свое имя отъ своего географическаго положенія (Nederlanden, Niederlande, Pays-Bas, Low Countries), выдѣлилась въ самостоятельное политическое цѣлое къ концу среднихъ вѣковъ. Обладаніе устьями трехъ большихъ судоходныхъ рѣкъ, облегчавніее торговыя сношенія со всей средней Европой, рѣдкое плодородіе почвы и обиліе другихъ природныхъ богатствъ сдѣлали Нидерланды одной изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ странъ Европы. Но чѣмъ богаче были Нидерланды, тѣмъ большую зависть возбуждало ихъ богатство въ сосѣднихъ странахъ. Образованіе въ Европѣ на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени крупныхъ государствъ представляло поэтому угрозу для сохраненія Нидерландами самостоятельности. Франція и Испанія, Англія

и Австрія стали оспаривать другъ у друга міровое господство, и для каждой изъ нихъ обладаніе Нидерландами являлось заманчивой цѣлью, изъ-за которой стоило вести кровопролитныя войны.

Въ самомъ концѣ XV вѣка Нидерланды попали подъ власть испанскихъ королей. Сначала соединеніе съ Испаніей оказалось для нихъ въ высшей степени выгоднымъ, и въ первой половинѣ XVI вѣка расцвѣтъ нидерландскаго благосостоянія достигъ своего апогея. Нидерландскіе купцы сумѣли широко воспользоваться экономическимъ переворотомъ, происшедшимъ вслѣдствіе открытія Америки и морского пути въ Индію. Нидерланды сдѣлались главнымъ рынкомъ для торговли колоніальными товарами Испаніи и Португаліи, и важнѣйшій торговый портъ Нидерландовъ, Антверпенъ, сталъ торговой столицей всей Европы.

Этому цвѣтущему состоянію Нидерландовъ нанесла непоправимый ударъ фанатическая и деспотическая политика Филиппа II, вызвавшая въ Нидерландахъ революцію и приведшая къ распаденію единыхъ прежде Нидерландовъ на нынѣшнія Голландію и Бельгію. Дѣло реформаціи восторжествовало въ Голландіи, но Бельгія осталась вѣрна католицизму, и всѣ попытки Вильгельма Оранскаго образовать изъ 17 нидерландскихъ провинцій единую федеративную республику, разбились о взаимную нетерпимость католиковъ и протестантовъ. Сѣверяне и южане окончательно раздѣлились на двѣ отдѣльныя націи, отличавшіяся другъ отъ друга и религіей, и языкомъ, и племеннымъ происхожденіемъ. Голландія образовала самостоятельное цвѣтущее государство, а Бельгія вернулась подъ власть Филиппа II и осталась испанской провинціей.

Революція и междоусобная война гибельно подѣйствовали на экономическую жизнь Бельгіи. Къ концу XVI вѣка не осталось и слѣдовъ того процвѣтанія, которымъ она отличалась при Карлѣ V. Богатѣйшія области были опустошены. Населеніе спасалось бѣгствомъ въ Голландію и сосѣднія страны. Промышленность и торговля пришли въ полный упадокъ. Цвѣтущіе нѣкогда города лежали въ развалинахъ. Антверпенъ въ 1576 г. былъ взятъ испанскими войсками и сдѣлался жертвой „испанской фуріи“, во время которой

богатства города были безпощадно разграблены, а значительная часть населенія перебита. „Всѣмъ извѣстно, писали по этому поводу штаты Брабанта, что Антверпенъ вчера еще былъ первымъ и главнымъ украшеніемъ Европы, убѣжищемъ націй всего міра, источникомъ и складомъ безчисленныхъ сокровищъ, кормилицей искусствъ и промышленности, защитникомъ римско-католической религіи, хранителемъ науки и доблести. Теперь городъ этотъ обратился въ мрачную пещеру, наполненную разбойниками, убійцами, врагами Бога, короля и всѣхъ добрыхъ людей“.

Въ самомъ концѣ XVI вѣка для Бельгіи блеснулъ какъ будто лучъ свѣта. Филиппъ II предъ смертью убѣдился, наконецъ, въ полной ошибочности своей политики по отношенію къ Нидерландамъ и рѣшилъ дать Бельгіи политическую независимость. Онъ отказался отъ своихъ правъ на нидерландскія провинціи въ пользу своей дочери Изабеллы и ея мужа эрцгерцога Альбрехта. Бельгія получала такимъ образомъ національную династію и самостоятельное политическое существованіе, и ея новые правители принялись, по мѣрѣ силъ и умѣнія, за уврачеваніе неисчислимыхъ бѣдствій, причиненныхъ войной. Къ сожалѣнію, этотъ періодъ самостоятельнаго существованія Бельгіи оказался крайне непродолжительнымъ. Послѣ смерти бездѣтныхъ Альбрехта и Изабеллы Бельгія опять вернулась подъ власть Испаніи и должна была безропотно переносить агонію умирающей велико-испанской монархіи. Непрерывныя бѣдствія, обрушивавшіяся на головы бельгійскаго населенія, мало-по-малу воспитали въ бельгійскомъ обществѣ полную апатію къ судьбамъ родины, и жизненныя силы маленькой націи, до сихъ поръ славившейся своей страстной любовью къ свободѣ, казались изсякнувшими подъ гнетомъ испанскаго ига.

По мѣрѣ упадка Испаніи пріобрѣтеніе Бельгіи дѣлалось все болѣе заманчивымъ для политическихъ соперницъ Испаніи, число которыхъ съ конца XVI вѣка увеличилось Голландіей. Французскіе короли еще со временъ первыхъ Капетинговъ видѣли цѣль своей внѣшней политики въ достиженіи „естественныхъ границъ“ Франціи. На сѣверо-востокѣ этой „естественной границей“ являлось теченіе Рейна. И Франція упорно добивалась этой цѣли, шагъ за шагомъ увеличивая свою

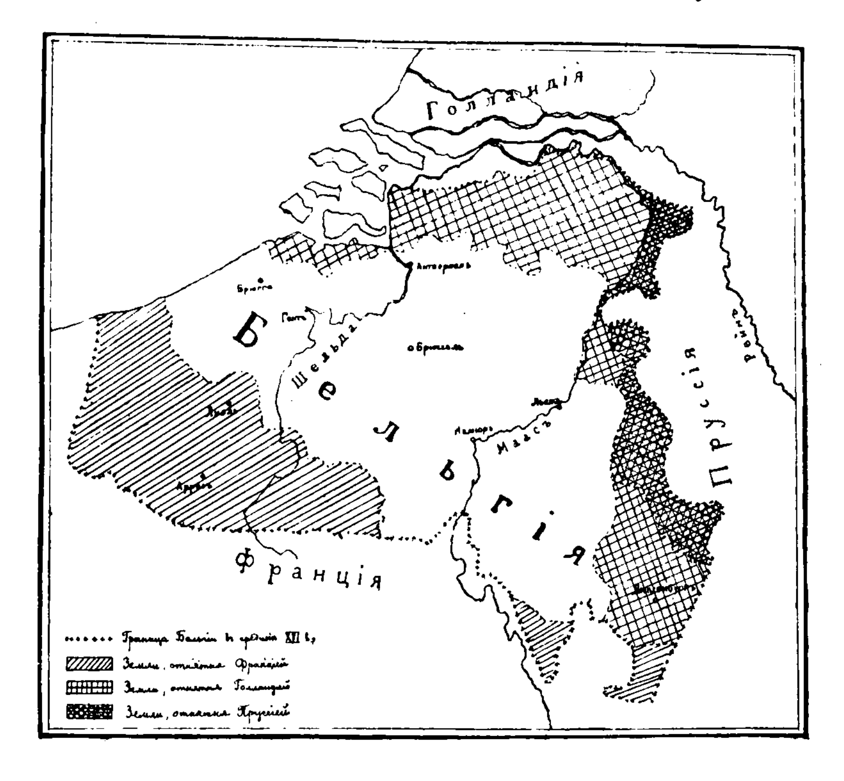
территорію за счетъ бельгійскихъ областей. Постоянной соперницей Франціи на этомъ пути являлась Голландія, въ короткое время достигшая замѣчательнаго политическаго и экономическаго могущества. Захвативъ въ свои руки устья Мааса и Шельды, голландцы стремились возстановить разорванную въ XVI вѣкѣ связь между сѣверными и южными провинціями и превратить всѣ Нидерланды въ единое федеративное государство.

Интересы Англіи сначала не совпадали ни съ французскими, ни съ голландскими интересами. Англія не могла надѣяться на переходъ Бельгіи въ англійскія руки, но она не могла одинаково допустить ея перехода и къ другой сильной державѣ. Бельгія, принадлежащая сильному государству, представляла бы постоянную угрозу морскому господству Англіи, а господство на моряхъ уже въ XVII вѣкѣ сдѣлалось для Англіи conditio sine qua non ея великодержавнаго значенія. До средины XVII вѣка оставалось неяснымъ, которая изъ двухъ державъ является для Англіи болѣе опасной соперницей: Франція или Голландія. Но со вступленія на французскій престолъ Людовика XIV линія англійской политики въ бельгійскомъ вопросѣ вполнѣ опредѣлилась. Голландія къ этому времени окончательно признала морскую гегемонію Англіи и перестала для нея быть опасной. А французскій „король-солнце“ открыто стремился къ созданію всемірной монархіи. Поэтому, Англія поставила своей задачей противодѣйствіе французской гегемоніи въ Европѣ и стала оказывать Голландіи самую дѣятельную помощь въ ея борьбѣ съ Людовикомъ XIV. Къ этимъ тремъ державамъ, соперничавшимъ изъ-за Бельгіи, присоединялась еще Австрія, у которой, правда, не было въ Бельгіи непосредственныхъ интересовъ, но которая, однако, во имя политическаго равновѣсія, не могла допустить перехода Бельгіи къ Франціи, къ Англіи или къ Голландіи.

Претензіи четырехъ державъ на бельгійское наслѣдство умирающей Испаніи вызвали рядъ кровопролитныхъ войнъ, и въ теченіе полутора столѣтія Бельгія оставалась театромъ почти непрерывныхъ военныхъ дѣйствій. Война между Испаніей и Голландіей, вспыхнувшая въ 1572 г., продолжалась до 1609 г. Въ 1621 г. она возобновилась и осложнилась вмѣша-

тельствомъ Франціи, и, если Голландія заключила съ Испаніей миръ въ 1648 г., то Франція продолжала войну до 1659 г. Послѣ этого въ теченіе всего царствованія Людовика XIV въ Бельгіи почти безъ перерыва шли войны. За деволюціонной войной 1667—1668 гг. послѣдовали война съ Голландіей въ 1672—1678 гг., война съ аугсбургской лигой въ 1688—1697 гг. и война за испанское наслѣдство въ 1701—1714 гг.

Соперничество четырехъ державъ изъ-за обладанія Бельгіей не позволило ни одной изъ нихъ цѣликомъ осуществить



свои замыслы, но зато каждая изъ нихъ пользовалась благопріятными моментами, чтобы отхватить тотъ или иной клочокъ бельгійской территоріи и расширить свои владѣнія за счетъ бельгійскихъ областей. Съ начала XVIII вѣка, кромѣ того, появилась еще новая претендентка на бельгійскія земли въ лицѣ Пруссіи, давно уже утвердившейся на нижнемъ теченіи Рейна, но только теперь превратившейся въ сильную

державу. Всѣ международные трактаты за время съ 1648 г. по 1714 г. (мюнстерскій миръ 1648 г., пиренейскій миръ 1659 г., ахенскій трактатъ 1668 г., нимвегенскій трактатъ 1678 г., регенсбургскій трактатъ 1684 г., рисвикскій трактатъ 1697 г., утрехтскій трактатъ 1713 г., раштадтскій трактатъ 1714 г.) дѣлили и кромсали бельгійскую территорію сообразно съ дипломатическими конъюнктурами и реальными силами соперничающихъ странъ, всѣ они вносили въ судьбы Бельгіи болѣе или менѣе серьезныя измѣненія, совершенно не считаясь ни съ интересами, ни съ стремленіями самихъ бельгійцевъ.

Въ результатѣ Бельгія къ 1714 г. лишилась значительной части своей прежней территоріи. Голландія отняла у нея сѣверный Брабантъ и часть Фландріи съ устьями Шельды. Франція захватила всю провинцію Артуа и большія области въ Фландріи, Эно (Геннегау), Намюрѣ и Люксембургѣ. Пруссія сумѣла отхватить въ свою пользу часть Гельдерна. Остальныя бельгійскія области послѣ раздѣла испанскаго наслѣдства перешли къ Австріи, но права Австріи при этомъ подверглись существеннымъ ограниченіямъ въ силу, такъ называемыхъ, „барьерныхъ трактатовъ“, заключенныхъ между Австріей, Англіей и Голландіей. Въ качествѣ гарантіи противъ замысловъ Франціи, на бельгійской границѣ создавался „барьеръ“ въ видѣ ряда крѣпостей (Намюръ, Турнэ, Мененъ, Ипръ и др.), которыя были заняты голландскими гарнизонами. Кромѣ того, устье Шельды было закрыто для навигаціи, и австрійское правительство обязывалось не допускать никакихъ измѣненій въ таможенной политикѣ Бельгіи безъ согласія Англіи и Голландіи, такъ что вся экономическая жизнь Бельгіи была поставлена подъ иностранную опеку.

Превращеніе Бельгіи изъ „Испанскихъ Нидерландовъ“ въ „Австрійскіе Нидерланды“ все же нѣсколько улучшило ея положеніе. Конечно, войдя въ составъ разноплеменнаго конгломерата земель, которыя даже не имѣли общаго имени и на офиціальномъ языкѣ носили названіе „владѣній Австрійскаго дома“, Бельгія отнюдь не могла вызывать къ себѣ особаго вниманія со стороны представителей династіи Габсбурговъ.

Бельгійскій вопросъ былъ для австрійскихъ Габсбурговъ лишь однимъ изъ многихъ династическихъ и политическихъ

вопросовъ, составлявшихъ существо австрійской политики, и интересами Бельгіи они всегда готовы были жертвовать для интересовъ другихъ своихъ областей. Они не скрывали даже своего желанія при случаѣ вообще промѣнять Бельгію на какую-нибудь болѣе близкую къ собственной Австріи область.

Но, во первыхъ, за все время отъ войны за испанское наслѣдство вплоть до войнъ французской революціи, съ 1714 г. до 1792 г., миръ въ Бельгіи нарушался только одинъ разъ, во время войны за австрійское наслѣдство (1740—1748), и страна могла хоть немного вздохнуть отъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій. Во-вторыхъ, какъ ни были несовершенны австрійскіе правительственные пріемы этого времени, они, во всякомъ случаѣ, были лучше традиціонныхъ методовъ испанской политики. Въ особенности это стало чувствоваться, когда на политикѣ австрійскихъ монарховъ отразилось вѣяніе идей французскаго „просвѣщенія“, и Марія Терезія и Іосифъ II принялись въ своихъ земляхъ за рядъ преобразованій въ духѣ „просвѣщеннаго“ абсолютизма.

Вліяніе идей „просвѣщенія“ сказалось, однако, въ Бельгіи не только на дѣятельности правительства. Оно почувствовалось также въ новомъ настроеніи общества, и въ этомъ отношеніи привело къ неожиданнымъ для австрійскихъ властей результатамъ. Призывы къ политической свободѣ и ученіе о народномъ верховенствѣ пробуждали среди бельгійцевъ умолкнувшее національное чувство. Принципъ народнаго суверенитета логически приводилъ къ мысли о правѣ каждой націи на политическое самоопредѣленіе, и непосредственнымъ слѣдствіемъ вліянія „просвѣтительной“ литературы былъ быстрый ростъ бельгійскаго національнаго самосознанія.

Іосифъ II рѣзкостью своихъ преобразовательныхъ начинаній больно задѣлъ это пробудившееся національное самосознаніе, въ которомъ глубокая преданность къ католической религіи неразрывно переплеталась съ стремленіемъ къ политической свободѣ. Мѣры, направленныя къ усиленію власти правительства за счетъ историческихъ вольностей отдѣльныхъ провинцій, и предпринятая правительствомъ борьба противъ привилегій католической церкви вызвали большое раздраженіе во всѣхъ кругахъ бельгійскаго обще-

ства. И „революціонеръ на тронѣ“, Іосифъ II, дѣйствовавшій во имя идеаловъ „просвѣщенія“, возбудилъ противъ себя въ Бельгіи болѣе сильное недовольство, чѣмъ двумя столѣтіями раньше поборникъ католической реакціи Филиппъ II, такъ какъ на этотъ разъ къ стремленію къ политической свободѣ присоединилось оскорбленное религіозное чувство. Въ своемъ протестѣ противъ политики Іосифа II Бельгія почувствовала себя единымъ національнымъ цѣлымъ и во имя нарушеннаго принципа національнаго самоопредѣленія въ 1789 г. подняла возстаніе противъ австрійскаго владычества.

Часъ бельгійской свободы, однако, еще не пробилъ. Бельгійская революція 1789 г., по времени совпавшая съ началомъ великой французской революціи, была пока лишь предвѣстницей будущей независимости Бельгіи, лишь яркимъ доказательствомъ того, что бельгійскій народъ проснулся послѣ столѣтій угнетенія и апатіи. Бельгія со своимъ трехмилліоннымъ населеніемъ была слишкомъ слаба для того, чтобы отстоять свою свободу однѣми собственными силами, а международное положеніе по прежнему складывалось для нея неблагопріятно. Сосѣднія державы не оставили своихъ замысловъ на ея территорію, и Бельгія попала въ грандіозный политическій водоворотъ, вызванный въ Европѣ великой французской революціей.

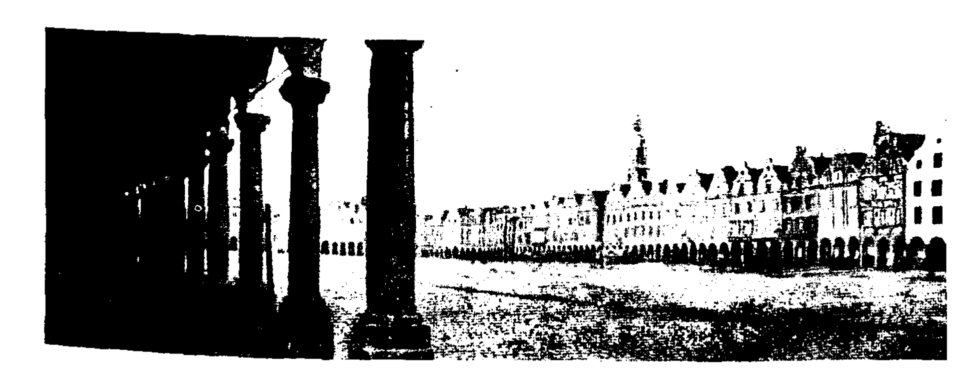
Революціонная Франція, начиная свою гигантскую борьбу съ соединившейся противъ нея Европой, поставила своей задачей освобожденіе европейскихъ народовъ изъ-подъ гнета старыхъ порядковъ и выбрала своимъ лозунгомъ фразу „война—замкамъ, миръ—хижинамъ!“ Дюмурье, вступая въ предѣлы Бельгіи съ французской арміей, говорилъ въ своемъ воззваніи къ населенію: „Мы вступаемъ на вашу территорію для того, чтобы помочь вамъ насадить древо свободы, вовсе не вмѣшиваясь въ тѣ государственные порядки, которые вы захотите ввести у себя. Установите только у себя верховенство народа и откажитесь жить подъ властью деспотовъ, и мы будемъ вашими братьями, вашими друзьями, вашей опорой!“. Побѣда при Жемаппѣ отдала въ руки французовъ всю Бельгію. Бельгійцамъ была обѣщана національная независимость и предоставлено право образовать свое собственное правительство. Но очень скоро у французскихъ

политическихъ дѣятелей революціонные идеалы уступили мѣсто практическимъ соображеніямъ, и, вмѣсто освобожденія народовъ, по отношенію къ Бельгіи стала выдвигаться завѣтная цѣль французской внѣшней политики—достиженіе „естественныхъ границъ". Тщетно представители бельгійскаго народа обращались къ „возстановителямъ правъ человѣка" съ протестами противъ обращенія съ Бельгіей, какъ съ завоеванной страной. Тщетно объявляли они поведеніе французскихъ коммиссаровъ въ Бельгіи „покушеніемъ на суверенитетъ бельгійскаго народа". Бельгіи пришлось пережить всѣ ужасы завоеванія, а 9 вандемьера IV года (1 октября 1795 года) конвентъ окончательно инкорпорировалъ Бельгію въ составъ Франціи и образовалъ изъ бельгійскихъ областей 9 французскихъ департаментовъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ этого Бельгія оставалась только частью французской территоріи.

Паденіе всемірной имперіи Наполеона снова поставило на очередь дня бельгійскій вопросъ. Кому должна была принадлежать отнятая у французовъ Бельгія? Казалось бы, отвѣтъ напрашивался самъ собой: самимъ бельгійцамъ! Но дипломаты вѣнскаго конгресса, занимаясь передѣлкой карты Европы, менѣе всего были склонны рѣшать вопросъ о Бельгіи въ духѣ національнаго принципа. Они признавали принципъ легитимизма, они заботились объ установленіи политическаго равновѣсія, но они вовсе не желали считаться съ стремленіями европейскихъ народовъ. „Они вычисляли количество жителей въ территоріяхъ, которыя надо было дѣлить. Они умѣли даже опредѣлить экономическую, военную, земледѣльческую и промышленную цѣнность жителей, ихъ производительную силу, ихъ способность къ службѣ. Но они не обращали никакого вниманія на состояніе ихъ душъ, ихъ сознаніе, ихъ традиціи, ихъ стремленія,—словомъ на все то, что дѣлало каждаго изъ нихъ человѣкомъ, а группы этихъ людей—націями".

Каждая изъ великихъ державъ европейскаго концерта приступала, поэтому, къ рѣшенію вопроса о дальнѣйшихъ судьбахъ Бельгіи съ своими старыми традиціями и предразсудками. Во имя политическаго равновѣсія Бельгію надо было отнять отъ Франціи. Но ее нельзя было вернуть ея легитимному

Г. Антверпенъ. Соборъ.



Г. Аррасъ. Площадь.

государю, австрійскому императору Францу I, такъ какъ Австрія, отдѣленная отъ Бельгіи рядомъ другихъ государствъ, была безсильна защитить ее отъ новыхъ покушеній со стороны Франціи. Вдобавокъ, Англія не могла допустить обладанія Бельгіей ни со стороны Франціи, ни со стороны Австріи, такъ какъ созданная Наполеономъ первоклассная антверпенская крѣпость въ рукахъ всякой великой державы была бы постоянной опасностью для самой Англіи. Поэтому, англійское правительство рѣшило возстановить по отношенію къ Бельгіи въ новой формѣ „барьерные" трактаты конца XVII и начала XVIII вѣка. Разница была только въ томъ, что Австрія, получившая достаточныя компенсаціи въ Сѣверной Италіи, не являлась больше претенденткой на бельгійское наслѣдство, и теперь вмѣсто того, чтобы дѣлить Бельгію между Австріей и Голландіей, ее можно было цѣликомъ передать одной Голландіи.

Какъ только заколебалось зданіе имперіи Наполеона, въ Англіи уже заговорили объ образованіи на сѣверной границѣ Франціи въ качествѣ государства-буфера особаго королевства „Австразіи". Въ 1814 г. этотъ проектъ былъ осуществленъ образованіемъ изъ Голландіи и Бельгіи королевства Нидерландовъ, на престолъ котораго былъ возведенъ подъ именемъ Вильгельма I, сынъ послѣдняго штатгальтера Голландіи. Созданіе нидерландскаго королевства сопровождалось новымъ уменьшеніемъ бельгійской территоріи. Пруссія для исправленія нидерландской границы уступила Голландіи часть Гельдерна, а въ качествѣ компенсаціи получила нѣкоторыя части Лимбурга и Люксембурга отъ Бельгіи. Съ перваго взгляда казалось, что соединеніе Бельгіи и Голландіи было простымъ возстановленіемъ прежняго единства 17 нидерландскихъ провинцій, нарушеннаго событіями XVI вѣка. Но скоро обнаружилось, что на самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ оговорки въ пользу Бельгіи, которыя были сдѣланы въ трактатѣ объ образованіи новаго королевства, это соединеніе привело къ полному подчиненію Бельгіи Голландіи. Послѣ ига испанскаго, австрійскаго и французскаго бельгійцы должны были, въ угоду политическому равновѣсію Европы, перенести еще голландское иго.

Въ экономическомъ отношеніи соединеніе съ Голландіей

голландскими колоніями, свобода плаванія по Шельдѣ, сооруженіе новыхъ путей сообщенія, энергичное содѣйствіе правительства промышленному развитію страны, все это въ совокупности приводило къ тому, что Бельгія быстро стала прогрессировать во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства. Но никакія экономическія выгоды не могли заглушить національнаго чувства, протестовавшаго противъ новой формы иностраннаго владычества. Въ новомъ королевствѣ, несмотря на то, что населеніе бельгійскихъ областей своимъ количествомъ (3.337.000) превышало населеніе голландскихъ областей (2.046.000), голландцы занимали положеніе господствующей націи. Вдобавокъ голландское правительство въ своей политикѣ повторяло ошибки Іосифа II и сумѣло возбудить противъ себя и бельгійскихъ клерикаловъ, и бельгійскихъ либераловъ. Къ концу 20-хъ гг. оба направленія бельгійской оппозиціи объединились въ сильное національное движеніе, направленное противъ правительства Вильгельма I. Іюльская революція во Франціи, пробившая первую брешь въ порядкѣ, который былъ созданъ на вѣнскомъ конгрессѣ, сдѣлалась сигналомъ къ возстанію, и подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ французскихъ событій въ августѣ 1830 г. въ Бельгіи разразилась революція. Попытка голландскаго правительства справиться съ возстаніемъ вооруженной силой окончилась полной неудачей. Революція восторжествовала, и бельгійское временное правительство созвало въ Брюсселѣ національный конгрессъ, который въ ноябрѣ 1830 г. торжественно провозгласилъ независимость Бельгіи и объявилъ Оранскій домъ низложеннымъ съ бельгійскаго престола.

Предъ лицомъ всей Европы бельгійскій народъ провозгласилъ свое право на независимое національное существованіе и съ оружіемъ въ рукахъ отстоялъ національную свободу. Голландское правительство, будучи не въ состояніи одно справиться съ бельгійцами, обратилось за помощью къ ареопагу европейскихъ державъ, который въ 1814—1815 гг. создалъ нидерландское королевство. Судьба Бельгіи, такимъ образомъ, опять всецѣло зависѣла отъ рѣшенія европейскаго концерта.

Изъ пяти великихъ державъ Франція, только что сама пережившая революцію, которая дала либеральной партіи побѣду надъ реакціонерами, очевидно, болѣе всѣхъ другихъ

должна была сочувствовать независимости Бельгіи. Но воспоминаніе о недавнемъ прошломъ, когда Бельгія входила въ составъ имперіи Наполеона, заставляло опасаться, что во Франціи опять оживетъ мысль о „естественныхъ границахъ“, и что французская помощь бельгійскому возстанію кончится новымъ завоеваніемъ Бельгіи.

Три восточныя державы, Пруссія, Австрія и Россія, наоборотъ, повидимому, были заинтересованы въ подавленіи бельгійскаго возстанія. Къ этому ихъ склоняли принципы Священнаго союза, ставившаго своей задачей борьбу съ духомъ революціи. Но Россія въ данное время была связана польскимъ возстаніемъ, а Австрія волненіями въ Италіи. Пруссія, царствующій домъ которой былъ связанъ родствомъ съ Вильгельмомъ I, не рѣшалась одна оказать вооруженную помощь Голландіи, опасаясь войны съ Франціей.

При такомъ положеніи дѣлъ верховнымъ арбитромъ въ рѣшеніи бельгійскаго вопроса являлась Англія. Въ 1814—1815 гг. Англія пожертвовала принципомъ національнаго самоопредѣленія для соображеній политическаго равновѣсія. Теперь событія показали, что созданное по ея проекту государство-буферъ было мертворожденнымъ твореніемъ. Англійское правительство не могло думать о насильственномъ возвращеніи Бельгіи подъ власть Голландіи, такъ какъ это слишкомъ противорѣчило бы либеральнымъ традиціямъ англійской политики. Кромѣ того, вслѣдствіе постояннаго антагонизма между Англіей и тремя восточными державами, Англія была въ данное время очень заинтересована въ дружбѣ съ Франціей. Поэтому, англійское правительство выдвинуло предложеніе, которое одинаково удовлетворяло и принципъ національной справедливости, и практическіе интересы Англіи. Англія предложила великимъ державамъ признать Бельгію независимымъ государствомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявить его навѣки нейтральнымъ, чтобы оно не подвергалось опасности завоеванія со стороны сильныхъ сосѣдей. Англійское предложеніе послѣ нѣкоторыхъ колебаній было принято другими государствами, и лондонская конференція представителей великихъ державъ 20 декабря 1830 года признала независимость Бельгіи. Проведеніе бельгійско-голландской границы вызвало однако сильныя тренія, и бельгій-

цамъ пришлось заплатить за признаніе своей независимости новыми территоріальными уступками въ пользу Голландіи въ провинціяхъ Лимбургѣ и Люксембургѣ. Только 19 апрѣля 1839 г., наконецъ, былъ подписанъ въ Лондонѣ представителями великихъ державъ, Голландіей и Бельгіей тотъ отнынѣ знаменитый „клочокъ бумаги", который обезпечилъ за Бельгіей національную независимость и гарантировалъ ея нейтралитетъ на случай какихъ-либо международныхъ столкновеній.

Такъ закончился слишкомъ двухвѣковой споръ за обладаніе Бельгіей. Дѣло свободы и справедливости, наконецъ, восторжествовало. Изъ предмета постоянныхъ захватовъ со стороны сильныхъ сосѣдей Бельгія превратилась въ самостоятельное государство, получившее полный просторъ для свободнаго духовнаго и матеріальнаго развитія.

Судьбѣ было угодно, чтобы теперь, ровно чрезъ 75 лѣтъ послѣ торжественной гарантіи бельгійскаго нейтралитета европейскимъ концертомъ, ея національная независимость было грубо попрана германскимъ вторженіемъ. Но Бельгія еще разъ показала всему міру, что она по прежнему вѣрна своимъ вольнолюбивымъ традиціямъ. Въ 1914 г. точно такъ же, какъ въ 1830 г., чувство національной чести взяло въ бельгійцахъ верхъ надъ всѣми матеріальными соображеніями и заставило принять дерзкій вызовъ, брошенный по ихъ адресу.

Польскій вопросъ въ историческомъ освѣщеніи.

Н. И. Карѣевъ.

I.

Въ 1915 г. исполняется сто лѣтъ со времени образованія на вѣнскомъ конгрессѣ Царства Польскаго изъ большей части созданнаго Наполеономъ I великаго герцогства Варшавскаго, въ составъ котораго входили польскія земли, доставшіяся Пруссіи и Австріи по второму и третьему раздѣламъ Рѣчи-Посполитой. Въ сущности, возникновеніе этого великаго герцогства, и „конгрессоваго королевства" и 1815 г. были новыми раздѣлами Польши послѣ первыхъ трехъ раздѣловъ 1772, 1793 и 1795 гг.

Ровно за сто лѣтъ до присоединенія къ Россіи большей части этнографической Польши, образовавшей Царство Польское, Рѣчь-Посполитая уже начала утрачивать свою политическую независимость, когда распря тарногродской генеральной конфедераціи съ королемъ Августомъ II, какъ разъ въ 1715 г., дала Петру Великому поводъ вмѣшаться во внутреннія дѣла польскаго государства и поставить его подъ опеку Россіи. Уже около этого времени со стороны Пруссіи сдѣлано было Россіи предложеніе подѣлить между собою нѣкоторыя части польской территоріи, на что, однако, тогда не послѣдовало согласія. Если прежнее московское правительство, начиная еще съ Ивана III, постоянно стремилось къ отторженію отъ Польши земель, когда-то бывшихъ русскими княжествами, то теперь, начиная съ Петра Великаго, русская политика добивалась по отношенію къ Польшѣ одного—

всю ее, Польшу, цѣликомъ держать въ зависимости отъ Россіи. Это было и цѣлью Екатерины II, такъ что раздѣлы 1772, 1793 и 1795 гг. были, въ сущности, прямо побѣдою прусской политики надъ русской. Съ другой стороны, однако, это было исполненіемъ того, о чемъ мечтали московскіе цари по отношенію къ русскимъ землямъ Рѣчи-Посполитой. Кромѣ Галиціи, отошедшей къ Австріи, всѣ другія польскія области съ русскимъ населеніемъ достались Россіи. Этнографическая Польша досталась при этомъ нѣмецкимъ державамъ—Пруссіи и Австріи.

Отъ 1915, 1815 и 1715 гг. подвинемся еще на столѣтіе назадъ. Въ началѣ XVII вѣка, послѣ славной эпохи предыдущаго столѣтія, Польша была еще на верху могущества. Царствовавшій тогда въ Польшѣ Сигизмундъ III, пользуясь великою московскою смутою, сдѣлалъ даже попытку подчинить себѣ Московское государство. Попытка не имѣла успѣха, но Польшѣ все-таки удалось продвинуться на востокъ, пріобрѣсти Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ (по деулинскому перемирію 1618 г). Впрочемъ, это былъ и послѣдній успѣхъ Польши на востокѣ: съ середины XVII в. она начала терять свои восточныя области.

Борьба Москвы и Польско-Литовской Рѣчи-Посполитой изъ-за русскихъ областей уже велась за сто и больше лѣтъ до вмѣшательства Сигизмунда III во внутреннія дѣла Московскаго государства. Борьба эта была результатомъ того, что еще за полтора вѣка передъ тѣмъ началось „собираніе Руси“ одновременно изъ двухъ центровъ, изъ коихъ однимъ было великое княжество Московское, другимъ—великое княжество Литовское. Соединеніе послѣдняго съ Польшею въ 1386 г. открыло передъ послѣднею широкіе горизонты на востокѣ, но въ то же время приводило ее въ столкновеніе съ Москвою изъ-за бывшихъ русскихъ княжествъ, кому ими владѣть, создало политическій вопросъ, который былъ разрѣшенъ только во второй половинѣ XVIII в. Но у Польши, кромѣ Москвы, былъ и другой опасный врагъ, грозившій отрѣзать ее отъ моря.

Отъ начала XVI в., когда уже велась борьба за Русь, подвинемся еще назадъ на цѣлое столѣтіе. Недавно, въ 1910 г., поляки праздновали пятисотую годовщину грюн-

вальдской битвы, въ которой ими нанесено было страшное пораженіе Тевтонскому ордену, утвердившемуся въ началѣ XIII в. на нижнемъ теченіи Вислы и мало-по-малу сдѣлавшемуся опаснымъ для самого существованія Польши. Унія Польши съ Литвою 1386 года и образовалась подъ вліяніемъ опасности, какою нѣмецкій рыцарскій орденъ грозилъ обоимъ государствамъ. То былъ наступательный союзъ противъ германскаго натиска на востокъ, и грюнвальдская побѣда надъ нѣмцами была первымъ крупнымъ результатомъ союза, вскорѣ поведшимъ за собою укрѣпленіе польско-литовской уніи на съѣздѣ въ Городлѣ въ 1413 году. Поляки, однако, не сумѣли воспользоваться своею побѣдою, чтобы нанести окончательный ударъ ордену, да и въ польско-литовскихъ отношеніяхъ не все шло гладко. Литва временно даже отдѣлилась отъ Польши, но, тѣмъ не менѣе, въ серединѣ XV в. Польшѣ удалось еще разъ побѣдить орденъ и значительную часть его владѣній присоединить къ своей территоріи, дойти такимъ образомъ до Балтійскаго моря и тѣмъ самымъ усилить свою торговлю. Въ первой половинѣ XVI вѣка Польшѣ представился даже случай завладѣть и тою частью владѣній ордена, которая была за нимъ оставлена торнскимъ миромъ (1466) въ ленной зависимости отъ Польши. Между поляками и орденомъ началась новая война, въ которой первые побѣдили. Извѣстно, что царствовавшій въ то время Сигизмундъ I удовольствовался только возобновленіемъ вассальной присяги со стороны гросмейстера ордена, превратившаго свое княжество, съ принятіемъ лютеранства, въ свѣтское герцогство Прусское (1525), и что позднѣе оно соединилось съ курфюршествомъ Бранденбургскимъ подъ одною властью (1618). Такъ были потеряны плоды польскихъ побѣдъ надъ нѣмецкимъ орденомъ, начиная съ грюнвальдской битвою: выходъ Польши къ морю, такъ называемая „королевская“ Пруссія, оказалась между двумя владѣніями одного и того же государя, въ началѣ XVIII в. принявшаго титулъ короля Прусскаго.

Отъ эпохи грюнвальдской битвы подвинемся еще на одно столѣтіе назадъ, къ началу XIV вѣка. Это было время, когда Польша только-что вышла изъ періода удѣльнаго раздробленія, начавшагося въ серединѣ XII вѣка. Сравнивая

границы Польши въ началѣ XIV в. съ тѣми, какія она имѣла раньше, мы видимъ, что при своемъ объединеніи польское государство потеряло значительныя территоріи на сѣверѣ и на западѣ. Съ одной стороны, отъ моря ее отрѣзалъ Тевтонскій орденъ, съ другой, отъ верхняго теченія Одера, по которому располагалась искони польская земля Силезія, Польша отказалась въ пользу Чехіи. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ основныхъ фактовъ польской исторіи, съ отступленіемъ Польши отъ запада и движеніемъ ея на востокъ. Географическое положеніе польскихъ (или ляшскихъ) племенъ заставляло эти племена, образовавшія свое государство, распространяться къ сѣверу, до моря, и къ западу, до Эльбы, между которою и Одеромъ жили близкіе полякамъ полабскіе славяне, но съ обѣихъ этихъ сторонъ поляки во времена своей удѣльной слабости вынуждены были отступить подъ германскимъ Drang nach Osten. Вскорѣ послѣ того, какъ Польша отказалась отъ Поморья и отъ Силезіи (достаточно къ тому времени тоже онѣмеченной), началось движеніе Польши на востокъ, еще задолго до ея соединенія съ Литвою, когда Казиміръ Великій захватилъ Галицкую Русь (1340). Оттиснутая отъ запада Польша стала расширяться на востокъ, гдѣ, рано или поздно, не могла не встрѣтиться съ соперничествомъ одновременно съ нею начавшаго объединяться національно-русскаго государства.

Здѣсь не мѣсто касаться причинъ внутренней слабости Польши [1]), сдѣлавшихъ возможными ея раздѣлы во второй половинѣ XVIII в. Паденіе Рѣчи-Посполитой въ концѣ XVIII столѣтія, разсматриваемое съ точки зрѣнія международной исторіи, было завершеніемъ вѣкового процесса собиранія Руси, съ одной стороны, и крупнымъ успѣхомъ германскаго Drang nach Osten, съ другой. Наполеоновскія войны внесли значительное измѣненіе въ данное положеніе: русскимъ завоеваніемъ созданнаго Наполеономъ великаго герцогства Варшавскаго и образованіемъ изъ него Царства Польскаго въ соединеніи съ Россіей германскому Drang nach Osten былъ нанесенъ ударъ, съ которымъ въ глубинѣ души

---

[1]) См. мою книгу „Паденіе Польши въ исторической литературѣ".

нѣмецкіе политики никогда не могли примириться: какъ-никакъ, было время, когда Варшава все-таки уже была прусскимъ городомъ.

II.

У старой Польши, кромѣ Тевтонскаго ордена, будущей Пруссіи, и Московскаго государства, будущей Россійской Имперіи, были, конечно, и другія сосѣдскія отношенія, принимавшія тотъ или другой характеръ, съ Чехіей, съ Венгріей, съ Австріей на одномъ фронтѣ, съ Турціей на другомъ, съ Швеціей на третьемъ, но ни одни изъ этихъ отношеній не представляютъ для насъ такого интереса, какъ именно польско-прусскія и польско-русскія, имѣющія вѣковую исторію и столь важное значеніе въ настоящее время. Хотя государство польское прекратило свое существованіе, но польская національность не умерла, и отношенія ея и къ Пруссіи, и къ Россіи продолжаются. Къ этимъ отношеніямъ со времени перваго польскаго раздѣла нужно прибавить еще и польско-австрійскія, которыя въ прошломъ особенно большой роли не играли [1]).

Послѣ паденія Рѣчи-Посполитой польскіе патріоты не переставали надѣяться на возстановленіе своего государства и даже подготовлять его путемъ заговоровъ и возстаній, столь частыхъ въ нѣкоторые періоды XIX вѣка. Всегда при этомъ поляки представляли себѣ возстановленную Польшу не иначе, какъ въ границахъ 1772 г., т. е. въ тѣхъ размѣрахъ, какіе она имѣла передъ первымъ раздѣломъ. Они опирались на право „исторической Польши“, вытекавшее изъ того, что въ данныхъ границахъ образовалось путемъ добровольнаго соглашенія Польши, Литвы и Руси, „свободныхъ со свободными и равныхъ съ равными“ федеративное политическое цѣлое, бытіе котораго было прекращено только насиліемъ. До сихъ поръ въ умахъ представителей польской интеллигенціи живетъ идеализированное представленіе о „Ягеллоновской идеѣ“, чуть не предвосхитившей тотъ принципъ, который положенъ въ основу Соединенныхъ Штатовъ

[1]) Въ польско-австрійскихъ отношеніяхъ съ 1772 г. мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то новымъ, не связаннымъ съ прежними чешско-польскими или венгерско-польскими отношеніями.

Сѣверной Америки. Историческая дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала идиллическому представленію объ уніи „wolnych z wolnymi, równych z równymi“, и нѣкоторыя части исторической Польши отпадали отъ нея не только потому, что сосѣди оказывались болѣе сильными, но и потому, что сами тяготѣли къ этимъ сосѣдямъ, особенно когда нетерпимый іезуитскій католицизмъ своими преслѣдованіями какъ протестантовъ, такъ и православныхъ заставилъ тѣхъ и другихъ искать защиты у единовѣрныхъ сосѣднихъ государствъ—у Пруссіи и у Россіи. Религіозныя различія въ эту эпоху болѣе или менѣе соотвѣтствовали различіямъ національнымъ, и если верхній слой населенія на всемъ пространствѣ Рѣчи-Посполитой былъ польскимъ или по происхожденію, или по пріобщенію къ польской культурѣ туземнаго дворянства, то народныя массы чувствовали себя не поляками и, слѣдовательно, не были связаны съ тѣмъ, что могло считаться польскою національною идеей. Польско-литовская Рѣчь-Посполитая могла казаться государствомъ единой національности только тогда, когда внутри народныя массы считались за ничто, когда въ другихъ странахъ совершенно не считались съ этнографическимъ составомъ польскаго государства, или когда въ малорусскомъ или бѣлорусскомъ языкахъ готовы были видѣть только простонародныя, мужицкія нарѣчія, въ сущности, внутренне-единой націи. Чѣмъ дальше отходила исторія отъ временъ самостоятельной Польши, тѣмъ все больше и лучше становилось извѣстнымъ и самимъ полякамъ, и иностранцамъ, что историческая Польша и Польша этнографическая не одно и то же, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, историческія обстоятельства все менѣе и менѣе допускали возможность осуществленія Польши въ границахъ 1772 года. Мало-по-малу въ сознаніи всѣхъ, кто думалъ о наступленіи момента, благопріятнаго воскрешенію Польши, будущее польское государство стало рисоваться не въ историческихъ границахъ 1772 года, а въ видѣ территоріи, на которой болѣе или менѣе сплошными массами и теперь живетъ польская народность.

Во время польскихъ раздѣловъ XVIII вѣка Россія не взяла себѣ ни одного куска чисто-польской территоріи. Пріобрѣтенныя ею области, составлявшія добрую половину Рѣчи-

Посполитой, теперешнія губерніи—Витебская и Могилевская (по раздѣлу 1772 г.), части Минской, Кіевской и Волынской, Подольская (по раздѣлу 1793 г.), остальныя части Минской и Волынской, Виленская, Гродненская и Ковенская съ Курляндіей (по раздѣлу 1795 г.) были населены преимущественно бѣлоруссами и малороссами. Включивъ эту громадную территорію, отъ З. Двины и Днѣпра на в. до Нѣмана и З. Буга на з., въ составъ Россійской имперіи, наше правительство оставило, однако, за полонизмомъ то культурное и соціальное преобладаніе, которое ему здѣсь принадлежало. Не въ силу одной вѣротерпимости, но и по политическому расчету Екатерина II дозволила здѣсь существовать ордену іезуитовъ, уничтоженному папою въ эпоху перваго раздѣла Польши. Бѣлорусскіе и малорусскіе крестьяне остались подъ властью прежнихъ польскихъ помѣщиковъ. Историки сѣверо-западной и юго-западной Россіи справедливо указываютъ на то, что русское правительство многими своими мѣрами даже продолжало полонизировать бывшія области Рѣчи-Посполитой, пока польскія возстанія 1830 и 1863 г. не поставили передъ правительствомъ задачу „располяченія“, или „обрусенія“ края.

Часть этнографической Польши досталась Россіи только въ 1815 г., съ образованіемъ Царства Польскаго. Александръ I хотѣлъ включить въ него все великое герцогство Варшавское, но вынужденъ былъ отказаться отъ самой западной его окраины, которая была возвращена Пруссіи подъ названіемъ великаго герцогства Познанскаго. Изъ прежнихъ областей Рѣчи-Посполитой не вошла въ составъ Царства Польскаго со стороны Пруссіи, кромѣ в. г. Познанскаго, та часть, которая была Пруссіей пріобрѣтена по первому раздѣлу, а со стороны Австріи—населенная поляками западная часть Галиціи, полученная Габсбургами тоже по первому раздѣлу. Впрочемъ, изъ территоріи Варшавскаго герцогства была тогда выкроена еще небольшая область около Кракова для образованія вмѣстѣ съ нимъ вольнаго города, который, какъ извѣстно, потомъ тоже достался Австріи (1846).

Въ общемъ, Царство Польское составило лишь четыре пятыхъ территоріи бывшаго великаго герцогства Варшавскаго.

Съ самаго же начала нѣмецкія державы, овладѣвшія землями Рѣчи-Посполитой, начали въ нихъ политику германизаціи, которая была особенно сильна въ областяхъ, доставшихся Пруссіи вслѣдствіе того, что здѣсь была уже въ самомъ населеніи нѣмецкая примѣсь, да и сами эти области непосредственно примыкали къ чисто-нѣмецкимъ провинціямъ Пруссіи—Помераніи и Бранденбургу. Для сохраненія своей національности галиційскіе поляки въ Австріи были поставлены въ лучшее положеніе, потому что Галиція не соприкасается съ нѣмецкими землями монархіи Габсбурговъ, имѣя главныя свои границы съ Россіей—на сѣверѣ и съ Венгріей—на югѣ. Въ обоихъ „заборахъ“, какъ прусскомъ, такъ и австрійскомъ, германизаторская дѣятельность берлинскаго и вѣнскаго правительствъ то ослабѣвала, то усиливалась, но Австрія, въ концѣ концовъ, отказалась отъ этой политики, давъ Галиціи въ эпоху своего преобразованія въ Австро-Венгрію, широкую автономію съ привилегированнымъ положеніемъ въ ней польскаго населенія по отношенію къ русинскому въ восточной части этой области.

Въ то время, какъ Пруссія и Австрія подавляли въ своихъ владѣніяхъ польскій элементъ, образованіе Царства Польскаго обѣщало полякамъ чисто-національное развитіе въ соединеніи съ Россіей. Въ качествѣ „короля польскаго“ Александръ I даровалъ новому государству конституцію, оставаясь въ Россіи по-прежнему абсолютнымъ монархомъ. Было организовано и національное польское войско. Въ Варшавѣ были основаны польскій университетъ и другія высшія школы. Польскій языкъ, конечно, сдѣлался языкомъ администраціи, суда и школы. Польская нація выдвинула цѣлый рядъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей, сумѣвшихъ улучшить экономическое и финансовое положеніе страны и содѣйствовавшихъ ея успѣхамъ въ области духовной культуры. Одно время у самого Александра I существовало сомнѣніе, можетъ-ли Царство Польское существовать на свои собственныя средства,—безъ чего ему не удалось бы сохранить данное ему устройство,—но умѣлое веденіе дѣлъ Царства министромъ финансовъ (кн. Друцкимъ-Любецкимъ) отняло всякую почву у такого сомнѣнія. Передъ польской націей въ предѣлахъ „конгрессоваго королевства“ откры-

валась широкая дорога экономическаго и культурнаго преуспѣянія.

Въ новомъ національномъ государствѣ поляковъ одни готовы были примириться съ создавшимся положеніемъ вещей, другіе продолжали стремиться къ возстановленію Польши въ ея старыхъ границахъ. Самъ Александръ I нѣкоторыми своими заявленіями давалъ польскому обществу надѣяться на то, что съ теченіемъ времени къ новому королевству будутъ присоединены литовско-русскія области,— обстоятельство, вызывавшее въ русскомъ обществѣ, наоборотъ, неудовольствіе. Какъ-никакъ, на Царство Польское въ предѣлахъ 1815 г. поляки смотрѣли, какъ на временное только положеніе, и тѣхъ же мыслей, равнымъ образомъ, держались поляки въ литовско-русскихъ областяхъ.

Недовольство настоящимъ положеніемъ стало брать перевѣсъ въ общественномъ настроеніи Польши, когда правительство начало нарушать конституцію, и, вообще проявлять реакціонныя стремленія. Сеймовая оппозиція раздражала правительство, а репрессивныя мѣры только создавали благопріятную почву для дѣятельности тайныхъ обществъ, которыя въ двадцатыхъ годахъ были явленіемъ, распространеннымъ по всей Европѣ. Іюльская революція 1830 г. во Франціи, послужившая сигналомъ для бельгійской революціи и нѣсколькихъ вспышекъ во второстепенныхъ государствахъ Германіи, ускорила и взрывъ въ Польшѣ. Результатомъ неудачи польской революціи были отмѣна конституціи 1815 г., упраздненіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ учрежденій, введеніе въ центральныя учрежденія края русскаго языка, закрытіе Варшавскаго университета, подчиненіе средней школы русскому министерству народнаго просвѣщенія съ введеніемъ русскаго языка въ преподаваніе, установленіе строжайшей цензуры, не позволявшей, напр., даже называть имя великаго польскаго поэта Мицкевича, и т. п.

Послѣ 1831 г. масса поляковъ эмигрировала за границу, гдѣ только и была теперь возможна какая бы то ни было независимая политическая дѣятельность для поляковъ. Тамъ возникали разныя партійныя организаціи, составлялись заговоры, дѣлались подготовленія къ возстаніямъ, попытки которыхъ, то въ одномъ, то въ другомъ „заборахъ“, напол-

няютъ собою тридцатые и сороковые годы вплоть до бурнаго сорокъ восьмого года. Революціонная пропаганда польскихъ эмигрантовъ и устраивавшіяся ими возстанія на дѣлѣ только ухудшали положеніе польской національности во всѣхъ трехъ частяхъ Польши.

Суровый режимъ, установленный въ Царствѣ Польскомъ послѣ революціи 1830 г., сталъ нѣсколько смягчаться со вступленіемъ на престолъ Александра II, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ краѣ были предприняты либеральныя реформы, но въ 1863 г. вспыхнуло новое польское возстаніе, затронувшее польскіе элементы и въ литовско-русскихъ областяхъ. Провозглашеніе Наполеономъ III принципа національностей, примѣръ итальянцевъ, освободившихъ и объединившихъ свою родину, начавшееся-было обновленіе Австріи, надежды на революцію въ Россіи, все это воскресило въ польскомъ обществѣ патріотическія надежды на возстановленіе отчизны въ границахъ 1772 г. Въ борьбѣ съ новымъ польскимъ возстаніемъ объединились въ Россіи и правительство, и общество, задѣтое, главнымъ образомъ, польскими вожделѣніями относительно западной окраины Россіи. Изъ-за разнаго отношенія къ вопросу объ этой окраинѣ разстраивались и раньше отношенія между поляками и тѣми русскими, которые симпатизировали національнымъ стремленіямъ поляковъ, и тѣмъ менѣе можно было ожидать равнодушнаго отношенія къ польскому возстанію со стороны менѣе либерально настроенныхъ элементовъ русскаго общества. Параллельно съ располяченіемъ западнаго края съ середины шестидесятыхъ годовъ была предпринята и руссификація Царства Польскаго, которое даже утратило свое настоящее имя, чтобы уступить мѣсто другому—„Привислинскій Край".

Не смотря на крайне неблагопріятныя условія для національнаго своего развитія, польское населеніе „Привислинскаго Края" имѣло, однако, и извѣстныя основанія дорожить соединеніемъ своимъ съ Россіей. Поднимая возстаніе 1863 г., поляки разсчитывали на помощь Наполеона III, который даже предпринялъ нѣкоторые дипломатическіе шаги въ пользу Польши. Среди поляковъ всегда жила вѣра въ помощь со стороны Франціи—и въ эпоху великой ре-

волюціи, и въ 1848 г., и при Наполеонѣ III; но въ 1870—1871 г. Францiя была разгромлена, и надеждъ на нее болѣе уже не приходилось возлагать. Европейская гегемонія перешла къ Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, которая уже менѣе всего могла бы думать о возстановленіи Польши. Наоборотъ, въ Пруссіи по отношенію къ полякамъ началась дѣятельная политика репрессій и денаціонализаціи. Какъ ни тягостно было положеніе, создавшееся въ Царствѣ Польскомъ въ эпоху обрусительства, все-таки оно не было столь опаснымъ для самаго существованія польской націи. Конечно, предпочтеніе поляковъ было на сторонѣ австрійскаго режима, установившагося съ шестидесятыхъ годовъ въ Галиціи, но разъ приходилось уже выбирать между режимомъ прусскимъ и русскимъ, нельзя было не отдавать предпочтеніе второму: Россія была менѣе опасна въ смыслѣ денаціонализаціи.

Кромѣ національнаго мотива, дѣйствовалъ еще мотивъ экономическій. Послѣ возстанія 1863 г. Царство Польское превратилось въ страну съ весьма развитою промышленностью, главнымъ рынкомъ для которой сдѣлалась вся обширная имперія до отдаленнѣйшихъ частей ея въ Азіи. При создавшихся политическихъ условіяхъ отторженіе Польши отъ Россіи могло бы произойти только въ формѣ присоединенія къ Германіи или новаго раздѣла между послѣднею и Австріей. Въ обоихъ случаяхъ польская промышленность подверглась бы большой опасности, такъ какъ потеряла бы русскій рынокъ и встрѣтилась бы въ Германіи съ конкуренціей со стороны болѣе развитой индустріи.

Однимъ словомъ, къ концу XIX и началу XX в. въ русской Польшѣ создалось такое положеніе, что о границахъ 1772 г. мечтать болѣе не приходилось, что лучшимъ средствомъ сохранить свою національность оставалось соединеніе съ Россіей и что въ томъ же соединеніи усматривалось главное условіе оградить промышленность Царства Польскаго. Страхъ передъ германскимъ Drang nach Osten и въ этомъ случаѣ сыгралъ свою роль въ исторіи Польши.

III.

И съ русской, и съ польской стороны многими была понята ненормальность русско-польскихъ отношеній. Былъ

даже поставленъ и обсуждался вопросъ о такъ называемомъ „примиреніи", по которому существуетъ цѣлая литература.

Живя въ 1879—1884 г. въ Варшавѣ, пишущій эти строки довольно усердно слѣдилъ за движеніемъ вопроса о русско-польскомъ „примиреніи" и знакомилъ русскихъ читателей съ наиболѣе интересными явленіями въ этой области [1]). Немало и потомъ приходилось мнѣ читать по польскому вопросу и разговаривать на эту тему съ поляками и Царства Польскаго, и галлиційскими, при неоднократныхъ посѣщеніяхъ Кракова и Львова. Въ послѣднихъ двухъ городахъ затрагивался даже, но очень издалека и осторожно, вопросъ о возможности перехода Галиціи подъ власть Россіи. Изъ своихъ чтеній и бесѣдъ о современныхъ польскихъ отношеніяхъ я не могъ не вынести убѣжденія, что поляки очень боятся Пруссіи, resp. Германіи. Болѣе обстоятельное знакомство съ тѣмъ, что правительство и общество въ Пруссіи дѣлаютъ съ поляками, вполнѣ оправдываетъ польскія опасенія [2]).

Польское населеніе въ Пруссіи мы находимъ въ областяхъ, остающихся до сихъ поръ наименѣе населенными во всей Германіи. Въ то время, какъ въ другихъ ея частяхъ на квадратную милю приходится 100 душъ, въ провинціяхъ Восточно-Прусской, Западно-Прусской и Познанской—только 55, 60 и 65 человѣкъ. Весьма естественно, что эти области давно сдѣлались странами германской иммиграціи, которую включеніе ихъ въ составъ Пруссіи только облегчило. Превращеніе Германіи въ промышленное государство остановило этотъ процессъ, такъ какъ населеніе стало притягиваться городами, которыхъ больше въ западной, нежели восточной части Германіи. Когда Познанская провинція была присоединена къ Пруссіи, въ ней было лишь 20% нѣмецкаго населенія, которое къ концу пятидесятыхъ годовъ возросло до 45%, а потомъ пошло на убыль—до 38½% въ 1900 году. Дѣло объясняется эмиграціей нѣкоторой части познанскихъ нѣмцевъ, но только отчасти, потому что статистики отмѣтили и другой

---

[1]) Статьи мои того времени перепечатаны въ сборникѣ „Polonica". Спб. 1905.

[2]) Для дальнѣйшаго болѣе подробно на стр. 116 и слѣд. второй части VI тома моей „Исторіи Западной Европы" (1910). Тамъ же приведена литература предмета.

фактъ—бо̀льшій процентъ рождаемости среди поляковъ, нежели среди нѣмцевъ. Это явленіе начало тревожить прусское правительство, тѣмъ болѣе, что среди поляковъ и притомъ не только Познани, но, наприм., и Силезіи, гдѣ онѣмеченіе сдѣлало наибольшіе успѣхи, стало развиваться національное самосознаніе. Наконецъ, въ этихъ краяхъ появилось и польское бюргерство, которое стало успѣшно конкурировать съ мѣстнымъ торгово-промышленнымъ классомъ, состоявшимъ прежде исключительно изъ нѣмцевъ или онѣмеченныхъ евреевъ.

Это усиленіе „полячества" (Polenthum) очень озабочивало „желѣзнаго канцлера" возстановленной въ 1871 г. Германской имперіи. Если еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Бисмаркъ былъ бы не прочь присоединить къ Пруссіи всю западную часть Польши по Вислу, то теперь, въ семидесятыхъ годахъ, онъ смотрѣлъ на увеличеніе числа поляковъ въ Пруссіи, какъ на большое зло. Лозунгомъ его политики по отношенію къ полякамъ сдѣлалось скорѣйшее онѣмеченіе бывшихъ польскихъ областей. Стѣсненія польской національности въ монархіи Гогенцоллерновъ не были новостью, и берлинское правительство въ этомъ дѣлѣ давно находило сочувствіе и поддержку въ мѣстныхъ нѣмцахъ. Весьма любопытно, что въ эпоху борьбы Бисмарка съ католическою церковью между поляками и германскими католиками былъ довольно тѣсный союзъ, но едва произошло примиреніе Пруссіи съ папствомъ, какъ союзъ этотъ распался, ибо самъ католицизмъ тотчасъ принялъ германизаторскій характеръ. Возникали, прибавлю, и тренія между представителями обѣихъ національностей и въ соціалъ-демократіи. Что особенно раздражало Бисмарка, это—то, что въ восьмидесятыхъ годахъ познанскіе поляки перестали въ борьбѣ своей съ правительствомъ ссылаться на права великаго герцогства, написавъ на своемъ знамени защиту вообще правъ польской національности въ Пруссіи. Кончилось дѣло тѣмъ, что Бисмаркъ объявилъ поляковъ врагами нѣмецкаго народа, всей Германской имперіи, ближайшимъ же образомъ Пруссіи. Начались преслѣдованія поляковъ, причемъ не оставлялись въ покоѣ и поляки въ Россіи, на правительство которой Бисмаркъ въ польскомъ вопросѣ также желалъ вліять, считая

опаснымъ для своей политики всякое улучшеніе русско-польскихъ отношеній.

Однимъ изъ способовъ для борьбы съ „полячествомъ“ въ Пруссіи было учрежденіе въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ особой колонизаціонной комиссіи для скупки польскихъ земель въ цѣляхъ поселенія на нихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Предполагалось этимъ способомъ постепенно уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить польское землевладѣніе. Противъ наплыва поляковъ изъ другихъ частей Польши тоже принимались мѣры въ родѣ изгнанія изъ Пруссіи однажды тридцати или сорока тысячъ чужихъ поляковъ, какъ „обременительныхъ иностранцевъ“. Германизація поляковъ при помощи католическаго духовенства была усилена. Народная школа тоже должна была сдѣлаться орудіемъ онѣмеченія польскихъ дѣтей. Въ Познани даже было запрещено пользоваться польскимъ языкомъ на адресахъ писемъ, и женщинамъ не позволяли писать свои фамиліи на *ska* (рядомъ съ мужскими на *ski*), такъ какъ нѣмецкій языкъ не знаетъ такихъ перемѣнъ въ окончаніяхъ. Все, однимъ словомъ, было пущено въ ходъ, чтобы искоренить (ausrotten) ненавистную національность, стереть ее, по возможности скорѣе, съ лица земли.

Дѣятельными помощниками антипольской политики властей выступили въ Пруссіи и шовинистическіе элементы общества. Въ 1894 г. прусскіе націоналисты основали особое „Общество для поддержки нѣмечества“ (Deutschtum) въ восточныхъ провинціяхъ и въ слѣдующемъ году стали издавать спеціальную газету въ данномъ направленіи. Изъ первыхъ буквъ фамилій наиболѣе рьяныхъ ненавистниковъ польской націи, Ганземана, Кеннемана и Тидемана, поляки образовали слово „гаката“ (H K T) для обозначенія крайняго полонофобства въ Пруссіи. Когда одинъ польскій депутатъ въ прусской палатѣ сдѣлалъ запросъ о дѣятельности „гакатистовъ“, министръ внутреннихъ дѣлъ взялъ ихъ подъ свою защиту, послѣ чего школьные учителя начали массами записываться въ названный антипольскій союзъ. Не достигали ничего польскіе политики и въ рейхстагѣ своими жалобами на всѣ притѣсненія, которыя, какъ изъ рога изобилія, сыпались на польскую націю. Многіе представители нѣмецкой науки

дѣйствовали и дѣйствуютъ въ томъ же духѣ непримиримой вражды ко всему польскому, начиная оффиціальнымъ прусскимъ исторіографомъ Генрихомъ фонъ Трейчке, но никто, кажется, не превзошелъ въ полонофобствѣ лейпцигскаго профессора Гассе, автора „Нѣмецкой политики" (1907).

Въ прочныя преданія прусской политики по отношенію къ полякамъ входило не допускать улучшенія польско-русскихъ отношеній. Берлинское правительство было недовольно тѣмъ, что Александръ I далъ Польшѣ конституцію, а не просто инкорпорировалъ новую область, какъ простую провинцію своей имперіи. Иногда, впрочемъ, политическія соображенія заставляли прусское правительство нѣсколько смягчать свои отношенія къ полякамъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, отношенія между Россіей и Германіей настолько испортились, что поговаривали о возможности скорой войны между ними, и вотъ въ Берлинѣ нашли нужнымъ задобрить поляковъ кое-какими уступками. Дѣло касалось, впрочемъ, не всей націи, не народныхъ массъ, а лишь польскихъ политиковъ, которыхъ Вильгельму II и его канцлеру, Каприви, удалось на время перетянуть на свою сторону и даже заставить голосовать за свои предложенія въ рейхстагѣ (1893). Эта со стороны поляковъ „угодовая" (ugoda—соглашеніе, компромиссъ) политика не встрѣтила сочувствія въ польскомъ обществѣ, да и Вильгельмъ II скоро отъ нея отвернулся, какъ только отношенія съ Россіей улучшились. Особенно разсердился Вильгельмъ II на поляковъ, когда одинъ изъ дѣятелей „угоды", котораго онъ лично къ себѣ приблизилъ, познанскій депутатъ Косцельскій, на одномъ польскомъ собраніи въ Галиціи произнесъ рѣчь, въ коей очень рѣшительно высказался о неразрывной связи, существующей между поляками всѣхъ трехъ „заборовъ".

Все это было въ концѣ XIX вѣка, но и въ началѣ XX вѣка прусско-польскія отношенія не улучшились. Самъ Вильгельмъ II неоднократно дѣлалъ заявленія въ рѣзко антипольскомъ духѣ, и гакатистская пресса продолжала свою полонофобскую травлю.

Инициаторы и защитники антипольскихъ мѣръ въ Пруссіи указывали на опасность для самой столицы Гер-

маніи, Берлина, отъ того, что самый центръ прусскаго полячества, городъ Познань, находится въ какихъ-нибудь двухстахъ километровъ, что въ окружающей его области польское населеніе растетъ быстрѣе нѣмецкаго, что польское землевладѣніе продолжаетъ держаться, польскіе промышленники и купцы очень успѣшно конкурируютъ съ нѣмецкими, что въ польскомъ народѣ усиливается національное самосознаніе, что оно все болѣе и болѣе заражается оппозиціоннымъ духомъ, и что въ немъ не умираетъ идея единой Польши—Польши и за границами Пруссіи. На восточныхъ окраинахъ Германской имперіи поляки такъ же нарушаютъ однородность ея нѣмецкаго населенія, какъ на сѣверѣ — кучка датчанъ, на западѣ—горсть французовъ, въ Германіи же всѣ должны сдѣлаться нѣмцами, и для этого всѣ средства хороши. Идеаломъ добрыхъ германскихъ патріотовъ, даже и не и изъ черносотенныхъ круговъ, является однородная нація, говорящая на одномъ языкѣ, проникнутая однѣми и тѣми же культурными традиціями. Съ не-германскими элементами въ имперіи готовы бороться на животъ и на смерть не только нѣмцы, живущіе въ перемежку съ поляками, датчанами и французами, но и каждый, считающій себя хорошимъ германскимъ патріотомъ. Для познанскихъ и иныхъ прусскихъ поляковъ въ этомъ государственномъ и общественномъ, прямо національномъ полонофобствѣ заключается великая опасность. Чувствуютъ это не только прусскіе поляки, но и поляки по другую сторону германско-русской границы. И возсоединеніе польской націи подъ единою властью съ этой стороны встрѣчаетъ наиболѣе неблагопріятныя условія. Въ однихъ мѣстахъ поляки здѣсь сильно перемѣшаны съ нѣмцами, особенно многочисленными въ городахъ, въ другихъ они въ меньшинствѣ. Если на лѣвомъ берегу Вислы въ Западно-Прусской провинціи ихъ еще довольно много и притомъ до самаго моря, то по другую сторону рѣки, въ Восточно-Прусской провинціи ихъ насчитывается всего-то какихъ-нибудь 15%, — результатъ того, что въ свое время, въ XV—XVI вв., поляки не сумѣли выбить Тевтонскій орденъ изъ этой важной позиціи.

Современная Пруссія, стоящая во главѣ Германіи, является прямой наслѣдницей Тевтонскаго ордена. Борьба

между поляками и нѣмцами началась здѣсь давно, борьба за самую землю, которая нужна и тѣмъ, и другимъ и которую одни другимъ не уступаютъ. Поляки раньше владѣли этою территоріею, нѣмцы явились въ ней сначала только чужеземными колонистами, здѣсь, въ этнографической Польшѣ. Русско-польскія отношенія сложились иначе. Во время первыхъ трехъ раздѣловъ польская нація потеряла только свои колоніи въ литовско-русскихъ земляхъ, но сама этнографическая Польша отнюдь не сдѣлалась мѣстомъ русской колонизаціи. Съ этой стороны Польшѣ и въ настоящее время не грозитъ денаціонализація, да и возстановить единство польской націи для Россіи гораздо легче, чѣмъ для Пруссіи, для которой это прямо опасно.

IV.

Часть Рѣчи-Посполитой, доставшаяся Австріи, въ прошломъ не была такъ тѣсно связана съ исторіей этого государства, какъ части, доставшіяся Россіи и Пруссіи, съ этими послѣдними. Галиція вошла въ составъ монархіи Габсбурговъ только потому, что находилась по сосѣдству и „плохо лежала“. Самая иниціатива ея присоединенія къ владѣніямъ австрійской династіи принадлежала не вѣнскому правительству, а прусскому королю, незадолго передъ тѣмъ отнявшему у Австріи Силезію. Пока Австрія держалась централистической политики, Галиція, подобно другимъ коронным землямъ Габсбурговъ, подвергалась германизаціи, но эта германизація, похожая въ данномъ отношеніи на руссификацію въ Царствѣ Польскомъ, была болѣе поверхностной, нежели онѣмеченіе поляковъ въ Пруссіи. Здѣсь не было ни нѣмецкой колонизаціи, ни населенныхъ нѣмцами городовъ, ни попытокъ искорененія завоеванной національности, а все дѣло сводилось къ нѣмецкому чиновничеству и къ нѣмецкому языку въ дѣлопроизводствѣ и въ школѣ. Прекратить эту бюрократическую германизацію въ Галиціи было, поэтому, очень легко, какъ, въ сущности, легко сдѣлать то же самое по отношенію къ Царству Польскому,—не то, что въ Пруссіи или въ Богеміи, въ которыхъ очень ужъ переплелись между собою нѣмецкіе и не-нѣмецкіе элементы населенія.

Послѣ своихъ пораженій въ войнахъ 1859 и 1866 гг. Австрія перешла къ конституціонному строю, даровавъ извѣстное самоуправленіе и отдѣльнымъ своимъ областямъ съ правомъ пользоваться мѣстными языками въ публичной жизни. Это было для Австріи переходомъ къ совершенно новой политикѣ.

Въ 1815 г. вѣнское правительство не менѣе (скорѣе даже болѣе) берлинскаго было недовольно тѣмъ, что Царство Польское получило конституцію. Австрія очень боялась, чтобы сродичи подвластныхъ ей народовъ въ сосѣднихъ странахъ пользовались лучшимъ положеніемъ, были ли то нѣмцы, итальянцы или поляки. Своимъ собственнымъ, галиційскимъ полякамъ Австрія не довѣряла и вела борьбу съ полонизмомъ.

Въ противовѣсъ полякамъ вѣнское правительство стало покровительствовать галицкимъ русинамъ или „рутенамъ“ по оффиціальной австрійской терминологіи. Австрійскіе чиновники разжигали также и соціальную борьбу въ польской части Галиціи между помѣщиками и крестьянами. Краковъ, изъ котораго вѣнскій конгрессъ сдѣлалъ вольный городъ подъ протекторатомъ Австріи, Пруссіи и Россіи, за то, что въ немъ и изъ него велась польская политическая агитація, лишился въ 1846 г. своей свободы и былъ присоединенъ къ Австріи. Революціонная попытка, сдѣланная-было мѣстными поляками въ 1848 г., была подавлена, и опять вѣнское правительство стало выдвигать оставшихся вѣрными „рутеновъ“ противъ мятежно настроенныхъ поляковъ.

Въ новый періодъ своего существованія въ предѣлахъ Австріи поляки вступили въ шестидесятыхъ годахъ, когда монархія Габсбурговъ сдѣлалась конституціоннымъ государствомъ. Въ 1861 году Галиція получила самоуправленіе съ избирательной системой, основанной на сословныхъ куріяхъ и дополненной искусственнымъ распредѣленіемъ округовъ, что давало во всей странѣ перевѣсъ полякамъ надъ русинами. Даже введеніе въ 1907 г. избирательной реформы со всеобщимъ голосованіемъ не уничтожило привилегированнаго положенія поляковъ. Остававшіеся въ 1848 г. вѣрными Габсбургамъ русины были принесены въ жертву когда-то мятежнымъ, но теперь ставшимъ лойяльными, полякамъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ Галиція получила отъ Франца-Іосифа нѣчто, подобное тому, что дано было Александромъ I Царству Польскому въ 1815 году, во всякомъ случаѣ возможность безпрепятственнаго для поляковъ національнаго развитія. Правда, это случилось не сразу, и полякамъ пришлось добиваться отъ вѣнскаго правительства уступокъ постепенно, но какъ бы то ни было, къ концу шестидесятыхъ годовъ польскій языкъ сдѣлался въ Галиціи языкомъ преподаванія въ школахъ, въ администраціи, въ судебныхъ учрежденіяхъ. Въ 1869 г. поляки даже сдѣлали попытку чрезъ мѣстный сеймъ добиться расширенія галиційской автономіи въ смыслѣ приближенія къ государственному положенію Венгріи, но успѣха въ этомъ не имѣли, хотя, съ другой стороны, ихъ положеніе въ Галиціи сдѣлалось гораздо лучшимъ, нежели положеніе чеховъ въ Богеміи. Только слѣдуетъ прибавить, что среди самихъ поляковъ центральная власть наибольшее покровительство оказывала лишь однимъ консервативнымъ, аристократическимъ и клерикальнымъ элементамъ.

Подобно тому, какъ въ Германіи поляки въ эпоху бисмаркскаго культуркампфа съ католицизмомъ объединяли свое дѣло со стремленіями германской клерикальной партіи центра, и австрійскіе поляки искали въ Вѣнѣ помощи въ придворныхъ сферахъ и въ феодально-клерикальныхъ кругахъ, тѣмъ болѣе, что въ политикѣ польская нація была представлена, главнымъ образомъ, шляхтою. Уже послѣ возстанія въ русской Польшѣ въ 1863 году, галиційскій сеймъ заявилъ въ своемъ адресѣ Францу-Іосифу, что поляки стоятъ и хотятъ стоять около него. Неудача польскаго возстанія 1863 г. не охладила въ обществѣ надеждъ на Наполеона III, но послѣ побѣды Пруссіи надъ Австріей всѣ надежды на Францію должны были разсѣяться, а послѣ 1870--1871 г.г. и вообще мысль о возстановленіи Польши путемъ возстанія съ иностранною помощью потеряла значительную долю привлекательности. Тѣ самые польскіе ученые и публицисты въ Галиціи, которые раньше враждебно относились къ русской политикѣ къ Польшѣ передъ возстаніемъ 1863 г., стали сожалѣть, что оно положило конецъ предпринятому тогда обновленію Царства Польскаго. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ

въ Галиціи образовалась цѣлая партія, получившая названіе станьчиковъ [1]), объявившая возстаніе 1863 г. величайшимъ народнымъ бѣдствіемъ. По отношенію къ Австріи станьчики стали проповѣдовать полнѣйшую лойяльность со стороны поляковъ, состоявшихъ у нея въ подданствѣ. Такую же политику станьчики рекомендовали и полякамъ въ Пруссіи. Исключение они дѣлали только по отношенію къ Россіи, хотя и совѣтовали не предпринимать болѣе противъ нея возстаній. Впрочемъ, съ теченіемъ времени среди польскихъ публицистовъ въ Галиціи начали попадаться и такіе, которые рекомендовали не препятствовать, а скорѣе содѣйствовать образованію русско-польской вѣрноподданной партіи. Станьчиковская идея стала опредѣлять поведеніе польскаго клуба („кола") въ австрійскомъ рейхсратѣ и даже оказала вліяніе на многихъ польскихъ членовъ германскаго рейхстага.

Неудача возстанія 1863 г., такимъ образомъ отразившаяся на настроеніи и поведеніи вліятельныхъ элементовъ польскаго общества Галиціи, вообще произвела значительную перемѣну въ польской психикѣ. Вѣрѣ въ возстановленіе Польши путемъ возстанія былъ нанесенъ сильный ударъ; польская эмиграція во Франціи, Бельгіи, Англіи и Швейцаріи перестала играть ту роль, какую играла послѣ 1831 года; очень популярною и въ русской Польшѣ сдѣлалась программа, такъ называемой, „органической работы" (praca organiczna) въ интересахъ національнаго существованія и экономическаго и культурнаго развитія польской націи [2]). Представленіе объ исторической Польшѣ въ границахъ 1772 г. начало смѣняться представленіемъ о польской національности, которой нужно было отстаивать свое существованіе въ чужихъ государствахъ. Русскіе поляки стали иногда прямо заговаривать о необходимости образованія партіи и русскихъ станьчиковъ, и, въ концѣ концовъ, среди польскихъ подданныхъ Россіи таковые появились въ лицѣ „угодовцевъ", сторонниковъ „угоды", въ смыслѣ соглашенія, примиренія. Какъ и въ Австріи, это направленіе разсчиты-

---

[1]) Отъ заглавія одного изъ первыхъ литературныхъ манифестовъ партіи „Teka Stanczyka". См. въ моей „Исторіи Западной Европы", т. VI, часть 2, стр. 330 и слѣд.

[2]) См. въ вышеуказанномъ моемъ сборникѣ „Polonica" стр. 92 и слѣд.

вало получить все отъ власти, съ которою только и считалось. Лишь немногіе изъ нихъ думали и о солидарномъ дѣйствіи съ прогрессивными элементами русскаго общества. Нѣкоторые публицисты указывали даже, что въ Австріи поляки находятъ поддержку только въ клерикально-феодальныхъ кругахъ, тогда какъ въ Россіи сочувствіе они могли бы встрѣтить исключительно въ кругахъ прогрессивныхъ. Освободительное движеніе 1905 г., какъ извѣстно, оправдало эти ожиданія.

То благопріятное въ національномъ смыслѣ положеніе, въ какомъ очутились съ конца шестидесятыхъ годовъ поляки въ Галиціи, сдѣлало ея культурные центры, Краковъ и Львовъ, гораздо менѣе значительные, чѣмъ Варшава, мѣстами свободнаго развитія польской политической мысли. Многимъ Галиція уже представлялась будущимъ польскимъ Пьемонтомъ, имѣющимъ объединить націю, несмотря на то, что въ сравненіи съ Царствомъ Польскимъ это—страна и съ меньшимъ польскимъ населеніемъ, и болѣе бѣдная, лишенная промышленности, даже уступающая русской Польшѣ въ духовной культурѣ. Если, какъ-никакъ, есть причины, удерживающія поляковъ Царства Польскаго въ соединеніи съ Россіей, то есть и другія причины, которыя заставляютъ другую часть возлагать свои надежды на Галицію, на Австрію, на „австрійскую оріентацію", какъ стали недавно выражаться. Австрійскіе политики учитываютъ это и всячески поддерживаютъ среди галиційскихъ поляковъ враждебное отношеніе къ Россіи. Каждый разъ, какъ за послѣднее время ухудшались австро-русскія отношенія, это отражалось на Галиціи, гдѣ власти позволяли открыто готовиться къ войнѣ съ Россіей. Убитому въ іюнѣ 1914 г. австрійскому престолонаслѣднику Францу-Фердинанду даже приписывали проектъ возстановленія Польши подъ Габсбургскимъ скипетромъ.

Но въ австрійской политикѣ по отношенію къ Галиціи была и другая сторона. Не разъ уже указывалось на то, что вѣнское правительство не очень-то вообще дорожило этою областью, мало заботилось объ экономическомъ ея преуспѣяніи, тратило на нее минимальныя суммы, и, дѣйствительно, въ составѣ Австрійской имперіи Галиція всегда

играла роль скорѣе падчерицы, нежели родной дочери. Это объясняли тѣмъ, что въ Вѣнѣ какъ-будто плохо вѣрили въ прочность узъ, связывающихъ эту область съ остальной монархіей. Во всякомъ случаѣ, не галиційскія отношенія составляли главный предметъ австро-русскаго антагонизма. Такимъ предметомъ являлся Балканскій полуостровъ, на которомъ и около котораго скрещивались противоположные интересы Австро-Венгріи и Россіи. Сама по себѣ Галиція для соперничества обѣихъ дипломатій представляла собою предметъ второстепенный, тѣмъ болѣе, что изъ-за польскаго (и русинскаго) вопроса ни тамъ, ни здѣсь ссориться не собирались.

V.

Изъ всѣхъ австрійскихъ славянъ менѣе всего склонны были къ „славянской взаимности" и общенію съ Россіей поляки. Старые славянофилы и болѣе близкіе къ намъ по времени неослависты всегда скорбѣли о томъ, что поляки сторонятся отъ этой взаимности и отъ этого общенія, то ставя это въ вину однимъ полякамъ, то сожалѣя, что сама русская политика дѣлала невозможнымъ участіе поляковъ въ великомъ славянскомъ союзѣ. Хотя иниціатива раздѣла Польши вышла отъ нѣмцевъ, между которыми первоначально и была подѣлена сама польская нація, главный odium со стороны поляковъ за этотъ раздѣлъ, за все то дурное, что претерпѣла съ тѣхъ поръ польская нація, палъ на Россію. Вѣдь именно ей досталась львиная доля изъ общаго наслѣдства Рѣчи-Посполитой. Противъ Россіи же были натравлены возстанія 1830 и 1863 г., въ сравненіи съ которыми вспышки въ Галиціи и въ Познани въ концѣ сороковыхъ годовъ справедливо кажутся чѣмъ-то очень неважнымъ. Наибольшее количество каръ за попытки возстановить Польшу потерпѣли опять-таки не прусскіе или австрійскіе, а русскіе поляки. Польскимъ патріотамъ, поэтому, Россія казалась главнымъ препятствіемъ къ возстановленію ихъ отечества и потому вызывала наибольшее къ себѣ нерасположеніе. Это—тезисъ, не требующій доказательства.

И тѣмъ не менѣе, среди тѣхъ же польскихъ патріотовъ было немало такихъ, которые возлагали свои національныя

надежды на эту же самую Россію и искали примиренія съ нею. Мотивы бывали тутъ и романтическіе, даже мистическіе, и болѣе реальнаго характера, между прочимъ, экономическіе, и въ обѣихъ категоріяхъ этихъ мотивовъ важную роль играли соображенія, касающіяся борьбы съ германизмомъ.

Въ польской литературѣ, особенно ученой, всегда были болѣе или менѣе выражены своего рода славянскія тенденціи, хотя при этомъ иногда какъ-разъ русскіе исключались изъ славянскаго общенія, но ученое славянофильство ограничивалось болѣе или менѣе тѣсными кругами. Порою, однако, въ моменты обостренія польско-нѣмецкихъ отношеній, многіе поляки вспоминали, что они—славяне, и что славянская же держава—Россія. Галиційская рѣзня польскихъ помѣщиковъ въ 1846 г. съ попустительства нѣмецкихъ властей вызвала со стороны нѣсколькихъ польскихъ писателей, а между ними и эмигрантовъ, рѣзкіе протесты, въ которыхъ говорилось, напр., что ссора поляковъ съ русскими не помѣшаетъ имъ соединиться для борьбы съ нѣмцами, и Россіи отводилось предводительство въ этой борьбѣ [1]). Развившійся около этого же времени въ польской эмиграціи мессіанизмъ, выразившійся, между прочимъ, въ ученіи о томъ, что Польша есть Мессія народовъ, что она умерла за грѣхи міра и воскреснетъ для спасенія человѣчества, — какъ это ни странно съ перваго взгляда,—тоже былъ соединенъ съ упованіями на Россію. Знаменитый Товянскій, въ котораго одно время Мицкевичъ вѣровалъ, какъ въ пророка Божія, прямо становился на панславистическую точку зрѣнія и указывалъ на русскаго императора, какъ на орудіе Промысла въ дѣлѣ выполненія славянами ихъ всемірно-историческаго назначенія. Въ вѣрности этого взгляда Товянскій старался убѣдить и Мицкевича, который, наоборотъ, спасенія Польши ожидалъ отъ Франціи.

Впрочемъ, подобнаго рода представленія были въ польскомъ обществѣ исключеніями, и славизмъ въ польской эмиграціи получалъ больше характеръ Россіи враждебный.

[1]) Для этого и слѣд. см. факты въ послѣдней части XVII главы пятаго тома „Исторіи Западной Европы“.

Выдвигалось при этомъ вѣроисповѣдное различіе, и „московскому“ панславизму, съ „схизматической“ Россіей во главѣ, противополагался католическій панславизмъ австрійскій. Вообще, каждый разъ, когда конфессіональный моментъ выдвигался впередъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ, онъ являлся одною изъ преградъ къ сближенію. Въ рукахъ Австріи католицизмъ былъ, поэтому, вообще очень большимъ козыремъ. Наоборотъ, всякая враждебная по отношенію къ католицизму политика отталкивала поляковъ отъ тѣхъ государствъ, которыя къ этой политикѣ прибѣгали.

Католицизмъ, вообще, является очень сильною спайкою различныхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ польская нація, и многіе интеллигентные поляки не по религіозному убѣжденію, а по политическому расчету готовы поддерживать католицизмъ. Болѣе свободомыслящіе, которые въ узкомъ конфессіонализмѣ и враждебномъ прогрессу клерикализмѣ видѣли большую культурную опасность для польской націи, какъ-разъ по этой причинѣ предостерегали ее относительно австрійской оріентаціи. Уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ бывшій въ то время однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ польскихъ писателей, Александръ Свентоховскій, въ одной замѣчательной статьѣ („Заколдованные круги“) [1], сравнивая положеніе польской національности въ Познани, Галиціи и Царствѣ Польскомъ, указывалъ на то, что въ первыхъ двухъ областяхъ поляки находятся подъ слишкомъ большимъ вліяніемъ католицизма. Именно въ Познани многіе чувствуютъ себя болѣе католиками, чѣмъ поляками, иные же въ католицизмѣ видятъ единое средство спасенія своей національности, а потому въ прусской и общегерманской политикѣ дружатъ съ клерикально и, вообще, реакціонно-настроенными нѣмцами и идутъ на культурныя уступки. Передъ прусскими поляками—двѣ дороги: или денаціонализація, или культурное банкротство. Въ Галиціи тѣ же двѣ дороги: или денаціонализирующій прогрессъ, или національная реакціонность, ибо всѣ пріобрѣтенія въ пользу національнаго развитія польской Галиціи дѣлаются, благодаря покровительству вѣнскихъ клерикально-аристократическихъ сферъ. Выводъ отсюда авторомъ дѣлался тотъ, что

[1]) См. въ указанномъ выше сборникѣ („Polonica“), стр. 21 и слѣд.

въ Царствѣ Польскомъ поляки находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи по отношенію къ своей національности. Суть дѣла въ томъ, что въ Германіи и въ Австріи полякамъ могутъ благопріятствовать только консервативные нѣмецкіе элементы (германскій „центръ“, австрійская „правая“), а это на руку, главнымъ образомъ, польскому консерватизму, которому, наоборотъ, русскій консерватизмъ, вообще враждебный полонизму, поддержки не оказываетъ.

Статья Свентоховскаго была написана, какъ я сказалъ, много лѣтъ тому назадъ, и многое въ изображенныхъ въ ней отношеніяхъ измѣнилось, но основныя линіи вопроса остались прежнія. Въ началѣ XX в. событія подтвердили, что въ Россіи какъ-разъ прогрессивные общественные элементы оказались на сторонѣ національныхъ правъ поляковъ, тогда какъ противниками ихъ выступили элементы, однородные съ тѣми, которые въ Германіи и въ Австріи покровительствовали полякамъ, по мотивамъ консервативнаго характера.

Объ экономическомъ интересѣ, удерживающемъ поляковъ въ соединеніи съ Россіей, я уже говорилъ выше. Экономическій интересъ—весьма большая сила: онъ особенно сплачиваетъ Польшу съ Россіей. Событія 1905 г. притомъ показали, что рабочій классъ, получившій такое развитіе въ русской Польшѣ за послѣднія десятилѣтія, не отдѣляетъ себя отъ общероссійскаго движенія. И въ Австріи, и въ Германіи въ началѣ теперешней войны сильно разсчитывали на возстаніе въ Царствѣ Польскомъ—и ошиблись. Несмотря на все то, что разъединяло въ прошломъ Польшу и Россію, въ настоящемъ возобладали тѣ какъ-разъ силы, которыя давно уже начали работу въ смыслѣ сближенія обоихъ народовъ на почвѣ общихъ политическихъ, экономическихъ и культурныхъ интересовъ: среди этихъ силъ свою роль сыграли надежды на возвѣщенное полякамъ лучшее будущее.

Исторію дѣлаютъ люди, и нужно, чтобы люди не испортили въ будущемъ создавшагося въ настоящемъ благопріятнаго положенія. Съ обѣихъ сторонъ многое въ старомъ должно быть забыто, но многое же въ этомъ старомъ должно быть и урокомъ относительно прежнихъ ошибокъ, повторять которыя было бы непростительно въ тотъ моментъ, когда польскій вопросъ получаетъ столь широкую постановку.

Россія, Пруссія и Польша (1861—1863).

Бар. Б. Э. Нольде.

Одно за другимъ проходятъ поколѣнія, мѣняются обстановка ихъ дѣятельности и средства достиженія цѣлей, мѣняются самыя цѣли. Но въ этой смѣнѣ людей и цѣлей долго—подчасъ многими столѣтіями—живутъ тѣ основныя заданія, въ рамкахъ которыхъ протекаетъ борьба этихъ людей ради этихъ цѣлей. Нигдѣ яснѣе не наблюдаешь постоянство заданій, какъ въ той большой борьбѣ государственныхъ силъ, которую мы называемъ внѣшней политикой. Есть какъ бы неизбѣжныя, „невольныя“ связи и сочетанія данныхъ, въ которыхъ ставятся и достигаются задачи внѣшней борьбы: смѣняющіяся поколѣнія сталкиваются съ ними, какъ съ формами, въ которыя необходимо выльется или ихъ вражда, или ихъ миръ.

Судьбы польскаго вопроса ярко поясняютъ сказанное. „Отъ береговъ Тихаго Океана до сѣверныхъ морей“, сказано въ воззваніи Великаго Князя къ полякамъ, „движутся русскія рати. Заря новой жизни занимается для васъ...“ И въ самомъ дѣлѣ, связь національнаго возрожденія поляковъ и борьбы между Россіей и Германіей—не случайное, прихотью судебъ созданное, заданіе великой войны. Нѣтъ сомнѣнія, польскій вопросъ для Россіи формально есть русскій вопросъ и долженъ остаться такимъ, но по существу судьба поляковъ—впредь до объединенія польскаго народа—неразрывно связана съ условіями нашей внѣшней политики: „заря новой жизни“ дѣйствительно должна была заняться надъ Польшей

тогда, когда „двинулись русскія рати“. Союзъ съ Германіей такъ-же естественно исключалъ нынѣшнюю постановку польскаго вопроса, какъ естественно борьба съ ней создала эту постановку.

Что альтернатива: національное возрожденіе поляковъ и борьба Россіи съ Германіей, или союзъ Россіи съ Германіей и отрицаніе народнаго дѣла Польши—представляетъ необходимую форму, неизбѣжное заданіе, въ которыхъ ставится польскій вопросъ, есть достаточно избитая политическая истина.

Я хочу помочь освѣщенію основного международнаго „заданія“ польскаго вопроса не на высотахъ отвлеченныхъ политическихъ схемъ, а въ низахъ подлинной дѣйствительности историческаго прошлаго и избираю для этого сравнительно короткій періодъ начала шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка, время послѣдней крупной международной борьбы вокругъ судебъ Польши въ рамкахъ указанной „формальной“ альтернативы.

1.

Зимой, въ годъ освобожденія крестьянъ, въ петроградскихъ гостиныхъ встрѣтились два крупнѣйшихъ за послѣднее столѣтія дѣятелей современной Германіи и современной Польши—Бисмаркъ и Вѣлепольскій. Въ каждомъ изъ нихъ воплощалось будущее его народа. Г. ф. Бисмаркъ-Шенгаузенъ, какъ онъ тогда именовался, посланникъ при русскомъ дворѣ, былъ еще невѣдомымъ въ большой публикѣ прусскимъ дипломатомъ, о которомъ помнили въ берлинскихъ политическихъ кругахъ, какъ о „крайнемъ правомъ“ депутатѣ прусскаго ландтага революціоннаго времени, и котораго хорошо зналъ — но не всегда признавалъ — только маленькій европейскій дипломатическій мірокъ по его дѣятельности во Франкфуртѣ на Майнѣ. Вѣлепольскій былъ отставнымъ чиновникомъ русской администраціи Царства Польскаго, знатнымъ и богатымъ польскимъ шляхтичемъ, въ которомъ тогдашній намѣстникъ царства князь Михаилъ Горчаковъ нашелъ человѣка, могущаго помочь ему справиться съ начавшимся въ 1860 г. броженіемъ польскаго общества, и который скоро

разсорился съ преемниками Горчакова. Имена обоихъ у себя дома, въ тѣхъ кругахъ, которые руководили народной жизнью, не пользовались никакимъ обаяніемъ: къ обоимъ тамъ относились съ рѣзкимъ недовѣріемъ, переходившимъ въ дѣятельную ненависть. И тѣмъ не менѣе, обоимъ суждено было, открыто борясь съ народной волной, ее одолѣть и создать содержаніе всей послѣдующей жизни ихъ народовъ. Только судьба была болѣе милостива къ первому, чѣмъ ко второму: дѣло Вѣлепольскаго не только не было кончено имъ самимъ, но онъ пережилъ его крушеніе, и должно было пройти два поколѣнія, прежде чѣмъ его программа стала опредѣлять событія.

Дѣловымъ образомъ Бисмаркъ и Вѣлепольскій не сталкивались. Изъ частыхъ свѣтскихъ встрѣчъ за зимній сезонъ 1861—1862 г. они вынесли чувства взаимнаго уваженія и, какъ бы, общности своихъ жизненныхъ положеній. „Вы знаете по опыту“, писалъ нѣсколько лѣтъ позднѣе Вѣлепольскому Бисмаркъ, отвѣчая на письмо по поводу покушенія на жизнь Бисмарка,—„образъ жизни, который я веду, его разочарованія, его неблагодарности, его лишенія, недостаточность времени и силъ при единственномъ утѣшеніи въ сознаніи того, что я исполнилъ мой долгъ и послушался призванія, Богомъ даннаго. Вы чрезъ то прошли, и я увѣренъ въ Вашемъ сочувствіи“. Но это взаимное признаніе не мѣшало тому, что Бисмаркъ и Вѣлепольскій представляли въ Петроградѣ двѣ рѣзко враждебныхъ другъ другу политики, и что, защищая дѣло своей жизни, каждый изъ нихъ неизбѣжно становился въ коренное противорѣчіе и неразрѣшимый конфликтъ съ другимъ. Ихъ встрѣча была символомъ вѣковой борьбы, исходъ которой долженъ былъ не только предрѣшить судьбы польскаго вопроса на полстолѣтіе, но и могущественнымъ образомъ отразиться на внѣшней политикѣ и Пруссіи, и Россіи.

Я не хочу сказать, что борьбу двухъ рѣшеній польскаго вопроса въ 1861—1862 гг. можно было бы свести къ нѣкоему единоборству Бисмарка и Вѣлепольскаго. Ходъ и исходъ ея опредѣляло безконечное множество условій, связанныхъ и съ тогдашнимъ настроеніемъ русскихъ правящихъ круговъ, и съ событіями въ царствѣ, и съ общей международной обста-

новкой того времени. Встрѣча Бисмарка и Вѣлепольскаго— только выраженіе въ яркихъ и крупныхъ образахъ двухъ боровшихся программъ. Каждый изъ нихъ на томъ историческомъ перепутьи, на которомъ находились Россія и Польша, всей силой своего таланта и воли стремился вывести первую на свою дорогу.

Прусская программа по польскимъ дѣламъ начала шестидесятыхъ годовъ, какъ и всѣ другія стремленія тогдашней оффиціальной Пруссіи, слагалась подъ вліяніемъ того, что было пережито въ только-что ушедшіе въ прошлое революціонные годы. У пруссаковъ былъ свой собственный,— меньшій по размѣрамъ, но поставленный въ исторически очень похожихъ на русскія условіяхъ,—польскій вопросъ. Вѣнскій трактатъ, отмежевавшій Пруссіи Познань, подъ именемъ Великаго княжества Познаньскаго, торжественно провозглашалъ, что поляки, подданные Пруссіи, получатъ представительство и національныя учрежденія. Въ воззваніи къ населенію Великаго княжества 15 мая 1815 г., изданномъ вслѣдъ за присоединеніемъ края, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III не менѣе торжественно объявилъ, что присоединеніе совершается „безъ отрицанія національности“ населенія, что край получитъ „провинціальную конституцію“, что вѣра будетъ сохранена, что „польскій языкъ, наравнѣ съ нѣмецкимъ, получитъ употребленіе въ государственныхъ дѣлахъ“, что во главѣ края будетъ поставленъ намѣстникъ— мѣстный уроженецъ и что послѣдній будетъ передавать коронѣ всѣ „желанія и потребности“ жителей. Въ рамкахъ этихъ обѣщаній, мирившихся съ сословно-представительнымъ строемъ до-конституціонной Пруссіи, Познань просуществовала до 1848 г.; во главѣ провинціи стояли разные люди, ведшіе разную политику: перваго „намѣстника“ поляка Радзивилла замѣнилъ „оберъ-президентъ“ ф. Флоттвелль, въ которомъ нѣмцы благословляютъ предшественника эры борьбы съ „полонизмомъ“, послѣ ф. Флоттвелля, насаждавшаго въ Познани нѣмецкое землевладѣніе и проповѣдывавшаго необходимость полнаго сліянія края съ остальными прусскими землями, наступила эпоха колебаній, столь характерныхъ для Фридриха-Вильгельма IV, пока не пришла революціонная волна 48 года, сразу измѣнившая положеніе. Въ Познани

началось возстаніе, съ которымъ сначала не рѣшались бороться, а вели переговоры, результатомъ коихъ было образованіе, подъ предсѣдательствомъ правительственнаго коммиссара, польскаго комитета для выработки „реорганизаціи“ великаго княжества на національныхъ польскихъ основаніяхъ. Это положеніе продолжалось, однако, не долго: къ лѣту 48 года повстанческое движеніе было подавлено, а одновременно съ тѣмъ среди нѣмцевъ Познаньской провинціи возникло рѣзкое движеніе противъ включенія ихъ въ будущую „реорганизацію“, и королевскимъ указомъ была проведена разграничительная линія между польской и нѣмецкой половинами края. Съ созывомъ перваго ландтага, польскіе представители Познани въ самой рѣшительной формѣ поспѣшили отмежеваться отъ прусской конституціонной реформы, выставивъ требованіе о подчиненіи великаго княжества, на основаніяхъ Вѣнскаго трактата и обѣщаній короля Фридриха-Вильгельма III, особому „органическому уставу“. Но уже въ первомъ, революціонномъ по своему настроенію, прусскомъ парламентѣ польскіе автономисты встрѣтились съ самымъ рѣзкимъ отпоромъ. Тоже повторилось и въ франкфуртскомъ парламентѣ, гдѣ, несмотря на всѣ протесты польскихъ депутатовъ, ссылавшихся на особыя права великаго княжества Познаньскаго, въ составъ новой Германіи включены были нѣмецкія части Познани,—притомъ вопреки тому факту, что въ старый германскій союзъ провинція Познань, какъ и обѣ Пруссіи, не входили. Конфликтъ пережилъ и гибель первой прусской конституціи, и гибель дѣла парламента Павловской Церкви. При выработкѣ дѣйствующей прусской конституціи на ландтагѣ 1849 г. польскіе представители возобновили свое требованіе о признаніи особыхъ правъ Познани въ составѣ монархіи. Это требованіе не нашло себѣ никакой поддержки, а затѣмъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ была отвергнута поддерживавшаяся даже правительствомъ, болѣе умѣренная формула, по которой не-нѣмецкое населеніе Пруссіи должно было получить равноправіе языка, свободу вѣры, преподаванія, внутренняго управленія и суда. Тексты 1815 г. — правда, достаточно темные—не остановили палатъ въ ихъ стремленіи обезпечить безусловное государственно-правовое единство Пруссіи и

безусловное господство нѣмецкой стихіи. „Пруссія и ея конституція знаютъ только пруссаковъ, безъ различія ихъ происхожденія“, провозгласилъ ландтагъ устами докладчика комиссіи Келлера. Прусская конституція, какъ она вышла изъ ландтага 1849 г., не признаетъ ни Великаго княжества Познаньскаго, ни польской народности. Въ новомъ ландтагѣ 1850 г. польское коло отказалось принести присягу этой новой конституціи. Въ заявленіи его 5 февраля говорилось: „Принимая во вниманіе, что конституція, которой предложено присягнуть, не обезпечиваетъ ни польской народности вообще, ни Великому княжеству Познаньскому, какъ таковому, принадлежащихъ имъ правъ; принимая во вниманіе, что присяга при такихъ условіяхъ со стороны пословъ В. княжества Познаньскаго могла бы быть истолкована въ томъ смыслѣ, будто они отреклись отъ правъ и привилегій своего края и добровольно отдались подъ вѣдомство нѣмецкаго Союза, послы не могутъ принести этой присяги и слагаютъ свои полномочія“.

Начавшись братаніемъ польскихъ и берлинскихъ революціонеровъ въ мартовскіе дни 48 года, событія годовъ прусской политической смуты привели къ объявленію поляками политической войны прусскому королевству. И что всего важнѣе:—въ этой войнѣ Познань выставила не только знамя трактатовъ 1815 г., но—открыто и рѣшительно—и знамя славянства. Въ разгаръ преній ландтага 1849 г. депутатъ ксендзъ Янишевскій сказалъ, обращаясь къ палатѣ: „Ваше государство готовитъ намъ гробъ. Наши симпатіи къ этому государству были бы самоубійствомъ“, а другой депутатъ, Эразмъ Стаблевскій, открыто сдѣлалъ тотъ политическій выводъ, который отсюда вытекалъ. „Если вы... лишите поляковъ всякаго ихъ права“, говорилъ онъ, „если растопчете ихъ народныя чувства, если вырвете надежду на улаженіе нашихъ отношеній съ Пруссіей на пути мира, тогда, господа, мы вспомнимъ, что мы не только поляки, но еще и славяне. Какъ славяне мы имѣемъ предъ собой будущее, какъ подданные Пруссіи—никакого. Тогда мы, поляки, пойдемъ съ славянщиной. Есть-ли намъ что терять? Ровно ничего. Сила вещей толкаетъ насъ въ руки деспотизма. Деспотизмъ этотъ не вѣченъ,—да и какую цѣну мы можемъ

признать за свободой, во имя которой насъ угнетаютъ? Мы найдемъ признаніе и справедливость у тѣхъ, кого вы называете варварами. Исторія знаетъ только одну логику: либо мы найдемъ у васъ справедливость, либо станемъ вашими врагами вмѣстѣ со всѣмъ славянствомъ".

Сложившаяся въ эпоху этой борьбы программа по польскимъ дѣламъ стоявшихъ у власти прусскихъ консерваторовъ могла быть только враждебна Польшѣ. Все, что мѣшало побѣдѣ пруссаковъ въ объявленной имъ поляками войнѣ, должно было находить самый рѣзкій отпоръ. И въ первую очередь—помыслы о славянскомъ единствѣ, о томъ примиреніи Польши съ русскимъ „деспотизмомъ", призракъ котораго призывалъ Эразмъ Стаблевскій въ прусскомъ ландтагѣ 1849 г.

Никто ярче не пережилъ въ Германіи испытанія революціонныхъ лѣтъ, чѣмъ Бисмаркъ. Страстность и сила германскаго національнаго чувства сочеталась въ немъ съ холоднымъ и трезвымъ презрѣніемъ ко всякой наднародной идеологіи; ему ничего не говорили традиціи европейскаго либерализма, привыкшаго неразрывно связывать дѣло свободы и народнаго возрожденія Европы съ возрожденіемъ Польши — традиціи, которыя были сильны даже въ тогдашней передовой Пруссіи, спокойно сочетаясь тамъ съ нежеланіемъ признать народныя права прусскихъ поляковъ; изъ польскаго опыта Пруссіи въ Познани онъ могъ вынести только яркое сознаніе непримиримости традицій европейскаго либерализма съ интересами Пруссіи и германизма. Всякая тѣнь польскихъ увлеченій въ его сознаніи вызывали столь претившіе ему образы мартовскихъ дней 48 года и оскорбляли въ немъ здравый политическій смыслъ пруссака и нѣмца. Въ одномъ изъ петроградскихъ его писемъ за осень 1861 г. можно прочесть слѣдующія, какъ-бы изъ желѣза выкованныя, слова: „Каждый успѣхъ польскаго народнаго движенія есть пораженіе Пруссіи, и мы должны вести борьбу противъ этого элемента не по началамъ гражданской справедливости, а по правиламъ войны. Полонизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ долженъ оцѣниваться нами не гуманистически и безпартійно, а враждебно... Между нами и какой-либо попыткой возстановленія Польши не можетъ быть заключено мира..." (письмо Бернсторфу 13/25 ноября 1861 г.).

Между тѣмъ событія какъ будто готовили съ начала 1861 г. ту новую, болѣе широкую, постановку польскаго вопроса, которой такъ боялись Бисмаркъ и съ нимъ вся оффиціальная Пруссія. Вдохновителемъ этой попытки былъ Вѣлепольскій. Хорошо извѣстно, что́ принесъ съ собой Вѣлепольскій, когда былъ приглашенъ послѣ начавшихся въ Царствѣ Польскомъ смутъ намѣстникомъ царства принять участіе въ управленіи, въ качествѣ директора комиссіи просвѣщенія и исповѣданія, и наладить отношенія съ польскимъ обществомъ. Выдвинувшій кандидатуру Вѣлепольскаго, тогдашній главный прокураторъ Варшавскаго сената, Энохъ, принесъ князю Михаилу Горчакову, какъ нѣкое удостовѣреніе личности Вѣлепольскаго, его брошюру 1846 г.: „Письмо польскаго дворянина князю Меттерниху“. Эта брошюра — до сихъ поръ не превзойденное по силѣ, яркости и глубинѣ выраженіе программы русско-польскаго примиренія. „Готовится новая будущность“, писалъ въ ней Вѣлепольскій, „надо на что нибудь рѣшиться. Вмѣсто безпорядочнаго похода на удачу, надобно избрать здравый и указываемый событіями образъ дѣйствій посредствомъ смѣлой рѣшимости, которая не обойдется, конечно, безъ боли сердечной. Вмѣсто того, чтобы изощряться вымаливаніемъ себѣ положенія на западѣ, мы можемъ, войдя въ себя, создать себѣ будущность въ противоположномъ концѣ и проложить себѣ дорогу сквозь нѣдра колоссальной державы. Становясь болѣе и болѣе неспособными совладать съ своей судьбой, какъ политическое цѣлое, государство, мы можемъ обрести новую, какъ люди того же племени... Въ сознаніи славянскаго единства должны погаснуть и ненависти наши...“. И далѣе: „Вслѣдствіе нашего (польскаго) содѣйствія силы Имперіи получили бы громадное приращеніе. Она бы внутренне окрѣпла, освободившись отъ лихорадки, причиняемой ей нашими сопротивленіями. Она обогатилась бы всѣми умственными и нравственными способностями нашего племени, которыхъ вліяніе тотчасъ бы обнаружилось. Кто знаетъ, можетъ быть, внутреннія страданія русскаго народа облегчились бы вслѣдствіе этой примѣси польскаго элемента, и наше общее славянство вышло бы лучше и богаче, чѣмъ каждая изъ отдѣльныхъ входящихъ народностей. Наконецъ, черезъ насъ Имперія пріобрѣла бы вліяніе во всѣхъ стра-

нахъ, обитаемыхъ нашими братьями, и неудержимо было бы ея обаяніе по отношенію къ славянскому населенію Юга и Запада“... (беру переводъ у Спасовича).

Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, больше сказать о Вѣлепольскомъ, чѣмъ говорили эти строки. Здѣсь союзъ Польши съ Россіей на общей почвѣ славянства—не крикъ отчаянія, не угроза, какъ въ рѣчи Эразма Стаблевскаго въ прусскомъ ландтагѣ 1849 г. Это — плодъ зрѣлой и глубокой политической мысли и выраженіе непреклонной вѣры и воли.

Во имя осуществленія своей программы Вѣлепольскій вошелъ въ составъ управленія царства. Онъ сознавалъ, что дѣло, которое онъ начиналъ, было въ окружавшихъ его условіяхъ труднымъ, почти безнадежнымъ. Онъ зналъ, что его программа непопулярна въ Польшѣ, и что край по прежнему живетъ слѣпой вѣрой въ спасительность того своеобразнаго какъ бы „революціонно-дипломатическаго“ катехизиса, который слагался изъ мечтаній о границахъ 1772 г., воспоминаній четырехлѣтняго сейма и походовъ Костюшки и Іосифа Понятовскаго, надеждъ на наполеоновскую Францію и на связи съ европейскими салонами и подпольными кружками. Онъ не могъ не отдавать себѣ, съ другой стороны, отчета и въ томъ, насколько трудно будетъ побѣждать недовѣріе русскихъ правящихъ лицъ.

Первые шаги на пути осуществленія „примиренія“ сдѣланы были, казалось, при счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Русскому правительству въ годъ освобожденія крестьянъ никакое обновленіе установившихся и застывшихъ политическихъ формъ не было страшнымъ. 20 марта 1861 г.*) министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, на томъ лощеномъ и изысканномъ, но безцвѣтномъ французскомъ языкѣ, который столь для него характеренъ, въ циркулярѣ русскимъ миссіямъ за границей оповѣстилъ всему міру начало польской реформы. При всей банальности его внѣшней формы циркуляръ важенъ, потому что хорошо обозначаетъ то настроеніе, въ которомъ въ Петроградѣ начиналось осуществленіе дѣла польской реформы, а это настроеніе было фактомъ, на которомъ строилось послѣдующее развитіе со-

бытій. „Рескриптъ Его Императорскаго Величества Государя Императора на имя Его Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ“, писалъ князь Горчаковъ, „освѣтилъ Вамъ взглядъ Нашего Августѣйшаго Монарха на послѣднія событія въ Варшавѣ...—Торжественный актъ освобожденія крестьянъ, заключавшійся въ манифестѣ 19 февраля, служитъ свидѣтельствомъ глубокаго попеченія нашего Августѣйшаго Монарха о благосостояніи народовъ, ввѣренныхъ Ему Провидѣніемъ. Россія и Европа увидѣли въ немъ доказательство, что, не уклоняясь отъ преобразованій, которыхъ требовалъ прогресъ идей и интересовъ, и не откладывая ихъ, Его Императорское Величество беретъ на себя ихъ починъ и неуклонно ихъ осуществляетъ. — Нашъ Августѣйшій Монархъ простираетъ ту же заботливость на своихъ подданныхъ Царства Польскаго и не хотѣлъ, чтобы тяжелое впечатлѣніе (отъ событій въ Варшавѣ) удержало Его отъ исполненія Его доброжелательныхъ намѣреній. — Указъ, экземпляръ коего Вы получите *), дастъ Вамъ возможность ознакомиться съ значеніемъ учрежденій, кои воля Государя Императора вводитъ въ Польшѣ... — Практическія послѣдствія этихъ мѣръ зависятъ отнынѣ отъ того, какъ подданные Государя Императора въ Царствѣ Польскомъ сумѣютъ оправдать довѣріе, доказательство коего Его Величество имъ являетъ.— Государь хочетъ, чтобы то, что онъ даетъ, стало правдой. Его Величество считаетъ, что выполнилъ долгъ искренней заботливости, открывъ Царству Польскому путь правильнаго прогреса. Его самое сильное желаніе видѣть сохраненіе и развитіе въ немъ этого прогреса. Онъ твердо вѣритъ, что такой результатъ будетъ достигнутъ, если Его намѣренія будутъ оцѣнены и поддержаны мудростью края“.

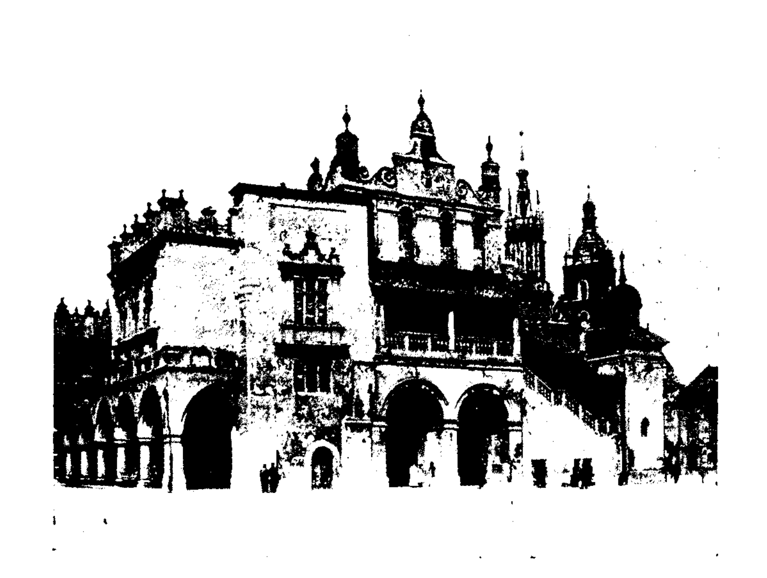
2:

Бисмаркъ пришелъ говорить съ Горчаковымъ о польскихъ дѣлахъ еще раньше, чѣмъ былъ отправленъ этотъ циркуляръ, и раньше, чѣмъ было рѣшено въ Петроградѣ идти по пути, который намѣчалъ Вѣлепольскій. Поводомъ послу-

жила первая крупная вспышка польской смуты, вызванная кровавымъ столкновеніемъ 14/27 февраля между войсками и варшавскимъ населеніемъ на Краковскомъ Предмѣстьѣ. 23 февраля онъ прислалъ Горчакову записку слѣдующаго содержанія: „Его Величество Король, освѣдомившись, не знаю изъ какого источника, что одинъ изъ Великихъ Князей, по приказанію Его Величества Государя Императора, ѣдетъ въ Варшаву, приказалъ телеграфировать мнѣ, чтобы я представилъ Его Величеству Государю Императору и Вамъ, Князь, что, при существующихъ условіяхъ, *всякая либеральная уступка* представляется *въ высшей степени* опасной Королю; послѣдній хотѣлъ бы знать, въ чемъ заключается миссія, которую имѣется въ виду поручить одному изъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей. Могу ли я видѣть Васъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ? Я въ Вашемъ распоряженіи во всякій часъ дня и ночи". Свиданіе состоялось въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Горчаковъ сказалъ, что слухъ о посылкѣ Великаго Князя ложенъ и что Намѣстникъ пользуется полнымъ довѣріемъ Императора Александра II; отъ упрека въ намѣреніи сдѣлать либеральныя уступки онъ отдѣлался, сославшись на предупредительное къ сардинскому правительству отношеніе Берлина, „которое является поощреніемъ революціонеровъ всѣхъ странъ". Бисмаркъ, который, надо полагать, не считалъ еще положеніе слишкомъ невыгоднымъ для Пруссіи, не настаивалъ и замѣтилъ, что дѣйствительно въ Берлинѣ, кажется, „хотятъ оставить за собой монополію либеральныхъ уступокъ".

Однако, быстро выяснившаяся послѣ событій 14/27 февраля новая оріентировка русской политики въ царствѣ, выразившаяся въ принятіи адресовъ отъ населенія и въ торопливомъ и отчасти растерянномъ исканіи точекъ опоры въ умѣренныхъ кругахъ варшавскаго общества, продолжала тревожить Берлинъ, и встревожила Бисмарка. Въ самомъ началѣ марта онъ прислалъ Горчакову депешу Шлейница, прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, гдѣ вопросъ о „либеральныхъ уступкахъ" полякамъ ставился уже на почву общей для Россіи и Пруссіи внутренней и международной опасности. Ссылаясь на „горькій опытъ" 48 года, прусское правительство призывало Россію воздер-

Г. Краковъ. «Сукеннице».



Г. Краковъ. Національный музей.

жаться отъ всякихъ уступокъ полякамъ; эти уступки, по его словамъ, немедленно обращаются въ орудіе противъ правительства, поощряя новыя требованія; онѣ подымутъ весь „польскій свистоплясъ“ (Polenschwindel); всякое снисхожденіе къ полякамъ влечетъ за собой въ конечномъ счетѣ лишь необходимость новыхъ суровыхъ мѣръ; съ истыми поляками („polonissimi“) не можетъ быть мирнаго соглашенія.—Передавъ эту бумагу, Бисмаркъ, со свойственной ему энергіей, употребилъ всѣ пріобрѣтенныя имъ за годъ пребыванія въ Россіи связи, чтобы повліять на Императора Александра II и Горчакова. Сначала ему показалось, что онъ въ этомъ успѣлъ. 1/13 марта онъ писалъ въ Берлинъ: „я не пренебрегъ никакими средствами, чтобы сдѣлать болѣе твердымъ настроеніе Государя, которое сначала, подъ вліяніемъ правильнаго чувства, что (въ Варшавѣ) дѣйствовали съ грубой неумѣлостью, было довольно мягкимъ. Мнѣ кажется, Горчаковъ поддержалъ меня въ этомъ передъ Государемъ“.

Это первое впечатлѣніе Бисмарка оказалось ошибочнымъ. Несмотря на свое, совершенно исключительное, положеніе, какъ всѣми любимаго и очень цѣнимаго самимъ Александромъ II прусскаго посланника, которому помогали всѣ традиціи династической и политической близости двухъ монархій, несмотря на все свое искусство и тонкость,—ему не удалось повліять ни на Александра II, ни на Горчакова. Уже въ томъ самомъ письмѣ къ Шлейницу отъ 1/13 марта, гдѣ онъ разсказывалъ о своемъ успѣхѣ, Бисмаркъ прибавлялъ: „Горчаковъ призналъ полезнымъ ради своихъ отношеній къ либеральнымъ кругамъ (den liberalen Coterien gegenüber) отступить отъ своей обычной скрытности и дать бóльшую, чѣмъ требовало дѣло, огласку моимъ „энергичнымъ представленіямъ“,—дабы „германское вліяніе“ въ нѣкоторой степени расплачивалось за холодное отношеніе Императора къ болѣзненному крику (изъ Варшавы)“. Нѣтъ сомнѣнія, что Горчаковъ ни мало не противился польской реформѣ и разсказывалъ о представленіяхъ Бисмарка, конечно, не для отвода глазъ. Бисмарку скоро пришлось въ этомъ убѣдиться и исправлять свою оцѣнку.

Въ тотъ день, когда Бисмаркъ писалъ свое донесеніе Шлейницу, варшавскій Горчаковъ оффиціально сообщилъ пред-

ставителямъ края, что реформы въ принципѣ приняты въ Петроградѣ. Черезъ двѣ недѣли онѣ были обнародованы, и Горчаковъ—министръ подписалъ приведенный выше циркуляръ, возвѣщавшій Европѣ, что программа примиренія съ Польшей принята. Одновременно въ Берлинъ отправленъ былъ и отвѣтъ на „энергичныя представленія" Бисмарка.

Онъ изложенъ въ двухъ письмахъ: въ письмѣ Горчакова русскому посланнику въ Пруссіи, барону Будбергу, 20 марта и письмѣ Императора Александра II Королю Прусскому 23 марта. „Вы можете прочесть г. ф. Шлейницу мой циркуляръ и переводъ указа", говорилось въ письмѣ Горчакова Будбергу. „Они успокоятъ, я думаю, опасенія Берлинскаго Кабинета. Государь могъ показать себя справедливымъ въ сознаніи Своей силы и въ виду полноты Своей власти. Къ тому-же, дѣло идетъ не объ уступкахъ, а о возвращеніи, и притомъ частичномъ, того, что Польшѣ по праву принадлежало, такъ какъ Органическій Статутъ (грамота 1832 г.) былъ за ней утвержденъ подписью Монарха и его введеніе въ дѣйствіе было задержано лишь по капризу фельмаршала (Паскевича)". Александръ II писалъ королю: „...Я думаю, что мой рескриптъ князю Горчакову и дополняющій его указъ Васъ успокоили относительно моихъ намѣреній въ отношеніи Царства Польскаго... Я счелъ, что, имѣя въ рукахъ силу, я долженъ былъ оставаться справедливымъ и могъ быть милостивымъ. Я далъ улучшенія, которыя считалъ возможными. Я хочу, чтобы они были искренними и постараюсь сдѣлать ихъ дѣйствительными. Не исключая дальнѣйшаго развитія, они указываютъ границу, до которой я хочу идти. Я ее не перейду..."

Бисмаркъ не счелъ себя побѣжденнымъ. Онъ жаловался въ Берлинъ на неустойчивость политики Россіи, гдѣ ожидавшіяся тридцать лѣтъ реформы внезапно осуществляются „съ обратной почтой" (письмо Шлейницу 25 марта/6 апрѣля 1861 г.). Но дѣло было сдѣлано и, когда Бисмаркъ снова пришелъ къ Горчакову сказать, какъ опасенъ выбранный въ польской политикѣ путь, онъ встрѣтилъ уже категорическія возраженія. Вотъ, какъ передаетъ Горчаковъ этотъ разговоръ въ письмѣ къ Будбергу отъ 1 апрѣля: „Бисмаркъ мнѣ сказалъ, что всякая уступка кажется ему опасной, что поляки—

непримиримые враги Россіи, и что мы должны смотрѣть на нихъ какъ на пріемнаго сына, который думаетъ только о томъ, чтобы извести родныхъ дѣтей. Я спросилъ его, выводитъ ли онъ отсюда, что мы должны отнестись къ нимъ, какъ къ илотамъ, осужденнымъ, самое бòльшее, на физическое существованіе; я сказалъ ему, что поляки, во всякомъ случаѣ, не менѣе враждебно относятся къ германскому элементу, чѣмъ къ русскому народу, но что я не вижу, чтобы въ Познани или въ Галиціи въ отношеніи ихъ усвоенъ былъ образъ дѣйствій, который намъ рекомендуютъ"...

Бисмаркъ приписывалъ—не безъ нѣкоторой досады—вліянію Франціи совершившійся поворотъ въ польскомъ вопросѣ. Горчаковъ „по природѣ склоненъ быть разговорчивымъ", пишетъ Бисмаркъ Шлейницу (5/17 апрѣля 1861 г.), „но всѣ свои отношенія съ Франціей онъ закрываетъ густымъ вуалемъ; это у него такъ твердо установилось, что одна его скрытность по польскимъ дѣламъ наводитъ меня на мысль, что эти дѣла надо отнести къ той категоріи, которую онъ называетъ „отношеніями къ Франціи"... Если слабость и промахи въ Варшавѣ обусловлены соглашеніемъ съ Франціей, то Горчаковъ, по вѣчному закону договора съ чортомъ, является обманутымъ, сколько бы онъ то ни отрицалъ и ни скрывалъ. Недостаточное сопротивленіе, которое здѣсь оказывается снятію военнаго положенія въ царствѣ, наводитъ на мысль, что какія то обѣщанія „мягкаго отношенія" къ полякамъ были даны. Горчаковъ дѣлаетъ видъ, что все совершающееся предусмотрѣно свободно напередъ установленной программой, и что „уклоненія" („écarts") имѣютъ слишкомъ второстепенное значеніе, чтобы разрушить въ Государѣ его давно сложившіяся намѣренія. „Россія достаточно сильна, чтобы быть великодушной"—такова тема, которую онъ безъ конца повторяетъ при обсужденіи дѣла".

Бисмаркъ былъ правъ, нащупывая связь польскаго дѣла съ франко-русскими отношеніями. Императоръ Александръ II и Горчаковъ, въ самомъ дѣлѣ, воспользовались рѣшенными ими измѣненіями политики въ Царствѣ Польскомъ, чтобы окончательно помириться съ Наполеономъ III.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Петрограда Бисмаркъ сравнивалъ стремленіе русскаго правительства установить

хорошія отношенія съ Тюильріями съ той данью, которую большія европейскія государства когда-то платили варварійскимъ маленькимъ странамъ на сѣверномъ берегу Африки за неограбленіе ихъ кораблей: онъ объяснялъ эти стремленія желаніемъ Россіи откупиться отъ той поддержки, которую наполеоновская Франція оказывала польской эмиграціи. Такое пониманіе было неправильнымъ. Польская реформа не была вызвана „договоромъ съ чортомъ“, не была „варварійской данью“; но, несомнѣнно, въ тотъ моментъ, какъ на нее рѣшились, сдѣлана была попытка извлечь изъ русско-французскихъ отношеній тотъ элементъ, который ихъ всегда отравлялъ,—разорвать связи Наполеона III съ польскимъ движеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго Парижскаго конгреса и изъ Петрограда, и изъ Парижа исходили стремленія установить тѣсную близость русской и французской политикъ: для насъ она была цѣнной съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ на Востокѣ, для Франціи — съ точки зрѣнія ея интересовъ европейскихъ. Но всякій разъ, какъ два правительства сталкивались съ польскимъ вопросомъ, налаживавшееся соглашеніе падало. На этотъ разъ, казалось, почва была, наконецъ, расчищена. Обмѣномъ писемъ между Наполеономъ III и Александромъ II было условлено, что Франція не будетъ мѣшать, поддержкой польскихъ домогательствъ, осуществленію дѣла маркиза Вѣлепольскаго въ Царствѣ Польскомъ.

Польское дѣло было такъ налажено, что на нѣсколько мѣсяцевъ Бисмаркъ долженъ былъ сложить оружіе. Но онъ выжидалъ возможности возобновить борьбу при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Для этого надо было воспользоваться первыми признаками колебанія русскаго правительства въ усвоенной съ марта политикѣ въ Царствѣ Польскомъ. Такимъ признакомъ послужила намѣтившаяся осенью 1861 г., послѣ смѣны нѣсколькихъ намѣстниковъ (смерть Горчакова, назначеніе Сухозанета, потомъ Ламбера и опять Сухозанета), рознь между маркизомъ Вѣлепольскимъ и русской высшей мѣстной администраціей царства. Уже въ октябрѣ 1861 г. Будбергъ писалъ Горчакову, что во время празднествъ коронаціи король Вильгельмъ много разъ спрашивалъ его о положеніи дѣлъ въ Варшавѣ и высказывалъ свою тревогу. Горчаковъ успокаивалъ посланника прежними общими мѣстами, выдержан-

ными теперь въ тонѣ философической грусти. „Вы знаете, дорогой баронъ, мой девизъ—умѣренный прогресъ съ сильной властью. Слѣдуйте по одной дорогѣ и къ одной цѣли, безъ уклоненія вправо и влѣво. Успѣхъ въ рукахъ Божіихъ"... (письмо 20 октября 1861 г.). Пріѣздъ Вѣлепольскаго въ Петроградъ послѣ подачи Сухозанету прошенія объ отставкѣ, вызванной непрерывными съ нимъ столкновеніями, заставилъ Бисмарка немедленно насторожиться. Онъ послалъ Горчакову, на третій день пребыванія въ Петроградѣ вызваннаго Императоромъ Александромъ II, послѣ подачи прошенія объ отставкѣ, Вѣлепольскаго—послалъ, очевидно въ качествѣ прусскаго оффиціальнаго комментарія этого событія,—копію донесенія прусскаго консула въ Варшавѣ (тогда консула въ Варшавѣ энергично занимались политикой) донесенія, говорившаго объ опасности сохраненія маркиза у власти. „Конечно, желательно, чтобы таланты Вѣлепольскаго", читалъ Горчаковъ, а за нимъ и Императоръ Александръ II въ этомъ документѣ, „нашли себѣ употребленіе. Но въ качествѣ главы гражданскаго управленія онъ повлечетъ за собой явную опасность. Онъ стремится къ автономіи, онъ — кандидатъ англичанъ, работающихъ надъ ослабленіемъ Россіи и уже празднующихъ побѣду"... (донесеніе 3 ноября 1861 г. н. ст., сообщенное Горчакову 30 октября).

Въ двадцатыхъ числахъ октября—Вѣлепольскій выѣхалъ изъ Варшавы 22-го—Бисмаркъ снова заговорилъ съ Горчаковымъ о польскихъ дѣлахъ и на этотъ разъ ушелъ отъ него удовлетвореннымъ. Заявленія министра, начинавшіяся обычными сентенціями о необходимости сочетанія „прогреса" и „порядка", кончились жалобами на Вѣлепольскаго и свидѣтельствовали, что подпольная работа противъ руководителя польской реформы не прошла безслѣдно. Въ письмѣ на имя Будберга, написанномъ 24 октября 1861 г., Горчаковъ сводитъ къ слѣдующему смыслъ своихъ словъ Бисмарку, добавляя, что они „успокоили" послѣдняго. Русская политика по польскимъ дѣламъ руководится двумя положеніями — не переходить границъ дарованныхъ милостей и продолжать неустанно и твердо возстановлять порядокъ. Къ сожалѣнію, возникло новое и непріятное обстоятельство; „административное поведеніе маркиза Вѣлепольскаго не получило одо-

бренія Государя. Онъ позволилъ себѣ уклоненія (des déviations), которыя не могутъ быть терпимы. Личныя его отношенія къ генералу Сухозанету обострили положеніе... Вѣлепольскій не представляетъ намъ достаточныхъ гарантій, и его поведеніе въ послѣднее время даетъ намъ справедливыя сомнѣнія относительно чистоты его намѣреній... Когда Его Величество его увидитъ, онъ приметъ рѣшеніе, но никакъ не въ сторону ослабленія законной власти или поощренія надеждъ, которыя Государь Императоръ рѣшилъ не осуществлять". Въ томъ же смыслѣ говорилъ съ Бисмаркомъ въ концѣ октября и самъ Императоръ Александръ II. Въ Берлинѣ были весьма довольны, и новый министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Бернсторфъ, писалъ одному изъ прусскихъ посланниковъ, что русское правительство намѣрено энергично возстановлять порядокъ въ Царствѣ Польскомъ и не сдѣлаетъ новыхъ уступокъ на почвѣ либеральныхъ учрежденій.

Но все это продолжалось не долго. Уже 1/13 ноября 1861 г. Бисмаркъ въ письмѣ Бернсторфу сообщалъ: „Графъ Вѣлепольскій страннымъ образомъ взятъ здѣсь подъ покровительство нѣмецкими кругами, за исключеніемъ военныхъ; онъ ежедневно бываетъ у Мейендорфа и Нессельроде и въ частности г-жа Мейендорфъ, дѣятельная представительница австрійскихъ и католическихъ пожеланій, является его защитницей. Я не придаю этому слишкомъ большого значенія, пока умному поляку не удастся перетянуть на свою сторону князя Горчакова, чему онъ положилъ начало тонкой и ловкой лестью". Опасеніе было основательно. Вѣлепольскій быстро и умѣло нашелся въ новой для него обстановкѣ. Ему удалось связать на минуту оборвавшіеся концы польской реформы. Начатое въ мартѣ 1861 г. дѣло получило дальнѣйшее развитіе, притомъ съ полнотой и твердостью, которой до пріѣзда маркиза въ Петроградъ не хватало. Насколько успѣшно боролся Вѣлепольскій за свое дѣло, лучше всего можно измѣрить на Горчаковѣ. Поверхностный и тщеславный, Горчаковъ ловилъ настроенія, которыя складывались вокругъ него, заботясь, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы искусно облечь ихъ въ гладкіе періоды своихъ французскихъ писаній. Сохранилось его письмо къ Будбергу, написанное въ концѣ перваго мѣсяца пребыванія Вѣлеполь-

скаго въ Петроградѣ (18 ноября), которое, при сопоставленіи съ строгостью тона по адресу маркиза въ изложенномъ выше письмѣ 24 октября, лучше всего свидѣтельствуетъ, что вѣтеръ дулъ въ другую сторону. „Скажу Вамъ откровенно", писалъ Горчаковъ, „что изученіе, которому я подвергъ этого человѣка, заставляетъ меня жалѣть объ отсутствіи его сотрудничества въ настоящее критическое время. Это — замѣчательное дарованіе и человѣкъ, который прекрасно понимаетъ, что составляетъ элементы власти. Отмѣчаю, что къ нему хорошо отнеслись Ихъ Величества и наши большіе административные тузы. Лично и какъ частный человѣкъ, онъ можетъ покинуть насъ безъ горечи".

3.

Съ конца 1861 г. Вѣлепольскій и Польша исчезаютъ на время со страницъ дипломатической переписки. Это исчезновеніе—лучшее свидѣтельство временнаго торжества начатаго Александромъ II въ Польшѣ дѣла: прусскіе дипломаты мирятся съ тщетой своихъ стараній подорвать русско-польскій миръ.

Крушеніе политики Вѣлепольскаго было вызвано не дипломатіей. Его обусловилъ тотъ болѣзненный, безславный и тяжелый, историческій процессъ, который мы называемъ польскимъ возстаніемъ 1863 г.

Спасовичъ сравнивалъ это возстаніе съ злокачественною сыпью, покрывшей Царство Польское. И въ самомъ дѣлѣ, оно состояло изъ множества мелкихъ стычекъ маленькихъ инсуррекціонныхъ бандъ—которыя въ революціонной польской печати того времени именовались „корпусами" и которыя современный польскій историкъ рѣшается назвать только „корпусиками"—появлявшихся во всѣхъ уголкахъ царства, лишенныхъ отвѣтственныхъ и сколько-нибудь трезвыхъ руководителей, умственно питавшихся политическими сплетнями изъ Тюильрій и кончившихъ грабежами и погромами мирнаго населенія.

И поверхъ этой безмысленной и мрачной анархіи, вызывавшей безчисленныя страданія и жертвы, большой европейскій политическій міръ велъ другую борьбу, правда, без-

кровную, но въ существѣ столь же безплодную. Нѣтъ надобности напоминать, какъ въ 1863 г. дипломатическая борьба по польскому вопросу возобновилась,—при томъ въ неизмѣримо болѣе крупныхъ размѣрахъ,—послѣ годового перерыва: хорошо извѣстно, какъ западныя государства, во главѣ съ Наполеономъ III, предприняли походъ противъ Россіи, ведшійся во имя обезпеченія трактатной автономіи Польши и приведшій къ окончательному упраздненію польскаго вопроса, какъ вопроса формально международнаго. Эта борьба влекла за собой огромный вредъ для поляковъ: ноты, которыя составляли и посылали въ Петроградъ Друэнъ де Луи, Рессель и Рехбергъ, поддерживали возстаніе, все проникнутое тѣмъ „революціонно-дипломатическимъ катехизисомъ", о которомъ я уже говорилъ. Среди бумагъ Вѣлепольскаго сохранилось обращеніе къ западно-европейскому общественному мнѣнію, написанное, повидимому, по его указаніямъ или имъ самимъ. Оно кончалось слѣдующими словами: „О, почему я не могу внушить вамъ сдержанность, если не молчаніе, показавъ вамъ горестную картину народа въ агоніи! Видя трауръ, которымъ я окруженъ, вы поняли бы, что толкать легковѣрное и экзальтированное населеніе на безнадежную борьбу, безотвѣтственными и лишенными всякихъ послѣдствій обѣщаніями, значитъ совершать преступленіе противъ человѣчества. Передъ ужаснымъ зрѣлищемъ, которое вотъ уже шесть мѣсяцевъ наполняетъ меня скорбью, вы, безъ сомнѣнія, поняли бы, что тотъ одинъ имѣетъ право поднять голосъ за Польшу, кто можетъ и хочетъ предоставить въ ея распоряженіе милліарды и пятьсотъ тысячъ штыковъ".

Большая европейская борьба вокругъ польскаго вопроса въ годъ возстанія была безплодной для поляковъ, но она имѣла неисчислимыя послѣдствія для европейскаго политическаго равновѣсія. Она окончательно опредѣлила политическую оріентировку Россіи на нѣсколько слѣдующихъ десятилѣтій, закрѣпивъ ея распрю съ Австріей, безъ остатка ликвидировавъ начатое послѣ Парижскаго конгреса ея сближеніе съ Франціей и создавъ ея крѣпкія связи съ Пруссіей не мало содѣйствовавшія и Садовѣ, и образованію германской имперіи. Пожалуй, только Англія, изъ всѣхъ участницъ борьбы, вышла безъ ущерба: Бисмаркъ писалъ про Ресселя,

что онъ ему напоминаетъ „скорѣе гуманитарнаго апостола свободы, нежели англійскаго министра“; но политическое доктринерство Ресселя, вызывавшее постоянную досаду въ практичной и умной королевѣ Викторіи, имѣло одну хорошую сторону: Рессель сознавалъ и честно ни отъ кого не скрывалъ, что за его польскими разсужденіями не стояло тѣхъ „пятисотъ тысячъ штыковъ“, о которыхъ писалъ Вѣлепольскій. Естественно, его поученія встрѣчали спокойно и скоро вездѣ забыли.

Ставшій на очередь со вспышкой возстанія, въ самомъ началѣ января 1863 г., польскій вопросъ открывалъ для Бисмарка его первую, со времени появленія во второй половинѣ предшествующаго года во главѣ прусскаго министерства, большую дипломатическую кампанію. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ петроградской миссіи, были ярки и живы Онъ зналъ по опыту, что его призывы къ объединенію русской и прусской политики по польскимъ дѣламъ выслушивались только тогда, когда у руководящихъ русскихъ дѣятелей, вслѣдствіе событій въ царствѣ, складывалось сознаніе невозможности довести до конца польскую реформу. То, что онъ наблюдалъ въ моментъ первой отставки Вѣлепольскаго послѣ столкновенія съ Сухозанетомъ, повторялось въ новыхъ, гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ, въ моментъ начала возстанія.

На этотъ разъ Бисмаркъ сдѣлалъ все, чтобы успѣть закрѣпить въ свою пользу плоды тѣхъ чувствъ досады и негодованія, которыя неминуемо должны были родиться въ Петроградѣ, при первомъ извѣстіи о нападеніи бандъ на русскія войска. Онъ сдѣлалъ это необыкновенно быстро и рѣшительно. Въ ночь съ 10 на 11 января началось возстаніе, а черезъ десять дней въ Петроградъ уже ѣхалъ прусскій генералъ Альвенслебенъ съ личнымъ письмомъ короля Вильгельма къ Императору Александру II и предложеніемъ заключить конвенцію о совмѣстной борьбѣ съ польскими революціонерами. 25 января привезенный проектъ соглашенія былъ уже представленъ Государю, и 27 января подписанъ Альвенслебеномъ и Горчаковымъ.

Эта конвенція, когда-то составлявшая предметъ безконечныхъ догадокъ для всей Европы, сама по себѣ лишена инте-

реса. Въ ней говорилось о взаимномъ содѣйствіи стоявшихъ около границы военныхъ силъ въ борьбѣ съ бандами, а въ секретной статьѣ, сверхъ того, о взаимномъ сообщеніи свѣдѣній относительно „политическихъ происковъ", связанныхъ съ царствомъ польскимъ и Познанью. Но не въ этомъ, конечно, былъ основной смыслъ миссіи Альвенслебена. Тогдашній русскій посланникъ въ Берлинѣ, Убри, объяснялъ ее „склонностью Берлина преувеличивать серьезность положенія" въ Польшѣ (письмо Горчакову 22 января 1863 г.). Очевидно, Бисмаркъ внушалъ ему это толкованіе, которое должно было подготовить почву для Альвенслебена. Но у насъ есть и подлинное изображеніе задачи, которую связывалъ Бисмаркъ съ заключеніемъ конвенціи Альвенслебена.

Въ письмѣ къ Бернсторфу, тогда посланнику въ Лондонѣ, написанномъ 9 марта н. ст., т. е. примѣрно черезъ мѣсяцъ послѣ подписанія конвенціи, онъ говорилъ: „...въ Россіи дружественная полякамъ партія, съ Горчаковымъ и Вѣлепольскимъ во главѣ, которая желаетъ создать въ томъ или иномъ видѣ болѣе или менѣе *польскую Польшу* въ Варшавѣ, есть въ то же время партія Франціи и честолюбивой Россіи съ ея восточными замыслами. Противоположную партію я назвалъ бы консервативной (не старо-русской, которая ближе къ первой). Къ ней сердцемъ принадлежить Императоръ, генералы, государственные люди—нѣмцы; они не довѣряютъ Франціи и видятъ невозможность мирнаго соглашенія съ польскими національными притязаніями.... Путемъ заключенія нашей конвенціи, которое состоялось при сильномъ противодѣйствіи Горчакова, по прямому приказанію Государя, мы, поскольку это отъ насъ зависѣло, доставили побѣду антипольской и антифранцузской партіи въ кабинетѣ Императора, и колеблющіяся до того рѣшенія послѣдовали въ смыслѣ рѣшительнаго подавленія возстанія". Въ общихъ чертахъ тоже объясненіе, съ не вполнѣ достовѣрными, впрочемъ, добавленіями, повторилъ Бисмаркъ много лѣтъ спустя въ своихъ „Мысляхъ и Воспоминаніяхъ". Онъ выразилъ здѣсь антитезу двухъ политикъ Россіи такъ: „дѣло шло о томъ, что будетъ господствовать въ русскомъ кабинетѣ—полонофильское-ли или антипольское направленіе, стремленіе-ли къ панславистскому, противонѣмецкому соглашенію между русскими и по-

ляками или взаимная близость русской и польской политикъ“.

Императоръ Александръ II остался чрезвычайно довольнымъ миссіей Альвенслебена и привезенной имъ конвенціей. Въ день подписанія послѣдней онъ отправилъ благодарственное письмо королю прусскому, гдѣ говорилъ, что сознаніе солидарности интересовъ Россіи и Пруссіи ему особенно дорого. Горчаковъ долженъ былъ послѣдовать тому же примѣру: въ письмѣ къ Бисмарку отъ конца января онъ говорилъ, что „поставлены серьезныя вѣи на пути соглашенія“ и что „этотъ починъ получитъ дальнѣйшее развитіе во всѣхъ направленіяхъ“. Но Бисмаркъ хорошо зналъ Горчакова и основательно подозрѣвалъ искренность такихъ заявленій.

У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы выяснить источники нѣкотораго несочувствія Горчакова новому курсу русской политики, которое вскорѣ обнаружилось. Документы свидѣтельствуютъ одно. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ „другъ Бисмаркъ“ („l'ami Bismarck“), какъ писалъ Будбергъ, сталъ первымъ министромъ Пруссіи, Горчаковъ не пропускалъ случая, чтобы сказать по его адресу какую нибудь колкость. Какъ часто отзывы маленькихъ людей о людяхъ крупныхъ, эти колкости Горчакова забавны. Въ одномъ изъ писемъ Убри въ концѣ 1862 г., говоря о внутреннемъ прусскомъ конфликтѣ, Горчаковъ говоритъ, напримѣръ: „мы льстимъ себя надеждой, что сознаніе государственнаго интереса одолѣетъ стремительность Бисмарка. Рискованный путь, на который онъ думаетъ кинуться, намъ кажется полнымъ опасности“. Конвенція Альвенслебена дала новый поводъ къ этимъ колкостямъ. Бисмаркъ не прочь былъ подчеркнуть въ разныхъ европейскихъ центрахъ установленную конвенціей близость съ Россіей и поспѣшилъ, даже не предупредивъ Горчакова, разрѣшить своему посланнику показать актъ Наполеону III. Онъ несомнѣнно плохо расчиталъ послѣдствія этого шага. Въ Парижѣ конвенцію истолковали почти какъ прямой вызовъ Франціи. Русскій и прусскій представители поспѣшили протелеграфировать домой, что надо успокоить Наполеона. Бисмаркъ не на шутку встревожился. 15 февраля онъ позвалъ Убри и спросилъ его, настаиваетъ ли русское правительство на сохраненіи конвенціи въ силѣ, а тогда готова ли

она на вѣроятную войну съ Франціей, Австріей и, можетъ быть, Англіей. Горчаковъ кисло отвѣтилъ: „Такъ какъ Пруссія видитъ свой интересъ въ отказѣ отъ соглашенія, то Государь не возражаетъ“, а на слѣдующій день писалъ Убри: „Государь, вы знаете, соглашается на то, чтобы соглашеніе Альвенслебена было признано несостоявшимся. Я никогда не придавалъ этому акту практическаго значенія, хотя и не отрицалъ за нимъ моральную цѣнность. У васъ въ Берлинѣ были весьма не ловки, когда такъ громко трубили о конвенціи, но я не жалуюсь, настолько я огорченъ униженіемъ, которое испыталъ нашъ другъ Бисмаркъ“. Въ самомъ дѣлѣ опасенія Бисмарка были весьма преувеличены, и уже 18 февраля король Вильгельмъ условился съ Убри, что конвенція будетъ сохранять силу; на телеграммѣ объ этомъ посланника Императоръ Александръ II написалъ карандашомъ: „Да будетъ такъ...“

Но эти слѣды досады Горчакова не имѣли сколько-нибудь ощутительныхъ результатовъ. Миссія Альвенслебена произвела на Александра II слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобы Горчаковъ могъ рѣшиться на что либо другое, кромѣ невинныхъ колкостей. Къ тому же событія создавали условія, при которыхъ помощь Пруссія пріобрѣтали новою цѣну. Рѣчь шла уже не о пограничныхъ постахъ, охранѣ таможенъ и почтовыхъ учрежденій на границѣ, какъ въ конвенціи Альвенслебена, а о томъ дипломатическомъ походѣ на Россію, который открылся нотами Франціи, Англіи и Австріи отъ 10 апрѣля н. ст. Еще пока эти ноты составлялись, Горчаковъ писалъ Убри: „Мы хотѣли бы, чтобы политическіе недосмотры Бисмарка ни въ чемъ не уменьшали нашего тѣснаго соглашенія съ Пруссіей и чтобы мы были какъ рука и перчатка“. Это—послѣднее напоминаніе. Отнынѣ Горчаковъ, не оборачиваясь, слѣдуетъ по пути, который намѣчала конвенція Альвенслебена. Иного ждать было трудно. Въ лѣтніе мѣсяцы 1863 г. между Императоромъ Александромъ II и королемъ Вильгельмомъ шла переписка о заключеніи союза противъ Франціи и, если союзъ и не понадобился, то окончательно сложилась та близость двухъ державъ, которая оставалась непоколебленной до того времени, какъ Императоръ Вильгельмъ II взялъ въ свои руки руководство судьбами Германіи.

Когда подписывалась конвенція Альвенслебена, французскій посолъ, герцогъ Монтебелло, писалъ, что видитъ въ ней „свидѣтельство роковой силы тѣхъ узъ, которыя связываютъ между собой державы, раздѣлившія Польшу“. Замѣчаніе тонкаго француза лучше всего объясняетъ историческій эпизодъ, который я разсказывалъ, и я готовъ видѣть длящееся поученіе послѣдняго въ подмѣченной имъ необходимой связи общей политики Россіи и ея политики польской.

Примѣчанія.

1) Документы, на которыхъ покоится изложеніе, частью обнародованы, частью нѣтъ. *Обнародованные*: Bismarck. Gedanken und Erinnerungen; Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen; Briefwechsel mit Schleinitz; Bismarck Jahrbüchern, V (переписка съ Гольцомъ), VI (переписка съ Бернсторфомъ); Charles-Roux, Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III; ср. общія сочиненія: Sybel, Begründung, II (3-е и 4-е изданія); Ollivier, L'Empire libéral, VI; Lenz, Bismarck; Lenz, Kleine historische Schriften, 429 слл.; Spencer Walpole, Lord John Russel; Friedjung, Kampf um die Vorherrschaft, I; Татищевъ, Императоръ Александръ II. Сочиненія, посвященныя Польшѣ 1861—1863 гг., какъ польскія, такъ и русскія, довольствуются, поскольку рѣчь идетъ о внѣшней политикѣ, лишь общеизвѣстными фактами; впрочемъ извѣстныя біографіи Вѣлепольскаго Спасовича и Лисицкаго (Lisicki, Alexander Wielopolski), весьма цѣнны, первая—потому, что она написана Спасовичемъ, а вторая—по содержащимся въ ней матеріаламъ. Для характеристики польской политики Пруссіи: Rakowski, Dzieje W. Ksienstwa Poznanskiego; Geffcken, Preussen, Deutschland und die Polen; Komierowski, Kola Polskie w Berlinie 1847—1860. Ср. также старое сочиненіе Noah, Die staatsrechtliche Stellung Polen in Preussen, 2-e Aufl. 1864. *Необнародованные*: дѣла Петрогр. Главн. Арх. М. И. Д., Prusse и Berlin, 1861—1863.

2. Текстъ памятной записки Бисмарка Горчакову 23 февраля 1861 г.:

23 Février [1861] Jeudi.

Sa Majesté le Roi, ayant appris, ja ne sais de quelle source, qu'un des Grands Ducs d'ordre de S. M. l'Empereur se rendrait à Varsovie, me fait télégraphier de représenter à Sa Majesté l'Empereur et à vous, mon Prince, que sous les circonstances actuelles toute concession libérale paraissait extrèmement dangereuse au Roi, qui désire beaucoup savoir de quelle nature serait la mission à confier à un de Leurs Altesses Impériales les Grands Ducs. Puis-je Vous voir ce soir ou demain matin. Je suis à Votre disposition à toute heure du jour ou de la nuit.

Mille hommages

v. Bismarck.

3. Текстъ выдержки изъ письма Шлейница Бисмарку 1861 г.: [рукою Князя Горчакова]: particulière Schleinitz à Bismark.

[рукою имп. Александра II:] Vous savez ce que vous avez à lui répondre.

[рукою Бисмарка]:

Auszug:

Die durch diese Betrachtungen und die obigen über Oestreichs Zukunft, hervorgerufene Stimmung (Allerh. Orts) ist durch die Warschauer Dinge erheblich gesteigert worden. Es scheint dort unter den Local-Behörden ein Mangel am Voraussicht und schliesslich eine Schwäche an den Tag gelegt worden zu sein, die allerdings für ernstere Schwierigkeiten nichts Gutes prognostieren. Eine Adresse wie die an S. M. den Kaiser abgesandte ist für Russland ein bedeutungsvolles novum, und ein besorglicher Zeichen der Zeit, wenn angesichts einer so bittern Ausdrucks nationaler Feindseligkeit, die Aufgabe Ordnung zu erhalten durch ein Compromiss von den Kaiserl. Truppen auf die Bürgschaft übertragen wird, und die Studenten die Waffen beziehn, wie in unsern Märztagen 48. Der König ist sehr in Sorge, dass den Polen nationale Concessionen gemacht werden könnten; durch solche wurden nicht nur unsre Posener und die auswärtige Emigration ermutigt werden, sondern dieselben werden auch auf die Aufweckung der polnischen Frage in England and Frankreich unwillkommene Einwirkung haben, den ganzen „Polenschwindel" mit Hoffnung beleben. Deshalb wünscht der König, dass Sie keine Gelegenheit versäumen, bei S, M. dem Kaiser geltend zu machen, wie nach unsern saürlichen Erfahrungen alle Concessionen und versöhnlichen Schritte, — immer sofort als Waffe gegen die Regierung und als Grundlage neuer, unmöglicher Ausprüche benutzt worden sind. Unsere Polen werden seit zwei Menschenaltern so gerecht und regelmässig regirt, wie jede andre Provinz; der Wohlstand hat bei ihnen gewaltige Fortschritte gemacht, und der Bauer ist ein zufriedener und treuer Unterthan; aber mit den „polonissimi" ist kein Friedensbasis zu erfinden, und jede Weichheit gegen ihre Auflehnungen w rd nur zur Mutter spätrer Härte, indem sie Folgen provocirt, die zu stärkeren Zwange nöthigen.

4. Конвенція Альвенслебена.

Les Cours de Russie et de Prusse, prenant en considération que les évènements survenus dans le Royaume de Pologne portent de graves atteintes à la propriété publique et privée et peuvent affecter les intérêts de l'ordre dans les provinces limitrophes Prussiennes, sont convenues:

que sur la réquisition du Commandant de l'armée Russe dans le Royaume de Pologne ou sur celle de M-r le Général d'Infanterie Werder, Commandant en chef les 1-r, 2-d, 5-e, et 6-e Corps d'armée Prussiers, soit aussi à la demande des autorités limitrophes des deux pays, les Chefs des détachements Russes et Prussiens seront autorisés à se prêter un mutuel concours et, en cas de besoin, à franchir la frontière, afin de poursuivre les rebelles qui passeraient d'un pays dans un autre.

Des officiers spéciaux seront envoyés de part et d'autre, tant aux quartiers généraux des deux armées qu'auprès des Chefs des Corps détachés dans le but d'entretenir pratiquement cette entente.

Ces officiers seront tenus au courant des dislocations militaires, afin de les communiquer à leurs Chefs respectifs.

Le présent arrangement restera en vigueur aussi longtemps que l'état des choses l'exigera et que les deux Cours le jugeront à propos.

Fait à St. Pétersbourg, le vingt-sept Janvier / huit Février mil huit cent soixante trois.

Gortchacow | v. Alvensleben.
Generallieutenant u. General-Adjutant.

(печать) | (печать)

Article secret.

Les Cours de Russie et de Prusse s'engagent à se communiquer réciproquement, par la voie de leurs organes militaires et civils, tous les indices de menées politiques se rattachant soit au Royaume de Pologne soit au Grand Duché de Posen.

Fait à St. Pétersbourg, le vingt-sept Janvier / huit Février mil huit cent soixante trois.

Gortchacow | v. Alvensleben.
Generallieutenant u. General-Adjutant.

(печать) | (печать)

5. Письмо Императора Александра II Королю Вильгельму I 27 Января 1863 года.

Mon cher Oncle, Le Prince Radziwill et le Gl. d'Alvensleben m'ont remis les lettres que Vous leur avez confiées.. Votre recommandation assurait au P-ce Radziwill un accueil amical; J'èspère qu'il en aura été satisfait. J'apprécie la part affectueuse que Vous prenez à tout ce qui nous intéresse et je Vous en remercie cordialement. Il m'a été très agréable de voir le Prince Albert et de pouvoir rendre justice au mérite militaire qu'il a déployé dans les rangs de mon armée du Caucase.

Quant au Gl. d'Alvensleben, la mission que Vous lui avez confiée a été au devant de mes voeux. J'ai accepté avec empressement toutes les propositions qu'il m'a faites en Votre nom et j'ai été heureux d'y voir non seulement la preuve de nos sentiments personnels, mais encore celle des liens étroits qui unissent nos intérêts. Tout a été convenu; les mesures vont être prises pour que nos armées se concertent et se prêtent mutuellement concours pour la répression des désordres actuels et la saisie de ceux qui les causent.

Le télegramme, que je viens de recevoir de Varsovie, et qui signale une attaque des insurgés contre vos Troupes, dans les euvirons de Strasbourg, prouve l'urgence de ces mesures.

Le Gl. d'Alvensleben s'entendra avec Kostia pour les détails d'exécution. Rien ne sera négligé de notre part pour que cette entente soit pratiquement utile à nos deux pays. Je vous remercie, mon cher Oncle, d'en avoir eu la pensée; la conviction de notre solidarité d'intérêts m'est précieuse et je suis heureux de voir que Vous la partagez.

L'Impératrice a été tres sensible à Votre bon souvenir. Elle me charge de ses compliments pour Vous et pour ma Tante. Tous deux nous avons pris une vive part à l'indisposition qui Vous a éprouvé et nous nous réjouissons d'apprendre qu'elle n'a pas eu de suites.

6. Письмо Императора Александра II Королю Вильгельму I 20 Мая 1863 г.

Zarskoe-Selo $\frac{20 \text{ mai}}{1 \text{ juin}}$ 1863.

Mon cher Oncle, Malgré les efforts que je fais et continuerai de faire pour le maintien de la paix, il m'est impossible de méconnaître combien la situation politique s'aggrave. J'attends de nouvelles propositions. Je les écouterai et les discuterai dans un esprit de conciliation, avec le désir sincère d'arriver à une entente. Mais je prévois que dans le nombre il y en aura auxquelles je ne pourrais souscrire sans manquer à ma dignité et à l'honneur de mon pays. A celles- ci,—mon parti est pris,—je répondrai par un refus. Or, un refus peut amener la guerre. Le seul énoncé de propositions semblables indique l'idée arrêtée de me placer dans une alternative qui conduirait à ce résultat. D'après les nouvelles que je reçois, l'entente à ce sujet, adoucie pour la forme par l'influence plus modérée du Cabinet de Vienne, serait déjá très avancée quant au fond entre Londres et Paris, et l'on prévoit que le mois d'août de cette année pourrait être le moment où éclaterait la guerre.

Sans renoncer à l'espoir de l'empêcher, mon devoir est de m'y préparer. Je n'ai pas besoin de Vous signaler combien il sera difficile de la circonscrire.—Sans parler de la difficulté qu'éprouverait la Prusse, en sa qualité de grande Puissance Européenne, à rester en dehors de pareils évènements;—sans parler des liens d'amitié et d'intérêts traditionnels qui nous unissent, sa position et celle de l'Allemagne y seraient trop directement, trop immédiatement intéressées pour qu'elles puissent y demeurer indifférentes ou étrangères. La plus simple prévoyance indique que, commencée dans la Baltique ou sur la Vistule, la lutte pourrait se dénouer sur le Rhin.

Dans cette situation, mon cher Oncle, j'éprouve le besoin de m'adresser à Vous en toute franchise. Je Vous demande la confidence du point de vue sous lequel Vous envisagez Vos devoirs et Vos intérêts, ceux de la Prusse et de l'Allemagne en face de cette éventualité.

J'ai toujours pensé que dès le début une attitude ferme et unie de la Prusse, de l'Autriche et de l'Allemagne aurait conjuré cette crise, retenu l'Angleterre et paralysé les vues agressives de la France. J'ai sincèrement regretté que la position prise par le Cabinet de Vienne, dans une intentoin que j'apprécie, eut affaibli l'espoir de cet accord.—En voulant prévenir la guerre, je crains que l'Autriche n'eut augmenté les chances de ceux qui la recherchent.—Si elle éclate, quelle sera Votre marche, qu'attendez - Vous de l'Allemagne, que prévoyez-Vous de l'Autriche? Je sais que je puis compter sur Vous; mais dans quelles éventualités et dans quelle mesure Vos intérêts Vous porteront-ils à un concours actif?

Ce n'est point une ouverture diplomatique que je Vous adresse; c'est un appel, que je fais à Votre loyale amitié. La défiance est le mal de notre époque et la principale force de nos adversaires.—Grâce à Dieu, elle n'existe pas entre nous. J'ai foi en Vous, Vous savez que Vous pouvez compter sur moi. L'heure est trop solennelle pour que tous deux nous ne nous gardions pas de toute illusion. J'ai besoin de connaître Vos résolutions pour mesurer dans toute son

étendue la position qui m'est faite, les chances qu'elle m'offre, les devoirs qu'elle m'impose et les sacrifices qu'elle me commande pour sauvegarder, avec l'aide de Dieu, l'honneur et les intérêts de la Russie.

Je me féliciterais sincèrement si les inspirations de Votre sagesse Vous amènent à la glorieuse fraternité d'armes qui a uni nos deux peuples, et si Votre influence peut rattacher l'Autriche à ce faisceau de résistance nécessaire au salut de tous. Car il serait puérile de se dissimuler que la crise honteuse et funeste à l'Europe du commencement de ce siècle se reproduit depuis dix ans sous d'autres formes, avec un autre nom et d'autres moyens. Aujourd'hui, comme alors, je n'y vois d'autre remède que l'intime alliance à laquelle l'Europe a dû son indépendance. Je souhaite que nos générations actuelles n'aient point dégénéré de leurs devancières, car les périls qui les attendent et l'audace de leurs ennemis ne sont pas moins grands. Si la Russie doit renouveler l'exemple de 1812, elle est prête à en subir l'épreuve. Puisse celui de 1813 n'être pas oublié!

Recevez, mon cher Oncle, l'assurance de mon invariable attachement.

7. Письмо Короля Вильгельма I Императору Александру II 5/17 іюня 1863.

10 juin (рукою Императора Александра II).

Lisez le et rapportez le moi à midi vous même.

Schloss Babelsberg.

Ce 5/17 juin 1863.

Mon cher Neveu, Le Colonel de Loen mon Aide de Camp, que Vous aviez chargé d'une si bonne et importante lettre pour moi, aura l'honneur de Vous remettre cette réponse. Les questions graves que Vous abordez dans Votre lettre m'ont également occupé bien sérieusement depuis longtemps. J'y réponds donc avec toute la franchise qui est le privilège de l'amitié intime et confiante qui nous unit depuis si longtemps et qui nous met à même de suppléer aux travaux de nos diplomates, par l'épanchement immédiate de nos sentiments. Nos relations personnelles ont l'avantage d'être á l'abri des effets de cette défiance, que à juste titre Vous signalez comme la force principale de nos ennemis; en même temps les in térêts de nos peuples sont libres de tout élement de divergence naturelle et assez sérieuse pour servir d'obstacle au rapprochement le plus intime en présence d'un danger commun.

Ce danger Vous le signalez en appelant mon attention à l'analogie frappante de la crise actuelle et de l'époque par laquelle l'Europe a passé au commencement de ce siècle. Je souscris pleinement à cette appréciation, et comme Vous, je n'y vois pas d'autre remède que l'entente intime des puissances, qui dans l'isolement se trouvent exposées à des agressions arbitraires. Guidé par cette considération, j'ai taché de rallier l'Autriche à la même manière de voir.

J'y ai en à combattre cette défiance enracinée qui était le résultat naturel du passé, de la rivalité des deux grandes puissances de l'Allemagne. Je crois cependant avoir réussi à faire renaître les germes de la confiance, dont le développement est retenu surtout par la crainte de s'exposer au ressentiment de la France, sans retrouver auprès des anciennes alliances l'appui loyal et durable, dont l'Autriche aurait besoin dans ce cas.

A l'heure qu'il est je me tiens assuré, que dans le cas où mes provinces allemandes seraient attaquées, l'Autriche remplirait de bonne foi les stipulations du pacte fédéral, et qu'alors les autres gouvernements allemands suivraient cet exemple en joignant leurs forces aux notres. De plus je suppose, que dans le cas d'une descente française sur les côtes de la Baltique, il me serait possible de disposer le cabinet de Vienne à faire parti d'un système de neutralité favorable à la Russie, et renfermant des garanties propres à sauvegarder les intérêts des trois puissances copartageantes, par rapport à leurs possessions polonaises. Si, en suivant de prime abord les inspirations de mon coeur et de nos souvenirs, je voulais, sans une entente préalable avec l'Autriche, Vous prêter un concours actif, des que la Russie serait attaquée, ce procédé constituant au point de vue fédéral une agression dirigée par la Prusse contre une puissance étrangère, fournirait à l'Autriche et à la conféderation un prétexte spécieux pour se soustraire à toutes obligations découlant du pacte fédéral, et me priverait, quelque fût aprés le théâtre de la guerre, du droit d'exiger l'assistance de mes confédérés.

En même temps il est difficile à dire, si la coopération de la Prusse seule serait de nature à améliorer les chances d'une guerre défensive contre la France, sans préjuger l'influence que l'entrée en guerre de la Prusse pourrait avoir sur les déterminations de l'Angleterre et de l'Autriche, la tâche de la France même deviendrait plus facile, si au lieu de s'attaquer des difficultés que lui oppose la situation géographique de la Russie, l'agression pouvait se diriger dès dabord contre mes provinces limitrophes de la France.

Il m'est difficile de croire, que l'Empereur Napoléon puisse songer à entreprendre cette année-ci une expédition dans la Baltique, la saison étant trop avancée; mais supposons qu'il le fasse. Si son attaque tout en s'abstenant du territoire féderal, si dirigeait contre nous deux,—notre alliance se ferait d'elle même. Si au contraire il n'attaquait que la Russie, de manière que pour participer à la guerre, je devrais, quant à la forme, procéder à l'agression, je prendrais à tâche de disposer l'Autriche et l'Allemagne à une entente ayant pour but d'observer une neutralité bienveillante jusqu'au jour où je pourrais amener mes confédérés à la conviction, qui dès aujourd'hui est la mienne, savoir que dans la situation actuelle de l'Europe, tous les intérêts particuliers des gouvernements légitimes doivent se subordonner au besoin impérieux, de repousser par des efforts solidaires toute attaque dirigée contre l'un d'entre eux par une puissance, qui se constitue l'alliée de toutes les révolutions.

Toute ma sollicitude étant vouée à cette tâche, j'ai lu avec une vive satisfaction le passage de Votre lettre, où Vous prononcez franchement Votre adhésion au principe de l'alliance à laquelle l'Europe a dû son indépendance Puissiez Vous trouver les moyens d'inspirer à Vienne cette conviction, que je puise moi dans Vos paroles et dans la foi sans réserve que j'ai en Vous, la conviction qu'à St.-Pétersbourg tout projet d'alliance française est condamné sans retour, et que l'Autriche pourra, sans risquer de s'isoler, renoncer à ce système de bascule qui fausse la position de tout le monde.

Il est vrai sans doute, que les traditions de la politique autrichienne obligent à une grande précaution ceux qui ont affaire au cabinet de Vienne; mais

malgré la réserve que m'imposent les abus de confiance dont j'ai eu à me plaindre récemment, je ne cesse pas de faire mes efforts, à ramener l'Autriche à l'appréciation de ses intérêts qui sont identiques aux notres. J'ai voulu attendre avant de Vous répondre, le résultat d'ouvertures confidentielles que j'avais fait faire à Vienne; les rapports qui me sont parvenus depuis, me portent à croire, que mes démarches ne seront pas infructueuses. J'ai l'intention de faire proposer à l'Empereur François joseph par une voie indirecte la garantie réciproque de nos provinces polonaises. Je prévois qu'en réponse on va me demander celle de la Vénétie, pour le cas où l'agression italienne serait soutenue par la coopération de la France. Je serais prêt à donner cette garantie pour une époque limitée, à condition que la Russie fasse la même chose. Y seriez Vous disposé? dans l'intention de rétablir à ce prix la grande alliance défensive, qui se compléterait par les états de la confédération germanique, dès que l'entente des trois puissances en fournirait la base? Aussi longtemps qu'au lieu de cette base il existe chez les gouvernements allemands l'appréhension de voir un jour l'Autriche méconnaître les conditions de son propre avenir au point de reprendre la déplorable politique qui lui a si mal réussi pendant la guerre d'Orient, l'action de l'Allemagne sera paralysée par la division et par la défiance mutuelle des dynasties.

Je joins à cette lettre l'extrait d'un rapport du Baron de Werther, pour Vous faire voir sous quel jour se montrent les vues du C-te Rechberg dans des entretiens qui comportent peut-être plus d'abandon que ceux qu'il peut avoir avec M. de Balabine. Vous jugerez Vous même, jusqu'à quel point il pourra Vous convenir de faire à Vienne des démarches plus directes que je serais toujours prêt à seconder.

Toutes mes résolutions s'inspirent de la conviction, qu'entre Vous, l'Empereur d'Autriche et moi, nous ne puissions pas admettre la défaite de l'un des trois, sans que les deux autres à coup sûr y passent tout de même. Je Vous ai indiqué les considérations qui dans notre intérêt commun m'imposent des ménagements; il y en a encore une que je ne puis passer sous silence c'est l'opposition que fait l'opinion publique en Prusse, à l'alliance Russe. La ligne de conduite adopté par mon gouvernement à l'intérieur, Vous prouve que je ne plie pas à des exigences arbitraires de cette opposition; mais je crois certain, que cette impopularité qui ne laisse pas d'être une entrave de nos relations, feront place à des sentiments tout à fait contraires, s'il y avait à espérer que l'intimité politique des deux gouvernement mènerait à une amélioration des rapports de commerce qui existent ou qui pourraient exister entre les deux pays.

Voilà, mon cher Sacha, ma manière de juger les grâves complications que l'insurrection en Pologne nous a amené; il est bien regrettable que Vos troupes toujours braves et toujours victorieuses, n'ont point encore réussi de devenir maître de ce soulèvement révolutionnaire, qui agite maintenant toute l'Europe!

Je fini par Vos paroles: Que Dieu soit avec nous! Croyez toujours à l'invariable amitié que je Vous porte.

Votre tant devoué Oncle et ami

8. Письмо Императора Александра II Королю Вильгельму I 30 Iюня 1863 г.

Zarskoe-Selo, $\frac{\text{30 juin}}{\text{12 juillet}}$ 1863.

Mon cher Oncle, J'ai un peu tardé à répondre à la lettre amicale que le Col. Loen m'a remise de Votre part, parce que les sujets que Vous abordez en réponse à mes demandes étaient d'une nature trop grave pour être résolus avant que la situation politique ne se fut prononcée. Aujourd' hui je suis à même de les traiter avec une connaissance plus précise des éléments qui s'offrent à nos combinaisons. Je Vous transmets ci- près une copie des dépêches des trois Cours et des réponses que je viens d'arrêter. Elles Vous mettront au fait du status quo officiel. Mais je Vous dois en outre la coufidence du fond de ma pensée. Vous êtes parfaitement dans le vrai, mon cher Oncle, en disant que le noeud de la situation est dans la défiance qu'il s'agit de calmer de la part du Cabinet de Vienne, afin de le ramener à une appréciation plus juste de ses propres intérêts. Les dernières nouvelles que j'ai recues de Vienne me donnent quelque espoir d'y réussir. Du moins mon Ministre m'a fait savoir que le Gouvernement Autrichien adhère complètement à la combinaison que je propose d'une entente entre les trois Cours limitrophes sur les questions concernant l'administration de leurs provinces Polonaises, tout en exprimant un doute quant à l'accueil que cette marche rencontrera auprès des Cours Occidentales. Je ne négligerai aucun soin pour maintenir le Cabinet de Vienne dans ces dispositions conformes aux précédents historiques et à la nature des choses et qui, poursuivies avec quelque fermeté, peuvent conduire à une solution pacifique et rationnelle. Je compte sur Votre concours amical pour atteindre ce but. Quant aux éventualités qui peuvent surgir de la crise actuelle, je comprends les motifs qui Vous recommandent une attitude de réserve en cas de complications dans la Baltique; mais je doute qu'une neutralité, quelque bienveillante qu'elle soit pour nous, suffise pour sauvegarder la sécurité de l'Allemagne et les intérêts solidaires des trois Cours. Il me paraît évident que tôt ou tard la force des choses amènera une situation sur laquelle il eût été bon de s'entendre d'avance. J'attendais de Votre amitié, mon cher Oncle, la confidence du résultat des tentatives que Vous avez faites dans ce but à Vienne. Autant que je puis en juger par l'allusion contenue dans Votre lettre, les bases sur lesquelles elles reposent,—celles d'une garantie réciproque des possessions territoriales,—répondraient difficilement à l'urgence du moment. L'expérience nous a malheureusement éclairés sur le peu de valeur pratique de ces garanties sur papier. Elle nous a appris à compter plutôt sur le courage et la force de nos braves armées. Si notre état de possession était menacé, c'est là que pour ma part je chercherais avant tout la garantie de l'intégrité de mon pays. Mais cet état de possession n'est pas en question jusqu' à présent. Ce dont il s'agit c'est de me contraindre à subir un Royaume de Pologne dans des conditions d'existence qui y établiraient en permanence la révolution et la guerre. Voilà le danger contre lequel je dois me défendre et je crois qu' il ne menacerait pas les Etats voisins à un moindre degré. C'est pourquoi je ne saurais m'expliquer quant à présent sur l'éventualité d' une garantie de la Vénétie à l'Autriche. Cette garantie m'obligerait à prendre une position très avancée

hors de la sphère de mes intérêts directs, sans que je puisse trouver une compensation suffisante dans la garantie de mes possessions Polonaises. — Une pareille combinaison ne pourrait trouver place que dans une entente des trois Cours sur des bases plus larges.—La situation actuelle offre deux catégories distinctes de questions: l'une immédiate et spéciale qui affecte les intérêts limitrophes des trois Puissances dans leurs possessions Polonaises et établit entre elles une solidarité qui doit les conduire à une entente locale,—l'autre plus générale se rattache à l'ensemble d'une situation politique qui depuis dix ans a mis le repos de l'Europe et la sécurité de chacune des grandes Puissances à la merci de l'ambition d'une seule et des entreprises révolutionnaires. Celle-là peut conduire les trois Cours à se demander s'il n'est pas temps de faire taire les défiances qui les séparent et les divergences qui les divisent, afin d'opposer à ces débordements la ferme barrière d'une résistance commune fondée sur des intérêts majeurs et communs. Je suis prêt à l'une comme à l'autre et je vois avec une vive satisfaction que dans cet ordre d'idées Vos sentiments sont d'accord avec les miens. Cette affinité des intérêts politiques de nos deux pays m'est trop chère pour que je n'apprécie pas l'importance de la cimenter par le lien des intérêts commerciaux. J'ai fait mettre cette question à l'étude et Vous pouvez être certain que tout ce qui est possible sera fait dans cette direction.

Recevez, mon cher Oncle, l'assurance de mon invariable et sincère affection.

Эльзасъ-Лотарингскій вопросъ наканунѣ великой европейской войны.

Евг. Тарле.

Стремленіе Франціи къ возвращенію Эльзасъ-Лотарингіи не было непосредственною причиною войны, и, собственно, за всѣ сорокъ четыре года ни разу Германія не имѣла причины опасаться, что французская республика объявитъ ей войну изъ-за Эльзасъ-Лотарингіи. Но отторгнутыя провинціи создали между Германіей и Франціей непроходимую пропасть, явственный отказъ Франціи нравственно санкціонировать франкфуртскій договоръ поддерживалъ ту общую неувѣренность въ прочности европейскаго мира, которая вызвала гигантскій и повсемѣстный ростъ вооруженій. „Изъ Франціи всегда до насъ доносится какъ бы вой вѣтра въ трубѣ въ осеннюю бурю“, таковы слова, приписываемыя Бисмарку. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и франко-русскій союзъ, и франко-англійское соглашеніе, приведшее къ тройственному согласію, были въ серьезнѣйшей степени обусловлены отторженіемъ Эльзасъ-Лотарингіи. Въ послѣдніе годы во Франціи было цѣлое общественное теченіе, склонявшееся къ идеѣ примиренія съ Германіей, на основѣ дарованія этой области широкой автономіи (Жоресъ, Эрве) и созданія изъ нея какъ бы буфера между двумя державами. Но это теченіе не имѣло, въ общемъ, никакого успѣха. „Расчлененная родина“, „обезображенная граница“, „братья, стонущіе подъ ярмомъ“ — вотъ что отвѣчала полемика на всѣ призывы къ компромиссному рѣшенію трагическаго вопроса. Въ концѣ концовъ, оправдалось предсказаніе Бисмарка, что Франція (даже если

и не самолично начнетъ войну) всегда приметъ участіе во *всякой* антигерманской коалиціи...

На очень немногихъ страницахъ, которыми мы располагаемъ, попытаемся напомнить читателямъ, въ какомъ положеніи находились эти двѣ провинціи предъ войною. Эта сторона дѣла менѣе замѣтна и менѣе извѣстна, чѣмъ настроеніе Франціи въ данномъ вопросѣ,—но и она имѣетъ свое немаловажное значеніе.

I.

Эльзасъ-Лотарингскій вопросъ, безспорно, является въ послѣднія четыре съ половиною десятилѣтія европейской исторіи однимъ изъ серьезнѣйшихъ, предопредѣляющихъ факторовъ въ созданіи основныхъ дипломатическихъ комбинацій, раздѣлявшихъ великія державы на враждебные лагери. Еще въ 1884 году на женевскомъ конгрессѣ лиги мира было торжественно признано, что *главною* причиною гигантскихъ вооруженій, разоряющихъ Европу, является именно вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, и за это время въ Европѣ накопилось еще много иныхъ горючихъ веществъ, но *никогда* этотъ вопросъ не сходитъ съ очереди. Бисмаркъ очень отчетливо это выразилъ въ своихъ посмертныхъ мемуарахъ, сказавши, что Франція всегда примкнетъ тотчасъ же ко всякой европейской державѣ, которая объявитъ войну Германіи. Несомнѣнно, понималъ онъ и то, что эта ничѣмъ неистребимая вражда Франціи, въ сущности, серьезнѣйшимъ образомъ ухудшаетъ общее дипломатическое положеніе Германіи. Мало того, въ 1879 году, бесѣдуя у себя въ имѣніи съ приглашеннымъ погостить французскимъ посломъ, Бисмаркъ опредѣленно заявилъ ему, что отнятіе у Франціи части Лотарингіи было ошибкою, что онъ, Бисмаркъ, и тогда, въ 1871 году, былъ противъ этого и т. д. Но это заявленіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ истинѣ. Оно характерно только, какъ свидѣтельство, что уже въ 1879 году условія Франкфуртскаго мира самому Бисмарку начинали казаться не вполнѣ обезпечивающими европейскій миръ. На самомъ же дѣлѣ въ сентябрѣ 1870 года, тотчасъ послѣ Седана, Бисмаркъ поспѣшилъ оффиціально оповѣстить евро-

пейскіе дворы, что не только Страсбургъ, но и Метцъ, т. е., значитъ, именно отрѣзокъ Лотарингіи, необходимы Германіи для оборонительныхъ цѣлей, для обезпеченія себя впредь отъ нападеній со стороны Франціи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интимныхъ разговорахъ со своимъ подчиненнымъ (и журналистомъ) Бушемъ, Бисмаркъ тогда же (точнѣе, въ началѣ 1871 года) высказывался въ томъ смыслѣ, что отнятіе у Франціи Метца, собственно, не его идея, а желаніе военной партіи; онъ же былъ бы согласенъ замѣнить Метцъ надбавкою контрибуціи, такъ какъ ему кажется излишнимъ пріобрѣтать столько французовъ въ качествѣ подданныхъ. Во всякомъ случаѣ, никакой сколько-нибудь ощутимой борьбы съ цѣлью отстоять свое мнѣніе Бисмаркъ не предпринялъ, и „военная партія", на которую онъ, вообще, любилъ неопредѣленно ссылаться, одержала полную побѣду. Что же касается до Эльзаса, то въ этомъ и Бисмаркъ никогда не допускалъ никакихъ колебаній и сомнѣній, слѣдовательно, если-бы даже восторжествовала болѣе скромная программа, которую Бисмаркъ приписывалъ себѣ, и если-бы Германія отказалась бы отъ Метца съ лотарингскими округами, расположенными вокругъ него, все равно, прочный европейскій миръ послѣ этого становился невозможенъ. Дѣло въ томъ, что французское народное сознаніе не дѣлало въ 1871 году и не дѣлаетъ въ 1914—1915 гг. ни малѣйшаго различія между Эльзасомъ и Лотарингіей, считая обѣ утерянныя провинціи одинаково французскими, хотя Эльзасъ и говоритъ по нѣмецки. „Какъ можно спрашивать мать, у которой украли двухъ дѣтей, кто изъ нихъ былъ ей дороже?" — возмущенно воскликнулъ по этому поводу Поль Дерулэдъ въ одной изъ своихъ агитаціонныхъ рѣчей.

Лотарингія, стародавняя французская земля, и Эльзасъ со Страсбургомъ, принадлежавшимъ Франціи со временъ Людовика XIV, не переставали съ 1871 года чувствовать себя насильственно оторванными отъ родины, насильственно инкорпорированными „имперскими землями", не имѣющими никакихъ нравственныхъ связей съ германскою имперіею.

Со времени завоеванія въ Эльзасъ-Лотарингіи, объявленной „имперскою землею" и поставленной подъ непосредственное управленіе назначаемаго императоромъ намѣстника,

смѣнилось нѣсколько режимовъ: пока у власти былъ Бисмаркъ, преобладалъ режимъ подозрительности, суровости, насильственнаго онѣмеченія, придирчиваго гоненія на французскій языкъ (въ Лотарингіи), на французскія симпатіи (въ Эльзасѣ и Лотарингіи); послѣ Бисмарка, иногда этотъ режимъ смѣнялся временными послабленіями, періодами умѣреннаго административнаго либерализма. Вильгельму II случалось даже (раза три втеченіе царствованія—въ 1892-3, въ 1899—1900, въ 1903-4 гг.) мечтать о полномъ примиреніи населенія имперской области съ германскимъ владычествомъ. Но—все это были очень рѣдкіе моменты; въ общемъ, режимъ притѣсненія продолжался почти вплоть до послѣдняго времени. Въ этомъ отношеніи очень мало измѣненій внесла и реформа 1909-11 гг., введшая въ Эльзасъ-Лотарингіи нѣкоторое подобіе мѣстнаго самоуправленія или, торжественнѣе выражаясь, областной конституціи. Что нельзя будетъ ни въ какомъ случаѣ управлять страною впредь до безконечности исключительно при помощи намѣстнической диктатуры,—это признавалъ уже Бисмаркъ; признавали и его преемники по канцлерству, но всѣ они, откладывая реформы съ десятилѣтія на десятилѣтіе, ссылались на безпокойный, враждебный, антигосударственный духъ Эльзасъ-Лотарингіи, на „франкофильство" населенія, на продолжающіяся массовыя уклоненія молодежи отъ отбыванія воинской повинности (причемъ уклоняющіеся уходили во Францію и тамъ натурализовались). Наконецъ, „автономія" была дана,—какъ говорятъ не безъ нѣкотораго давленія со стороны южно-германскихъ правителей, не совсѣмъ довольныхъ исключительною властью, которою пользовался императоръ въ Эльзасъ-Лотарингіи, этомъ общемъ достояніи, или, какъ пишутъ французскіе авторы, „общей добычѣ" *всѣхъ* германскихъ государствъ. Впрочемъ, чисто административная часть, по прежнему, была оставлена въ рукахъ намѣстника, назначаемаго императоромъ и отвѣтственнаго исключительно предъ императоромъ; но узаконенія, касающіяся Эльзасъ-Лотарингіи, и бюджетъ области должны были отнынѣ проходить чрезъ двѣ палаты ландтага: верхнюю и нижнюю. Верхняя палата состоитъ изъ членовъ, непосредственно назначаемыхъ императоромъ, а также высшихъ сановниковъ, засѣдающихъ ex officio, — и изъ нѣ-

скольких выборных делегатовъ (одинъ отъ четырехъ муниципалитетовъ—Страсбурга, Метца, Кольмара и Мюльгаузена, трое отъ торговыхъ палатъ, трое отъ сельско-хозяйственнаго совѣта, одинъ отъ ремесленной палаты).

Нижняя палата состоитъ изъ 60 членовъ, выбираемыхъ прямою и всеобщею, но *не* равною подачею голосовъ (избиратели различаются по возрастному составу: лица старше 35 лѣтъ имѣютъ два голоса, старше 45 лѣтъ—три голоса). Въ среднемъ каждый избирательный округъ имѣетъ населеніе 30.000 душъ. Законъ и бюджетъ проходятъ чрезъ обѣ палаты и утверждаются императоромъ; если нижняя палата ландтага отвергнетъ бюджетъ (съ верхней палатой, гдѣ ровно половина членовъ по назначенію, это случиться, конечно, не можетъ), то въ силу вступаетъ бюджетъ предыдущаго года. Вотъ главныя черты „автономныхъ" учрежденій, дарованныхъ Эльзасъ-Лотарингіи. Ни малѣйшихъ законныхъ возможностей ограничить произволъ или притѣсненія административныхъ властей эти учрежденія не даютъ и не могутъ дать населенію имперской области; но, во всякомъ случаѣ, явилась возможность гораздо свободнѣе высказывать (попутно, при обсужденіи законопроектовъ) свои жалобы, чѣмъ это было до тѣхъ поръ мыслимо въ прессѣ, неуклонно преслѣдуемой придирчивою и подозрительною прокуратурою. Собственно, это было едва-ли не главнымъ реальнымъ благомъ, полученнымъ Эльзасъ-Лотарингіей отъ введенія областного ландтага, такъ какъ, не говоря уже о полномъ отсутствіи какого бы то ни было контроля надъ управленіемъ, не говоря также о широкой возможности для правительства обойтись безъ вотированнаго бюджета, не распространяясь всегдашнемъ Дамокловомъ мечѣ, висящемъ надъ всѣми рѣшеніями нижней палаты ландтага,—*veto* верхней палаты и императорскомъ неутвержденіи,—достаточно вспомнить, что всякій общеимперскій законъ, если онъ противорѣчитъ областному закону, *уничтожаетъ* этотъ послѣдній, чтобы оцѣнить болѣе, нежели скромныя рамки, отведенныя законодательному самоопредѣленію Эльзасъ-Лотарингіи.

Итакъ, въ настоящее время, Эльзасъ-Лотарингія, страна, занимающая 15.518 квадратныхъ километровъ, насчитывающая болѣе 1.870.000 жителей, въ сущности, попрежнему

управляется безконтрольною властью намѣстника. Муниципальная жизнь здѣсь тоже стѣснена больше, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ Германіи, въ особенности постоянными, не терпящими никакихъ возраженій, вмѣшательствами военныхъ властей въ хозяйственную жизнь городовъ имперской области, ихъ претензіями и требованіями, захватами и незаконнымъ пользованіемъ городскими помѣщеніями, городскими земельными угодьями и т. д. Три главныхъ города области—Страсбургъ, со своими 168.000 жителей, Мюльгаузенъ (около 95.000), Метцъ (69.000), не говоря уже о меньшихъ городахъ—очень и очень должны считаться съ произволомъ военныхъ властей,—отъ которыхъ нѣтъ, обыкновенно, никакой защиты, такъ какъ гражданскіе чиновники, подчиненные намѣстнику, всячески избѣгаютъ вступать въ конфликтъ не только съ начальниками гарнизоновъ, но и съ любымъ офицеромъ любого изъ этихъ гарнизоновъ; были случаи, когда на почвѣ такихъ конфликтовъ погибала блестяще начатая карьера гражданскаго чиновника, а дѣло фонъ-Ферстнера, о которомъ будетъ рѣчь дальше, показало, что и для судебныхъ властей не совсѣмъ безопасно приходить въ столкновеніе съ эльзасъ-лотарингскимъ офицерствомъ. Собственно, въ окончательномъ своемъ видѣ, со всѣми нынѣ дѣйствующими поправками, эльзасъ-лотарингская „конституція" прошла и была окончательно утверждена и введена въ дѣйствіе лишь въ 1911 году. Что касается состава хотя бы того ландтага, который былъ выбранъ въ октябрѣ 1911 года, то по немъ судить довольно трудно объ истинномъ настроеніи избирателей: сепаратистская программа, конечно, не выставляется и не можетъ выставляться ни однимъ кандидатомъ; на соціалъ-демократовъ имперское правительство смотритъ чуть ли не какъ на самую надежную опору противъ сепаратистскихъ тенденцій; клерикалы и люди, близкіе къ нимъ, въ однихъ мѣстахъ идутъ на выборахъ подъ флагомъ, враждебнымъ правительству, а въ другихъ—произносятъ горячія рѣчи противъ антиклерикальной политики французской республики и восхваляютъ „широкую терпимость" германскихъ властей къ католической церкви... Политическое credo этихъ шестидесяти депутатовъ нижней палаты ландтага, кромѣ того, крайне рѣдко, вообще, можетъ сказаться

въ узкихъ рамкахъ чисто-дѣловыхъ, мѣстныхъ вопросовъ, подлежащихъ ихъ сужденію. Вотъ, впрочемъ, подсчетъ депутатовъ ландтага по партіямъ:

Центръ	25
Лотарингскій блокъ	10
Соціалъ-демократы	11
Либералы и демократы .	12
Независимые	2
Итого	60

Во всякомъ случаѣ, при всей невольной замаскированности „франкофильскихъ" тенденцій „лотарингскаго блока", при всей умѣренности требованій „либераловъ" и „демократовъ" касательно расширенія свободы преподаванія и „управленія Эльзасъ-Лотарингіи *исключительно* эльзасъ-лотарингцами", при всемъ равнодушіи соціалъ-демократовъ къ мѣстнымъ сепаратистскимъ тенденціямъ, — правительство могло насчитать въ самомъ дѣлѣ, нѣсколькихъ преданныхъ ему сторонниковъ *только* среди двадцати пяти клерикаловъ „центра". Таковъ составъ этого *перваго* мѣстнаго парламента Эльзасъ-Лотарингіи. Слѣдуетъ замѣтить, что выборы совершались еще сравнительно въ спокойный періодъ. Въ послѣдніе годы намѣстникъ имперской области, Ведель, сдѣлалъ кое-что для смягченія затаенной вражды населенія къ побѣдителямъ. Съ его стороны не было особыхъ придирокъ, его жена, графиня Ведель, довольно демонстративно выразила однажды свое расположеніе къ одному изъ вождей „мѣстной" партіи (называющихся иногда „націоналистами", и входящихъ въ „лотарингскій блокъ") аббату Веттерлэ,—и, вообще, въ послѣдніе годы тамъ водворилась нѣкоторая благожелательность въ отношеніяхъ гражданскихъ властей къ населенію.

II.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ 1 февраля 1871 года, когда былъ обнародованъ законъ о присоединеніи Эльзасъ-Лотарингіи къ германской имперіи, много воды утекло, и что германская пресса, неоднократно отмѣчавшая съ большимъ удовлетвореніемъ упадокъ стараго „непримиримаго" настроенія

въ имперской области, была не совсѣмъ неправа. Ростъ промышленности въ городахъ (особенно, Страсбургѣ и Мюльгаузенѣ) могущественно способствовалъ наростанію и укрѣпленію соціалъ-демократіи, по всей своей психологіи совершенно чуждой идеѣ мѣстнаго патріотизма и, особенно, сепаратистскихъ тенденцій. Выше уже сказано, что правительство, враждебное соціалъ-демократамъ на всемъ пространствѣ имперіи, здѣсь, въ Эльзасъ-Лотарингіи, съ удовольствіемъ взирало на ихъ побѣды въ тѣхъ округахъ, гдѣ имъ пришлось бороться противъ мѣстныхъ „націоналистовъ" толка Веттерлэ. Съ другой стороны, во Франціи большая пресса относилась всегда къ эльзасскимъ соціалъ-демократамъ съ нескрываемой враждою (ср. типичную негодующую статью сенатора Бодэна въ газетѣ *Action* отъ 1 ноября 1911 года, по поводу результатовъ выборовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи). Далѣе, нельзя отрицать, что и въ широкихъ слояхъ буржуазіи, особенно, въ лотарингскихъ строго католическихъ семьяхъ, послѣдовательная антиклерикальная политика цѣлаго ряда французскихъ кабинетовъ, начиная съ Вальдека-Руссо, продолжая Комбомъ и кончая Клемансо, возбуждала много горечи и раздраженія. Соотвѣтственная агитація со стороны — не мѣстной, ненавистной населенію, чиновничьей, пангерманистской Strassburger Post, не имѣющей ни малѣйшаго моральнаго авторитета,—но вліятельнѣйшаго католическаго органа *Germania*, не прошла для Эльзасъ-Лотарингіи безслѣдно.

Наблюдатели эльзасъ-лотарингскихъ настроеній утверждали положительно, что демонстративно-любезный визитъ, сдѣланный Вильгельмомъ II папѣ, произвелъ въ имперской области сильное впечатлѣніе, особенно послѣ комментаріевъ германской католической прессы и сопоставленій этого факта съ оффиціальнымъ и окончательнымъ разрывомъ сношеній между французскимъ правительствомъ и папскимъ престоломъ. Нужно замѣтить также, что германскія власти (въ послѣднія 15 лѣтъ въ особенности) относились, въ самомъ дѣлѣ, съ большою предупредительностью и любезностью къ католическому духовенству въ имперской области, а духовенство пользуется здѣсь огромнымъ вліяніемъ (въ Эльзасъ-Лотарингіи на каждую тысячу жителей приходится 765 католиковъ).

Но зато цѣлый рядъ условій препятствовалъ и препятствуетъ сколько-нибудь значительнымъ успѣхамъ „имперской идеи“ въ Эльзасъ-Лотарингіи.

Начнемъ съ условій экономическихъ. Чѣмъ занимается, чѣмъ живетъ Эльзасъ-Лотарингія? По даннымъ послѣдней профессіональной переписи, произведенной въ Германіи, въ Эльзасъ-Лотарингіи экономически-самодѣятельна почти половина *всего* населенія, 906.000 чел. слишкомъ.

Изъ нихъ въ сельскомъ хозяйствѣ и лѣсоводствѣ занято 339.000 слишкомъ, промышленностью, какъ обрабатывающей, такъ и добывающею 350.300 чел., торговлею и транспортомъ 97.500 чел., государственною и общественною службою около 110.000 человѣкъ. Таковы не всѣ, но главныя слагаемыя указанной общей суммы. Если мы, даже намѣренно и очень сильно преувеличивая, признаемъ, что всѣ 110.000 чиновниковъ и служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ сплошь—вѣрные слуги правительства и ратоборцы „имперской идеи“, то все же, совершенно очевидно, что остальныя слагаемыя, и только онѣ, могутъ имѣть опредѣляющее значеніе. Есть ли у лицъ, кормящихся при сельскомъ хозяйствѣ въ Эльзасъ-Лотарингіи, какія бы то ни было побудительныя причины дорожить принадлежностью къ Германіи? Статистика сбора зерновыхъ хлѣбовъ и картофеля показываетъ, что Эльзасъ-Лотарингія стоитъ въ этомъ отношеніи ниже Пфальца, Саксоніи, Бадена, Гессена, королевства Пруссіи, Мекленбургъ-Шверина, Саксенъ-Веймара, почти во всѣхъ отношеніяхъ (кромѣ сбора ячменя) ниже Баваріи, и ниже еще цѣлаго ряда входящихъ въ составъ германской имперіи государствъ. Крупныхъ латифундій въ Эльзасъ-Лотарингіи чрезвычайно мало; изъ 339.000 чел., кормящихся въ сельскомъ хозяйствѣ (и при лѣсоводствѣ)— 116.000 чел.—самостоятельные хозяева или руководители хозяйствъ—и 229.000 человѣкъ—служащихъ и рабочихъ. Психологія „восточно-эльбскихъ“ юнкеровъ и, даже, общегерманскаго „союза сельскихъ хозяевъ“—осталась вполнѣ чуждою эльзасъ-лотарингскому мелкому землевладѣнію, а оно тамъ— почти все мелкое (23% участковъ отъ 2 до 5 гектаровъ, 39% участковъ отъ 5 до 20 гектаровъ, 11% участковъ *менѣе* 2 гектаровъ и т. д.; всего $6\frac{1}{2}$% участковъ свыше 100 гектаровъ). Этотъ слой населенія и оказался, быть можетъ, наи-

болѣе упорнымъ хранителемъ старыхъ мѣстныхъ преданій, „молчаливо-франкофильскимъ", какъ злобно называетъ эльзасъ-лотарингское крестьянство *„Strassburger Post"*. Никакихъ побудительныхъ экономическихъ соображеній, которыя могли бы съ успѣхомъ начать борьбу противъ этихъ стародавнихъ культурно-историческихъ навыковъ и привязанностей, въ названномъ слоѣ эльзасъ-лотарингскаго населенія не возникало. Переходимъ теперь къ населенію, занятому промышленностью. Нужно сказать, что Эльзасъ-Лотарингія была промышленною страною еще тогда, когда принадлежала Франціи. Промышленная дѣятельность (въ особенности текстильная индустрія) была здѣсь распространена съ давнихъ поръ, въ особенности, въ пяти городахъ — Страсбургѣ, Цадернѣ, Кольмарѣ, Мюльгаузенѣ и Сааргемюндѣ. Хлопчатобумажныя. ситценабивныя, шерстоткацкія фабрики широко распространены въ Эльзасѣ, шелковое производство—въ Лотарингіи. Кромѣ текстильной промышленности, славятся въ имперской области бумажныя фабрики, стекольные заводы, сталелитейни, красильни; очень развито и горнозаводское дѣло (добывается желѣзо, мѣдь, каменная соль). Какъ уже сказано, всѣхъ лицъ, занятыхъ промышленнымъ трудомъ, въ Эльзасъ-Лотарингіи числится 350.300 чел. Изъ нихъ—хозяевъ и руководителей предпріятій считается 54.500 человѣкъ, а рабочихъ и служащихъ—295.800 чел. О широкомъ распространеніи соціалъ-демократіи среди рабочихъ имперской области сказано уже, точно такъ же, какъ о томъ, что соціалъ-демократія относится вполнѣ равнодушно къ мѣстнымъ преданіямъ и франкофильскимъ тенденціямъ.

Но все же неоднократныя (и очень рѣзкія) выступленія соціалъ-демократовъ какъ въ рейхстагѣ, такъ, въ послѣдніе годы, и въ эльзасъ-лотарингскомъ ландтагѣ, по поводу притѣсненій и гоненій, воздвигнутыхъ на французскій языкъ, по поводу придирокъ гражданскихъ властей, произвола военныхъ и т. д.,—показали правительству, что на соціалъ-демократію въ имперской области оно можетъ, въ концѣ концовъ, смотрѣть развѣ только какъ на меньшее изъ двухъ золъ, но ни въ какомъ случаѣ не какъ на благо (съ точки зрѣнія послѣдовательнаго онѣмеченія населенія). Тѣмъ не менѣе, всѣмъ знакомымъ съ настроеніями европейскаго рабочаго класса въ

послѣднія десятилѣтія хорошо извѣстно, что цѣлыя категоріи рабочихъ (и категоріи немаловажныя) часто попадаютъ подъ вліяніе нѣкоторыхъ особыхъ тенденцій и начинаютъ признавать *совпаденіе до извѣстной степени* своихъ интересовъ съ интересами ихъ хозяевъ. Достаточно вспомнить дебаты объ „имперіализмѣ“ рабочихъ, занятыхъ въ германской сталелитейной промышленности, о „милитаризмѣ“ рабочихъ Шнейдера во Франціи и Круппа въ Германіи и т. д. Значитъ, нужно еще спросить себя, есть ли въ Эльзасъ-Лотарингіи такія побудительныя причины, которыя заставляли бы *хозяевъ* положительно дорожить связью ихъ области съ Германіею? На это можно дать скорѣе отрицательный отвѣтъ,—уже a priori, даже не зная еще, что и на самомъ дѣлѣ эльзасъ-лотарингскіе промышленники отнюдь не считаются добрыми нѣмецкими патріотами. Дѣло въ томъ, что неслыханное, грандіознѣйшее развитіе промышленности въ германской имперіи дѣлаетъ конкуренцію чрезвычайно трудною, предъявляетъ весьма высокія требованія къ промышленникамъ и для окраинной индустріи становится все труднѣе отвоевывать мѣсто на центральномъ внутреннемъ рынкѣ, — не говоря уже о соперничествѣ съ германскими фирмами на рынкахъ внѣшнихъ. Хозяева германскихъ промышленныхъ предпріятій, которымъ все тѣснѣе и тѣснѣе становилось въ послѣдніе годы, могли мечтать о завоеваніи новыхъ рынковъ, о широкой колоніальной политикѣ и т. д.; можетъ быть, отчасти, о томъ же мечтали и хозяева эльзасъ-лотарингскихъ фабрикъ, — но у многихъ изъ нихъ сказывалось (и гораздо ярче, повидимому) — другое чувство: сожалѣніе о томъ, что ихъ родина насильственно отторгнута отъ земледѣльческой, мелко-ремесленной, богатой свободными капиталами, но сравнительно бѣдной *крупными* промышленными предпріятіями Франціи и вошла, какъ составная часть, въ страну гигантски развитой индустріи. Во Франціи Эльзасъ-Лотарингія теперь была бы одной изъ *самыхъ* промышленныхъ областей, ничуть не уступая, напр., Пикардіи, а кое въ чемъ и превосходя Пикардію,—и Франція была бы для нея обильнымъ, богатымъ, обезпеченнымъ рынкомъ сбыта, гдѣ конкуренція была бы несравненно легче; да и колоніальныя владѣнія Франціи по своей покупательной способности несравненно важнѣе, чѣмъ колоніи германскія. Изъ всѣхъ этихъ

соображеній отнюдь не слѣдуетъ, конечно, что промышленники Эльзасъ-Лотарингіи должны были бы проникнуться пламеннымъ желаніемъ отторгнуться отъ Германіи и возсоединиться съ Франціей, чтобы они были готовы на все для этой цѣли и т. п.; мы хотимъ только пояснить, что у этого класса нѣтъ и не можетъ быть никакихъ побудительныхъ причинъ содѣйствовать и сочувствовать *сліянію* Эльзасъ-Лотарингіи съ имперіею.

Ихъ „франкофильство" тоже „молчаливое", но оно—на лицо. Наконецъ, что касается класса торговаго, то его умонастроеніе въ значительной мѣрѣ связано съ настроеніемъ окружающаго мѣстнаго населенія, такъ какъ никакихъ широкихъ и далекихъ торговыхъ сношеній область эта почти не ведетъ, торговый обмѣнъ ея, по преимуществу, внутренній, кліенты торговцевъ—тѣ же крестьяне и мелкіе сельскіе хозяева, тѣ же промышленники и рабочіе, о которыхъ шла выше рѣчь. По наблюденіямъ мѣстныхъ публицистовъ, торговцы составляютъ въ значительнѣйшей мѣрѣ кадры отчасти „лотарингскаго блока" (и прежде всего *мѣстныхъ* „націоналистовъ", — т. е. франкофиловъ), отчасти же клерикальнаго центра. Замѣтимъ еще, что, если промышленники въ Эльзасѣ и Лотарингіи жалуются, что они далеко не пользуются такимъ покровительствомъ властей, какъ промышленники остальной имперіи, то еще чаще и рѣзче жалуются негоціанты на систематическій отказъ въ устройствѣ нужныхъ водныхъ путей и желѣзнодорожныхъ вѣтокъ въ области (ср. объ этомъ особенно Hinzelin, L'Alsace sous le joug, 156—157).

Итакъ, мы можемъ прійти относительно подавляющаго большинства не-чиновничьяго населенія къ выводу, что *экономическихъ побужденій къ полному забвенію прошлаго, къ искреннему и тѣсному сліянію съ имперіей* у него нѣтъ. Французской патріотической публицистикѣ подобная наша формулировка показалась бы слишкомъ скромной, скупой, умѣренной, такъ какъ, если судить по наиболѣе читаемымъ органамъ французской прессы, по тѣмъ статьямъ, которыя *годами* появлялись въ этой прессѣ, — эльзасъ-лотарингское населеніе не переставало съ самаго 1871 года, подавляя въ себѣ гнѣвъ, горячо мечтать о новой, освободительной войнѣ, о возсоединеніи со „старымъ отечествомъ" и т. д. О нихъ

часто писалось какъ о людяхъ, которые не устраиваютъ возстанія *единственно* вслѣдствіе того, что это предпріятіе—явно-безумное, что ихъ страна превращена въ военный лагерь и т. д. Конечно, съ этой шаблонной французско-патріотической, традиціонно-обязательной точки зрѣнія на населеніе Эльзасъ-Лотарингіи, съ точки зрѣнія, прочно привитой среднему французскому обывателю покойнымъ Дерулэдомъ и нынѣ здравствующимъ Баррэсомъ и Мильвуа, а за ними уже—всею наиболѣе читаемою прессою,—только что формулированный выводъ можетъ показаться слишкомъ бѣднымъ по „настроенію“ и неполнымъ по содержанію.

Но даже и принявши только это скромное воззрѣніе, только усвоивши мысль, что никакія повелительныя *экономическія* побужденія не толкали и не толкаютъ большинство населенія имперской области къ сліянію съ завоевателями,—мы уже поймемъ, почему всѣ усилія германизаторовъ въ данномъ случаѣ остаются тщетными.

Дѣло въ томъ, что *культурныя* симпатіи, *идейныя* связи, историческія воспоминанія, семейныя традиціи, тѣснѣйшія узы, вѣками связывавшія населеніе Эльзасъ-Лотарингіи съ Франціей—все это отъ 1871 года до настоящаго времени могущественно *влекло* эльзасцевъ и лотарингцевъ къ „старому отечеству“, и всѣ эти крѣпкія духовныя стремленія не находили ни малѣйшаго *внутренняго*, психологическаго противовѣса хотя бы, напр., въ новыхъ экономическихъ интересахъ, которые бы тянули къ Германіи.

Оттого, что цѣлый рядъ французскихъ патріотовъ и прославившихся генераловъ вышелъ изъ Эльзасъ-Лотарингіи, оттого, что *Марсельеза* родилась въ Страсбургѣ, и т. д., оттого, что всѣ душевныя симпатіи огромнаго большинства населенія склонялись на сторону Франціи,—еще не могло произойти возстанія, но всѣ эти воспоминанія и всѣ эти чувства, не встрѣчавшія никакого внутренняго противодѣйствія, сдѣлали населеніе Эльзаса и Лотарингіи *глухимъ* къ убѣжденіямъ и угрозамъ германской прессы, къ онѣмечивающимъ усиліямъ государственной низшей, средней и высшей школы, сдѣлали безплодными всѣ мѣропріятія германской власти, разсчитанныя какъ на популярность, такъ и на устрашеніе.

Нужно сказать, что, въ общемъ, германизаторскія усилія выражались въ теченіе всѣхъ сорока четырехъ лѣтъ, преимущественно, въ мѣропріятіяхъ не культурнаго, но полицейско принудительнаго характера.

1. Прежде всего преслѣдованія были воздвигнуты противъ всего, напоминавшаго о французскомъ владычествѣ, въ первую голову—противъ французскаго языка. Преслѣдовались вывѣски на французскомъ языкѣ, воспрещалось вписывать въ метрическія свидѣтельства французскія имена и т. п. Эта мелочная борьба чрезвычайно раздражала и раздражаетъ населеніе. Борьба противъ французскаго языка тѣсно связана съ стремленіемъ вытравить изъ памяти все касающееся прошлаго страны. Воспрещаются французскія надписи на могилахъ французскихъ солдатъ, павшихъ въ бою въ 1870 году; преслѣдуется соединеніе цвѣтовъ бѣлаго синяго и краснаго, такъ какъ это—цвѣта французскаго знамени; въ деревняхъ, въ которыхъ почти никто не говоритъ по-нѣмецки (въ Лотарингіи) вводится—и именно въ послѣдніе годы—дѣлопроизводство на нѣмецкомъ языкѣ,—хотя по закону 1872 года для этого требуется, чтобы, по крайней мѣрѣ 50% населенія говорило по-нѣмецки. Общество для охраненія памятниковъ, а также задававшееся цѣлью культивированія памяти погибшихъ въ 1870 году, такъ называемое общество Souvenir français было закрыто властями; возникшее вслѣдъ затѣмъ общество Souvenir alsacien-lorrain постигла та же участь. Это была единственная ассоціація, члены которой ставили своею задачею культивированіе былыхъ традицій конечно, никакими чисто-политическими цѣлями оно не задавалось и не могло задаваться.

2. Мѣстная пресса существуетъ не только въ лицѣ пангерманистской Strassburger Post, читаемой больше всего пришлымъ элементомъ (чиновничествомъ и т. д.), но и въ видѣ нѣсколькихъ нѣмецкихъ и, даже, французскихъ газетъ (изъ послѣднихъ наиболѣе читаемымъ является Journal d'Alsace-Lorraine). Эти газеты находятся подъ бдительнѣйшимъ надзоромъ какъ прокуратуры и полиціи, такъ и всей имперіалистской и пангерманистской прессы имперіи, подъ постояннымъ страхомъ печатныхъ доносовъ и обвиненій въ государственной измѣнѣ.

Преслѣдованія противъ нихъ возбуждаются по малѣйшему поводу, такъ какъ правительство совершенно не вѣритъ въ искренность ихъ лояльныхъ чувствъ (въ чемъ, впрочемъ, оно нисколько не ошибается). Степень свободы, которою пользуется общеимперская пресса, совершенно неизвѣстна въ Эльзасъ-Лотарингіи.

3. Наконецъ, свобода и безопасность личности въ Эльзасъ-Лотарингіи совсѣмъ не тѣ, что въ остальной имперіи. Одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ царящаго въ имперской области полицейскаго режима нужно признать то обстоятельство, что внезапныя обостренія и столь же внезапныя послабленія въ этомъ режимѣ обусловливаются, обыкновенно, совсѣмъ независящими отъ населенія фактами, именно—тѣми или иными отношеніями, царящими въ данный моментъ между Германіей и Франціей. Устраиваетъ (въ 1891 г.) Парижъ враждебную демонстрацію находящейся проѣздомъ вдовствующей германской императрицѣ,—и въ Эльзасъ-Лотарингіи тотчасъ же, ни съ того, ни сего, вводятся драконовскія паспортныя правила; улучшились отношенія, — паспортныя правила смягчаются; Франція соглашается прислать свои суда на торжество открытія кильскаго канала, — и въ Эльзасъ-Лотарингіи полицейскія придирки утихаютъ почти совершенно; начинается дипломатическое франко-германское единоборство изъ за Марокко,—и имперскія власти въ Страсбургѣ и Метцѣ свирѣпѣютъ. „Импульсивность" Вильгельма II поразительно сказывалась всегда въ этихъ мгновенныхъ переходахъ. Во всякомъ случаѣ, справедливость требуетъ замѣтить, что въ самые послѣдніе годы (и особенно съ введеніемъ ландтага) произволъ гражданскихъ властей, хоть они и совершенно независимы отъ ландтага, уменьшился. Зато, какъ уже сказано, военный элементъ, всегда державшій себя въ Эльзасъ-Лотарингіи необычайно нагло и высокомѣрно, нисколько не измѣнился. „Цабернскій инцидентъ" это показалъ весьма наглядно. Напомнимъ вкратцѣ объ этомъ инциндентѣ, о которомъ до сихъ поръ безпрестанно говорятъ французскія газеты, хотя онъ случился еще въ 1913 году, а съ тѣхъ поръ утекло много и воды, и крови. Баронъ фонъ-Ферстнеръ, лейтенантъ пятой роты 99 пѣхотнаго полка, усмотрѣвши, что одинъ солдатъ наказанъ за то, что ударилъ

ножемъ своего товарища по ротѣ, эльзасца родомъ, воскликнулъ, что не стоило наказывать солдата изъ за эльзасскаго *wake* (мѣстное бранное слово), и что, напротивъ, онъ бы далъ солдату за это десять марокъ. Когда объ этомъ узнали въ Цабернѣ (городъ, гдѣ происходило дѣло), — толпа гражданъ устроила Ферстнеру рядъ враждебныхъ манифестацій послѣ чего онъ сталъ появляться на улицѣ подъ вооруженною охраною. Это помогало мало; происходили постоянныя столкновенія, недоразумѣнія, произвольные аресты мирныхъ гражданъ солдатами и офицерами (однажды были арестованы, между прочимъ, чины судебнаго вѣдомства, въ томъ числѣ прокуроръ, за то, что осмѣлился вслухъ сказать при появленіи вооруженнаго кортежа: „это невѣроятно"). Дѣло дошло до имперскаго рейхстага, гдѣ представители самыхъ умѣренныхъ партій выразили свое недоумѣніе и возмущеніе по поводу безобразій фонъ-Ферстнера и покрывающаго его начальства,—но правительство рѣшительно стало на сторону цабернскихъ военныхъ. Это дѣло произвело длительное и глубокое раздраженіе во Франціи и было обильно использовано французскою патріотическою печатью.

Эльзасъ-Лотарингскій вопросъ былъ одною изъ постоянно сочившихся европейскихъ ранъ. Въ настоящей замѣткѣ мы старались съ необходимою краткостью указать какъ на причины, не дающія населенію этой области побудительныхъ мотивовъ къ прочному сліянію съ Германіей, такъ и характеризовать тѣ условія, которыя постоянно раздражаютъ, обижаютъ и волнуютъ населеніе, постоянно растравляютъ страшныя воспоминанія 1870 года. Объ этомъ годѣ не забыла ни Эльзасъ-Лотарингія, ни Франція. Для Франціи вопросъ о реваншѣ былъ не только вопросомъ объ исправленіи изуродованной вогезской границы. Потеря этихъ двухъ провинцій страшно ухудшила оборонительную позицію Франціи, обнажила богатѣйшія части страны, открыла дорогу въ Парижъ. Правда, усиленная постройка крѣпостей, въ концѣ концовъ, нѣсколько ослабила опасность, но все-таки не устранила ее. Мечта о возвращеніи отторгнутыхъ провинцій всегда соединялась гармонически съ мыслью о возсозданіи и укрѣ-

пленіи поколебленнаго чувства національной безопасности, и въ то же время чувства національной чести. Въ началѣ нынѣшней войны, въ августѣ 1914 года, маститый историкъ Эрнестъ Лависсъ напечаталъ въ газетѣ „*Temps*" необычайно интересную страничку своей, такъ сказать, психологической біографіи, даже вчужѣ хватающую за душу: онъ разсказалъ, какъ постепенно мѣнялись его чувства и мысли относительно Эльзасъ-Лотарингіи, вѣрнѣе, какъ постепенно онъ переходилъ отъ надежды на *реваншъ* къ мучительному сознанію почти полной неосуществимости этихъ надеждъ; какъ минутами эти надежды вновь воскресали,— и опять потухали. Онъ пережилъ потерю Эльзасъ-Лотарингіи, — и дожилъ до времени, когда исторія, кажется, намѣрена пересмотрѣть свой приговоръ... Франція не хотѣла этой новой войны; но когда война сдѣлалась неизбѣжною, Франція *вся* объединилась подъ знаменемъ, на которомъ были написаны слова: возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи.

Эльзасъ и Лотарингія не возставали противъ Германіи, хотя жилось имъ невесело, не высказывали никогда мечтаній о міровомъ пожарѣ, который долженъ ихъ освободить,—но когда пожаръ возникъ, они оказались психологически совершенно *готовыми,* имъ не пришлось создавать программу своихъ пожеланій. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, если судьбѣ угодно будетъ исполнить желаніе Франціи, что во всей возвращенной области обнаружатся тѣ чувства бурнаго ликованія, которыя проявились въ пока завоеванной французами части Верхняго Эльзаса, въ январѣ 1915 года, при посѣщеніи президента Пуанкарэ.

„Великая Сербія", какъ разрѣшеніе южно-славянскаго вопроса въ Великой войнѣ 1914—15 г.г.

Н. В. Ястребовъ.

Всѣмъ ясно, что борьба, которую Россія, вмѣстѣ съ союзниками, ведетъ противъ коалиціи трехъ имперій—Германіи Австро-Венгріи и Турціи, имѣетъ цѣлью не только изгнаніе съ родной, русской земли непріятельскихъ армій: она должна сдѣлать невозможнымъ, если не навсегда, то на долгое время повтореніе вражескаго нашествія, повести, въ этихъ видахъ, къ рѣшительному обезсиленію противниковъ, къ уничтоженію, Австро-Венгріи и Турціи, если еще и не Германіи, какъ думаютъ нѣкоторые, закончиться, поэтому, пріобрѣтеніемъ нами отъ нихъ извѣстной пограничной доли ихъ земель. Великая Россія должна стать послѣ войны еще болѣе великой, болѣе сильной...

Наши малые, но доблестные союзники сербы, подобно столь же доблестнымъ, но уже и нынѣ великимъ союзникамъ—Франціи, Англіи и Японіи, борясь съ врагомъ, спасаютъ свою родину, Сербію и Черногорію, отъ захвата и разгрома. Они болѣе, чѣмъ Россія, чувствуютъ нужду въ избавленіи, разъ навсегда, отъ повторенія этой „швабской опасности". Великая Россія, можетъ быть, впервые стоитъ передъ столь великой опасностью для своего бытія и свободной жизни отъ германской и турецкой стихій. Сербство же давно и непрерывно живетъ подъ угрозами обоихъ враговъ свободы и истинной культуры. Въ Сербіи и Черногоріи

еще живы люди, слыхавшіе отъ своихъ дѣдовъ, какъ очевидцевъ и непосредственныхъ страдальцевъ, о тѣхъ ужасахъ, которые творили, напримѣръ, турки даже надъ поднимавшейся къ свободной жизни Сербіей Карагеоргія и Милоша, въ первыя десятилѣтія XIX вѣка; въ Сербіи и Черногоріи еще много людей, которые сами въ 1876—77 г.г. стояли передъ грозой турецкаго завоеванія. Что касается нѣмецко-мадьярской Австро-Венгріи, то она не только смотрѣла спокойно на всѣ эти нашествія Азіи въ сербскія земли, но то тайно, то явно поощряла ихъ, не разъ мѣшала ихъ остановкѣ Россіей. Но Австро-Венгрія и сама не разъ пыталась наложить свою тяжелую руку на сербскій народъ, не разъ даже успѣвала въ этомъ. Подкупомъ и угрозами добиваясь своего вліянія какъ въ Черногоріи (уже со 2-й пол. XVIII в.), такъ особенно въ Сербіи (мало—при Карагеоргіи и Милошѣ, замѣтно—при Александрѣ Карагеоргіевичѣ), Австро-Венгрія уже съ конца XVII в. стремилась къ захвату земель современной Сербіи, тогда еще турецкихъ: арміи имп. Леопольда I Габсбурга въ концѣ XVII в. совершали захватные походы въ эти земли, имп. Карлъ VI въ 1718—39 г.г. владѣлъ частями Сербіи, Іосифъ II велъ войну съ Турціей для захвата сербскихъ земель. Въ XIX вѣкѣ Австро-Венгрія готовилась овладѣть Сербіей Карагеоргія подъ предлогомъ прекращенія смуты въ этой пограничной части Турціи. Въ этомъ же смыслѣ хотѣла она использовать моменты внутреннихъ сербскихъ смутъ: борьбу кн. Милоша и Михаила съ недовольными ихъ режимомъ слоями сербскаго общества въ концѣ 1830-нач. 1840 г.г., революцію противъ Александра Карагеоргіевича въ 1858 г., народное возстаніе 1883 г. противъ кор. Милана, побѣдоносное движеніе болгарской арміи въ предѣлы Сербіи того же Милана въ 1885 г., попытки кор. Александра Обреновича освободиться отъ отца, Милана, въ 1890 г.г., низверженіе династіи Обреновичей въ 1903 г. Позднѣе Австро-Венгрія не разъ грозила войной Сербіи и Черногоріи за неисполненіе ея воли, за территоріальные успѣхи сербства на счетъ Турціи. Свои угрозы 1908 г. (время аннексіи Босніи и Герцеговины) и 1912—13 г.г. (завоеваніе Сербіей и Черногоріей Санджака, Старой Сербіи и с. Албаніи съ г. Скадромъ, успѣхи въ войнѣ съ Болгаріей) Австро-Венгрія завершила въ іюлѣ 1914 г.

своей „карательной экспедиціей“ противъ Сербіи, чѣмъ и зажгла пожаръ Великой войны. Интересъ самосохраненія побуждаетъ теперь Сербію съ Черногоріей стремиться къ территоріальному ослабленію противника и усиленію себя за его счетъ, къ участію въ дѣлѣ уничтоженія Австро-Венгріи путемъ завоеванія ближайшихъ къ Сербіи и Черногоріи провинцій монархіи Габсбурговъ, именно: Босніи съ Герцеговиной (condominium Австріи и Венгріи), южныхъ комитатовъ (губерній) Венгріи, Хорватіи со Славоніей, Далмаціи, Приморья (Истріи, Горицы съ Градишкой), частей Штиріи и Каринтіи, всей Крайны. Свободное нынѣ сербство Сербіи и Черногоріи, располагающее на своей территоріи, около 80 тыс. кв. килом., населеніемъ около 5 милл. человѣкъ, увеличивъ свою землю новыми 120 тыс. кв. килом., а свое населеніе—новыми 7—7½ милл. чел. (6—6½ милл. сербо-хорватовъ и 1½ м. словинцевъ), станетъ, наконецъ, „Великой Сербіей“, силой, которая не будетъ уже бояться за свое существованіе передъ лицомъ своихъ сосѣдей.

* * *

Великая Россія, стремясь увеличиться послѣ войны за счетъ Австро-Венгріи, желаетъ довершить дѣло освобожденія и объединенія русскаго народа, т. е. освободить изъ-подъ нѣмецко-мадьярскаго ига и возсоединить съ остальной 115 милліонной Русью и Русь Червоную, Галицкую, Буковинскую и Угорскую, въ составѣ 6 милл. чел. Добиваясь побѣды надъ Германіей и Турціей, Россія хочетъ получить свободу выхода изъ Балтійскаго моря и изъ моря Чернаго (черезъ русскіе, послѣ войны, проливы и Царьградъ), выбиться изъ положенія государства, почти совсѣмъ отрѣзаннаго отъ вольныхъ морей и океановъ и связаннаго въ своемъ міровомъ товарообмѣнѣ.

Столь же—если не болѣе еще—насущные интересы свободнаго сербства связаны и съ созданіемъ Великой Сербіи.

Свободное сербство Сербіи и Черногоріи даже послѣ блестящихъ побѣдъ 1912—14 г.г. составляетъ всего лишь ²/₅ всего сербскаго (сербо-хорватскаго) народа, т. е. около 4—4½ милл. чел. Въ Великой Сербіи объединятся и остальные ³/₅ этого народа, т. е. около 6—6½ милл. чел., живущихъ

въ Босніи и Герцеговинѣ (около 1.850.000 чел.), въ Далмаціи (болѣе 600 тыс. чел.), въ Истріи (около 180 тыс. чел.), въ Хорватіи со Славоніей (около 3 милл. чел.) и собственно Венгріи (около 700 тыс. чел.). Срастаніе разсѣченныхъ частей живого тѣла сербскаго народа въ одинъ національный организмъ, вытекающая отсюда, грядущая полнота и цѣлостность проявленій національной жизни безъ внѣшнихъ препятствій, единство жизни народа съ использованіемъ вѣками раздѣльной жизни накопленныхъ положительныхъ чертъ мѣстнаго разнообразія, выходъ изъ несчастнаго положенія, характернаго нынѣ въ Европѣ только для славянскихъ народовъ— вотъ внутренній смыслъ идеи Великой Сербіи.

Великая Сербія откроетъ нынѣшней Сербіи—а черезъ нее и всему сербству—возможность свободной экономической жизни, спасетъ сербскій народъ отъ разоренія, ибо выведетъ его къ свободному морю. Сербія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше задыхалась въ тискахъ своихъ таможенныхъ границъ. Съ самаго своего возникновенія, въ началѣ XIX в., до настоящаго дня Сербія въ своемъ заграничномъ вывозѣ и ввозѣ товаровъ рабски зависѣла отъ Австро-Венгріи. Вывозъ Сербіи— сельско-хозяйственное сырье,—ненужный окружавшимъ ее странамъ одинаковаго хозяйственнаго уклада, т. е. Турціи, Болгаріи, могъ направляться только въ Австро-Венгрію, или— черезъ Австро-Венгрію же—въ другія страны центральной и Зап. Европы; ввозъ Сербіи—продукты промышленности и колоніальные товары—могъ идти или изъ Австро-Венгріи или—черезъ нее же—изъ другихъ зап. государствъ. Обойти австро-венгерское посредничество для Сербіи было невозможно, а оно приводило къ произволу Австро-Венгріи надъ Сербіей въ области таможенныхъ и желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, въ расцѣнкѣ и самомъ контингентѣ товаровъ, къ давленію монархіи Габсбурговъ черезъ экономическія отношенія не только на всю внѣшнюю, но даже и на внутреннюю политику Сербіи.

Опытъ таможенной войны Сербіи съ Австріей въ 1906—10 гг., проведенный съ помощью предоставленныхъ Сербіи Болгаріей и Турціей путей къ морямъ Черному (Варна и Бургасъ) и Эгейскому (Солунь), не ослабилъ въ Сербіи ни необходимости считаться съ Австріей, ни желанія освободиться отъ

этой необходимости. Продиктованная, между прочимъ, желаніемъ найти свободу выхода къ Адріатическому морю черезъ Албанію война Сербіи, въ союзѣ съ Болгаріей, противъ Турціи въ 1912—13 г., къ несчастью, не дала Сербіи желанной свободы: вынужденная, по требованію Австріи, уйти изъ сѣв. Албаніи, Сербія не нашла выхода къ морю даже и черезъ Черногорію въ силу затрудненій какъ финансоваго (дороговизна постройки ж. дороги), такъ и чисто физическаго характера (горы Черногоріи и бывшаго тур. Санджака). Но и территоріальное и политическое сближеніе Сербіи съ Греціей, купленное цѣной разрыва политическаго союза съ Болгаріей и войны съ нею въ 1913 г., открывъ Сербіи путь къ Солуню, не устранило все же нужды въ путяхъ къ Адріатикѣ. Только Великая Сербія дастъ Сербіи экономическую свободу: гавани Далмаціи, особенно Дубровникъ, и австрійскаго Приморья, особенно Тріестъ, вмѣстѣ съ жел. дорогами, которыя уже ведутъ или еще поведутъ къ нимъ, откроютъ Сербіи и всему сербству вольное Синее (Адріатическое) море.

Передъ правами Сербіи и сербства на силу, единство и свободу должны умолкнуть притязанія и протесты не только нѣмцевъ и мадьяръ, но и итальянцевъ. Вѣдь,—даже по „австрійской статистикѣ“—итальянцевъ въ Далмаціи всего 18 тыс. чел. (2,8%), итальянцевъ же и „итальянашей“ въ цѣлой Истріи только 147 т. (38,1%), а въ Горицѣ съ Градишкой 90 т. (36%), причемъ въ чисто славянскихъ частяхъ обѣихъ этихъ провинцій число ихъ достигаетъ всего лишь нѣсколькихъ тысячъ [1]); въ Тріестѣ ихъ, правда, около 119 тыс. чел. (62,3%), но и здѣсь они постепенно убываютъ (въ 1880 г.—73,7%), по мѣрѣ того, какъ въ Тріестѣ растетъ словинское населеніе путемъ прилива изъ чисто словинскихъ окрестностей города и изъ другихъ словинскихъ областей, по мѣрѣ сбрасыванія съ себя старымъ населеніемъ города покрова внѣшняго итальянизма („итальянаши“). Экономическіе интересы Италіи существенно не будутъ затронуты Великой Сербіей: выходъ изъ

[1]) Не только на нѣмецкихъ и итальянскихъ, но и на славянскихъ (проф. Флоринскаго и проф. Нидерле) этнографическихъ картахъ населеніе итальянское въ Истріи показано неправильно-преувеличенно: итальянскаго сельскаго населенія внутри страны нѣтъ; оно живетъ только въ прибрежныхъ городахъ.

Адріатики (Отранто), благодаря г. Валлонѣ въ Албаніи, останется въ рукахъ Италіи, а Великая Сербія, по своимъ реальнымъ силамъ, не сможетъ угрожать ни военно-морскому могуществу, ни экономическому преобладанію Италіи. Напротивъ, благодаря своимъ капиталамъ, судоходству, вѣковой торговой традиціи на вост. берегахъ Адріатическаго моря, Италія должна будетъ извлекать громадную выгоду отъ выхода сербства къ Адріатикѣ и въ вывозѣ (сырье) и во ввозѣ (фабрикаты) Великой Сербіи. Тріестъ въ рукахъ Италіи, но при наличности не-итальянскаго тыла, не можетъ не утратить своего коммерческаго значенія, подобно даже Солуню въ рукахъ Греціи, но безъ нужды въ немъ для Сербіи, и только потребуетъ громаднаго напряженія военныхъ силъ Италіи для сохраненія его въ итальянскихъ рукахъ подъ напоромъ Великой Сербіи.

* * *

Совершенно очевидно, что завершеніе кладки зданія Великой Россіи несравненно менѣе необходимо, менѣе безысходно нужно для современной Россіи, ея жизни и развитія, чѣмъ построеніе—вновь и впервые—Великой Сербіи для современныхъ Сербіи и Черногоріи. Россія можетъ существовать и безъ австро-венгерской Руси; она ведетъ борьбу за освобожденіе и объединеніе съ собой этой Руси, прежде и болѣе всего, ради этой послѣдней. Державная Россія не могла далѣе ждать съ этимъ дѣломъ, ибо она видѣла, что эта Русь, подъ воздѣйствіемъ германизующей и мадьяризующей работы австро-венгерскаго правительства, сѣянія ими распрей какъ среди самой Руси, такъ и въ отношеніяхъ ея къ полякамъ и румынамъ, гибнетъ физически и духовно, вымираетъ и разбѣгается въ эмиграціи, частично теряетъ сознаніе своихъ связей съ Россіей и важности ихъ для себя.

Сербія тѣмъ болѣе не можетъ откладывать дѣло освобожденія и объединенія сербства: слишкомъ угрожающе разоряютъ Вѣна и Буда-Пештъ своихъ сербо-хорватскихъ подданныхъ, лишающихся земли и заработка, бѣгущихъ отъ нужды въ Америку, кое-гдѣ уже вымирающихъ; слишкомъ откровенно держатъ они сербство въ духовномъ мракѣ, лишаютъ его просвѣщенія; слишкомъ грубо давятъ его политическія

права; слишкомъ цинично возбуждаютъ ненависть между сербами и хорватами, православными, католиками и магометанами, сѣютъ распри между сербо-хорватами и итальянцами, проводя свою вѣковую политику „divide et impera"... Изъ длиннаго мартиролога сербо-хорватскаго народа подъ властью Австро-Венгріи можно привести здѣсь лишь самое существенное, вопіющее.

Всѣ сербо-хорватскія земли монархіи Габсбурговъ пребываютъ въ состояніи крайней бѣдности, не смотря на свой благословенный климатъ (кромѣ с.-западныхъ частей Хорватіи), богатства растительнаго міра (подъ лѣсомъ—50% всей территоріи Босніи, 35%—Хорватіи со Славоніей, 30%—Далмаціи), обиліе водъ, угля и минераловъ (Хорватія, Боснія). Все это земли исключительно земледѣльческія, почти совсѣмъ лишенныя индустріи. Но и сельское хозяйство стоитъ на самой низкой ступени развитія. Государство почти ничего не дѣлаетъ для подъема земледѣлія. Болота и заболоченныя озера въ Далмаціи и Хорватіи почти совсѣмъ не обсушены, разливы горныхъ рѣкъ Хорватіи со Славоніей и Босніи едва регулируются, орошеніе безводныхъ пространствъ въ с.-зап. Хорватіи, Далмаціи и Герцеговинѣ едва начато. Оттого изъ 95% культурной земли въ Хорватіи—только 35% подъ пашнями и 1% подъ виноградниками, изъ 98% такой же земли въ Далмаціи—только 14% подъ пашнями и лугами и 6% подъ виноградниками; изъ 98% культурной земли въ Босніи—только 25% подъ пашнями и виноградниками; оттого пастбища въ Далмаціи составляютъ 47% всей земли, въ Хорватіи—вмѣстѣ съ лугами—до 24%, въ Босніи—до 23% всей земли. Государственная власть въ сербо-хорватскихъ земляхъ почти ничего не дѣлаетъ для сельско-хозяйственнаго образованія населенія, для подъема сельско-хозяйственной культуры съ помощью усовершенствованныхъ орудій труда, улучшенныхъ породъ сѣмянъ, скота и почти не помогаетъ сельско-хозяйственной кооперации самого населенія, такъ называемымъ „задругамъ", даже въ области кредита. При такихъ условіяхъ особенно печально сказывается характерное для сербо-хорватскихъ земель распредѣленіе земельной собственности: развитіе крупной собственности за счетъ мелкой и крайная раздробленность мелкой, крестьянской собственности. Напримѣръ, въ Хор-

ватіи со Славоніей 26,1% земли относится къ крупной собственности (участки болѣе 100 гект.), распредѣленной всего между 589 хозяйствами (около 1% всѣхъ хозяйствъ). Въ то же время здѣсь 91,5% всѣхъ хозяйствъ (около 400 тыс.) владѣютъ лишь 50% всей земли. О степени мелкоты этихъ хозяйствъ говоритъ слѣдующее: 13,2% хозяйствъ не достигаютъ и 1/2 гектара, 31% хозяйствъ не превышаетъ 2 1/2 гект. Такимъ образомъ, болѣе 44% хозяйствъ не могутъ дать средствъ къ жизни ихъ собственникамъ-крестьянамъ, и лишь 47,3% хозяйствъ (до 10 гект.) обезпечиваютъ существованіе ихъ собственникамъ. При оцѣнкѣ этихъ цифръ слѣдуетъ помнить, что въ Хорватіи со Славоніей очень многія хозяйства должны прокармливать не простую, а сложную семью—„задругу". Лишь 16,8% хозяйствъ относятся къ категоріи среднихъ (10—100 гект.). Крестьянское малоземелье характерно и для Босніи съ Герцеговиной и Далмаціи, для послѣдней—особенно. Но въ этихъ земляхъ развито и другое, еще горьшее зло—безземельное крестьянство. Если и въ Далмаціи не рѣдки крестьяне-арендаторы чужой земли, то въ Босніи болѣе 1/2 крестьянъ — такъ называемые, кметы—работаетъ на чужой землѣ, у помѣщиковъ-мусульманъ, беговъ. За десятилѣтія своей оккупаціи Австро-Венгрія не разрѣшила здѣсь аграрнаго вопроса, не провела надѣленія кметовъ землей: по даннымъ переписи 1910 г., при почти 15 тыс. помѣщиковъ (12 1/2 т. мусульмане), изъ 280 тыс. крестьянъ-хозяевъ 2/5 (112 т.) сидѣли на чужой землѣ, платя за пользованіе ею около 1/3 своихъ сборовъ. Изъ этихъ безземельныхъ около 70 т. были православные и 23 т.—католики...

Ничтожная промышленность сербо-хорватскихъ земель не можетъ развиваться и давать вспомогательный заработокъ населенію, которое съ трудомъ кормится земледѣліемъ: мѣстныхъ денежныхъ капиталовъ не имѣется, а чужіе капиталы не идутъ сюда, ибо враждебныя населенію правительства направляютъ эти капиталы и вкладываютъ государственныя средства въ областяхъ нѣмецкихъ (Австрія) и мадьярскихъ (Венгрія) по населенію. Пути сообщенія, особенно жел. дороги, почти совсѣмъ не строятся въ сербо-хорватскихъ земляхъ Австро-Венгріи, а если и строятся, то почти исключительно стратегическія и узкоколейныя (Боснія). Жел.-дорожная сѣть

Хорватіи со Славоніей лишь въ 2100 клм., т. е. 1клм. на 22½ кв. клм., Босніи—1670 клм., т. е. 1 клм. на 30½ кв. клм., Далмаціи—230 клм., т. е. 1 клм. на 55½ кв. клм. Тарифы назначены такимъ образомъ, чтобы вывозъ изъ Босніи съ Герцеговиной, изъ Хорватіи со Славоніей не могъ конкуррировать съ вывозомъ изъ коренной Венгріи, а ввозъ концентрировался въ Буда-Пештѣ. Ради этой цѣли не допускается почти совсѣмъ ж.-дорожное сообщеніе Босніи и Герцеговины съ Далмаціей, задерживаются пароходныя сообщенія Далмаціи съ остальной Австріей и заграницей: если даже Тріестъ долженъ уступать венг. Рѣкѣ (Фіуме), то тѣмъ болѣе обязаны считаться съ ней далматинскіе Дубровникъ, Сплѣтъ, Задръ. Вывозъ далматинскаго вина, хорватско-славонскихъ и боснійскихъ кукурузы и пшеницы, скота, сливы долженъ посторониться передъ вывозомъ тѣхъ же товаровъ изъ Венгріи; только казенные лѣса Босніи безжалостно вырубаются и вывозятся правительствомъ, при содѣйствіи спекулянтовъ, ибо нѣтъ конкуррента, венгерскаго лѣса.

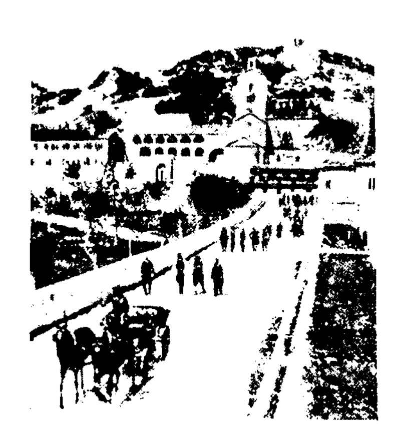
Сербо-хорватскія земли Австріи не могутъ найти средствъ для подъема своего экономическаго быта въ предѣлахъ мѣстныхъ, земскихъ финансовъ. Съ большимъ трудомъ собираемый съ бѣднаго населенія годичный доходъ Босніи въ 80—100 мил. кр. идетъ на содержаніе административной машины края. Автономная Хорватія не имѣетъ своихъ автономныхъ финансовъ и съ большимъ трудомъ обслуживаетъ свою администрацію, судъ и просвѣщеніе, получая, такъ наз., „тангенту“ т. е. отпускаемые Венгріей 44% всѣхъ доходовъ Хорватіи, невѣрно высчитываемыхъ собирающею ихъ Венгріей въ размѣрѣ около 70 мил. кр. въ годъ, и отдавая 56% ихъ на покрытіе, такъ наз., „квоты“ Хорватіи, т. е. 8,12% всѣхъ, тоже невѣрно разсчитываемыхъ, общихъ у нея съ Венгріей расходовъ. Автономный бюджетъ бѣдной Далмаціи не достигаетъ и 5 мил. кр. въ годъ, уступая даже истрійскому, въ 7 мил. кр., хотя населеніе послѣдней почти въ 2 раза малочисленнѣе...

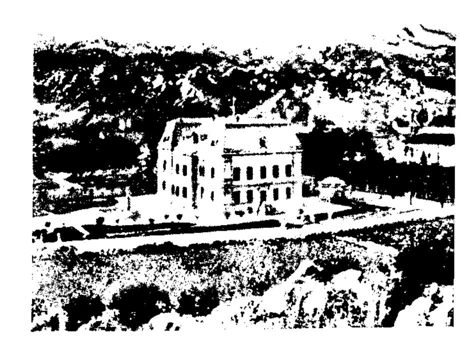
Бѣдное и разоряемое сербство Австро-Венгріи уже обнаруживаетъ задержку въ своемъ ростѣ. Въ Австріи сербохорваты въ 1880—1890 г. обнаружили годичное возрастаніе въ 1,44%; но за 1900—10 г.г. этотъ годичный ростъ былъ уже всего около 1%; въ Венгріи за 1900—10 г.г. хорваты обна-

ружили годичный приростъ всего лишь въ 0,9%, а сербы—даже только въ 0,5%... Изъ отдѣльныхъ земель за тотъ же періодъ лишь въ Истріи сербо-хорваты возрастали ежегодно на 1,7%, хотя и здѣсь, въ чисто сербо-хорватской (не „итальянской") части, ростъ населенія не достигалъ 1% въ годъ; въ Далмаціи этотъ ростъ былъ въ 0,8%, въ Хорватіи со Славоніей—0,8% (въ 1880—90 г.г.—еще 1,5%), даже въ Босніи — только 1,4% (сильнѣе растутъ католики, за ними идутъ православные, наконецъ—мусульмане). Падаетъ процентное отношеніе сербо-хорватскаго населенія отдѣльныхъ земель къ инородному ихъ населенію: въ Далмаціи за 1900—1910 г. это отношеніе упало съ 96,6% до 96,1%, въ Хорватіи со Славоніей—съ 87,2% до 87,1%; только въ Истріи оно поднялось съ 42,5% до 43,5%. Сербо-хорватское населеніе оставляетъ свою землю и уходитъ въ эмиграцію, главнымъ образомъ, въ Америку: за 1900—1910 г.г. вселилось сюда до 345 тыс. сербо-хорватовъ со словинцами, т. е. около 5% всѣхъ сербо-хорватовъ и словинцевъ Австро-Венгріи, напримѣръ, изъ одной только Хорватіи за это время выселилось 119 т. чел. Число живущихъ въ Америкѣ сербо-хорватовъ изъ Австро Венгріи опредѣляется въ 1/2 мил. человѣкъ.

Остающееся на родинѣ населеніе, страдая отъ нужды, въ то же время страдаетъ отъ недостатка образованія, просвѣщенія. Шесть милліоновъ сербо-хорватовъ Австро-Венгріи имѣютъ только одну высшую школу, университетъ, въ Загребѣ (Хорватія), при томъ безъ медицинскаго факультета, слабо оборудованный, не дающій правъ въ Австріи. Такимъ образомъ, для полученія высшаго медицинскаго и техническаго образованія сербо-хорваты Австро-Венгріи обязаны поступать въ нѣмецкія либо мадьярскія высшія школы; сербо-хорваты Истріи и Далмаціи должны поступать только въ нѣмецкія высшія школы, чтобы получить хотя-бы какое-нибудь образованіе: Загребскій университетъ доступенъ только для сербо-хорватовъ Венгріи и Босніи. Весь сербо-хорватскій народъ имѣетъ одно высшее учебное учрежденіе—Загребскую, „Югославянскую" Академію Наукъ, со скромнымъ бюджетомъ около 65 т. кронъ. Печально стоитъ дѣло и въ области средняго образованія: всѣхъ общеобразовательныхъ среднихъ сербо-хорватскихъ школъ (гимназій и реальныхъ школъ) въ

Сербія. Призренъ.





Черногорія. Цетинье. 1. Видъ на монастырь и могилу владыки Даніила
2. Русское посольство.

избирательныхъ беззаконій въ Венгріи почти лишены возможности проводить своихъ представителей въ парламентъ. Хорватія со Славоніей, высылая въ венгерскій парламентъ всего лишь 43 делегатовъ своего сейма, не можетъ съ успѣхомъ защищать свои интересы ни въ венгерскомъ парламентѣ, ни въ делегаціяхъ. Сербо-хорваты въ Австріи (Далмація и Истрія) могутъ избирать не болѣе, какъ по 1 депутату парламента на 65 тыс. избирателей, въ то время какъ 1 нѣмецкій приходится на 39 т. жит.; 12-13 сербо-хорватскихъ депутатовъ изъ Истріи (3) и Далмаціи (9-10) мало могутъ значить въ вѣнскомъ парламентѣ при защитѣ правъ народа хотя-бы противъ итальянскихъ своихъ земляковъ, имѣющихъ своихъ 4—5 представителей въ парламентѣ, хотя итальянцы въ Далмаціи, напримѣръ, составляютъ только 2,8% населенія. Разумѣется, при безсиліи сербо-хорватскаго представительства въ парламентахъ Вѣны и Будапешта, центральная и мѣстная государственная исполнительная власть мало считается какъ съ сербо-хорватскимъ представительствомъ, такъ и съ народомъ. Это чувствуется тѣмъ больнѣе, что государственная централизація оставляетъ слишкомъ мало простора для дѣйствія автономныхъ учрежденій. Сербо-хорваты въ собственной Венгріи совсѣмъ не имѣютъ такихъ учрежденій, если не считать церковно-школьной автономіи сербовъ карловицкой патріархіи, сильно вообще стѣсненной, а въ 1912 г. и совсѣмъ пріостановленной въ своемъ дѣйствіи. Сербская политическая автономія въ Босніи находитъ сильное ограниченіе въ полномочіяхъ управляющаго страной общеимперскаго министра финансовъ. Далмація и Истрія живутъ въ условіяхъ той общеавстрійской провинціальной автономіи, которая лишена элементовъ хотя-бы фрагментарной государственности. Даже автономія Хорватіи очень ограничена, простираясь лишь на дѣла административныя, судебныя и школьно-церковныя и въ этихъ областяхъ сильно завися отъ общевенгерской государственности, время отъ времени подвергаясь полной отмѣнѣ и уступая мѣсто режиму императорско-королевскаго коммиссара... Сама организація провинціальнаго представительства вездѣ отмѣчена чертами отсталости. Сеймы Босніи и Хорватіи сильно заполнены элементами, независимыми отъ воли народа, связанными съ нѣмецко-мадьярской государственностью: изъ

92 членовъ боснійскаго сейма 20 — „вирилисты“, духовные и свѣтскіе бюрократы; въ хорватскомъ сеймѣ, наряду съ 90 избираемыми депутатами, засѣдаетъ еще и 1/2 этого количества членовъ въ видѣ „вирилистовъ“, т.-е. свѣтскихъ и духовныхъ бюрократовъ и представителей аристократическихъ родовъ. Что касается избираемыхъ членовъ сеймовъ сербо-хорватскихъ областей монархіи, то они, за исключеніемъ Хорватіи, являются представителями сословно-классовыхъ „интересовъ“ населенія и потому избираются по „куріямъ“, съ преобладаніемъ классовъ владѣльческихъ: изъ 43 депутатовъ въ Далмаціи 10 избираются плательщиками большихъ налоговъ, 8—городами, 3—торгово-промышленными палатами и 20—сельскими общинами; изъ 72 депутатовъ въ Босніи 18 представительствуютъ курію крупныхъ землевладѣльцевъ, крупныхъ плательщиковъ налога и интеллигенціи, 20—городскую курію и 34—курію сельскихъ общинъ. Въ Босніи по каждой куріи проведено еще и нигдѣ, кажется, въ мірѣ не существующее представительство религіозныхъ интересовъ... По всѣмъ куріямъ для пользованія избирательнымъ правомъ вездѣ (даже и въ Хорватіи) требуется довольно высокій цензъ; поэтому, напримѣръ, въ Хорватіи только ок. 7% населенія, т.-е. 190 тыс. чел., пользуется избирательнымъ правомъ. Голосованіе почти вездѣ явное, несовмѣстное съ политической свободой...

Недовольствуясь всѣми этими способами подавленія жизненной энергіи сербо-хорватскаго населенія, правительства Австріи и Венгріи ослабляютъ силу его отпора разжиганіемъ національныхъ страстей между нимъ и искусственно усиливаемыми и поощряемыми чужими ему національными элементами. До сихъ поръ еще въ Истріи и до самаго послѣдняго времени въ Далмаціи правительство всячески усиливало и поддерживало итальянцевъ противъ сербовъ. До сихъ поръ еще въ Истріи итальянцамъ предоставлено въ сеймѣ 26 мѣстъ, а въ земскомъ комитетѣ 3 мѣста, въ то время какъ сербохорватское и славянское большинство (вмѣстѣ) располагаетъ 18 мѣстами въ первомъ и 2 — во второмъ. Даже въ Далмаціи изъ 43 сеймовыхъ мандатовъ ничтожное итальянское меньшинство населенія располагаетъ 6 и требуетъ еще 1. Только въ 1909 г. далматинскіе сербо-хорваты

добились полноты правъ своего языка въ органахъ администраціи и суда и вытѣснили итальянскій языкъ изъ положенія оффиціальнаго правительственнаго языка; въ Истріи же сербо-хорватскій языкъ, подобно словинскому, долженъ, въ лучшемъ случаѣ, довольствоваться равноправіемъ съ языками итальянскимъ и нѣмецкимъ. Въ Хорватіи и Босніи, правда, элементы не сербо-хорватскіе столь еще слабы количественно, что не могутъ и думать о какомъ-либо привилегированномъ положеніи въ сеймовомъ представительствѣ и въ области языковаго права, хотя и въ той, и въ другой землѣ не прекращаются правительственныя попытки усвоить мадьярищинѣ нѣкоторое значеніе, какъ государственному языку. Зато правительство всячески старается повсюду усилить чуждую и враждебную сербо-хорватамъ иммиграцію. Въ Хорватіи нѣмцы уже составляютъ болѣе 5% населенія, а мадьяры—4%. Судя по переписи 1910 г., за время австро-венгерскаго владычества въ Босніи обосновалось до 60 тыс. чел.—чужаковъ для мѣстнаго населенія: среди нихъ нѣмцевъ—23 тыс. чел. (1.2% всего населенія), поляковъ—11 тыс., чеховъ—7 тыс., малороссовъ-уніатовъ—7½ т., мадьяръ—6½ т. чел. Благодаря иммиграціи, даже въ Истріи за 1880—1910 гг. число нѣмцевъ поднялось съ 4779 чел. до 12,735 чел., т. е. увеличилось на 166%! (въ 1880 г. нѣмцы въ Истріи составляли 1,6% всего населенія, а въ 1910 г.—уже 3,3%). Разумѣется, все это не сербо-хорватское населеніе сербо-хорватскихъ областей, пользуясь покровительствомъ правительства, является врагомъ кореннаго населенія и—въ этомъ—союзникомъ правительства.

Но и этого мало: правительства вѣнское и будапештское всегда ухищрялись въ сѣяніи вражды между частями самого сербо-хорватскаго народа, усиливая въ немъ внутренніе антагонизмы, покровительствуя однимъ въ ущербъ другимъ, натравливая однихъ на другихъ. И въ Далмаціи, и въ Босніи власть всегда болѣе покровительствуетъ хорватамъ-католикамъ (въ Босніи—и мусульманамъ) и стѣсняетъ сербовъ-православныхъ, въ Хорватіи—иногда поддерживало сербовъ-православныхъ противъ хорватовъ-католиковъ. Отсюда получался тотъ результатъ, что до 1905 г. далматинскіе сербы рѣшительно сопротивлялись стремленіямъ хорватовъ къ

возсоединенію Далмаціи съ Хорватіей и соединялись противъ хорватовъ съ итальянцами, что сербы въ Хорватіи отказывались бороться за утвержденіе и расширеніе мѣстной автономіи и тѣмъ болѣе готовы были поддерживать мадьярскій централизмъ противъ всякихъ плановъ созданія изъ южно-славянскихъ элементовъ монархіи члена проектируемой хорватами и словинцами системы тріализма, что и боснійскіе сербы держались той-же политики, которую усвоили ихъ братья въ Хорватіи. Австрійское и венгерское правительства, поддерживая помѣщиковъ-землевладѣльцевъ въ Босніи и Далмаціи, возстановляетъ противъ нихъ крестьянскую массу, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, сѣетъ и раздоръ между мусульманами (помѣщиками Босніи) и христіанами, главнымъ образомъ, сербами (крестьянами). Правительство добивается того, что страстно разгораются несогласія между партіями сербскими въ Далмаціи, Хорватіи, Босніи и собственно Венгріи, между „радикалами", „либералами", „самостальцами" (независимыми), доходя до убійствъ вождей ихъ, между хорватскими партіями „народной" („мадьяроны"), „независимой", „правовой" (государственно-правовой), „чисто-правовой" и т. д. На фонѣ этой національно-политической дезорганизаціи сербо-хорватскаго народа понятными являются и такіе факты, какъ происшедшіе послѣ убійства эрцъ-герцога Франца-Фердинанда погромы сербскаго-православнаго населенія въ городахъ Босніи, въ которыхъ оно составляетъ меньшинство (менѣе 20%), организованными властью подонками мусульманскаго и хорватскаго-католическаго населенія, составляющаго въ городахъ большинство (первое—около 51%, второе—около 25%). Это взаимоистребленіе сербо-хорватскаго народа особенно побуждаетъ Сербію (съ Черногоріей) спѣшить съ дѣломъ освобожденія сербо-хорватскаго народа и объединенія его въ Великой Сербіи, какъ ни велики препятствія и затрудненія для этого дѣла въ самомъ состояніи освобождаемыхъ и объединяемыхъ.

* * *

Даже Великая Россія въ борьбѣ за освобожденіе и объединеніе съ собой австро-венгерской Руси встрѣчаетъ извѣстныя затрудненія въ состояніи этой Руси. Такими затрудненіями являются: особый, окраинный характеръ самой на-

родной массы этой Руси, Руси малорусской, въ своихъ этнографическихъ чертахъ и, прежде всего, въ языкѣ постепенно по мѣрѣ приближенія къ своимъ рубежамъ, сближающейся съ народностями польской и словацкой; наличность особой литературной и оффиціальной разновидности русскаго языка; отсутствіе или забвеніе традиціи государственнаго единства съ Русью державной; своеобразный соціально-экономическій укладъ, т.-е. рѣзко выраженный исключительно крестьянскій составъ народа, безъ крупно-земельнаго владѣльческаго (дворянскаго) класса и класса торгово-промышленнаго; особый строй религіозно-церковной жизни, т.-е. унія; культурно-литературный сепаратизмъ въ части интеллигенціи, т.-е. стремленіе создать „украинскую" духовную культуру, совершенно самостоятельную и особую сравнительно съ существующей въ Россіи общерусской культурой, наконецъ,—тоже въ части интеллигенціи—и сепаратизмъ политическій, т.-е. стремленіе, если не къ созданію „украинскаго" государства, то къ политической автономіи „Украйны" въ предѣлахъ общерусскаго государства [1]).

Передъ Сербіей стоятъ препятствія, аналогичныя, можетъ быть, тожественныя по природѣ, хотя и отличныя по своей силѣ.

По условіямъ географіи западной части Балканскаго полуострова, по пестротѣ историческихъ культурныхъ вліяній на населеніе этой части, сербо-хорватскій народъ въ тѣхъ территоріяхъ, на которыя Сербія заявляетъ свои права, отличается большимъ этнографическимъ разнообразіемъ, столь хорошо вскрытымъ сербскимъ ученымъ географомъ и этнографомъ, проф. Цвіичемъ, и его учениками. Въ Истріи и отчасти въ Далмаціи населеніе говоритъ на особомъ нарѣчіи сербскаго языка, т. наз., чакавскомъ, въ Истріи же и въ части Хорватіи на другомъ нарѣчіи того же языка, т. наз., кайкавскомъ, составляющемъ переходъ къ языку словинскому. Правда, значеніе этого факта умаляется тѣмъ, что въ литературѣ, школѣ, въ быту образованныхъ людей и въ государственныхъ учрежденіяхъ сербо-хорватскихъ областей Австро-Венгріи принятъ тотъ же самый литературный языкъ, который принятъ и въ Сербіи съ Черногоріей, въ основѣ кото-

[1]) См. *Н. В. Ястребовъ*, Галиція наканунѣ войны 1914 г. (1915).

раго лежитъ, такъ наз., штокавское нарѣчіе, т. е. нарѣчіе населенія не только Сербіи съ Черногоріей, но и всей Босніи, бо́льшихъ частей Хорватіи со Славоніей и Далмаціи, южныхъ комитатовъ собственно Венгріи.

Серьезнѣе затрудненія въ области религіозной. Не говоря уже о мусульманахъ Босніи (болѣе 600 тыс. человѣкъ), Великая Сербія имѣетъ включить въ свой составъ не только болѣе 2 мил. сербовъ-православныхъ, въ дополненіе къ 4 мил. сербовъ-православныхъ современныхъ Сербіи съ Черногоріей, но и около 3 мил. хорватовъ-католиковъ. Эти католики черезъ свое клерикальное — особенно высшее—духовенство тѣсно связаны съ папскимъ Римомъ и часто находятся въ антагонизмѣ съ сербами-православными. Этотъ антагонизмъ, поощряемый и католическимъ монашествомъ (особенно іезуитами, менѣе—францисканцами), менѣе замѣтенъ въ Истріи и Далмаціи, уже ярче—въ Хорватіи и воинствуетъ въ Босніи (архіеп. Штадлеръ), опираясь на поддержку вѣнскихъ клерикально-католическихъ, особенно придворныхъ, круговъ. Помимо этого, католическое духовенство среди хорватовъ играетъ очень важную общественно-политическую роль и имѣетъ почетное политическое положеніе, при томъ тянетъ симпатіями къ „апостолическому“ королю и императору Габсбургу, къ Вѣнѣ. Все это—элементы чуждые православной Сербіи, гдѣ духовенство и почти исчезнувшее монашество не играютъ почти никакой общественно-политической роли и не имѣютъ не только политическаго, но, пожалуй, и никакого другого вліянія, что̀ можно, въ общемъ, сказать и о духовенствѣ и монашествѣ православныхъ сербовъ Австро-Венгріи...

Въ связи съ религіозно-церковнымъ сепаратизмомъ части сербо-харватскаго народа въ Австро-Венгріи стоитъ и сепаратизмъ культурно-литературный, какъ одно изъ затрудненій для созданія Великой Сербіи. При всемъ единствѣ литературнаго сербо-хорватскаго языка, существуетъ хорватская литература, отдѣльная отъ сербской, имѣющая главнымъ центромъ Загребъ, второстепенными — Задръ и Сплѣтъ въ Далмаціи, Сараево—въ Босніи. Идейно коренясь въ общей литературѣ средневѣковаго латинскаго Запада и продолжая традицію, такъ назыв., дубровницкой (далматинской) литературы поздняго средневѣковья и новаго времени, хорватская

литература потомъ и до сей поры испытываетъ сильныя вліянія итальянскія, нѣмецкія и мадьярскія, а изъ славянскихъ—преимущественно чешскія и польскія, меньше—русскія, идейно и по содержанію связана съ мѣстнымъ бытомъ, что̀ сказывается и во внѣшней оболочкѣ литературы—въ латинской графикѣ (Л. Гая) и въ особомъ налетѣ языка, господствѣ, такъ наз., „екавщины", при сохраненіи кое-чего изъ того кайкавскаго нарѣчія, отъ котораго она отказалась въ 30 годахъ XIX в. Это все иныя черты, чѣмъ у литературы сербской, съ центромъ Бѣлградомъ и подъ-центрами Нов. Садомъ (Венгрія), Сараевомъ (Боснія), Цетиньемъ и Дубровникомъ, съ средневѣковой византійской традиціей, подкрѣпленной въ XVII—XVIII вв. традиціей русской, формально связавшей себя немного позднѣе съ традиціями Дубровника, — слабѣе, чѣмъ хорватская, — испытавшей вліяніе итальянское и мадьярское, сильно зато подчинившейся затѣмъ литературѣ нѣмецкой и французской, росшей и растущей почти подъ непрерывнымъ и сильнымъ вліяніемъ русской литературы и культуры, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе связывавшейся—и по содержанію, и дѣятелямъ, и потребителямъ—съ мѣстной сербской почвой, что̀ сказывается и въ правописаніи кирилловскомъ (реформированномъ В. Караджичемъ) и въ особенностяхъ языка, именно въ окраскѣ штокавщины элементами восточно-сербскаго (Сербія) „экавизма".

При созданіи Великой Сербіи приходится считаться, наконецъ, еще съ однимъ сепаратизмомъ, повидимому, болѣе серьезнымъ, политическимъ. Современная Сербія живетъ національно-политическими преданіями средневѣковой Сербіи, и Карагеоргіевичи, выступая объединителями всего сербства, считаютъ себя продолжателями дѣла Неманичей. Но большія части подъяремнаго нынѣ сербства не входили въ составъ этого стараго сербскаго государства. Боснія съ Герцеговиной, до самаго паденія подъ ударами турокъ (к. XV в.) составляли самостоятельное государство, соперничавшее съ Сербіей-Рашкой Неманичей. Что касается Далмаціи, то лишь небольшая, южная часть ея входила въ составъ старой Сербіи, въ то время какъ бо́льшая часть Далмаціи, послѣ паденія сувереннаго Хорватскаго государства въ нач. XII в., въ теченіе ряда вѣковъ была яблокомъ раздора между Венеціей

и Венгріей, съ нач. XV до к. XVIII вѣка находилась въ обладаніи Венеціи (отчасти—и Турціи), пока не была, вмѣстѣ съ Истріей, уступлена Австріи. Сербо-хорваты собственно Венгріи—довольно поздніе, эпохи турецкихъ завоеваній (до к. XVIII в.), переселенцы съ Балканскаго полуострова. Что касается Хорватіи со Славоніей, то она имѣетъ даже почти непрерывную традицію своей государственности—съ пол. IX в. суверенной, съ нач. XII в. уніальной съ Венгріей (сначала унія персональная, потомъ реальная, временами переходившая, впрочемъ, почти въ полную инкорпорацію въ составъ короны св. Стефана). Если Далмація съ Истріей, тѣмъ болѣе Боснія съ Герцеговиной, еще и не успѣли прочно сростись съ монархіей Габсбурговъ и свыкнуться съ самой этой династіей, то гораздо прочнѣе эти связи и привычки въ Хорватіи, которая уже съ нач. XVI в. добровольно признала власть Габсбурговъ, пережила вмѣстѣ съ ними вѣковую борьбу съ турецкимъ исламомъ, какъ „antemurale Christianitatis“. И простой народъ, и, тѣмъ болѣе, служилый классъ, дворяне-„племичи“, служившіе въ арміи, прониклись династическимъ чувствомъ. Часть крестьянства, именно въ сравнительно недавнихъ Военныхъ Границахъ, составляла наслѣдственное военное сословіе и поставляла Габсбургамъ своего рода „янычаръ“, съ XVII в. проливавшихъ свою кровь за клерикальные (30-лѣтняя война) и полицейско-государственные (въ Италіи) идеалы своихъ вождей; она питала признательность къ династіи и за оборону граничаровъ отъ крѣпостническихъ поползновеній на нихъ со стороны дворянства. Хорватское дворянство, особенно знать, связаны и своими соціально-политическими идеалами, и укладомъ жизни, и, наконецъ, родственными узами либо съ нѣмецкимъ, либо съ мадьярскимъ дворянствомъ Австро-Венгріи; они далеко еще не отвыкли отъ того руководящаго, привилегированнаго положенія, которое закрѣплено за ними въ странѣ и общественными нравами, и политическими учрежденіями. Для этого хорватско-славонскаго (по существу, отчасти нѣмецко-мадьярскаго) дворянства, какъ и для мусульманскаго дворянства Босніи представляется не только чуждой, но и враждебной государственность современной Сербіи, гдѣ дѣйствуетъ демократическая и парламентарная конституція 1888—1903 г.г., гдѣ

царитъ демократическій общественный строй, гдѣ только, напримѣръ, 83 лица владѣютъ земельными участками свыше 100 гект., а изъ нихъ только 3—собственники земли свыше 300 гект.

Не только хорватско-славонское и боснійское дворянство дорожатъ существующимъ у нихъ на родинѣ соціально-политическимъ status quo: порядкомъ этимъ, поскольку онъ обозначаетъ (главнымъ образомъ, въ Хорватіи) извѣстную политическую автономію и переживаніе старой государственности, дорожатъ и нѣкоторые недворянскіе круги, именно духовенство, служилая и неслужилая интеллигенція, участвующія въ политической жизни. Часть этихъ круговъ заворожена идеей „Великой Хорватіи", которая должна объединить, подъ властью Габсбурговъ, кромѣ Хорватіи со Славоніей, еще Далмацію, Боснію съ Герцеговиной, Истрію и словинскія земли. Одни изъ сторонниковъ идеи „Великой Хорватіи"—партійныя группы „франковцевъ" (лидеръ—Франкъ), „сельчанъ", „католиковъ", вербуемыя, гл. обр., изъ рядовъ духовенства—представляютъ себѣ эту „Великую Хорватію", какъ основаніе для перестройки австро-венгерскаго дуализма въ направленный противъ мадьяръ тріализмъ; другіе—партійныя группы „старчевичевцевъ" (лидеръ—М. Старчевичъ), „мадьяроновъ" (часть чиновничества и дворянства)—мыслятъ „Великую Хорватію", какъ союзницу мадьярской Венгріи. Но, какъ бы то ни было, идея „Великой Хорватіи" не только отрицаетъ идею „Великой Сербіи", но даже грозитъ бытію малыхъ Сербіи и Черногоріи, ибо включаетъ въ себя планъ расширенія Австро-Венгріи въ глубь Балканскаго полуострова, до г. Солуня, при поглощеніи всего, что̀ стоитъ на пути... Этой идеей „Великой Хорватіи" былъ чреватъ еще „иллиризмъ" 1830—40 г.г., по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ разновидностяхъ и представителяхъ; она выявилась въ первыя десятилѣтія 2-й пол. XIX в. въ публицистической и политической дѣятельности Ант. Старчевича, Кватерника, Дежелича, несмотря на противодѣйствіе такихъ людей, какъ еп. Штроссмайеръ и кан. Рачкій. Рѣчи о хорватахъ, какъ государственномъ народѣ, призванномъ сыграть выдающуюся роль въ рѣшеніи Восточнаго вопроса, о сербахъ, какъ полуславянскомъ „народѣ рабовъ" (будто-бы сербъ=servus), и т. п., на-

поминающія сужденія о русскихъ со стороны часть старой польской эмиграціи (Духиньскій и т. п.), звучали уже въ эту пору и только въ деталяхъ разрабатывались „эпигонами", въ родѣ М. Старчевича, Франка, въ 1880—1890 г.г., когда Сербія страдала отъ неудачъ своей внѣшней политики и внутренней неурядицы.

* * *

Но Сербія не остановится передъ этими препятствіями въ своемъ великомъ дѣлѣ, какъ не останавливается передъ препятствіями въ исполненіи своей освобождающей и объединяющей роли и Россія. Россія, съ одной стороны, знаетъ, что въ положеніи и настроеніяхъ австро-венгерской Руси она имѣетъ много такого, что̀ прямо облегчитъ ея задачу съ другой стороны, она увѣрена въ силѣ и благѣ своей государственности и культуры, которыя внутренне, своей значительностью, либо быстро удалятъ препятствія на пути, либо воспримутъ въ себя, безъ уничтоженія, нѣкоторыя особенности, своеобразія уклада жизни новыхъ частей Руси. То же слѣдуетъ сказать и о Сербіи.

Едва-ли можно считать серьезнымъ препятствіемъ для культурнаго, тѣмъ болѣе для политическаго объединенія сербскаго (сербо-хорватскаго) народа діалектическія различія языка. Нужно сказать, что, помимо слабости этого различія, населеніе различныхъ діалектовъ смѣшанно живетъ въ Истріи и Далмаціи, отчасти и въ Хорватіи. Далѣе, все же подавляющее большинство сербскаго населенія въ Австро-Венгріи говоритъ по-штокавски, т. е., именно такъ, какъ населеніе Сербіи-освободительницы. Наконецъ, благодаря тому, что въ основѣ литературнаго и оффиціальнаго сербо-хорватскаго языка лежитъ штокавщина, она-то и получила уже широкое распространеніе среди народной массы, говорящей по-чакавски и по-кайкавски, черезъ школы, газеты, популярную литературу; поэтому-то, всякій успѣхъ въ области народнаго образованія долженъ принести сербо-хорватскому литературному языку ту же побѣду, которая одержана и одерживается языками русскимъ, французскимъ, итальянскимъ, нѣмецкимъ надъ ихъ мѣстными нарѣчіями.

Серьезнѣе религіозные антагонизмы. Но, во первыхъ, православная Сербія найдетъ въ своихъ новыхъ земляхъ

значительное, не менѣе 2 милл. чел., православное населеніе (болѣе 800 т. въ Босніи, около 650 т. въ Хорватіи, около 450 т. въ соб. Венгріи, болѣе 100 т. въ Далмаціи). Во вторыхъ, и среди 3 милл. католиковъ Сербія встрѣтитъ элементы не только не враждебные, но и прямо ей дружественные. Прежде всего, среди католиковъ Далмаціи, Славоніи, Венгріи (Бачка, Банатъ) довольно много такихъ, которые считаютъ себя не хорватами, а сербами. Далѣе, у католиковъ-хорватовъ далеко не умерли еще преданія эпохи „иллиризма" и болѣе поздней поры „югославянства" (Штроссмайеръ, Рачкій), когда само католическое духовенство не было носителемъ ультрамонтанства и клерикализма, считало сербовъ православныхъ братьями хорватовъ, несмотря на церковное различіе. Національная струя въ католичествѣ хорватовъ нынѣ выражается въ интересномъ явленіи сохраненія—еще съ IX в.— славянскаго глаголическаго богослуженія въ рядѣ приходовъ эпархій Истріи, Хорватіи и Далмаціи, еще болѣе—въ привязанности къ этому богослуженію какъ въ народѣ, такъ и въ духовенствѣ, даже и высшемъ, что̀ обнаруживаетъ все ярче разгорающаяся борьба за это богослуженіе противъ ограничительныхъ мѣръ, Льва X и Пія X, кое гдѣ даже угрожающая Риму отпаденіемъ католиковъ-хорватовъ къ православію. Что не только народныя массы, но и образованные круги общества—духовенство и мірская интеллигенція— все болѣе и болѣе обнаруживаютъ симпатіи къ глаголическому движенію, ясно и изъ подъема интереса къ научному изученію глаголической письменности (изслѣдованія хорватскаго академика Мильчетича, работы „Старославянской Академіи" на о. Керкѣ, съ 1902 г.), Сербія уже оцѣнила значеніе вопроса о глаголическомъ богослуженіи для части своихъ новыхъ, послѣ войнъ 1912—13 г., подданныхъ и поставила его въ своихъ переговорахъ съ куріей о конкордатѣ. Конечно, Сербія развернетъ этотъ вопросъ въ грядущихъ своихъ пріобрѣтеніяхъ, опираясь на симпатію населенія и разсчитывая на политическую мудрость папскаго Рима, который еще съ IX в. привыкъ разрѣшать вопросъ о славянскомъ богослуженіи, примѣняясь къ обстоятельствамъ... Послѣ ликвидаціи Габсбургской династіи, Римъ не можетъ не разрѣшить глаголическаго обряда для католиковъ Великой Сербіи (ecclesiastica utilitas). Между

тѣмъ, католичество здѣсь не можетъ опасаться какихъ-либо преслѣдованій. Православная Сербія, ея народъ и правительство, отличаются большой вѣротерпимостью, которая является отчасти и преданіемъ Сербіи Неманичей, имѣвшей въ своихъ западныхъ (по Адріатикѣ) областяхъ многочисленное католическое населеніе. Конечно, православное сербство, вѣками борясь за „крст часни и слободу златну“ противъ наступающаго мусульманства и католичества, осталось вѣрно своему исповѣданію. Но уже со временъ своего культурнаго возрожденія въ к. XVIII—нач. XIX вв., съ Досиѳея Обрадовича, оно освобождалось отъ вѣроисповѣдной исключительности, привыкало считать сербо-хорватовъ-католиковъ своими братьями. Это настроеніе, прежде и болѣе всего, сказывалось въ сербской литературѣ, вызывая сочувственный откликъ и въ литературѣ хорватской, ослабляя культурно-литературный антагонизмъ среди двухъ частей единаго народа.

Уже сравнительно давно, въ 1830—40 г.г., въ эпоху хорватскаго „иллиризма“, усиліями хорватовъ-католиковъ Л. Гая, В. Бабукича, Мажуранича, Утѣшеновича, Вукотиновича и многихъ другихъ, была пробита брешь въ хорвато-сербскомъ литературно-культурномъ сепаратизмѣ. Хотя полное культурно-литературное объединеніе не удалось, хотя тогда на землѣ старыхъ, классическихъ, иллировъ и не сложился вполнѣ объединенный народъ новыхъ, славянскихъ „иллировъ“, все же были заложены основы для развитія этого единства: хорваты, отказавшись отъ родной кайкавщины, приняли сербскую штокавщину, какъ свой литературный и оффиціальный языкъ, несмотря на протесты узкихъ націоналистовъ и запоздавшія препятствія со стороны вѣнскаго правительства, которое получало предостереженія отъ своихъ вѣрныхъ „придворныхъ славистовъ“ (Копитаръ). Въ 1860—70 г.г., при Штроссмайерѣ и Рачкомъ, въ эпоху „югославянства“, основанныя въ Загребѣ „Югославянская“ Академія Наукъ и Университетъ были призваны продолжить дѣло культурно-научнаго единенія хорватовъ съ сербами. Правда, въ 1870—1890 г.г. дѣло этого культурнаго объединенія не только не подвинулось впередъ, но, казалось, совсѣмъ разстроилось. Но это была только временная задержка. Люди стараго поколѣнія среди хорватовъ, какъ то: Поточнякъ,

Мазура, Деренчинъ, Барчичъ, Смичикласъ и другіе—представители литературы, науки, публицистики и политики—продолжали борьбу за единеніе, не смущаясь выступленіями Старчевичей, Франка и др. Въ к. 1890-хъ гг. изъ рядовъ молодежи выходятъ новые и новые борцы за идею единенія съ сербами, которую распространяютъ ихъ журналы: „Narodna Misao“ и „Novo doba“. Въ 1900-хъ г.г. эта идея торжествуетъ новыя побѣды. Ей служатъ новый журналъ „Savremenik“, старыя учрежденія, какъ Загребская Академія Наукъ, Загребскій Университетъ и Хорватская Матица, съ 1909 г. издающая въ своей ежегодной серіи хорватскихъ книгъ и одну сербскую. Съ 1910 г. издается „Хрватско-српски алманах“, въ которомъ выступаютъ хорватскіе писатели вмѣстѣ съ сербскими. Въ Хорватіи все больше и больше читаются сербскія книги, ибо и въ школахъ, начиная съ низшихъ, ведется обученіе и сербской кириллицѣ, въ школьныхъ хрестоматіяхъ помѣщаются отрывки изъ сербской народной словесности и изъ литературы. Хорватскіе ученые, писатели, публицисты, художники стремятся поддерживать постоянное общеніе съ сербскими товарищами (писатели, отчасти и политики: Супило, Тресичъ-Павичичъ, Сандоръ-Дьяльскій, Иво Войновичъ, проф. Шурминъ, скульпторъ Мештровичъ и многіе другіе). За послѣднее время въ хорватской литературѣ поставленъ на очередь вопросъ о принятіи въ нее сербской (въ Сербіи) языковой „экавщины“ вмѣсто хорватской „екавщины“. Все это сближеніе съ сербами характеризуетъ хорватовъ не только въ Хорватіи и Славоніи, но и въ Далмаціи, Истріи, даже Босніи и Герцеговинѣ.

Хорватскія центростремительныя, въ сторону Сербіи, культурныя настроенія стоятъ въ связи и съ тѣмъ, что чисто сербская культурная и литературная жизнь внѣ предѣловъ Сербіи, сильно поднимаясь, обнаруживаетъ тоже замѣтное тяготѣніе къ своему естественному центру, Сербіи, съ ея столицей, Бѣлградомъ. За послѣднія $1^1/_2$ десятилѣтія оживилась работа „Сербской Матицы“ въ Венгріи (Новый Садъ), ея книгоиздательство и журналистика („Летопис“), поднялось культурное движеніе среди сербовъ Далмаціи (общества „Српска Зора“, „Матица Српска“ въ Дубровникѣ), Босніи (общество „Просвіета“, журналы „Босанска Вила“ и „Преглед“). Серб-

ская литература, особенно въ Сербіи, давно уже притягательнымъ образомъ дѣйствуетъ даже на сербовъ-католиковъ: еще въ 1-й пол. XIX в. въ ея ряды вступили католики-далматинцы: Ник. Томазео, М. Банъ, М. Пуцичъ; нынѣ съ честью работаютъ въ ней М. Царъ и И. Чипико. Для православныхъ же сербовъ Сербія съ ея литературой стала культурно-литературнымъ центромъ уже съ 1870 г.г., когда Бѣлградъ сталъ преемникомъ венг. Новаго Сада въ роли „Сербскихъ Аѳинъ“. Уже съ той поры православные сербы-писатели: Змай Іовановичъ, Лаз. Костичъ, С. Матавуль, С. Сремацъ переселяются въ Сербію для своей работы; и многіе изъ нынѣ дѣйствующихъ въ Сербіи писателей и ученыхъ—уроженцы сербскихъ, православныхъ, земель Австро-Венгріи. Особенно замѣчательно то, что даже сербы-мусульмане Босніи за послѣднее время стали давать изъ своей среды сербскихъ писателей.

Сербскіе литературные и научные круги, особенно въ Сербіи, охотно и съ терпимостью идутъ на встрѣчу этому объединительному движенію и изъ хорватской среды. Въ сербскихъ школахъ ведется обученіе латинской хорватской графикѣ, читаются хорватскіе авторы. Сербскіе писатели участвуютъ въ „Хорвато-сербскомъ альманахѣ“; „Сербская Книжевная Задруга“ въ Бѣлградѣ идетъ по тому же пути, что̀ Хорватская Матица. Сербскіе литераторы и ученые ищутъ общенія съ хорватскими и выставили много одушевленныхъ борцовъ за единеніе съ хорватами, какъ, напримѣръ, недавно умершаго бѣлгр. проф. Скерлича. Несомнѣнно, что, въ случаѣ политическаго объединенія сербо-хорватскаго народа, Сербія не посягнетъ на существованіе мѣстныхъ культурныхъ центровъ и учрежденій, прежде всего хорватскихъ: Убѣжденіе въ этомъ у хорватовъ—лучшій залогъ того, что хорватская интеллигенція приметъ радостно сербовъ-освободителей, тѣмъ болѣе, что освобожденіе сулитъ освобождаемымъ подъемъ культуры, просвѣщенія и литературы, спасая ихъ отъ нѣмецко-мадьярскаго, отчасти и итальянскаго культурнаго гнета, открывая возможность питанія соками культуры сербской, значительной не столько, можетъ быть, количественно, сколько качественно, именно своей свѣжестью, оригинальностью.

Правда, духовная культура Сербіи — это основаніе уже имѣющихся духовныхъ успѣховъ ея среди всего сербо-хорватскаго народа и залогъ духовнаго объединенія и силы сербства въ грядущей Великой Сербіи—доселѣ развивалась при крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Съ 1804 г., съ начала борьбы Сербіи за политическое бытіе, и до сего дня силы Сербіи, матеріальныя средства и люди, уходили, главнымъ образомъ, на борьбу за существованіе, т. е. или на войны (1804-15, 1876-8, 1885, 1912-15) или на приготовленія къ нимъ. Въ то же время Сербія, за все протекшее столѣтіе своего бытія напоминая, подобно старому Московскому государству, военный лагерь, окруженный врагами, должна была создавать въ этомъ лагерномъ государствѣ извѣстный политическій порядокъ. Дѣло государственнаго строительства, осложняемое династическими распрями и иностраннымъ вмѣшательствомъ, лишено было прочнаго экономическаго фундамента и, кромѣ того, велось своими средствами, почти безъ всякой посторонней помощи, если не считать помощи призываемыхъ на службу сербовъ же изъ Венгріи, которые едва-ли были хорошими строителями, или кое-какой русской поддержки. Въ этомъ случаѣ нельзя не отмѣтить невыгоднаго для Сербіи отличія ея отъ Болгаріи, которая строила свой государственный порядокъ въ условіяхъ мирнаго времени, широко пользуясь, особенно въ началѣ, русской помощью—русскими людьми, образцами и матеріальными средствами. Понятно, что сербское просвѣщеніе, духовная культура созидались очень длительно и трудно. Все же, чѣмъ далѣе, тѣмъ очевиднѣе становились успѣхи Сербіи и въ этой области. Передъ войной 1912 г. Сербія съ 2,900,000 чел. населенія имѣла ок. 1500 народныхъ школъ, т. е. 1 школу на 1933 человѣка и на 32 кв. клм., 20 гимназій (9 тыс. учащихся), а вмѣстѣ со спеціальными школами — 49 среднихъ учебныхъ заведеній, наконецъ университетъ (правда, безъ медицинскаго факультета) съ 1600 учащихся и 80 преподавателями. Хотя эта степень развитія школьнаго дѣла и не можетъ равняться съ тѣмъ, что̀ имѣютъ страны Зап. Европы, все же цифры, относящіяся къ Сербіи, должны бросить надлежащій свѣтъ на просвѣтительную политику въ сербо-хорватскихъ областяхъ Австро-Вен-

гріи, старой европейской великой державы... Сербія имѣетъ, кромѣ различныхъ просвѣтительныхъ обществъ, и свою Академію наукъ, прекрасно работающую при своихъ скромныхъ средствахъ (год. бюджетъ—окол. 30 т. фр.). Сербская наука въ Сербіи уже выдвинула, кромѣ многихъ рядовыхъ работниковъ, и очень выдающихся людей: въ области гуманитарныхъ наукъ—историка Новаковича (†), юриста Сл. Іовановича, въ области естествознанія—ботаника Панчича (†), европейски извѣстнаго географа Цвіича и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ области періодической печати въ началѣ 2-го десятилѣтія XX в. Сербія тоже обнаружила большіе успѣхи: 125 періодическихъ изданій ежегодно печатались въ 50 мил. экземпляровъ; популярныя книги расходились въ 30 тыс. экз.; тиражъ нѣкоторыхъ газетъ доходилъ до 15 тыс. экз., а народной газеты „Народне Новине“ (г. Докича)—до 32 тыс. экз.

Въ изящной литературѣ выдвинулись талантливые писатели (лирики и эпики)—какъ уже умершіе I. Иличъ, Сремацъ, Матавуль, Л. Костичъ, такъ и здравствующіе I. Дучичъ, И. Чипико и др., въ литературной исторіи и критикѣ—проф. I. Скерличъ (†) и др.—Сербская культура въ условіяхъ Великой Сербіи, поскольку можно ихъ предвидѣть, опираясь на мѣстныя культурныя данныя, на національную даровитость сербовъ, особенно сказавшуюся въ ихъ народной поэзіи,—этомъ предметѣ восхищенія такихъ людей, какъ Я. Гриммъ и Гёте,—на культурныя связи съ Россіей и Зап. Европой (Франція), можетъ дать значительныя цѣнности. Характернымъ, если не съ точки зрѣнія дѣйствительной возможности, то національнаго оптимизма и „дерзанія“ являются недавнія (1913 г.) слова „Прогласа“—„Комитета организаціи художественнаго дѣла Сербіи и южнаго славянства“: „Мы увѣрены, пишутъ собравшіеся сербо-хорватскіе художники, что теперь должны наступить національное усиленіе и возрожденіе южнаго славянства, прежде всего въ культурной области, особенно—въ искусствѣ... Бѣлградъ долженъ стать метрополіей южно-славянской художественной культуры... Южное славянство должно стать для современнаго человѣчества и славянской расы тѣмъ, чѣмъ былъ эллинскій міръ“.

Сербія имѣетъ основанія быть оптимистически настроенной и относительно возможности преодолѣть политическій сепаратизмъ въ дѣлѣ созданія Великой Сербіи.

Прежде всего, сербское, православное, населеніе Австро-Венгріи, помимо религіозной близости къ Сербіи, имѣетъ несомнѣнное тяготѣніе къ политическому объединенію съ Сербіей во имя историческихъ преданій. Вѣдь, большая часть этого населенія—потомство бѣглецовъ („ускоки") отъ турецкаго ига (въ XV—XVIII вв.), нѣкогда проживавшихъ въ глубинѣ Балканскаго полуострова, въ предѣлахъ сербкаго царства Неманичей. Въ его памяти остались, благодаря народной пѣснѣ, подкрѣпленной и новѣйшей національной пропагандой, времена сербской свободы, воскресить которую стремится современная Сербія. Національныя упованія этой части сербства питались всей исторіей новой Сербіи, ея послѣдовательными національно-политическими успѣхами: созданіемъ сербскаго княжества въ 1804-15 гг., его расширеніемъ и международнымъ признаніемъ въ 1830-хъ гг., территоріальнымъ расширеніемъ въ 1878 г., особенно же — въ 1912-13 гг. Еще болѣе питались эти упованія неоднократными, хотя и безуспѣшными попытками или планами освобожденія Сербіей православнаго сербства, нынѣ еще входящаго въ составъ Австро-Венгріи: походами Карагеоргія въ сторону Босніи для ея освобожденія, планами кн. Михаила (1860 гг.) и попытками (1876-78 гг.) кн. Милана освободить Боснію изъ-подъ турецкой власти, помощью Александра Карагеоргіевича (1849 г.) сербскому движенію въ Венгріи противъ мадьяръ. Въ 1860 гг., при кн. Михаилѣ, и въ 1870 гг., при кн. Миланѣ, Сербія готовилась къ освобожденію Босніи, имѣя связи даже и среди мѣстныхъ сербовъ-мусульманъ.—Въ прошломъ католической Хорватіи тоже имѣются моменты большой политической близости съ сербами (хотя-бы и не Сербіи). Культурное хорвато-сербское сближеніе въ эпоху „иллиризма" принесло свои политическіе плоды во время австро-венгерской революціи 1848-49 гг., когда хорваты и сербы въ Хорватіи и Славоніи, какъ и въ остальной Венгріи, шли рука объ руку въ борьбѣ противъ мадьярскаго засилья, во главѣ съ обоими вождями, хорватскимъ баномъ Елачичемъ и сербскимъ карловицкимъ патріархомъ Раячи-

чемъ. Этотъ политическій союзъ повторился и въ 1860 гг., во время борьбы за національно-политическія права сербохорватскаго народа въ Венгріи, въ томъ числѣ и за „хорватско-венгерское соглашеніе", т. е. за автономію Хорватіи и за обезпеченіе сербской церковной автономіи въ Венгріи, когда хорватскіе вожди были близки съ вождемъ венгерскихъ сербовъ, С. Милетичемъ. И въ 1849 г., и въ 1860 г. это политическое сотрудничество повело къ признанію хорватами политическихъ правъ въ Хорватіи и Славоніи за ихъ землятками-сербами. Въ 1860-70 гг. хорваты Далмаціи сломили итальянское преобладаніе только вслѣдствіе своего политическаго союза съ далматинскими сербами. Узкій хорватизмъ партій „права" въ 1880—1890 гг. не убилъ хорвато-сербской политической солидарности. Печальный опытъ раздора, поощряемаго и Буда-Пештомъ, и Вѣной, повелъ, въ связи съ австро-венгерскимъ кризисомъ нач. XX вѣка и появленіемъ въ 1905 г., такъ наз., венгерско-хорватской коалиціи, вызванной къ жизни усиліями венгерской „партіи независимости", къ образованію и „хорвато-сербской коалиціи" на съѣздахъ въ гор. Задрѣ и Рѣкѣ (Фіуме) въ 1905-06 гг., гдѣ объединилась большая часть хорватскихъ и сербскихъ политическихъ партій не только Хорватіи и Славоніи, но и другихъ сербо-хорватскихъ земель Австро-Венгріи.

„Хорвато-сербская коалиція" пережила не только свои внутреннія тренія, но и враждебныя ей мѣропріятія со стороны вѣнскихъ и будапештскихъ властей, насильническій режимъ бана Рауха, „коммиссара" и бана Скерлеча, пріостановку дѣйствія хорватской коиституціи въ 1912-13 гг., позорные для правительства процессы Настича и Фридъюнга въ 1908-09 гг., въ основѣ которыхъ было правительственное желаніе обвинить сербскую часть „коалиціи" въ государственной измѣнѣ, въ близости съ сербскимъ правительствомъ и, такимъ образомъ, разбить „коалицію". Въ концѣ концовъ, осенью 1913 г., венгерское правительство, испытавъ всѣ эти средства, возстановило конституцію въ Хорватіи, правда, при извѣстной уступчивости и со стороны „коалиціи", въ которой произошелъ оттого нѣкоторый раздоръ. Выборы въ хорватскій сеймъ снова, какъ и въ предыдущіе годы, принесли побѣду „коалиціи": изъ 88 мандатовъ 47 достались ей,

и лишь меньшинство мандатовъ, 41, распредѣлилось между „мадьяронами“ (15), партіями „права“ (11 „старчевичевцовъ“ и 12 „франковцевъ“) и „сельской партіей“ (3). Нельзя забывать, что такіе результаты получились при системѣ открытаго голосованія на выборахъ. „Хорвато-сербская коалиція“ сохранила свою силу и въ Далмаціи, и въ Истріи. Даже въ Босніи хорвато-сербское соглашеніе принесло нѣкоторые плоды, выразившись въ возможности образованія въ сеймѣ (Саборѣ), такъ наз., „рабочаго большинства“, хотя здѣсь компромиссъ родился при участіи правительства, даже въ его интересахъ, непроченъ и не охватилъ всѣхъ сербскихъ политическихъ группъ. Конечно, „коалиція“ родилась на свѣтъ Божій и держалась rebus sic stantibus, и сомнѣнія въ реализаціи такого хорвато-сербскаго соглашенія, уже во имя Великой Сербіи, при ликвидаціи мечтаній о „Великой Хорватіи“ не могутъ считаться праздными.

Однако для хорвато-сербскаго единенія во имя „Великой Сербіи“ много значатъ тѣ переживанія, которыя вызваны какъ у сербовъ, такъ и у хорватовъ Австро-Венгріи побѣдоносными войнами и политическими успѣхами Сербіи въ 1912-13 гг., выраженія этихъ переживаній во взрывахъ восторговъ по адресу Сербіи, во всякихъ манифестаціяхъ въ ея честь, въ денежной помощи ей со стороны хорватовъ. Хорваты, окончательно разочарованные въ возможности не только осуществленія своихъ отдаленныхъ національныхъ идеаловъ, но и удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей, видимо, готовы къ вступленію въ составъ Великой Сербіи.

Вездѣ въ сербо-хорватскихъ земляхъ Австро-Венгрія преобладающая количественно крестьянская масса тянетъ въ сторону Сербіи уже изъ-за ея демократическаго общественно-политическаго строя. Эта масса надѣется, что строительница Великой Сербіи, нынѣшняя малая Сербія, гдѣ средній размѣръ крестьянскаго хозяйства около $8\frac{1}{2}$ гектаровъ, а 94% всѣхъ землевладѣльцевъ владѣютъ участками, не превышающими 20 гект., и болѣе 50%—участками до 5 гект., гдѣ почти нѣтъ малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, гдѣ 2,8 гект. земли у владѣльца гарантированы закономъ передъ продажей за частный долгъ,—что эта Сербія принесетъ съ собой рѣшеніе аграрнаго вопроса, какъ не разъ уже она

приносила его въ завоеванныя земли (въ 1878 г.—въ отвоеванныя у Турціи области). Если кто и будетъ съ опасеніемъ взирать на Великую Сербію, то это, можетъ быть, боснійскіе беги и хорвато-славонскіе „племичи"-магнаты. Но будущая Сербія не экспропріируетъ у нихъ землю, а лишь выкупитъ часть ея для крестьянъ и, разумѣется, отмѣнитъ всякаго рода—прежде всего, экономическія, податныя—привилегіи крупнаго землевладѣнія. Всѣ слои населенія грядущей Великой Сербіи ждутъ отъ нея и новой общей экономической политики въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, торговлѣ, которыя, помимо всего прочаго, будутъ развиваться въ условіяхъ большой, разнообразной территоріи, выходящей къ морю, Адріатикѣ. Сербія за послѣдніе годы передъ войной 1912 г. проявила большой подъемъ въ своей индустріи и торговлѣ, опираясь на дружественную поддержку иностраннаго, главнымъ образомъ, французскаго капитала. Въ ней насчитывалось уже до 500 промышленныхъ предпріятій, съ производствомъ (1911 г.) въ 126 мил. фр., съ капиталомъ около 150 мил. (изъ нихъ около 45 мил. иностраннаго капитала). Въ Сербіи сильно поднялись вывозная и ввозная торговля, организація кредита, желѣзнодорожное строительство. За годъ, протекшій между балканской войной 1913 г. и началомъ великой войны 1914-15 гг., въ Сербіи замѣчалось небывалое дотолѣ экономическое оживленіе, которое должно будетъ охватить и Великую Сербію послѣ счастливаго для сербства исхода великой войны. Потому-то и ждутъ этой новой Великой Сербіи почти всѣ будущіе ея граждане,—отъ береговъ Дравы до Македоніи, отъ Балканскаго хребта до Адріатики,—что она сулитъ имъ экономическое благосостояніе, политическую и національную свободу.

Даже всѣмъ тѣмъ, кто, можетъ быть, съ опасеніемъ и недовѣріемъ ждетъ Великой Сербіи, найдется въ ней мѣсто, лишь бы они сочли ее благомъ, захотѣли и сумѣли приспособиться къ ея строю. Возможно, что даже элементы дворянскіе нужны будутъ въ строѣ новой Сербіи, какъ носители нѣкоторыхъ культурныхъ цѣнностей, какъ внѣшне независимые слои общества. Новая Сербія восприметъ ихъ, какъ восприметъ и сохранитъ элементы мѣстнаго самоуправленія и

областной автономіи, поскольку они не будутъ служить угрозой единству государства, въ мѣру необходимости этого единства для силы государства...

* * *

Сербія, борясь за освобожденіе и объединеніе сербо-хорватскаго народа, желаетъ включить въ Великую Сербію и словинскій народъ, принести и ему свободу и единство. Въ этомъ пунктѣ Сербія скромно выполняетъ маленькую часть того великаго дѣла освобожденія и объединенія всего славянства (въ томъ числѣ и сербства), которое творитъ Великая Россія. Въ частности, программа Сербіи въ словинскомъ вопросѣ напоминаетъ намъ то, что̀ обѣщаетъ сдѣлать Россія для польскаго народа, т. е. освободить и объединить этотъ народъ, политически и духовно связавъ его судьбы съ судьбами русскаго народа, ко благу обоихъ...

Громадно и существенно дѣло Россіи въ польскомъ вопросѣ; по состоянію польскаго народа, какъ внутреннему, такъ и внѣшнему, дѣло это неотложно и въ то же время очень трудно; наконецъ, оно все же представляется осуществимымъ для Россіи, благодаря нѣкоторымъ моментамъ какъ внѣшней политической обстановки, такъ и внутренняго состоянія польскаго народа, особенно же благодаря силѣ русской государственности и культуры.

То—указанное выше—а не другое разрѣшеніе словинскаго вопроса не столь, можетъ быть, существенно важно и необходимо для Сербіи, какъ соотвѣтствующее рѣшеніе польскаго вопроса для Россіи. Дѣло въ томъ, что судьбы словинцевъ никогда не были связаны съ судьбами сербовъ (и обратно), между тѣмъ какъ польскій вопросъ уже давно сталъ внутреннимъ вопросомъ для Россіи, а постановка его доселѣ затрудняла политическую и культурную жизнь Россіи. Впрочемъ, усиленіе грядущей Великой Сербіи, съ 10 милліонами населенія, небольшимъ, въ 1½ милліона (по оффиціальной австрійской статистикѣ—и того меньше), словинскимъ народомъ дѣло—не безразличное и для современной Сербіи...

Но намѣчающееся разрѣшеніе словинскаго вопроса много важнѣе и насущнѣе для самого словинского народа. Безъ словинцевъ „разсѣянія“ (нѣсколько тысячъ разсѣяно по про-

винціямъ Австро-Венгріи, до 200 тыс. чел.—въ Америкѣ), словинское національное ядро разбито между Италіей (около 40 т. во Фріулѣ), Венгріей (около 100 т. чел.) и—главная часть—Австріей (до 1,250,000 чел.), причемъ и въ Австріи словинцы разбиты по пяти областямъ: Штиріи (около 410 т. чел.), Каринтіи (82 т. чел.), Крайнѣ (491 т. чел.), Тріесту (57 т. чел.), Горицѣ съ Градишкой (155 т. чел.), Истріи (около 55 т. чел.). Словинцы составляютъ подавляющее населеніе только въ Крайнѣ (болѣе 94%) и въ Горицѣ съ Градишкой (около 62%); въ другихъ провинціяхъ они—въ меньшинствѣ противъ нѣмцевъ или итальянцевъ: въ Каринтіи ихъ—21,2%, въ Штиріи—29,3%, въ Тріестѣ—29,8%. Надъ словинцами уже численно преобладаютъ нѣмцы въ Каринтіи и Штиріи, итальянцы—въ Тріестѣ; словинцамъ приходится серьезно считаться съ итальянцами въ Горицѣ и Градишкѣ (36%) и даже въ Истріи, гдѣ словинцы (14,2%) только вмѣстѣ съ хорватами (43,5%) составляютъ преобладающее надъ итальянцами (38,1%) славянское большинство (около 58%, по австрійской статистикѣ).

Словинскій народъ вездѣ состоитъ изъ крестьянской—землевладѣльческой и земледѣльческой—и рабочей массы, которая выдѣляетъ изъ своей среды немногочисленныя группы мелкихъ и среднихъ торговцевъ, ремесленниковъ, учителей, священниковъ, служащаго чуждой государственности чиновничества и, скромной по размѣрамъ и силамъ, неслужащей интеллигенціи. Въ территоріяхъ, гдѣ живетъ словинскій народъ, незначительная вообще промышленность находится въ нѣмецкихъ рукахъ, крупная торговля и видныя государственныя должности—въ нѣмецкихъ же или итальянскихъ рукахъ, а — что всего грознѣе для словинцевъ—слишкомъ большая доля земли находится у крупныхъ землевладѣльцевъ, главнымъ образомъ нѣмцевъ, отчасти и итальянцевъ. Мелкота крестьянскихъ участковъ, въ связи съ недостаточной заботой правительства о меліораціи сельскаго хозяйства, заставляетъ словинскую крестьянскую массу уходить, въ поискахъ хлѣба либо въ чисто нѣмецкія области Австріи, либо въ нѣмецкія и итальянскія части словинскихъ же областей (особенно въ города, которые въ рукахъ нѣмцевъ и итальянцевъ), либо, наконецъ, въ Америку. Всѣ, покинувшіе родную почву, въ той или другой степени теря-

ютъ свою словинскую народность, открывая путь на покинутыя мѣста нѣмецкимъ и итальянскимъ колонистамъ. Въ силу всѣхъ этихъ явленій, словинскій народъ стоитъ на пути къ вымиранію. За десятилѣтіе 1900—1910 гг. онъ увеличился только на 5%, т. е. на 0,5% въ годъ; составляя въ 1880 г. 5,2% населенія Австріи, онъ въ 1910 г. представлялъ собой лишь 4,4% этого населенія. Этотъ процессъ вымиранія особенно разителенъ по отдѣльнымъ провинціямъ: за 1900—1910 гг. словинцы въ Штиріи не увеличились, въ Каринтіи же даже уменьшились на 9%. Даже въ коренной словинской землѣ, Крайнѣ, число словинцевъ за истекшее десятилѣтіе поднялось всего лишь на 3,3%. Замѣтно словинцы возросли только въ Горицѣ съ Градишкой—почти на 10%, въ Истріи—на 15,5%, особенно же—въ Тріестѣ, гдѣ за 30 лѣтъ (1880—1910 г.г.) они увеличилась на 116%. Но почти весь этотъ ростъ словинцевъ купленъ цѣной упадка количества населенія насѣверѣ словинской земли.

Словинскій народъ пропадаетъ, онѣмечиваясь или объитальяниваясь, и изъ-за состоянія своего просвѣщенія. Правда, благодаря начальной словинской школѣ во всѣхъ областяхъ, кромѣ Каринтіи и Тріеста, гдѣ имѣющіяся для словинцевъ школы—или нѣмецкія и итальянскія, или утраквистическія, грамотность у словинцевъ, — при недостаточномъ вообще количествѣ школъ (около 100),—все же стоитъ высоко (около 85%). Зато среднее образованіе поставлено у нихъ очень слабо: имѣется 5 не вполнѣ словинскихъ гимназій (одна частная) и 1 утраквистическая реальная школа въ Крайнѣ, 1 гимназія въ Горицѣ (съ 1913 г.) и 4 младшихъ класса въ 2 утраквистическихъ гимназіяхъ въ Штиріи. Если уже въ Крайнѣ, Горицѣ и Штиріи часть словинцевъ вынуждена обучаться въ нѣмецкихъ и итальянскихъ среднихъ школахъ (въ словинскихъ школахъ въ 1913—14 г. обучалось 4250 чел.), то въ остальныхъ провинціяхъ имъ всѣмъ приходится посѣщать исключительно нѣмецкія и итальянскія среднія школы. За отсутствіемъ словинскаго университета (немногіе предметы читаются по словински въ Грацкомъ нѣмецкомъ университетѣ), словинцы могутъ получать высшее образованіе почти исключительно въ нѣмецкихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Австріи. Обученіе же ихъ въ Загребскомъ университетѣ

Хорватіи затрудняется отсутствіемъ „взаимности" правъ между нимъ и австрійскими университетами, а обученіе въ славянскихъ (чешскомъ, польскихъ) университетахъ Австріи—малопонятностью для словинцевъ языка преподаванія здѣсь. Въ связи съ такимъ состояніемъ образованія у словинцевъ, не говоря уже о малости самого народа, стоитъ и слабое развитіе словинской литературы, изящной, научно-популярной, чисто-научной въ особенности. Этому горю мало могутъ пособить частныя общества, во главѣ со Словинской Матицей въ Люблянѣ (Крайна). Слабость родной литературы заставляетъ словинцевъ прибѣгать за просвѣщеніемъ къ литературамъ нѣмецкой и итальянской, что̀ ведетъ къ болѣе или менѣе глубокой денационализаціи.

Германизація—въ Тріестѣ и итальянизація—словинцевъ происходятъ и вслѣдствіе недостаточнаго признанія правъ словинскаго языка въ дѣятельности не только органовъ государственной власти, но и въ автономныхъ, земскихъ учрежденіяхъ. Лишь въ Крайнѣ словинскій языкъ приближается къ равноправію съ нѣмецкимъ, въ Горицѣ съ Градишкой и Истріи онъ уже уступаетъ въ правахъ передъ итальянскимъ языкомъ; а въ Штиріи, особенно же въ Каринтіи й Тріестѣ, почти совсѣмъ не пользуется какими-либо правами, уступая совершенно передъ языками нѣмецкимъ и итальянскимъ.

Политическія права и сила словинцевъ ничтожны не только въ центральномъ, вѣнскомъ парламентѣ, но даже и въ областныхъ сеймахъ. Словинцы преобладаютъ только въ сеймѣ Крайны (35 мѣстъ изъ 46); въ Горицкомъ сеймѣ ихъ только 14 (противъ 15 итальянцевъ), въ Истрійскомъ—вмѣстѣ съ хорватами—19 (противъ 25 итальянцевъ), въ Тріестскомъ (1910 г.)—12 (противъ 58 итальянцевъ и 10 нѣмцевъ), въ Штирійскомъ—13 (противъ 74 нѣмцевъ) и въ Каринтійскомъ—2 (противъ 41 нѣмца)...

Понятно, что включеніе въ составъ Великой Сербіи было-бы для словинскаго народа спасеніемъ отъ порабощенія экономическаго, политическаго, культурнаго, общенаціональнаго, что оно, поэтому, не можетъ не быть встрѣчено съ радостью этимъ народомъ.

Въ культурныхъ и политическихъ настроеніяхъ и направленіяхъ руководящихъ словинскихъ круговъ имѣются

условія, благопріятныя для включенія словинскаго народа въ составъ Великой Сербіи. Еще въ 1830—40 г.г., когда у хорватовъ развивалось „иллирское движеніе“, у словинцевъ находились сторонники идеи культурнаго единенія ихъ съ сербо-хорватами путемъ усвоенія сербо-хорватскаго литературнаго языка. Но точка зрѣнія С. Враза, виднѣйшаго изъ „иллировъ“, среди словинцевъ, въ ту пору не восторжествовала; напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе утверждалась культурно-литературная и языковая особность словинцевъ. Впрочемъ, не смотря на нѣкоторые успѣхи словинской литературы (Прешернъ и др.), единое національное сознаніе до сихъ поръ еще не вполнѣ охватило словинскія народныя массы: почти совершенно отсутствующее у словинцевъ въ Италіи и Венгріи, оно далеко еще не искоренило, напримѣръ, привычки словинцевъ называть себя по провинціальной принадлежности: „краинецъ“, „корушецъ“ (каринтіецъ) и т. п. Поэтому-то вожди словинцевъ еще въ 1848 г., а потомъ въ 1860 гг., ставили себѣ неудавшуюся задачу выдѣленія словинскихъ частей соотвѣтственныхъ областей въ одно территоріальное цѣлое—Словенію, гдѣ словинскій народъ нашелъ бы свое внѣшнее единство, самоуправленіе, развилъ-бы и внутреннее содержаніе своей народности. Словинскіе политики, сначала выступая сторонниками переустройства Австріи на принципѣ національной федераціи и автономіи, въ концѣ концовъ, должны были однако, примириться съ существующимъ порядкомъ и примкнули въ Австріи къ тѣмъ славянскимъ кругамъ, которые стояли на почвѣ идеи федераціи историко-географическихъ индивидуальностей (чехи, особенно поляки). Такова именно позиція господствующей „клерикальной“ („народной“) партіи, вербуемой изъ крестьянскихъ рядовъ и руководимой католическимъ духовенствомъ, при лидерствѣ г. Шустершича.

Впрочемъ, за послѣдніе годы, подъ вліяніемъ печальныхъ итоговъ словинской политики, даже въ рядахъ этой партіи начались опыты сближенія съ хорватами не только Австріи, но и Венгріи, проявились увлеченія идеей тріализма, слѣдовательно, и Великой Хорватіи, какъ того члена тріалистической системы предполагаемаго строя монархіи Габсбурговъ, въ которомъ могла-бы найти свое мѣсто и единая Словенія, мысль о которой, такимъ образомъ, снова оживаетъ въ сло-

винскихъ умахъ. Все же, казалось-бы, клерикальныя, австрофильскія (габсбургофильскія) теченія среди словинцевъ неблагопріятны идеѣ Великой Сербіи. Однако, за послѣднее время, подъ вліяніемъ и безнадежнаго положенія вещей въ Австріи, и успѣховъ Сербіи и, наконецъ, сербофильскихъ настроеній у хорватовъ, стали проявляться симпатіи къ Сербіи даже среди части словинскихъ клерикаловъ.

Гораздо благопріятнѣе, зато, для Великой Сербіи настроенія либеральныхъ словинскихъ круговъ, именно свѣтской интеллигенціи, городского и рабочаго населенія, болѣе сильныхъ въ Штиріи, Горицѣ съ Градишкой и Истріи, чѣмъ въ Крайнѣ и Каринтіи, „Либеральная" („народно-прогрессивная") партія, къ сожалѣнію, сравнительно слабо еще представлена не только въ областныхъ сеймахъ, но и въ вѣнскомъ парламентѣ; зато она развиваетъ энергичную просвѣтительную работу. Ея вожди и видные представители—въ 1880 г.г. публицистъ Подгорникъ, позднѣе—др. Енко, поэтъ Ашкерцъ, поэтъ и политикъ Тавчаръ, политикъ Хрибаръ (многолѣтній, до недавняго отказа въ императорскомъ утвержденіи, городской голова—„жупанъ" (г. Любляны)—всегда высказывались въ пользу развитія у словинцевъ русскихъ культурныхъ и литературныхъ вліяній, откровенно признавали грядущую рѣшающую роль Россіи въ славянскомъ вопросѣ вообще, въ словинскомъ- въ частности, подвергаясь за то обвиненіямъ въ измѣнѣ отечеству, правительственнымъ преслѣдованіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, либеральные словинскіе круги всегда проявляли симпатіи не только къ хорватамъ, но и къ сербамъ, къ Сербіи особенно. Эти симпатіи либеральныхъ словинцевъ къ Сербіи ярко сказались во время балканскихъ войнъ 1912—13 гг. Уже сербо-хорватское сближеніе нач. XX в., затѣмъ событія 1912—13 гг. на Балканскомъ полуостровѣ вызвали среди либеральныхъ словинцевъ, прежде всего, среди словинской учащейся молодежи въ Загребѣ и Прагѣ, итересное, такъ называемое, „новоиллирское движеніе", въ послѣднее время имѣющее своимъ органомъ журналъ „Veda", который редактируютъ словинскіе ученые, Бог. Вошнякъ и Ив. Пріятель.

Очень поучительна та анкета, которую въ 1914 г. устроилъ этотъ журналъ среди словинцевъ, хорватовъ и сербовъ по вопросу объ отношеніи словинцевъ къ сербо-хорватамъ. Подав-

ляющее большинство словинцевъ, участниковъ анкеты, высказалось за самое тѣсное сближеніе словинцевъ съ сербо-хорватами: за совмѣстную работу всякаго рода экономическихъ, просвѣтительныхъ и др. организацій, за обогащеніе словинскаго языка элементами сербо-хорватскими, облегчаемое большой близостью языковъ, за принятіе словинцами сербо-хорватскаго языка, какъ языка науки для словинцевъ, за сохраненіе словинскаго языка лишь для изящной и научно-популярной литературы, также для обихода мѣстной государственно-общественной жизни, за введеніе сербо-хорватскаго языка, какъ предмета преподаванія, въ словинскія школы и т. п. Мало того, нѣкоторые участники анкеты, какъ и, вообще, „новоиллиры", не скрыли, сколько это возможно было по условіямъ австрійской дѣйствительности, и своихъ симпатій къ политическому объединенію съ сербо-хорватами, своихъ надеждъ на Сербію...

Конечно, въ предѣлахъ Великой Сербіи словинцы найдутъ себѣ не только спасеніе отъ гибели въ германизмѣ, мадьярщинѣ и итальянщинѣ, но и признаніе своихъ культурныхъ и соціально-политическихъ особенностей: Великая Сербія предоставитъ словинцамъ бо́льшую культурную автономію и земское областное самоуправленіе...

* * *

Конечно, не только осуществленіе идеала Великой Сербіи, но и существованіе современной малой Сербіи обезпечивается, главнымъ образомъ, мощью и помощью Россіи.

Малая Сербія вѣрой и правдой служила Россіи уже съ первыхъ дней своего существованія, подготовленная къ тому сербами XVI—XVIII вѣковъ, которые изъ предѣловъ Турціи и Австріи съ радостью слѣдили за успѣхами Россіи въ борьбѣ съ „агарянами" Казани, Астрахани, Крыма и Константинополя, восхищались общимъ ростомъ Россіи при Петрѣ Великомъ, Елизаветѣ и Екатеринѣ II, десятками тысячъ выселялись въ 1750-хъ гг. изъ Венгріи въ Южную Русь и, живя здѣсь (особенно въ Новой Сербіи и Славяносербіи), проливали свою кровь въ рядахъ русскихъ армій (Милорадовичи и др.). Въ 1806—12 гг. Сербія Карагеоргія, совмѣстно съ Россіей, боролась съ Турціей, и сербскіе полки на сербскихъ

поляхъ, у Штубика (1807 г.) и Варварина (1810 г.), вмѣстѣ съ русскими войсками, разбивали турецкія арміи. То же повторилось во время войнъ 1876—78 гг. Но и тогда, когда Сербія не несла своей военной помощи Россіи, напримѣръ, въ войнахъ Россіи съ Турціей въ 1828—29 гг. и 1853—56 гг., сербская политика, идя по указаніямъ Россіи, ослабляла силу турецкаго сопротивленія. Текущая внѣшняя политика Сербіи почти всегда направлялась Россіей. Конечно, Сербія иногда уклонялась съ этихъ путей: и Карагеоргій и Милошъ иногда пытались, противъ воли Россіи, искать опоры у Франціи и Англіи; это бывало и съ кн. Михаиломъ. Но лишь Александръ Карагеоргіевичъ былъ, вообще, въ холодныхъ отношеніяхъ съ Россіей, и только Миланъ Обреновичъ былъ ярко враждебенъ Россіи. Въ очень многихъ случаяхъ этого рода не безъ вины была и Россія, вѣрнѣе—ея дипломатія, какъ центральная, такъ и мѣстная, въ Сербіи, или слабо поддерживавшая сербскіе интересы, или безтактно вмѣшивавшаяся во внутреннія дѣла Сербіи. Но и эти исключенія въ отношеніяхъ Сербіи къ Россіи не разрушаютъ общаго правила. Во всякомъ случаѣ, народныя сербскія массы не одобряли уклоненій своихъ государей и правительствъ отъ Россіи. Даже въ сербскомъ образованномъ и руководящемъ обществѣ враждебныя Россіи теченія всегда были и скоропреходящи, и слабы: это были въ 1840—60 г.г. немногочисленные люди либо изъ венгерскихъ выходцевъ въ Сербіи, либо изъ, такъ называемыхъ, „паризліевъ" (сербскіе воспитанники во Франціи, въ Парижѣ), въ 1880—90 гг.—такъ называемые, „напредняки" („прогрессисты"), въ родѣ М. Гарашанина или Пирочанца, мечтавшіе о союзѣ Сербіи съ „консервативной" Европой, особенно съ Англіей и Австріей, изъ-за вражды, между прочимъ, къ своимъ болѣе счастливымъ политическимъ соперникамъ—„радикаламъ", которые были всегда горячими руссофилами. Уже съ конца 1890-хъ гг., особенно же съ начала 1900-хъ гг., Сербія ведетъ твердую руссофильскую политику, подъ руководствомъ испытаннаго вождя „радикаловъ", Н. Пашича, и при поддержкѣ въ этомъ со стороны даже слабыхъ партійныхъ группъ,— эпигоновъ партій не только либеральной, но и напреднядкой, многому научившихся. Характерно, что сербскій народъ въ 1858 г. лишилъ престола холоднаго къ Россіи кн. Але-

ксандра Карагеоргіевича, а въ 1903 г. устранилъ и всю династію Обреновичей, предпослѣдній представитель которой, король Миланъ, былъ такъ враждебенъ къ Россіи...

Своей вѣрностью Россіи Сербія, ея народъ, платили за то, что̀ сдѣлала для нихъ Россія. Въ 1806—12 гг. Россія своей военной мощью спасла освобождавшуюся Сербію отъ разгрома Турціей, какъ потомъ, въ 1876—78 гг. спасла отъ турокъ Сербію, неудачно попытавшуюся освободить Боснію съ Герцеговиной. Въ 1912—13 гг. Россія помогла сербскимъ побѣдамъ и росту, сдержавъ Австро-Венгрію отъ удара въ тылъ Сербіи.

Большіе запасы амуниціи, денежныхъ средствъ пожертвовала Россія Сербіи за болѣе, чѣмъ столѣтнее ея существованіе.

Тотъ же характеръ имѣютъ и русско-черногорскія отношенія за еще большій періодъ времени, со временъ Петра Великаго. Русская помощь Черногоріи и Сербіи—продолженіе еще болѣе стараго дѣла, „милостыни“ московскихъ государей православной сербской церкви, стонавшей подъ турецкимъ игомъ...

Но не только политическая свобода сербства создана при великомъ участіи Россіи — и сербская культура, особенно, литература, вскормлена соками русской мысли и русскаго слова.

Сербская школа (въ Венгріи) была создана въ 1-й пол. XVIII вѣка русскими учителями и русской книгой; первая сербская интеллигенція (въ Венгріи) была воспитана этой русско-сербской школой и русской школой въ Россіи (Кіевская Академія); языкъ ранней сербской школы и интеллигенціи впиталъ въ себя множество русскихъ книжно-языковыхъ элементовъ; этотъ полусербскій, полурусскій („славянорусскій“) языкъ царилъ у сербовъ почти до пол. XIX вѣка и сильной стихіей влился въ новый, созданный В. Караджичемъ, современный сербскій литературный языкъ. Хотя русская литература 1-й пол. XIX вѣка оказывала уже мало вліянія на сербскую, однако въ 1860—70 гг., въ связи съ усилившимся приливомъ сербовъ въ школы Россіи, русское литературное (особенно, изящной литературы) вліяніе получаетъ небывалый еще въ Сербіи расцвѣтъ. Сербская

художественная литература этой поры—отблескъ литературы русской. Русская общественно-политическая мысль и литература 1860 г.г. оказываетъ громадное вліяніе на сербское общество и черезъ самого горячаго энтузіаста-проводника этого вліянія, Светозара Марковича, становится главнѣйшимъ элементомъ теоретической программы, такъ наз., „радикальной партіи". Ослабленіе русскаго культурнаго вліянія въ 1880—90 г.г. смѣняется въ XX вѣкѣ новымъ его подъемомъ, прочныя основы которому положены съ введеніемъ русскаго языка, какъ одного изъ главныхъ предметовъ преподаванія, въ сербскія школы, съ изготовленіемъ превосходныхъ пособій для этого и т. п.—все громадными усиліями и заслугами, главнымъ образомъ, проф. Кошутича. Въ последнее время ведется подготовка и преподаванія русской исторіи, какъ-бы въ отвѣтъ на ту громадную работу, которую произвела русская наука, въ лицѣ г.г. Майкова, Макушева, Гильфердинга, Н. Попова, Ламанскаго, Флоринскаго, Зигеля и многихъ другихъ, въ дѣлѣ изученія и возсозданія исторіи Сербіи, положивъ такимъ образомъ начало сербской національной исторіографіи.

Все, что дала Россія сербскому народу въ области духовной культуры, было богатѣйшей оплатой за скромную просвѣтительную поддержку московской Руси со стороны сербской письменности при русскихъ митрополитахъ-сербахъ XV вѣка, Кипріанѣ и Григоріи Цимблакѣ, за работу Янковича изъ Миріева для русской школы въ XVIII в., наконецъ, за труды проф. Гр. Терлаича и Аѳ. Стойковича—подобно Янковичу венгерскихъ сербовъ—въ развитіи русской высшей школы (Главный Педагогическій Институтъ въ Петроградѣ и Харьковскій университетъ) и русской науки (правовѣдѣніе и физика) начала XIX вѣка.

Такимъ-то образомъ политическія и культурныя связи русскихъ и сербовъ въ прошломъ объясняютъ и оправдываютъ ихъ современную совмѣстную работу въ созданіи Великой Россіи и Великой Сербіи, въ обезпеченіи лучшаго будущаго для всего славянства...

* * *

Но, вѣдь, и послѣ разгрома Германіи съ Австріей и Турціей, съ появленіемъ Великой Сербіи, въ Европѣ не исчезнутъ великія державы, не прекратится ихъ борьба за экономическіе и политическіе интересы, часто расходящіеся съ сербскими. Среди этихъ великихъ державъ Великая Сербія все же окажется малой. Для борьбы за свое существованіе и законные интересы Великая Сербія, подобно другимъ малымъ славянскимъ политическимъ организмамъ, уже существующимъ или имѣющимъ еще создаться, должна будетъ войти въ прочную, могучую политическую систему, славянскую федерацію, гдѣ всѣ эти организмы, какъ и Румынія, Греція и, наконецъ, и будущая Мадьярія, объединились-бы подъ гегемоніей Россіи.

Такая федерація предоставила-бы Великой Сербіи, какъ и другимъ членамъ союза, возможность бытія и развитія всей полноты внутренняго ихъ суверенитета, но обезпечивала-бы ей всѣ блага силы и единенія въ области экономической политики, дипломатіи, военной защиты. Для Россіи такая федерація, облегчая міровую борьбу за существованіе, ручалась-бы за невозможность использованія врагомъ славянскаго политическаго сепаратизма, за неповторяемость того, что̀ не разъ уже происходило въ исторіи славянскихъ государствъ, что̀ нынѣ столь печально выяснилось въ поведеніи не только Греціи и Румыніи, но и Болгаріи. Нужно надѣяться, что Сербія (да и Греція) въ надлежащую минуту совершитъ актъ, безъ котораго немыслимо не только разрѣшеніе вопроса о славянской федераціи, но даже и всего южнославянскаго вопроса, т. е. передачу Болгаріи болгарской Македоніи, какъ, впрочемъ, нужно надѣяться на то, что придетъ же время, когда и Болгарія, наконецъ, выступитъ для участія въ борьбѣ за свои и общеславянскіе идеалы...

Послѣ благопріятнаго для Сербіи и всего славянства конца Великой Войны, послѣ политической перестройки Европы, отчасти и всего міра, въ этомъ мірѣ и въ самой Европѣ все же сохранятся существующія нынѣ великія, міровыя культуры съ ихъ органами, міровыми языками, сохранится ихъ духовное давленіе на малые языки и культуры, ихъ духовныя завоеванія въ предѣлахъ послѣд-

нихъ. Конечно, въ грядущей Великой Сербіи успѣшно будетъ развиваться южно-славянская, спеціально сербо-хорватская культура и ея органъ—языкъ, при полнотѣ его господства въ общественно-государственной жизни. Но эта культура все же никогда не сможетъ ни сравняться съ культурами итальянской и французской, нѣмецкой и англо-саксонской, наконецъ, съ русской, ни быть—хотя-бы относительно—довлѣющей для самихъ сербо-хорватовъ, то есть освобождать ихъ отъ неизбѣжнаго обращенія къ этимъ чужимъ культурамъ и неизбѣжнаго билингвизма, трилингвизма, ни выступать наряду съ большими чужими культурами, т. е. вліять на нихъ. Великосербская культура, подобно остальнымъ 8 національнымъ—малымъ все же—славянскимъ культурамъ, должна будетъ войти въ федерацію славянскихъ культуръ, образованностей и языковъ, во главѣ съ русской образованностью и языкомъ.

Для полноты, богатства, сочности и долготы развитія русской, общеславянской образованности необходимо сохраненіе и цвѣтеніе всѣхъ мѣстныхъ образовательныхъ не только славянскихъ, но и румынскихъ, мадьярскихъ, греческихъ и прочихъ элементовъ. Но безъ установленія духовнаго, культурнаго единенія черезъ русскую образованность и языкъ, при духовной гегемоніи русской, невозможно—для всѣхъ славянъ, а не только для сербо-хорватовъ и словинцевъ Великой Сербіи—даже устройство прочной, не механической только, политической федераціи (даже механическое государственное общеніе осколковъ славянскихъ и другихъ націй въ Австро-Венгріи было возможно при извѣстномъ объединяющемъ значеніи „панславистскаго“... нѣмецкаго языка), невозможна оборона отъ поглощающаго вліянія культуръ западно-европейскихъ, невозможно, наконецъ, активное, значительное участіе въ созданіи общечеловѣческихъ духовныхъ цѣнностей, ради которыхъ и стóитъ народамъ, какъ таковымъ, жить и бороться за свою національность и государственность.

Но такая роль для русской образованности среди славянства требуетъ отъ насъ, русскихъ, великихъ усилій въ подъемѣ духовнаго богатства Россіи, въ его раскрытіи и умноженіи не только изъ собственныхъ источниковъ, но

и изъ славянскихъ. Познаніе славянства, въ томъ числѣ и сербства, какъ ближайшая задача русскаго просвѣщенія, является нынѣ неизбѣжнымъ. Выполненіе этой задачи облегчится не только расширеніемъ и углубленіемъ русскаго самопознанія, но и перемѣщеніемъ фокуса нашего духовнаго вниманія въ сферѣ западно-европейской культуры изъ міра германо-нѣмецкаго въ міръ англо-саксонскій...

Германскій милитаризмъ и его отношеніе къ культурѣ.

В. Фриче.

Въ настоящее время считается общепризнаннымъ то положеніе, что союзники ведутъ войну во имя культуры противъ Германіи, упразднившей всѣ старыя культурныя цѣнности.

Поскольку въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о германскихъ милитаристахъ и имперіалистахъ, подобное утвержденіе до извѣстной степени обосновано, ибо, хотя они, конечно, не отрицаютъ *всей* культуры, но у нихъ, несомнѣнно, свое особое, весьма одностороннее представленіе о культурѣ.

Большинство германскихъ милитаристовъ—убѣжденные противники современной цивилизаціи.

Исходной точкой ихъ критики служитъ, естественно, та идея, которая имъ дороже и выше всѣхъ остальныхъ соображеній,—идея военнаго могущества Германіи, какъ conditio sine qua non ея политической гегемоніи въ Европѣ.

Все, что является залогомъ побѣды надъ врагами, все, что сулитъ расширеніе территоріи,—хорошо; все, что мѣшаетъ осуществленію этой основной цѣли, должно быть отвергнуто.

Подъ такимъ суженнымъ угломъ зрѣнія и разсматриваютъ они обычно (за нѣкоторыми исключеніями) вопросъ о современной культурѣ, цѣнность тѣхъ или иныхъ ея сторонъ.

Такъ какъ для установленія своей политической гегемоніи Германія нуждается, во первыхъ, въ выносливыхъ, физически

и психически здоровыхъ и крѣпкихъ солдатахъ, а, во вторыхъ, въ усовершенствованной до послѣднихъ предѣловъ возможнаго военной техникѣ, то истинной цивилизаціей германскіе милитаристы считаютъ такую, которая представляетъ наиболѣе благопріятную почву для развитія этихъ двухъ фактовъ.

Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ ихъ литература, какъ публицистическая, такъ, въ особенности, и беллетристическая, облеченная обычно въ форму утопіи.

Нѣмецкіе писатели, изображавшіе, еще до вспыхнувшаго на нашихъ глазахъ міроваго пожара, войны, предстоящія Германіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, всегда преднамѣренно подчеркивали, что боевая способность германской арміи не та, что прежде, и что это явленіе тѣмъ болѣе печально, такъ какъ война потребуетъ въ будущемъ все бо́льшаго психическаго напряженія.

Въ утопическомъ романѣ „Ein Blick nach vorn“ („Взглядъ, брошенный въ будущее“)—дѣйствіе происходитъ въ 2006 г.—изображается война, которую Германія ведетъ съ Россіей. Невѣста героя встрѣчаетъ на вокзалѣ жениха, недавно лишь отправившагося на театръ военныхъ дѣйствій. Каково же было ея удивленіе, когда вмѣсто цвѣтущаго юноши, какимъ онъ уѣхалъ, она увидѣла передъ собой почти старика съ сѣрымъ цвѣтомъ кожи и заострившимися чертами лица.

„Война при современныхъ условіяхъ не пустякъ“ (keine Kleinigkeit)—замѣчаетъ онъ на ея удивленный вопросъ.

Въ анонимной повѣсти „Krieg-mobil 19...“ („Война 19... г.“), повѣствующей о войнѣ Германіи съ Франціей и Россіей, описывается, между прочимъ, какъ русскія войска форсируютъ переправу черезъ Ангераппъ. Вся картина боя до того ужасна, что нѣмецкіе солдаты и офицеры не выдерживаютъ: многіе сходятъ съ ума и бросаются съ дикимъ крикомъ въ самое пекло адскаго огня.

При этомъ нѣмецкіе писатели порой приводятъ въ примѣръ 1870 годъ, когда германская армія была болѣе на высотѣ положенія.

Въ утопіи „Die Vergangenheit unserer Zukunft“ („Прошлое нашего будущаго“) говорится, между прочимъ, о войнѣ, которую Германія вела въ 1974 г. (разсказъ вложенъ въ уста человѣка, живущаго въ 4251 г.) съ Англіей и Франціей.

„Это были уже не тѣ солдаты и, въ особенности, не тѣ офицеры, что въ 1870 г. Тѣ прекрасно справлялись со всѣми лишеніями и трудностями войны, а изъ тѣхъ, что сражались въ 1974 г., значительная часть изнемогла уже въ самомъ началѣ похода.

Всѣ они страдали неврастеніей, безсонницей, страшными головными болями и невралгіей“.

Нѣтъ сомнѣнія, что упомянутые авторы преднамѣренно сгущаютъ краски. Они нарочно преувеличиваютъ. Они явно хотятъ навести читателя на размышленіе. Они незамѣтно подсказываютъ ему вопросъ, занимающій и волнующій ихъ самихъ.

А вопросъ этотъ можно формулировать такъ:

„Какія стороны современной культуры приводятъ къ пониженію боевой способности націи?“.

Или иначе:

„Какія условія жизни необходимы, чтобы германская армія представляла не только въ смыслѣ военной подготовки, но и въ психофизическомъ отношеніи непобѣдимую силу?“.

Большинство германскихъ милитаристовъ, задумывавшихся надъ этимъ вопросомъ, усматриваетъ главную причину возрастающаго пониженія воинственности и крѣпости націи въ характерномъ для современной культуры ростѣ *индустріализма* и *урбанизма.*

Въ разрѣзъ съ преобладающей тенденціей духа времени они зовутъ изъ большихъ промышленныхъ городовъ назадъ къ патріархальнымъ полямъ.

Какъ нѣкогда Ж. Ж. Руссо, какъ недавно Л. Н. Толстой, они—проповѣдники „опрощенія“. Всѣ они, каждый по своему, прославляли красоту и здоровье непритязательно-простыхъ нравовъ.

Только отправная точка зрѣнія у нихъ иная.

Они возстаютъ противъ промышленности, противъ большихъ городовъ, противъ роскоши во имя земледѣльческой культуры не потому, что послѣдняя легче позволяетъ осуществить приблизительное экономическое равенство, и не потому, что она ближе къ идеалу христіанской морали, а только потому, что она—лучшее средство создать націю спартански-воспитанныхъ воиновъ.

Въ своей книгѣ „Rasse und Volk“ („Раса и народъ“) одинъ изъ идеологовъ германскаго имперіализма, А. Виртъ, скорбитъ, что нынѣ въ Германіи въ сельскомъ хозяйствѣ занято уже только 21% всего населенія, тогда какъ въ индустріи—39%, а въ торговлѣ—12%. Вся мужская часть ежегоднаго прироста, составляющаго въ среднемъ 800.000 человѣкъ, также „цѣликомъ“ распредѣляется по разнымъ отраслямъ торгово-промышленной дѣятельности.

Растущая индустріализація равносильна все прогрессирующему пониженію боевой способности націи. Ибо, если нѣкоторыя производства и повышаютъ умственный уровень рабочаго, — большинство безусловно вредно здоровью. Факты на лицо. Изъ ста померанскихъ крестьянъ для военной службы обычно годятся всѣ, а изъ ста новобранцевъ, поставляемыхъ Берлиномъ, половина, также обычно, бракуется.

Настанетъ день, и Германіи придется пользоваться для защиты своихъ границъ—наемниками.

Другой характерной чертой городской культуры служитъ прогрессирующее паденіе рождаемости. Если въ 1875 г. на 1000 женщ. приходилось въ Германіи еще 42 рожденія, то нынѣ уже только 29. Такъ какъ жизнь все болѣе сосредоточивается въ крупныхъ городахъ, такъ какъ именно они особенно способствуютъ паденію рождаемости, то въ будущемъ этотъ процессъ будетъ явно усиливаться.

Такъ является большой городъ „огненной печью“, гдѣ „испаряются силы народа“.

„Тягѣ къ городу и бѣгству съ полей“ (Stadtsucht und Landflucht), порожденнымъ современной промышленнй культурой и болѣе пагубнымъ, чѣмъ „десять неудачныхъ войнъ“, Виртъ противополагаетъ, какъ идеалъ, обратное движеніе изъ центровъ индустріализма, изъ большихъ цитаделей капи-

тализма назадъ, къ простотѣ нравовъ патріархальнаго земледѣльческаго быта.

И та же мысль облечена въ форму художественнаго повѣствованія въ романѣ Людвига Розеггера (сына народника П. Розеггера), „Der Golfstrom".

Романъ открывается картиной безнадежнаго упадка Европы, и въ частности Германіи, вызваннаго—по мнѣнію автора—именно ростомъ индустріализма и урбанизма.

Старое „почтенное" земледѣліе было заброшено. По всей линіи восторжествовала промышленность, которую холили, какъ избалованное дитя. Къ ней притекали всѣ свободныя рабочія руки, ибо каждый школьникъ зналъ, что выгоднѣе продавать на міровомъ рынкѣ продукты промышленности и покупать чужіе дешевые продукты сельскаго хозяйства, чѣмъ самому „со всевозможными лишеніями" производить хлѣбъ и разводить скотъ. Обезлюдѣли поля и луга, и ихъ оголенныя пространства представляли рѣжущій контрастъ къ перенаселеннымъ городамъ.

Всюду вздымались фабричныя трубы, окутывая небо облакомъ дыма. Массами производились товары, наводняя страну безмѣрными богатствами. Воцарилась неимовѣрная роскошь. Неврастенія, истерія и пресыщенность были обычными явленіями.

„Даже въ народныхъ низахъ уровень потребностей былъ очень высокъ, всеобщая изнѣженность приводила къ деморализаціи, и со страхомъ думали истинные патріоты о томъ днѣ, когда желѣзная необходимость заставитъ этихъ малокровныхъ, болѣзненныхъ, жаждущихъ удовольствій людей взяться за оружіе и съ самоотверженностью и упорствомъ защищать отчизну на поляхъ кровавыхъ битвъ".

Нѣкоторые „истинные патріоты" даже мечтали о войнѣ, какъ о лучшемъ средствѣ встряхнуть эти жалкія, вырождающіяся поколѣнія.

Нашлось, правда, нѣсколько благоразумныхъ людей, указывавшихъ націи на грозящую ей отъ индустріализма и роскоши опасность быть стертой съ лица земли—среди нихъ лицо даже очень высокопоставленное,—надъ ними смѣялись.

„Тщетно поднималъ Вильгельмъ II свой предостерегающій голосъ, призывая къ *простотѣ нравовъ* и самодисциплинѣ,

его называли несовременнымъ человѣкомъ (unmodern), романтикомъ-аскетомъ, запоздалымъ ученикомъ Руссо".

Вскорѣ трагически сказались послѣдствія вырожденія, порожденнаго чрезмѣрнымъ развитіемъ индустріализма и урбанизма. Насталъ грозный часъ конфликта съ Америкой, и Европа была на голову разбита.

Въ донесеніи одного изъ адмираловъ соединенныхъ европейскихъ эскадръ указывалось, какъ на главную причину грандіозной катострофы, на чрезмѣрную „нервозность" штаба и матросовъ.

„Мы, къ сожалѣнію, уже не тѣ желѣзные люди, что прежде,—говорилось въ докладѣ;—мы выродились, потеряли энергію и силу *вслѣдствіе страсти къ роскоши и неестественнаго образа жизни*, словомъ, *современная культура* была, главнымъ образомъ, виновата въ той всеміpно-исторической катастрофѣ, которая, быть можетъ, навсегда измѣнитъ политическую и географическую карту не одной только Европы".

Не довольствуясь своей побѣдой, американцы рѣшили окончательно сломить свою соперницу. При помощи ухищренныхъ техническихъ приспособленій они отводятъ къ себѣ гольфштромъ, питавшій Европу своимъ тепломъ. Въ Европѣ воцаряется страшный холодъ, отъ котораго погибаетъ вся старая культура: обезлюдѣли города, остановилась промышленность, приходится напрягать всѣ силы, чтобы уцѣлѣть въ суровой борьбѣ за существованіе и довольствоваться малымъ, такъ какъ исчезло изобиліе.

И, однако, для Германіи этотъ новый „ледниковый періодъ" былъ величайшимъ благодѣяніемъ.

Отъ индустріи пришлось поневолѣ вернуться къ старому, когда-то заброшенному, земледѣлію. Началась обратная тяга изъ города въ деревню. Культъ роскоши уступилъ мѣсто патріархальной простотѣ нравовъ. Поколѣнія неврастениковъ и блэзированныхъ смѣнялись поколѣніями физически и психически здоровыхъ людей.

Въ Америкѣ, омываемой горячимъ гольфштромомъ, наоборотъ, пышно расцвѣла промышленность, громыхали моторы и жужжали машины, отовсюду стекалось золото, жажда роскоши распространялась сверху внизъ, началось вырожденіе.

Когда въ благодатномъ климатѣ „ледниковаго періода" уцѣлѣвшія европейскія государства, во главѣ которыхъ стояла теперь Германія, настолько окрѣпли, что снова могли подумать о соперничествѣ съ Америкой,—въ соединенномъ европейскомъ парламентѣ былъ поставленъ на обсужденіе вопросъ: не отнять ли гольфштромъ у американцевъ?

Противъ этого предложенія горячо возсталъ германскій канцлеръ. „Старая, нынѣ погибшая Европа,—говорилъ онъ,—порабощала человѣка золотыми цѣпями, индустрія создавала рабовъ, роскошь портила насъ, а дымъ фабричныхъ трубъ застилалъ передъ нами свѣтъ солнца. Всюду царили недовольство и пресыщенность... Нынѣ же мы довольны въ *тѣхъ ограниченныхъ условіяхъ,* въ которыхъ живемъ, и *наслаждаемся жизнью осмысленно* и *гармонично.* Вмѣстѣ съ гольфштромомъ вернется къ намъ прошлое... Взгляните на Америку, если хотите знать, что насъ ожидаетъ".

Убѣжденный рѣчью канцлера соединенный парламентъ постановилъ: оставить навсегда американцамъ гольфштромъ, символъ промышленно-городской культуры, ведущей къ изнѣженности и вырожденію.

Оказывается, однако, что „опрощеніе", о которомъ такъ хлопочетъ германскій канцлеръ, нужно было вовсе не для того, чтобы люди научились, наконецъ, „осмысленно и гармонично наслаждаться жизнью", а для усиленія военной мощи государства.

Снова—въ 1980 г.—снаряжается эскадра, на этотъ разъ подъ начальствомъ нѣмецкаго адмирала, и отъ американскаго флота не остается ничего.

И что въ высшей степени характерно: несмотря на торжество аграрнаго строя жизни и патріархальной простоты нравовъ, нѣмцы усиленно работали надъ усовершенствованіемъ своей военной техники и соорудили цѣлую флотилію приводимыхъ въ движеніе электричествомъ подводныхъ дредноутовъ.

Докладывая императору Фридриху Вильгельму V, президенту Соединенныхъ Штатовъ Европы, о блестящей побѣдѣ, канцлеръ восклицаетъ:

„Ваше величество, вашему царствованію суждено было стать эпохой славнѣйшаго подвига послѣднихъ десятилѣтій.

Будущее принадлежитъ лучшимъ и сильнѣйшимъ. А что выше того, что сдѣлали мы?

Мы отказались отъ опаснаго счастья имѣть мягкій климатъ, чтобы сдѣлать *народъ нашъ непобѣдимымъ*!"

Подобно тому, какъ великіе проповѣдники „опрощенія", Ж. Ж. Руссо и Л. Н. Толстой, отрицали не только индустріализмъ и урбанизмъ, но и *искусство*, такъ готовы упразднить его—хотя и по инымъ соображеніямъ—и нѣкоторые германскіе милитаристы.

Въ занятіи искусствомъ, въ эстетическомъ наслажденіи они также усматриваютъ чувство, подтачивающее спартанскую воинственность націи.

Всѣ силы, которыя нынѣ тратятся на созданіе художественныхъ произведеній, весь интересъ, съ которымъ къ нимъ относится публика, было бы цѣлесообразнѣе отдать заботамъ объ усовершенствованіи военной техники.

Эти мысли выступаютъ довольно рельефно въ утопіи (лишенной, впрочемъ, всякой фабулы, всякаго дѣйствія): „Die Vergangenheit unserer Zukunft". Какъ видно изъ подзаголовка „Упадокъ нашихъ предковъ" (Der Verfall unserer Vormenschen), авторъ (Мельхерсъ) рисуетъ (устами человѣка живущаго въ 4251 г.) процессъ вырожденія бѣлой расы, послѣдствіемъ котораго было воцареніе Китая...

Описывая настроеніе нѣмецкаго общества въ 1974 г., наканунѣ войны съ Англіей и Франціей, разсказчикъ указываетъ на отсутствіе въ немъ патріотически-воинственнаго подъема и объясняетъ это отсутствіе такъ же, какъ Виртъ и Розеггеръ, торжествомъ индустріализма, деморализовавшаго націю сверху до низу.

„Настроеніе въ Германіи было иное, чѣмъ въ 1870 г.",—повѣствуетъ онъ. Тогда нѣмцы ненавидѣли сосѣдей-французовъ, на войну шли съ энтузіазмомъ, и общій лозунгъ гласилъ: побѣдить или умереть. Теперь (въ 1974 г.) дѣло обстояло иначе...

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Германіи была налицо развитая промышленность, народъ сдѣлался матеріалистомъ и не хо-

тѣлъ—даже временно—отказаться отъ роскоши, распространившейся сверху до низу".

Въ отсутствіи воинственнаго подъема была виновата, по словамъ разсказчика, до извѣстной степени и пропаганда соціалъ-демократовъ. Запасные роптали, что имъ приходится идти на смерть изъ-за какихъ то колоній—не все-ли равно, кому онѣ будутъ принадлежать, нѣмцамъ или французамъ. Были и случаи возмущенія. „Соціалъ-демократическія идеи,—замѣчаетъ разсказчикъ,—слишкомъ въѣлись въ кровь солдата".

Если нѣмцы отличались въ 1974 г. большей изнѣженностью, чѣмъ въ 1870 г., то не только вслѣдствіе страсти къ роскоши, но и вслѣдствіе любви къ искусству. Еще ярче бросалась эта связь въ глаза во Франціи. Задавая тонъ въ области художественнаго творчества, она—особенно послѣ войны съ Германіей—представляла въ „военномъ отношеніи" une quantité negligeable.

По мнѣнію людей, живущихъ въ 4251 г., устами которыхъ говоритъ, однако, современный идеологъ милитаризма, любовь къ искусству ведетъ къ изнѣженности, а послѣдняя—къ пониженію воинственнаго пыла и военной мощи націи.

„Мы,—замѣчаетъ авторъ,—смотримъ иначе, чѣмъ наши предки, на искусство. Мы считаемъ занятіе искусствомъ просто признакомъ духовнаго вырожденія.

Если мы хотимъ насладиться произведеніемъ искусства, то мы идемъ въ природу, ибо для насъ каждое дерево, каждый цвѣтокъ, каждое насѣкомое—есть художественное произведеніе. Мы отнеслись бы съ сожалѣніемъ къ каждому, кто сталъ бы срисовывать природу или лѣпить изъ мрамора человѣка, ибо все равно никому никогда не удастся возсоздать природу во всемъ ея великолѣпіи. Такой человѣкъ трудился бы безполезно, а намъ ничто не кажется столь достойнымъ презрѣнія, какъ трудъ, который безполезенъ".

„И если я раздумываю надъ прошлымъ,—продолжаетъ человѣкъ, живущій въ 4251 г., — то я долженъ сказать, что нашъ взглядъ на искусство совершенно правильный.

Ибо исторія учитъ насъ, что всегда, когда у тѣхъ или иныхъ народовъ искусство находилось въ расцвѣтѣ, это уже было признакомъ начинавшагося упадка. Сошлюсь на французовъ,

нѣмцевъ и т. д. Вотъ почему народы Европы и должны были уже въ XXII в. уступить мѣсто монголамъ, которые совершенно не интересовались искусствомъ.

Мы сочли бы, поэтому, величайшимъ національнымъ бѣдствіемъ, если бы нашъ народъ любилъ искусство.

Но я думаю, что нѣтъ основанія опасаться этого, ибо онъ слишкомъ здоровъ и разсудителенъ, чтобы отдаться столь *безплодному* занятію, неизбѣжно приводящему къ *изнѣженности*".

Съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ искусству сочетается у автора столь же восторженный культъ военной техники.

Съ восхищеніемъ повѣствуетъ онъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ германцами въ области, особенно, авіаціи.

Воздухоплаваніе—одно изъ любимыхъ дѣтищъ нѣмецкихъ милитаристовъ.

Въ немъ—по ихъ мнѣнію — лучшій залогъ побѣды надъ Англіей. Въ своей брошюрѣ „Unsere auswärtige Politik" („Наша внѣшняя политика") А. Виртъ рекомендуетъ дѣйствовать противъ англичанъ, главнымъ образомъ, аэропланами и цеппелинами, такъ какъ англичане менѣе всего привычны къ этому способу войны, а другой писатель обратился къ Вильгельму II съ книгой, гдѣ совѣтуетъ ради той же цѣли увеличить и усовершенствовать воздушный флотъ.

Именно благодаря грандіозно-развитой авіаціи и побѣждаетъ въ утопіи „Die Vergangenheit unserer Zukunft" Германія Англію въ 1974 г.

Одному нѣмецкому инженеру удалось найти въ нѣдрахъ люнебургской равнины особый минералъ, изъ котораго получался особый газъ, въ пять или шесть разъ легче углеводорода,—петролатъ (Petrolat). Правительство, естественно, поспѣшило скупить всѣ участки, гдѣ имѣлся этотъ драгоцѣнный минералъ, и монополизировало добычу новаго газа. Это изобрѣтеніе дало возможность построить особые цеппелины, изъ которыхъ каждый могъ поднять 700 человѣкъ пѣхоты и два тяжелыхъ орудія вмѣстѣ съ лошадьми и орудійной прислугой. Было, кромѣ того, изобрѣтено новое взрывчатое вещество для бомбъ, бросаемыхъ съ аэроплановъ...

Хотя въ борьбѣ съ Англіей Германія и потеряла весь свой флотъ, она вышла изъ войны побѣдительницей...

„Рѣшающее значеніе имѣли воздушные корабли,—замѣчаетъ авторъ,—и если бы не они, то и исходъ войны былъ бы, вѣроятно, иной".

Среди идеологовъ милитаризма есть и такіе, которые не вѣрятъ въ возможность упраздненія городской культуры, въ возможность золотого вѣка патріархальной простоты.

На такой противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ авторъ утопіи „Ein Blick nach vorn", скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ A. Venir.

Его романъ переноситъ насъ въ 2006 г.

Города не только не исчезли, но стали настоящими гигантами. Къ небу поднимаются двадцатиэтажные дома. Техника достигла сказочныхъ размѣровъ. На плоскихъ крышахъ небоскребовъ раскинулись тропическіе парки. По дну океана проложены электрическія дороги. Пища состоитъ преимущественно изъ химическихъ препаратовъ. Молодожены совершаютъ брачное путешествіе вокругъ свѣта въ гондолѣ аэроплана.

Въ телескопъ видно все, что дѣлается на Марсѣ и т. д.

Искусство, напротивъ, почти исчезло.

Тѣмъ величественнѣе размахъ военной техники.

Всѣ помыслы и заботы изобрѣтателей направлены на нее.

Герой романа, офицеръ, командующій батареей тяжелыхъ орудій съ автомобильной тягой, занятъ вопросомъ, какъ использовать освободившуюся въ моментъ остановки машинъ энергію для автоматическаго способа окопаться, и послѣ ряда опытовъ блестяще рѣшаетъ свою задачу. Какъ только машины останавливаются, лопаты аппарата начинаютъ взрывать камни и песокъ, все кругомъ заволакивается пылью, моторъ выключается, пыль разсѣивается, и батарея глубоко зарылась въ землю, такъ что видны одни только орудія.

Когда началась война съ „технически отсталой" Россіей, въ распоряженіи Германіи находились „скорострѣльныя самодвижущіяся механическія ружья, тяжелая артиллерія, проходившая въ часъ болѣе 100 километровъ, изрыгавшая еще на

разстояніи 30—35 километровъ уничтожающій огонь, осадныя орудія, выбрасывавшія бомбы, начиненныя 1000 килогр. взрывчатаго вещества, въ сравненіи съ которымъ динамитъ былъ дѣтской игрушкой" и т. д.

Также усовершенствованъ былъ флотъ. Онъ состоялъ изъ „чудовищъ, имѣвшихъ форму сигары", покрытыхъ броней изъ особаго металла, найденнаго въ принадлежащихъ Германіи африканскихъ колоніяхъ, приводимыхъ въ движеніе электричествомъ и державшихся одинаково хорошо на водѣ и подъ водой.

Былъ усовершенствованъ и воздушный флотъ.

Надъ Лондономъ неожиданно появился десятокъ цеппелиновъ съ непроницаемой броней, снабженныхъ бомбами, начиненными страшно взрывчатымъ веществомъ, такъ что англичане въ страхѣ отказались отъ мысли поддержать Россію активнымъ выступленіемъ.

Авторъ утопіи убѣжденъ, что въ XXX ст. наиболѣе передовыя страны перейдутъ силою вещей отъ частно-капиталистическаго хозяйства къ государственному соціализму.

Въ 2006 г. вся земля и всѣ заводы составляютъ въ Германіи собственность государства, во главѣ котораго рядомъ и выше парламента, стоитъ императоръ, тогда какъ въ отсталыхъ странахъ установился республиканскій строй.

Покончивъ навсегда съ сословными перегородками, открывъ передъ каждымъ гражданиномъ необъятное поле для примѣненія его способностей, улучшивъ значительно положеніе трудящихся, государственный соціализмъ смелъ окончательно послѣдніе остатки той культуры, которую соціалисты-демократы пытались построить на началахъ альтруизма и интернаціонализма.

Заглянемъ на мгновеніе въ берлинскій университетъ въ одинъ изъ учебныхъ дней 2006 года.

Популярный профессоръ исторіи читаетъ свою вступительную лекцію.

Собралось множество слушателей, студентовъ и военныхъ.

Профессоръ бросаетъ ретроспективный взглядъ на XX-ое столѣтіе и попутно касается ученія извѣстнаго тогда „лжепророка Бебеля".

„Идеи этихъ старыхъ сентиментальныхъ проповѣдниковъ гуманности (Humanitätsduseler),—восклицаетъ профессоръ,—вѣрившихъ, что на основахъ человѣколюбія можно построить прочный міропорядокъ, оказались сказкой. Напротивъ, всякое обращеніе къ эгоизму, къ чувству самосохраненія, приводило до сихъ поръ всегда къ блестящимъ результатамъ. Мы и положили, поэтому, въ основу нашей системы (т. е. государственнаго соціализма), цѣлью которой является благо и преуспѣяніе германской націи, чувство эгоизма, чувство самосохраненія индивидуума".

Перейдя затѣмъ къ международнымъ отношеніямъ, профессоръ продолжалъ:

„Вы, вѣроятно, уже поняли, что я не сторонникъ идеи интернаціонализма. Различіе языка, происхожденія, нравовъ будутъ и впредь мѣшать осуществленію стремленія къ сліянію народовъ..."

Единственная возможная—да и то лишь въ очень отдаленномъ будущемъ—форма единенія народовъ, это—единеніе на основѣ одинаковаго расоваго происхожденія.

„Возможно, что когда-нибудь и настанетъ такое время, когда объединившіеся германцы всѣхъ странъ водрузятъ надъ покореннымъ міромъ знамя пангерманизма".

Но пока—даже въ 2006 г.—рано еще „ломать себѣ голову надъ подобными проблемами".

Міръ вступаетъ явно въ полосу національной культуры и національной борьбы.

И все болѣе вдохновляясь, все болѣе входя въ роль учителя-трибуна, популярный профессоръ исторіи противополагалъ идеалу интернаціонализма, за который когда-то въ XX в. ратовалъ „лже-пророкъ Бебель", идею воинствующаго національзма.

„Войну, господа, — восклицалъ онъ,— нельзя упразднить, нынѣ менѣе, чѣмъ когда-либо раньше.

Въ особенности мы—нѣмцы—должны ежечасно заботиться о томъ, чтобы нашъ мечъ не заржавѣлъ въ ножнахъ".

Такъ говорилъ популярный профессоръ исторіи, горячій защитникъ идеи государственнаго соціализма, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя—6 іюня 2006 г.—Германія объявила войну Россіи.

Такова истинная культура по мнѣнію германскихъ милитаристовъ.

Одни зовутъ изъ промышленныхъ городовъ, этихъ „огненныхъ печей, гдѣ испаряются силы народа", назадъ, къ земледѣльческому быту и патріархальной простотѣ. Роскошь упразднена. Всѣ живутъ скромно и довольствуются малымъ. Искусствомъ никто не интересуется, такъ какъ оно приводитъ неизбѣжно къ „изнѣженности". Такъ снова окрѣпнутъ нервы людей. Поколѣнія неврастениковъ и истериковъ смѣнятся поколѣніями физически и психически здоровыхъ спартанцевъ.

Для арміи, выходящей изъ рядовъ такого народа, не страшны никакія лишенія, никакіе ужасы войны.

Всѣ помыслы и силы, раньше уходившія на созданіе предметовъ роскоши и произведеній искусства, отданы заботамъ объ усовершенствованіи военной техники.

Нація, выросшая въ такихъ суровыхъ условіяхъ жизни, вооруженная такими техническими приспособленіями, непобѣдима.

Другіе идеологи милитаризма, раздѣляющіе съ выше указанными ихъ пренебрежительное отношеніе къ искусству, доводящіе ихъ культъ военной техники до крайнихъ предѣловъ, такъ какъ войны становятся все больше поединкомъ не армій, а техническихъ усовершенствованій, не вѣрятъ въ возможность исчезновенія промышленной и городской цивилизаціи, но предусматриваютъ, въ свою очередь, возможность перехода отъ нея не къ чисто земледѣльческому строю, а къ государственному соціализму.

Этотъ послѣдній не только усилитъ значеніе государственнаго принципа, сосредоточивъ въ рукахъ государства всѣ орудія производства и всѣ капиталы, но и, въ частности, его—военную мощь.

А главное: онъ навсегда упразднитъ тѣ идеи человѣколюбія и интернаціонализма, на устояхъ которыхъ демократія мечтаетъ воздвигнуть культуру будущаго.

Война съ искусствомъ.

Ѳ. Ф. Зѣлинскій.

Въ древне-греческой баснѣ разсказывается, какъ богиня Афродита, въ силу одной изъ своихъ божественныхъ прихотей, превратила полудомашняго звѣрька, ласку, по ея просьбѣ, въ дѣвушку. Метаморфоза вышла полная, дѣвушка стала красавицей изъ красавицъ, что и неудивительно, разъ за дѣло взялась сама Афродита. Нашли ей жениха, съ блескомъ отпраздновали свадьбу;—на бѣду въ ту самую минуту, когда она вступала въ теремъ своего молодого мужа, изъ щелки выбѣжала мышь. При этомъ видѣ старинная натура внезапно проснулась въ невѣстѣ: забывъ о своемъ брачномъ нарядѣ, она погналась за мышью. Разгнѣвалась Афродита и превратила ее обратно въ ласку.—Мораль этой басни ясна: очеловѣчивай, окультуривай себя сколько хочешь, но если ты рожденъ четвероногимъ существомъ, то неизбѣжно наступитъ минута, когда твоя первоначальная природа дастъ знать о себѣ, налетъ культурности и человѣчности исчезнетъ, и ты вновь станешь тѣмъ, чѣмъ родился.

Такова наша присказка; сама сказка, увы, отличается отъ нея именно тѣмъ, что она не сказка, а горькая дѣйствительность.

Я не буду подробно пересказывать этой печальной повѣсти о разрушеніи столькихъ сокровищъ міроваго искусства нашими западными сосѣдями и нынѣшними врагами—повѣсти, которую мы всѣ знаемъ, которая у всѣхъ насъ вызвала живѣйшее чувство возмущенія, приправленнаго у иныхъ—злорадствомъ, у иныхъ—душевной болью. Не о са-

момъ вандализмѣ хотѣлъ я говорить, а о томъ, какъ этотъ вандализмъ оправдывается,—оправдывается тѣми, въ которыхъ мы вправѣ были бы искать единомышленниковъ въ его осужденіи.

Еще тогда, когда чаша преступленій нашихъ враговъ была не такъ тяжела, какъ теперь—еще тогда одинъ извѣстный французскій писатель обратился къ корифею нѣмецкой литературы, къ Гергарду Гауптману, съ горячимъ протестомъ противъ разрушенія общечеловѣческой сокровищницы искусства въ Бельгіи и Франціи. Отвѣтить на этотъ протестъ можно было двояко. Либо—присоединиться къ нему, сказать: „да, я возмущенъ происшедшимъ оскверненіемъ нѣмецкаго знамени, и именно потому, что я нѣмецъ, я имъ возмущенъ гораздо болѣе, чѣмъ вы.“ Я думаю, что именно этотъ отвѣтъ былъ бы истинно патріотическимъ: вѣдь честь Германіи гораздо болѣе связана съ именемъ автора „Потонувшаго колокола“, которое мы всѣ знали и любили, чѣмъ съ именами тѣхъ никому неизвѣстныхъ генераловъ, которые направляли жерла своихъ пушекъ на стѣны Лувенскаго университета и на башни Реймскаго собора. Но, съ другой стороны, для такого акта требовался героизмъ,—а быть героемъ никто не обязанъ. Ну что-же, тогда вторая возможность: смолчать; всѣ поняли бы значеніе этого вынужденнаго молчанія, и честь Гауптмана, а съ нимъ и лучшей части Германіи, осталась бы незапятнанной.

Но нѣтъ, Гауптманъ избралъ третій путь. Поступокъ своихъ соотечественниковъ онъ цѣликомъ взялъ на себя: изъ Лувена, изволите ли видѣть, стрѣляли въ германскихъ солдатъ, его разрушеніе было справедливымъ возмездіемъ. Гауптманъ поклонникъ Рубенса, но если, говоритъ онъ, разрушеніемъ картины Рубенса я могу спасти жизнь хоть одному нѣмецкому солдату, то я ее разрушу. Итакъ, война съ искусствомъ оправдана.

Въ этомъ отвѣтѣ два положенія: одно касается самаго факта, другое—вывода изъ него. Первое не представляетъ почвы для плодотворнаго спора. Вы утверждаете, что изъ Лувенскаго университета стрѣляли въ нѣмецкихъ солдатъ; откуда вы это знаете? Развѣ вы тамъ были? — Нѣтъ, но я вѣрю нашимъ оффиціальнымъ сообщеніямъ. — Ну, а мы

вѣримъ нашимъ оффиціальнымъ сообщеніямъ, которыя противоположны вашимъ.—Очевидно, тутъ ни до чего не доспоришься; остается разойтись.

Чтобы сдѣлать споръ плодотворнымъ, примемъ фактическую постановку дѣла, какой ее себѣ представляетъ Гауптманъ; принявъ ее, разсмотримъ его выводъ: „если разрушеніемъ картины Рубенса я смогу спасти жизнь хоть одному нѣмецкому солдату, то я ее разрушу“. Но сначала внесемъ въ него одну поправку. Конечно, о спасеніи жизни сказано ради эфекта: Гауптманъ играетъ на стрункѣ состраданія въ нашей душѣ, въ которой все-таки живетъ сознаніе самодовлѣющей цѣнности человѣческой жизни. О ней какъ то странно говорить въ такое время, когда ради взятія или сохраненія какого-нибудь дома паромщика приносятся въ жертву сотни этихъ человѣческихъ жизней. Нѣтъ, въ этой войнѣ цѣнность человѣческой жизни безъ остатка растворилась въ превышающей цѣнности того, чему ее приносятъ въ жертву—*стратегическаго преимущества*. Именно только преимущества: а мы вѣдь знаемъ, много такихъ преимуществъ требуется для побѣды, и много такихъ побѣдъ для благопріятнаго исхода войны. Не будемъ же обманывать себя: ставя сокровище искусства ниже человѣческой жизни, Гауптманъ и подавно поставилъ его ниже самаго ничтожнаго стратегическаго преимущества. И вотъ тутъ-то, думается мнѣ, ласка показала свою истинную натуру.

Въ самомъ дѣлѣ, г. Гауптманъ, скажите намъ вотъ что. Вѣдь предметъ нашего благоговѣнія и нашей тоски, константинопольская св. Софія, находится пока въ турецкихъ, т. е., въ вашихъ рукахъ; что же, можемъ мы за нее быть спокойны? Можемъ мы быть увѣрены, что вы ея не разрушите?—Нѣтъ, говоритъ: если ея разрушеніе посулитъ мнѣ малѣйшее стратегическое преимущество, то я ее разрушу.—Такъ; а васъ не смущаетъ неизбѣжная помѣта въ будущемъ Бедекерѣ по поводу площади, нынѣ называемой „Ая-Софья—мейданъ“: „Здѣсь нѣкогда стояла св. Софія; выстроена императоромъ Юстиніаномъ въ 532 г.; пощажена султаномъ Магометомъ Завоевателемъ при взятіи Константинополя въ 1453 г.; разрушена нѣмецкимъ генераломъ фонъ-Сандерсомъ при вступленіи русскихъ войскъ въ 1915 г.“—эта помѣта васъ не

смущаетъ?—Нѣтъ, это было бы излишней сентиментальностью.—Что же, пусть такъ; все-таки, мы кое до чего договорились. А именно, вотъ до чего.

Сплошь и рядомъ мы видимъ, какъ человѣкъ, нажившій состояніе торговыми или банкирскими оборотами, заводитъ себѣ культурную обстановку, украшаетъ свои залы картинами великихъ мастеровъ; что же, признаемъ ли мы его истинно культурнымъ человѣкомъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ,—поставимъ его въ необходимость выбора; допустимъ, что его домъ сталъ добычей пламени, и посмотримъ, что онъ бросится спасать: своихъ ли Веласкезовъ и Грезовъ, или же денежный шкафъ? -Помилуйте, скажетъ онъ, картина стоитъ какую-нибудь сотню тысячъ, а тамъ у меня горятъ милліоны!—И онъ будетъ правъ съ своей точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія врожденной натуры этой плохо очеловѣченной ласки. Но для насъ будетъ ясно, что для него Веласкезы и Грезы были пріемными дѣтьми, родными же были—фонды, акціи и облигаціи.

И я боюсь, что нѣчто подобное придется сказать и о нашихъ западныхъ сосѣдяхъ. Если они способны пожертвовать драгоцѣннымъ сокровищемъ искусства ради малѣйшаго стратегическаго преимущества, то не объясняется ли это тѣмъ, что для нихъ родной сынъ—это милитаризмъ, а художественная культура—только пріемная дочь? Они приняли ее, правда много вѣковъ назадъ, отъ бельгійцевъ, французовъ, итальянцевъ; и уже разъ, въ эпоху Лютера и, такъ называемаго, Bildersturm'a, эта пріемная дочь, въ силу религіозно-историческаго недоразумѣнія, была съ ожесточеніемъ и позоромъ изгнана,—ея возвращеніе состоялось не далѣе, какъ 1½ вѣка назадъ, въ эпоху Винкельмана и Гете. Ну, а милитаризмъ—это дѣйствительно родной сынъ, взлелѣянный своими родителями уже съ перваго ихъ вступленія на арену исторіи.

Провѣримъ сказанное. Отъ бельгійцевъ, французовъ и итальянцевъ, сказалъ я, получила Германія свою художественную культуру—это значитъ вообще изъ Италіи, ея матери на всемъ западѣ. Италія же получила ее, въ свою очередь, отъ античной Греціи. Вотъ для нея, дѣйствительно, художественная культура была родной дочерью; что же, подтвердитъ ли она приговоръ Г. Гауптмана?

Мнѣ вспоминается типическій случай изъ исторіи греческихъ войнъ,—тѣмъ болѣе типическій, что его героемъ былъ одинъ изъ главныхъ представителей греческаго милитаризма—Деметрій, по прозвищу Поліоркетъ, т. е. „Градоосаждатель". Это прозвище онъ получилъ не даромъ: онъ первый завелъ корпусъ военныхъ инженеровъ, дѣятельность которыхъ свела на нѣтъ вѣковое преимущество осаждаемыхъ передъ осаждающими.

Они ему соорудили, такъ называемыя, катапульты и баллисты—настоящую тяжелую артиллерію для тѣхъ временъ; они изобрѣли, такъ называемыя, фаларики, т. е., огненныя стрѣлы, посредствомъ которыхъ можно было на далекомъ разстояніи бросать огонь въ непріятельскія зданія—своего рода бомбы, значитъ; они ему понастроили, такъ называемыхъ, подвижныхъ башенъ, посредствомъ которыхъ можно было сверху осыпать снарядами непріятельскіе города—такъ же, какъ нынѣ съ цеппелиновъ.

Разсчитывая на эти свои силы, онъ однажды (въ 304 г.) осадилъ Родосъ, тогда одинъ изъ могущественнѣйшихъ морскихъ городовъ греческаго міра. Его полководческій геній быстро указалъ ему слабую сторону вражеской позиціи—ту часть Родоса, которая, будучи имъ взята, отдала бы въ его руки ключъ къ обладанію всѣмъ городомъ. И ея взятіе представлялось вполнѣ возможнымъ; одно только смущало Деметрія: если направить фаларики на эту часть города, то отъ произведеннаго ими пожара сгоритъ „Іалисъ", прославленная символическая картина Протогена, пользовавшаяся въ античномъ мірѣ такимъ же уваженіемъ, какимъ въ нашемъ—сикстинская Мадонна. Ему представилась неизбѣжная помѣта въ будущихъ описаніяхъ города Родоса: „здѣсь нѣкогда висѣлъ Іалисъ Протогена, сожженный Деметріемъ"—и этой перспективы его греческая душа вынести не могла. Онъ пожертвовалъ стратегическимъ преимуществомъ: Іалисъ былъ пощаженъ. А о немъ самомъ установилось слово: „Деметрій воюетъ съ родосцами, но не съ искусствомъ".

Всякая оцѣнка бываетъ сравнительной; всякій оцѣнщикъ своей оцѣнкой косвенно характеризуетъ самого себя, подсказывая намъ рѣшающій вопросъ: „родная дщерь или пріемная"? И послѣ оцѣнки Г. Гауптмана не можетъ быть

сомнѣнія въ томъ, чѣмъ является художественная культура для его народа.

А для насъ, спросятъ, и для нашихъ союзниковъ?—Мы не можемъ заглядывать впередъ. Пока война велась только на нашихъ территоріяхъ; но мы ждемъ поворота съ каждымъ днемъ. Скоро ослабнетъ германская плотина на франко-бельгійской границѣ—и союзныя войска могучей волной зальютъ прирейнскую область, и передъ ними предстанутъ величавые контуры Кельнскаго собора. Скоро будетъ сломлено сопротивленіе нашихъ враговъ на восточно-прусскомъ фронтѣ и наши войска увидятъ Маріенбургскій замокъ, нѣкогда грозу угнетаемой имъ страны, нынѣ одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ готическаго искусства. А Краковъ—до него лишь временно доходили наши передовые отряды...

Повторяю: для насъ испытаніе еще только впереди. И дай Богъ, чтобы мы выдержали его съ честью; дай Богъ, чтобы художественная культура оказалась намъ не пріемышемъ, а родной дочерью; дай Богъ, чтобы и про насъ потомки могли сказать: французы, англичане, русскіе воевали съ нѣмцами, но не съ искусствомъ.

Мортирологъ памятниковъ искусства.

Е. Е. Баумгартенъ.

Война вообще, а современная въ особенности,—стихійное бѣдствіе. Неисчислимо зло, вносимое ею въ жизнь. Озвѣрѣніе массъ врядъ ли сможетъ окупиться геройскимъ подъемомъ духа сражающихся и обновить, какъ то любятъ утверждать, устарѣвшія формы жизни. Творчество и упорный трудъ въ различныхъ областяхъ знанія двигаютъ человѣчество.

На скрижали исторіи заносятся выдающіяся эпохи, по нимъ наблюдаемъ мы, страницу за страницей, эволюцію человѣка.

Произведенія искусства синтезируютъ въ себѣ духъ народа, выявляя для изслѣдователя этихъ памятниковъ все новыя и новыя данныя изъ прошлой жизни,—данныя, ускользающія подчасъ отъ [самаго внимательнаго историка и археолога. Вымираютъ народы, но духъ ихъ живетъ въ произведеніяхъ; мы чувствуемъ его и возстановляемъ картины изъ давняго времени. Отсюда—любовь къ старинѣ, и чѣмъ эта старина художественнѣе, тѣмъ сильнѣе она захватываетъ!

Произведенія зодчества, изъ всѣхъ памятниковъ прошлаго искусства, стоятъ на первомъ мѣстѣ; это—каменная лѣтопись, говорящая объ историческихъ условіяхъ, мѣстныхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ, о культурѣ и бытѣ.

Война разрушаетъ многіе изъ этихъ памятниковъ, безпощадно вырывая страницы изъ міровой исторіи. Среди изслѣ-

дователей произведеній искусства, мы знаемъ цѣлую плеяду выдающихся германскихъ ученыхъ; на трудахъ ихъ воспитывались многія русскія поколѣнія, мы привыкли смотрѣть на искусство ихъ глазами.

Мы вправѣ были бы ожидать отъ германцевъ наиболѣе бережное отношеніе къ произведеніямъ искусства, между тѣмъ иронія судьбы заставляетъ насъ теперь изучать ими разрушенное.

Ураганъ войны захватилъ Бельгію и часть Франціи. Здѣсь еще видны остатки римскихъ построекъ. Въ памятникахъ Фландріи XII в. сказывается вліяніе прирейнскихъ земель и Сѣверной Франціи, съ ея чудесною готикой ранняго періода [1]). Высока эта религіозная архитектура, но

[1]) Т. к. намъ придется неоднократно указывать на архитектуру XII—XV вв., необходимо опредѣлить характерныя особенности готическаго стиля въ связи съ развитіемъ типа готическаго храма.

Слово „готическій (gothique)" означаетъ „грубый". Такъ опредѣляли искусство средневѣковые итальянскіе эстетики XVI в., вслѣдствіе полнаго несходства зодчества готики съ формами и принципами классики. Многіе называютъ готику „стрѣльчатымъ стилемъ (style ogivale)", по излюбленной въ то время стрѣльчатой формѣ арокъ, но подобныя арки встрѣчались и раньше въ Европѣ, а на Востокѣ никогда не исчезали.

Христіанскій храмъ получилъ свой планъ изъ римской базилики, гдѣ засѣдалъ судъ и собирались граждане. Обширный прямоугольный залъ дѣлился колоннадами на 3 или 5 галлерей—нефовъ; средній нефъ былъ шире и заканчивался закругленіемъ стѣнъ, перекрытымъ полукуполомъ. Здѣсь возвышалось курульное кресло судьи, кругомъ же были скамьи для присяжныхъ. Иногда, какъ, напр., въ базиликѣ Реймса длинный залъ—корабль пересѣкался поперечнымъ заломъ. Надъ боковыми нефами устраивался второй этажъ. Христіанскій храмъ сохранилъ корабль, пересѣкавшій его залъ—трансептъ, закругленіе въ глубинѣ — апсиду (алтарь). Круглые храмы, какъ напр., храмъ Минервы-Медика въ Римѣ, съ вѣнцомъ круглыхъ нишъ, послужили прообразомъ апсиды, окруженной капеллами (къ подобному рѣшенію должны были придти, т. к. раньше всѣ алтари помѣщались въ нефахъ, совершенно загромождая мѣсто для молящихся).

Первоначально базилики перекрывались деревянными потолками, т. к. кладка большихъ сводовъ изъ тесаннаго камня не удавалась: стѣны не выдерживали распора и разрушались; контрфорсы мало помогали и, наконецъ, догадались сдѣлать изъ камня родъ подпорокъ (по принципу бревенъ, коими распираютъ стѣну отъ обвала); получились упорныя, ползучія арки (аркъ-бутаны), идущія отъ „пяты" свода и выносящія распоръ внѣ стѣнъ храма. Своды стали дѣлать на аркахъ, какъ-бы на каркасѣ (нервюры), чѣмъ уменьшили ихъ вѣсъ; стѣны же, освобожденныя отъ нагрузки, получили громад-

Г. Лувэнъ. Площадь передъ ратушей и церковь св. Петра.

Ньюпортъ. Сохранившаяся скульптура (Положеніе во гробъ)

гражданское зодчество выразилось здѣсь съ еще бо́льшимъ блескомъ: ратуши съ ихъ вѣчевыми башнями, торговые ряды, гильдейскія палаты, дома различныхъ корпорацій, замки... ихъ мало сохранилось до нашихъ дней! Строители сумѣли переработать формы, взятыя изъ зодчества церквей, и придать другой характеръ такъ, что ни одно изъ названныхъ сооруженій не можетъ быть принято за храмъ. Какъ мы увидимъ дальше,—встрѣчаются и формы испанскаго зодчества, искусно связанныя съ фламандскимъ стилемъ.

Историку суждено разсмотрѣть документально и безпристрастно послѣдствія настоящей войны. Теперь же мы видимъ то и дѣло сбивчивость свѣдѣній о размѣрахъ и истинныхъ причинахъ разрушеній, а потому говорить о нихъ было бы преждевременно, если бы не жгучій интересъ къ переживаемому.

Постараемся сказать о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя удосто́вѣрены лицами, заслуживающими довѣрія, благодаря своему общественному положенію, а главное привести, гдѣ возможно, фотографическіе снимки.

Мортирологъ большихъ и меньшихъ поврежденій памятниковъ зодчества проходитъ черезъ Лувэнъ, Малинъ, Тер-

ныя окна съ картинами на стеклахъ (витрэ), при чемъ цвѣтныя стекла соединялись свинцовыми спайками. Такимъ образомъ примѣненіе упорныхъ арокъ (аркъ-бутановъ) и скелетнаго (нервюрнаго) свода создало въ зодчествѣ геніальную эпоху готики. Въ ней ярко отразился спиритуализмъ христіанства.

Готическій соборъ проникнутъ стремленіемъ въ высь. Вертикальность дѣленій и направленія линій перебивается лишь трудно замѣтными ярусами отдѣлки, да горизонтальнымъ карнизомъ, но и его пересѣкаютъ зигзаги острыхъ щипцовъ. Въ готическомъ храмѣ все чуждо мірской суетѣ, всѣ помыслы—къ небу! Свѣтъ, проходя черезъ окна цвѣтныя, горитъ словно блескъ камней самоцвѣтныхъ, озаряя таинственный полумракъ переливами радуги!

Различаютъ три періода готики: ранняя—болѣе строгая и простая по формамъ (Notre Dame въ Парижѣ), средняя или зрѣлая—болѣе богатая (Реймскій соборъ) и „пламенѣющая", названная такъ вслѣдствіе сходства излюбленныхъ въ это время очертаній въ формѣ пламени, колеблемаго вѣтромъ; послѣдній періодъ—упадочный, приносящій всѣ принципы конструкціи въ жертву декоративности. Большинство готическихъ сооруженій Бельгіи—въ стилѣ этого періода.

мондъ, Антверпенъ, Ипръ, Ньюпортъ, Первизъ, Лилль, Аррасъ, Парижъ и Реймсъ.

Кто знаетъ, быть можетъ, въ настоящую минуту списокъ этотъ увеличивается?..

Лувэнъ извѣстенъ въ исторіи съ 892 г., когда король Арнульфъ разбилъ здѣсь норманновъ. Въ средніе вѣка городъ насчитывалъ до 100.000 жителей и былъ извѣстенъ своими распрями высшихъ сословій съ коммунистами. Принцъ Іоаннъ IV Брабантскій основалъ въ 1426 г. университетъ, который до XVI в. считался лучшимъ въ Европѣ. Среди профессоровъ называютъ Андрея Везаля и папу Адріана VI; слушателей было около 6000, среди нихъ находился Эразмъ Роттердамскій, знаменитый авторъ перваго критическаго труда по греческому тексту Св. Писанія, а также „Похвалы глупости". Послѣ французской революціи университетъ былъ закрытъ и съ 1817 г. возстановленъ голландскимъ правительствомъ.

Учрежденіе при немъ особой „collegium philosophicum" для образованія будущихъ священниковъ, было однимъ изъ поводовъ къ бельгійской революціи 1830 г. При университетѣ была великолѣпная библіотека. Все помѣщалось въ старинномъ зданіи „суконныхъ рядовъ", длина ихъ была 200 фт., а ширина 50 фт. На доскѣ, съ угла фасада значилось, что начата постройка рядовъ въ 1317 г. „послѣ Пасхи, въ понедѣльникъ", строили—Іоаннъ Стевенсъ, Арнульдъ Гаръ и Георгій Райсъ (Raes).

Внутри былъ одинъ залъ съ деревяннымъ потолкомъ, поддерживавшимся широкими полуциркульными арками на колоннахъ, капители которыхъ состояли изъ листьевъ и забавныхъ гротесковъ. Библіотечныя залы и „залъ повышеній" (promotions) занимали верхній этажъ зданія и надстроены въ XVIII в. Это — настоящій шедевръ по отдѣлкѣ и музей реликвій со времени основанія университета. „Залъ повышеній" былъ единственною аудиторіей стараго университета и сохранялъ свои трибуны, сталли и скамьи; здѣсь въ 1834 г. происходили пышныя засѣданія „новаго" университета.

Главный книжный залъ содержалъ большіе фоліанты. По импозантности онъ могъ сравниться лишь съ заломъ Парижской библіотеки или же съ грандіозными библіотеками временъ итальянскаго ренессанса. Чудныя дубовыя рѣзныя стѣны представляли портики сложнаго ордера, а надъ ними шелъ рядъ статуй философовъ классики, увѣнчанныхъ ажурными балдахинами. Плафонъ былъ тонкой лѣпки, а полъ — узорчатаго паркета. Въ библіотеку вела художественно кованная желѣзная дверь. Другой залъ, служившій съ 1913 г. „профессорской", меньшій по размѣрамъ, отличался тонкой рѣзьбою отдѣлки и удивительно гармоничными сводами, придававшими ему большой уютъ. Читальня была въ „портретномъ залѣ",—настоящемъ историческомъ музеѣ съ галлереей потемнѣвшихъ уже портретовъ знаменитостей профессуры стараго университета. Строгіе лики Юстина Липса, Эразма, Путеануса, Янсеніуса и др. переносили насъ своимъ аскетизмомъ въ эпоху религіозныхъ бореній семнадцатаго вѣка. Здѣсь былъ портретъ Андрея Везаля—„творца анатоміи", къ празднованію столѣтняго юбилея котораго готовился Брюссель. Коллекція книгъ и манускриптовъ была мало извѣстна библіофиламъ. Посѣтители могли видѣть маленькій манускриптъ Тома (Thomas à Kempis) и экземпляръ на пергаментѣ Везаля „De humani corporis fabrica", пожалованный Карломъ V. Пять лѣтъ тому назадъ была получена булла основанія университета въ 1425 г. Здѣсь были отдѣлы теологіи, литературы и исторіи. Богатая „библіотека Лаврентія Бейерлюйка" (1627 г.) все время пополнялась вновь получаемыми экземплярами „старой печати". Здѣсь обнаружилась вся исторія религіи XVI и первой половины XVII в.: составилась „Varia reformatoria", какъ гласили корешки фоліантовъ. Всего было 100.000 томовъ, изъ коихъ 350 incunables [1]). Лувэнскій библіотекарь, Поль Делланой, давшій нѣкоторыя изъ приведенныхъ свѣдѣній, говоритъ, что отъ университета остались лишь обнаженныя стѣны, грозящія паденіемъ, а внутри—груда камня, кирпича и обгорѣлые куски балокъ; по всѣмъ улицамъ, среди развалинъ города, вплоть до ок-

[1]) Incunables—книги, печатанныя типографіей Гутенберга, Шефера и Фуста до конца XV в.—большая рѣдкость.

рестныхъ селенiй, шелестятъ обгорѣвшiе листы изъ книгъ и манускриптовъ.

„Сѣв. Германская газета“ приводитъ официальный рапортъ тайн. сов. ф.-Фалька, посѣтившаго Лувэнъ 17-го сент., въ сопровожденiи бургомистра и сообщаетъ: „зданiе стараго рынка суконщиковъ, гдѣ помѣщались католическiй университетъ и извѣстная библiотека, совершенно выгорѣло, вмѣстѣ съ цѣннѣйшими рукописями; сохранились лишь двѣ фасадныя стѣны“. При этомъ г. Фалькъ добавляетъ, что въ художественномъ отношенiи зданiе ничего не представляло. Итакъ, погибъ старый университетъ, уничтожена его библiотека. Но вѣдь германцы могли до пожара вывезти рѣдкiя книги и рукописи (?). Подобныя мысли мелькали въ печати. Въ „Le Temps“ мы находимъ слѣдующую замѣтку: „Въ 1913 г. Генрихъ Бергсонъ, поднимаясь на Альпы, разговорился съ двумя нѣмецкими профессорами; одинъ изъ нихъ заявилъ, что Королевская Берлинская библiотека содержитъ 5 миллiоновъ томовъ. На возраженiе Бергсона, что надо много времени для собиранiя такого количества книгъ, профессоръ отвѣтилъ совершенно серьезно—„это будетъ весьма легко сдѣлать послѣ войны“. Что же, ужъ лучше быть рѣдкимъ книгамъ и манускриптамъ въ другой странѣ, чѣмъ погибнуть! Первоначально думали, что погибла городская ратуша—шедевръ готическаго искусства; но изъ рапорта г. Фалька выяснилось, что это сооруженiе совершенно сохранилось, благодаря распоряженiямъ маiора ф.-Мантейфеля, приказавшаго разломать всѣ примыкавшiе и уже объятые пламенемъ дома. Въ книгѣ проф. ф.-Бэлова ратуша эта воспроизведена, почему то, среди ратушъ нѣмецкихъ городовъ (?).

Находящаяся за ратушей церковь Св. Петра сильно пострадала. Въ XI в. на этомъ же мѣстѣ была первоначальная церковь, сгорѣвшая въ 1373 г. Настоящая возведена въ XV в. и отличалась удивительной гармоничностью своихъ формъ. Напоминая соборъ въ Антверпенѣ, она гораздо скромнѣе, строже его и давала больше настроенiя.

Передъ хоромъ находился амвонъ съ тремя легкими арками, надъ ними, въ нишахъ, подъ балдахинами, стояли фигуры апостоловъ; выше, на площадкѣ, поднималось большое распятiе.

Дарохранительница (табернакль) славилась по всей Бельгіи;—это была ажурная башня съ массою группъ, изображающихъ страсти Господни; все было исполнено изъ камня высотою свыше 50 футовъ. Гробница женъ Генриха I Брабантскаго, Маріи и Матильды,—первый примѣръ изображенія лежащихъ фигуръ, окруженныхъ ангелами.

Подобно антверпенскому собору, простота внѣшней отдѣлки церкви св. Петра не давала представленія о богатствѣ внутренней декораціи. Центральная башня предполагалась въ 535 фт. высоты, а двѣ боковыя по 430 фт. Но вмѣсто нихъ былъ сдѣланъ деревянный шпиль, который снесло вѣтромъ въ 1604 г.

По свѣдѣніямъ, отъ церкви сохранились однѣ стѣны, но находившіяся въ ней картины—Dierk Bout'a, Flemalle'я и друг.—а также мелкая ея утварь спасены.

Малинъ упоминается съ 775 г., когда его сожгли норманны. Епископъ Льежа Notger обнесъ городъ оградой, и къ XIII в. онъ былъ укрѣпленъ. Въ XIV—XV в. Малинъ былъ резиденціей княжескихъ дворовъ и разбогатѣлъ. Здѣсь Карлъ Смѣлый основалъ свой знаменитый верховный совѣтъ, а Маргарита Австрійская имѣла свой дворъ изъ поэтовъ, артистовъ и музыкантовъ. Здѣсь же Филиппъ II Испанскій основалъ архіепископство, отъ котораго зависѣли іерархіи Камбрэ и Утрехта. Малинъ испыталъ ужасы войны и чумы; въ 1580 г. онъ взятъ былъ приступомъ, а въ 1804 г. лишился своей городской стѣны. Мало-по-малу, городъ терялъ свое значеніе. Онъ сталъ слишкомъ великъ для своихъ 46.000 жителей, и старые кварталы его пришли въ запустѣніе. Все значеніе города свелось къ производству кружевъ и отливанію колоколовъ.

Соборъ св. Ромбо, основателя города,—постройки XIV в. Роскошный порталъ и башня, въ 97 мтр. высотою, начаты въ 1452 г. и закончены лишь въ XVI в. Эту башню предполагали завершить каменнымъ ажурнымъ шпилемъ, доведя высотою до 600 мтр. Монументальная масса собора красиво выдѣлялась на фонѣ кладбища, среди густыхъ деревьевъ.

Сейчасъ соборъ сильно поврежденъ, колокольня разрушена во многихъ частяхъ. Кромѣ того, въ Малинѣ уничтожена церковь св. Петра, пострадало зданіе мироваго суда, а также коллегія св. Ромбо̀, превращенная въ госпиталь.

Термондъ, въ Вост. Фландріи, подвергся полному разрушенію: изъ 1400 домовъ, 1100—сожжено; погибла, навѣрное, и церковь XIII в., приводимая въ новѣйшихъ трудахъ по исторіи искусствъ, какъ типичный примѣръ „переходной“ эпохи [1]). Въ ней была купель на пяти колонкахъ, единственная въ Бельгіи.

Ньюпортъ, близъ Остендэ—во Фландріи. Старая церковь совершенно разрушена, сбиты обѣ колокольни, отъ нефа сохранилась лишь часть арокъ на колонкахъ. Надъ капеллою держится, какимъ то чудомъ, сводъ на трехъ столбахъ. Въ грудѣ обломковъ видны части канделябръ, орнаментовъ и совершенно сохранившееся барельефное распятіе.

Башня Тампліеровъ, почернѣвшая и совершенно обезображенная, возвышается надъ развалинами города. Близъ Ньюпорта, въ церкви Рамскапелле, среди груды обломковъ, въ разбитой нишѣ уцѣлѣла каменная группа „положеніе во гробъ“.

Антверпенъ пострадалъ менѣе другихъ городовъ, но все же многія части его, совершенно исключительнаго по декоративности, собора разрушены. Хоръ собора былъ построенъ между 1352—1411 годами, остальныя части въ XV—XVI вв. Соборъ имѣетъ 7 нефовъ; длина его 117 мт., шир. 65 мт. Внутри нефы дѣлятся колоннами, и потому перспективный видъ этихъ нефовъ, единственный въ мірѣ! Роскошная башня, сооруженная въ 1422—1518 г. по проекту Жана Амеліуса (онъ же Аппельманъ),—высотою въ 123 мт.; такихъ башенъ должны были поставить двѣ (въ первоначальныхъ-же проектахъ ихъ предполагалось 5).

Ипръ подвергся разрушенію послѣднимъ изъ пострадавшихъ городовъ. Маленькій городокъ теперь, Ипръ былъ большимъ въ средніе вѣка, а съ XIV по XVI в. насчитывалъ свыше 200.000 жителей. Населеніе отличалось своимъ независимымъ, революціоннымъ характеромъ; колоколъ ратуши призывалъ чаще къ оружію, чѣмъ къ какому либо торжеству. Ни графы Фландріи, ни принцы Бургундіи не могли подавить революціоннаго пыла. Въ 1383 г., во время „великаго раскола“ между Авиньонскимъ папой Климентомъ VII и Урбаномъ VI, Ипръ подвергался осадѣ. Ударъ за ударомъ наносили городу—чума, развившая населеніе въ 1490 г., и война, начавшаяся въ 1552 г. и длившаяся, съ небольшими перерывами, около трехъ столѣтій. Въ 1584 г. пала большая часть населенія, противившагося испанскому режиму. Покоренный, разрушенный и возобновленный французами, Ипръ перешелъ подъ власть Австріи и позже былъ освобожденъ республиканскими войсками. На этомъ исторія его кончилась и лишь разрушенные памятники его заставили вспомнить о прежней жизни.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ указать знаменитые торговые ряды, или „дворъ суконщиковъ“, начатые около 1220 г. Первые камни положили графъ Фландрскій Бодуинъ (извѣстный больше, какъ „Бодуинъ Константинопольскій“), жена его Марія и „grand bailli“ Эрлибардъ. Строили „ряды“ освободившіеся въ это время коммунисты, доставляя матеріалы издалека, причемъ тянулась постройка 104 года. Когда зданіе было закончено Ипръ могъ гордиться самыми величественными торговыми рядами въ мірѣ. Фасадъ занималъ 133 мт., превосходя флорентинскіе палаццо.

Второй этажъ „торговаго двора“ состоялъ изъ одного зала, потолокъ котораго поддерживался рядомъ колоннъ, поставленныхъ среди зала. Здѣсь собирались именитые торговцы сукнами и драгоцѣнными кружевами, соперничая на европейскомъ рынкѣ съ произведеніями Брюжа и Ганда.

Съ XVI в. существовалъ также „свадебный залъ“, украшенный изящными старинными фресками.

Башня или донжонъ „рядовъ“, увѣнчанный изображеніемъ дракона,—эмблемой общественныхъ свободъ, служила арсеналомъ, сокровищницей, мѣстомъ для собраній и скла-

домъ привилегій, хранившихся въ сундукахъ, подъ многими замками; эти сундуки впослѣдствіи были перенесены въ музей. Во второмъ этажѣ донжона находилась тюрьма, а надъ нею помѣщался караулъ, дежурившій на башнѣ и извѣщавшій набатомъ о пожарѣ или приближеніи непріятеля. Кампанилла (верхъ башни) и крыша всего зданія были расписаны красками и золочены.

Къ концу XVIII в. зданіе пришло въ ветхость и отъ 1843—1860 гг. возстановлялось. До 1792 г. фасадъ украшали 12 громадныхъ статуй графовъ Фландріи, позже они были замѣнены другими фигурами. Въ первомъ этажѣ были возведены своды съ распалубками.

Морисъ Метерлинкъ передаетъ свои впечатлѣнія: „огромная масса зданія рядовъ невыразимо гармонична, могущественно сурова и элегантна".

Соборъ С. Мартэнъ, находящійся рядомъ съ рядами суконщиковъ, уступаетъ своими архитектурными достоинствами многимъ французскимъ церквамъ; но все же долженъ считаться однимъ изъ лучшихъ выразителей готики XII—XIII в. Основанный въ 1083 г. графомъ фландрскимъ Робертомъ ле-Фризонъ, ревностнымъ строителемъ церквей, соборъ былъ частями перестроенъ: хоръ—въ 1221 г., а нефы—въ 1254 г. Хоръ сооружался настоятелемъ церкви С. Мартэнъ Гюгомъ, какъ гласитъ надпись на могилѣ его, близъ главнаго алтаря. Эта часть собора наиболѣе величественное религіозное сооруженіе романско-готической эпохи во всей Бельгіи. Составляя продолженіе главнаго нефа, хоръ не имѣетъ боковыхъ галлерей и выдержанъ въ широкихъ, благородныхъ пропорціяхъ; стѣны прорѣзаны двумя рядами оконъ, изъ нихъ нижній состоитъ изъ тѣсно поставленныхъ, узкихъ ланцетовидныхъ стрѣлокъ, на тоненькихъ, цилиндрическихъ колонеткахъ, а верхній рядъ изъ тройныхъ оконъ, заключенныхъ въ полуциркульную арку; надъ первымъ рядомъ проходитъ легкая баллюстрадка трифоріума [1]), изъ циркульныхъ арочекъ. Нефъ—въ стилѣ ранней готики; стрѣльчатыя его арки поддерживаются массивными цилиндрическими колоннами.

[1]) Трифоріумомъ наз. полуэтажъ внутри средняго нефа, соотвѣтствующій чердаку надъ болѣе низкими, боковыми, нефами.

Снаружи собора—контрфорсы, а надъ карнизомъ—баллюстрада. Пользуется извѣстностью крипта (подвальный этажъ) Св. Бавона, существующая съ X в. и перестроенная въ 1228 г.

Въ Ипрѣ имѣется коллегіальный монастырь С. Мартэна, превращенный въ госпиталь; фасадъ его украшенъ порталомъ благороднаго ренессанса XVII в.

Пьеръ Милль, уроженецъ Ипра, дѣлится въ газетѣ „Le Temps“ своими впечатлѣніями, посѣтивъ городъ послѣ постигшей его катастрофы. Приближаясь къ Ипру, за четыре километра уже искалъ онъ взглядомъ знакомыхъ силуэтовъ башни собора, донжона и высокихъ крышъ „рядовъ“—напрасно: надъ городомъ ничто не вызвышалось! Направляясь къ главной площади, онъ былъ остановленъ бельгійскимъ патрулемъ, предупредившимъ о рискѣ быть на площади, которую бомбардируютъ по 5—6 разъ на день. Башня суконныхъ рядовъ оказалась разрушенной до высоты часоваго циферблата—съ остановившимися стрѣлками, по которымъ болѣе внимательный наблюдатель не преминулъ бы замѣтить время разрушенія. Зданіе лишилось своей монументальной крыши, остались стѣны,—но какъ онѣ измѣнились: вмѣсто могучаго фасада—сквозныя на просвѣтъ галлереи, пробитыя въ разныхъ мѣстахъ. Отъ примыкавшаго къ „рядамъ“ зданія ратуши осталась лишь груда кирпичей.

Соборъ представляетъ жалкіе обломки, колокольня его сохранилась на $^1/_3$ своей высоты.

Отъ монастыря-клуатра С. Мартэна остался порталъ. Среди развалинъ монастыря стройно поднимается на тонкой колонкѣ фигура Мадонны; видна также статуя какого-то гражданина (напомнившая очевидцу изображеніе Жюля Симона на площади Маделэнъ). Это посредственное изображеніе какъ то удивленно смотритъ на груду разбитыхъ прекрасныхъ скульптуръ... Пострадалъ и монастырь кармелитовъ. Городъ пострадалъ мало, такъ какъ бомбардировалась исключительно главная площадь.

Здѣсь, какъ говорятъ, Вильгельмъ хотѣлъ чествовать мессою въ соборѣ и торжественнымъ собраніемъ въ залахъ „рядовъ“,—присоединеніе Бельгіи къ Германской Имперіи, но изъ Ипра пришлось отступить, послѣ чего оффиціальная часть его подверглась разрушенію.

Англійскій журналъ „Tablet“ приводитъ подсчетъ разрушеніямъ въ Бельгіи за первые 82 дня войны (по 24 окт.), составленный Брюссельскимъ адвокатомъ Г. Массономъ. Всего было разрушено на 5 милліардовъ фр., причемъ на долю одного Лувэна приходится 186 милліоновъ!

Ужасныя картины мы видимъ и во Франціи. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ Аррасъ и Реймсъ.

Уничтожены мирныя, цвѣтущія селенія: въ Villier-aux-vents (департаментъ Meuse) разрушена и сожжена старинная, извѣстная парижанамъ, церковь; груды развалинъ-на мѣстѣ деревушекъ Монплэзиръ, Бельфонтэнъ и друг., воспѣтыхъ Теріе въ его романахъ!

Въ маленькомъ городкѣ Первизѣ разрушенъ женскій монастырь, церковная башня его наклонилась на 15 градусовъ; очевидецъ пишетъ: „подобно маяку указываетъ она на мѣсто прежней площади, какъ-бы созывая прежнихъ прихожанъ вернуться и возстановить колокольню, церковь, весь сильно пострадавшій городъ“.

Гор. Лилль развился изъ замка, построеннаго Балдуиномъ Фландрскимъ въ 863 г.,—въ нидерландскій городъ и былъ завоеванъ Людовикомъ XIV въ 1667 г., послѣ чего сталъ столицей французской Фландріи.

Въ Лиллѣ сильно пострадала церковь Св. Мориса,—прекрасный образецъ ранней готики: разрушены два нефа.

Къ счастью, не была задѣта ратуша, съ картинной галлереей и коллекціей рисунковъ, самой цѣнной послѣ Лувра, во Франціи.

Аррасъ пострадалъ больше Реймса, пишетъ корреспондентъ „Daily Mail“. „Городъ напоминаетъ развалины Помпеи“, читаемъ мы въ „Temps“, въ письмѣ аррасскаго епископа.

Аррасъ упоминается въ исторіи еще во времена Цезаря, располагавшагося здѣсь на зимовку со своими легіонами. Въ 451 г. городъ былъ разрушенъ Аттилой, а въ 880 г.—норманнами. Бургундскіе герцоги имѣли здѣсь свой блестящій дворъ. Въ 1482 г. Нидерландскіе Штаты уступили Аррасъ Людовику XI,

но съ 1493 г. онъ оказался во власти Максимиліана Австрійскаго и оставался за Габсбургами до 1640 г., когда снова перешелъ къ французамъ; попытки испанцевъ завладѣть Аррасомъ окончились неудачей: онъ остался французскимъ городомъ (съ 7 ноября 1659) по договору „Пиринейскаго мира“.

Аррасъ—родина обоихъ Робеспьеровъ. Городская ратуша была не только украшеніемъ Арраса, но и всей сѣверной Франціи. Построенная въ XVI в., по проекту Жака Карона, она—цѣнный образецъ фламандско-испанской архитектуры.

Ея башня (въ 76 мтр. высотою), самая высокая среди донжоновъ ратушъ, ремонтировалась и частями перестроена (1834—1844 гг.). Квадратные въ планѣ нижніе этажи, съ парными стрѣльчатыми окнами, переходятъ на восьмигранный этажъ съ громадными часами, надъ ними—звоница съ тремя колоколами, въ которые бьютъ (колыхать ихъ было бы опасно, при большой высотѣ башни); на многогранной вершинѣ кампаниллы—богатая корона съ изображеніемъ льва. Фасадъ зданія очень живописенъ своей капризной аркадой (арки различной ширины), несущей стѣну съ восемью окнами и балкономъ. Высокая крыша, съ тремя этажами лукарнъ, украшена богатой баллюстрадой и гребнемъ—по коньку. Во второмъ этажѣ были двѣ залы съ дубовыми рѣзными стѣнами и монументальными каминами готическаго стиля.

Большая площадь Арраса исключительно декоративна: она сплошь застроена типичными фламандскими фасадами, дающими внизу общую аркаду, а вверху—зубчатые силуэты щипцовъ.

Многократной бомбардировкою ратуша разрушена, а затѣмъ вспыхнулъ пожаръ, истребившій всю внутренную отдѣлку. Лишь высятся обезображенныя стѣны. Исчезла эффектная крыша съ ажурнымъ парапетомъ. Башня зіяетъ пробитыми отверстіями; она словно осѣла. Цѣлыя процессіи жителей собирались проститься съ башней, грозившей паденіемъ; въ ней привыкли они видѣть символъ своей независимости. Постепенно уничтожались малая и большая площади. Гастонъ Шеро̀, восхищаясь прежнимъ видомъ этихъ площадей, говоритъ, что „развалины зданій вовсе не живописны; пестрыя, изрытыя стѣны напоминаютъ лицо прокаженнаго“!

Разрушенъ монастырь урсулинокъ „Св. Евхаристія“ (St. Sacrement) со своей прелестной кампаниллой XIII в. Соборъ получилъ двѣ пробоины крыши, причемъ обнажился сводъ.

Соборъ Богоматери въ Парижѣ, чудо готики XII в., о значеніи и красотахъ котораго излишне говорить, былъ, какъ извѣстно, также поврежденъ. Съ германскаго „голубя“— аэроплана была сброшена бомба, начиненная картечью.

Ударъ пришелся на крышу сѣвернаго трансепта, надъ часами. Пробивъ свинцовую кровлю, граната расщепила поперечную балку. Картечь различнаго калибра разлетѣлась въ стороны. Уничтожено 6 балокъ, сбито нѣсколько флерановъ съ ближайшей колокольни, разбито витро около часовъ; кровля пробита на пространствѣ 20-ти метровъ отверстіями различнаго діаметра.

Много писали о разрушеніи замка Шантильи, построеннаго въ XVI в., а также о сожженіи и расхищеніи его музея картинъ и рѣдкихъ книгъ, принадлежавшаго герцогу Омальскому и переданнаго имъ Французской Академіи.

Выдержкѣ и хладнокровію хранителя музея М. Макона французы должны быть обязаны сохраненіемъ замка и музея.

Всѣ музейныя сокровища музея были заблаговременно упакованы въ ящики и отправлены въ Парижъ, въ кладовыя Лувра.

Здѣсь были: драгоцѣнный часословъ принца Беррійскаго, коллекція миніатюръ знаменитаго Жана Фукэ, псалтирь Людовика Святого, служебникъ Жанны д'Еврэ, „три граціи“ и мадонны Рафаэля, Эмали Петитò и Леонарда Лемузэнъ, священный сосудъ Брагà, большое распятіе сокровищницы Базеля, серія портретовъ работы Клуэ, и много, много другихъ шедевровъ искусства!

По уходѣ нѣмецкихъ войскъ замокъ остался нетронутымъ; коллекціи музея уже возвращены изъ Парижа и снова находятся на мѣстахъ.

Реймсъ засталъ еще величіе древняго Рима, онъ былъ тогда столицей „второй Бельгіи“. Съ тѣхъ поръ получилъ онъ свои прямыя, скрещивающіяся, тѣсныя улицы; на одной изъ нихъ, названной впослѣдствіи въ честь Генриха IV-го, сохранились съ III-го вѣка трехпролетная тріумфальная арка (Porte de Mars), а въ музеѣ города—саркофагъ префекта Валерія Іовинуса. Съ IV в. оставалась древняя римско-гальская базилика, перестроенная въ XI в. въ церковь С. Реми и сохранившая во многихъ частяхъ всю строгость романскаго стиля. Ея планъ показываетъ удивительно наглядно, какъ превратилась языческая базилика въ христіанскую,—путемъ увеличенія трансепта и развитія концевого закругленія въ алтарь, окруженный капеллами. Планъ этотъ послужилъ прототипомъ для знаменитаго Реймскаго собора.

Въ 496 г. существовалъ храмъ Богоматери, въ которомъ Епископъ Ремигій крестилъ короля Франковъ Хлодвига.

Было это въ самое Рождество: „Весь храмъ былъ исполненъ небеснаго благоуханія, и Богъ излилъ столь великую благодать на всѣхъ въ храмѣ, что всѣ думали, будто они въ раю и вдыхаютъ его благоуханія“,—такъ повѣствуетъ Григорій Турскій; въ хранилищѣ же собора находится роскошный сосудъ, содержащій остатокъ священнаго ѳиміама, ниспосланнаго небомъ для крещенія Хлодвига.

Первоначальный храмъ былъ перестроенъ въ IX в., причемъ, по словамъ Адальберта Лаонскаго, онъ вызывалъ общее восхищеніе своимъ золоченымъ куполомъ. Однако, при каролингахъ храмъ пришелъ въ упадокъ, и въ 816 г., когда Реймсъ былъ осажденъ, епископъ Эбонъ добился разрѣшенія короля на перестройку старой базилики. Для новаго храма Людовикъ Дэбоннэръ уступилъ участокъ въ центрѣ города и предписалъ использовать, какъ матеріалъ—старыя пригородныя постройки; многія изъ нихъ сохранились со временъ римлянъ, и въ нихъ ютилась бѣднота Реймса. Удрученные осадой города, набожные жители не протестовали на сломку домовъ, считая себя „sub custodiâ coeli“ (подъ покровомъ Господнимъ). Съ тѣхъ временъ слова эти начертаны на щитѣ Реймса.

Въ 827 или 829 году начались работы подъ наблюденіемъ королевскаго зодчаго Ромуальда. За это время епископъ

Эбонъ былъ дважды ссылаемъ, но, находясь въ заточеніи, онъ все же работалъ надъ конструкціей собора.

Преемникъ Эбона, Hincmar, торжественно освятилъ постройку въ присутствіи короля Карла II (прозв. Лысымъ). Прерываемыя гражданскими войнами работы длились сорокъ лѣтъ (описаніе храма дали Flodoard и Marlot); скульптурныя же работы велись еще и въ 962 г. Въ этомъ храмѣ происходили коронованія многихъ королей.

Въ 927 и 989 годахъ были частичныя разрушенія, и церковь исправлялась вплоть до 1211 г., когда грандіозный пожаръ истребилъ большую часть города.

Былъ составленъ планъ обширнаго собора, заключавшаго въ свои предѣлы и остатки постройки Ромуальда. Смѣлые своды, лѣсъ колоколенъ и семь высокихъ башенъ придавали проекту величественный видъ. Авторъ проекта сильно сомнѣвался въ возможности осуществленія грандіознаго сооруженія, но архіепископъ Альберикъ де-Гумбэръ, пригласившій зодчаго, смотрѣлъ иначе: „начинайте, Богъ и люди помогутъ намъ", говорилъ онъ; такъ и вышло. Историки указываютъ намъ на обильный притокъ пожертвованій отъ населенія при сооруженіи храмовъ въ Египтѣ и Греціи, то же мы видимъ и въ Реймсѣ. Богатые ремуазцы желали превзойти великолѣпіемъ храма строившіеся соборы въ Парижѣ, Аміенѣ, Нойонѣ, Лаонѣ, Суассонѣ и Шартрѣ.

Исполненный на пергаментѣ проектъ былъ переданъ цѣлой арміи исполнителей. Въ это время уже замѣтно освобожденіе строительныхъ коммунъ отъ монастырской зависимости.

Въ 1213 г. состоялась закладка постройки, а въ 1241 г. звуки рождественскаго гимна уже возносились подъ легкими сводами новаго храма, хотя работы шли еще и въ 1295 г. Южная башня не была еще закончена при Карлѣ VI. Съ 1421 по 1429 г. Реймсъ былъ во власти англичанъ. Здѣсь, въ 1429 г., былъ помазанъ на царство Карлъ VII; Орлеанская Дѣва стояла близъ алтаря, держа знамя, и изрекла о королѣ: „онъ былъ въ тяжкихъ испытаніяхъ, справедливость требуетъ возвеличить его". Черезъ годъ храмъ былъ оконченъ, и въ этомъ же году Іоанна была казнена (1430).

Пятьдесятъ лѣтъ простоялъ храмъ, когда его постигло громадное бѣдствіе.

Отъ жаровни кровельщиковъ, чинившихъ листы свинцовой кровли, загорѣлись лѣса; пожаръ принялъ ужасающіе размѣры: расплавленный свинецъ и мѣдь колоколовъ каскадами лились по фасаду, не давая возможности приблизиться къ пожарищу!

Потери опредѣлялись суммой свыше ста тысячъ флориновъ. Уцѣлѣли лишь стѣны и порталъ.

О несчастіи слѣдовало донести королю, который отличался своей подозрительностью и былъ способенъ обвинить все населеніе въ поджогѣ. Кровельщиковъ заключили подъ стражу, жители попрятались по домамъ, городскія власти безсмѣнно пребывали въ ратушѣ, повсюду виднѣлись часовые. Однако, вечеромъ городъ снова освѣтился заревомъ — соборъ снова пылалъ! Такъ протекали тревожные дни. Въ праздникъ Вознесенія церковная процессія обходила дымящіяся развалины, призывая въ помощь милость Божію.

Депутація отъ духовенства и города была милостиво принята королемъ, который помиловалъ даже кровельщиковъ— виновниковъ бѣдствія. За возстановленіе собора ревностно взялся молодой Карлъ VIII, и снова потянулись работы, исправлялись прежнія ошибки: колокола были собраны въ главныя башни, гдѣ находились и понынѣ. (Въ Сѣверной помѣстили 8 колоколовъ, въ гаммѣ do, въ Южной—2 большихъ, въ fa и sol, для раскачиванія коихъ требовалось не менѣе двадцати звонарей).

Въ 1515 г. рѣшили шпилей надъ западными башнями не возводить и перекрыли ихъ свинцовыми кровлями.

Въ 1789 г. племянникъ Реймскаго кардинала, извѣстный Талейранъ, предложилъ Національному собранію передачу церковнаго имущества народу. Капитулъ долженъ былъ объявить всю наличность богатства собора; въ 1791 г. окружной начальникъ отправилъ на монетный дворъ все серебро собора, а затѣмъ—на ружейный дворъ — 300.000 фунтовъ желѣза художественной ковки. Въ 1793 г. грабежъ достигъ своего апогея; представитель толпы разбилъ на ступеняхъ статуи Людвика XV сосудъ, содержавшій елей для коронованія; иконоборы разбивали статуи портала, разрушали „звоницу Ангела“. Предоставленный для празднествъ въ честь богини Разума, соборъ былъ возстановленъ лишь въ 1801 г.

Работы начались при Людовикѣ XVIII и съ перерывами тянулись до послѣднихъ лѣтъ.

Кто же авторъ проекта, по которому сооружали этотъ многострадальный соборъ—болѣе ста лѣтъ,—при измѣнявшихся вѣяніяхъ въ искусствѣ, гдѣ позднѣйшіе мастера сумѣли углубиться въ первоначальную идею, и рядомъ послѣдовательныхъ работъ не нарушать цѣльности, дать рѣдчайшій шедевръ XIII и XIV вѣковъ? Отвѣтъ можно было найти въ каменномъ мозаичномъ „лабиринтѣ“, украшавшемъ, на подобіе ковра, полъ большого нефа у главнаго входа. Въ серединѣ лабиринта, въ восьмиугольникѣ, помѣщалось изображеніе Роберта де-Куси, на что указывала полустершаяся надпись; въ верхнемъ лѣвомъ углу былъ портретъ Жана Лелу, въ углу подъ нимъ—изображеніе Гошэ, противъ него—Бернарда, и въ правомъ верхнемъ углу—Жана д'Орбэ или д'Арбуа. Въ 1779 г. шануанъ собора, Жакемаръ, желая прекратить безконечную бѣготню дѣтей и взрослыхъ по зигзагамъ лабиринта во время мессы, велѣлъ его уничтожить, что и было исполнено. Долгое время Роберта де-Куси считали авторомъ, такъ какъ изображеніе его было въ серединѣ, но недавно нашли его надгробную плиту, надпись на которой указала, что начать работъ онъ не могъ, но могъ лишь заканчивать ихъ.

Теперь, новѣйшіе изслѣдователи склонны считать авторомъ Жана д'Арбуа.

Планъ собора, общій съ большинствомъ готическихъ церквей—вытянутый прямоугольникъ — корабль, раздѣленный столбами (группой четырехъ колоннъ) на три нефа (средній шире боковыхъ). Корабль пересѣкается поперечнымъ прямоугольникомъ—трансептомъ, очень мало выступающимъ съ боковъ, и заканчивается большимъ закругленіемъ алтарной части—апсиды, окруженной пятью круглыми капеллами, средняя изъ коихъ—капелла Богоматери. Съ главнаго фасада и съ боковыхъ фасадовъ трансепта въ соборъ ведутъ три входа Общая фигура плана — крестъ, причемъ главная ось идетъ по прямой линіи, тогда какъ во многихъ другихъ соборахъ ось въ трансептѣ слегка наклоняется влѣво, символизируя наклоненіе главы Распятаго. Между 5—6 рядомъ столбовъ находилась кафедра рѣзного дуба, противъ нея—огорожено

мѣсто казни Св. Никэза. Съ 7-го ряда столбовъ поднимается амвонъ съ рядами сидѣній—сталля, прекрасной рѣзьбы. Далѣе, по оси помѣщается алтарь, за нимъ—гробницы кардиналовъ. До 1793 г. здѣсь же возвышался пышный „тронъ Св. Ригобэра“, гдѣ возсѣдали вновь назначаемые архіепископы; надъ „трономъ“ висѣла богато вышитая сѣнь. Органъ, англійской работы, помѣщался налѣво, надъ среднимъ входомъ трансепта; близъ него находились весьма любопытные часы съ движущимися фигурами ангеловъ и святыхъ.

Съ правой стороны собора (около южнаго трансепта) — помѣщается дворецъ епископа съ „королевскими аппартаментами“ и часовней. Съ лѣвой стороны находился монастырскій дворъ—клуатръ.

Длина собора 127 мт. до капеллъ и ширина 31 мт., внутри. Стѣны, очень толстыя въ первомъ этажѣ, сильно суживаются во второмъ; это было вызвано, какъ полагаютъ, желаніемъ перваго автора дать соборъ еще грандіознѣе, съ семью высокими башнями, между тѣмъ почва была неоднородная, и на все сооруженіе не хватало средствъ.

Главный (западный) фасадъ необычайно декоративенъ. Знаменитый реставраторъ — археологъ Віолэ ле Дюкъ говоритъ, что „соборъ сохраняетъ силу Шартрскаго, избѣгая, однако, его излишней массивности; здѣсь—могущество и грація“. Высота по фасаду башенъ 83 мт., а ширина собора 42 мт. Несмотря на сложность отдѣлки, фасадъ ясно дѣлится на четыре яруса: внизу выступаетъ пышная декорація входовъ; выше—рядъ оконъ, причемъ въ серединѣ роскошный розасъ, вставленный въ стрѣльчатую арку; въ третьемъ ряду—галлерея королей, гдѣ среднее изображеніе представляетъ Хлодвига, стоящаго въ купели; надъ галлереей высятся стройныя башни Боковой фасадъ представляетъ какъ бы колоннаду упорныхъ арокъ (аркъ-бутановъ) на столбахъ, увѣнчанныхъ шпилями; между арками—громадныя окна. Выступъ трансепта, отдѣланный строго и спокойно, необыкновенно удачно нарушаетъ вереницу этихъ аркъ-бутановъ корабля и апсиды, гдѣ арки даютъ въ перспективѣ фантастическія сплетенія кривыхъ и цѣлый лѣсъ шпилей; по краю крыши проходитъ ажурный парапетъ-гребень, связывая весь соборъ и символизируя королевскую корону.

Внутри собора высота его стрѣльчатыхъ сводовъ (38 мт.) производитъ колоссальное впечатлѣніе. Нижніе столбы принимаютъ на себя, со второго этажа, по пять колоннъ и разбрасываютъ отъ нихъ вверхъ, словно струйки фонтана— гурты арокъ нервюръ, составляющихъ сводъ. Средній нефъ вдвое выше боковыхъ.

Громадныя окна украшены превосходными витрò, изъ нихъ особенно славились подаренныя архіепископомъ Анри де-Брэнъ, исполненныя въ 1227—1240 гг. въ голубоватыхъ тонахъ, составляющихъ секретъ, до насъ не дошедшій. Картины Тиціана, Тинторетто и др., а также гобелены украшали стѣны. Самые старинные гобелены (1440 г.) изображали исторію Хлодвига.

Скульптура на соборѣ — трехъ типовъ: „архаическая“, наивная по формамъ,—романской эпохи, „переходная“, лучшая по пропорціямъ и—„классическая“. Въ первой манерѣ исполнены статуи королей; во второй—фигуры ангеловъ, въ массѣ украшающихъ столбы упорныхъ арокъ, а также большинство другихъ статуй; въ классической манерѣ—нѣкоторыя фигуры при главныхъ входахъ, въ порталахъ. Поистинѣ удивительно пониманіе стиля греческихъ античныхъ образцовъ въ XIII вѣкѣ, когда эти образцы были найдены позже! Великолѣпна убранная скульптурой внутренняя поверхность стѣны главнаго фасада.

Традиціонныя „гаргули“ (окончаніе водосточныхъ трубъ) изображаютъ фантастическихъ людей, животныхъ и птицъ. Не забыты на фасадѣ и забавные гротески въ монашескихъ капюшонахъ. Вся эта „нечисть“, украшавшая готическія храмы, символизировала власть дьявольскаго навожденія — внѣ храма, и лишь войдя подъ его высокіе своды, мірянинъ могъ отдаться молитвѣ и уйти отъ соблазновъ.

Капители колоннъ и фризы состоятъ изъ лиственнаго орнамента. Породы растеній переданы съ большою точностью; ботаникъ-археологъ Собинэ насчиталъ свыше тридцати различныхъ породъ.

Въ Реймскомъ соборѣ короновались всѣ французскіе короли съ Филиппа-Августа, до Карла X, исключая лишь Генриха IV, Наполеона I и Людовика XVIII.

Знаменитый скульпторъ Родэнъ, въ своей книгѣ о соборахъ Франціи, возноситъ пламенные диѳирамбы красотамъ собора.

Нѣмецкій ученый, д-ръ К. Шеферъ, называетъ Реймскій соборъ королемъ „среди величественныхъ церковныхъ памятниковъ средневѣковья". Это—храмъ французской націи. „Не сила геніальнаго мастера, не расточительность вельможи, не избыточно богатый капитулъ,—но лишь одно могущественное чувство сильнаго народа, сердце котораго способно проникаться вдохновеніемъ, лишь оно могло создать это чудесное произведеніе...

Кто хоть однажды устремлялъ свой взоръ на эти геніально расчлененныя стѣны собора, тотъ съ сокрушеніемъ будетъ сравнивать его съ нѣмецкимъ знаменитымъ фасадомъ на Рейнѣ и принужденъ будетъ сознаться, что желанія было приложено тамъ много, но искусства тамъ не хватило"!

3-го сентября германцы вошли въ Реймсъ (въ 1870 г. это произошло 4-го сентября), а съ половины сентября длится бомбардировка Реймса; 18, 19, 20 и 25-го сентября нанесены главныя поврежденія собору. За недѣлю до обстрѣла, кронпринцъ Августъ-Вильгельмъ объявилъ муниципалитету Реймса: „Лучшее доказательство моего желанія сохранить это зданіе—это мое намѣреніе помѣстить здѣсь нашихъ раненыхъ. Разрушеніе его явилось бы преступленіемъ, на что я не пойду ни за что на свѣтѣ"... (изъ газ. „Temps").

Аббатъ Ландріе, игравшій значительную роль въ спасеніи раненыхъ во время пожара, говоритъ: „за день до выступленія германцевъ изъ Реймса, они потребовали, чтобы ихъ раненые были перенесены въ соборъ: они знали, что наши (французскія) войска не пожелаютъ стрѣлять въ свою національную святыню. Въ соборъ принесли солому для больныхъ, но нѣмцы очистили городъ, не успѣвъ перенести туда свой госпиталь. Французскія власти сами перенесли въ соборъ раненыхъ, въ расчетѣ, что нѣмцы не станутъ стрѣлять въ него, щадя товарищей. На соборѣ развѣвался флагъ „Краснаго Креста", но у насъ нѣтъ основанія утверждать, что нѣмцы знали о

присутствіи тамъ своихъ соотечественниковъ"... (изъ газ. „Русское Слово" корреспонденція А. Вернера).

Послѣ бомбардировки „пожарными" бомбами загорѣлись ремонтные лѣса съ западнаго (главнаго) фасада. Башни были охвачены огнемъ, устремившимся, черезъ дубовыя двери и лопнувшія стекла оконъ, внутрь лѣстничныхъ клѣтокъ, гдѣ образовалась сильнѣйшая тяга на чердакъ; рухнули стропила, выстоявшія четыре вѣка (имѣвшія въ длину 12 мт. и толщиною около полуметра). Разлетѣлись свинцовые листы кровли, исчезла „звоница Ангела", призывавшая чуднымъ, мелодичнымъ звономъ къ молитвѣ. Пламя размягчило колокола; на сѣверной лѣвой башнѣ они расплавились, и каскадъ металла лился по ступенямъ лѣстницы. Солома, застилавшая полъ собора, создала костеръ, изъ котораго спасти не всѣхъ удалось. Погибла вся отдѣлка внутри.

Комиссія осмотра поврежденій указываетъ, главнымъ образомъ, на разрушенія въ лѣвомъ порталѣ главнаго фасада, на сильно испорченный розасъ надъ главнымъ входомъ и на внутренную (западную) стѣну, лишившуюся статуй, стоявшихъ въ нишахъ [1]).

Пьеръ Лоти въ своей статьѣ „Призракъ базилики" даетъ мрачную картину:

„Реймская базилика еще сохранилась; но до того изможденная и изрытая ударами, что кажется малѣйшаго толчка достаточно, чтобы повергнуть ее во прахъ. Это—стройная и величественная мумія, разсыпающаяся отъ прикосновенія. За окружающимъ ее заборомъ видна груда обломковъ: части розаса, осколки витрò, головы ангеловъ, молитвенно сложенныя руки святыхъ... Поверхность лѣвой башни, по всей высотѣ превратилась въ известь и приняла странный цвѣтъ жаренаго мяса; фигуры святыхъ, словно лишились кожи, нѣтъ ни лицъ, ни пальцевъ: сохраняя очертанія человѣка, изображенія эти мерещатся рядомъ мертвецовъ, формы ихъ слегка чувствуются подъ складками красноватыхъ савановъ!... Внутри собора, главный нефъ теперь кажется еще выше... здѣсь холодно и мрачно до слезъ. Вмѣсто тяжеловатаго, пряннаго запаха церкви, теперь сыро и холодно... Мраморный полъ,

[1]) Приводимыя данныя—изъ акта комиссіи, помѣщеннаго въ журналѣ L'architecte.

по которому прежде скользили горностаевыя мантіи королей при звукахъ органа и пѣнія, теперь этотъ полъ оросился кровью сгорѣвшихъ германцевъ!... Совершенно невѣроятно сохранилась близъ хора, среди груды обломковъ, статуя Жанны д'Аркъ со взоромъ, полнымъ религіознаго экстаза! На полу сверкаютъ, какъ драгоцѣнные камни, осколки витрò. Возстановить ихъ нельзя—секретъ полученія подобныхъ оттѣнковъ потерянъ." (Illustration). Погибли постройки архіепископства съ музеями: доисторическимъ (Бостò), этнографическимъ (Геллiò) и библіотекой. Сгорѣли „королевскія аппартаменты" съ чудными гобеленами и стройная готическая часовня. По счастью, сокровищница собора (имѣвшая 78 реликвій), гобелены и картины были убраны до начала военныхъ дѣйствій. Генрихъ Жадаръ, библіотекарь г. Реймса, сообщаетъ черезъ газету „Temps", что знаменитое „Славянское Евангеліе", хранившееся раньше въ соборѣ и считавшееся погибшимъ, еще съ 1792 г. перенесено въ ратушу, гдѣ и сохраняется.

Базилика С.-Реми получила двѣ бреши: разбиты ступени входа и сводъ аспиды; камни, падая, обломали колонны и сильно повредили группу „Страстей Господнихъ". Вырвана и измята кованная рѣшетка, ограждавшая гробницу Св. Ремигія; разбита часть „историческаго" витрò, и также выбиты давленіемъ воздуха витрò въ другихъ окнахъ. Статуя Богородицы уцѣлѣла и, позже, была вынесена священникомъ. Пасторъ Гонэнъ сообщаетъ о разрушеніи лютеранской церкви. „Въ 1870 г. въ церковь эту, во время службы, вошли Бисмаркъ и кронпринцъ со свитой,—пасторъ Помье (дѣдъ извѣстнаго теперь летчика) прервалъ проповѣдь, лишился чувствъ и вскорѣ умеръ".

Зданіе ратуши пострадало незначительно.

Можетъ ли считаться бомбардировка Реймскаго собора преднамѣренной, и вообще, чѣмъ объяснить разрушеніе памятниковъ старины и искусства, а также—городовъ, совершенно незащищенныхъ? Надъ подобными вопросами рѣдко кто не задумывается. Пресса же приводитъ „обвинительные документы", подчасъ нелишенные интереса.

Бетманъ Гольвегъ доносилъ прусскому министру, что передъ Реймскимъ соборомъ установлена артиллерійская

батарея, а башни служатъ наблюдательными постами. Главный викарій Ландріе отвѣчаетъ отъ имени кардинала и ручается самъ, что ни разу близъ собора не находились воинскія части, тѣмъ болѣе артиллерія, равно какъ башни собора не служили военнымъ цѣлямъ. Въ докладѣ Витнера Варрена, въ засѣданіи Французской Академіи, мы видимъ, что нѣмцы, находясь въ Реймсѣ, устроили на сѣверной башнѣ обсерваціонную станцію, но при отступленіи сняли и увезли всѣ приборы. Нѣсколько французскихъ офицеровъ хотѣли также наблюдать съ башни, но имъ было категорически отказано епископомъ (изъ газеты „Temps").

5-го сентября въ Berliner Blatt'ѣ (№ 208) мы читаемъ: „западная группа нашей арміи уже перешла, во Франціи, вторую линію загражденій, исключая Реймса, царственное величіе котораго восходитъ къ эпохѣ „бѣлой розы", и который не замедлитъ быть разрушеннымъ до основанія нашими 42-хъ сантиметровыми орудіями". Эта замѣтка появилась почти одновременно со вступленіемъ нѣмцевъ въ Реймсъ.

Огюстъ Доршэнъ приводитъ въ солидномъ журналѣ (L'architecture) выдержку изъ „Rheinische Merkur", апрѣль 1814 г.: „пусть бомбардируютъ ихъ Лувръ и сравняютъ его съ землей"... „за вашихъ предковъ мстите, за всѣ вѣроломства Франкской имперіи. Разрушайте базилику С. Дени; развѣйте по вѣтру бренные останки ихъ королей; разрушьте, приведите въ пепелъ Реймскую базилику, гдѣ короновался Хлодвигъ, гдѣ зародилась имперія Франковъ,—лжебратьевъ благородныхъ германцевъ; сожгите этотъ соборъ, и англичане, не забывшіе столѣтней войны, зарукоплещутъ не послѣдними исчезновенію базилики, гдѣ былъ коронованъ ихъ злѣйшій врагъ Карлъ VII..." Авторъ этой „истинно-германской" филлипики—представитель католической нѣмецкой литературы, авторъ „Die christliche Mystik", Іоганнъ Іозефъ Гёрресъ.

Еще Ю. Цезарь въ „разсужденіяхъ" говорилъ о германцахъ: „они стремятся видѣть обширныя равнины кругомъ ихъ страны; они считаютъ себя героями, когда вытѣсняютъ пограничныхъ имъ жителей. Никто не долженъ селиться рядомъ. Даже на живущихъ внѣ ихъ владѣній ихъ банды устраиваютъ разбойничьи набѣги. Это они считаютъ пріе-

момъ воспитанія молодежи... Latrocinia... juventutis exercendae causa reri proedicant."

Недаромъ проф. Янъ, коему возведенъ памятникъ въ Берлинѣ, писалъ, что на мѣстѣ Франціи онъ желалъ бы видѣть „пустыню съ дикими звѣрями", старые монастыри населенными совами, развалины башенъ—обиталищемъ для орловъ, а мѣста пожарищъ—берлогами для гіеннъ. (Изъ статьи Г. Дешанъ въ „Temps").

„Le Journal" даетъ картинное описаніе сожженія собора въ Мецѣ: „7 мая 1877 г. состоялся торжественный въѣздъ Вильгельма I въ Мецъ; вечеромъ, въ присутствіи императора, и зажгли фейерверкъ—на верхушкѣ собора. Съ первыхъ же ракетъ загорѣлась крыша; жители бросились спасать свою святыню, но были грубо остановлены, а императоръ сказалъ: „мнѣ обѣщали показать „соборъ—въ огнѣ", но я вовсе не ожидалъ видѣть такую полную иллюзію". При этихъ словахъ епископъ Динонъ и представители высшей іерархіи покинули свои мѣста. Огонь клокоталъ всю ночь, высоко выбрасывая пламя—никто изъ вандаловъ не старался тушить! Позже соборъ былъ заново перестроенъ".

Воздерживаясь отъ какихъ-либо выводовъ изъ приведенныхъ выдержекъ, добавимъ лишь, что имена извѣстныхъ нѣмецкихъ художниковъ, зодчихъ и археологовъ подъ манифестомъ „культурнымъ народамъ", свидѣтельствуютъ, что и въ области искусства германцы вѣрны шовинизму.

Директоръ французской школы въ Аѳинахъ, Туставъ Фужеръ, пишетъ Морису Баррэсъ:

„Вы видѣли Парѳенонъ и если предпочитать ему наши христіанскіе храмы, то все же вы должны были придти въ смущеніе отъ жалкаго его вида. Передъ этимъ краснорѣчивымъ покойникомъ вы проклинали имя Морозини. Позвольте, однако, напомнить вамъ, что настоящій палачъ сооруженія Иктинія и Фидія не былъ венеціанцемъ; это былъ наемный нѣмецкій рейтаръ, родомъ изъ Ганновера, артиллерійскій офицеръ Кенигсмаркской банды. Онъ наводилъ жерла орудій на геніальное твореніе древняго язычества подобно тому, какъ теперь сородичи его громили Парѳенонъ христіанства!" (Газета „Temps" указываетъ даже имя артиллерійскаго офи-

цера, руководившаго бомбардировкою 19-го сентября—ф. Платтенбергъ).

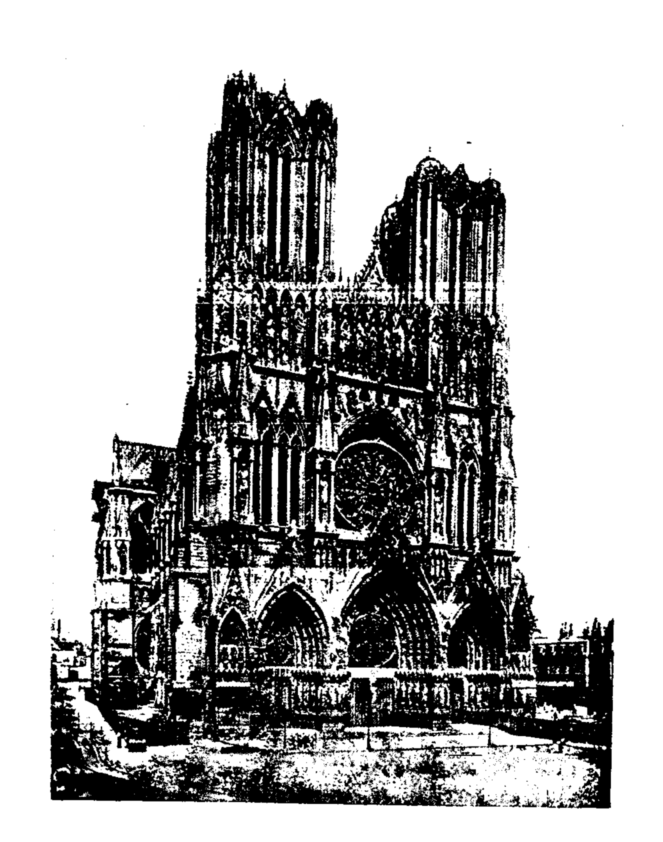
Война, какъ стихійное бѣдствіе, вынуждаетъ зачастую ни съ чѣмъ не считаться. Есть много примѣровъ; возьмемъ хотя-бы такой случай: „при взятіи Вермейля обратно французами, пруссаки установили пулеметъ надъ церковнымъ порталомъ и, такъ какъ дѣйствіе огня сильно мѣшало, французы „сняли“ своимъ орудіемъ 75-го калибра и пулеметъ, и стрѣлявшихъ“... и часть фасада церкви, можемъ мы прибавить! Въ той же газ. „Temps“ помѣщено письмо капитана де Шамбрэнъ къ его женѣ, гдѣ онъ говоритъ, съ какимъ „наслажденіемъ“ разрушалъ, занятый нѣмцами, свой старинный фамильный замокъ, близъ С. Міэля...

Чѣмъ болѣе повышается уровень общей культуры, тѣмъ чудовищнѣе, тѣмъ бо̀льшимъ диссонансомъ звучитъ призывъ къ массовому истребленію людей и всего того, что созидалось ихъ долгими, упорными трудами. Люди, привыкшіе къ современнымъ условіямъ жизни, возвращаются вспять, снова становятся дикарями, гораздо страшнѣе первобытныхъ племенъ, пользуясь капиталомъ и услугами техники.

Какъ бы мы ни оплакивали погибающіе памятники старины и искусства, какіе бы параграфы ни сочиняли господа пасифисты,—разрушенія всегда будутъ неизбѣжнымъ спутникомъ войны. Истинная культура и прогрессъ не могутъ уживаться съ войной и насиліемъ!

Источники по исторіи памятниковъ:

1. A. Michel „Histoire de l'Art“ 1905 г. (изданіе продолжается).
2. J. Gailhabaud „L'architecture du V—XVII s.“ 1858 г.
3. L. Gonse „L'art gothique“.
4. Violet le Duc „Dictionnaire raisonné de l'architecture française“.
5. Aug. Choisy „Histoire de l'architecture“.
6. A. Gosset „Evolution historique des églises chrétiennes“.
7. Marlot „Histoire de Reims“.
8. Shayes „Histoire de l'architecture en Belgique“.
9. Dr. K. Schaefer „Die Baukunst“.
10. L'architecture, journ. hebdomadaire publié par la Société Centrale des architectes.



Г. Реймсъ. Соборъ до бомбардировки.

Разрушенія въ церкви св. Ремигія.

Экономическія причины войны.

В. А. Мукосѣевъ.

I.

Гумпловичъ высказываетъ мысль, что войны являются однимъ изъ частныхъ выраженій общаго историческаго закона борьбы [1]). Положеніе это, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ быть примѣнено и къ переживаемой нами великой борьбѣ народовъ Европы и Азіи. Несомнѣнно, въ своихъ исходныхъ мотивахъ она обусловливается какимъ-то общимъ закономъ и вытекаетъ изъ него, какъ неотвратимое слѣдствіе его послѣдовательнаго и неуклоннаго развитія. Да и трудно себѣ представить, чтобы столь грандіозное историческое событіе, далеко выходящее изъ рамокъ обычнаго и случайнаго, могло быть вызвано механическимъ сцѣпленіемъ дипломатическихъ ошибокъ и фатальнымъ сочетаніемъ преходящихъ обстоятельствъ. Скорѣе всего можно думать, что здѣсь существуетъ какое-то роковое предопредѣленіе, исполняется имманентная вещамъ и отношеніямъ необходимость.

Дѣйствительно, если мы ознакомимся съ хозяйственно-политической исторіей, предшествовавшей этой войнѣ, то увидимъ, насколько война, въ сущности, была неотвратимой. Въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ міровое хозяйство, какъ извѣстно, переживало чрезвычайный подъемъ. Подъемъ этотъ совершался на почвѣ экспорта капиталовъ въ колоніальныя страны и вовлеченія въ орбиту капитализма новыхъ и отсталыхъ странъ. Результатомъ указаннаго подъема было то, что міровая политика перемѣстилась на колоніальные

[1]) *Гумпловичъ.* Основы соціологіи, 252. Пгдъ. 1899.

интересы и пріобрѣла имперіалистическое направленіе. Отсюда наростающее соперничество между богатыми колоніями Франціей и Англіей, съ одной стороны, и бѣдной колоніями, но богатой заморскими интересами Германіей, съ другой. Отсюда также постоянная угроза миру изъ за раздѣла Африки. Но въ то время, какъ имперіалистическая политика Германіи находила себѣ нѣкоторый выходъ отчасти въ Азіи и отчасти въ Африкѣ, Австро-Венгрія, опираясь на своего могущественнаго союзника и подталкиваемая имъ, стремилась утвердить свое господство на Балканахъ, настойчиво желая продвинуться къ побережью Эгейскаго моря. Отсюда — аннексія Австріей Босніи и Герцеговины и острые конфликты между Австріей и стоявшей на пути, ея стремленій Сербіей. Россія, въ свою очередь, послѣ пораженія на Дальнемъ Востокѣ должна была на долго отказаться отъ міровой политики имперіализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ея экономическая отсталость вынуждала искать опору на внѣшнихъ финансовыхъ рынкахъ, которые могли бы обезпечить притокъ капитала въ страну, столь необходимый для подъема производительныхъ силъ. Такими богатыми рынками капиталовъ были рынки Франціи и Англіи, т. е. тѣхъ государствъ, политическіе интересы которыхъ находились въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ Германіей. Обстоятельство подобнаго рода заставляло Россію примкнуть къ франко-англійской группировкѣ державъ. Данное рѣшеніе оправдывалось еще и тѣмъ, что непрерывно возрастающее экономическое вліяніе Германіи въ Азіи существенно затрагивало жизненныя задачи Россіи, которая является столь же европейскимъ государствомъ, сколько и азіатскимъ. Если между Франціей и Англіей, съ одной стороны, и Германіей, съ другой, существовала непримиримость на почвѣ колоніальныхъ интересовъ, то быть можетъ бóльшая непримиримость существовала между Австріей и Россіей на почвѣ балканскихъ интересовъ. Реализація австро-германскихъ имперіалистическихъ плановъ, т. е. овладѣніе ключами къ путямъ, дающимъ юго-восточной Европѣ и отчасти сѣверной Азіи выходъ на міровой рынокъ, несомнѣнно нанесло бы самостоятельности экономическаго развитія Россіи роковой ударъ,—съ ближняго востока и съ юга Россію бы охватило желѣзное нѣмецкое кольцо. Отсюда

угрожающая натянутость отношеній между Россіей и Австро-Венгріей, державшая въ теченіе послѣднихъ лѣтъ европейскій миръ въ состояніи неустойчиваго равновѣсія и превратившаяся въ факелъ, который зажегъ столь долго накапливавшійся для міровой войны горючій матеріалъ.

Подъемъ мірового хозяйства и имперіализмъ, Африка и Балканы,—вотъ тѣ силы и пункты приложенія этихъ силъ, которые вызвали переживаемую нами великую катастрофу. Подъемъ мірового хозяйства, выражавшій внутреннюю закономѣрность развитія капиталистическихъ отношеній, поставилъ значеніе колоній на первый планъ для всякаго крупнаго государства, ведущаго активную торговую политику. Въ центрѣ этого подъема находилась Германія, лишенная сколько-нибудь богатыхъ колоній и потому энергично стремившаяся расширить свои владѣнія въ Африкѣ и придерживавшаяся принциповъ наиболѣе активной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе агрессивной торговой политики. Неизбѣжно вытекавшій отсюда конфликтъ интересовъ между Германіей, съ одной стороны, и Англіей и Франціей, съ другой, не могъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ и, какъ извѣстно, за послѣдніе годы неоднократно ставилъ Европу на край войны. Конфликтъ этотъ, однако, еще осложнялся тяжкимъ соперничествомъ на Балканахъ между Австріей, союзникомъ и орудіемъ Германіи, и Россіей, которая опиралась на финансовые рынки Франціи и Англіи. Стремленіе Австріи занять Салоники и утвердиться на торговыхъ путяхъ Россіи къ Средиземному морю столь же было для Россіи экономически опаснымъ, какъ для Франціи и Англіи было экономически опаснымъ стремленіе Германіи утвердиться въ Африкѣ и захватить торговые пути изъ Средиземнаго моря на востокъ. Конфликтъ между Австріей и Россіей такъ же не могъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ, какъ и конфликтъ франко-англійской коалиціи съ Германіей. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, благодаря ему, Европа одинаково много разъ была на краю катастрофы. Африка и Балканы—вотъ очаги міровой войны. Но они созданы не субъективной волей тѣхъ или иныхъ сильныхъ личностей и не случайнымъ дипломатическимъ соперничествомъ заинтересованныхъ державъ, а общимъ объективнымъ прогрессомъ мірового хозяйственнаго развитія и

порождены новыми экономическими образованіями и задачами—экспортнымъ и финансовымъ капитализмомъ, агрессивной торговой политикой и имперіализмомъ. Поэтому, между ними существовала не только формальная связь, но и внутренняя, вытекавшая изъ единства и тождественности причинъ, которыя ихъ вызвали и которыя придали имъ силу давать европейскимъ народамъ миръ и войну.

Итакъ, въ вопросѣ о томъ, чѣмъ вызвана нынѣшняя война не можетъ быть рѣчи о существенномъ значеніи факторовъ субъективныхъ и случайныхъ. Она является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ закономѣрнаго развитія мірового хозяйства и неизбѣжнымъ результатомъ экономическихъ противорѣчій и національныхъ антагонизмовъ, заключающихся въ современномъ міровомъ хозяйствѣ. Вотъ почему основныя и главныя причины этой войны—экономическія причины.

II.

Міровое хозяйство вступило въ современную фазу своего развитія сравнительно недавно. Какъ извѣстно, въ началѣ второй половины XIX в. быстро возраставшему капитализму въ Европѣ были поставлены серьезныя преграды. Уже въ концѣ 70-хъ годовъ большинство европейскихъ капиталистическихъ государствъ, во главѣ съ Англіей, переживали депрессію, страдая отъ перепроизводства и паденія оборотовъ внѣшняго товарнаго обмѣна. Вслѣдствіе этого почти повсемѣстно усилилось движеніе въ пользу протекціонизма, какъ естественная реакція противъ не оправдавшей ожиданія политики свободной торговли. Во время этой общей и длительной экономической депрессіи накопленіе капиталовъ, искавшихъ себѣ выгоднаго помѣщенія, достигло небывалыхъ размѣровъ. Однако, этотъ накопленный и непродуктивно лежавшій капиталъ постепенно создавалъ предпосылки для расширенія кредита, а тѣмъ самымъ и для возбужденія предпринимательской иниціативы и преодолѣнія царившаго застоя. Новыя страны Америки и Востока явились главнымъ клапаномъ, который далъ выходъ многомилліарднымъ накопленіямъ. Благодаря экспорту капиталовъ въ огромныхъ массахъ, страны эти, еще недавно представлявшія собою дѣвственныя области и пустыни, быстро пошли по пути интенсивнаго экономическаго развитія, со-

здавъ для капиталистической промышленности новые огромной емкости рынки [1]). Съ 1895—96 г. началась длительная эпоха подъема en grand, центръ тяжести котораго лежалъ не столько въ сферѣ расширенія мѣстныхъ рынковъ, сколько въ сферѣ расширенія мірового хозяйства, въ ростѣ капиталистическихъ отношеній во всѣхъ частяхъ свѣта, — отдѣльные рынки какъ бы нивеллировались, обратились въ сплоченныя части одного цѣлаго, „мірового рынка", не имѣющаго никакихъ національныхъ чертъ и не заключеннаго ни въ какія политическія и государственныя границы.

Высказанныя соображенія могутъ быть подкрѣплены нѣкоторыми фактическими данными.

Въ этомъ отношеніи интереснымъ, прежде всего, представляется движеніе цѣнъ [2]):

	Среднія относительныя цѣны на лондонскомъ рынкѣ (1867—1876 гг.=100%):	
	1890-1899.	1903-1912.
Ископаемые и металлургическіе продукты	71	93
Текстильные матеріалы	56	72
Прочіе матеріалы	66	85
Среднее матеріаловъ	64	79
Общее среднее матеріаловъ и растительныхъ продуктовъ	66	76

[1]) Экономическій ростъ новыхъ странъ не представлялъ, однако, собою простого слѣдствія экспорта капиталовъ. Ликвидація мірового аграрнаго кризиса и сопутствовавшее ей повышеніе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты въ сильной степени способствовали гигантскому расширенію производства хлѣбовъ въ новыхъ странахъ, ибо при создавшейся сельско-хозяйственной конъюнктурѣ помѣщеніе капитала въ обработку земель, хотя и отдаленныхъ отъ рынка, но дешевыхъ и безрентныхъ, представляло крупныя выгоды. Такимъ образомъ, экономическій ростъ новыхъ странъ выражалъ, преимущественно, объективныя потребности мірового хозяйства восполнить образовавшіеся недостатки въ снабженіи пищевыми продуктами потребляющихъ странъ. Расширеніе сельскохозяйственнаго производства въ новыхъ странахъ было достигнуто за счетъ экспортированнаго Европой капитала и было использовано въ смыслѣ увеличенія доставки необходимаго сырья и увеличенія рынка сбыта для промышленности. Здѣсь, поэтому, слѣдуетъ искать причины, которыя за послѣднее время такъ усилили значеніе колоній для странъ старой капиталистической культуры. См. подробно объ этомъ: *Мукосѣевъ*. Повышеніе товарныхъ цѣнъ. Къ изученію основныхъ тенденцій въ развитіи современнаго мірового хозяйства, 96—98. Пгдъ. 1914.

[2]) *Sauerbeck*. Prices of commodities. „Journal of the Royal Statistical Society", vol. LXXVI, part 4.

Столь рѣзкое повышеніе товарныхъ цѣнъ представлялось бы страннымъ, если бы оно непосредственно не свидѣтельствовало о чрезвычайномъ подъемѣ мірового хозяйства. Оно тѣсно стоитъ съ расширеніемъ производства, увеличеніемъ торговыхъ оборотовъ и возрастаніемъ нормы прибыли, т. е. съ элементами, образующими повышеніе міровой экономической конъюнктуры.

Другимъ важнымъ показателемъ состоянія міровой хозяйственной дѣятельности служатъ данныя, характеризующія ростъ мірового транспорта и добычи главнѣйшихъ ископаемыхъ продуктовъ.

За періодъ 1900—1910 гг. увеличились [1]):

Длина міровой желѣзнодорожной сѣти	27,5%
Міровой торговый флотъ	44,3%
Грузооборотъ 7 главнѣйшихъ европейскихъ портовъ	37,5%
Внѣшняя торговля 12 крупнѣйшихъ странъ	52,4%
Міровое производство мѣди	75,9%
„ „ каменн. угля	49,4%
„ „ желѣзной руды	57,0%
Производство чугуна въ С. А. С. Штатахъ, Англіи и Германіи	67,1%

Естественно, этотъ колоссальный приростъ производства и обращенія былъ возможенъ лишь благодаря огромной массѣ накопленнаго ссуднаго капитала, и мы видимъ, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ міровое потребленіе капиталовъ увеличилось въ три раза [2]):

Годы.	Выпущено цѣнныхъ бумагъ (милліарды франковъ).
1890-1894	8,4
1895-1899	10,9
1900-1904	15,4
1905-1909	21,3
1910	26,5
1911	19,4
1912	20,2
1913	21,0

---

[1]) *Schmarzwald*, Goldproduktion und Teuerung, „Handelsmuseum“, 7—21 März, 1912.

[2]) „Moniteur des Intèrêts Materiels“, № 80, 1914.

Чрезвычайно поучительнымъ, однако, является то, что значительная часть этихъ милліардовъ размѣщалась въ новыхъ внѣевропейскихъ странахъ.

Годы.	Общая сумма міровыхъ эмиссій (милліарды фр).	Географическое распредѣленіе міровыхъ эмиссій по странамъ (въ %):					
		Великобр. и колоніи (кромѣ южно-африканск. и Канады).	Европейскій материкъ.	Африка.	Америка.	Азія.	Итого.
1903	18,3	13,13	67,77	1,09	17,79	0,22	100,00
1904	14,4	14,93	45,86	3,57	25,40	10,24	100,00
1905	19,1	13,21	39,77	3,82	33,32	9,88	100,00
1906	26,5	7,33	68,96	1,20	20,47	2,31	100,00
1907	15,3	14,46	37,86	4,23	33,90	9,55	100,00
1908	21,2	16,50	37,74	1,48	42,45	1,83	100,00
1909	24,6	11,65	42,30	2,48	42,22	1,35	100,00
1910	26,5	14,05	37,60	1,08	40,73	6,54	100,00
1911	19,4	10,14	44,70	3,06	40,13	1,97	100,00
1912	20,2	11,65	42,30	2,48	42,22	1,35	100,00
1913	20,1	7,42	49,56	1,68	31,11	10,23	100,00

Приведенныя цифры показываютъ, что за послѣднее время молодыя внѣевропейскія страны заняли на міровомъ эмиссіонномъ рынкѣ преобладающее положеніе:

	1903.	1910.	Приростъ или убыль (въ %)
Міровыя эмиссіи (милліарды франковъ).	18,3	26,5	+ 44,6
Изъ нихъ помѣщено (въ %):			
въ европейскія страны	80,90	47,65	— 53,45
„ новыя страны	19,10	52,35	+ 46,55
	100,00	100,00	100,00

Итакъ, въ періодъ необычайнаго подъема мірового хозяйства, совершавшагося благодаря огромному накопленію капиталовъ, потребленіе этихъ капиталовъ относительно сократилось въ европейскихъ странахъ и чрезвычайно возросло въ новыхъ странахъ [1]).

[1]) Такая же тенденція наблюдалась и въ 1911—1913 гг., когда ростъ эмиссіонной дѣятельности пріостановился вслѣдствіе причинъ политическаго характера—марокккскій кризисъ, триполитанскій походъ, балканскія войны и проч.:

Очевидно центръ тяжести подъема мірового хозяйства покоился на новыхъ странахъ, гдѣ потребленіе капиталовъ было наиболѣе значительнымъ [1]). Очевидно также, что подобное явленіе въ чрезвычайной мѣрѣ усилило значеніе этихъ странъ въ міровомъ хозяйствѣ не только какъ рынка для помѣщенія капиталовъ, но и какъ рынка для сбыта товаровъ, не говоря уже о другой важной ихъ роли — поставщицъ пищевыхъ продуктовъ и промышленнаго сырья.

Внѣшняя политика европейскихъ крупно-капиталистическихъ государствъ не могла, разумѣется, обойти этого новаго явленія, ставшаго центральнымъ пунктомъ насущныхъ экономическихъ интересовъ и ближайшихъ торгово-политическихъ задачъ. И мы видимъ, что въ теченіе послѣдняго времени камнемъ преткновенія міровой политики служитъ вопросъ о расширеніи колоніальныхъ владѣній, т. е. вопросъ о прочномъ пріобрѣтеніи новыхъ рынковъ для помѣщенія быстро накапливающагося капитала и сбыта товаровъ гигантски растущей промышленности. Такимъ образомъ, новыя формы и условія мірового хозяйственнаго развитія неизбѣжно

	Размѣщеніе міровыхъ эмиссій (въ %):		
	1911.	1912.	1913.
Европейскія страны	54,84	53,95	56,98
Новыя страны	55,16	46,05	53,02
	100,00	100,00	100,00

[1]) Чѣмъ, однако, вызывается приливъ капитала въ новыя страны, какія причины заставляютъ капиталистовъ такъ сосредоточивать вниманіе на колоніальныхъ владѣніяхъ? „Въ нарождающемся обществѣ, въ колоніи, въ новой странѣ, гдѣ все должно быть создано вновь,—говоритъ Леруа Болье,—капиталы, независимо отъ всякаго спроса и предложенія, несравненно болѣе производительны, чѣмъ въ старомъ обществѣ, гдѣ все наиболѣе важное уже сдѣлано... Чѣмъ объясняется столь значительная производительность капиталовъ въ новыхъ странахъ? Причина въ томъ, что не сдѣланы еще первые шаги въ области цивилизаціи, свободны еще плодородныя земли, производящія много продуктовъ съ затратой незначительныхъ издержекъ, имѣются богатые рудники, доставляющіе богатую добычу, торговля болѣе оживлена и населеніе возрастаетъ скорѣе". *Leroy Beaulieu,* Essai sur la repartition des richesses, 241—245. Paris. 1906.

создали новыя предпосылки міровой политики, руководящимъ лозунгомъ которой является имперіализмъ. Но этотъ имперіализмъ—не отвлеченная идея величія государства, а непреложная экономическая необходимость.

III.

Экономическое состояніе современныхъ капиталистическихъ государствъ характеризуется прогрессивнымъ упадкомъ земледѣлія, возростаніемъ промышленнаго производства и огромнымъ накопленіемъ капиталовъ. Вслѣдствіе этого все большая и большая часть населенія привлекается къ промышленно-торговому труду,—хозяйственное существованіе государства, его экономическій прогрессъ и упадокъ, надежды и разочарованія становятся въ непосредственную и тѣсную зависимость отъ колебаній міровыхъ промышленныхъ конъюнктуръ.

		На 100 человѣкъ, занятыхъ профессіональнымъ трудомъ, приходилось (въ %) [1]:			
		промышленность, торговля и транспортъ.	сельскохозяйственные промыслы.	прочія профессіи.	итого.
Англія . .	(1911 г.)	67,2	11,9	20,9	100,0
Швейцарія .	(1900 г.)	57,9	30,9	12,2	100,0
Германія . .	(1907 г.)	56,2	28,6	15,2	100,0
Бельгія . .	(1900 г.)	53,3	21,1	25,6	100,0
Голландія .	(1909 г.)	52,8	28,3	18,9	100,0
Франція . .	(1906 г.)	46,0	42,7	11,3	100,0
Италія . . .	(1901 г.)	31,9	59,4	9,7	100,0
Австрія . .	(1900 г.)	26,3	60,9	2,7	100,0
Россія . . .	(1897 г.)	25,0	58,3	16,7	100,0

При условіи, что свыше половины промысловаго населенія государства существуетъ за счетъ промышленности и связанныхъ съ нею отраслей торговли и транспорта, вопросъ о постоянномъ предоставленіи работы этому населенію, поддержаніи и развитіи его экономическаго благосостоянія, является вопросомъ жизненной необходимости. То или иное его рѣшеніе уже не можетъ совершаться въ границахъ частно-хозяйственныхъ интересовъ и составляетъ предметъ

[1]) Вычислено по даннымъ Staitstiches Jahrbuch für das Deutsche Reich, II, 18, 1914.

государственныхъ и національныхъ заботъ. Естественно, заботы эти усиливаются и содержаніе ихъ измѣняется по мѣрѣ разростанія капиталистическаго хозяйства и обостренія промышленнаго соперничества. Да иначе это и быть не можетъ,—современное производство лишено регулирующей силы, ибо имъ управляетъ рынокъ, т. е., непостоянная и колеблющаяся потребность непосредственнаго числа потребителей— „конъюнктура".

Для характеристики промышленнаго соперничества приведемъ данныя относительно производства основныхъ продуктовъ современнной промышленности капиталистическихъ государствъ — чугуна, стали и каменнаго угля, и сравнимъ ихъ съ данными о движеніи населенія [1]):

	Германія.	Франція.	Бельгія.	Англія.	Итого.
Производство чугуна (тыс. метр. тонъ).					
1892 г.	4.928	2.057	753	6.709	14.337
1902 „	8.815	2.405	1.069	8.860	21.149
1912 „	17.617	4.939	2.301	8.751	33.608
съ 1892 г. по 1912 г. увеличеніе.	257,6%	140,4%	205,5%	30,4%	142,7%
Производство стали (тыс. метр. тонъ).					
1892 г.	2.756	825	260	2,920	6.761
1902 „	7.422	1.568	787	4.909	14.686
1912 „	17.302	4.404	2.515	6.903	31.123
Съ 1892 г. по 1912 г. увеличеніе.	527,6%	431,8%	867,3%	136,4%	360,2%
Добыча каменн. угля (тыс. метр. тонъ).					
1892 г.	92.544	25.697	19.583	184.704	322.528
1902 „	150.600	29.365	23.878	230.739	434.582
1912 „	255.710	40.560	22.972	264.670	583.912
Съ 1892 г. по 1912 г. увеличеніе.	145,6%	63,6%	17,3%	43,4%	81,3%
Населеніе (милл. душъ).					
1892 г.	50,3	38,4	6,2	38,1	133,0
1902 „	57,8	39,1	6,9	41,9	145,7
1912 „	66,1	39,7	7,6	45,7	159,1
Съ 1892 г. по 1912 г. увеличеніе.	31,4%	3,6%	20,5%	16,7%	18,9%

Такимъ образомъ, на протяженіи послѣднихъ 20 лѣтъ въ наиболѣе промышленныхъ странахъ Европы ростъ насе-

[1]) Вычислено по даннымъ Statistical Abstract for the foreign countries, pp. 12, 489, 493, 495. Ed. 1914.

ленія весьма отставалъ отъ роста производства чугуна, стали и каменнаго угля. При условіи, что въ теченіе этого времени производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ сократилось, мы должны будемъ признать, что все экономическое бытіе этихъ государствъ самымъ тѣснымъ образомъ поставлено отъ необходимости расширенія промышленнаго производства, углубленія существующихъ и созданія новыхъ рынковъ.

Однако, въ силу взаимнаго соперничества конкурирующихъ на рынкѣ странъ данное расширеніе наталкивается на рядъ трудно преодолимыхъ преградъ, не говоря уже о томъ, что потребительная способность каждаго рынка ограничена извѣстными предѣлами его насыщаемости, т. е., поставлена въ непосредственную зависимость либо отъ наличной суммы его покупательныхъ средствъ, опредѣляемыхъ доходомъ населенія, либо отъ оказываемаго ему кредита (экспортъ капиталовъ), который, въ свою очередь, долженъ быть погашенъ за счетъ растущаго народно-хозяйственнаго дохода. Въ современныхъ условіяхъ капиталистическаго хозяйства и чрезвычайнаго разростанія промышленнаго капитализма не только увеличеніе сбыта, но и поддержаніе его на существующемъ уровнѣ требуетъ выдающагося искусства и значительнаго напряженія силъ. „Характернѣйшей особенностью капиталистическаго хозяйства,—говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій,—является то, что рынокъ для каждаго товара, какъ общее правило, заполненъ и даже переполненъ предложеніемъ... Отсюда возникаетъ борьба за рынокъ, составляющая столь выдающуюся особенность хозяйственной жизни нашего времени... Извѣстно, какъ сложна организація сбыта въ наше время, какія усилія долженъ дѣлать предприниматель, чтобы втолкнуть свой товаръ въ густую толпу всевозможныхъ товаровъ, переполняющихъ рынокъ. Предложеніе, какъ общее правило, всегда идетъ впереди спроса, обгоняетъ его, и товаропроизводитель готовъ пойти, на что угодно, лишь бы стимулировать спросъ. Современный предприниматель создалъ сложную сѣть торговаго посредничества, экономическое значеніе котораго трудно преувеличивать. Эта сѣть, какъ паутина, охватила своими петлями весь міръ [1])“.

Для современнаго капиталистическаго хозяйства, съ его суровой борьбой за рынки, доктрина экономическаго либерализма оказывается уже совершенно непригодной. На ряду съ усиліями частныхъ лицъ въ области созданія наиболѣе благопріятныхъ условій сбыта мы видимъ активное вмѣшательство государственной власти, направленное къ созданію такихъ торгово-политическихъ отношеній, которыя бы наилучшимъ образомъ обезпечивали промышленности всѣ ея насущные интересы. „Мирное завоеваніе" рынка путемъ рекламы и арміи коммивояжеровъ встрѣчаетъ дѣятельную поддержку въ консулахъ и спеціальныхъ коммерческихъ агентахъ. Вывозныя синдикатскія преміи идутъ параллельно съ вывозными преміями, выдаваемыми государствомъ. Пониженіе цѣнъ на товары, вывозимые заграницу, и повышеніе ихъ на внутреннемъ рынкѣ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ желѣзнодорожной тарифной политикой и таможенными мѣропріятіями. Кредитованіе заграницы находитъ живой откликъ у правительства, которое, ради увеличенія заказовъ отечественной промышленности и завоеванія ею новаго внѣшняго рынка, облегчаетъ и создаетъ экономически слабымъ государствамъ реализацію займовъ, и т. д., и т. д. Сильно возросшее соперничество между промышленными государствами, въ концѣ концовъ, превратило міръ въ вооруженный плацдармъ, гдѣ во всѣхъ его углахъ повседневно идетъ ожесточенная экономическая борьба за возможность бо̀льшаго и бо̀льшаго сбыта, за расширеніе границъ существующихъ рынковъ. „Національное производство должно также (подобно военнымъ лагерямъ, В. М.) имѣть свои укрѣпленные лагери, которые защищали бы его отъ нашествія конкурентовъ,—говорилъ въ 1907 г. Клотцъ, предсѣдатель французской парламентской комиссіи по пересмотру таможеннаго тарифа. Сраженія, которыя даютъ другъ другу экономическіе противники, не происходятъ ли ежедневно во всѣхъ концахъ міра?".

Если ходъ экономической эволюціи вынуждаетъ государство отождествлять свои интересы съ интересами промышленнаго капитализма, то, очевидно, необходимость расширенія границъ рынка, вытекающая изъ обостреннаго и наростающаго соперничества, должна сама собою привести къ политикѣ силы, къ имперіализму. Тенденціи имперіализма, обу-

словленныя экономической необходимостью въ сторону внѣшняго расширенія, имѣютъ, однако, опредѣленное содержаніе, ибо въ нихъ воплощается объективный результатъ закономѣрнаго развитія міроваго хозяйства. Паденіе сельско-хозяйственнаго производства и возростаніе промышленности вызываетъ у промышленно-капиталистическихъ государствъ потребность выгоднаго и прочнаго обезпеченія себя сырымъ матеріаломъ и питательными продуктами, т. е. вызываетъ потребность въ колоніяхъ. Съ другой стороны, усиленный темпъ накопленія капиталовъ и необходимость прибыльнаго и надежнаго ихъ размѣщенія требуютъ созданія соотвѣтствующихъ рынковъ для экспорта ı аловъ,—такими рынками, какъ мы знаемъ, являются кол т. е. новыя и отсталыя страны, которыя богаты сельскохозяйственнымъ сырьемъ. Но колоніи, давая прибыльное примѣненіе излишне накапливающемуся капиталу и предоставляя сырье, пріобрѣтаютъ eo ipso большую поглотительную способность въ отношеніи промышленныхъ товаровъ, рѣзко расширяя и увеличивая границы рынка. Такимъ образомъ, изъ внутреннихъ отношеній капиталистическаго развитія промышленныхъ государствъ возникаетъ потребность въ колоніальныхъ владѣніяхъ. Потребность эта крѣпнетъ и превращается въ экономическую необходимость по мѣрѣ накопленія капиталовъ и наростанія промышленнаго соперничества. Вотъ почему центромъ политики имперіализма является стремленіе къ пріобрѣтенію колоній. И политика эта тѣмъ агрессивнѣе, чѣмъ могущественнѣе государство, чѣмъ выше его капиталистическо-промышленное развитіе и чѣмъ сильнѣе у него потребность въ обширныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ.

Очевидно, здѣсь слѣдуетъ искать ключъ къ тому антагонизму, который существовалъ между великими колоніальными государствами Европы, Англіей и Франціей, съ одной стороны, и ничтожнымъ колоніальнымъ, но самымъ великимъ промышленнымъ государствомъ въ Европѣ—Германіей, съ другой стороны. Очевидно, здѣсь скрыты тѣ причины, которыя, постепенно наростая и осложняясь, превратили существовавшій между этими государствами антагонизмъ въ ужасную кровавую распрю.

IV.

Германскій имперіализмъ, о которомъ такъ много говорятъ, отнюдь не абстрактная формула увлекающихся пангерманистовъ, а конкретная потребность, вытекающая изъ чрезвычайнаго экономическаго роста Германіи. Дѣйствительно, за послѣднюю четверть вѣка успѣхи Германіи въ области народно-хозяйственныхъ отношеній были колоссальны: ни одна страна въ мірѣ не давала картины такого изумительнаго экономическаго прогресса, какой показала Германія. На базисѣ огромныхъ природныхъ богатствъ, исключительной способности къ организаціи и суроваго протекціонизма, германская промышленность заняла одно изъ первыхъ мѣстъ на міровомъ рынкѣ.

Ростъ германской промышленности иллюстрируется такими характерными сравнительными данными, охватывающими періодъ послѣдняго двадцатипятилѣтія: [1])

	1887.	1912.	Увеличеніе (въ $^0/_0$).
Добыча каменнаго угля (милл. тонъ):			
Германія	76	226	+ 193,3
Англія	162	264	+ 62,9
Франція	21	41	+ 95,2

Еще болѣе рельефную картину стремительнаго промышленнаго прогресса Германіи мы наблюдаемъ при ознакомленіи съ цифрами, относящимися къ производству другого важнѣйшаго продукта современной индустріи—чугуна:

	1887.	1912.	Увеличеніе (въ 0/0).
Производство чугуна (милл. тонъ):			
Германія	4	18	+ 350,0
Англія	8	8	±
Франція	2	5	+ 150,0

Однако, этотъ гигантскій ростъ горной промышленности не представлялъ собою исключительнаго явленія, ибо параллельно ей сильно расширилась и текстильная отрасль:

---

[1]) Вычислено по даннымъ Statistical Abstract for foreign countries за соотвѣтствующіе годы.

	1887.	1912.	Увеличеніе (въ %).
Переработка хлопка (милл. англ. фунт.):			
Германія	281	1.578	+ 461,5
Англія	1.357	2.171	+ 61,5
Франція	233	614	+ 163,5

На ряду съ необычайнымъ подъемомъ промышленности, мы также наблюдаемъ фактъ столь же необычайнаго расширенія внѣшней торговли:

	1887.	1912.	Увеличеніе (въ %).
Привозъ:			
Германія (милл. мар.)	3.109	11.572	+ 272,1
Англія (милл. ф. ст.)	362	633	+ 74,8
Франція (милл. фр.)	4.026	8.230	+ 104,4

Такое галопирующее возрастаніе привоза находилось въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ вывоза:

	1887.	1912.	Увеличеніе (въ %).
Вывозъ:			
Германія (милл. мар.)	2.938	8.957	+ 205,8
Англія (милл. ф. ст.)	281	599	+ 113,1
Франція (милл. фр.)	3.246	6.713	+ 109,4

Вмѣстѣ съ тѣмъ, важно указать, что вывозъ сильно подвергся воздѣйствію быстро развивающейся промышленности [1]):

	1886.	1911.	Увеличеніе (въ %).
Экспортъ машинъ:			
Германія (милл. мар.)	53	605	+ 1,431,6
Англія (милл. ф. ст.)	11	31	+ 181,8

Конечно, столь значительное расширеніе вывоза машинъ было возможно лишь при условіи установленія прочной связи между германской промышленностью и міровымъ рынкомъ. Съ другой стороны, ростъ экспортной индустріи еще болѣе укрѣплялъ эту связь, такъ какъ создавалась необходимость все въ большемъ и большемъ объемѣ получать сырые матеріалы и пищевые продукты изъ заграницы. Для иллюстраціи приведемъ данныя относительно привоза хлѣбовъ [2]):

	1886.	1911.	Увеличеніе (въ %)
Привозъ въ Германію пшеницы, ржи, овса, ячменя и кукурузы (тыс. тонъ).	1.541	4.850	+ 208,2

[1]) Вычислено по даннымъ *Ballad'a*, Grundriss d. Statistik, 30 и 330. Berl. 1913.

[2]) l. c., 332.

Съ этой точки зрѣнія представляется интереснымъ прослѣдить, въ какомъ направленіи шло развитіе германской внѣшней торговли вообще за послѣднія два десятилѣтія[1]):

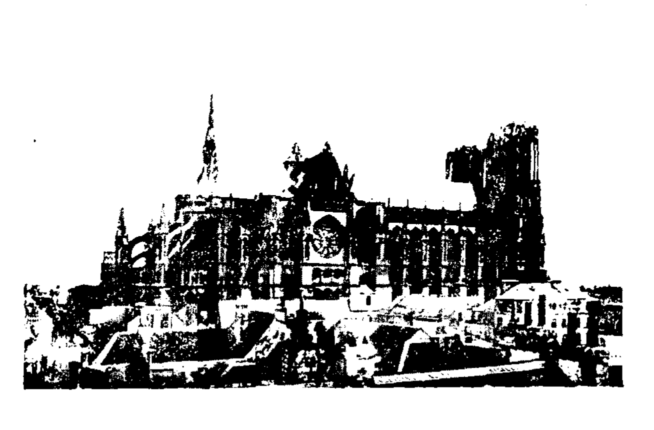
	1893.	1913.	Увеличеніе (въ %)
Общій привозъ въ Германію (милл. мар.)	4.134	10.770	160,6
въ томъ числѣ:			
изъ Европы	2.847	5.889	106,9
„ Африки	72	497	564,0
„ Азіи	235	1.049	340,6
„ Америки	881	2.994	239,2
„ Австраліи	97	327	237,1
Общій вывозъ изъ Германіи (милл. мар.)	3.245	10.096	254,3
въ томъ числѣ:			
въ Европу	2.508	7.677	206,0
„ Африку	35	211	502,8
„ Азію	117	548	353,0
„ Америку	565	1.546	173,6
„ Австралію	18	104	477,7

Такимъ образомъ, и въ отношеніи вывоза и, въ особенности въ отношеніи привоза, германская внѣшняя торговля обнаруживаетъ твердую склонность увеличиваться и расширяться за счетъ внѣевропейскихъ странъ, т. е. за счетъ расширенія границъ мірового рынка:

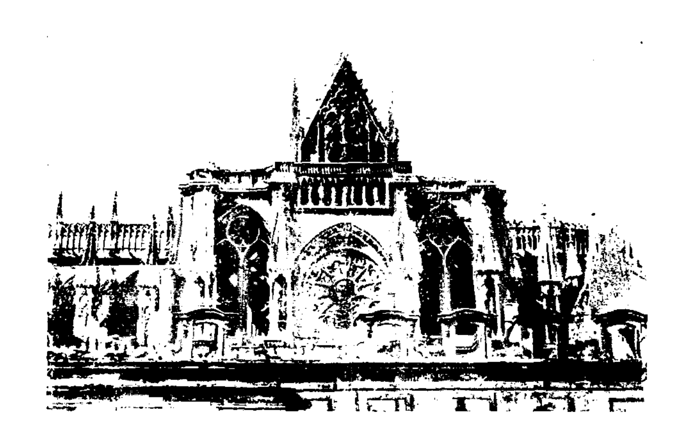
	Внѣшняя торговля Германіи:				
	1893.		1913.		
	милл. мар.	%	милл. мар.	%	Увеличеніе (въ %)
Привозъ	4.134	100,0	10.770	100,0	160,6
въ томъ числѣ:					
изъ Европы	2.847	68,9	5.889	54,8	106,9
„ внѣевроп. странъ . .	1.286	32,1	4.867	45,2	275,9
Вывозъ	3.245	100.0	10.096	100.0	254,3
въ томъ числѣ:					
въ Европу	2.508	77,3	7.677	76.1	206,0
„ внѣевроп. страны . .	735	22,7	2.409	23.9	228,2

---

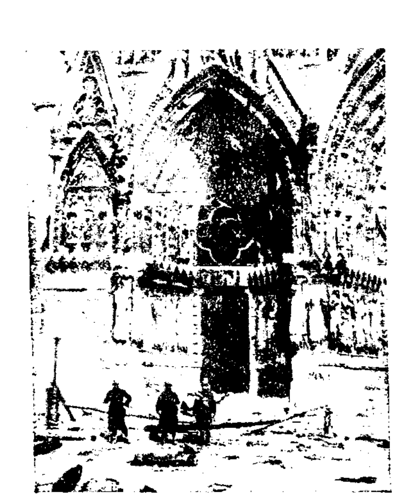
[1]) Вычислено по даннымъ Statistisches Handbuch für das Deutsche Reich (II Teil) и Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich 1914.—Вслѣдствіе того, что въ германскихъ статистическихъ изданіяхъ распредѣленіе внѣшней торговли Германіи по странамъ свѣта установлено лишь съ 1893 г., представлялось невозможнымъ составить вышеприведенную таблицу, охвативъ періодъ за 25 лѣтъ.



Г. Реймсъ. Боковой видъ собора.



Часть того же фасада послѣ разрушенія.



Эта тенденція къ перемѣщенію центра тяжести германской внѣшней торговли на внѣевропейскія колоніальныя страны наглядным образомъ иллюстрируетъ глубокую и возрастающую связь Германіи съ міровымъ хозяйствомъ. Отсюда самъ собою вытекаетъ фактъ сильнаго увеличенія германскаго торговаго флота, обслуживающаго океанскіе пути:

	Германскій торговый флотъ:				
	1893.		1913.		
	милл. тоннъ.	%	милл. тоннъ.	%	Увеличеніе (въ %)
Вообще	1.512	100,0	3.154	100,0	108,6
въ томъ числѣ:					
въ Сѣверномъ морѣ . .	1.194	79,0	2.836	90,0	137,4
„ Балтійскомъ „ . .	318	21,0	318	10,0	—

Однако, имѣя столь громадную экономическую заинтересованность въ колоніяхъ, Германія не обладала сколько-нибудь значительными и богатыми колоніальными владѣніями[1]):

	Территорія въ (англ. квадр. миляхъ):		Во сколько разъ колоніи больше метрополіи:
	метрополія.	колоніи.	
Англія	121.633	11.307.415	94,2
Бельгія	11.343	909.654	80,2
Голландія	12.648	736.400	58,2
Франція	207.054.	4.986.543	24,2
Португалія . . .	35.490	820.952	23,3
Италія	110.550	591.230	5,3
Германія	208.780	1.028.820	4,9

Отсюда видно, что по отношенію площади колоніальныхъ владѣній къ территоріальному пространству метрополіи Германія занимаетъ послѣднее мѣсто среди западно-европейскихъ колоніальныхъ государствъ [2]). Ея ближайшія со-

---

[1]) Вычислено по даннымъ The Statesman's Year Book, for 1914.

[2]) Ко времени превращенія Германіи въ промышленное государство колоніальныя территоріи въ различныхъ частяхъ свѣта были уже большей частью распредѣлены между Англіей, Франціей, Голландіей, Бельгіей, Португаліей и Испаніей. На путь колоніальныхъ пріобрѣтеній Германія выступила въ 80-хъ г.г. XIX в. вслѣдствіе, главнымъ образомъ, сильной эмиграціи населенія заграницу. Тогда же былъ занятъ рядъ колоніальныхъ владѣній въ Южной Африкѣ (Того, Камерунъ, Занзибаръ и проч.) и Австраліи (острова Самоа и Новой Гвинеи); въ 1897 г. было пріобрѣтено отъ Китая Кіао-Чау.

По даннымъ, недавно опубликованнымъ въ „Reichsarbeitsblatt", современное хозяйственное положеніе германскихъ колоній вкратцѣ характеризуется такимъ образомъ. Прежде всего, замѣчается возрастаніе европейскаго

сѣдки— Францiя, Бельгiя и Голландiя, не говоря объ Англiи, которыхъ она далеко превзошла интенсивностью своего промышленнаго развитiя, обладаютъ весьма крупными и богатыми колонiями, во много разъ превышающими размѣры самой Германiи. Ощутительная недостаточность колонiй рѣзко осложняется еще мало удовлетворительнымъ географическимъ положенiемъ Германiи, какъ морской державы, сравнительной ограниченностью предѣловъ европейской территорiи и непрерывнымъ ростомъ населенiя:

Годы.	Населенiе Германiи:	
	милл. душъ.	плотность на 1 квадр. километръ.
1885	46,8	86,7
1890	49,4	91,5
1895	52,3	96,7
1900	56,4	104,2
1905	60,3	112,1
1910	60,6	120,0
1913	66,8	123,5

фермерскаго земледѣлiя. Плошадь, отведенная подъ культуру европейскимъ фермерамъ, достигала слѣдующихъ цифръ (въ гектар.):

	1913	1912
Восточная Африка	106.295	81.831
Камерунъ	28.225	20.000
Того	1.343	1.071
Новая Гвинея	32.264	28.165
Самоа	10.702	8.353

Всего занятыхъ земледѣлiемъ рабочихъ и служащихъ насчитывалось въ 1913 г. 119.765, противъ 91.380 въ 1912 г. Въ отдѣльныхъ колонiяхъ число лицъ, занятыхъ земледѣлiемъ, достигало:

	1913.		1912.	
	европейц.	туземц.	европейц.	туземц.
Восточная Африка	606	83.366	557	60.835
Камерунъ	195	17.827	147	13.272
Того	9	841	8	536
Новая Гвинея	212	15.116	182	13.742
Самоа	81	2.118	78	2.053

Что же касается промышленности, то оффицiальный отчетъ констатируетъ, что, за исключенiемъ горнаго дѣла, ея развитiе идетъ чрезвычайно медленно. Причина этого—отсутствiе инициативы и недостатокъ квалифицированныхъ рабочихъ. Мѣстная желѣзнодорожная сѣть достигла въ концѣ 1913 г. 4176 км., противъ 3867 км. въ предыдущемъ году, 3457 км. въ 1911 г., 2771 км. въ 1910 г., 832 км. въ 1905 и 234 км. въ 1900 г. Цѣнность оборотовъ по внѣшней торговлѣ 6-ти германскихъ колонiй достигла за 1912 г.

Такимъ образомъ, гигантскій подъемъ промышленности и торговли Германіи, совершавшійся на почвѣ расширенія границъ мірового хозяйства, какъ бы расходился съ конкретными географически-экономическими условіями ея существованія и тѣмъ самымъ энергично толкалъ ее на путь превращенія въ міровое государство.

„Постоянный ростъ нашего населенія заставляетъ насъ ставить новыя цѣли и превратиться изъ континентальной державы въ міровую,—писалъ по этому поводу президентъ лиги германскаго флота, адмиралъ фонъ-Кестеръ [1]). Наша мощная промышленность должна стремиться къ новымъ заморскимъ завоеваніямъ... Если мы не хотимъ, чтобы дѣти наши обвиняли насъ въ близорукости, то мы должны теперь же обезпечить свое положеніе среди народовъ. Мы можемъ это сдѣлать лишь подъ защитой сильнаго германскаго флота, который будетъ въ состояніи обезпечить намъ почетный миръ". То же

263,5 милл. марк., противъ 240,2 милл. марк. въ предыдущемъ году. Торговые обороты отдѣльныхъ колоній составляли (въ милл. марк).

	Ввозъ:		Вывозъ:		Итого.	
	1912.	1911.	1912.	1911.	1912.	1911.
Восточная Африка . .	50,3	45,9	31,4	22,4	81,7	68,3
Камерунъ	34,2	29,3	23,3	21,3	57,6	50,6
Того	11,4	9,6	10,0	9,3	21,4	18,9
Юго-Зап. Африка . .	32,5	45,3	39,0	28,6	71,5	73,9
Новая Гвинея	9,2	8,0	12,1	12,0	21,3	20,0
Самоа	5,0	4,1	5,0	4,4	10,0	8,5
Итого	142,6	142,2	120,8	98,0	263,5	240,2
Кіао-Чау	121,2	114,9	79,6	80,9	200,8	195,2
Всего	263,8	257,1	200,4	178,3	464,3	335,4
Въ % отношеніи ко всей внѣшней торговли Германіи	2,5	2,8	2,2	2,2	2,3	2,5

Всего болѣе возросли обороты по внѣшней торговлѣ Восточной Африки и Камеруна. Главными предметами вывоза изъ всѣхъ колоній за 1912 г. являлись (въ милл. марк.):

Діаманты.	30,4	Шелкъ.	7,5
Каучукъ	21,1	Руда всякая. . . .	6,5
Копра	11,7	Какао	5,4
Земляной орѣхъ . , .	11,4	Фосфатъ	5,0
Хлопокъ	8,2	Кожа	4,0
Пальмовыя сѣмена . .	7,8	Пальм. масло	3,0

[1]) Цит. *Angell*, The Great Illusion, 12. Lond. 1914. 23 ed.

самое говорилъ извѣстный германскій публицистъ и теоретикъ германскаго имперіализма Рорбахъ: „Мы имѣемъ громадный ввозъ и вывозъ, строимъ корабли, производимъ въ колоссальныхъ массахъ уголь, желѣзо, машины и различныя издѣлія, но намъ еще не достаетъ осознанности нашихъ интересовъ подъ угломъ міровой политики" (nur die weltpolitischen Geist haben wir noch nicht [1]). Сознаніе того, что вслѣдствіе чрезвычайныхъ хозяйственныхъ успѣховъ міровое положеніе Германіи измѣнилось, нашло себѣ выраженіе въ извѣстной рѣчи императора Вильгельма, сказанной по поводу 25 лѣтняго юбилея имперіи: „Aus dem deutschen Reiche ein Weltreich geworden. Ueberall in fernen Teilen der Erde wohnen Tausende unserer Landesleute. Deutscher Güter, deutsches Wissen, deutschen Betriebsamkeit gehen über dem Ocean. Nach Tausenden von Millionen beziffern sich die Werte, die Deutschland auf den Seefahrten hat. An Sie, meine Herren, tritt die erste Pflicht heran mir zu helfen dieses deutsche Reich auf fest an unseres heimatliches zu gliedern". Гильфердингъ также указывалъ, что въ настоящее время между развитіемъ германскаго капитализма и относительной незначительностью его хозяйственной территоріи существуетъ глубокое и роковое противорѣчіе. Достаточно Англіи перейти къ протекціонизму и предоставить богатые колоніальные рынки лишь для своей промышленности, „область германской конкуренціи должна будетъ внезапно сузиться. И это будетъ тѣмъ ощутительнѣе, что... у Германіи нѣтъ заслуживающихъ вниманія колоніальныхъ владѣній; и это въ то время, когда не только ея сильнѣйшіе конкуренты, Англія и Соед. Штаты, но и сравнительно небольшія державы, Франція, Бельгія, Голландія, располагаютъ значительными колоніями, а ея будущій конкурентъ, Россія, тоже владѣетъ колоссально огромной хозяйственной территоріей. Это положеніе должно до чрезвычайности обострить антагонизмъ между Германіей, съ одной стороны, и Англіей и ея спутниками — съ другой, и потребуетъ насильственнаго разрѣшенія. Послѣднее уже наступило бы давнымъ давно", если бы не было противодѣйствія, обусловленнаго экспортомъ капитала и дѣятельнымъ соучастіемъ

Германіи въ вовлеченіи въ капиталистическій оборотъ отсталыхъ или сравнительно медленно развивающихся странъ [1]). Въ статьѣ Эмиля, помѣщенной въ „Neue Zeit", также констатировалось, что объективныя условія капиталистическаго развитія Германіи требуютъ расширенія ея колоніальныхъ владѣній. Внутренній рынокъ уже пресыщенъ, а заграницей германская промышленность и германскій ссудный капиталъ встрѣчаютъ серьезную конкуренцію со стороны другихъ государствъ. Но колоніальная политика en grand требуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выхода Германіи къ Адріатическому морю и Атлантическому океану, западнѣе Фрисландскихъ островозъ. А такъ какъ внѣшняя политическая обстановка складывается для Германіи неблагопріятно, то колоніальнаго расширенія она можетъ достигнуть лишь путемъ европейской войны. „Ohne einen europäischen Krieg ist eine koloniale Expansion Deutschlands nicht zu haben" [2]).

Такимъ образомъ, чрезвычайный экономическій ростъ Германіи фатально поставилъ передъ ней полную опасности и, въ тоже время, полную жизненности проблему колоніальнаго расширенія. И мы видимъ, что необходимость имперіализма въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія германскаго народнаго хозяйства сознавалась представителями различныхъ слоевъ германскаго народа, начиная отъ императора и кончая соціалистами. Однако, въ силу сложившихся условій мірового хозяйства, разрѣшеніе этой проблемы колоніальнаго расширенія Германіи должно было неизбѣжно вызвать великую войну.

V.

Характерной экономической особенностью послѣднихъ десятилѣтій является относительное паденіе промышленной мощи Англіи, хозяйственная оцѣпенѣлость Франціи и гигантскій ростъ производства, торговли и транспорта Германіи. Конецъ XIX в. и начало XX в. ознаменовались рѣшительнымъ установленіемъ въ Европѣ германской экономической гегемоніи. Она

[1]) *Гильфердингъ*, Финансовый капиталъ, 506. Москва. 1912.

[2]) *Emil*, Der deutsche Imperialismus und innere Politik, „Neue Zeit", V. 1907. См. также *Schippel*, England, Deutschland und Arbeiterpartien, „Socialistische Monatshefte", II. 1909. *Загорскій*, Экономическія основанія германскаго имперіализма, „Вѣстникъ Европы", XI. 1914.

безраздѣльно воцарилась на европейскомъ рынкѣ и, шагъ за шагомъ, подчиняла себѣ новыя области, прочно укрѣпляясь въ Азіи и захватывая отдаленные пункты Африки и цвѣтного южно-американскаго материка. Этотъ экономическій тріумфъ Германіи имѣлъ для структуры мірового хозяйства и міровой политики чрезвычайно важныя послѣдствія.

Еще въ своемъ первоначальномъ выступленіи на арену міровой торговли Германія столкнулась съ Англіей. Образованная въ 1855-56 г. парламентская комиссія для изученія причинъ, вызвавшихъ паденіе англійской торговли, зарегистрировала рядъ показаній англійскихъ промышленниковъ, которые говорили, что причина плохихъ дѣлъ лежитъ въ вытѣсненіи съ рынка англійскихъ товаровъ германскими. Работы этой комиссіи разюмировались слѣдующими словами: „Конкуренція Германіи постоянно дѣлается все болѣе и болѣе настойчивой; во всѣхъ углахъ міра чувствуется настойчивость и упорство нѣмцевъ. Они одолѣваютъ насъ благодаря лучшему знанію рынка, готовности сообразоваться со вкусами каждаго, благодаря рѣшимости проникать всюду и, вездѣ проникая, упрочиваться“ [1]). Вышедшая спустя 10 лѣтъ книга Уильямса, „Made in Germany“, породила въ дѣловыхъ кругахъ Англіи цѣлое движеніе въ защиту отечественнаго производства и торговли отъ германской конкуренціи, выдержавъ въ теченіе одного года нѣсколько изданій. Она начиналась такими словами: „Промышленное первенство Великобританіи долгое время было всѣми признанной истиной, но теперь оно обращается въ миѳъ, столь же соотвѣтствующій дѣствительности, какъ и возможность для китайскаго императора сдѣлать перепись своимъ подданнымъ“ [2]). Уильямсъ приводитъ въ своей книгѣ необычайно богатый фактическій матеріалъ, характеризующій успѣшную конкуренцію Германіи на англійскихъ рынкахъ и пріемы, при посредствѣ которыхъ достигаются такіе успѣхи. Напр., производство шеффильдскихъ стальныхъ издѣлій популярной за океаномъ марки, „звѣзда и крестъ“, съ обозначеніемъ фирмы Rodgers, сократилось вслѣдствіе того, что нѣмецкіе фабриканты под-

---

1) *Berard*, L'Angletterre et l'imperialisme, p. 300. Цит. *Котляревскій* Правовое государство и внѣшняя политика, 304. Москва. 1909.

2) *Williams*, Made in Germany, p. 1. Lond. 1896.

дѣлывали и искусно подражали этой маркѣ. Одинъ изъ нѣмецкихъ фабрикантовъ „изобразилъ на своихъ произведеніяхъ для вывоза въ Индію пару скрещенныхъ гирь и колесо". Однако, „это клеймо замѣчательно похоже на звѣзду и крестъ шеффильдскаго завода"...; другіе фабриканты обозначаютъ на своихъ издѣліяхъ фамиліи Rudgens, Rottgens и т. п., съ намѣреніемъ обмануть простодушныхъ покупателей Востока и др. странъ, незнакомыхъ съ тонкостями европейской орѳографіи" [1]). То же самое явленіе наблюдается и въ области другихъ важнѣйшихъ товаровъ англійскаго экспорта и, въ частности, экспорта мануфактуры [2]).

---

[1]) *Williams*, l. c. 68.

[2]) Болѣе того, германскіе товары широко распространились въ самой Англіи: „Осматриваясь вокругъ себя, вы найдете, что матерія нѣкоторыхъ частей вашей одежды вѣроятно соткана въ Германіи. Еще болѣе вѣроятно, что нѣкоторыя части туалета вашей жены привезены изъ Германіи, и уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что великолѣпныя накидки и жакеты, въ которыхъ щеголяютъ по праздникамъ ваши горничныя, сдѣланы въ Германіи и проданы нѣмцами; этимъ и объясняется ихъ доступная для горничныхъ цѣна. Женихъ вашей гувернантки—приказчикъ изъ Сити, но онъ также нѣмецкаго происхожденія. Игрушки, куклы, книжки съ картинками, которыя портятъ ваши дѣти въ дѣтской—сдѣланы въ Германіи. Больше того, бумага, на которой напечатана ваша любимая патріотическая газета, должна назвать своей родиной ту же страну. Осмотрите свой домъ, сверху до низу, и роковая марка „Made in Germany" попадается на каждомъ шагу, начиная отъ фортепіано въ вашей гостиной, до кофейника вашей кухарки. Спуститесь далѣе въ подвалы вашего дома и вы найдете, что вытяжныя трубы сдѣланы въ Германіи. Вы поднимаете съ пола бумажную обертку отъ пакета книгъ—и она сдѣлана въ Германіи. Вы бросаете ее въ огонь и, нагибаясь, замѣчаете, что кочерга, которой вы мѣшаете въ каминѣ, выкована въ Германіи. Разгибаясь, вы разбиваете бездѣлушку на каминѣ,—и, собирая осколки, вы замѣчаете на оборотной сторонѣ ихъ надпись: „Manufactured in Germany". Вы набрасываете ваши мрачныя мысли по этому поводу карандашемъ, сдѣланнымъ въ Германіи... Разсерженные всѣмъ видѣннымъ, вы идете спать, и ваши глаза падаютъ на висящій на стѣнѣ текстъ Св. Писанія, украшенный рисункомъ деревенской церкви, но и онъ напечатанъ въ Германіи. Вы скажете, что эта картина мною преувеличена. Посмотрите таблицу приводимыхъ мною цифръ, взятыхъ изъ оффиціальныхъ таможенныхъ отчетовъ: въ нихъ, во всякомъ случаѣ, воображеніе и преувеличеніе не играютъ никакой роли". *Williams*, l. c. 13—14. Приблизительно то же самое сообщаетъ англійскій консулъ въ Смирнѣ: „Я невольно самъ становлюсь все менѣе и менѣе англичаниномъ. Я ношу нѣмецкіе ботинки, нѣмецкую одежду, стулья моего кабинета нѣмецкаго издѣлія, равно какъ перья,

Вообще говоря, матеріалъ относительно вытѣсненія англійскихъ товаровъ германскими весьма обиленъ. Такъ, напр., Шульце-Геверницъ подробно описываетъ, какую сильную конкуренцію для англійской металлургіи представлялъ бросовый экспортъ („dumping" или „Schleuderkonkurrenz") германскаго стального синдиката [1]). Въ недавно вышедшей книгѣ Гобсона констатируется, между прочимъ, что, для строющихся англійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Южной Африкѣ доставляютъ необходимые матеріалы, главнымъ образомъ, нѣмцы, конкуренціи которыхъ не могли выдержать англійскіе металлозаводчики [2]). Нѣсколько времени тому назадъ въ англійской дѣловой прессѣ указывалось, что появившіеся недавно въ Японіи германскіе купцы, отпуская товаръ въ кредитъ, вытѣснили съ японскаго рынка англичанъ, которые издавна продавали здѣсь за наличный разсчетъ [3]). Одинаковую картину мы наблюдаемъ въ Бразиліи, Россіи, Китаѣ и т. д. По словамъ М. И. Туганъ-Барановскаго, „опаснѣйшій соперникъ Англіи—Германія не только побиваетъ англійскаго фабриканта на своемъ туземномъ рынкѣ, но успѣшно вытѣсняетъ его съ нейтральныхъ рынковъ и даже съ собственнаго рынка Англіи. Разростаніе капиталистическаго хозяйства привело къ чрезвычайному усиленію промышленнаго соперничества въ торговомъ мірѣ, и Англіи не удалось удержать прежней гегемоніи. Она лишилась—и навсегда—своего прежняго положенія на міровомъ рынкѣ" [4]).

Приблизительно то же самое можно констатировать и въ отношеніи французской промышленности. Въ значительной мѣрѣ ея стаціонарное состояніе и переживаемый ею за

бумага и ковры. Пиво, которое я пью, также привезено изъ Германіи. И скоро въ моемъ домѣ не останется ничего англійскаго, кромѣ моего тѣла, моихъ костей и неизмѣнныхъ чувствъ, меня одушевляющихъ. Да, съ грустью долженъ я признать, что торговля англичанъ въ Смирнѣ падаетъ съ каждымъ днемъ". Цит. *Блондель*, Торгово-промышленный подъемъ Германіи, 130. Пгдъ. 1900.

[1]) *Schulze-Gaevernitz*, Britischer Imperialismus und englisher Freihandel, 324. Lpzg. 1906.

[2]) *Hobson*, Export of Capital, 12. Lond. 1914.

[3]) *Withers*, The meaning of money, 167. Lond. 1914.

[4]) *Туганъ-Барановскій*, l. c., 324.

послѣдніе годы относительный регрессъ объясняются сильными успѣхами германской конкуренціи и на французскомъ рынкѣ и систематическимъ вытѣсненіемъ французскихъ товаровъ германскими во всѣхъ частяхъ свѣта. „Взгляните,— говорилъ Леметръ,—кто состоитъ директорами и членами правленій множества нашихъ крупныхъ предпріятій, или прочтите только на бульварахъ имена на вывѣскахъ магазиновъ... Когда мы говоримъ о Германіи, то кажется, что насъ безпокоитъ ея воинственный духъ. Мы забываемъ, что и миръ доставляетъ ей огромныя выгоды, что она организовала мирное наводненіе Франціи" [1]. „Наши французскіе купцы,—писалъ Лемэ,—склонны думать. что наши издѣлія самыя лучшія въ свѣтѣ, что у насъ наилучшій вкусъ, наша матерія наилучшая, и они не допускаютъ никакихъ противорѣчій на этотъ счетъ. Эти претензіи имѣли самыя гибельныя послѣдствія для нашей торговли". По мнѣнію Шеридана, „мы не мало виноваты сами въ паденіи нашей вывозной торговли. Наши коммерческіе пріемы устарѣли, другіе народы, въ особенности нѣмцы, практикуютъ совершенно иные, новые пріемы. Къ несчастью, большинство современнаго поколѣнія живетъ безсознательно еще старыми коммерческими понятіями." „Товары, привозимые черезъ порты Смирны и Константинополя, всѣ нѣмецкаго происхожденія,—пишетъ французскій консулъ въ Родосѣ,— потому что они продаются гораздо дешевле, чѣмъ наши издѣлія". Французскій консулъ изъ Трапезунда сообщаетъ: „нѣмецкая торговля развивается съ каждымъ днемъ въ этой части Чернаго моря"; изъ Аллеппо—„за послѣднія 10 лѣтъ нѣмецкіе товары вытѣсняютъ французскіе" [2]. „Наши фабриканты самымъ искреннимъ образомъ утверждаютъ, что, вслѣдствіе конкуренціи нѣмцевъ, Индія—потерянная страна, и что въ ней нечего тамъ больше дѣлать". „Въ Испаніи,— заявляетъ одинъ изъ французскихъ консуловъ,—французскій товаръ устраненъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы наводнили рынокъ своими продуктами...." „Въ скандинавскихъ странахъ, сообщаютъ г.г. Рошъ и Феруйа, французскіе подукты нра-

[1] *Блондель*, l. с., 218.
[2] *Блондель*, l. с., 217, 214 и 129.

вятся попрежнему, но, къ несчастію, наши торговыя сношенія съ этими странами падаютъ, съ ужасающей быстротой. Нѣмецкія фирмы выдаютъ свои товары за французскіе: такъ называемыя, французскія вина привозятся изъ Любека и имѣютъ лишь отдаленное сходство съ нашимъ бургундскимъ и бордо. Даже англійскіе продукты совершенно вытѣснены нѣмецкими“ [1]). Количество такихъ фактовъ можно увеличить до безконечности, ибо донесенія французскихъ консуловъ полны жалобами на германскую конкуренцію. Въ общемъ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что относительное паденіе французской промышленности и торговли обусловливалось, въ значительной степени, тѣми же причинами, какія непосредственно вызвали паденіе англійской промышленности и торговли, а именно—успѣшной борьбой Германіи на внѣшнихъ рынкахъ и колоссальнымъ расширеніемъ ея экономическаго вліянія во всѣхъ частяхъ свѣта.

Англія и Франція, уступивъ на поприщѣ промышленности Германіи первое мѣсто, неизбѣжно эволюціонировали въ сторону финансоваго капитализма. Благодаря крупнымъ богатствамъ и усиленному накопленію, они превратились, преимущественно, въ міровыхъ банкировъ, въ государства, для которыхъ экспортъ капиталовъ заграницу въ большихъ массахъ представляетъ жизненную необходимость. Выходъ этому экспорту капиталовъ въ смыслѣ надежности и обезпеченности размѣщенія, давали, главнымъ образомъ, колоніи и экономически слабыя иностранныя государства. Однако, крупное помѣщеніе капиталовъ въ колоніи—явленіе это особенно наблюдается на практикѣ англійскихъ эмиссій—вызывало необходимость установленія болѣе прочной и неразрывной связи колоній съ метрополіями, а неуклонно растущая промышленная конкуренція Германіи требовала, чтобы соотвѣтственные колоніальные рынки, поглотительная способность которыхъ велика и, вообще, повышается по мѣрѣ экспорта капиталовъ, были предоставлены для сбыта продуктовъ отечественной промышленности, получающей, въ свою очередь, нужное ей сырье изъ колоній [2]).

[1]) *Блондель*, l. c., 131, 124 и 119.

[2]) „Старыя представленія о торговлѣ и свободномъ соперничествѣ измѣнились, —говорилъ въ 1902 г. Чемберленъ.—Передъ нами—гигантскій заго-

Равнымъ образомъ, слабый промышленный прогрессъ метрополіи и подъемъ хозяйственной жизни въ колоніяхъ, — благодаря опять таки экспорту капиталовъ,—вызывали эмиграцію избыточнаго промышленнаго населенія метрополіи въ колоніи, каковое обстоятельство, само собой, устанавливало неразрывную связь между этими элементами имперіи. Эти соображенія нагляднымъ образомъ подкрѣпляются данными англійской статистики [1]:

Годы.	Экспортъ капитала и эмиграція въ Англіи: экспортъ капитала (тыс. фунт. ст.).	эмиграція (тыс. душъ).
1900	31.200	168.825
1901	13.900	171.715
1902	11.200	205.662
1903	23.000	259.950
1904	27.200	271.425
1905	62.800	262.077
1906	104.400	325.137
1907	140.200	395.680
1908	129.900	263.199
1909	110.100	288.761
1910	150.800	397.848
1911	192.200	454.527
1912	226.000	467.666
1913	?	469.640

Съ другой стороны, постоянная и возростающая реализація иностранныхъ займовъ, правительственныхъ и частныхъ,

воръ, поддерживаемый мощными трестами. (Рѣчь идетъ о бросовомъ экспортѣ иностранныхъ синдикатовъ и трестовъ. В. М.). Въ опасности даже такія отрасли промышленности, которыя еще недавно считались специфически англійскими... На имперію нападаютъ со всѣхъ сторонъ. Союзниковъ у насъ нѣтъ. Ими должны стать только дѣти Британской имперіи. Необходимо, поэтому, скрѣпить связи, соединяющія насъ съ колоніями. Сближеніе должно быть основано на чувствѣ симпатіи и выгодѣ". Цит. „Исторія нашего времени", т. II. Москва. 1913. По свидѣтельству Гобсона, „съ каждымъ годомъ Англія все больше и больше становится страной, живущей данью, получаемой извнѣ. Классы, получающіе эту дань, крѣпнутъ съ каждымъ годомъ и пріобрѣтаютъ все большую возможность пользоваться силой государства для расширенія поля помѣщенія своихъ капиталовъ. Агрессивный имперіализмъ является источникомъ громадныхъ выгодъ для представителей денежнаго капитала". *Hobson*, Imperialism, 18. Lond. 1901.

[1]) *Hobson*, Export of Capital, 226. Lond. 1914.

на лондонскомъ и парижскомъ рынкахъ, напр., Россіи, Японіи, Сербіи, Греціи и т. п., неизбѣжно втягивала кредитующіяся государства въ орбиту политики государствъ-кредиторовъ.

ГОДЫ.	Эмиссіи цѣнныхъ бумагъ въ Англіи и Франціи (милл. ф. ст.) [1]: въ Англіи.			во Франціи.			итого.		
	Мѣстныя.	Иностранныя.	Итого.	Мѣстныя.	Иностранныя.	Итого.	Мѣстныя.	Иностранныя.	Всего.
1900	100	32	132	51	54	105	151	86	237
1901	107	28	135	26	82	108	133	110	243
1902	75	67	142	12	57	69	87	124	211
1903	45	64	109	31	94	125	76	158	234
1904	50	73	123	18	115	133	68	188	256
1905	48	120	168	35	120	155	83	240	323
1906	39	82	121	35	168	203	74	250	324
1907	33	90	123	39	75	114	72	165	237
1908	50	142	192	29	110	139	79	252	331
1909	19	204	223	71	100	171	90	304	394
1910	60	207	267	35	189	224	95	396	491
1911	26	167	193	32	155	187	58	322	380
1912	45	165	210	78	123	201	123	288	411
въ среднемъ:									
1900—1905	72	64	136	29	87	116	100	152	252
1906—1912	39	152	191	46	131	177	84	282	366
1906—1912 увеличеніе или уменьшеніе по сравненію съ 1900—1905 (въ %)	— 45,8	+ 137,1	+ 40,4	+ 58,6	+ 50,5	+ 52,6	— 14,0	+ 85,5	+ 45,2

За разсматриваемый періодъ помѣщеніе англійскаго капитала въ иностранныя бумажныя цѣнности чрезвычайно увеличилось; мѣстныя эмиссіи, напротивъ, въ это время весьма сократились. Очевидно, между паденіемъ промышленнаго первенства Англіи и возростаніемъ ея финансовой мощи имѣется прочная связь. Несмотря на нѣкоторыя сомнѣнія, возбуждаемыя данными вышеприведенной таблицы, такая же тенденція устанавливается, однако, и для Франціи. Общеизвѣстный фактъ, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ центральнымъ пунктомъ французской экономической жизни были

[1]) Вычислено по даннымъ *Hobson a,* l. c., 219 и 245.

иностранные займы и необычайное усиліе движимаго биржевого капитала:

Годы.		Обращеніе цѣнныхъ бумагъ во Франціи (милліарды франковъ) [1]
1850 г.	около	9
1869 „	„	33
1880 „	„	56
1890 „	„	74
1902 „	„	90
1906 „	„	100
1912 „ [2]	„	115

По оцѣнкѣ Неймарка, Тэри и Леруа Болье, произведенной въ 1906—1907 г., иностранныя цѣнности составляютъ треть всѣхъ биржевыхъ бумагъ, обращающихся во Франціи. Сдѣланные на дняхъ твердые статистическіе подсчеты парижскимъ биржевымъ органомъ „L'Information" показываютъ, что оцѣнки эти были значительно преуменьшены [3]:

Годы.	Итоги цѣнныхъ бумагъ, введенныхъ на парижскую оффиціальную биржу (милліарды фр. номин. стоимости къ концу года):		
	французскія.	иностранныя.	итого.
1904	59	71	130
1913	67	81	148
Въ 1913 г. увеличеніе по сравненію съ 1904 г. (въ %).	+ 13,6	+ 14,0	+ 13,8

Эти цифры вносятъ существенный коррективъ въ ранѣе приведенные нами подсчеты французскихъ мѣстныхъ и иностранныхъ эмиссій въ смыслѣ установленія бо̀льшаго тождества съ характеромъ размѣщенія англійскаго капитала. Въ общемъ, какъ бы то ни было, остается всѣмъ извѣстный и неоспоримый фактъ преобладанія въ хозяйственной жизни Франціи элементовъ финансоваго капитализма. Какъ для Англіи, такъ и для Франціи экспортъ капитала заграницу представляетъ важную экономическую необходимость, требуя со-

[1]) По подсчетамъ Неймарка, приводимымъ въ книгѣ *Mehrens*, Die Entstehung und Entwicklung d. grossen französischen Kreditinstitute, 311. Berl. 1911.

[2]) По подсчетамъ Неймарка, приводимымъ въ „Русс. Бирж. Ежегод.", 12. Пгдъ. 1915.

[3]) Данныя подсчетовъ „L'Information" приведены въ „Вѣстн. Фин." № 4, 1915.

отвѣтствующихъ надежныхъ рынковъ, т. е. обширныхъ колоніальныхъ владѣній и экономически отсталыхъ государствъ, согласующихъ свои внѣшнія политическія задачи съ велѣніями финансоваго капитализма—прежде всего, съ поддержкой колоніальнаго могущества этихъ державъ-кредиторовъ.

Слѣдовательно, успѣшная промышленно-торговая конкуренція Германіи имѣла для хозяйственной жизни Англіи и Франціи чрезвычайно важныя послѣдствія, — она неизбѣжно отразилась и на характерѣ внѣшнихъ политическихъ взаимоотношеній этихъ странъ между собою. Такъ, побѣда германской конкуренціи привела къ рѣзкому ослабленію и замедленію темпа промышленнаго развитія Англіи и Франціи. Но результатомъ этого явилось ихъ финансово-капиталистическое расширеніе, которое, отчасти облегчая удержаніе за собой внѣшнихъ рынковъ, непосредственно привело къ тому, что значеніе колоній для этихъ государствъ — въ особенности, для быстро терявшей промышленное первенство Англіи—возросло чрезвычайно. Факторы подобнаго рода, въ свою очередь, создали экономическія предпосылки, легшія въ основу проводимаго этими государствами имперіализма, цѣлью котораго было не только укрѣпленіе связи между метрополіей и существующими колоніями, но и расширеніе колоніальнаго могущества вообще. Недавніе примѣры англійской колоніальной политики въ Египтѣ и южной Африкѣ, и французской—въ Мадагаскарѣ и Марокко, возводятъ отмѣченный фактъ до положенія истины. „Нѣтъ перемѣны во взглядахъ,—говоритъ Лауэлль, — болѣе характерной для современной Англіи, чѣмъ перемѣна взглядовъ на колоніи. Фаталистическое равнодушіе, распространенное 50 лѣтъ тому назадъ, замѣнилось почти всеобщимъ стремленіемъ укрѣпить связь, которая соединяетъ метрополію съ ея дѣтьми“. По свидѣтельству Котляревскаго, за послѣдніе годы „самые видные представители англійскаго либерализма, сторонники кобденовскихъ традицій свободной торговли и мира, также принуждены были принять дѣятельное участіе въ расширеніи колоніальнаго могущества Англіи“... То же самое можно сказать и относительно Франціи, гдѣ „въ настоящее время вопросы, связанные съ африканской колонизаціей, пріобрѣтаютъ едва ли не болѣе жизненную важность, чѣмъ судьбы Эльзасъ-Ло-

таринrіи, и Клемансо, въ эпоху своего министерства, былъ весьма далекъ отъ того настроенія, которое заставляетъ его въ 80-хъ годахъ защищать отказъ отъ Египта и Индо-Китая" [1]). Очевидно, разъ, въ силу властныхъ экономическихъ причинъ, значеніе колоній весьма возростало, то для того, чтобы предотвратить разложеніе и расхищеніе существовавшихъ колоніальныхъ царствъ, необходимъ былъ сильный флотъ, который могъ бы господствовать на морѣ и имѣть неограниченный контроль надъ путями, ведущими на востокъ. Существовавшая на этой почвѣ вѣковая вражда между Англіей и Франціей прекратилась, какъ только конкуренція Германіи и ростъ ея колоніальныхъ интересовъ приняли угрожающіе размѣры. Единство экономической опасности заставило Англію и Францію позабыть прежніе счеты, и 8 апрѣля 1904 г., на раздѣлѣ Египта и Марокко, т. е. важныхъ территоріальныхъ участковъ сѣверной Африки, между ними былъ заключенъ союзъ. Такимъ образомъ, создалась коалиція величайшихъ въ мірѣ финансово-колоніальныхъ государствъ, къ которой, какъ къ большой планетѣ, начали неуклонно тяготѣть рядъ экономически слабыхъ державъ.

Другимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ быстро нароставшаго промышленнаго соперничества между Англіей и Франціей, съ одной стороны, и Германіей, съ другой, явилось политическое соперничество, которое окрасило собою внѣшнюю политику Европы въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Такъ какъ центромъ промышленной борьбы была конкуренція между наиболѣе развитыми въ промышленномъ отношеніи государствами, то образовавшійся вслѣдствіе этого политическій антагонизмъ между Англіей и Германіей, по мѣрѣ успѣховъ германской конкуренціи, непрерывно осложнялся и, въ концѣ концовъ, принялъ крайне обостренныя формы. Промышленное развитіе Германіи, совершавшееся, какъ мы видѣли, на почвѣ расширенія границъ міровою рынка, само собой, перенесло германскіе экономическіе интересы изъ рамокъ континентальныхъ задачъ на міровую арену, гдѣ они совпали и столкнулись съ традиціонными интересами Англіи. Неизбѣжно вытекавшій отсюда конфликтъ становился все

[1]) *Котляревскій*, l. c., 297—299.

болѣе напряженнымъ въ зависимости отъ роста имперіализма вообще, какъ германскаго, обусловленнаго необычайнымъ промышленнымъ расширеніемъ и отсутствіемъ сносныхъ колоніальныхъ владѣній, такъ и англійскаго, выражавшаго объективную экономическую потребность консолидировать разъединенность громадныхъ колоній съ метрополіей, отчасти въ цѣляхъ самосохраненія передъ германской опасностью, и отчасти для того, чтобы увеличить поле для приложенія быстро накапливающимся капиталамъ.

Очевидно, если въ основѣ англо-германской непріязни лежали столь глубокіе экономическіе факторы, то не только о прекращеніи, но даже и о нѣкоторомъ смягченіи ея не могло быть рѣчи,—подобные споры никогда не рѣшаются мѣрами искусственнаго порядка. Всякія попытки найти подходящую базу для соглашенія, какъ извѣстно, сопровождались лишь усиленіемъ военно-морскихъ силъ съ обѣихъ сторонъ. Вотъ почему въ произведенной въ 1909 г. „Berliner Tageblatt" анкетѣ объ англо-германскихъ отношеніяхъ, кн. Лихновскій, извѣстный германскій дипломатъ, высказался въ такомъ рѣшающемъ тонѣ: „устраненіе изъ міровой конъюнктуры англо-германскаго антагонизма я считаю такой же утопіей, какъ вѣчный миръ, или всеобщее разоруженіе, или общность имуществъ... Группировка державъ не зависитъ ни отъ чьего-нибудь произвола или желанія, ни отъ какихъ-либо дипломатическихъ фокусовъ государственныхъ чародѣевъ, а единственно отъ законовъ распредѣленія силъ и интересовъ" [1]). Съ англійской точки зрѣнія англо-германскій антагонизмъ также представлялся неразрѣшимымъ. По словамъ Роберта Блэчфорда, антагонизмъ существуетъ потому, „что Германія и Англія—коммерческіе и политическіе соперники, потому что Германія стремится получить торговлю, колоніи и могущество, принадлежащія въ настоящее время Англіи" [2]).

Естественно, что опасному возростанію колоніальныхъ интересовъ и міровой мощи Германіи Англія вынуждена была создать противовѣсъ въ видѣ системы особыхъ соглаше-

---

[1]) Цит. „Русская Мысль", XII, 1909.

[2]) Цит. *Angell*, l. c., 28.

Г. Аррасъ. Разрушенная ратуша.

Часть фасада ратуши, до разрушенія.

ній съ рядомъ другихъ государствъ. Выше мы уже говорили о союзѣ Англіи и Франціи, въ извѣстномъ смыслѣ ставившемъ себѣ задачи укрѣпленія status quo въ сѣверной Африкѣ, куда особенно стремилась Германія. Этотъ союзъ былъ затѣмъ усиленъ англо-испанско-французскимъ соглашеніемъ и опять-таки по тому же острому вопросу о сѣверо-африканскихъ колоніяхъ. Послѣ Алжесирасской конференціи, посвященной вновь установленію правъ на Марокко Франціи и Испаніи, къ англійской группѣ соглашеній примкнула и Италія. Кромѣ того, послѣ извѣстнаго русскаго займа 1905 г. и обусловленнаго имъ поведенія на этой конференціи русскаго уполномоченнаго гр. Кассини, съ одной стороны, и заявленія бар. Эренталя относительно проекта митровицкой желѣзной дороги, съ другой,—создались также благопріятныя условія для вступленія въ орбиту англо-французской коалиціи и Россіи. Послѣ пораженія на Дальнемъ Востокѣ русская политика должна была перенести свое вниманіе на Ближній Востокъ, въ Азіи же—ограничиться лишь поддержаніемъ status quo. А кромѣ того, Россіи необходимо было опереться на крупные внѣшніе финансовые рынки, безъ регулярной поддержки которыхъ она лишалась возможности поднять свои производительныя силы и возродить свою политическую мощь [1]). Такимъ образомъ, въ Азіи Россія вхо-

[1]) „Какъ великая держава, Россія не можетъ не увеличивать или, по крайней мѣрѣ, не поддерживать на прежнемъ уровнѣ своихъ вооруженныхъ силъ. Ради этого,—не говоря уже о внутреннихъ потребностяхъ и хронически неблагопріятномъ платежномъ балансѣ,—она должна занимать деньги заграницей. Изъ этого финансово-экономическаго положенія Россіи вытекаетъ необходимость для нея и политически опираться на ту или иную, но опредѣленную систему политическихъ силъ, представляемую извѣстными богатыми капиталомъ великими державами. Система внѣшнихъ займовъ у богатыхъ странъ въ наше время представляетъ по существу извѣстную политическую аналогію съ той системой субсидіи въ XVIII и началѣ XIX в., которую такъ широко практиковала Англія, и при помощи которой она распоряжалась вооруженными силами своихъ континентальныхъ союзниковъ. При современномъ напряженномъ политическомъ положеніи, которое можетъ очень не скоро разсѣяться, Россія должна выбирать между Франціей—Англіей и Германіей. Въ сущности выборъ уже сдѣланъ. Ввести Россію въ фарватеръ германской политики уже невозможно, и это противорѣчило бы жизненнымъ интересамъ Россіи. Вопросъ финансовый, а тѣмъ самымъ политической зависимости, рѣшенъ. Помимо этого, если бы Россія захотѣла пойти на буксирѣ

дила въ орбиту англійской политики; на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ ей пришлось столкнуться съ австрійско-германскими тенденціями возможнаго въ близкомъ будущемъ захвата Турціи и Сербіи, она неизбѣжно должна была согласовать свои интересы съ англійскими для совмѣстнаго дѣйствія; и, наконецъ, первостепенной важности финансовая экономическая задача момента—твердая гарантія полученія государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ необходимыхъ денежныхъ капиталовъ со стороны богатыхъ европейскихъ денежныхъ рынковъ,—опять таки вполнѣ благопріятно разрѣшалась при условіи заключенія прочной политической связи съ лондонскимъ кабинетомъ,—собственно французскій рынокъ оказывался уже перегруженнымъ русскими бумагами, и въ дальнѣйшемъ центръ тяжести нашихъ требованій на капиталъ долженъ былъ неизбѣжно перемѣститься на англійскій рынокъ. Въ результатѣ всего этого было созданіе въ 1908 г. „тройственнаго согласія", которое, вмѣщая въ себѣ рядъ болѣе частныхъ соглашеній,—напр., англо-японское, франко-японское, русско-японское, англо-испанское, англо-итальянское и англо-франко-итальянское,—явилось комбинаціей величайшей политической силы.

Съ внѣшней стороны какъ будто казалось, что всѣ эти соглашенія выражаютъ собою лишь малозначущіе дипломатическіе ходы, созданные субъективной волей профессіональныхъ политиковъ, но въ дѣйствительности данныя группировки державъ являлись извѣстнымъ слѣдствіемъ хозяйственно-политическаго развитія Европы и заключающихся въ немъ антагонизмовъ. Такимъ образомъ, „тройственное согласіе", будучи продиктовано дѣйствіемъ элементарныхъ историческихъ силъ, прочно закрѣпляло status quo и ставило возможности экстенсивнаго расширенія Германіи за счетъ колоніальныхъ странъ рѣзкіе предѣлы, сопрягая его съ крайней опасностью міровой войны.

у Германіи, это обстоятельство, навѣрное, только вынудило бы кровавое рѣшеніе англо-германскаго конфликта, ибо побудило бы Англію, какъ можно скорѣе, нанести ударъ этой угрожающей ея жизненнымъ интересамъ комбинаціи". *Струве*, Современное международное положеніе подъ историческимъ угломъ зрѣнія. „Русская Мысль", II, 1909.

Но, съ другой стороны, если ходъ мірового хозяйства привелъ къ деградаціи промышленной жизни Англіи и Франціи и вызвалъ необходимость ихъ финансово-капиталистическаго расширенія на почвѣ колоніальныхъ владѣній и экономически-отсталыхъ странъ, то тотъ же ходъ мірового хозяйства создалъ благопріятныя условія для чрезвычайнаго подъема промышленности и торговли Германіи и обусловилъ потребность ея въ внѣшнемъ расширеніи границъ рынка, въ богатыхъ и значительныхъ колоніяхъ. Очевидно, при наличности этихъ глубокихъ экономическихъ антагонизмовъ міровая война оказывалась неотвратимой, какъ неотвратимы законы хозяйственнаго развитія, породившіе имперіализмъ и эти антагонизмы.

VI.

Пауль Рорбахъ, опредѣляя и истолковывая задачи германскаго имперіализма, высказывалъ убѣжденіе, что вопросъ о колоніальныхъ пріобрѣтеніяхъ Германіи отнюдь нельзя считать поконченнымъ и рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ, несмотря на то, что существующія богатыя колоніи уже раздѣлены между крупными колоніальными государствами и находятся во власти болѣе или менѣе крѣпкихъ рукъ.

По мнѣнію этого вліятельнаго публициста, Германія, не задѣвая ничьихъ жизненныхъ интересовъ, можетъ найти выходъ своимъ колоніальнымъ стремленіямъ въ Африкѣ.... „Африканскія германскія владѣнія скрываютъ въ себѣ возможности значительнаго расширенія, которое должно будетъ осуществлено и, по всей вѣроятности, осуществится въ ближайшемъ времени. Мы ни у кого не хотимъ отнимать что-либо силой, но при данномъ положеніи вещей не нужно быть пророкомъ, чтобы высказать предположеніе: такъ какъ судьба африканскихъ колоніальныхъ государствъ еще окончательно не рѣшена, то наша задача заключается въ томъ, чтобы создать африканскую Германію значительно большей, чѣмъ она существуетъ въ настоящее время“ [1]). Съ этой точки зрѣнія, Африка—страна будущаго, территорія которой, какъ

[1]) *Rohrbach,* l. c, 134.

и въ Китаѣ, еще отнюдь не подверглась окончательному раздѣлу, и гдѣ еще много свободнаго „мѣста подъ солнцемъ". Высказанныя Рорбахомъ мысли совпадаютъ съ положеніями, развитыми Бюловымъ въ его извѣстной рѣчи 6 декабря 1897 г., относительно занятія Кіау-Чау: „по нашему мнѣнію, Германіи не подобаетъ быть a priori исключенной изъ соперничества съ другими народами въ странахъ будущаго. Прошло то время, когда нѣмецъ отдавалъ одному изъ своихъ сосѣдей землю, другому—море, а себѣ оставлялъ небо, гдѣ царитъ чистая доктрина. Мы должны требовать, чтобы нѣмецкій миссіонеръ и нѣмецкій предприниматель, нѣмецкій флагъ и нѣмецкое судно пользовались такимъ же уваженіемъ (въ Китаѣ), какое принадлежитъ другимъ державамъ... Однимъ словомъ, мы никого не хотимъ отодвигать въ тѣнь, но требуемъ и себѣ мѣста на солнцѣ".

Неоднократныя притязанія Германіи на Марокко наглядными образомъ свидѣтельствовали, съ какой чрезвычайной настойчивостью она стремится расширить свои владѣнія въ Африкѣ, не взирая даже на опасность европейской войны. Алжесирасская конференція 1906 г. и договоръ 4 ноября 1911 г. не пріостановили германскаго Drang nach Afrika, а скорѣе его усилили, ибо экономическій ростъ Германіи за послѣднее время совершался въ слишкомъ крупномъ масштабѣ, чтобы остро стоявшая проблема колоніальнаго расширенія могла быть безповоротно ликвидирована. Изъ оффиціальныхъ документовъ, приложенныхъ къ французской „Желтой книгѣ", мы узнаемъ, что договоръ 4 ноября 1911 г. вызвалъ въ Германіи глубокое разочарованіе. „Это чувство было одинаковымъ во всей странѣ. Всѣ нѣмцы вплоть до соціалистовъ, припомнили намъ, что мы отняли у нихъ слѣдуемую имъ часть Марокко". Конечно, нѣмцамъ „попрежнему необходимы рынки, колоніальное и торговое расширеніе. Они считаютъ, что имѣютъ на это право, потому что растутъ съ каждымъ днемъ, потому что будущее принадлежитъ имъ. На насъ... они смотрятъ какъ на второстепенную націю". „Они находятъ, что наши 40 милл. населенія занимаютъ подъ солнцемъ слишкомъ много мѣста".

Если, однако, въ періоды предыдущихъ европейскихъ конфликтовъ, которые порождались германскими притяза-

ніями на французскія африканскія колоніи, удавалось вводить Германію въ границы необходимой уступчивости, то въ условіяхъ нынѣшняго европейскаго кризиса Германія этой уступчивости далеко не обнаружила. Судя по даннымъ, опубликованнымъ въ англійской „Бѣлой книгѣ", германское правительство имѣло явное намѣреніе захватить французскія колоніи. „Германія отнюдь не стремится къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ за счетъ Франціи,—говорилъ англійскому послу въ Берлинѣ „имперскій канцлеръ, Бетманъ-Гольвегъ,—и дастъ на этотъ счетъ „какія угодно гарантіи", если даже въ могущей возникнуть войнѣ восторжествуетъ германское оружіе". Однако, докладываетъ далѣе посолъ сэру Эд. Грею, „на мой вопросъ относительно французскихъ колоній его превосходительство сказалъ, что въ этомъ отношеніи онъ не можетъ дать такихъ же гарантій". Равнымъ образомъ, въ солиднѣйшемъ французскомъ экономическомъ журналѣ мы читаемъ, что основной мотивъ войны Германіи съ Франціей—это стремленіе Германіи захватить „сѣверныя африканскія колоніи, которыя казались ей завидной и легкой добычей. Излишне настаивать на экономическихъ причинахъ франко-германской войны. Германія, съ ея 67 милл. населенія, не могла забыть обмѣна великолѣпнаго владѣнія Марокко на болота Конго" [1]).

Съ другой стороны, стремленіе Германіи утвердиться въ сѣверной Африкѣ вело къ вооруженному конфликту не только съ Франціей, но также и съ Англіей, ибо осуществленіе германскихъ плановъ представляло существенную угрозу для англійскаго колоніальнаго могущества. По словамъ „Temps", передъ началомъ нынѣшней войны Германія „имѣла въ виду не только обезоруженіе и финансовое крушеніе Франціи, но и захватъ французской Африки. Давно уже ясно, что именно наша Африка, а не нашъ Индо-Китай являются ближайшей цѣлью той міровой политики, которая провозглашена не только въ рѣчахъ несдержанныхъ пангерманистовъ, но и въ рѣчахъ оффиціальныхъ. Это первый этапъ въ выполненіи программы Вильгельма II, формулированной въ словахъ „будущее Германіи—на морѣ". Ибо

[1]) Le rôle des facteurs èconomiques dans la guerre franco-allemande. „Revue D' Economie Politique", V. 1914.

въ данномъ случаѣ Германія, конечно, становится, хотя бы частично, повелительницей моря. Германія въ Африкѣ, это— Германія, повелѣвающая Средиземнымъ моремъ. Если германская политика давитъ и сейчасъ невыносимой тяжестью на континентальную Европу, то что же будетъ тогда, когда она пріобрѣтетъ въ сѣверной Африкѣ не только колоніальныя владѣнія, но и стратегическія позиціи? Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ Алжиръ и Бизерту въ рукахъ Германіи и мощный германскій флотъ въ этихъ удивительныхъ портахъ. Чего стоили бы тогда стратегическіе пункты, столь цѣнные сейчасъ для Англіи,—эти вѣхи, разставленныя по Средиземному морю по пути на востокъ: Гибралтаръ, Мальта, даже Египетъ? Мы думаемъ, что не ошибемся, сказавъ, что никогда болѣе страшный ударъ не угрожалъ не только могуществу Англіи, но и самимъ условіямъ ея существованія. И лондонской кабинетъ, несомнѣнно, понялъ размѣры опасности" [1]). Утвержденіе Германіи въ сѣверной Африкѣ представляло для Англіи опасность не только со стороны возможнаго захвата торговыхъ путей на востокъ, но оно также представляло опасность и въ томъ отношеніи, что создавало почву для осуществленія германскихъ замысловъ относительно постройки великаго трансъ-африканскаго желѣзнодорожнаго пути, который долженъ прорѣзать Африку поперекъ съ востока на западъ и тѣмъ самымъ навсегда уничтожить возможность соединенія южно-африканскихъ владѣній Англіи съ Египтомъ,—въ противоположность этому германскому проекту, какъ извѣстно, существовалъ англійскій, имѣвшій цѣлью пресѣчь Африку грандіознымъ желѣзнодорожнымъ путемъ съ сѣвера на югъ, т. е. отъ Каира до Капштадта. Насколько Англія противилась германскому проникновенію въ сѣверную Африку, видно изъ того, что даже значительная часть договоровъ, заключенныхъ ею съ 1904 г. между рядомъ западно-европейскихъ государствъ, имѣли непосредственною цѣлью рѣшительно оттѣснить Германію въ ея попыткахъ стать твердой ногой вблизи Египта.

Такимъ образомъ, возможность колоніальнаго расширенія Германіи за счетъ сѣверо-африканскихъ владѣній Франціи

уже заранѣе предполагала европейскую войну въ огромномъ масштабѣ, какъ неизбѣжное рѣшеніе одного болѣе общаго спора: должна ли Германія превратиться въ великое міровое государство и, тѣмъ самымъ, ослабить Францію и Англію, или же ея status quo остается неизмѣннымъ? Война, къ которой такъ дѣятельно готовилась Европа за послѣдніе годы, началась, однако, какъ бы по причинамъ, почти или совершенно не относящимся къ этой проблемѣ мірового спора. Но, разумѣется, за ними стояли элементарныя историческія силы, и случайно брошенная искра дала вспыхнуть великому пожару, въ свѣтѣ котораго столь ясно и предстали дѣйствительно реальныя причины міровой войны.

VII.

Въ своемъ знаменитомъ письмѣ баварскому королю отъ 10 сентября 1879 г. Бисмаркъ проводилъ ту мысль, что необходимость тройственнаго союза диктуется опасностью, какую представляетъ Россія европейскому миру. Спустя 35 лѣтъ со времени появленія этого письма, обстоятельства рѣзко измѣнились. Уже не Германіи и Австріи приходилось испытывать опасенія передъ „славянскимъ кольцомъ“, а напротивъ, „нѣмецкое кольцо“ стало давить Россію съ юга и, въ значительной мѣрѣ, съ востока. Постройка багдадской желѣзной дороги прочно закрѣпляла германскія вліянія въ Турціи и открывала имъ широкій выходъ въ Персію, а захватъ Австріей Сербіи in spe, вмѣстѣ съ аннексіей Босніи и Герцеговины, утверждали австрійскія вліянія на Балканахъ и выводили ихъ къ берегамъ Эгейскаго моря. Очевидно, этотъ нѣмецкій частоколъ, постепенно окружавшій и тѣснившій Россію съ ближняго востока и юга, въ концѣ концовъ, могъ внезапно сомкнуться и преградить важнѣйшій торговый путь, по которому шла значительная часть русскаго вывоза на міровой рынокъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что „нѣмецкое кольцо“ представляло для Россіи отнюдь не призрачную, а дѣйствительно весьма серьезную угрозу.

За послѣднія 20 лѣтъ, рядомъ настойчивыхъ и систематическихъ усилій, Германіи удалось прочно закрѣпить свои экономическіе интересы въ Европейской Турціи и Малой

Азіи. Проводниками германскаго имперіализма здѣсь являлись желѣзныя дороги, пароходныя линіи, телеграфъ и банки [1]). Ростъ экономическаго вліянія, въ свою очередь, шелъ параллельно съ ростомъ вліянія политическаго. И въ оффиціозныхъ германскихъ кругахъ установился, поэтому, даже взглядъ, что нынѣшняя Турція представляетъ собою не болѣе, какъ нѣмецкій Hinterland, и что полное поглощеніе ея Германіей является лишь вопросомъ времени [2]). Вслѣдствіе указанныхъ причинъ экономическое и политическое вліяніе въ Турціи другихъ государствъ было ограниченнымъ и отодвигалось на второй планъ [3]). Однако, укрѣпленіе Германіи въ Турціи не носило характера изолированнаго политическаго дѣйствія,—ему сопутствовало движеніе Австріи утвердить свое господство на Балканахъ. Австрійскимъ интересамъ, которые требовали кимпенсаціи, Германія давала выходъ на юго-востокъ, гдѣ они должны были получить удовлетвореніе за счетъ балканскихъ государствъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать преграду русскимъ стремленіямъ на Балканы [4]). Такимъ образомъ, получалось полное взаимодѣйствіе между стремленіями Германіи захватить Турцію и стремленіями Австріи утвердить свое господство на Балканахъ. Однако, взаимодѣйствіе это отнюдь не было формальнымъ,—оно вытекало изъ существа германскаго имперіализма въ сторону внѣшняго расширенія, имъ обусловливалось и опредѣлялось. И къ нему должна была неизбѣжно пойти на службу австрій-

[1]) *Гуторъ*, Новѣйшая исторія Турціи и Персіи, прилож. 65—66. Тифлисъ. 1913.

[2]) *Rohrbach*, l. c., 235—238.

[3]) Съ постройкой анатолійской линіи, — пишетъ австро-венгерскій консулъ въ Александріи, Грунцель, — „англійское вліяніе въ Турціи отодвинуто на второй планъ... Со смѣшаннымъ чувствомъ, въ которое входятъ и гордость, и зависть, созерцаемъ мы, австрійцы, эти новые успѣхи нѣмецкой предпріимчивости; мы, такъ сказать, стоимъ на порогѣ этихъ новыхъ странъ и ничего, рѣшительно ничего не сдѣлали, чтобы урѣзать и себѣ какую-нибудь, хотя бы самую скромную, выгоду". Цит. „Русская Мысль", VIII. 1912.

[4]) Рорбахъ такъ формулировалъ это положеніе: „Въ отношеніи Австро-Венгріи у германской политики должна существовать только одна цѣль:... постоянное поощреніе и поддержка австро-венгерскихъ политическихъ стремленій на юго-востокъ. Только оттуда Австрія можетъ получить дѣйствительный приростъ мощи. *Rohrbach*, l. c.

ская политика, чтобы лишній разъ подтвердить афоризмъ Трейчке: „Будущее принадлежитъ Германіи, къ которой присоединится Австрія, если она хочетъ жить“.

Разгромъ Турціи союзниками нанесъ германско-австрійскимъ вліяніямъ на Балканскомъ полуостровѣ весьма серьезный ударъ,—образовались новыя самостоятельныя силы, которыя могли уже вооруженной рукой потребовать участія въ раздѣлѣ турецкаго наслѣдства. А кромѣ того, Сербія, вышедшая изъ этой борьбы матеріально окрѣпшей и увеличившей почти вдвое свою территорію и народонаселеніе, прочно закрывала Австріи дорогу къ берегамъ Эгейскаго моря. Создавшееся на этой почвѣ крушеніе германско-австрійскихъ надеждъ въ извѣстномъ смыслѣ напоминало обстановку, при которой произошли неудачи, постигшія Германію въ сѣверной Африкѣ,—и здѣсь, и тамъ, вопреки ожиданіямъ, сопротивленіе оказалось весьма значительнымъ и трудно преодолимымъ. Необходимо было, поэтому, принять общее рѣшеніе, которое давало бы, наконецъ, прямой выходъ назрѣвшимъ стремленіямъ, игнорируя всякія послѣдствія подобнаго шага, какъ заранѣе извѣстныя и достаточно учтенныя.

Такимъ рѣшеніемъ формально было предъявленіе 10 іюля Австріей Сербіи извѣстнаго ультиматума. Внѣшне казалось, что Австрія имѣетъ лишь намѣреніе ограничиться карательной экспедиціей въ Сербію, какъ возмездіемъ за сараевское дѣло. Въ дѣйствительности, вопросъ шелъ не о карательной экспедиціи, а о политическомъ уничтоженіи сербскаго королевства и о поглощеніи его Австріей. Сербія должна была быть принесена въ жертву австрійскимъ стремленіямъ утвердиться на Балканахъ и захватить Салоники. На это, между прочимъ, тогда же, въ весьма осторожной формѣ, указывалъ англійскій посолъ въ Константинополѣ сэру Эд. Грею: „Я прихожу къ заключенію,—читаемъ мы его донесеніе въ „Бѣлой книгѣ“,—что планы Австріи, быть можетъ, простираются значительно дальше Санджака и карательнаго занятія сербской территоріи. Я сдѣлалъ такой выводъ на основаніи замѣчанія, случайно брошеннаго здѣшнимъ австрійскимъ посломъ, говорившимъ о плачевномъ экономическомъ состояніи Салоникъ подъ управленіемъ Греціи и о помощи, кото-

рой можетъ ожидать австрійская армія отъ мусульманскаго населенія, недовольнаго сербскимъ владычествомъ".

Однако, созданіе австрійской гегемоніи на Балканахъ и выходъ Австріи къ берегамъ Эгейскаго моря чрезвычайно затрагивали жизненные интересы Россіи. Осуществленіе австрійскихъ плановъ при условіи германскаго господства въ европейской Турціи и Малой Азіи знаменовало бы собою окончательное окруженіе Россіи нѣмецкимъ частоколомъ, начиная отъ Персидскаго залива и кончая Эгейскимъ моремъ. Допустивъ подобный шагъ со стороны Австріи, Россія, несомнѣнно, рисковала быть отрѣзанной отъ морского пути черезъ Средиземное море. Естественно, подобное обстоятельство, могло нанести ей глубокій и непоправимый экономическій вредъ. Насколько громадное значеніе имѣютъ для насъ южные морскіе пути, видно изъ слѣдующаго:

	Вывозъ изъ Россіи (милл. руб.):		
	всего вывезено.	въ томъ числѣ черезъ порты Чернаго и Азовскаго морей.	% отношеніе вывоза черезъ порты Чернаго и Азовскаго морей къ общему вывозу.
1900—1904 . . .	869,2	368,9	42,5%
1905—1909 . . .	1.050,2	462,5	44,0%
1910 . . .	1.449,1	627,6	43,3%
1911 . . .	1.591,4	631,0	39,9%
1912 . . .	1.518,8	480,5	31,6%

Если исключить ненормальные 1911—1912 г.г., то окажется, что около половины всего нашего вывоза заграницу идетъ черезъ южные порты. Очевидно, свободная экспортная дѣятельность этихъ портовъ составляетъ для народнаго хозяйства Россіи одно изъ самыхъ необходимѣйшихъ условій существованія. Вотъ почему въ австро-сербскомъ конфликтѣ Россія вынуждена была такъ энергично противостоять австрійскимъ стремленіямъ.

При иной внѣшней политической конъюнктурѣ споръ этотъ не могъ, конечно, повлечь за собой міровой войны. Однако, въ нынѣшнихъ условіяхъ взаимоотношенія великихъ державъ все его развитіе, въ сторону нахожденія компромиснаго рѣ-

шенія, было какъ бы заранѣе устранено и исключено. Очевидно, гдѣ то за предѣлами даннаго спора существовали источники, которые питали, поддерживали и осложнили его до предѣловъ міровой войны.

Итакъ, переживаемая нами великая борьба народовъ вызвана и порождена экономическими причинами. Именно, развитіе мірового хозяйства приняло столь грандіозные размѣры, что не могло уже совершать своего дальнѣйшаго поступательнаго движенія, вмѣщаясь, какъ ранѣе, въ рамкахъ отдѣльныхъ національныхъ хозяйствъ. Развитіе мірового хозяйства переросло свою собственную существующую организацію и неизбѣжно привело къ неразрѣшимымъ экономическимъ противорѣчіямъ и рѣзкимъ политическимъ антагонизмамъ между крупными промышленными государствами Европы. Отсюда явился имперіализмъ, какъ слѣдствіе объективной потребности крупнаго капиталистическаго государства въ расширеніи національныхъ хозяйственныхъ границъ. Но имперіалистическія стремленія направлялись, главнымъ образомъ, въ сторону колоній, ибо только колоніи, гдѣ можно было найти примѣненіе крупнымъ капиталамъ и создать новые рынки, отвѣчали этой потребности расширенія. Пунктомъ для приложенія силъ въ данномъ направленіи явилась лишь сѣверная Африка, или говоря болѣе широко, азіатскій и европейскій Востокъ. Здѣсь завязался острый конфликтъ между экономически соперничавшими государствами—между великими колоніальными и финансово-капиталистическими государствами, Англіей и Франціей, съ одной стороны, и самымъ могущественнымъ промышленнымъ, но въ то же время самымъ бѣднымъ колоніальнымъ государствомъ, Германіей,—съ другой. Борьба за Востокъ, въ которую ходомъ событій втянулись Россія и Австрія, всегда соперничавшія въ вопросахъ восточной политики, уже внутри себя носила элементы будущей грандіозной войны,—вѣдь въ основѣ этой борьбы лежали факторы чрезвычайной экономической силы, не допускавшей возможности ея устраненія изъ міровой конъюнктуры; поэтому, кровавый исходъ ея въ ближайшемъ

будущемъ былъ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ. При данныхъ обстоятельствахъ австро-сербскій конфликтъ явился лишь частнымъ и послѣдующимъ эпизодомъ этой тяжкой борьбы за Востокъ, играя роль осложняющаго фактора въ создавшейся уже конъюнктурѣ враждебныхъ политическихъ коалицій огромной мощи [1]).

---

[1]) Въ рамкахъ широкой исторической перспективы нынѣшняя война представляется какъ бы продолженіемъ того великаго движенія въ Европѣ, которое началось въ XVII вѣкѣ борьбой за Новый Свѣтъ и пріостановилось ликвидаціей наполеоновскихъ войнъ въ первой четверти XIX вѣка. Многочисленныя войны въ этомъ столѣтіи и въ началѣ XX вѣка, если не считать войнъ за объединеніе и франко-германской, сводились, главнымъ образомъ, также къ борьбѣ за „Новый Свѣтъ", которымъ, однако, являлась уже не Америка, а страны Востока—Японія, Китай, Туркестанъ, въ извѣстномъ смыслѣ Индія, Персія, Турція, Египетъ, Тунисъ, Марокко, Триполи и т. д. Всѣ колоніальныя войны, напр., южно-африканская или китайско-японская, прямо или косвенно связывались съ этой борьбой за Востокъ. Прелюдіей къ нынѣшней войнѣ были опять таки восточныя войны—русско-японская, оккупація Марокко, Триполитанскій походъ и двѣ балканскія войны. Такимъ образомъ, „борьба за востокъ" можетъ служить формулой, объединяющей въ себѣ внѣшніе интересы Европы въ XIX и XX вв., поскольку эти интересы находили себѣ выраженіе въ стремленіяхъ захватить „страны будущаго" и приводили къ отдѣльнымъ войнамъ, постепенно подготовлявшимъ переживаемую нами великую катастрофу.

Вліяніе войны на народное хозяйство Россіи, Англіи и Германіи.

М. И. Туганъ-Барановскій.

I.

Всякая война не можетъ не вызывать глубокихъ разстройствъ народнаго хозяйства—война же такихъ единственныхъ въ исторіи грандіозныхъ размѣровъ, какъ настоящая, равносильна цѣлой экономической катастрофѣ.

Однако, народнохозяйственныя организмы воюющихъ державъ весьма различнаго типа, и эти различія должны сказаться и въ области экономическаго вліянія на нихъ войны. Кромѣ того, война далеко не въ одинаковой мѣрѣ затронула жизненныя экономическія силы противниковъ.

Что касается экономическаго типа воюющихъ государствъ, то въ этомъ отношеніи бросается въ глаза контрастъ между промышленными странами, какъ Англія или Германія, и сельско-хозяйственной, какъ Россія.

Экономическое вліяніе войны сводится, преимущественно, къ факторамъ двоякаго рода. Во первыхъ, финансированіе войны требуетъ очень крупныхъ расходовъ со стороны воюющаго государства — народное хозяйство соотвѣтствующей страны должно тѣмъ или инымъ способомъ покрыть эти расходы, путемъ соотвѣтствующаго вычета изъ народнаго богатства. Во вторыхъ, война разстраиваетъ международный, а отчасти, и внутренній товарный обмѣнъ—послѣднее потому, что война затрудняетъ передвиженіе грузовъ внутри страны, вызываетъ потрясеніе кредитнаго механизма и, бла-

годаря отвлеченію рабочихъ силъ страны отъ производительныхъ функцій, сокращаетъ производство. Уже съ перваго взгляда ясно, что оба названные фактора имѣютъ далеко не одинаковое значеніе для странъ различнаго экономическаго типа. Чѣмъ богаче страна, чѣмъ большими капиталами она обладаетъ и чѣмъ быстрѣе идетъ въ ней образованіе капиталовъ, тѣмъ легче можетъ она покрывать расходы, вызываемые войной. А такъ какъ расходы войны по необходимости имѣютъ денежный характеръ, то расходы эти должны съ большей легкостью покрываться странами съ развитымъ денежнымъ хозяйствомъ, чѣмъ странами съ полунатуральнымъ хозяйствомъ. Торговопромышленныя страны гораздо богаче капиталами, чѣмъ сельскохозейственныя, и денежный рынокъ въ нихъ болѣе развитъ. Поэтому, по отношенію къ покрытію издержекъ войны торговопромышленныя страны находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ сельскохозяйственныя.

Обратное нужно сказать по отношенію къ факторамъ второго рода. Чѣмъ ближе къ натуральному хозяйству данная страна, тѣмъ менѣе разрушительное дѣйствіе оказываетъ на нее разстройство денежнотоварнаго обмѣна. Сельскохозяйственныя страны гораздо менѣе страдаютъ въ этомъ отношеніи отъ войны, чѣмъ страны торговопромышленнаго типа.

Иными словами, по отношенію къ финансированію войны торговопромышленныя страны находятся въ лучшемъ положеніи; по отношенію же къ сопротивляемости разрушительному вліянію войны на народнохозяйственный организмъ въ лучшемъ положеніи находятся сельскохозяйственныя страны. Въ сельскохозяйственной странѣ война тяжело ложится на государственный бюджетъ, но переносится народнымъ хозяйствомъ съ большей легкостью, чѣмъ въ странахъ торговопромышленнаго типа.

Изъ всѣхъ воюющихъ державъ торговля и промышленность наиболѣе развита въ Англіи и Германіи. Поэтому, можно было бы ожидать, что народнохозяйственные организмы этихъ двухъ державъ особенно пострадаютъ отъ войны. Однако, по отношенію къ Англіи этого отнюдь не замѣчается. Наоборотъ, несмотря на то, что война явилась

для Англіи совершенной неожиданностью, такъ какъ Англія не хотѣла войны и была вовлечена въ нее ходомъ событій, отъ нея независѣвшихъ, изъ всѣхъ воюющихъ державъ именно Англія всего менѣе пострадала отъ міровой катастрофы. Это обнаруживается цѣлымъ рядомъ безспорныхъ признаковъ. Такъ, Англія является единственной воюющей державой, въ которой война не вызывала никакого разстройства денежнаго обращенія и не привела къ заполненію каналовъ денежнаго обращенія неразмѣнными банковыми билетами: 5 марта 1915 г. въ обращеніи было билетовъ англійскаго банка на 34,1 мил. ф. ст., а 26 іюня 1914 г. 29,5 м. ф.— увеличеніе всего на 4,6 мил. ф. ст. Сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ въ другихъ воюющихъ странахъ это увеличеніе должно быть признано совершенно ничтожнымъ.

Внѣшняя торговля Англіи, конечно, пострадала, но гораздо менѣе, чѣмъ другихъ воюющихъ государствъ:

Внѣшняя торговля Великобританіи (въ милліонахъ ф. ст.).

	Привозъ.		Вывозъ.	
	1914 г.	1913 г.	1914 г.	1913 г.
Августъ	42,4	56,0	28,6	52,3
Сентябрь	45,1	61,4	31,9	49,3
Октябрь	51,6	71,7	35,8	56,2
Ноябрь	56,0	68,5	30,2	52,8
Декабрь	67,6	71,1	32,1	53,1
За пять мѣсяцевъ	262,7	328,7	158,6	263,7

Эти данныя показываютъ, что англійскій привозъ сократился за первые пять мѣсяцевъ войны, сравнительно съ 1913 г., на 20%, а вывозъ—на 40%. Это сокращеніе можетъ показаться значительнымъ. Но нужно принять во вниманіе, что война прекратила, совсѣмъ или въ большей части, торговыя сношенія Англіи съ Германіей, Австро-Венгріей, Россіей, Бельгіей и Турціей. Во всѣ эти страны Англія вывозила около 18% всего своего вывоза, а ввозила изъ нихъ около 20% всего своего ввоза. Но и нейтральныя страны не могли не пострадать отъ общаго застоя промышленности, вызваннаго войной. Принимая все это во вниманіе, нужно признать, что англійская внѣшняя торговля пострадала отъ войны лишь настолько, насколько это вытекало изъ условій

народнаго хозяйства другихъ странъ. Сама же Англія вполнѣ сохранила свободу своихъ торговыхъ дѣйствій.

Столь же благопріятны данныя о положеніи въ Англіи рабочаго рынка. Вотъ, напр., какъ измѣнился въ Англіи по мѣсяцамъ процентъ безработныхъ членовъ рабочихъ союзовъ въ 1914 г.:

Январь	2,6
Февраль	2,3
Мартъ	2,2
Апрѣль	2,1
Май	2,3
Іюнь	2,4
Іюль	2,8
Августъ	7,1
Сентябрь	5,6
Октябрь	4,4
Ноябрь	2,9

Правда, за августь—первый мѣсяцъ войны,—процентъ безработныхъ поднялся сразу до 7,1. Но и эта цифра не представляетъ собой ничего чрезвычайнаго. Въ 1908 г.—въ періодъ полнаго мира, но промышленнаго кризиса—средній процентъ безработныхъ членовъ рабочихъ союзовъ за цѣлый годъ равнялся 7,8, а въ октябрѣ 1908 г. процентъ безработныхъ достигалъ 9,5.

Характерно, однако, какъ недолго продержалась въ Англіи безработица, созданная войной. Въ сентябрѣ и октябрѣ безработица уже сильно сокращается.

Правда, приведенныя данныя относятся только къ той небольшой части рабочихъ союзовъ, отчеты о которыхъ публикуются въ оффиціальной рабочей статистикѣ Англіи. Однако, и специальное обслѣдованіе положенія рабочаго рынка въ странѣ, произведенное англійскимъ министерствомъ торговли, вполнѣ подтвердило отсутствіе въ странѣ тяжелой безработицы въ связи съ войной. Обслѣдованіе министерства торговли охватило около 43% промышленнаго населенія Англіи. Оказалось, что изъ 100 лицъ мужскаго пола, занятыхъ въ іюлѣ были заняты:

	Полное время.	Сокращенное время.	Увеличенное время.	Безъ работы.
въ сентябрѣ	60,2	26,0	3,55	10,25
въ октябрѣ	66,8	17,3	5,2	10,6

Почти всѣ мужчины, оставшіеся безъ работы, пошли въ солдаты и такимъ образомъ нашли себѣ занятіе. Положеніе женщинъ-работницъ было значительно худшимъ, такъ какъ имъ въ солдаты идти нельзя. Въ сентябрѣ 8,4% женщинъ были совсѣмъ безъ работы, а 36% работали сокращенное время; въ октябрѣ безъ работы было 6,2% женщинъ, а на сокращенной работѣ—26%.

Итакъ, обслѣдованіе, охватившее значительную часть рабочаго населенія Англіи, вполнѣ установило, что англійская промышленность быстро справилась съ затрудненіями, вызванными войной, и уже въ октябрѣ безработица спустилась до сравнительно невысокихъ цифръ. Конечно, война не могла не вызвать извѣстнаго разстройства народно-хозяйственной жизни Англіи; но это разстройство не превышаетъ того, которое слѣдуетъ за промышленными кризисами, повторяющимися въ Англіи съ правильной періодичностью каждое десятилѣтіе, и къ которымъ страна, поэтому, привыкла.

Эта сравнительная легкость, съ которой Англія выноситъ войну такой исключительной трудности, объясняется благопріятнымъ для Англіи ходомъ морской войны. Германія не рѣшилась оспаривать на морѣ господство Англіи и почти безъ сопротивленія уступила ей неограниченное владычество на моряхъ. Благодаря этому морская торговля Англіи могла продолжаться безъ серьезныхъ замѣшательствъ и задержекъ и, въ то же время, Англія могла занять мѣсто Германіи на нейтральныхъ рынкахъ.

Въ концѣ концовъ, Британская Имперія является единственной державой, ведущей войну безъ существеннаго ущерба для своего народнаго хозяйства. Этимъ, конечно, въ значительной мѣрѣ объясняются изумительная энергія и настойчивость, проявляемыя англичанами въ великой борьбѣ. Неоднократныя заявленія руководящихъ государственныхъ людей Англіи, что они не прекратятъ войны, пока не достигнутъ ея цѣли—рѣшительной, побѣды,—хотя бы для этого потребовались цѣлые годы борьбы, вызываются именно этимъ благопріятнымъ для царицы морей положеніемъ дѣлъ.

Рядомъ съ Англіей по развитію промышленности и торговли (и даже превосходя ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ)

стоитъ Германія. Экономическія силы Германіи огромны; ея экономическое развитіе шло за послѣднія тридцать лѣтъ гораздо быстрѣе, чѣмъ какой-либо другой европейской страны, и можетъ выдержать сравненіе даже съ развитіемъ величайшей державы капиталистическаго міра—Соединенными Штатами Сѣверной Америки. Германія уже далеко оставила позади себя Англію въ важнѣйшей отрасли капиталистическаго производства—желѣзодѣлательной промышленности—и за послѣдніе годы отнимала отъ Англіи одинъ рынокъ за другимъ. За нѣсколько десятилѣтій Германія превратилась изъ сельскохозяйственной страны съ отсталой промышленностью въ величайшее торговопромышленное государство Европы, уступающее по своей экономической силѣ только Америкѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Германія (въ противоположность Англіи) уже давно учла неизбѣжность міровой войны, всецѣло вызванной ею самой и ея экономическими интересами. Война была необходима Германіи потому, что, занявъ слишкомъ поздно мѣсто среди великихъ державъ міра, молодая германская имперія не могла пріобрѣсть колоній, соотвѣтствующихъ росту ея промышленности и торговли. Всѣ цѣнныя колоніи оказались въ другихъ рукахъ и, главнымъ образомъ, въ рукахъ Англіи и Франціи. Для Германіи остались только болота и лѣса центральной и южной Африки, стоившія ей большихъ затратъ, но не доставлявшія ей существенныхъ выгодъ. Отсюда стремленіе Германіи къ пріобрѣтенію новыхъ колоній, что не могло быть достигнуто иначе, какъ путемъ войны съ тѣми державами, которымъ эти колоніи принадлежатъ. Извѣстный лозунгъ Вильгельма „Die Zukunft Deutschlands auf dem Wasser" выражалъ собой назрѣвшую хозяйственную потребность Германіи. На пути къ полному развитію производительныхъ силъ Германской имперіи стояли другія державы—и только побѣда надъ ними могла дать Германіи въ полномъ объемѣ нужные ей міровые рынки.

Однако, война далеко не оправдала ожиданій Германіи. Германскій флотъ безъ боя уступилъ господство на моряхъ англійскому и скрылся подъ защиту береговыхъ укрѣпленій. Слѣдствіемъ этого было уничтоженіе германской морской торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени, и

германскаго международнаго обмѣна вообще. Точныхъ данныхъ относительно внѣшней торговли Германіи во время войны не имѣется, но всѣ изслѣдователи (въ томъ числѣ и германскіе) единогласно приходятъ къ тому выводу, что война почти уничтожила внѣшнюю торговлю Германіи. Такъ, по сообщаемымъ „Вѣстникомъ Финансовъ“ расчетамъ извѣстнаго Кунова, международный обмѣнъ Германской имперіи сократился подъ вліяніемъ войны до 1/10 своихъ прежнихъ размѣровъ. Германія силою вещей превратилась въ „изолированное торговое государство“.

Чтобы оцѣнить значеніе этого факта, нужно вспомнить, какую роль играла внѣшняя торговля въ общемъ строѣ германскаго народнаго хозяйства. За 30 лѣтъ съ 1880 по 1910 г. обороты германской внѣшней торговли возросли почти втрое: съ 5.821 мил. марокъ до 16.954 мил. мар., причемъ самый характеръ германской внѣшней торговли глубоко измѣнился: изъ страны преимущественно вывозящей Германія превратилась въ страну преимущественно ввозящую, съ пассивнымъ торговымъ балансомъ.

Война почти уничтожила и ввозъ, и вывозъ Германіи. Конечно, и то, и другое должно было разрушительно подѣйствовать на народное хозяйство нашего врага, но по своему экономическому значенію прекращеніе ввоза имѣло для Германіи гораздо болѣе губительное значеніе, чѣмъ прекращеніе вывоза. При обычныхъ условіяхъ капиталистическаго хозяйства потеря какого-либо рынка гораздо опаснѣе для народнаго хозяйства данной страны, чѣмъ прекращеніе подвоза того или иного товара. Объясняется это тѣмъ, что капиталистическая система хозяйства заключаетъ въ себѣ естественную тенденцію къ перепроизводству, къ изготовленію товаровъ въ количествѣ, превышающемъ спросъ, почему всякая задержка въ сбытѣ товаровъ крайне болѣзненно чувствуется народнохозяйственнымъ организмомъ и имѣетъ тенденцію охватывать весь товарный рынокъ данной страны, создавая общую промышленную депрессію. Напротивъ, уменьшеніе подвоза того или иного товара, при общемъ переполненіи товарнаго рынка, характерномъ для капитализма, переносится капиталистической системой легко, ибо капиталистическое хозяйство, обладающее колоссальными производи-

тельными силами, обычно имѣетъ возможность, тѣмъ или другимъ способомъ, восполнить случайный недостатокъ въ томъ или иномъ товарѣ.

Война создала для германскаго народнаго хозяйства совершенно новыя условія, не имѣющія ничего общаго съ нормальными условіями капиталистической системы. Въ этихъ новыхъ условіяхъ потеря внѣшняго рынка оказывается для Германіи гораздо менѣе опасной, чѣмъ прекращеніе подвоза иностраннаго сырья. Дѣло въ томъ, что потеря рынка, хотя и затрудняетъ циркуляцію товаровъ, не уничтожаетъ технической возможности производства. Если имѣются производительныя силы, то имѣется и возможность организовать обмѣнъ и продуктами, приспособляясь къ новымъ условіямъ рынка. Правда, для возможности такой организаціи обмѣна на новыхъ условіяхъ требуется прибѣгнуть къ пріемамъ, чуждымъ духу капиталистической системы и недопустимымъ для нея при нормальныхъ условіяхъ хозяйства. Нужно планомѣрно распредѣлить національное производство, замѣнить свойственную капитализму свободную игру хозяйственныхъ силъ подчиненіемъ всего народнохозяйственнаго цѣлаго единой регулирующей сознательной волѣ.

Нѣчто подобное и предприняла Германія, создавъ центральное экономическое учрежденіе—„Военный промышленный совѣтъ“,—который имѣетъ своей задачей перераспредѣлять общественныя производительныя силы страны—капиталы и рабочихъ—между отдѣльными отраслями производства въ соотвѣтствіи съ измѣнившимся характеромъ общественнаго спроса. Не нужно забывать, что, если Германія потеряла внѣшніе рынки благодаря войнѣ, то та же война открыла для національной промышленности новый громадный рынокъ—поддержаніе самой войны. Германія расходуетъ на веденіе войны около 1 милліарда марокъ въ мѣсяцъ—всѣ эти огромныя суммы расходуются на покупку тѣхъ или иныхъ продуктовъ, производимыхъ страной. Рынокъ, создаваемый войной, значительно превышаетъ по своимъ размѣрамъ общую сумму германскаго вывоза заграницу.

Такимъ образомъ, временное прекращеніе экспорта не представляетъ для Германіи такого бѣдствія, которое было

бы непреодолимымъ и разрушало бы въ конецъ экономическую жизнь. Гораздо большими бѣдствіями грозитъ Германіи прекращеніе подвоза иностранныхъ продуктовъ.

Въ этой области можно различать продукты троякаго рода—во первыхъ, продукты сельскаго хозяйства, являющіеся пищей людей и скота, во-вторыхъ, фабрикаты, и въ третьихъ, сырой матеріалъ для обрабатывающей промышленности. Прекращеніе подвоза продуктовъ перваго рода было бы для Германіи всего болѣе гибельнымъ, если бы страна не располагала достаточными запасами пищевыхъ продуктовъ для собственнаго прокормленія. Вопросъ этотъ имѣетъ первенствующую важность для опредѣленія силы сопротивляемости Германіи и потому усиленно обсуждался въ русской печати. Въ настоящее время можно считать вполнѣ установленнымъ, что Германіи гораздо серьезнѣе угрожаетъ недостатокъ кормовыхъ средствъ для скота, чѣмъ хлѣба для прокормленія населенія.

По отношенію къ кормовымъ средствамъ наши противники уже теперь испытываютъ острую нужду, которая должна быстро увеличиваться по мѣрѣ продолженія войны. Что же касается предметовъ питанія населенія, то здѣсь трудно утверждать что-либо съ полной увѣренностью. Судя по имѣющимся статистическимъ даннымъ, можно думать, что урожай 1914 г., если бы онъ былъ равенъ урожаю предшествовавшаго года, обезпечивалъ бы германское населеніе хлѣбомъ на 10—11 мѣсяцевъ, т. е. почти до новаго урожая. Но несомнѣнно, нѣкоторая часть германскаго урожая погибла, а, кромѣ того, германскій урожай прошлаго года оказался, повидимому, значительно ниже, чѣмъ это предполагалось ранѣе, а именно процентовъ на 10 ниже урожая 1913 г. Съ другой стороны, Германія несомнѣнно подвозитъ хлѣбъ изъ нейтральныхъ государствъ, хотя, повидимому, и въ незначительномъ количествѣ, такъ какъ эти государства сами испытываютъ сильную нужду въ привозномъ хлѣбѣ.

Во всякомъ случаѣ, новѣйшія мѣропріятія германскаго правительства показываютъ, что оно серьезно считается съ возможнымъ недостаткомъ хлѣба для прокормленія населенія. Съ цѣлью сократить потребленіе хлѣба были приняты разнообразныя мѣры—ограниченіе времени печенія хлѣбовъ булочными, запрещеніе кормленія скота рожью, постановленія

объ обязательной примѣси къ пшеничной мукѣ (которой всего меньше) ржаной и картофельной. Мѣры эти, однако, оказались недостаточными, и германское правительство рѣшилось на крайній шагъ—принудительное отчужденіе въ пользу государства всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ страны. Отнынѣ каждый гражданинъ Германіи можетъ получать хлѣбъ отъ государства, по установленной государствомъ цѣнѣ и въ установленномъ государствомъ количествѣ. Всѣ эти мѣры не имѣли бы смысла, если бы германское правительство не опасалось голода въ буквальномъ смыслѣ слова.

Съ другой стороны, цѣны на предметы питанія, которыя частью установлены въ Германіи правительственной властью, частью же свободны, пока еще далеко не могутъ считаться голодными цѣнами. По даннымъ, сообщаемымъ „Торговопромышленной Газетой" и заимствованнымъ изъ оффиціальной германской „Statistische Correspondenz", общее повышеніе цѣнъ въ Германіи на предметы питанія составляло въ октябрѣ, сравнительно съ іюльскими цѣнами, 16,4%. Ржаной хлѣбъ повысился въ августѣ на 14,3%, въ сентябрѣ повышеніе опустилось до 10,7%, въ октябрѣ опять поднялось до 14,3%. Пшеничный хлѣбъ всѣ три мѣсяца держался на повышеніи въ 27,7%. Говядина въ августѣ повысилась на 8,2%, въ сентябрѣ на 5,3% и въ октябрѣ на 4,7%. Ветчина на 16,9, 23,5 и 29,5%. Существенное повышеніе наблюдалось на всѣ предметы питанія, кромѣ сахара и молока, цѣны на которые остались безъ перемѣнъ. Оптовыя цѣны дали болѣе значительное повышеніе, которое особенно рѣзко сказалось въ сентябрѣ; дальнѣйшее повышеніе цѣнъ въ октябрѣ было уже не столь значительнымъ. Такъ, напр., пшеница повысилась въ августѣ на 9,8%, въ сентябрѣ на 16,7%, въ октябрѣ на 26,5%; рожь—въ августѣ на 11,5%, въ сентябрѣ на 21,8% и въ октябрѣ на 30,5%; овесъ соотвѣтственно на 20,5, 25,6 и 26,1%, ячмень на 14,8, 36,6 и 48,4%.

Какъ далеки эти цѣны отъ „голодныхъ", видно хотя бы изъ того, что не менѣе повысились хлѣбныя цѣны и на міровомъ рынкѣ. Такъ, въ Нью-Іоркѣ въ іюлѣ 1914 г. средняя цѣна пшеницы была около 93 центовъ за бушель, а въ октябрѣ того же года—около 124 центовъ; цѣна пшеницы поднялась, такимъ образомъ, на 33%.

Въ Англіи, по подсчету „The Economist", среднія цѣны на хлѣбъ и мясо поднялись съ іюля по октябрь 1914 г. на 14%.

О движеніи розничныхъ цѣнъ въ Германіи послѣ октября можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ, заимствуемымъ изъ „Торговопромышленной Газеты":

	Цѣны на городскихъ базарахъ г. Берлина.	
	Май 1914 г.	Январь 1915 г.
Говядина	101	105
Телятина	103	100
Баранина	100	105
Свинина	97	104
Сало	86	118
Жиръ	78	115
Масло	133	166
Яйца	7	13
Картофель	6	8
Ржаной хлѣбъ	27	34
Пшеничный хлѣбъ	53	63
Бобы	24	52
Горохъ	20	56
Кофе	156	160
Какао	120	160
Рисъ	26	40

Изъ этой таблицы, приводимой оффиціознымъ органомъ нашего министерства финансовъ, видно, что послѣ полугода войны цѣны на нѣкоторые сорта мяса въ Германіи не только не повысились, но даже упали. Правда, цѣны на картофель возросли довольно значительно—на 33,3%. Однако, это еще не „голодныя" цѣны. „Голодныя" цѣны мы видимъ только на бобовые продукты—но эти продукты въ питаніи населенія играютъ роль второстепенную.

Сравнительно незначительное повышеніе цѣнъ на предметы питанія въ Германіи заставляетъ думать, что голодъ нашимъ противникамъ пока не грозитъ. Но, конечно, недостатокъ кормовыхъ средствъ для корма скота (приводящій къ убою скота и выбрасыванію на рынокъ большого количества мяса) долженъ въ ближайшемъ будущемъ крайне губительно повліять на состояніе германскаго сельскаго хозяйства.

Еше опаснѣе для Германіи прекращеніе подвоза сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для промышленности. Въ 1910 г. германскій ввозъ слагался изъ слѣдующихъ основныхъ статей:

Сырые и полуобработанные матеріалы для промышленныхъ цѣлей	5.083 мил. марокъ.
Продукты сельскаго хозяйства и животноводства	2.483 „ „
Готовые продукты	1.368 „ „

Какъ видно, свыше 56% всего ввоза Германіи падаетъ на ввозъ матеріаловъ для промышленности. Здѣсь и заключается наиболѣе уязвимый пунктъ германскаго народнаго хозяйства. Безъ подвоза иностраннаго сырья германская промышленность существовать не можетъ, и, въ то же время, подвозъ этотъ, чтобы питать промышленность, долженъ имѣть такіе колоссальные размѣры, что его крайне трудно наладить при господствѣ Англіи на моряхъ.

Никакая организація національной промышленности не можетъ дать странѣ тѣ необходимые матеріалы для промышленности, которые, по естественнымъ условіямъ, въ странѣ не производятся. Главной статьей огромнаго ввоза Германіи были, какъ мы видѣли, сырые и полуобработанные матеріалы для промышленныхъ цѣлей. Прекращеніе этого ввоза должно было нанести наиболѣе чувствительный ударъ германской промышленности.

Особенно остро Германія почувствовала недостатокъ многихъ металловъ, что не замедлило вызвать огромное вздорожаніе. Вотъ, напр., какъ измѣнились цѣны на нѣкоторые изъ нихъ (въ маркахъ за дв. центнеры):

	До начала войны.	Въ началѣ ноября 1914 г.
Мѣдь	125—128	220
Аллюминій	160	450—500
Никкель	325	550—600

За трехмѣсячный срокъ цѣны поднялись вдвое, втрое и болѣе.

Особенно опасенъ для Германіи мѣдный голодъ. Германія произвела въ 1913 г. всего 30 тыс. тоннъ мѣди, а потребила 265 тыс. тоннъ. Собственное производство составляетъ всего около 1/9 всего германскаго потребленія мѣди. Между тѣмъ,

мѣдь является чрезвычайно важнымъ средствомъ производства современной промышленности. Электрическая промышленность требуетъ огромнаго количества мѣди.

Аллюминія Германія производитъ лишь ничтожное количество, между тѣмъ, какъ этотъ металлъ необходимъ для воздушныхъ кораблей, автомобилей и многихъ машинъ. Главными поставщиками Германіи по отношенію къ этому металлу были Англія и Франція.

Вообще, самое слабое мѣсто германскаго хозяйства заключается въ зависимости промышленности отъ ввоза иностраннаго сырья. Цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ отраслей производства нашихъ противниковъ занятъ обработкой иностраннаго сырья, ввозъ котораго, благодаря войнѣ, совсѣмъ или въ значительной части прекратился. Такъ, германская хлопчатобумажная промышленность должна скоро совсѣмъ стать, благодаря невозможности для страны получить хлопокъ. Въ сходномъ положеніи находится и льняная промышленность, перерабатывавшая русскій ленъ. Германія ввозила въ огромномъ количествѣ изъ Россіи также и разное другое сырье—лѣсной матеріалъ, кожи выдѣланныя, мягкую рухлядь и многое другое.

Но даже и по отношенію къ тѣмъ продуктамъ, которые Германія производила въ избыткѣ, она находится въ зависимости отъ иностраннаго ввоза. Такъ, при всемъ огромномъ развитіи въ странѣ каменноугольнаго производства, Германія ввозила, въ силу географическаго положенія своихъ каменноугольныхъ бассейновъ, каменный уголь изъ Англіи. Основной матеріалъ желѣзодѣлательной промышленности—желѣзная руда—получается Германіей со всего свѣта, въ томъ числѣ и изъ Донецкой области. Въ стальномъ дѣлѣ очень видную роль играютъ никкелевыя и марганцевыя руды, причемъ по отношенію къ первымъ главнымъ поставщикомъ является французская колонія Новая Каледонія, а по отношенію ко вторымъ—Индія, Россія и Бразилія. Несмотря на огромное собственное производство томасовыхъ шлаковъ, Германія нуждается въ подвозѣ ихъ изъ Франціи и Англіи.

Далѣе, германская промышленность должна самымъ острымъ образомъ почувствовать недостатокъ такихъ необходимыхъ матеріаловъ, какъ, напр., продукты нефти.

Затѣмъ, не нужно забывать, что уже до войны германская промышленность испытывала крайне угнетенное состояніе и, очевиднымъ образомъ, вступила въ фазисъ кризиса. Теперь къ этимъ общимъ причинамъ промышленнаго застоя прибавилось разрушительное вліяніе войны, которое должно сказываться все въ возрастающей степени.

Надо думать, что пока гибельное вліяніе прекращенія подвоза сырья не успѣло сказаться въ Германіи во всей мѣрѣ, такъ какъ въ странѣ были болѣе или менѣе значительные запасы сырья. Но вѣдь они неизбѣжно должны быть скоро исчерпаны,—и тогда наступитъ массовая безработица промышленнаго населенія. А вѣдь не нужно забывать, что значительно большая часть населенія Германіи получаетъ доходъ и пропитаніе отъ промышленности. Застой промышленности угрожаетъ голодной смертью.

Правда, въ исторіи промышленности мы знаемъ примѣры, когда, вслѣдствіе недостатка сырья, тѣ или иныя отрасли промышленности пріостанавливались безъ особенно гибельныхъ послѣдствій. Такъ, Англія перенесла въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка „хлопковый голодъ", вызванный прекращеніемъ подвоза хлопка изъ Америки, благодаря блокадѣ южныхъ штатовъ Сѣверной Америки во время междуусобной войны. Съ этимъ „хлопковымъ голодомъ" Англія справилась сравнительно легко, и массовая безработица хлопчатобумажныхъ рабочихъ даже не вызвала значительнаго повышенія смертности среди фабричнаго населенія. Достигнуто это было благодаря широкой общественной помощи безработнымъ, что, въ свою очередь, было возможно только потому, что „хлопковый голодъ" не затронулъ другихъ отраслей промышленности, находившихся въ нормальномъ состояніи. Въ данномъ же случаѣ острый недостатокъ сырья обрушивается одновременно на цѣлый рядъ важнѣйшихъ отраслей промышленности и одновременно закрываются рынки сбыта. При такой обстановкѣ безработица грозитъ принять такіе размѣры, при которыхъ борьба съ нею становится невозможною.

И дѣйствительно, по даннымъ, сообщаемымъ г. Лейтесомъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ", безработица, вызванная войной, сразу приняла въ Германіи огромные размѣры.

Въ концѣ августа 1914 г. 34 профессіональныхъ союза, въ составѣ которыхъ насчитывалось 1.501.920 членовъ, произвели обслѣдованіе, охватившее 1.269.373 члена. Оказалось, что въ день переписи, 29 августа, было 270.313 безработныхъ, т. е. 21,3% всего числа опрошенныхъ членовъ. По мнѣнію центральнаго органа профессіональныхъ союзовъ, дѣйствительное число безработныхъ значительно выше, такъ какъ именно тѣ организаціи, которыя наиболѣе сильно пострадали отъ войны, не участвовали въ переписи. Такъ, союзъ рабочихъ по дереву, произведшій сепаратно перепись 19 сентября, констатировалъ среди своихъ членовъ 39.457 безработныхъ, т. е. 24% своихъ членовъ.

Германское правительство сдѣлало все возможное, чтобы путемъ планомѣрнаго распредѣленія рабочихъ между отдѣльными предпріятіями уменьшить безработицу и направить избыточныя рабочія силы въ тѣ предпріятія, которыя расширили производство въ связи съ новымъ спросомъ, созданнымъ войной. По словамъ цитируемой въ „Вѣстникѣ Финансовъ" статьи Штиллиха въ журналѣ „Die Bank", капиталъ обнаружилъ за короткое время чрезвычайную способность примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ и хлынулъ въ области производства тѣхъ предметовъ, которые сулятъ въ настоящее время наибольшіе барыши. При этой реорганизаціи германской промышленности слѣдуетъ различать двѣ группы предпріятій: въ первую группу входятъ предпріятія, не измѣнившія характера своего прозводства и лишь измѣнившія направленіе его сбыта, во вторую группу входятъ предпріятія, существенно измѣнившія самый характеръ своей дѣятельности и производства. Къ первой группѣ относятся, напримѣръ, предпріятія, принадлежащія къ производству съѣстныхъ припасовъ. Фабрики консервовъ, мельницы, крупныя пекарни, шоколадныя фабрики, фабрики по изготовленію всякаго рода колбасъ производятъ въ настоящее время большей частью для потребностей арміи. То же самое приходится сказать и относительно текстильной промышленности. Ткацкія фабрики заняты изготовленіемъ военнаго сукна, одѣялъ, матерій для палатокъ и пр.; трикотажныя фабрики заняты изготовленіемъ шерстяного нижняго бѣлья и чулокъ. Эти фабрики настолько завалены заказами,

что онѣ прекратили пріемъ новыхъ заказовъ на ближайшіе мѣсяцы. Для санитарной и лазаретной службы требуются огромныя количества перевязочныхъ средствъ, и въ виду этого многія прядильныя фабрики усиленно заняты изготовленіемъ этихъ товаровъ. Необычайно увеличился спросъ на кожу, цѣна на которую, вслѣдствіе запрещенія вывоза этого товара изъ большинства странъ, сильно поднялась. Подъемъ цѣнъ на кожу привелъ, въ свою очередь, къ появленію суррогатовъ кожи. Картонажныя фабрики приноровили свое производство преимущественно къ изготовленію картоновъ и коробокъ для отправки всякаго рода вещей въ армію и пр. Сигарныя фабрики образовали „германское центральное учрежденіе для военныхъ поставокъ табачныхъ фабрикатовъ“; эта организація принимаетъ всѣ заказы отъ военнаго вѣдомства и распредѣляетъ ихъ между отдѣльными предпріятіями

Вторая группа предпріятій объединяетъ фабрики, измѣнившія съ самаго начала характеръ своего производства. Во главѣ этихъ предпріятій стоитъ „Всеобщее электрическое общество“, въ одномъ изъ предпріятій котораго производятся теперь вмѣсто динамо-машинъ гранаты; въ другихъ предпріятіяхъ это общество изготовляетъ металлическія пуговицы и другія военныя принадлежности. На общемъ собраніи общества, состоявшемся въ Берлинѣ 10 декабря, предсѣдатель, д-ръ Вальтеръ Ратенау, указавъ на фактъ реорганизаціи германской промышленности, отмѣтилъ, что это общество производитъ въ настоящее время такіе продукты, о которыхъ до войны ни одинъ человѣкъ не думалъ, и что, съ другой стороны, оно должно было отказаться отъ производства многихъ другихъ продуктовъ, которые производило раньше. Извѣстные заводы Сименсъ-Шуккерта изготовляютъ въ настоящее время принадлежности телеграфа и телефона для военныхъ цѣлей. Равнымъ образомъ, цѣлый рядъ другихъ сталелитейныхъ предпріятій и машиностроительныхъ заводовъ занимаются изготовленіемъ гранатъ; фабрики швейныхъ машинъ заняты изготовленіемъ шрапнелей; фабрики, изготовляющія пишущія машины, производятъ теперь велосипеды для арміи, полуфабрикаты и отдѣльныя части для вооруженій. Одна машинная фабрика во Франкфуртѣ на Одерѣ спеціально занята изготовленіемъ кухонной и столо-

вой посуды для солдатъ; одна фабрика для производства фотографическихъ аппаратовъ производитъ теперь части портупей, замки и пр., одна фабрика по изготовленію предметовъ для оранжерей занята теперь производствомъ сундуковъ, полевыхъ стульевъ и пр. Всѣ перечисленныя фабрики имѣютъ во время войны больше работы, чѣмъ прежде. Химическая промышленность, въ общемъ и цѣломъ, сильно пострадала отъ войны; исключеніе составляютъ предпріятія, изготовляющія краску для матерій, потребляемыхъ военнымъ вѣдомствомъ, а равно предпріятія, занятыя изготовленіемъ фармацевтическихъ средствъ, и т. п.

Однако, несмотря на всѣ эти усилія германскаго правительства бороться съ неизбѣжнымъ, германская промышленность пришла подъ вліяніемъ войны въ крайній упадокъ. Общее состояніе современной промышленности ярче всего отражается на желѣзодѣлательномъ производствѣ, такъ какъ желѣзо является въ наше время универсальнымъ средствомъ производства. И вотъ, мы видимъ, что желѣзодѣлательное производство Германіи жестоко пострадало отъ войны:

Производство чугуна въ Германіи.
(въ тысячахъ тоннъ).

	1913.	1914.
Январь	1.611	1.567
Февраль	1.494	1.446
Мартъ	1.629	1.603
Апрѣль	1.589	1.534
Май	1.643	1.607
Іюнь	1.610	1.531
Іюль	1.647	1.564
Августъ	1.639	587
Сентябрь	1.589	580
Октябрь	1.651	730
Ноябрь	1.587	789
Декабрь	1.611	854
Всего	19.309	14.390

Денежное обращеніе Германіи благодаря войнѣ пришло въ совершенное разстройство. Хотя Германія является страной съ избытками капиталовъ, экспортируемыми въ обычное время на внѣшній рынокъ, и, что особенно важно, уже давно готовилась къ войнѣ, тѣмъ не менѣе, она оказалась выну-

жденной, для покрытія издержекъ, связанныхъ съ войной, не только пріостановить размѣнъ билетовъ Имперскаго банка на золото, но и прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ ихъ въ огромномъ количествѣ. По послѣднему балансу до войны въ обращеніи билетовъ Имперскаго банка было на 1.891 мил. марокъ, а къ 23 февраля этого года—4.635 мил. марокъ. Но, кромѣ того, въ обращеніи были и особыя свидѣтельства военно-ссудныхъ кассъ, образованныхъ на время войны съ цѣлью облегченія кредита. Свидѣтельства эти, которыхъ было выпущено къ декабрю на 1.149 мил. марокъ, также играютъ роль денегъ. Неудивительно, что заполненіе германскаго рынка бумажными деньгами привело къ паденію курса марокъ на 6—10%.

II.

Переходя къ Россіи, нужно, прежде всего, констатировать, что Россія гораздо бѣднѣе капиталами, чѣмъ Германія. Поэтому, если Германія (какъ и Франція) оказалась вынужденной для покрытія военныхъ расходовъ пріостановить размѣнъ своихъ банкнотъ на звонкую монету и прибѣгнуть къ усиленнымъ выпускамъ ихъ, то тѣмъ болѣе это было необходимо для Россіи.

Наше финансовое управленіе поступило совершенно правильно, немедленно послѣ объявленія войны прекративъ размѣнъ и увеличивъ эмиссіонное право Государственнаго Банка до 1.500 милліоновъ р. Золотой запасъ Государственнаго Банка былъ настолько великъ, что превосходилъ общую сумму кредитныхъ билетовъ въ обращеніи. Новая норма покрытія кредитныхъ билетовъ золотомъ (50%) все же значительно выше той, которая требуется уставомъ Германскаго Имперскаго банка (1/3).

Бумажныя деньги въ теченіе почти всего прошлаго вѣка были особенностью нашего государственнаго хозяйства и находили себѣ въ свое время у насъ не мало защитниковъ. Однако, теперь по вопросу о желательности или нежелательности бумажныхъ денегъ разногласія не существуетъ. Всѣми признается, что режимъ бумажныхъ денегъ не только опасенъ для государственныхъ финансовъ, но и гибеленъ

для народнаго хозяйства. Никакія жертвы не могутъ считаться слишкомъ большими, чтобы избавиться отъ бумажныхъ денегъ, и врядъ ли найдется у насъ (а тѣмъ болѣе на Западѣ) въ настоящее время государственный человѣкъ, который былъ бы сторонникомъ бумажныхъ денегъ.

Доказывать опасность бумажныхъ денегъ въ наше время—значитъ поистинѣ ломиться въ открытую дверь. Однако, не только Россія, но и другія воюющія государства, кромѣ Англіи, съ самаго начала военныхъ дѣйствій пріостановили размѣнъ своихъ банковыхъ билетовъ, т. е. перешли къ бумажнымъ деньгамъ и въ огромныхъ размѣрахъ увеличили ихъ выпуски. Такъ, во Франціи билетное обращеніе возросло за время войны свыше, чѣмъ на 5 милліардовъ фр. Германія не менѣе наводнена бумажными деньгами различныхъ наименованій. Относительно Австро-Венгріи опредѣленныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется, но, конечно, и въ этой странѣ количество бумажныхъ денегъ въ обращеніи возросло очень значительно. Что касается Россіи, то, по послѣднему отчету Государственнаго Банка, количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи къ 8 марта равнялось 3.180.887.226 руб., въ то время, какъ по послѣднему балансу до войны, билетовъ было въ обращеніи на 1.633 милл. руб.. т. е. сумма ихъ возросла свыше чѣмъ на 1.547 милл. руб. Кромѣ того, на 300 милл. руб. выпущено „серій“, играющихъ также роль бумажныхъ денегъ.

Эти огромные выпуски новыхъ денежныхъ знаковъ, не размѣниваемыхъ на металлъ, не могутъ не смущать общественное мнѣніе, особенно въ Россіи, такъ какъ мы натолкнемся на бóльшія трудности, чѣмъ страны Запада, при возстановленіи размѣна кредитныхъ билетовъ послѣ войны. И вотъ, мы слышимъ за послѣднее время исходящія изъ разныхъ авторитетныхъ круговъ пожеланія, чтобы выпускамъ кредитныхъ билетовъ была положена извѣстная преграда.

Однако, какъ ни понятна тревога нашего общественнаго мнѣнія по поводу новыхъ и новыхъ выпусковъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, выпуски эти, несомнѣнно, будутъ продолжаться. Въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ экономическая необходимость, которая сильнѣе воли всякаго министра; эта экономическая необходимость коренится въ особомъ характерѣ настоящей войны, не имѣющей себѣ, по

своимъ грандіознымъ размѣрамъ, никакихъ прецедентовъ въ міровой исторіи.

Въ настоящее время уже болѣе или менѣе ясны, въ общихъ чертахъ, расходы по финансированію войны. Каждый мѣсяцъ войны стоитъ, для всѣхъ воюющихъ державъ, примѣрно, отъ двухъ до двухъ съ половиной милліардовъ руб. (считая только затраты государственнаго казначейства и оставляя въ сторонѣ убытки населенія воюющихъ государствъ). Война продолжается уже около 7 мѣсяцевъ и обошлась ея участникамъ въ 15—17 милліардовъ руб. Если она продлится всего годъ (что вполнѣ возможно), то потребуетъ всего расхода около 25—30 милліардовъ руб.

Чтобы понять значеніе этой суммы, сопоставимъ ее съ суммами міровыхъ эмиссій:

	Ежегодные выпуски цѣнныхъ бумагъ (въ милліардахъ франк.).
1890—1894	8,4
1895—1899	10,9
1900—1904	15,4
1905—1909	21,3
1910	26,5
1911	19,4
1912	20,1

Рекордный размѣръ міровыхъ эмиссій былъ достигнутъ въ 1910 г. и выразился цифрой въ 26,5 милліардовъ фр., т. е. около 10 милліардовъ руб. Иными словами, до сихъ поръ во всемъ мірѣ новыхъ капиталовъ, которые могли бы быть помѣщены въ цѣнныя бумаги разнаго рода (включая сюда какъ государственные займы, такъ и всѣ иныя помѣщенія—займы общественныхъ учрежденій, акціи и облигаціи и т. д.), накапливалось не болѣе 10 милліардовъ руб. въ годъ.

Правда, накопленіе всего общественнаго капитала не совпадаетъ съ суммой эмиссій цѣнныхъ бумагъ и превышаетъ эту послѣднюю—не весь вновь скопляющійся капиталъ помѣщается въ цѣнныя бумаги—значительная часть его находитъ себѣ помѣщеніе иного рода. Но вѣдь капиталъ, минующій цѣнныя бумаги, не можетъ быть привлеченъ и для государственныхъ займовъ. Мы можемъ, поэтому, оставить его въ сторонѣ. Тѣхъ же капиталовъ, которые го-

сударство можетъ привлечь для своихъ надобностей, до настоящаго времени накапливалось во всемъ мірѣ всего не болѣе 10 милліардовъ руб. въ годъ.

Міровая война должна потребовать для своего финансированія приблизительно въ три раза большую сумму. Возникаетъ естественный вопросъ—откуда же эту сумму взять?

Что ее нельзя собрать съ населенія принудительнымъ образомъ при посредствѣ налоговъ,—это ясно само собой. Конечно, народный доходъ воюющихъ государствъ въ нѣсколько разъ превосходитъ суммы, требуемыя войной, и если бы государственная власть могла свободно располагать народнымъ доходомъ, то финансированіе войны не представило бы особыхъ затрудненій. Но современное государство признаетъ своей основой частную собственность своихъ подданныхъ и не можетъ не считаться съ ихъ интересами, не можетъ принудительно захватывать у нихъ цѣнности, требуемыя войной. Подъ опасеніемъ потрясенія всей капиталистической системы хозяйства, государство не можетъ собирать принудительнымъ образомъ, путемъ налоговъ, болѣе, какъ незначительную часть тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя нужны для войны.

Остается, повидимому, другой путь покрытія военныхъ расходовъ—займы. Но военные расходы, какъ указано, значительно превышаютъ ежегодныя скопленія свободныхъ капиталовъ, помѣщаемыхъ въ займы. Значитъ, и это средство покрытія военныхъ расходовъ недостаточно.

Въ этомъ-то и заключается небывалая до сихъ поръ особенность настоящей войны: война эта требуетъ для своего финансированія суммъ, превосходящихъ ежегодныя скопленія свободнаго капитала, могущаго найти себѣ помѣщеніе въ займахъ. Мы привыкли считать размѣры капитала, имѣющагося на рынкѣ для цѣлей кредита, неограниченными. Нужно только предоставить кредиту достаточныя гарантіи исправнаго возврата полученной суммы и достаточно высокій процентъ, и капиталъ всегда будетъ найденъ—таково общее, даже не формулируемое убѣжденіе. И оно вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ обычнаго теченія хозяйственной жизни.

Міровая война создала, однако, совершенно новое, небывалое въ государственномъ хозяйствѣ, положеніе. Финан-

сированіе войны путемъ займовъ оказывается столь же невозможнымъ, какъ и путемъ налоговъ, ибо капиталовъ для войны требуется больше, чѣмъ ихъ возникаетъ въ предѣлахъ народнаго хозяйства (рѣчь идетъ, конечно, только о свободныхъ капиталахъ).

Вотъ отсюда-то и вытекаетъ необходимость въ бумажныхъ деньгахъ. Выпуская бумажныя деньги, государство производитъ какъ бы принудительную реквизицію народнаго богатства—захватываетъ извѣстную часть этого богатства въ свое распоряженіе, но безъ нарушенія права частной собственности. Безъ такого захвата невозможно финансировать войну, ибо ея расходы превышаютъ то, что возможно получить отъ общества путемъ обычныхъ финансовыхъ операцій.

Въ настоящее время только одна страна—Англія—можетъ вести войну путемъ займовъ, безъ помощи новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Объясняется это, во-первыхъ, колоссальнымъ богатствомъ Англіи; во-вторыхъ, тѣмъ, что изъ всѣхъ воюющихъ странъ война менѣе всего затронула народное хозяйство Англіи.

Что касается Россіи, то ясно, что выпуски кредитныхъ билетовъ необходимы для финансированія войны. Иностранный рынокъ для нашихъ займовъ, если не совсѣмъ закрытъ, то, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть привлеченъ въ значительномъ размѣрѣ для покрытія нашихъ военныхъ расходовъ. Образованіе же капиталовъ внутри страны, хотя и значительно возросло у насъ за послѣдніе годы, все же далеко отстаетъ отъ того, что требуется для войны. Въ „Объяснительной запискѣ“ министра финансовъ приведены слѣдующія данныя о нашихъ эмиссіяхъ за послѣдніе годы:

	Выпуски цѣнныхъ бумагъ: реализованныхъ въ Россіи.	реализованныхъ за границей.
	(Милліоны рублей).	
1908	645,2	254,4
1909	449,8	315,5
1910	713,8	205,1
1911	980,3	256,0
1912	898,0	452,0

Эти цифры довольно значительны, но все же онѣ далеко отстаютъ отъ милліардовъ, нужныхъ для войны (годъ войны

намъ долженъ обойтись въ 5—6 милліардовъ руб.). И вотъ почему у насъ, какъ и во Франціи и Германіи, выпуски бумажныхъ денегъ для покрытія расходовъ по войнѣ диктуются экономической необходимостью.

Намъ удалось избѣжать бумажныхъ денегъ въ японскую войну потому, что война была строго локализирована, и мы могли легко заключать займы на Западѣ. Теперь же положеніе, какъ указано, совершенно иное.

Усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ не должны были, сами по себѣ, съ роковой необходимостью привести къ паденію курса нашихъ бумажныхъ денегъ, къ образованію лажа на золото. Однако, такой лажъ очень скоро возникъ и держится въ настоящее время на уровнѣ 15—20%. Возможность значительнаго увеличенія выпусковъ банкнотъ безъ пониженія ихъ курса лучше всего доказывается примѣромъ Франціи, гдѣ выпуски банкнотъ въ связи съ войной превышаютъ то, что мы видимъ въ этомъ отношеніи въ Россіи—и все же обезцѣненія ихъ не наблюдается.

Не то мы видимъ въ Россіи. У насъ возникъ лажъ на золото и держится на довольно высокомъ уровнѣ. Объясняется это не столько меньшимъ довѣріемъ публики къ прочности нашего денежнаго обращенія, сколько условіями нашего расчетнаго баланса.

Въ теченіе ряда лѣтъ Россія имѣла активный торговый балансъ. Однако, за послѣдніе годы обнаружилось новое явленіе, которое вызвало большое смущеніе въ нашихъ финансовыхъ и торговопромышленныхъ кругахъ—продолжавшееся изъ года въ годъ паденіе избытка нашего товарнаго вывоза сравнительно съ ввозомъ, грозившее превратить нашъ торговый балансъ изъ активнаго въ пассивный. Между тѣмъ, Россія должна уплачивать ежегодно многія сотни милліоновъ рублей странамъ Запада въ видѣ процентовъ по иностраннымъ займамъ, дивидендовъ иностраннымъ держателямъ акцій, расходовъ русскихъ путешественниковъ заграницей, фрахтовъ за перевозимыя на иностранныхъ судахъ товары и т. д. Всѣ эти платежи, въ общемъ, значительно превосходятъ тѣ суммы, которыя могли слѣдовать Россіи по активному торговому балансу, и покрывались въ нормальное время приливомъ въ Россію иностраннаго капитала для

нуждъ государства и помѣщенія въ русской промышленности и торговлѣ.

Поэтому, уменьшеніе активности нашего торговаго баланса должно было повести къ затрудненіямъ по уплатѣ платежей, слѣдуемыхъ съ насъ странамъ Запада. А это уменьшеніе было весьма значительнымъ:

	Балансъ европейской торговли въ нашу пользу (въ милліонахъ руб.).
1909	581,2
1910	431,4
1911	491,3
1912	391,3
1913	200,0

Уменьшеніе активности нашего торговаго баланса было вызвано причинами совершенно ясными—быстрымъ ростомъ ввоза въ Россію за послѣдніе годы произведеній иностранной промышленности.

Этотъ ростъ ввоза былъ явленіемъ вполнѣ закономѣрнымъ и находилъ свое объясненіе въ переживаемомъ нами фазисѣ промышленнаго цикла. Какъ извѣстно, послѣдніе 3—4 года были періодомъ сильнаго промышленнаго подъема какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ капиталистическаго міра.

Промышленный подъемъ въ Россіи неизбѣжно создаетъ тенденцію къ уменьшенію активности нашего торговаго баланса: самой крупной статьей нашего вывоза являются произведенія сельскаго хозяйства, которыя не затрогиваются непосредственно или же затрогиваются въ незначительной мѣрѣ промышленнымъ подъемомъ—промышленный подъемъ не сопровождается, поэтому, значительнымъ увеличеніемъ нашего экспорта; напротивъ, нашъ ввозъ слагается, преимущественно, изъ фабрикатовъ и разнаго рода полуобработанныхъ продуктовъ и матеріаловъ, необходимыхъ для промышленности, спросъ на которые въ періоды промышленнаго подъема подымается очень значительно. По этой причинѣ промышленный подъемъ приводитъ у насъ къ значительно болѣе быстрому росту импорта, чѣмъ экспорта (это явленіе, хотя

и не въ такой сильной степени, какъ въ Россіи, характерно для фазисовъ промышленнаго подъема и въ другихъ странахъ).

Однако, хотя за послѣдніе три года активность нашего торговаго баланса и сокращалась, торговый балансъ у насъ все же оставался активнымъ—вывозъ превышалъ ввозъ, и только въ 1914 г. нашъ торговый балансъ сталъ рѣшительно пассивнымъ. За первые 6 мѣсяцевъ 1914 г. (т. е. до войны) балансъ нашей внѣшней торговли оказался пассивнымъ въ суммѣ 32 мил. руб.

Война создала совершенно новыя условія нашей внѣшней торговли. Мы не только были отрѣзаны отъ другихъ странъ Европы по сухопутной границѣ воюющими съ нами державами, но, кромѣ того, наше правительство воспретило вывозъ всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ нашего экспорта, для того, чтобы эти предметы не могли попасть нашимъ противникамъ. Эта послѣдняя мѣра почти уничтожила нашъ экспортъ, между тѣмъ какъ нашъ импортъ, хотя и сильно сократился, но въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ экспортъ.

О сокращеніи нашей внѣшней торговли по европейской торговлѣ за августъ—декабрь 1913 и 1914 гг., можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ:

		милліоны рублей.
Вывозъ	1913 г. . . .	733,1
	1914 „ . . .	85,1
Ввозъ	1913 „ . . .	544,9
	1914 „ . . .	156,9
Балансъ	1914 „ . . .	— 70,9

За весь 1914 г. общая цѣнность нашего вывоза по всѣмъ границамъ выразилась суммой въ 954,7 мил. руб., а ввоза— 1.115,9 мил. р., т. е. торговый балансъ оказался пассивнымъ на 161,2 мил. руб.

При пассивности нашего торговаго баланса и необходимости оплачивать проценты по заграничнымъ займамъ и пр., неудивительно, что спросъ на заграничную валюту оказался значительно превышающимъ предложеніе, что и явилось главнѣйшей причиной пониженія курса нашихъ кредитныхъ билетовъ. Чтобы бороться съ этимъ крайне нежелательнымъ явленіемъ, которое можетъ затруднить въ будущемъ воз-

становленіе размѣна, правительство заключило въ Англіи небольшой заемъ и имѣетъ въ виду дальнѣйшіе займы для пріобрѣтенія заграничной валюты и снабженія ею нашихъ импортеровъ.

III.

Война такихъ небывалыхъ размѣровъ, какъ настоящая, не могла не вызвать извѣстнаго потрясенія кредита. Къ счастью, въ этой области вліяніе войны оказалось гораздо болѣе слабымъ, чѣмъ можно было опасаться.

Состояніе нашихъ банковъ наканунѣ войны далеко не могло быть названо благопріятнымъ. Предшествовавшіе годы промышленнаго подъема повели къ тому, что банки чрезвычайно расширили свои обязательства, и этимъ подвергли себя большой опасности.

Война застала наши кредитныя учрежденія совершенно врасплохъ, что и неудивительно, ибо война была вызвана не нами. Въ этомъ отношеніи бросается въ глаза контрастъ между Россіей и Германіей, гдѣ Имперскій банкъ уже давно сталъ стягивать къ себѣ золото и принимать мѣры на случай политическихъ осложненій. У насъ войны никто не ожидалъ, а тѣмъ менѣе готовился къ ней, и это создало въ первые дни послѣ начала военныхъ дѣйствій большія затрудненія для банковъ, такъ какъ мобилизація вызвала въ населеніи огромный спросъ на деньги, а объявленіе въ рядѣ губерній мораторія лишило банки возможности восполнить свои денежные запасы платежами по векселямъ. На этой почвѣ возникло нѣчто близкое къ паникѣ, какъ сообщаетъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ г. В. М—въ.

„Растерянность, первоначально проявлявшаяся на верхахъ дѣлового міра,—читаемъ въ оффиціальномъ органѣ министерства финансовъ,—быстро перекинулась на низы, гдѣ, осложнившись, превратилась почти въ панику, которая охватила обширную полосу Россіи. Наибольшей интенсивности она достигала въ западныхъ и прибалтійскихъ пограничныхъ раіонахъ, а также на югѣ и юго-востокѣ; въ менѣе рѣзкихъ формахъ она проявлялась въ центральной Россіи; замѣтной растерянностью отмѣчены также столичныя губерніи, сѣверъ, сѣверо-востокъ, Западная Сибирь и Кавказъ; внѣ кризиса оста-

лись лишь отдѣльные пункты сѣвера, Восточная Сибирь и Средняя Азія. Паника эта, къ счастью, была весьма кратковременной".

„Важную роль въ дѣлѣ успокоенія рынка сыграла популярность войны въ населеніи, убѣжденномъ, что эта война за правое дѣло и что она принесетъ Россіи побѣду. На возстановленіе довѣрія также повліяло и активное присоединеніе Англіи къ русско-французской коалиціи. Затѣмъ крупную помощь рынку оказалъ Государственный Банкъ: экстренно открывъ кредиты частнымъ банковымъ учрежденіямъ, онъ парализовалъ возникшій кризисъ. Насколько велика была эта помощь, видно изъ того, что съ 16 іюля по 1 августа задолженность частныхъ банковъ Государственному Банку увеличилась съ 179 милл. р. до 554 милл. р. (+385 милл. р.), т. е. поглотила свыше половины всѣхъ, произведенныхъ за это время, выпусковъ кредитныхъ билетовъ (700 милл. р.). Многіе частные банки и общества взаимнаго кредита, еще наканунѣ бывшіе не въ состояніи удовлетворить предъявленныя къ нимъ требованія, получили необходимыя для этой цѣли средства. Отсутствіе затрудненій въ выплатѣ денегъ по вкладамъ способствовало быстрому возстановленію поколебленнаго довѣрія публики къ рынку".

„Паника прошла, поэтому, весьма скоро. Выемка вкладовъ начала прекращаться уже спустя недѣлю послѣ объявленія войны и, за исключеніемъ соприкасающихся съ театромъ военныхъ дѣйствій раіоновъ и ряда обществъ взаимнаго кредита, окончательно остановилась въ началѣ августа".

„Въ первой половинѣ августа выемка вкладовъ совершенно прекратилась; можно съ увѣренностью сказать, что она не особенно сильно уменьшила средства рынка. Вклады выбирались изъ частныхъ кредитныхъ учрежденій и вносились въ Государственный Банкъ; или деньги брали изъ однихъ банковъ, которые почему-либо пользовались меньшимъ довѣріемъ, и переводили въ другіе, которые казались болѣе солидными. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ истребованныя суммы сейчасъ же снова поступали на рынокъ, перемѣнивъ лишь кассу. Въ нѣкоторыхъ раіонахъ наблюдалось, однако, кратковременное внесеніе денегъ въ безопасные ящики. Зарегистрировано также нѣсколько случаевъ,

когда часть выбранныхъ изъ банковъ вкладовъ поступала въ сберегательныя кассы. Напр., въ одномъ довольно видномъ городѣ промышленнаго раіона за первые нѣсколько дней войны было изъято вкладовъ изъ частныхъ кредитныхъ учрежденій 537 тыс. р.; однако, за это же время приливъ вкладовъ въ мѣстное отдѣленіе Государственнаго Банка составилъ 500 тыс. р. и въ мѣстную сберегательную кассу 30 тыс. р.".

„Хотя въ первой половинѣ августа кризисъ былъ ликвидированъ, но полнаго оздоровленія кредитнаго оборота еще не наступило. Несмотря на обратный приливъ денегъ на вклады и поддержку частныхъ банковыхъ учрежденій со стороны Государственнаго Банка, учрежденія эти въ большинствѣ случаевъ продолжали относиться къ активнымъ операціямъ слишкомъ сдержанно, что и вызывало жалобы биржевыхъ комитетовъ".

Англійскіе банки, которымъ часто приходилось бороться съ паникой на кредитномъ рынкѣ, хорошо знаютъ пріемы борьбы съ ней. Лучшимъ средствомъ для возстановленія довѣрія въ публикѣ къ банкамъ является довѣріе самихъ банковъ къ публикѣ. Чѣмъ усиленнѣе требуютъ вкладчики свои вклады обратно, тѣмъ съ большей готовностью банки должны идти на встрѣчу всѣмъ достаточно обезпеченнымъ требованіямъ кредита. Снабжая путемъ кредита своихъ кліентовъ необходимыми для нихъ наличными деньгами, банки предотвращаютъ истребованія вкладовъ, которыя въ противномъ случаѣ могутъ принять массовый характеръ, угрожающій гибелью банку. Правильная политика банковъ, ихъ собственное самосохраненіе, диктуютъ въ случаяхъ паники не отказъ въ кредитѣ, а, наоборотъ, возможное расширеніе его.

Это общее правило нашло себѣ подтвержденіе и у насъ. По словамъ „Вѣстника Финансовъ", въ одномъ изъ южныхъ городовъ оперировало четыре частныхъ кредитныхъ учрежденія—два отдѣленія столичныхъ банковъ и два мѣстныхъ общества взаимнаго кредита. Одно изъ отдѣленій послѣ начала замѣшательствъ предложило переучитывать векселя, которымъ истекалъ срокъ, требуя только частичнаго погашенія ихъ. Это вызвало значительное успокоеніе мѣстнаго денежнаго рынка. Напротивъ, другое отдѣленіе прекратило

переучетъ, и это привело къ паникѣ, которая охватила весь мѣстный рынокъ.

Въ другомъ крупномъ губернскомъ городѣ банки рѣзко сократили учетъ векселей, и это привело къ такому истребованію вкладовъ, что безъ помощи Государственнаго Банка банки могли бы оказаться въ невозможности выполнять свои обязательства. Точно также и во многихъ другихъ городахъ неправильная политика банковъ приводила къ паникѣ, которая прекратилась лишь послѣ вмѣшательства Государственнаго Банка.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Западной Сибири банковскіе круги обнаружили совершенную растерянность и прекратили полностью активныя операціи; результатомъ этого явился набѣгъ на банки для истребованія вкладовъ. Точно также на Кавказѣ и въ Средней Азіи банки сокращали учетъ, что привело къ крушенію нѣкоторыхъ торговыхъ фирмъ.

Нижегородская ярмарка прошла благополучно лишь потому, что Государственный Банкъ обнаружилъ полную готовность придти на помощь своимъ кредитомъ. На это обстоятельство указалъ въ своей телеграммѣ министру финансовъ предсѣдатель Нижегородскаго ярмарочнаго комитета, по словамъ котораго „указаніе Государственному Банку по прежнему вести учетныя операціи внесло въ приволжскій районъ значительное успокоеніе. Торговля и промышленность идутъ обычнымъ темпомъ и въ будущемъ, если не будетъ измѣнена политика Государственнаго Банка, торговля и промышленность не ожидаютъ осложненій“.

Разстройство кредита, вызванное войной, явственно отразилось и на балансахъ нашихъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

	1 іюля	1 сентября
	(милліоновъ р.)	
Общій итогъ учетно-ссудной операціи. . .	3.280	3.290
Общій итогъ вкладовъ и текущихъ счетовъ. .	2.809	2.674

Учетно-ссудная операція за два мѣсяца возросла очень незначительно—всего на 10 мил.,—но вклады уменьшились на 135 м. р.

Однако, потрясеніе нашего денежнаго рынка, вызванное войной и обостренное неправильной учетной политикой нашихъ банковъ, которая могла бы оказаться для нихъ роковой, если бы они не были спасены Государственнымъ Банкомъ, оказалось, къ счастію, непродолжительнымъ.

Въ концѣ сентября уже чувствовалось полное успокоеніе, а въ настоящее время съ деньгами у насъ очень свободно, благодаря наступившему сокращенію торговыхъ оборотовъ.

IV.

На промышленности нашей война отразилась очень сильно. Вліяніе войны въ этой области хозяйственной жизни можетъ быть сведено къ слѣдующимъ основнымъ факторамъ:

1) измѣненіе условій вывоза заграницу;
2) измѣненіе условій ввоза иностранныхъ произведеній;
3) измѣненіе условій кредита;
4) измѣненіе условій внутренняго транспорта;
5) измѣненіе условій рабочаго рынка;
6) измѣненіе условій внутренняго спроса.

Что касается перваго фактора, то его вліяніе на русскую промышленность не могло быть значительнымъ, такъ какъ большинство отраслей промышленности работаетъ у насъ не на внѣшній, а на внутренній рынокъ. Поэтому, потеря внѣшняго рынка, вызванная войной, почувствовалась только немногими отраслями нашей промышленности. На первомъ мѣстѣ среди таковыхъ слѣдуетъ поставить лѣсную промышленность, играющую видную роль въ нашемъ экспортѣ. Такъ, въ 1913 г. было вывезено нами лѣса и деревянныхъ издѣлій на 162 мил. р. (при общей цѣнности нашего экспорта по европейской торговлѣ въ 1.421 м. р.). При такой зависимости отъ внѣшняго рынка наша лѣсная промышленность должна была сильно пострадать отъ войны, тѣмъ болѣе, что и внутренній спросъ на лѣсъ, благодаря сокращенію строительства, сильно упалъ. По словамъ „Промышленности и Торговли“ „до начала военныхъ дѣйствій и до запрещенія вывоза, нашимъ лѣсопромышленникамъ удалось отправить лишь весьма небольшую часть того значительнаго количества лѣсныхъ товаровъ, которое предполагалось къ

вывозу. Такимъ образомъ, почти весь товаръ остался на рукахъ у лѣсоотправителей, оказавшихся зато безъ выручки. Къ этому надо прибавить еще сдѣланныя заготовки минувшей зимы. Все это въ итогѣ составитъ двухгодичный наличный запасъ товаровъ, на который затрачены не только всѣ наличныя средства, коими располагали лѣсопромышленники, но и крупныя суммы, взятыя въ кредитъ. Истощивъ всѣ средства, наши лѣсозаводчики-экспортеры находятся въ настоящее время въ довольно затруднительномъ положеніи и принимаютъ всѣ средства къ тому, чтобы хотя въ самыхъ умѣренныхъ размѣрахъ продолжать заведенное дѣло, не останавливая его совсѣмъ. О новыхъ же закупкахъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, не приходится уже и думать".

„Не ожидая крупнаго спроса и для внутреннихъ рынковъ, поволжскіе лѣсопромышленники точно такъ же, какъ и лѣсоэкспортеры, настроены весьма уныло. На торгахъ на лѣсъ для будущей зимы покупали весьма немного и надбавки давали только 1—3%, вмѣсто прежнихъ 40—100% и выше; а владѣльцы заводовъ, расположенныхъ по р. Невѣ и по линіи Вятской жел. дор., пріостанавливаютъ свое производство до лучшаго будущаго. Точно также и въ бассейнѣ Кубенскаго озера, гдѣ лѣсопильные заводы работаютъ преимущественно на экспортъ, пока пилятъ половиннымъ ходомъ, заканчивая потихоньку прошлую заготовку и не думая дѣлать новыхъ какихъ-либо покупокъ и заготовокъ. Все вышеизложенное даетъ представленіе, насколько тяжелое время переживаетъ наша лѣсная промышленность".

„Внутренняя лѣсная торговля точно также идетъ весьма тихо. Почти нигдѣ не замѣчается спроса, и потому цѣны вездѣ находятся въ пониженіи, даже на такихъ оживленныхъ рынкахъ, какъ нижневолжскіе. Тамошніе лѣсоторговцы значительно понизили цѣны и при продажахъ дѣлаютъ отсрочки на 3—6 мѣсяцевъ дольше обычнаго времени. На лѣсныхъ рынкахъ Соединеннаго Королевства (о рынкахъ же французскомъ, бельгійскомъ и германскомъ говорить пока не приходится) запасы лѣсныхъ товаровъ къ концу лѣта были довольно умѣренные и едва ли достаточные для удовлетворенія крупнаго спроса, предъявленнаго со стороны тамошняго правительства. Поэтому, англійскіе импортеры при-

няли всѣ мѣры къ тому, чтобы побольше достать товара. Получивъ значительныя количества его отъ насъ изъ Бѣлаго моря, равно изъ Канады, Швеціи и, частью, изъ Финляндіи, и увидавъ, что, за исключеніемъ правительственнаго, другого спроса нѣтъ, а война принимаетъ затяжной характеръ, прекратили дальнѣйшія закупки. Цѣны на доски, поднявшіяся было до 30—40 шил. на стандартъ, опять пошли книзу и опустились даже ниже того уровня, на которомъ стояли до повышенія".

Кромѣ лѣсной промышленности, у насъ имѣется очень немного отраслей промышленности, экспортирующихъ свои издѣлія въ значительномъ количествѣ заграницу. Такъ, экспортъ кожъ и шкуръ достигалъ въ 1913 г. 52,4 м. р., а нефтяныхъ продуктовъ было вывезено въ 1913 на 48,5 м. р. Однако, для кожевенной промышленности внутренній рынокъ имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ внѣшній, и прекращеніе экспорта почувствовалось ею сравнительно незначительно.

Что касается нефтяной промышленности, то для нея характерно значительное паденіе цѣнъ на нефть и нефтяные продукты, начавшееся въ концѣ августа и достигшее въ сентябрѣ значительныхъ размѣровъ:

	Цѣна легкой нефти въ Балаханахъ (коп. за пудъ).
4—5 авг.	41,7
19—20 авг.	45,1
22 авг.—сент.	38,2
3—10 сент.	36.8
16—23 сент.	33,7
25—30 сент.	30,3

Совѣтъ съѣздовъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ произвелъ спеціальное обслѣдованіе для выясненія вліянія войны на нефтяную промышленность и пришелъ къ заключенію, что паденіе цѣнъ на нефть не можетъ быть поставлено въ непосредственную связь съ войной. Тѣмъ не менѣе, война несомнѣнно значительно повліяла въ различныхъ отношеніяхъ на нашу нефтепромышленность. Сильно сократилась буровая дѣятельность. Такъ, въ августѣ противъ апрѣля пробурено скважинъ меньше на 40%, было въ буреніи

и углубленіи скважинъ меньше на 11.2%, начато буреніемъ новыхъ скважинъ менѣе на 55%. Это сокращеніе буренія вызвано, во первыхъ, недостаткомъ желѣза и инструментовъ въ связи съ войной, и, во вторыхъ, неувѣренностью въ промышленныхъ перспективахъ.

Затѣмъ, война измѣнила направленіе дѣятельности нефтеперегонныхъ заводовъ. Выработка смазочныхъ маселъ и бензина сократилась почти вдвое, что объясняется закрытіемъ заграничнаго рынка для этихъ продуктовъ. Соотвѣтственно увеличилась выработка мазута. Произведенное совѣтомъ съѣздовъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ обслѣдованіе привело къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно вліянія войны на нефтяную промышленность:

1) Сократилась и сокращается буровая дѣятельность, отчасти вслѣдствіе общей неувѣренности, отчасти вслѣдствіе недостатка желѣза, инструментовъ и т. п.

2) Это сокращеніе буровой дѣятельности съ теченіемъ времени поведетъ къ уменьшенію добычи, какового уменьшенія въ настоящее время еще не наблюдается.

3) Прекратился вывозъ нефтяныхъ продуктовъ заграницу, что повело:

4) къ пониженію техническаго уровня дѣятельности нефтеперегонныхъ заводовъ, вырабатывающихъ меньшій % высококвалифицированныхъ продуктовъ, какъ смазочныя масла и бензины, и большій % мазута;

5) сократилась и сокращается дѣятельность нефтеперегонныхъ заводовъ не только по вышеуказанной причинѣ, но также и вслѣдствіе недостатка химическихъ и техническихъ товаровъ, необходимыхъ для производства;

6) по этой же причинѣ сократилась дѣятельность механическихъ заводовъ;

7) упалъ кредитъ.

8) Число рабочихъ, занятыхъ въ нефтяной промышленности, нѣсколько сократилось; недостатка въ нихъ не чувствуется, но испытывались нѣкоторыя затрудненія отъ того, что опытныхъ и обученныхъ рабочихъ пришлось замѣнить неопытными.

9) Воспрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ отразилось на рабочихъ благопріятно, но здѣсь это благопріятное

вліяніе сказывается не столь замѣтно, какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ въ составѣ бакинскихъ рабочихъ много мусульманъ, которые и раньше вели трезвую жизнь.

10) Закрытіе границъ для иностраннаго угля и снятіе съ рынка домбровскаго угля, увеличивъ спросъ на донецкій уголь, увеличило спросъ и на нефть; упадокъ платежныхъ силъ населенія и сокращеніе промышленности уменьшили спросъ на нефтяные продукты.

11) Упадокъ цѣнъ нефти въ сентябрѣ и теперь врядъ ли можно приписать вліянію войны.

Если прекращеніе экспорта мало затронуло нашу промышленность, то нельзя того же сказать о сокращеніи ввоза. Вліяніе этого фактора весьма значительно; имъ, главнымъ образомъ, и вызвано то сокращеніе производства, которое замѣчается въ настоящее время почти во всѣхъ отрасляхъ нашей промышленности. Обычно думаютъ, что иностранная промышленность является конкурентомъ туземной, и что туземная промышленность только выигрываетъ отъ прекращенія подвоза иностранныхъ товаровъ. На этомъ основывается весь протекціонизмъ. И, конечно, въ этомъ воззрѣніи много вѣрнаго: тѣ отрасли промышленности, которыя изготовляютъ продукты того же рода, какъ и ввозимые изъ заграницы, заинтересованы въ прекращеніи ввоза этихъ продуктовъ. Но вѣдь продукты одной отрасли промышленности могутъ быть одновременно и средствомъ производства другихъ промышленныхъ предпріятій. Прекращеніе подвоза этихъ продуктовъ равносильно лишенію промышленности средствъ производства—и должно вызывать сокращеніе промышленнаго производства. Въ этомъ заключается невыгодная для туземной промышленности сторона прекращенія иностраннаго ввоза, обратная сторона медали. Прекращеніе иностраннаго ввоза, поощряя однѣ отрасли туземной промышленности, убиваетъ другія.

Война явилась какъ бы грандіознымъ опытомъ протекціонизма, доведеннаго до своего предѣла—запретительной системы. Россія, благодаря войнѣ, стала „изолированнымъ торговымъ государствомъ“, предоставленнымъ самому себѣ и лишеннымъ связи съ остальнымъ міромъ. Лишеніе внѣшняго рынка не имѣло существеннаго значенія для нашей

промышленности, такъ какъ послѣдняя работаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на внутренній рынокъ. Но прекращеніе иностраннаго импорта—что является предметомъ мечтаній многихъ—почувствовалось нашей промышленностью очень тяжело.

Каменный уголь является необходимымъ средствомъ производства для всѣхъ отраслей промышленности, пользующихся паровыми двигателями. Война не только прекратила подвозъ къ намъ иностраннаго каменнаго угля, но и сдѣлала невозможнымъ подвозъ каменнаго угля изъ Домбровскаго бассейна. О значеніи этихъ источниковъ полученія каменнаго угля сравнительно съ общимъ количествомъ каменнаго угля. потребляемаго нашимъ рынкомъ, даютъ представленіе нижеслѣдующія данныя.

По отношенію ко всему каменному углю, потребляемому въ Россіи, составлялъ:

	1912.	1913.
Иностранный кам. уголь	20,0%	25,5%
Домбровскій кам. уголь	22,1%	20,4%
	42,1%	45,9%

Почти весь иностранный уголь ввозился нами изъ Англіи Германіи и Австро-Венгріи, причемъ на долю Англіи приходилась почти половина ввоза, а остальная половина на долю воюющихъ съ нами державъ.

Домбровскій уголь шелъ преимущественно на рынокъ Царства Польскаго, промышленность котораго чрезвычайно пострадала отъ нашествія непріятеля. За предѣлы Царства Польскаго было вывезено домбровскаго угля въ 1912 г. около 5,9%, а въ 1913 г.—7,3%.

Иностранный каменный уголь ввозился преимущественно по тремъ границамъ—балтійской (65% всего ввоза), западной сухопутной (27%) и черноморско-азовской (5%). Уголь, ввозившійся по западной сухопутной границѣ, шелъ преимущественно на нужды Царства Польскаго, куда шло около 78% этого угля; остальной же каменный уголь шелъ на потребности Россіи.

Война, такимъ образомъ, лишила внутренній русскій рынокъ (за исключеніемъ Царства Польскаго) приблизительно

$^{1}/_{5}$ всего угля, потреблявшагося Россіей. Главнымъ источникомъ снабженія Россіи углемъ является Донецкій каменноугольный бассейнъ, но и здѣсь добыча угля, первое время послѣ войны, испытала рѣзкое сокращеніе благодаря уменьшенію числа занятыхъ рабочихъ. Однако, мѣры, принятыя правительствомъ, подъ вліяніемъ ходатайствъ совѣта съѣздовъ горнопромышленниковъ Юга Россіи къ привлеченію въ Донецкій районъ рабочихъ, имѣли такой успѣхъ, что донецкая угольная промышленность скоро оправилась отъ испытаннаго потрясенія, добыча угля значительно возросла, и приблизительно достигла цифръ прошлаго года:

	Добыча камен. угля и антрацита (въ мил. пудовъ).		Число рабочихъ въ концѣ мѣсяца. (въ тысячахъ).	
	1913 г.	1914 г.	1913 г.	1914 г.
іюнь . . .	119,2	150,1	157	182
іюль . . .	122,9	111,0	153	135
августъ . .	106,7	99,2	164	140
сентябрь . .	118,2	133,0	158	160
октябрь . .	138,6	152,7	182	186
ноябрь . . .	161,2	160	201	208
декабрь . .	139	143	201	200

Во всякомъ случаѣ въ концѣ прошлаго года еще нельзя было говорить о существенномъ увеличеніи добычи каменнаго угля въ Донецкомъ бассейнѣ. Дѣло еще осложняется тѣмъ, что вывозъ изъ Донецкаго бассейна угля задерживается разстройствомъ желѣзнодорожнаго транспорта вслѣдствіе недостатка вагоновъ. Такъ, въ ноябрѣ углепромышленники затребовали вагоновъ для перевозки 208 милл. п. минеральнаго топлива, но получили вагоновъ почти въ два раза меньше, чѣмъ просили.

Въ текущемъ году положеніе еще ухудшилось. Въ январѣ 1915 г. добыча угля упала съ 173,6 м. п. (въ январѣ 1914 г.) до 135 м. п., причемъ число рабочихъ упало съ 213 т. ч. (январь 1914 г.) до 170 т.

Такимъ образомъ, возникъ угольный голодъ, который очень рѣзко почувствовался нашей промышленностью, и для борьбы съ которымъ правительствомъ были приняты энер-

гичныя мѣры. А именно, по ходатайству совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли, былъ учрежденъ при министерствѣ торговли и промышленности, подъ предсѣдательствомъ министра, особый „центральный комитетъ по снабженію топливомъ", въ составъ котораго вошли представители всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, представители совѣта съѣздовъ промышленности и торговли и другихъ промышленныхъ организацій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ добычѣ и потребленію топлива. Задачей этого комитета явилось выясненіе потребности въ каменномъ углѣ разныхъ категорій потребителей, а также и текущей производительности угольныхъ копей, принятіе мѣръ къ увеличенію этой производительности и, вообще, къ улучшенію условій снабженія потребителей топливомъ и къ урегулированію его распредѣленія.

Комитетъ призналъ, что нужно ожидать значительнаго недостатка въ минеральномъ топливѣ, почему слѣдуетъ озаботиться переходомъ транспортныхъ и иныхъ предпріятій къ другихъ видамъ топлива. Для выясненія потребностей въ топливѣ отдѣльныхъ районовъ постановлено образовать мѣстные порайонные комитеты съ состоящими при нихъ совѣщаніями, въ которыя должны входить представители вѣдомствъ и потребителей топлива.

Кромѣ каменноугольнаго рынка, недостатокъ иностраннаго ввоза рѣзко почувствовался и на рынкахъ многихъ другихъ продуктовъ. Особенно пострадала отъ прекращенія иностраннаго подвоза химическая и мануфактурная промышленность. Ввозъ въ Россію химическихъ продуктовъ и красокъ не выражался особенно крупными цифрами и достигалъ по своей цѣнности въ 1913 г. всего 42,3 м. р. Но дѣло въ томъ, что значительная часть этихъ ввозимыхъ химическихъ продуктовъ представляетъ собой необходимыя средства производства для изготовленія другихъ химическихъ продуктовъ; краски же необходимы для мануфактурной промышленности.

Въ области химической промышленности особенно рѣзко сказалась наша зависимость отъ Германіи, почти монополизировавшей русскій рынокъ. Благодаря войнѣ цѣны на большинство химическихъ продуктовъ испытали огромное повышеніе:

	Цѣны въ копѣйкахъ за пудъ.	
	15 іюня 1914 г.	1 декабря 1914 г.
Анилиновая соль	1075—1100	3500—4000
Азотная кислота	410—425	900—1000
Бѣлила свинцовыя . . .	520	665—880
Бѣлила цинковыя . . .	525	1150—1175
Глиноземъ сѣрнокислый чистый	115—120	160—190
Известь хлорная	150—160	210—220
Кали желтое	1325—1350	2800—3600
Купоросъ мѣдный . . .	490—510	950—1000
Селитра чилійская . . .	185	600—650

Анилиновая соль — важнѣйшій матеріалъ для приготовленія красокъ—получается изъ бензола, который цѣликомъ привозится изъ-за-границы; цѣна анилиновой соли поднялась въ три-четыре раза. Повышеніе цѣнъ на азотную кислоту было вызвано прекращеніемъ подвоза чилійской селитры, цѣна которой поднялась также чрезвычайно. Точно также и другіе химическіе продукты, съ прекращеніемъ подвоза изъ-за-границы, поднялись въ своей цѣнѣ въ огромныхъ размѣрахъ.

Вопросъ о вліяніи войны на химическую промышленность подвергся обсужденію въ нѣсколькихъ совѣщаніяхъ общества заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго района. По мнѣнію совѣщанія:

„Химическія фабрики не могутъ нынѣ исполнять свою работу правильно при отсутствіи подвоза сырья... Нѣкоторые предметы, какъ, напримѣръ, свинецъ, селитра, ментолъ и пр., въ настоящее время подлежатъ реквизиціи. Отдѣльныя химическія предпріятія нашли возможнымъ изготовлять уже сейчасъ рядъ матеріаловъ, которые ранѣе получались изъ-за-границы, какъ-то: мѣдянку, сахаръ-сатурнъ, свинцовые крона, мазь для обуви и т. п. Но здѣсь пришлось столкнуться съ затрудненіями, которыя настолько серьезны, что даже функціонировавшія до войны производства приходится сокращать или пріостанавливать. Такъ, на нѣкоторыхъ бѣлильныхъ заводахъ пришлось прекратить выработку свинцовыхъ бѣлилъ, такъ какъ купленный этими заводами свинецъ задержанъ таможнями, а заводы не могутъ покупать

новаго свинца, не будучи увѣрены, что онъ не будетъ подлежать реквизиціи. Производство свинцовыхъ красокъ и свинцовыхъ солей, поступающихъ обыкновенно въ большомъ количествѣ изъ-за границы, не можетъ быть налажено также вслѣдствіе неопредѣленности положенія со свинцомъ, и въ ближайшемъ будущемъ предвидится на рынкѣ большой недостатокъ въ свинцовыхъ препаратахъ и краскахъ. Рядъ идущихъ въ производство на химическихъ фабрикахъ матеріаловъ: копалы, шеллаки, сандаракъ и др. смолы добываются въ тропическихъ странахъ и ничѣмъ не могутъ быть замѣнены. Пріобрѣтеніе этихъ матеріаловъ за границей теперь чрезвычайно затруднено".

Слабое развитіе нашей химической промышленности, обнаруженное съ такой очевидностью войной, находится, по мнѣнію совѣщанія, въ связи съ неудовлетворительностью нашего таможеннаго тарифа.

„Обыкновенно сырые продукты облагаются низкими ввозными пошлинами, а готовые фабрикаты болѣе высокими. Въ практикѣ русской химико-фармацевтической промышленности наблюдается какъ разъ обратное. Напримѣръ: алкалоиды, широко примѣняемые въ медицинѣ, получаются, по преимуществу, изъ колоніальныхъ растеній; хининъ извлекается въ количествѣ 3% изъ коры хиннаго дерева, которое произрастаетъ въ голландскихъ колоніяхъ Зондскаго архипелага и въ Южной Америкѣ. Привозная пошлина на хинную кору въ Россію по дѣйствующему тарифу установлена 85 коп. съ пуда брутто. Слѣдовательно, хининъ, приготовленный въ Россіи, будетъ оплаченъ пошлиною въ $\frac{100.85}{3}=$ $=28$ рублей $33^1/_3$ коп., а за привозный готовый хининъ по конвенціонному договору съ Германіей установлена пошлина по 2 руб. 25 коп. съ пуда, т. е., въ сущности, выдается премія заграничному фабриканту по 26 руб. 8 коп. за каждый ввезенный къ намъ пудъ хинина. Морфій извлекается въ количествѣ около 10% изъ опія, добываемаго въ Турціи, Персіи, Индіи. Пошлина на опій установлена въ 22 р. 50 к. съ пуда, а за морфій 80 руб. съ пуда, т. е. премія заграничному фабриканту за каждый пудъ ввезеннаго къ намъ морфія равна 145 руб. Понятно, что при такой нераціональной

таможенной политикѣ всѣ алкалоиды ввозятся къ намъ изъ заграницы, въ общемъ около 10.000 пуд. ежегодно".

„Многіе металлы въ Россіи совершенно не добываются, какъ, напр., висмутъ, кадмій, никкель, а въ послѣдніе годы прекращена добыча ртути. Пошлина на висмутъ, никкель, кадмій установлена по 5 руб. съ пуда, на ртуть 3 руб. 60 к. съ пуда; соли же, выработанныя изъ всѣхъ этихъ металловъ, оплачиваются пошлиною только по 4 руб. съ пуда".

Итакъ, несмотря на то, что прекращеніе ввоза въ Россію химическихъ продуктовъ вызвало огромное повышеніе ихъ цѣнъ, русская химическая промышленность ни малѣйшимъ образомъ не выиграла отъ этого положенія дѣла. Наоборотъ, недостатокъ химическихъ продуктовъ вызвалъ прекращеніе производства этихъ продуктовъ, въ которые недостающіе продукты входятъ, какъ необходимая составная часть и, въ общемъ, наша химическая промышленность пострадала отъ прекращенія торговыхъ сношеній со странами запада больше всякой другой.

Недостатокъ красящихъ веществъ отозвался очень тяжело и на другой, чрезвычайно важной отрасли промышленности— хлопчатобумажной. Хлопчатобумажная промышленность находится въ зависимости отъ иностраннаго ввоза какъ по отношенію къ сырью—хлопку—такъ и красящимъ веществамъ. Что касается хлопка, то за послѣдніе годы наши фабрики работали преимущественно на русскомъ, а не на иностранномъ хлопкѣ:

Снабженіе русскихъ фабрикъ хлопкомъ:

	(въ милліонахъ пуд.)	
	Заграничный хлопокъ.	Русскій хлопокъ.
1910/11 г.	11.945	13.926
1911/12 г.	12.293	13.420
1912/13 г.	10.840	13.101

Все же иностранный хлопокъ составлялъ почти 46% всего русскаго спроса на хлопокъ. Неудивительно, что прекращеніе подвоза изъ заграницы вызвало опасеніе хлопковаго голода.

Однако, опасенія эти оказались преувеличенными. Прежде всего, благодаря лѣтнимъ стачкамъ рабочихъ, вызвавшимъ значительное сокращеніе производства, въ Россіи къ началу

войны скопились большіе запасы хлопка. По компетентнымъ подсчетамъ, наличные запасы хлопка на 1 августа 1914 г. одного только московскаго района достигали двухмѣсячной потребности въ хлопкѣ всѣхъ русскихъ фабрикъ при полномъ ходѣ производства. Запасы другихъ районовъ были относительно еще больше.

Что же касается до сбора русскаго хлопка, то въ истекшемъ году площадь подъ хлопковыми плантаціями въ Туркестанѣ, въ Бухарскомъ ханствѣ и на Закавказьѣ была увеличена на 5—10%. Условія погоды были благопріятны и сдѣлали возможнымъ увеличеніе сбора хлопка на 10%.

Правда, не всѣ сорта иностраннаго хлопка могутъ быть замѣнены русскимъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, прекращеніе подвоза иностраннаго хлопка существенныхъ затрудненій для нашей хлопчатобумажной промышленности пока не создало и, можно думать, если война не очень затянется, и не создастъ, такъ какъ сокращеніе производства на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ (вызванное преимущественно другими причинами) сократило и спросъ на хлопокъ.

Гораздо болѣе пострадало наше хлопчатобумажное производство отъ недостатка красочныхъ веществъ, по отношенію къ которымъ Россія находится въ полной зависимости отъ Германіи; наблюдающееся сокращеніе производства на нашихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ вызывается, повидимому, преимущественно этой причиной. Къ этому присоединяются факторы, общіе для всѣхъ отраслей нашей промышленности—недостатокъ топлива, рабочихъ рукъ, затрудненія съ кредитомъ и разстройство желѣзнодорожнаго транспорта.

„Въ настоящее время,—сообщалось въ ноябрѣ въ „Извѣстіяхъ общества заводчиковъ и фабрикантовъ Московскаго района",—набивныя и красильныя фабрики работаютъ лишь четыре дня въ недѣлю и вырабатываютъ лишь половину обычнаго производства, въ то же время Иваново-Вознесенскій районъ работаетъ 19 дней въ мѣсяцъ при $^2/_3$ обычной выработки. Ограниченные запасы красильныхъ матеріаловъ, отсутствіе новыхъ подвозовъ изъ за-границы и выработки ихъ въ Россіи служатъ предметомъ заботъ нашихъ промышленныхъ организацій, а фабрикантовъ принуждаютъ къ эконо-

міи въ производствѣ. Наоборотъ, бумагопрядильныя фабрики, заваленныя казенными заказами, работаютъ полнымъ ходомъ, причемъ на нѣкоторыхъ введены ночныя работы для женщинъ и малолѣтнихъ".

„Недостатокъ топлива и красокъ, — читаемъ въ сентябрьскомъ номерѣ того же изданія, —отливъ рабочихъ на войну и отчасти недостатокъ запасовъ хлопка (неравномѣрно распредѣленнаго по отдѣльнымъ фабрикамъ) побудилъ уже 7 августа фабрики Т-ва Э. Циндель работать только три раза въ недѣлю, за ними послѣдовали фабрики Альберта Гюбнера, Прохоровской Трехгорной М-ры, Вичугской М-ры Бр. Разореновыхъ и крупнѣйшія фабрики Иваново-Вознесенскаго района. Это сокращеніе къ концу августа достигло въ прядильно-ткацкой отрасли 25% въ Центральномъ и 30% въ Прибалтійскомъ районѣ. Одновременно Т-во Э. Циндель, Т-во вывозной торговли мануфактурными товарами и др. объявили, что въ виду вынужденнаго сокращенія работъ они не могутъ взять на себя отвѣтственности за срочное исполненіе принятыхъ ими заказовъ".

Однако, было бы ошибочно думать, что наши мануфактурные фабриканты существенно пострадали отъ войны. Наоборотъ, сокращеніе производства, при наличности усиленнаго спроса на мануфактурные товары со стороны военнаго вѣдомства, дало возможность мануфактурнымъ фабрикантамъ повысить цѣны на свои издѣлія и, въ общемъ, мануфактурная промышленность испытываетъ теперь скорѣй оживленіе, чѣмъ застой. Вотъ какъ характеризуетъ общее состояніе нашей мануфактурной промышленности тотъ же источникъ.

„Минувшій сентябрь мѣсяцъ, который считается на московскомъ оптовомъ мануфактурномъ рынкѣ обычно однимъ изъ самыхъ неоживленныхъ въ году, прошелъ въ общемъ хорошо. Сокращеніе сбыта товаровъ на провинціальные рынки для удовлетворенія текущихъ требованій населенія компенсировалось на этотъ разъ колоссальными требованіями спеціальныхъ мануфактурныхъ товаровъ для нуждъ военнаго вѣдомства. Благодаря этому обстоятельству общій итогъ оборотовъ рынка за сентябрь и начало октября не только не уступалъ обычной нормѣ, но такія предпріятія, какъ

группа „Морозовскихъ“ фабрикъ, фабриканты суконъ и пр., считаются съ крупною перевыручкою по сбыту въ отношеніяхъ количественномъ и особенно стоимости, въ виду значительнаго подъема цѣнъ. Вообще, на рынкѣ нѣтъ слѣда той угнетенности, которая бы, кажется, всего болѣе соотвѣтствовала переживаемому страною моменту: въ каждой отрасли мануфактурной торговли, за исключеніемъ, пожалуй, только шелковой, царило оживленное движеніе. Что касается размѣровъ предложенія, то продавцы уже констатируютъ послѣдствія почти трехмѣсячнаго сокращенія производства. Товары, идущіе для обихода „городского“ и „крестьянскаго“ населенія, а равно для средне-азіатскихъ и персидскихъ рынковъ, подобрались, фабричные и торговые склады далеко уже не переполнены, какъ то было ранѣе. Вслѣдствіе усиленнаго выпуска товаровъ для интендантства остатковъ почти нѣтъ. Поэтому, вопросъ о перепроизводствѣ, еще такъ недавно тревожившій рынокъ, если еще окончательно не ликвидированъ, то, во всякомъ случаѣ, близокъ къ этому. Нельзя не отмѣтить, что ускоренію ликвидаціи содѣйствовалъ почти полный перерывъ подвоза товаровъ въ Москву и на внутренніе рынки изъ лодзинскаго района“.

„Настроеніе рынка все время оставалось крѣпкимъ. Послѣдовалъ рядъ прибавокъ на хлопчатобумажные, шерстяные и льняные товары, а равно не утратили своихъ высокихъ цѣнъ и шелковые товары. Рядъ повышеній цѣнъ на бумажную, некрашенную и крашенную пряжу мануфактуристами учитывается, какъ гарантія существующихъ цѣнъ и признакъ новыхъ прибавокъ. Виды на будущее мануфактурной торговли складываются благопріятно. Изъ провинціи сообщаютъ о недостаткахъ въ товарахъ многихъ сортовъ, что объясняется отчасти сокращеніемъ кредита, побуждающимъ торговцевъ дѣлать запасы соотвѣтственно съ наличностью ихъ свободныхъ средствъ. Воздвиженскія и Покровскія ярмарки прошли и идутъ для мануфактуристовъ сравнительно успѣшно. Во всякомъ случаѣ, если не произойдетъ какихъ-либо новыхъ и неожиданныхъ событій, сезонъ декабрь—мартъ предвидится оживленнымъ и денежнымъ“.

Какъ видно изъ изложеннаго, сокращеніе производства въ нашей мануфактурной промышленности отнюдь не зависѣло

отъ сокращенія спроса на мануфактурныя издѣлія. Наоборотъ, если спросъ на нѣкоторыя издѣлія упалъ, то на другія онъ сильно увеличился, причемъ надо принять еще во вниманіе, что благодаря войнѣ не только прекратился подвозъ иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій (которыхъ, включая сюда пряжу и готовое платье, было ввезено въ 1913 г. больше, чѣмъ на 95 мил. р.), но и товаровъ лодзинскаго района, являвшагося такимъ опаснымъ конкурентомъ московскаго района. Неудивительно, что, несмотря на упадокъ промышленной жизни, вызванный войной, дѣла московскихъ мануфактурщиковъ идутъ, въ общемъ, не хуже, чѣмъ раньше.

Особое положеніе, сравнительно съ выше разсмотрѣнными отраслями производства, занимаютъ такія отрасли промышленности, какъ желѣзодѣлательная, кирпичная, цементная. Эти отрасли промышленности не были непосредственно затронуты прекращеніемъ торговыхъ сношеній Россіи съ другими странами, такъ какъ, съ одной стороны, онѣ работаютъ исключительно на внутренній рынокъ, почти монополизируя его и не опасаясь иностранной конкуренціи, а, съ другой стороны, въ процессѣ производства онѣ не нуждаются въ продуктахъ иностраннаго производства. Такимъ образомъ, положеніе этихъ отраслей производства должно было бы быть, какъ можно было бы думать, менѣе всего связаннымъ съ войной.

Однако, именно въ этихъ отрасляхъ промышленности—и почти только въ нихъ однихъ, — почувствовалось рѣзкое сокращеніе общественнаго спроса, связанное съ войной. Положеніе желѣзодѣлательной промышленности является, какъ извѣстно, наилучшимъ показателемъ общаго состоянія промышленной конъюнктуры. За послѣдніе годы наша желѣзодѣлательная промышленность испытала чрезвычайный подъемъ, продолжавшійся вплоть до самой войны, представляя въ этомъ послѣднемъ отношеніи разительный контрастъ съ желѣзодѣлательной промышленностью Западной Европы, уже съ начала 1914 г. переживавшей угнетенное состояніе послѣ подъема предшествовавшихъ лѣтъ.

Война вызвала рѣзкій переломъ промышленной конъюнктуры въ области металлургической промышленности. Спросъ на металлургическіе продукты рѣзко упалъ. Какъ извѣстно, большая часть спроса на желѣзо проходитъ у насъ черезъ

синдикатъ нашихъ металлургическихъ заводовъ „Продамета“. Вотъ какъ повліяла война на заказы „Продаметѣ“:

Количество заказовъ на сортовое желѣзо во второе полугодіе 1914 г., сократилось на 37,78% (съ 28.848 тыс. пуд. до 17.949 тыс. пудовъ), по сравненію съ тѣмъ же періодомъ 1913 г.; спросъ на листовое желѣзо понизился на 63,97% (съ 14.775 тыс. пудовъ до 5.323 тысячъ пудовъ), а требованія на балки и швеллера упали даже на 72,71% (съ 8.944 тысячъ пудовъ до 2.440 тысячъ пудовъ). Въ общемъ, количество заказовъ на всѣ сорта металла уменьшились на половину (на 51,09%), и съ 52,568 тыс. пуд. во второе полугодіе 1913 г. опустилось до 25,713 тыс. пудовъ въ 1914 г.

Сокращеніе спроса вызвало и сокращеніе производства. Такъ, въ южно-русскомъ металлургическомъ районѣ было произведено за 5 мѣсяцевъ, съ 1 іюля по 1 декабря:

	1914.	1913.
	милліоны пудовъ.	
Чугуна	88,3	95,7
Полупродукта	84,2	85,9
Готовыхъ издѣлій . . .	70,0	72,1

Сокращеніе производства чугуна пока незначительное, далеко уступающее по своимъ размѣрамъ сокращенію спроса.

Паденіе спроса въ такой важной отрасли промышленности, какъ желѣзодѣлательная, обратило на себя общее вниманіе. Совѣщаніе представителей металлургическихъ заводовъ при Харьковскомъ горнозаводскомъ комитетѣ нашло, что главной причиной уменьшенія спроса на желѣзо является „потеря одного изъ самыхъ серьезныхъ потребительныхъ рынковъ для донецкаго чугуна—Царства Польскаго и Прибалтійскаго края, оказавшихся въ районѣ военныхъ дѣйствій“. Сокращеніе производства вызвано также уменьшеніемъ числа заводскихъ рабочихъ и сильнымъ разстройствомъ желѣзнозаводскаго транспорта. Послѣдняя причина не только обусловила недостаточный подвозъ къ заводамъ сырья (особенно кокса), но и затрудненія по вывозу металлургическихъ продуктовъ, шедшихъ не столько на рынокъ, сколько на пополненіе заводскихъ складовъ. Число рабочихъ на южныхъ заводахъ, составлявшее въ началѣ іюля 95,4 тыс. чел., сократилось до 78,8 тыс. въ концѣ іюля, по частямъ опять

поднялось и къ октябрю достигло 86 тыс. Изъ остановленныхъ въ началѣ войны 12 доменныхъ печей къ началу октября было снова пущено 4.

Всѣ эти причины названное совѣщаніе признало преходящими и потому пришло къ выводу, что „металлургическіе заводы въ недалекомъ будущемъ пойдутъ полнымъ ходомъ".

Врядъ ли, однако, этотъ оптимизмъ представителей желѣзодѣлательной промышленности серьезно обоснованъ. Огромное паденіе спроса на металлъ зависитъ, прежде всего, отъ паденія въ странѣ учредительства и связанной съ этимъ строительной дѣятельности. „Промышленность и Торговля" смотритъ на положеніе нашей металлургической промышленности довольно мрачно. „Трудно разсчитывать,—говоритъ этотъ органъ, столь близкій къ нашему промышленному міру,—на значительный подъемъ спроса на металлъ при настоящихъ условіяхъ стѣсненности денежнаго рынка и затруднительности кредита. Вѣдь, какъ показала анкета, произведенная недавно Мин Торг. и Пром., во всѣхъ областяхъ промышленной дѣятельности страны, равно какъ и въ торговомъ оборотѣ, наблюдается сильное разстройство. Указываютъ еще на усиленіе заказовъ казны и жел. дорогъ. Но какъ велики казенные заказы, мы не знаемъ; едва ли, однако, они могутъ компенсировать, въ достаточномъ размѣрѣ, сокращеніе народнаго спроса. Что же касается частныхъ жел. дорогъ, то настоящее финансовое положеніе ихъ едва ли позволитъ имъ сдѣлать крупные заказы на металлъ. Вотъ почему мы не можемъ раздѣлить оптимистическаго взгляда на современное состояніе нашей металлургической промышленности".

Анализъ данныхъ о сокращеніи спроса на желѣзо побуждаетъ автора цитируемой статьи въ „Промышленности и Торговлѣ" признать „несомнѣннымъ, что уровня, достигнутаго до войны какъ въ спросѣ на металлъ, такъ и въ положеніи нашей металлургической промышленности, достичь въ ближайшемъ будущемъ не удастся".

Въ сходномъ положеніи—и по тѣмъ же причинамъ—находятся разнообразныя отрасли промышленности, связанныя со строительствомъ, которое съ началомъ войны очень сократилось. Вотъ, что пишетъ въ концѣ года о положеніи строительной промышленности „Торговля и Промышленность".

„Выясняющіяся въ настоящее время перспективы будущаго строительнаго сезона весьма неутѣшительны: предполагается сокращеніе, а частью и полное прекращеніе городского строительства. По свѣдѣніямъ изъ Москвы, наиболѣе крупные кирпичные заводчики не продали къ настоящему моменту и 25% всего того количества кирпичей, которое они, обыкновенно, къ этому періоду продаютъ. Рядъ мелкихъ и среднихъ заводовъ закрылся, а крупные сократили свое производство на 40—50%. Несмотря на то, что сезонъ начинается съ цѣнъ, пониженныхъ на 6—7 руб. противъ прошлаго года, покупатели не даютъ и этихъ пониженныхъ цѣнъ".

Точно также сильно упали цѣны и цемента, хотя положеніе цементной промышленности нѣсколько улучшилось благодаря большимъ заказамъ военнаго вѣдомства.

V.

Общее состояніе нашей промышленности было предметомъ и частныхъ, и правительственныхъ обслѣдованій. Такъ, среди фабричнозаводскихъ предпріятій московскаго района была произведена анкета обществомъ фабрикантовъ и заводчиковъ московскаго района. Анкета эта, охватившая 152 предпріятія съ 133 тыс. раб., дала яркую картину вліянія войны на промышленность и привела къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

„Мобилизація запасныхъ не оказала дезорганизующаго въ точномъ смыслѣ слова вліянія на ходъ фабрично-заводской дѣятельности. *Вызванная ею убыль рабочихъ комплектовъ, въ общемъ не превышающая* 15% отъ нормальныхъ штатовъ, едва ли можетъ быть признана самостоятельной причиной сокращенія производственныхъ операцій. Мобилизація не вызвала недостатка въ рабочихъ рукахъ уже по одному тому, что промышленность, замедлившая въ силу причинъ иного порядка темпъ своей дѣятельности, въ соотвѣтствующей и даже еще въ большей степени сократила спросъ на трудъ. Поэтому, группа предпріятій, отмѣчавшихъ „нѣкоторое" или „незначительное" сокращеніе работъ, вслѣдствіе призыва части рабочихъ на военную службу, сравнительно малочисленна, и, лишь въ качествѣ исключенія, отдѣльныя предпрія-

тія констатируютъ серьезныя разстройства въ своемъ производствѣ въ виду вызваннаго мобилизаціей рѣзкаго сокращенія рабочаго персонала и недостатка опытныхъ мастеровъ".

„Серьезнѣйшія разстройства въ регулярныя отправленія фабрично-заводской промышленности внесло другое, непосредственно связанное съ мобилизаціей и ей сопутствующее явленіе,—закрытіе желѣзнодорожныхъ путей для коммерческаго грузового движенія".

„Предпріятія, располагавшія незначительными запасами топлива и матеріаловъ, предназначенныхъ къ фабричной обработкѣ, естественно сократили обычную выработку, чтобы отсрочить полную остановку производства и дать какой бы то ни было заработокъ рабочимъ. Для этой группы предпріятій открытіе желѣзныхъ дорогъ является въ собственномъ смыслѣ слова вопросомъ жизни и смерти. Равнымъ образомъ и предпріятія, обезпеченныя солидными запасами сырья, также уменьшили размѣръ или рабочаго дня, или рабочей недѣли, такъ какъ вырабатываемые продукты вмѣсто того, чтобы поступать на рынокъ, загружаютъ собой фабрично-заводскіе склады".

Еще больше, чѣмъ отъ разстройства желѣзнодорожнаго транспорта, промышленность пострадала отъ прекращенія подвоза иностраннаго сырья (хлопка, шелка-сырца, свинца и олова, химическихъ составовъ, красильныхъ экстрактовъ, обработанныхъ кожъ, частей машинъ, цинка и пр.).

Что же касается сокращенія спроса и ослабленія покупательной способности рынка, то неблагопріятное дѣйствіе этого фактора пока вообще чувствовалось слабо. Вотъ, что говоритъ по этому поводу разсматриваемый источникъ.

„Несмотря на то, что въ переживаемое нами время нормальный порядокъ экономическихъ связей и, въ частности, соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ должны, казалось бы, испытать серьезныя разстройства, изъ общаго числа отвѣтившихъ на анкету только 35 предпріятій, съ общимъ составомъ рабочихъ до 7.000 человѣкъ, отмѣчаютъ замѣтное вліяніе этого фактора на своихъ производствахъ. Сокращеніе спроса, въ виду закрытія питейныхъ заведеній, прежде всего, остановило производство на пивоваренныхъ

заводахъ; значительное сокращеніе операцій констатируется далѣе въ предпріятіяхъ по обработкѣ дерева и минераловъ, выпускающихъ строительные матеріалы, что объясняется пріостановкой городского домостроительства; предпріятія, вырабатывающія предметы благоустройства и комфорта, также констатируютъ затишье въ торговлѣ ихъ издѣліями. Что касается текстильной и металлической промышленности, то сокращеніе спроса оказало на нихъ менѣе значительное воздѣйствіе".

Среди причинъ болѣе частнаго рода, вызывающихъ сокращеніе производства, отдѣльные корреспонденты указывали на недостатокъ оборотныхъ средствъ благодаря медленному поступленію платежей и мораторіуму.

На основаніи собраннаго матеріала была составлена слѣдующая таблица (относящаяся къ 1 сентября 1914 г.):

Производственныя группы.	Предпріятія, усилившія производства.	Предпріятія, работающія нормально.	Предпріятія, сократившія производства.	Предпріятія, остановившія производства.	Всего.
	Число рабочихъ.	Число рабочихъ.	Число рабочихъ.	Число рабочихъ.	Число рабочихъ.
Текстильная	60	11.138	63.646	150	74.9[illegible]3
Металлообрабатывающая	1.038	3.430	33 720	2.648	40.836
Прочія.	600	5.750	9.170	2.423	17.943
Всего . .	1.698	20.137	106.536	5.221	133.772

Такимъ образомъ, въ московскомъ районѣ война увеличила размѣры производства въ предпріятіяхъ съ 1,3%, нормальный ходъ производства сохранили предпріятія съ 15,2%, сократили производство предпріятія съ 79,6% раб., а совсѣмъ пріостановились предпріятія съ 3,9% рабочихъ.

Главной причиной сокращенія производства анкета признаетъ недостатокъ иностраннаго сырья. Возможно, что по этой причинѣ многія предпріятія, работающія теперь нормально, сократятъ производство въ будущемъ.

„Возможность въ ближайшіе два мѣсяца дальнѣйшихъ сокращеній производства предусматриваютъ или даже уже намѣтили въ качествѣ конкретной мѣры 20 предпріятій съ общимъ штатомъ рабочихъ свыше 12.000 рабочихъ. Необходимо прибавить, что почти всѣ эти предпріятія ко времени производства анкеты работали полнымъ ходомъ и потому отнесены къ категоріи предпріятій съ нормальнымъ положеніемъ дѣла. Что же касается группы фабрикъ и заводовъ, пострадавшихъ еще въ началѣ войны и отнесенныхъ въ категорію предпріятій, сократившихъ свои операціи, то многими изъ нихъ отмѣчается возможность въ недалекомъ будущемъ полной остановки работъ: такихъ предпріятій насчитывается 19 съ составомъ рабочихъ до 7½ тысячъ человѣкъ".

Размѣры сокращенія работъ на отдѣльныхъ фабрикахъ были различны—„въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ 15—25% общей производительности: чаще всего встрѣчаются указанія, что путемъ уменьшенія числа рабочихъ смѣнъ, продолжительности рабочаго дня, или рабочей недѣли, или рабочихъ штатовъ, производство предпріятій сократилось на 30—50% и иногда на 75%".

Въ болѣе широкомъ размѣрѣ обслѣдованіе русской промышленности въ связи съ войной было произведено министерствомъ торговли и промышленности. Обслѣдованіе это охватило всю Европейскую Россію, кромѣ Царства Польскаго. По даннымъ обслѣдованія, относящимся къ 1 октября 1914 г., изъ общаго числа 7.921 предпріятія съ 1.466.810 раб. сократило производство 1.221 предпріятіе съ 554.059 рабочими; пріостановили производство 504 предпріятія съ 46.589 рабочими и увеличили производство 125 предпріятій, доведшихъ число рабочихъ съ 88.380 до 150.438 раб. Исходя изъ этихъ данныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что нормально развивается производство въ предпріятіяхъ съ 61,4% общаго числа рабочихъ, сократилось производство съ 37,7% рабочихъ, пріостановлено производство съ 0,3% рабочихъ и расширено производство съ 0,6%.

Обслѣдованіе министерства торговли даетъ болѣе благопріятную картину положенія нашей промышленности, чѣмъ обслѣдованіе московскаго общества. Это можетъ зависѣть отъ трехъ причинъ: или эта разница зависитъ отъ того, что

въ одномъ случаѣ обслѣдованіе производилось частной организаціей, а въ другомъ—правительственными чиновниками: или же положеніе московскаго района хуже, чѣмъ остальной Россіи, или же, наконецъ, за мѣсяцъ, протекшій между двумя анкетами положеніе нашей промышленности существенно улучшилось. Послѣднее вполнѣ возможно, такъ какъ министерство торговли приняло рядъ мѣръ для доставленія заводамъ необходимаго для нихъ сырья и топлива. „Центральный комитетъ по снабженію топливомъ", состоящій при министерствѣ, дѣйствуетъ очень энергично; въ то же время министерство организовало закупку заграницей металловъ, давшую весьма благопріятные результаты, „благодаря которымъ самая острая нужда въ металлахъ миновала, и многіе заводы, находившіеся наканунѣ пріостановки своей дѣятельности, въ настоящее время обезпечены металлами". Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство, совмѣстно съ министерствомъ путей сообщенія, примѣняетъ дѣятельныя мѣры къ улучшенію условій транспорта.

Вообще, хотя, несомнѣнно, наша промышленность существенно пострадала отъ войны, вліяніе войны на промышленность въ Россіи несравненно слабѣе, чѣмъ въ Германіи. Прежде всего, внѣшній рынокъ для германской промышленности имѣетъ огромное значеніе, между тѣмъ какъ большинство отраслей русской промышленности работаетъ почти исключительно на внутренній рынокъ. Затѣмъ, германская промышленность въ гораздо большей степени, чѣмъ русская, зависитъ отъ иностраннаго ввоза; разстройство внутренняго транспорта, благодаря войнѣ, потрясеніе кредита и пр. далеко превосходятъ въ Германіи то, что мы видимъ въ этомъ отношеніи въ Россіи. Наконецъ, и тѣ затрудненія производства, которыя связаны съ призывомъ на военную службу рабочихъ въ Россіи, совершенно незначительны сравнительно съ тѣмъ, что испытываетъ въ этомъ отношеніи Германія. Достаточно сказать, что въ то время какъ въ нашей промышленности число рабочихъ подъ вліяніемъ мобилизаціи сократилось на 12—15%, въ Германіи то же число сократилось на 40%.

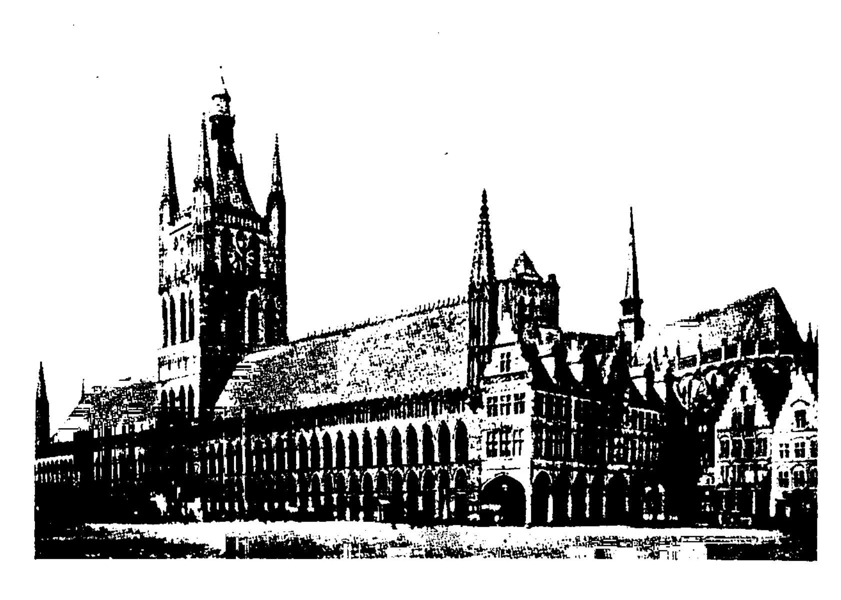
Несмотря на затруднительное положеніе многихъ отраслей нашей промышленности, о промышленномъ кризисѣ у

насъ не можетъ быть и рѣчи. Промышленный кризисъ выражаетъ въ общемъ паденіе цѣнъ. У насъ же замѣчается обратное—общая тенденція къ подъему цѣнъ. Это очень ярко обнаружилось и на Нижегородской ярмаркѣ. По словамъ оффиціальнаго отчета, „въ качествѣ общаго явленія на ярмаркѣ настоящаго года приходится отмѣтить тенденцію къ возростанію цѣнъ". И это неудивительно, ибо въ большинствѣ отраслей нашей промышленности сокращеніе производства было вызвано не паденіемъ спроса, а сокращеніемъ предложенія и вздорожаніемъ сырого матеріала для обработки и иныхъ средствъ производства (только въ желѣзодѣлательной и строительной промышленности наблюдалось рѣзкое сокращеніе спроса). При такомъ положеніи дѣла сокращеніе производства должно было сопровождаться подъемомъ цѣнъ, что и наблюдается въ дѣйствительности.

Напротивъ, при промышленномъ кризисѣ сокращеніе производства слѣдуетъ за сокращеніемъ спроса, почему уменьшеніе предложенія и не вызываетъ повышенія цѣнъ. Слѣдовательно, у насъ не промышленный кризисъ, возникающій на основѣ превышенія предложенія товаровъ сравнительно со спросомъ на нихъ, а нѣчто совершенно иное—превышеніе спроса на товары сравнительно съ предложеніемъ ихъ, сократившимся вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, не связанныхъ съ общей промышленной конъюнктурой.

VI.

Какъ бы то ни было, война несомнѣнно отразилась на нашей промышленности весьма значительно. Однако, отсюда было бы неправильно сдѣлать заключеніе, что такъ же существенно пострадало отъ войны и наше народное хозяйство вообще: никогда не слѣдуетъ забывать, что, какъ ни важна для Россіи промышленность, сельское хозяйство занимаетъ у насъ несравненно большее число рукъ, чѣмъ промышленное производство. Россія, въ общемъ, не промышленная, а сельскохозяйственная страна. Наше народное благосостояніе покоится, прежде всего, на сельскохозяйственномъ промыслѣ, который даетъ занятіе, приблизительно, 3/4 нашего населенія. Наша народная масса слагается, преимущественно, изъ крестьянъ, а не изъ фабричныхъ рабочихъ.



Г. Ипръ. Суконные ряды и ратуша.

Разрушенія послѣ бомбардировки.

Въ этомъ наиболѣе существенное отличіе Россіи отъ Германіи, и въ этомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключается причина несравненно большей выносливости русскаго народно-хозяйственнаго организма сравнительно съ германскимъ. По отношенію къ вліянію войны на промышленность между Россіей и Германіей существуетъ глубокое различіе къ выгодѣ нашего отечества—но различіе въ степени, а не по существу; по отношенію же къ вліянію войны на весь народно-хозяйственный организмъ между Россіей и Германіей различіе по существу.

Въ общемъ, нашъ народно-хозяйственный организмъ не только не разрушается войной (какъ это мы видимъ въ Германіи), но почти ея не чувствуетъ. Правда, промышленная дѣятельность разстроена у насъ до извѣстной степени войной, но это разстройство почти не проникаетъ до глубинъ нашей народной жизни. Хозяйство нашего крестьянина (кромѣ хозяйства запасныхъ и ополченцевъ, призванныхъ на военную службу и составляющихъ сравнительно небольшой процентъ общаго числа крестьянскихъ хозяйствъ) ни малѣйшимъ образомъ не потрясено войной. Въ этомъ отношеніи разница между Россіей и Германіей громадна, ибо продолженіе войны наталкивается для Германіи, за извѣстнымъ, не очень отдаленнымъ предѣломъ, на экономическую невозможность, между тѣмъ какъ мы, поскольку дѣло идетъ о нашемъ народномъ хозяйствѣ, можемъ вести войну годами.

Правда, первое время войны и у насъ раздавались пессимистическіе голоса, ожидавшіе отъ войны совершеннаго разстройства нашего сельскаго хозяйства. Дѣло въ томъ, что война почти прекратила экспортъ нашихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ заграницу, что создавало трудное положеніе для производителей нѣкоторыхъ земледѣльческихъ продуктовъ, напр., пшеницы и, особенно ячменя, такъ какъ для этихъ двухъ хлѣбовъ внѣшній рынокъ особенно важенъ.

	Средній сборъ въ 63 губ. и областяхъ Россіи по даннымъ отдѣла сельской экономіи за 1909—1913 г.г.	Вывозъ въ 1913 г. (милліоны пудовъ).
Рожь	1.370	40
Пшеница	1.103	203
Ячмень	616	240
Овесъ	869	36

Около 40% всего ячменя, производимаго въ Россіи, вывозится заграницу (преимущественно въ Германію) и почти пятая часть пшеницы; напротивъ, для овса и ржи внѣшній рынокъ имѣетъ ничтожное значеніе.

Поэтому, можно было опасаться, что прекращеніе экспорта вызоветъ сильное паденіе цѣнъ ячменя и пшеницы. Затѣмъ, изъ другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ внѣшній рынокъ имѣетъ большое значеніе для сбыта льна (въ 1913 г. было вывезено на 86,8 м. р.), яицъ (было вывезено въ томъ же году на 90,5 м. р.), молочныхъ продуктовъ (было вывезено на 71,1 м. р.), масляничныхъ сѣмянъ и жмыховъ (было вывезено на 72,9 м. р.), мяса (9,4 м. р.), птицы (9,5 м. р.), скота (9,9 м. р.). Закрытіе внѣшняго рынка для всѣхъ этихъ продуктовъ должно было, по мнѣнію многихъ (напр., кн. Д. И. Шаховскаго, проводившаго эту мысль въ печати и устныхъ докладахъ въ разныхъ обществахъ), совершенно разстроить наше сельское хозяйство.

Къ счастью, эти опасенія ни малѣйшимъ образомъ не оправдались. Прежде всего, оказалось, что урожай 1914 г. значительно хуже 1913 г. и даже ниже средняго за 1909—1913 г.

Сборъ хлѣбовъ въ Европейской Россіи по даннымъ отдѣла сельской экономіи и с. хоз. статистики:

	Въ среднемъ за 5 лѣтъ (1909—1914)	1913 г.	1914 г.
	(милліоны	пудовъ).	
Рожь	1.370	1.490	1.364
Пшеница	1.103	1.392	1.023
Ячмень	616	733	555
Овесъ	869	979	715
Итого	3.959	4.594	3.657

При такомъ низкомъ урожаѣ, избытки для вывоза не могли быть значительны. А между тѣмъ, закупки интендантскаго вѣдомства создали новый значительный рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ результатѣ, цѣны на сельскохозяйственные продукты, въ общемъ, не упали, а возросли. Изъ хлѣбовъ сильно возросли въ своей цѣнѣ, какъ и слѣдовало ожидать, овесъ и рожь—процентовъ на 15-20. Пшеница на мѣстахъ производства незначительно понизилась

въ цѣнѣ (на нѣсколько процентовъ), и немного больше понизился въ своей цѣнѣ ячмень.

Что касается цѣнъ на продукты животноводства, то въ этой области произошло нѣчто странное. Прекращеніе экспорта заграницу создавало тенденцію къ пониженію цѣнъ, тѣмъ болѣе, что неурожай кормовъ въ центральной и сѣверной Россіи вызвалъ массовую продажу скота. И, дѣйствительно, на мѣстахъ производства произошло значительное пониженіе цѣнъ продуктовъ животноводства. Такъ, въ Козловѣ цѣна 1 пуда мяса упала съ 6 р. 65 к. въ іюнѣ до 5 р. 50 к. въ ноябрѣ, въ Оренбургѣ за то-же время съ 6 р. 40 до 5 р., куры за пару упали въ Козловѣ за то же время съ 1 р. 50 к. до 90 к., въ Воронежѣ гуси упали даже съ 2 р. 60 к. за пару до 1 р. 20 к., яйца (за тысячу) съ 20 р. 75 к. до 20 р. Однако, на мѣстахъ потребленія отнюдь не замѣчалось общей тенденціи цѣнъ къ паденію—оптовыя цѣны на нѣкоторые продукты нѣсколько упали, на другіе возросли, розничныя же цѣны, въ общемъ, значительно повысились. Такъ, въ Петроградѣ оптовая цѣна мяса понизилась за то же время едва замѣтно—съ 7 р. 40 к. до 7 р. 20 к., цѣна куръ—съ 1 р. 75 к. до 1 р. 35 к., цѣна же яицъ повысилась съ 24—25 р. (за тысячу) до 27 р. 50 к., въ Москвѣ оптовая цѣна мяса понизилась съ 7 р. 20 к. до 7 р. 10 к., цѣна же свинины повысилась съ 7 р. 50 к. до 7 р. 60 к., цѣна утокъ повысилась съ 1 р. 20 к. (за пару) до 1 р. 50 к., яйца съ 24 р. до 27 р.

Первое время послѣ начала войны цѣны на продукты животноводства на мѣстахъ производства испытали стремительное паденіе, но затѣмъ быстро оправились. Высокій же уровень цѣнъ на мѣстахъ потребленія показываетъ, что нашему животноводству не приходится опасаться недостатка сбыта—закупки интендантскаго вѣдомства и тутъ сыграли свою роль.

За послѣдніе мѣсяцы въ хозяйственной жизни русскихъ городовъ выступило новое явленіе—чрезвычайный подъемъ цѣнъ на необходимые предметы потребленія. Эта быстро растущая дороговизна жизни сосредоточила на себѣ общее вниманіе и вызвала цѣлый рядъ совѣщаній, а отчасти и мѣропріятій правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Ростъ дороговизны принялъ столь угрожающіе раз-

мѣры, что съ разныхъ сторонъ указывается на желательность созданія особаго имперскаго учрежденія съ чрезвычайной властью для борьбы съ этимъ явленіемъ и снабженія городовъ необходимыми предметами потребленія.

Цѣны масла первое время также сильно упали на мѣстахъ производства, но подъ вліяніемъ закупокъ на нужды арміи поднялись, и теперь стоятъ немногимъ ниже, чѣмъ въ прошломъ году. Точно также и цѣна льна, упавшая въ началѣ, теперь значительно поднялась. Поддержанію цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ Государственный Банкъ, открывшій широкій кредитъ, въ томъ числѣ подъ масло и ленъ.

Вообще же, если наше сельское хозяйство чувствуетъ въ настоящее время нѣкоторое стѣсненіе, то это, главнымъ образомъ, благодаря недостатку рабочихъ рукъ. Война застала работы по уборкѣ хлѣба въ полномъ разгарѣ, но не помѣшала уборкѣ урожая; весной недостатокъ рабочихъ рукъ будетъ чувствоваться болѣе рѣзко.

Однако, недостатокъ рабочихъ рукъ поражаетъ преимущественно капиталистическое, и гораздо менѣе крестьянское трудовое хозяйство, которое у насъ далеко превосходитъ капиталистическое по своему значенію въ общей экономіи страны. Можно быть совершенно увѣреннымъ, что, какъ война не помѣшала своевременной уборкѣ хлѣба, такъ она не помѣшаетъ и весеннимъ полевымъ работамъ. Какъ ни велика численность нашихъ армій, но сравнительно съ общей численностью нашего населенія она выражается въ нѣсколько разъ меньшимъ процентомъ, чѣмъ, напр., въ Германіи.

Подводя итогъ сказанному, мы можемъ съ полной увѣренностью утверждать, что война не нанесла тяжелыхъ ударовъ нашему народнохозяйственному организму, который переноситъ тяжесть войны безъ разстройства своихъ основныхъ жизненныхъ функцій, сохраняя всю свою жизнеспособность и составляя въ этомъ отношеніи разительный контрастъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ Германіи.

Народное продовольствіе въ Германіи.

А. А. Чупровъ.

I.

Можно ли взять Германію голодомъ? Хватитъ ли ей хлѣба? Хватитъ ли какого ни на есть продовольствія до новой жатвы? Можетъ ли Германія продержаться? Или обречены на то, чтобъ разбиться объ истощеніе недоѣдающихъ народныхъ массъ, всѣ тѣ сверхъ-человѣческія усилія, которыя дѣлаются нынѣ германцами и на полѣ брани, и на поприщѣ внутренней организаціонной работы, перестраивающей на новыхъ основахъ хозяйственную и правовую жизнь 68-милліоннаго народа?

Съ самаго начала войны, съ того дня, когда выступила Англія, и германцы, и ихъ противники ставятъ себѣ съ напряженнымъ интересомъ эти вопросы. Отвѣта ждутъ отъ статистики. Никогда еще за многовѣковую исторію человѣчества не ощущалось такими громадными людскими массами съ такой остротой, какъ нынѣ, все значеніе правильно поставленнаго статистическаго учета. Съ трепетомъ въ сердцѣ поднимаютъ всѣ къ оракулу тревожные взоры. Что же отвѣчаетъ статистика?

Когда въ осажденной крѣпости возникаетъ опасеніе, что не хватитъ провіанта, въ ней подсчитываютъ запасы и число ѣдоковъ. Къ этой мѣрѣ прибѣгла и Германія, очутившись на положеніи осажденной крѣпости. Не довольствуясь статистическимъ обслѣдованіемъ запасовъ зерна и муки, произведеннымъ еще до войны и ранѣе сбора новой жатвы 1 іюля 1914 года, на основаніи закона 20 мая 1914 года, Союзный

Совѣтъ 29 октября постановилъ произвести 1 декабря новую перепись запасовъ. На первое же декабря приходилась очередная „малая“ перепись скота; не взирая на трудности военнаго времени, выполнили и ее, лишь нѣсколько сокративъ програму. Кромѣ того, по специальному постановленiю Союзнаго Совѣта 1 октября было произведено обслѣдованiе запасовъ корма для скота. Наконецъ, 1 февраля перепись запасовъ зерна и муки была повторена. Если бы намъ были доступны полученныя при этихъ обслѣдованiяхъ данныя, то было бы не слишкомъ трудно отвѣтить съ достаточной опредѣленностью на вопросъ, въ какой мѣрѣ населенiе Германiи обезпечено продовольствiемъ на 1914/15 сельскохозяйственный годъ. Но результаты переписей хранятся, по легко понятнымъ соображенiямъ, въ строжайшей тайнѣ; ихъ не открываютъ даже своимъ, отъ ока же чужеземцевъ ихъ оберегаютъ наравнѣ съ самыми отвѣтственными военными секретами. Такимъ образомъ, прямой путь къ рѣшенiю для насъ закрытъ. Если желать приблизиться къ отвѣту, приходится идти путями окольными, болѣе длинными и менѣе надежными. Въ замѣну непосредственнаго учета, къ которому обратилось германское правительство, мы вынуждены продѣлывать запутанныя выкладки надъ, порою не очень достовѣрными, иногда прямо гадательными, данными. Не вводя читателей во всѣ подробности утомительныхъ статистическихъ вычисленiй, я попытаюсь изложить въ главныхъ чертахъ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ осторожный анализъ доступныхъ намъ статистическихъ матерiаловъ. Я во многомъ использую при этомъ подсчеты одного выдающагося германскаго изслѣдованiя.

Незадолго передъ Рождествомъ вышелъ въ Германiи чрезвычайно интересный коллективный трудъ на тему: „Народное продовольствiе въ Германiи и англiйскiй планъ взять Германiю голодомъ [1]). Шестнадцать извѣстныхъ специали-

[1]) Die deutsche Volksernährung und der englische Aushungerungsplan. Eine Denkschrift von Fr. Aereboe, K. Ballod, Fr. Beyschlag, W. Caspari, P. Eltzbacher, H. Heyl, P. Krusch, K. Kuczynski, K. Lehmann, O. Lemmermann, K. Oppenheimer, M. Rubner, K. V. Rümker, Br. Tacke, H. Warmbold und N. Zuntz. Herausgegeben von P. Eltzbacher, Braunschweig, 1914. Въ дальнѣйшемъ я буду цитировать этотъ трудъ подъ именемъ Эльцбахера, чтобъ не приводить всякiй разъ всего длиннаго списка 16 авторовъ.

стовъ по разнымъ отраслямъ знанія—агрономы, статистики, гигіенисты-физіологи—посвятили четыре съ лишнимъ мѣсяца напряженной работы совмѣстному изученію вопроса. Работали дружно, не дѣля темы на кусочки между отдѣльными участниками, какъ это обычно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, а въ полномъ смыслѣ коллективно, рука въ руку: постоянно собирались вмѣстѣ и, оставляя авторское самолюбіе, вкладывали въ общее дѣло, что могли, изъ тѣхъ областей, гдѣ кто являлся наилучшимъ знатокомъ. Затѣмъ отредактировали и, за общей подписью всѣхъ шестнадцати, выпустили въ свѣтъ трудъ, являющійся, независимо отъ своего злободневнаго интереса, внушительнымъ памятникомъ германской способности къ организованной работѣ. Постановка вопроса въ этомъ изслѣдованіи не вполнѣ совпадаетъ съ той, какая насъ, собственно, интересуетъ, но выполненная его авторами колоссальная работа существенно облегчаетъ рѣшеніе и нашей задачи. У Эльцбахера рѣчь идетъ не о томъ, хватитъ ли Германіи продовольствія на время до урожая 1915 года; 1915 года изслѣдователи избѣгаютъ касаться—по мотивамъ, которые, какъ мы увидимъ, не трудно отгадать. Эльцбахеръ пытается заглянуть въ болѣе отдаленное будущее; его интересуетъ возможность для Германіи просуществовать безъ подвоза неопредѣленно долго,—возможность вести войну не годъ, а два, три года и долѣе.

Поставленная изслѣдованіемъ проблема естественно расчленяется на нѣсколько частей. Прежде всего, необходимо съ возможной тщательностью подсчитать, какою долею своего обычнаго потребленія Германія обязана импорту. Затѣмъ, надо учесть тѣ перемѣны, которыя длительная пріостановка ввоза неминуемо вноситъ въ хозяйственную жизнь—какъ въ области народнаго потребленія, такъ и въ сферѣ производства. Слѣдующій шагъ—продумать въ деталяхъ планъ наиболѣе раціональнаго использованія всѣхъ собственныхъ рессурсовъ страны. И уже какъ послѣднее звено, какъ конечный итогъ всѣхъ подсчетовъ, получается возможность оцѣнить, въ какой мѣрѣ страна можетъ быть длительно обезпечена продовольствіемъ безъ подвоза извнѣ при планомѣрномъ проведеніи въ жизнь всей выработанной схемы реорганизаціи народнаго хозяйства.

Я не буду слѣдить въ подробностяхъ за ходомъ послѣдовательной разработки всѣхъ частныхъ вопросовъ этой обширной программы. Я приведу лишь то изъ результатовъ Эльцбахеровскаго изслѣдованія, что можетъ послужить непосредственно къ освѣщенію нашей темы, облегчая для насъ оцѣнку степени обезпеченности германцевъ продовольствіемъ на время до осени 1915 года.

II.

Чтобъ учесть, въ какой долѣ германскій народъ покрываетъ свою потребность въ продовольствіи путемъ импорта, надо преодолѣть рядъ трудностей. Размѣры ввоза извѣстны болѣе или менѣе точно. Но размѣры внутренняго производства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и потребленія могутъ быть для многихъ продуктовъ установлены лишь приближенно, путемъ сложныхъ выкладокъ. Гусей было, напримѣръ, ввезено въ 1912 году 8.606.622 штуки. Своихъ гусей по переписи 2 декабря 1912 года насчитывалось 6.721.802. Ввезенные гуси,— можно принять безъ большого риска,—были въ томъ же году и потреблены. А сколько было съѣдено своихъ гусей, въ точности неизвѣстно: убой домашней птицы не регистрируется и въ Германіи. Или другой примѣръ: въ 1913 году было ввезено 8.287 тоннъ вишенъ. Это число установлено съ достаточной точностью. Но чтобъ прикинуть, сколько вишенъ было въ томъ же году собрано внутри страны, приходится продѣлывать запутанныя вычисленія: въ 1900 году насчитывалось во всей Германіи 21.547.683 вишневыхъ дерева; данныя болѣе поздней переписи, 1 декабря 1913 года, показали для Пруссіи ростъ числа вишневыхъ деревьевъ на 17%; если принять, что ростъ шелъ тѣмъ же темпомъ и въ другихъ союзныхъ государствахъ, то на 1 декабря 1913 года мы получимъ для всей Германіи 25.211.000 вишневыхъ деревьевъ. Средній сборъ съ одного дерева можно положить около 9 килограммовъ. Это дастъ для внутренняго производства вишенъ въ 1913 году 226.900 тоннъ. Гороху было ввезено въ 1912 году 371.196 тоннъ; сколько гороха собрано въ Германіи, свѣдѣній нѣтъ, такъ какъ оффиціальная урожайная статистика не учитываетъ сбора гороха, бобовъ, че-

чевицы, гречихи и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ по своему значенію продуктовъ земледѣлія. Приходится и тутъ исходить при оцѣнкѣ отъ почерпнутыхъ изъ жизни приближенныхъ представленій.

Мы можемъ, такимъ образомъ, сравнительно легко подсчитать, чего именно Германія лишается съ прекращеніемъ подвоза извнѣ. Но что эти потери составляютъ въ общей экономіи страны,—много или мало—объ этомъ приходится судить съ большою осторожностью. Авторитетные расчеты такихъ выдающихся знатоковъ, какъ 16 участниковъ Эльцбахеровскаго изслѣдованія, являются здѣсь для насъ въ высшей степени цѣннымъ подспорьемъ.

Другая трудность заключается въ томъ, какъ соизмѣрить количества разныхъ ввозимыхъ и производимыхъ внутри страны продуктовъ. Не складывать же пуды пшеницы съ пудами картофеля или кормоваго ячменя, яйца и масла со жмыхами? Еще, пожалуй, хуже было бы складывать стоимость продуктовъ въ рубляхъ или маркахъ. Ибо на рубль пшеницы и на рубль скармливаемыхъ скоту жмыховъ—опять таки количества, далеко не равноцѣнныя съ точки зрѣнія народнаго питанія. Трудности не существовало бы, если-бъ ввозъ составлялъ для всѣхъ продуктовъ приблизительно одну и ту же долю ихъ общаго потребленія. Тогда зависимость Германіи въ ея питаніи отъ импорта и характеризовалась бы размѣрами этой доли. Но привозъ пшеницы и пшеничной муки составляетъ въ среднемъ за два послѣднихъ передъ войной года 47% внутренняго производства, ввозъ картофеля—лишь 3%, ржи же и ржаной муки больше вывозится изъ Германіи, чѣмъ ввозится. Чтобъ имѣть право подвести общій итогъ, надо, очевидно, такъ или иначе расцѣнить всѣ продукты по ихъ дѣйствительному значенію для человѣческаго продовольствія. При этомъ тѣ продукты, что идутъ прямо въ пищу человѣку, могутъ быть оцѣнены по ихъ непосредственной питательности. Но какъ быть съ тѣми, которые предварительно скармливаются скоту или проходятъ иной болѣе или менѣе длинный путь до потребленія человѣкомъ? Въ 1913 г. ввезено, напримѣръ, 3.238.213 тоннъ ячменя. Часть его—151.146 тоннъ—предназначалась для пивоваренія. Нѣкоторая доля шла прямо въ пищу. Но больш ая

часть скармливалась скоту, преимущественно, свиньямъ и поступала на столъ уже въ видѣ окороковъ, колбасъ, свинаго сала и т. п. Чтобъ оцѣнить значеніе импорта ячменя для народнаго питанія, необходимы, слѣдовательно, очень сложные расчеты. Въ подобныхъ расчетахъ много, конечно, произвольнаго. Но для того, чтобъ составить представленіе о зависимости отъ ввоза народнаго питанія въ его цѣломъ, нѣтъ, въ сущности, иного пути.

Задача расцѣнить такимъ образомъ всю совокупность предметовъ народнаго питанія—сложности, трудно вообразимой. Она предъявляетъ къ разносторонности знаній требованія, которымъ не въ состояніи отвѣтить никакой энциклопедистъ. Лишь совокупный трудъ удачно подобранныхъ спеціалистовъ способенъ дать ей сколько-нибудь удовлетворительное рѣшеніе. И если бы не приходилъ намъ на помощь научный авторитетъ 16 изслѣдователей, продѣлавшихъ, въ сознаніи долга передъ родиной, эти отвѣтственныя выкладки со всей мыслимой тщательностью, то лучше было бы и не пытаться подходить къ этой задачѣ во всемъ ея объемѣ. Правильнѣе было бы искать иныхъ путей, еще болѣе произвольныхъ и отдаленныхъ.

Разсматривая человѣческій организмъ, какъ рабочую машину, физіологи расцѣниваютъ поглощаемую человѣкомъ пищу, какъ источникъ энергіи, съ одной стороны, и какъ матеріалъ для постройки и ремонта машины, съ другой. Результатъ расцѣнки съ первой точки зрѣнія выражается въ числѣ калорій, которыя перевариваемая пища даетъ въ распоряженіе организма; что касается поставки матеріала, то здѣсь существеннѣйшее значеніе имѣетъ количество бѣлковъ, содержащихся въ пищѣ въ удобоусвояемой для человѣка формѣ. Эти два элемента Эльцбахеровское изслѣдованіе и кладетъ въ основу расчетовъ. Ржи, напримѣръ, собиралось въ Германіи въ среднемъ за 1912 и 1913 годы 11.910.342 тонны; за вычетомъ сѣмянъ, расхода на кормъ скоту и т. д., остается для людскаго потребленія 8.124.253 тонны; если скинуть отсюда перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ (531.757 тоннъ), перевести затѣмъ зерно въ муку по разсчету нормальнаго вымола въ 70%, скинуть перевѣсъ вывоза ржаной муки надъ ввозомъ (195.942 тонны), то въ ко-

нечномъ итогѣ для человѣческаго потребленія останется 5.118.800 тоннъ. Но 5.118.800 тоннъ ржаной муки, это— 16.483 милліарда калорій, 343 тысячи тоннъ бѣлка. Продѣлывая подобные расчеты для пшеницы, для картофеля и т. д. (см. таблицу № 1), Эльцбахеръ получаетъ 46.653 милліарда калорій и 1.123.700 тоннъ бѣлка. На долю импорта приходится изъ этого количества 10% калорій и 14% бѣлка.

Таблица № 1.

	Потребленіе продуктовъ полеводства (въ среднемъ за 1912 и 1913 гг.).				
	Внутреннее производство.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.	Потребленіе.	Бѣлка.	Калорій милліардовъ.
	Тысячъ тоннъ.				
Рожь	5687,0	—568,2	5118,8	343,0	16483
Пшеница	2892,5	1367,2	4259,2	374,9	13887
Полба	256,5	—1,6	254,9	22,4	831
Ячмень	306,0	132,7	438,7	37,7	1373
Овесъ	231,3	—57,4	173,9	18,3	591
Гречиха, просо	127,5	41,2	168,7	12,1	547
Рисъ	—	212,1	212,1	12,5	706
Горохъ, чечевица, бобы	400	310,8	710,8	120,8	1877
Картофель	13623,5	373,2	13996,7	182,0	10358
Итого	23524,3	1810,0	25334,3	1123,7	46653

Подобные подсчеты выполняются для всѣхъ предметовъ народнаго питанія, какъ ввозимыхъ извнѣ, такъ и производимыхъ внутри страны. Не упускаются самыя мелочныя слагаемыя. Засчитываются въ общій итогъ и 8 тысячъ тоннъ ввозимыхъ въ Германію вишенъ и 227 тысячъ тоннъ вишенъ, которыя собираются съ имѣющихся въ Германіи 25211 тысячъ вишневыхъ деревьевъ, и 15 тысячъ тоннъ меда, производимаго внутри страны по даннымъ за 1912 г., и 2 тысячи тоннъ ввозимаго меда, и яйца, и яичный желтокъ, котораго импортируется около 4 тысячъ тоннъ, и дичь—800 тысячъ штукъ фазановъ, 5½ милліоновъ зайцевъ и т. д. Скрупулезно высчитывается, какою долею своей свинины, баранины, конины

Германія обязана ввозимымъ изъ за границы кормамъ. Не забываются ни сто тоннъ мяса отъ 7740 собакъ, идущихъ въ Германіи по оффиціальнымъ даннымъ въ среднемъ за годъ на пищу людскую, ни кролики, ни голуби. Подскребаютъ, словомъ, по всѣмъ сусѣкамъ. Въ итогѣ получается, какъ общій расходъ пищи въ среднемъ за два послѣднихъ передъ войной года (см. таблицу № 2): 88.649 милліардовъ калорій, 2.261.900 тысячъ тоннъ бѣлка. Въ томъ числѣ ввоза: 20% общаго числа калорій и 28% бѣлка.

Таблица № 2.

	Потребленіе пищевыхъ продуктовъ (въ среднемъ за 1912 и 1913 гг.).			
	Калорій милліардовъ		Бѣлка тысячъ тоннъ.	
	Все потребленіе.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.	Все потребленіе.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.
	I. Растительная пища.			
Продукты полеводства	46653	4778	1123,7	160,7
„ огороднич.	1944	84	75,3	3,3
„ садоводства	2117	642	23,2	6,2
Сахаръ и медъ	4745	—2338	0,1	—
Растительные жиры	1715	1478	—	—
Какао	273	273	3,0	3,0
Алкогольные напитки	4219	474	27,0	3,4
Итого	61666	5391	1252,3	176,6
	II. Животная пища.			
Мясо, жиры	14242	4655	431,9	85,0
Рыба	490	346	52,4	33,7
Молочные продукты	11633	6764	478,5	311,2
Яйца	618	256	46,8	19,1
Итого	26983	12021	1009,6	449,0
Всего	88649	17412	2261,9	625,6

Таковъ расходъ пищи за 1912—13 г.г. Но съ тѣхъ поръ населеніе успѣло вырости процента на два. Чтобъ прокормить его такъ, какъ оно питалось до войны, сейчасъ нужно было бы 90,4 билліона калорій и 2,3 милліона тоннъ бѣлка Если бы не война, то съ ростомъ населенія возросло бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, примѣрно въ той же пропорціи, и внутреннее производство пищи. По военному времени уповать на это нельзя. Напротивъ, внутреннее производство пищевыхъ продуктовъ неминуемо должно упасть. Чтобъ въ нѣкоторой мѣрѣ съ этимъ считаться, Эльцбахеровское изслѣдованіе дѣлаетъ скидку въ 5% съ полученнаго итога пищевого довольствія внутренняго производства. Такимъ образомъ, при отсутствіи подвоза извнѣ и въ предположеніи, что въ народное хозяйство не вносится планомѣрныхъ перемѣнъ, Германія можетъ разсчитывать получить внутри страны пищи на 67,7 билліоновъ калорій и 1,55 милліоновъ тоннъ бѣлка, — недоборъ въ калоріяхъ на ¼, въ бѣлкѣ на ⅓ противъ количества, которое потребно для поддержанія обычнаго образа жизни. Вотъ размѣры отказа въ пищѣ, на который германцамъ приходилось бы идти въ такихъ условіяхъ.

Чтобъ составить себѣ болѣе ясное понятіе о лишеніяхъ, съ которыми это сопряжено, представляетъ интересъ прикинуть на тѣ нормы, какія выводитъ физіологія. Сколько требуется человѣку на день калорій, сколько бѣлка? Отвѣты спеціалистовъ сильно расходятся. Участники Эльцбахеровскаго изслѣдованія полагаютъ въ основу расчетовъ 3000 калорій и 80 граммовъ бѣлка въ день на взрослаго мужчину. Извѣстныя нормы Фойта требуютъ около 105 граммовъ бѣлка. Недавнія изслѣдованія Шумбурга приводятъ, наоборотъ, къ нѣсколько болѣе низкой нормѣ,—къ 70 граммамъ. А эксперименты американца Читтендена показали, что можно довольно долго существовать даже при 50—60 граммахъ безъ замѣтнаго ущерба для здоровья. Нѣтъ далѣе между спеціалистами полнаго единства взглядовъ и по вопросу о томъ, въ какомъ соотношеніи стоитъ потребность въ бѣлкѣ мужчины и женщины, взрослаго работника и дѣтей или старцевъ. Все это приводитъ къ изрядной неопредѣленности въ оцѣнкѣ. Принятыя изслѣдованіемъ нормы даютъ для на-

селенія Германіи на 1 января 1911 года суточную потребность въ бѣлкѣ въ 4203 тонны; Фойтовы нормы привели бы къ 4777 тоннамъ; съ другой стороны, иной расчетъ женской и дѣтской нормы могъ бы сократить потребное количество до 3964 тоннъ. Дѣйствительный расходъ бѣлка составлялъ въ Германіи до войны около 6200 тоннъ въ день,—93 грамма на душу въ среднемъ безъ различія пола и возраста.

Еще значительнѣе неопредѣленность при расцѣнкѣ потребности въ калоріяхъ. Въ расходѣ энергіи отдѣльными лицами наблюдаются громадныя различія въ зависимости отъ различнаго характера труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, существуетъ и бо́льшая разница въ запросѣ на пищу. Если, напримѣръ, врачъ, по расчетамъ Рубнера, можетъ обходиться 2445 калоріями на день, то для баварскаго дровосѣка потребно 6100 калорій. Найти среднюю, конечно, не легко. Дальнѣйшая трудность заключается и здѣсь въ установленіи правильной пропорціи между нормами мужской, женской, дѣтской. Одна изъ предлагаемыхъ въ литературѣ схемъ приводитъ для населенія Германіи на 1 января 1911 года при переводѣ на норму взрослаго мужчины, какъ единицу, къ 46,3 милліонамъ единицъ; другая—къ 52,7 милл.; нормы Рубнера, одного изъ участниковъ Эльцбахеровскаго изслѣдованія, даютъ 51 милл. единицъ; нормы Цунца, также участника изслѣдованія, — лишь 49,7 милл. Эльцбахеровское изслѣдованіе остановилось, въ концѣ концовъ, на 49,5 милл., какъ средней арифметической изъ результатовъ вычисленій по шести наиболѣе популярнымъ схемамъ. Не лишено интереса отмѣтить, что это ниже и рубнеровскаго, и цунцевскаго расчета.

Исходя изъ выбранныхъ послѣ осторожнаго взвѣшиванія физіологическихъ нормъ и изъ предположительной численности населенія къ настоящему времени въ 68 милліоновъ душъ, Эльцбахеровское изслѣдованіе получаетъ расцѣнку физіологической потребности Германіи въ пищѣ: $56^3/_4$ билліоновъ калорій, 1,60 милліоновъ тоннъ бѣлка. Собственное производство способно дать, какъ мы видѣли, 67,7 билліоновъ калорій и 1,55 милл. тонъ бѣлка. Калорій германскій народъ въ состояніи получить изъ собственнаго хозяйства

нѣсколько больше, чѣмъ требовалось бы для питанія по нормамъ физіологовъ. Но запаса собственнаго бѣлка немного не хватаетъ даже противъ далеко не щедрыхъ физіологическихъ нормъ.

III.

Покрывая собственнымъ производствомъ пищевыхъ продуктовъ свою потребность въ калоріяхъ лишь на три четверти, а потребность въ бѣлкахъ всего на двѣ трети, Германія съ апрѣля, мая должна была бы остаться безъ пищи, если бы при отсутствіи подвоза продолжала придерживаться сложившихся привычекъ веденія хозяйства. А если бы, не мѣняя хозяйственныхъ плановъ, германцы предусмотрительно распредѣлили равномѣрно на весь годъ имѣющійся запасъ пищевого довольствія, то они могли бы лишь съ небольшимъ избыткомъ покрывать физіологическую потребность въ калоріяхъ, бѣлковъ же едва хватило бы въ обрѣзъ по умѣреннымъ физіологическимъ нормамъ. Въ эти мало для Германіи утѣшительные выводы Эльцбахеровскаго изслѣдованія, мы должны, съ нашей точки зрѣнія, внести рядъ существенныхъ поправокъ.

Расчеты Эльцбахера не пріурочены къ текущему сельскохозяйственному году; они исходятъ изъ данныхъ за 1912 и 1913 годы. Между тѣмъ, для рѣшенія вопроса, въ состояніи ли германцы протянуть до будущаго урожая, существенно, конечно, не то, сколько они собирали съ своихъ полей пшеницы, ржи и т. д. за годы передъ войной; важно, сколько они свезли въ житницы осенью 1914 года. Выведенная Эльцбахеромъ цифра пищевого дефицита можетъ и возрости, можетъ, съ другой стороны, и сократиться, въ зависимости отъ того, каковъ былъ урожай этого года по сравненію съ предшествующими. И если мы грубо прикинемъ по имѣющимся данымъ такую поправку, то безъ труда поймемъ, почему Эльцбахеръ и его товарищи предпочли обойти жгучій вопросъ о текущемъ годѣ: впечатлѣніе отъ ихъ выкладокъ и выводовъ и безъ того получается достаточно внушительное, чтобъ подвинуть на рѣшительныя мѣры; возбуждать же острый страхъ за ближайшее будущее казалось

не тактичнымъ; вмѣсто стимула къ энергичной работѣ изслѣдованіе могло бы, пожалуй, привести къ противоположному результату,—отъ унынія опустились бы руки.

1912 годъ былъ въ Германіи по урожаю рекорднымъ. И ржи, и пшеницы, и картофеля родилось, какъ никогда. 1913 годъ побилъ рекорды 1912 года. 12,2 милліона тоннъ ржи, 4,66 милл. тоннъ пшеницы, 54 милл. тоннъ картофеля было собрано въ этомъ благодатномъ году, въ то время какъ въ прежніе годы, если оставить 1912 г., сборъ ржи только разъ доходилъ до 11,3 милл. тоннъ, сборъ пшеницы лишь въ 1911 году поднимался до 4 милліоновъ, а сборъ картофеля только въ 1905 году превышалъ немного 48 милл. тоннъ. Каковъ урожай 1914 года, мы въ точности не знаемъ. Но можно съ увѣренностью утверждать, что онъ далеко не изъ рекордныхъ. Виды на урожай были отличные, и къ концу лѣта, въ началѣ осени ожидаемый сборъ цѣнили высоко; можно было даже думать, что онъ не уступитъ прошлогоднему. „Я могу съ абсолютной увѣренностью утверждать“,—писалъ Рубнеръ въ № 40 журнала „Deutsche medizinische Wochenschrift“, „что ржи и пшеницы, вмѣстѣ взятыхъ, собрано нами совершенно достаточно, чтобъ покрыть нашу потребность въ хлѣбѣ и въ мукѣ, и что даже еще останется нѣкоторый избытокъ“. Однако, по мѣрѣ того, какъ урожай опредѣлялся и выяснялся, цифры сбора все понижались. Еще въ началѣ августа сборъ озимой пшеницы въ Пруссіи оцѣнивался въ 2,29 милл. тоннъ, къ началу сентября оцѣнка опустилась до 2,18 милл. Предполагаемый сборъ ржи за то же время понизился съ 8,95 милл. до 8,40. Между тѣмъ, въ 1913 году было собрано въ Пруссіи озимой пшеницы 2,57 милл., ржи 9,37 милл. Та же картина наблюдалась въ другихъ частяхъ Германіи. „Въ Баваріи“, свидѣтельствуетъ Геймъ [1]), „рожь уродилась такъ плохо, что ея только хватитъ на посѣвъ да на собственное хозяйство. О томъ же сообщаютъ изъ Вюртемберга и изъ Бадена. Здѣсь снова обнаружилось,—на что практики давно указываютъ,—что сборъ можно оцѣнить лишь послѣ молотьбы, а не на глазъ

---

[1]) G. Heim, Die Verordnungen des Bundesrates vom 28 Oktober, 4 November etc. und die Volksernährung. Regensburg, 1914.

по тому, что стоитъ на полѣ". Общій сборъ ржи и пшеницы въ 1914 году извѣстный спеціалистъ Браунъ [1]) оцѣниваетъ (за вычетомъ сѣмянъ) въ 12, 4 милл. тоннъ, и самыя льготныя оцѣнки не превышаютъ 13 милл. тоннъ. Противъ средней за 1912—13 г.г.—недоборъ въ добрыхъ два съ половиной милліона тоннъ.

Еще болѣе тяжелое разочарованіе далъ сборъ картофеля. Съ начала его оцѣнивали очень высоко. Въ помѣченной октябремъ работѣ Брауна количество имѣющагося въ распоряженіи картофеля (за вычетомъ потребнаго для посѣва) опредѣляется еще въ 45,8 милл. тоннъ,—правда, уже съ оговоркой въ примѣчаніи, что по послѣднимъ свѣдѣніямъ приходится, повидимому, эту цифру понизить примѣрно до 43 милл. Позднѣйшая оцѣнка Германскаго Сельскохозяйственнаго Совѣта заставляетъ и съ этой пониженной цифры сдѣлать еще скидку милліона въ два тоннъ. Противъ средней за 1912—13 г.г.—недоборъ въ 10%.

Прилагая расчеты Эльцбахера къ настоящему году, мы должны, слѣдовательно, значительно убавить размѣры того запаса калорій и бѣлка въ пищѣ собственнаго германскаго производства, къ которымъ они привели. Сколько надо скинуть? Не будемъ, въ погонѣ за мнимою точностью, выражать скидку въ милліардахъ калорій и тоннахъ бѣлка. Подойдемъ лучше къ ея оцѣнкѣ другимъ путемъ. Въ среднемъ за 1912 и 1913 годы Германія вывозила за границу своей ржи 800 тысячъ тоннъ въ годъ (въ переводѣ на зерно и избытка вывоза ржаной муки). Въ то же время она ввозила въ годъ 1770 тысячъ тоннъ пшеницы. Если бы Германія въ текущемъ году совсѣмъ остановила вывозъ ржи, а въ то же время ввезла все привычное количество пшеницы полностью, она только покрыла бы разницу въ сборѣ ржи и пшеницы въ 1914 году противъ средней за 1912 и 1913 г.г.

Этотъ расчетъ даетъ намъ опорную точку для внесенія

[1]) Kann Deutschland durch Hunger besiegt werden? Eine Kriegsbetrachtung von Fr. v. Braun, Ministerialrat und Vorstand der Abteilung für Landwirtschaft im K. Bayer. Staatsministerium des Innern. München, 1914. Браунъ былъ представителемъ Баваріи при выработкѣ указовъ о предѣльныхъ цѣнахъ.

другой существенной поправки въ выводы Эльцбахеровскаго изслѣдованія. Участники изслѣдованія исходятъ при своихъ выкладкахъ изъ предположенія, что весь товарообмѣнъ Германіи съ внѣшнимъ міромъ пріостановленъ на чисто. Въ дѣйствительности это, конечно, не такъ. Германія продолжаетъ и ввозить и вывозить. Смежныя нейтральныя страны обмѣниваются съ нею своими продуктами; ихъ посредничество открываетъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, для Германіи возможность получать товары—въ частности, продукты питанія,—и изъ странъ болѣе далекихъ,—въ томъ числѣ даже изъ странъ враждебныхъ. Въ какомъ количествѣ удается дѣйствительно использовать эту возможность для ввоза предметовъ продовольствія, неизвѣстно. Но можно увѣренно сказать, что подвозъ не можетъ быть великъ. Ни Голландія, ни Швеція, ни Данія не могутъ предложить избытковъ своего производства. Имъ самимъ всегда приходится питаться за счетъ импорта; ихъ же обычный вывозъ—молочные продукты, скотъ—покоится всецѣло на подвозѣ кормовъ изъ за границы. Въ текущемъ году они сами испытываютъ не малыя затрудненія по части пропитанія, такъ какъ подвозъ со стороны главныхъ поставщиковъ Европы крайне стѣсненъ: Россія вывозитъ минимальныя количества, доставка изъ за океана—сильно затруднена. Притомъ и урожай былъ въ этомъ году неважный. Въ Швеціи уже около Рождества начали поговаривать о томъ, что не миновать и шведамъ переходить, на подобіе германцевъ, къ хлѣбу съ подмѣсью картофеля. Въ такихъ условіяхъ не могъ быть значителенъ и транзитъ, поскольку онъ даже не былъ закрытъ прямыми запретами вывоза. Изъ другихъ пограничныхъ съ Германіей странъ—Швейцарія сама страшится надвигающагося голода. Италія нуждается въ импортѣ больше обычнаго, такъ какъ сборъ былъ не изъ высокихъ, и стоитъ передъ продовольственнымъ кризисомъ въ виду трудности подвоза. Въ Австріи положеніе, судя по доходящимъ извѣстіямъ, еще острѣе, чѣмъ въ Германіи. Остаются, такимъ образомъ, въ сущности лишь Венгрія и Румынія, въ качествѣ сколько-нибудь серьезныхъ источниковъ снабженія. Но Венгрія, собравшая въ этомъ году, по даннымъ Международнаго Сельскохозяйственнаго Института въ Римѣ, пшеницы на 1/6 меньше 1913 года,

ревниво оберегаетъ свои запасы отъ притязаній даже со стороны Австріи. Въ Румыніи же урожай (по свѣдѣніямъ изъ того же источника, подтверждаемымъ и иными свидѣтельствами, напр. сообщеніями германскаго консула въ Букарестѣ) много ниже средняго: пшеницы собрано на 10 милл. дв. центнеровъ меньше, чѣмъ въ прошломъ году (12,6 милл. вмѣсто 22,9), овса 3,4 милл. дв. ц. (въ 1913 г. 5,3 милл.), ячменя 5,1 милл. (въ 1913 г. 6,0 милл.), маиса 28 милл. (въ 1913 г. 31,1 милл.).

Мы видимъ, что подвозъ изъ за границы не могъ быть значителенъ. Между тѣмъ, чтобъ только покрыть недоборъ пшеницы и ржи противъ средней за 1912/13 г.г., Германіи надо было бы ввезти въ этомъ году полностью столько, сколько она ввозила передъ войной. Ясно, такимъ образомъ, что, несмотря на нѣкоторую возможность подвоза, положеніе Германіи, въ дѣйствительности, еще хуже въ настоящемъ году, нежели рисуетъ его Эльцбахеровское изслѣдованіе въ предположеніи полной отрѣзанности Германіи отъ внѣшняго міра.

Картина мало мѣняется, если внести дальнѣйшую поправку на запасы, которые могли имѣться въ Германіи къ началу войны. Въ обычное время Германія не держала большихъ запасовъ зерна. Наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій, въ іюльской книжкѣ журнала „Preussische Jahrbücher", проф. Баллодъ, одинъ изъ участниковъ Эльцбахеровскаго изслѣдованія, указывалъ съ тревогою на малые размѣры запасовъ, на ихъ полную недостаточность для обезпеченія продовольствія въ случаѣ перерыва подвоза; Баллодъ предлагалъ, какъ неотложную мѣру на случай войны, образованіе большихъ запасовъ зерна и храненіе ихъ въ спеціально для того сооружаемыхъ государствомъ зернохранилищахъ. Призывъ Баллода успѣха не имѣлъ, да, въ сущности, уже и не могъ имѣть, такъ какъ война разразилась почти одновременно. „Требованіе Баллода не было выполнено",—съ горечью свидѣтельствуетъ Эльцбахеръ. Никакихъ шаговъ къ образованію запасовъ государствомъ предпринято не было. Думать же, чтобъ запасы сами, безъ планомѣрныхъ о томъ заботъ, значительно возросли въ 1914 году противъ обычнаго уровня, нѣтъ основаній. Браунъ склоненъ, правда, предполагать, что

осенью 1914 года запасы зерна были тысячъ на триста тоннъ выше, чѣмъ въ прежніе годы. Но его расчеты не только малоубѣдительны; въ нихъ вкралась прямая ошибка. Если ошибку устранить, никакого превышенія не остается. Прикидывая по нормамъ потребленія предшествующихъ лѣтъ, сколько ржи и пшеницы требовалось для Германіи въ 1913 г. и сравнивая съ превосходнымъ урожаемъ этого года, Браунъ находитъ, что дефицитъ составлялъ около 1,1 милл. тоннъ; превышеніе же ввоза надъ вывозомъ равнялось 1,4 милл. тоннъ. Отсюда заключеніе, что долженъ былъ остаться въ странѣ, въ видѣ запаса, избытокъ ввезеннаго количества надъ потребнымъ—300 тысячъ тоннъ. Но не говоря уже о томъ, что потребленіе отъ года къ году колеблется и въ годъ очень хорошаго урожая легко могло нѣсколько подняться, въ 1913 г. уборка была очень плохая, такъ что, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ Браунъ, много хлѣба пришлось скормить скоту. Уже это дѣлаетъ допущеніе, будто было ввезено больше, чѣмъ требовалось, мало правдоподобнымъ. А вдобавокъ, при вычисленіи потребнаго количества, Браунъ по недосмотру положилъ въ основаніе выкладокъ не ту цифру населенія, которую надо было взять, а на одинъ милліонъ меньшую. Если вычислить, какъ слѣдуетъ, то ни о какомъ резервѣ, который могъ бы повысить запасы, не можетъ быть рѣчи. Далѣе слѣдуетъ принять во вниманіе, что Браунъ пользуется данными о ввозѣ и вывозѣ за 1913 календарный годъ. Въ германской же прессѣ мнѣ встрѣчались сѣтованія по поводу того, что пресловутая система зачетныхъ вывозныхъ свидѣтельствъ повела какъ разъ къ концу сельскохозяйственнаго года, т. е. непосредственно передъ войной, къ усиленному экспорту ржи. Кромѣ того, въ началѣ войны было разрѣшено вывезти 2500 вагоновъ ржи въ Швейцарію,—слабость, за которую теперь рѣзко осуждаютъ правительство. Если все это взвѣсить, то можно, не колеблясь, признать, что и присоединеніе имѣвшихся въ началѣ войны запасовъ къ тому, что могло быть ввезено послѣ начала войны изъ за границы, не покроетъ разницы между сборомъ нынѣшняго 1914 года и тѣмъ среднимъ сборомъ за 1912—13 гг., который положенъ въ основу расчетовъ Эльцбахеровскаго изслѣдованія. Если къ этому еще добавить, что германская уро-

жайная статистика, вообще, преувеличиваетъ размѣры сбора— процентовъ на 15, по мнѣнію такого компетентнаго судьи, какъ проф. Баллодъ,—то мы придемъ къ весьма существенному для насъ выводу: дѣйствительный пищевой запасъ, съ которымъ Германія вступила въ текущій сельскохозяйственный годъ, ниже того, что дали вычисленія Эльцбахера. Исходя изъ послѣднихъ, мы недооцѣниваемъ пищевой дефицитъ 1914/15 года и рисуемъ степень обезпеченности Германіи продовольствіемъ не въ преувеличенно мрачныхъ, а, напротивъ, въ слишкомъ свѣтлыхъ тонахъ. Несмотря на изрядную неопредѣленность многихъ изъ нашихъ данныхъ, это положеніе можно признать неоспоримымъ.

Посмотримъ теперь, что это значитъ.

IV.

Чтобъ питаться такъ, какъ населеніе привыкло, Германіи надо на годъ, по расчетамъ Эльцбахеровскаго изслѣдованія, пищевыхъ продуктовъ примѣрно на 90 билліоновъ калорій и 2,3 милл. тоннъ бѣлка. Чтобъ только прокормиться, покрывая потребность въ пищѣ въ предѣлахъ физіологическихъ нормъ, требуется 57 билліоновъ калорій и 1,6 милл. тоннъ бѣлка. Запасъ же, которымъ германцы могли бы располагать, въ предположеніи, что въ привычные способы хозяйствованія не вносится планомѣрныхъ перемѣнъ, не превышаетъ въ текущемъ году 67,7 билл. калорій и 1,55 милл. тоннъ бѣлка. Можно скорѣе полагать, что онъ въ дѣйствительности значительно ниже.

Если бы имѣющійся запасъ продовольствія былъ поровну раздѣленъ между всѣми, то и тогда лишь при строжайше равномѣрномъ распредѣленіи его на весь годъ можно было бы избѣжать голода въ концѣ года,—голода въ буквальномъ смыслѣ, т. е. такого недоѣданія, которое грозитъ организму прямымъ истощеніемъ. Каждый день промедленія послѣ начала военныхъ дѣйствій все непоправимѣе нарушалъ и безъ того непрочное равновѣсіе. „Предположимъ",—разсуждаетъ Эльцбахеръ—„что въ теченіе полугода мы живемъ такъ, какъ будто бы войны не было. Тогда на второе полугодіе намъ осталось бы лишь $22^1/_2$ билліона калорій и 400 тыс. тоннъ бѣлка.

Между тѣмъ, наша физіологическая потребность въ пищѣ на полъ-года измѣряется 28,4 билліонами калорій и 800 тысячами тоннъ бѣлка. На вторую половину года намъ не хватило бы 21% калорій и половины бѣлка. Въ этомъ трагизмъ нашего положенія".

Положеніе, при которомъ за полъ-года рискуютъ быть потреблены двѣ трети имѣющагося на весь годъ запаса пищи, можетъ быть, поистинѣ, названо трагическимъ. Между тѣмъ, вся его серьезность не сразу была признана тѣми, отъ кого зависѣло принять мѣры. Голоса, предостерегавшіе противъ оптимистической переоцѣнки урожая, какъ опаснаго самообольщенія, и требовавшіе неотложнаго вмѣшательства государства, начали раздаваться, какъ только выяснилось, что войну не удастся кончить молніеноснымъ ударомъ. Цитируя приведенное выше мнѣніе Рубнера, будто ржи и пшеницы болѣе, чѣмъ достаточно, Браунъ находитъ „необходимымъ рѣшительно выступить противъ него, такъ какъ было бы роковымъ бѣдствіемъ дать убаюкать себя подобными ошибочными увѣреніями и почить въ беззаботности, не отвѣчающей дѣйствительному положенію дѣлъ". „Лучше хватить въ мѣрахъ предосторожности нѣсколько черезъ край, чѣмъ хоть что нибудь упустить необходимое", — неустанно твердилъ въ своихъ писаніяхъ Геймъ. Въ особенности поднялось настроеніе въ средѣ лицъ, могущихъ оцѣнить истинное положеніе дѣлъ, послѣ переписи 1 декабря. Принудительное отчужденіе всѣхъ запасовъ зерна и муки въ цѣляхъ выдачи разумно разсчитанныхъ пайковъ стало лозунгомъ даже въ кругахъ, всякому соціализму органически чуждыхъ. Въ срединѣ декабря штуттгартская торговая палата выдвигаетъ требованія: 1) повторной переписи запасовъ; 2) выкупа всей ржи и пшеницы и нѣкоторой части другихъ продуктовъ полеводства, могущихъ идти на пищу человѣка,—ячменя, овса, картофеля; 3) передачи распоряженія всѣми запасами въ руки одного центральнаго учрежденія, которое озаботилось бы справедливымъ распредѣленіемъ ихъ между отдѣльными мѣстностями, въ соотвѣтствіи съ размѣрами обычнаго потребленія хлѣба. Выражая сочувствіе предложеніямъ штуттгартской торговой палаты, „Frankfurter Zeitung" подчеркиваетъ, что за такія мѣры высказываются „экономисты и политики

самыхъ различныхъ направленій, сельскіе хозяева-практики и представители торговли". Даже „Berliner Tageblatt" присоединяется къ этой программѣ, оговариваясь, что онъ „и въ военное время все же противъ всякихъ государственно-соціалистическихъ мѣръ, поскольку они не вызываются прямой необходимостью". На попреки же робкихъ душъ вождь баварскаго крестьянства, Геймъ, съ досадою отвѣтствуетъ: „И оставьте вы меня съ вашимъ государственнымъ соціализмомъ и т. п. Лучше съ государственнымъ соціализмомъ сыту быть, чѣмъ безъ него голодать. Безъ распредѣленія запасовъ намъ не обойтись".

Однако, несмотря на дружный натискъ общественнаго мнѣнія, правительство въ теченіе долгаго времени послѣ начала войны отказывалось идти на радикальныя мѣры. И даже полу-мѣры, въ родѣ назначенія предѣльныхъ цѣнъ, встрѣчали, по свидѣтельству Гейма, сильное сопротивленіе со стороны прусскаго министерства торговли. „Ждемъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія правительства", писала „Frankfurter Zeitung" по поводу приведенныхъ выше резолюцій штуттгартской торговой палаты. „Давно уже ему со всѣхъ сторонъ твердятъ, что избранный имъ путь установленія предѣльныхъ цѣнъ себя не оправдалъ, и что необходимо обратиться къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ,—къ централизаціи распредѣленія... Посмотримъ, что теперь послѣдуетъ". Прусскимъ бюрократамъ выросшимъ въ традиціонной преданности интересамъ аграріевъ и въ ненависти къ соціалистамъ, не легко было преодолѣть себя. Пока имѣлась какая ни на есть возможность, они отмахивались отъ черезчуръ для нихъ далеко заходившихъ предложеній. Перепись 1 декабря сыграла, видимо, и здѣсь рѣшающую роль. Послѣ нея въ тонѣ оффиціальныхъ заявленій сразу наступаетъ явственный переломъ. Оффиціальная мотивировка октябрьскихъ указовъ еще говорила о томъ, что хлѣба въ цѣломъ для пропитанія достаточно, что пшеницы хватитъ до августа, а ржи до сентября, и что лишь забота о сохраненіи достаточнаго резерва на будущій сельскохозяйственный годъ побуждаетъ принять нѣкоторыя мѣры. Въ декабрѣ же, при учрежденіи „Военнаго общества для закупки зерна" раздаются иныя рѣчи: „Показанія урожайной статистики скорѣе преувеличиваютъ урожай, нежели пре-

уменьшаютъ. Недостатокъ хлѣба, обусловленный отсутствіемъ подвоза, еще значительно повышается въ силу невысокаго сбора 1914 года; онъ составитъ 15%—быть можетъ 20%— потребленія".

Какъ бы тамъ ни было, три мѣсяца было упущено начисто: средства продовольствія расходовались, какъ кому вздумается,—можно полагать, что даже менѣе разсчетливо, нежели въ обычные годы, такъ какъ отсутствіе подвоза кормовъ побуждало скармливать скоту то, что могло бы идти на пищу человѣку. Лишь въ началѣ ноября (нов. ст.) вступили въ силу первыя мѣры, на которыя Союзный Совѣтъ увидѣлъ себя вынужденнымъ пойти, несмотря на всѣ „сомнѣнія принципіальнаго свойства". Указами 28 октября были установлены предѣльныя цѣны на рожь, пшеницу и кормовой ячмень; рожь и пшеницу воспретили скармливать скоту; было предписано вымалывать рожь до 72%, пшеницу до 75%; къ пшеничной мукѣ обязали примѣшивать при печеніи хлѣба 10% ржаной. Затѣмъ послѣдовали дальнѣйшія мѣропріятія въ томъ же духѣ. Предѣльныя цѣны были установлены для овса (указъ 5 ноября), для картофеля (указъ 23 ноября),—сперва лишь для сортовъ, идущихъ спеціально въ пищу человѣка, затѣмъ и для кормовыхъ. Съ 1 декабря вступило въ силу предписаніе примѣшивать къ ржаной мукѣ при печеніи хлѣба не менѣе 5% картофельной. Въ началѣ января норма обязательнаго вымола была повышена для ржи до 82%, для пшеницы до 80% и одновременно было предписано примѣшивать къ пшеничной мукѣ 30% ржаной, а къ ржаной мукѣ не менѣе 10% картофельной.

Всѣ подобныя мѣры не могли, однако, оказать существеннаго вліянія въ смыслѣ обезпеченія Германіи продовольствіемъ на послѣдніе мѣсяцы года. Назначеніе предѣльныхъ цѣнъ и не имѣло задачей воздѣйствовать на расходъ пищевыхъ продуктовъ, цѣли преслѣдовались иныя, соціальнаго порядка. Другія же мѣры лишь перемѣщали потребленіе съ предметовъ, въ которыхъ замѣчалась особенно сильная недостача, въ сторону тѣхъ, гдѣ такой острой нужды не ощущалось; на общіе размѣры потребленія не вліяли и онѣ. Населеніе продолжало ѣсть до сыта,—въ той, разумѣется, мѣрѣ, въ какой это ему удавалось и до войны. Положеніе

же обострялось со дня на день. Ибо, чѣмъ ни набивать желудокъ,—бѣлымъ пшеничнымъ хлѣбомъ или картофелемъ,—но при недостачѣ не въ отдѣльныхъ продуктахъ, а въ общемъ запасѣ пищи, это все равно неминуемо приведетъ, въ концѣ концовъ, къ истощенію припасовъ.

Ближе къ цѣли вели такія мѣры, какъ сокращеніе выкурки спирта. Но размѣры достигнутой этой мѣрой экономіи пищевыхъ продуктовъ оцѣниваются германскими спеціалистами не высоко. Болѣе замѣтную роль способно было сыграть упомянутое выше „Военное общество для закупки зерна", на которое была возложена задача запасти хлѣбъ на послѣдніе мѣсяцы года. Предполагалось, что оно закупитъ, прибѣгая въ случаѣ надобности къ отчужденію, очень значительныя количества зерна и муки, которыя начнетъ отпускать потребителямъ не ранѣе средины мая. Но мѣра эта вступила въ силу только около Новаго Года; дѣйствіе ея должно было сказаться не сразу: она могла повести къ замѣтному сжатію потребленія лишь послѣ того, какъ удалось бы снять съ рынка очень значительную часть запасовъ.

Наиболѣе сильное дѣйствіе въ желательномъ направленіи могло бы оказать быстрое сокращеніе количества содержимаго скота. По расчетамъ Эльцбахера, представлялось бы разумнымъ заколоть около $1/3$ свиней и около 10% коровъ. Другіе настаиваютъ на еще большемъ убоѣ,—въ особенности, свиней. Своевременный убой столь значительной доли скота, несомнѣнно, существенно облегчилъ бы положеніе, такъ какъ были бы сохранены большія количества такихъ кормовъ, которые могутъ идти и на пищу человѣку,—картофеля, ячменя, овса. Но и съ этимъ медлили. Жаль было разставаться съ богатствомъ, накопленнымъ долгими годами мирнаго труда. Въ началѣ правительство вело даже прямо противоположную политику; оно опредѣленно противодѣйствовало усиленному убою, къ которому побуждалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще съ ранней осени недостатокъ кормовъ: въ сентябрѣ (указъ 11 сентября) Союзный Совѣтъ воспретилъ на три мѣсяца убой телятъ менѣе 75 килограммовъ вѣса и коровъ моложе 7 лѣтъ; были также приняты мѣры къ тому, чтобъ „пріостановить начавшееся расточеніе" свиней.

Въ цѣломъ, до постановленія о принудительномъ отчужденіи запасовъ ржи и пшеницы, вступившаго въ силу въ февралѣ, не было принято мѣропріятій, сколько нибудь отвѣчавшихъ серьезности положенія. И, повидимому, мы не будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что осуществилась въ дѣйствительности та перспектива истребленія ²/₃ запасовъ въ теченіе перваго полугодія, которою Эльцбахеръ и его товарищи пытались въ декабрѣ напугать безпечно живущихъ изо дня въ день соотечественниковъ. Всѣ продолжали беззаботно питаться, какъ ранѣе, не отказывая себѣ въ пищѣ болѣе обычнаго. Призывы же къ умѣренности и къ житію впроголодь, съ которыми обращались къ населенію и правительство, и школа, и пресса,—оставались безплодными. Рождественскіе праздники въ особенности огорчили патріотовъ, вѣрившихъ въ возможность перевести германцевъ на крѣпостной режимъ добрымъ словомъ. Горы кухеновъ, заготовляемыхъ къ елкѣ, были въ этомъ году не ниже обычнаго, да къ нимъ еще присоединились груды, отправленныя на позиціи.

Съ февраля положеніе въ корнѣ измѣнилось. Вся Германія, кромѣ лицъ, находящихся въ дѣйствующей арміи, была посажена на однообразный паекъ въ два килограмма хлѣба въ недѣлю на человѣка. Самые размѣры пайка подтверждаютъ до извѣстной степени справедливость предположенія, что за шесть первыхъ мѣсяцевъ истреблено около двухъ третей запаса пищи: расчетъ по этой нормѣ даетъ на остающіеся полъ-года нѣсколько менѣе трети того количества ржи и пшеницы, которое могло имѣться въ Германіи къ началу сельскохозяйственнаго года. Другое подтвержденіе даютъ подсчеты берлинскаго статистика Кучинскаго, о которыхъ телеграфировалъ въ „Русск. Вѣд.“ копенгагенскій корреспондентъ: Кучинскій опредѣляетъ количество оставшагося на второе полугодіе картофеля въ 16 милл. тоннъ, что составитъ около трети запаса, имѣвшагося въ началѣ сельскохозяйственнаго года (около 41 милл. тоннъ по вычетѣ количества, потребнаго для посѣва).

V.

Размѣры хлѣбнаго пайка были для Германіи установлены въ февралѣ въ два килограмма на душу въ недѣлю. Можно было думать, что они вычислены путемъ дѣленія запаса на число ѣдоковъ и число недѣль, оставшихся до новой жатвы, и, что, слѣдовательно, по два килограмма хлѣба въ недѣлю германцамъ, болѣе или менѣе, обезпечено примѣрно до начала августа. Однако, вторичная перепись запасовъ, произведенная 1 февраля, заставила сократить паекъ до 200 граммовъ въ день. При этомъ новый паекъ выдается уже не всѣмъ, безъ различія пола и возраста, въ равномъ размѣрѣ: грудныя дѣти его не получаютъ, дѣтямъ старше года паекъ выдается половинный. Новый паекъ установленъ на мѣсяцъ; въ дальнѣйшемъ предвидится еще пониженіе. Но пусть даже понижать паекъ не придется. Положеніе, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать критическимъ.

Что реально означаютъ эти два килограмма на душу въ недѣлю, эти 200 граммовъ въ день? Чтобъ отвѣтить, надо, очевидно, сопоставить паекъ съ привычнымъ потребленіемъ хлѣба. Въ среднемъ, въ Германіи выходило передъ войной на душу около 3³/₄ килограмма ржаного и пшеничнаго хлѣба въ недѣлю (по переводѣ въ хлѣбъ и той доли зерна, которая потреблялась въ формѣ муки, крупы). Но далеко не всѣ жили хлѣбомъ въ равной мѣрѣ. Кто имѣлъ случай ближе войти въ германскую жизнь, знаетъ, что въ высшихъ слояхъ, вплоть до мелкой буржуазіи, хлѣба потребляется въ Германіи не много,—гораздо меньше, чѣмъ въ странахъ романскихъ и славянскихъ. Такое впечатлѣніе можно подтвердить и данными,—правда, очень немногочисленныхъ—семейныхъ бюджетовъ, относящихся къ этимъ группамъ населенія. Обстоятельно разработанный бюджетъ Г. Фюртъ [1]) указываетъ, напримѣръ, на колебанія отъ 8 съ небольшимъ до 10 килограммовъ въ мѣсяцъ на душу. Бюджеты народныхъ учителей, опубликованные Герловымъ [2]), даютъ въ среднемъ 2 кило

[1]) H. Fürth, Ein mittelbürgerliches Budget über einen zehnjährigen Zeitraum, Jena, 1907.

[2]) W. Gerloff, Wirtschaftsführung und Haushaltungsaufwand deutscher Volksschullehrer (Arch. f. Soz. Wiss., Bd. XXX). Tübingen, 1910.

въ недѣлю. Бюджеты гамбургскихъ народныхъ учителей [1]) приводятъ къ болѣе высокому расходу хлѣба,—выше 3 кило—но при этомъ замѣчается, что съ ростомъ дохода количество потребляемаго хлѣба падаетъ. Для буржуазныхъ круговъ ограниченіе расхода хлѣба двумя килограммами на душу въ недѣлю не было бы лишеніемъ; самое большое,—чувствовалось бы нѣкоторое стѣсненіе въ мукѣ, которою германцы привыкли приправлять въ такомъ изобиліи свои супы и Gemüse. Въ цѣломъ составъ пищи этой части населенія остается мало затронутымъ, и привычный столъ не испытаетъ слишкомъ крутой перемѣны даже съ переходомъ на сокращенный 200-граммовый паекъ.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ хлѣбный паекъ даже въ два килограмма въ недѣлю для рабочихъ, для крестьянъ. Я не буду нагромождать конкретныхъ бюджетныхъ данныхъ, противъ которыхъ всегда можно возразить, что они носятъ полуслучайный характеръ. Чтобъ оцѣнить переворотъ въ пищевомъ режимѣ рабочаго, достаточно вдуматься въ слѣдующій расчетъ, заимствуемый мною изъ источника, который трудно заподозрѣть въ тенденціозныхъ преувеличеніяхъ,—изъ записки Имперскаго Вѣдомства Народнаго Здравія о „картофельномъ" хлѣбѣ, приложенной министромъ Дельбрюкомъ къ его докладу рейхстагу [2]) „о мѣрахъ хозяйственнаго характера, принятыхъ въ связи съ войной": „Рабочій, питающійся смѣшанной пищей, потребляетъ въ день 600 граммовъ хлѣба; въ чистомъ ржаномъ хлѣбѣ онъ получаетъ при этомъ 43 грамма бѣлка, въ хлѣбѣ же съ примѣсью 20% картофеля онъ получитъ лишь 29,5 граммовъ. По сравненію съ общею потребностью въ бѣлкѣ, которая оцѣнивается большинствомъ спеціалистовъ для взрослаго, занятаго физическимъ трудомъ работника въ 100 граммовъ, недоборъ этихъ 13,5 граммовъ въ картофельномъ хлѣбѣ не такъ существенъ".

Привычное количество хлѣба для рабочаго, покрывающаго болѣе половины своей потребности въ бѣлкѣ не хлѣ-

---

[1]) Haushaltungsrechnungen hamburgischer Volksschullehrer. Hamburg, 1906.

[2]) Denkschrift über wirtschaftliche Massnahmen aus Anlass des Krieges. Nachtrag.

бомъ, оцѣнивается, слѣдовательно, въ 4,2 килограмма въ недѣлю. Первоначально назначенный паекъ сократилъ это количество нѣсколько болѣе, чѣмъ вдвое, позднѣйшій 200-граммовый паекъ—ровно втрое. Притомъ паекъ выдается не чистымъ пшеничнымъ или ржанымъ, а „картофельнымъ", хлѣбомъ. Въ 200 граммахъ картофельнаго хлѣба, если даже примѣсь картофеля не превосходитъ минимальной нормы въ 10%, организмъ получитъ немногимъ болѣе 10 граммовъ бѣлка. Остальное количество надо добрать не хлѣбомъ, если не обрекать организмъ на постепенное истощеніе.

Такъ дѣло обстоитъ съ городскимъ рабочимъ. Еще рѣзче переломъ въ пищевомъ режимѣ крестьянина, который и въ Германіи въ большей мѣрѣ живетъ хлѣбомъ, нежели горожане.

На войска и на флотъ общій паекъ, конечно, не распространяется. Тамъ дѣйствуютъ свои нормы. Какъ велики раціоны въ настоящее время, мнѣ неизвѣстно. Но не лишено интереса сопоставить размѣры общаго хлѣбнаго пайка съ тѣмъ, что во флотѣ до войны считали „совершенно необходимымъ для поддержанія полной работоспособности матроса" [1]). На человѣка полагалось выдавать въ недѣлю: 2⅓ килограмма мяса (говядины, свинины, баранины), 5¼ килограммовъ хлѣба, ½ килограмма муки, 300 граммовъ картофеля, 600 граммовъ гороха и бобовъ, 455 граммовъ масла, 340 граммовъ сахара и т. д.

Съ 200 граммовъ картофельнаго хлѣба въ день нельзя быть не только сыту, ими безъ существеннаго пополненія хлѣбнаго пайка иною пищей нельзя жить. Въ такихъ количествахъ хлѣбъ уже не является основою питанія, онъ можетъ служить лишь подспорьемъ, какъ въ столѣ зажиточнаго населенія. Но къ подспорью нужно что нибудь добавлять. Спрашивается, что же именно?

Въ добрыхъ совѣтахъ нѣтъ недостатка. Германскіе гигіенисты усердно продумываютъ реформу кухни. Эльцбахеръ съ товарищами, тщательно взвѣсивъ всѣ запасы, рекомендуютъ, напримѣръ, южанамъ ѣсть побольше картофеля, сѣверянамъ—не пренебрегать пирожными южанъ, и тѣмъ, и

---

[1]) Cp. R. Calwer, Das Wirtschaftsjahr 1905, Erster Teil, p. 296. Iena, 1906.

другимъ въ равной мѣрѣ—приналечь на сахаръ, котораго въ этомъ году изобиліе, такъ какъ нѣтъ вывоза. Мяса ѣсть поменьше,—не худо бы даже ввести въ обычай ѣсть постное одинъ день въ недѣлю. Жировъ—большой недостатокъ, ихъ надо экономить,—не грѣхъ бы вспомнить доброе старое время и вернуться къ растительнымъ масламъ: льняное, подсолнечное можно очень рекомендовать. Яйца слѣдуетъ разсматривать, какъ предметъ роскоши. Въ сливкахъ, въ маслѣ, въ цѣльномъ молокѣ лучше себѣ по возможности отказывать,—правильнѣе увеличить потребленіе „тощихъ“ сыровъ, изготовляемыхъ изъ снятаго молока, творога и, въ особенности, снятаго молока, которое богато бѣлками. Очень полезно ввести въ столъ побольше бобовъ, гороха.

Все это было бы очень хорошо. Быть можетъ, даже и превкусно. Бѣда лишь въ томъ, что недостатка бѣлка не восполнишь ни сахаромъ, ни картофелемъ. А къ тому же запасы картофеля успѣли сильно порастаять: тотъ же Кучинскій, который въ декабрѣ, въ качествѣ участника Эльцбахеровскаго изслѣдованія, рекомендовалъ южанамъ ѣсть побольше картофеля, утверждаетъ сейчасъ, что до конца года Германіи не хватитъ цѣлыхъ 13 милліоновъ тоннъ картофеля. Что же касается бобовъ и гороха, то, конечно, они богаты бѣлками. Но уже въ ноябрѣ Геймъ отмѣчалъ, что къ нимъ подступа нѣтъ,—такъ поднялись цѣны. Это—блюдо для стола богатыхъ. Для малоимущихъ же, если не будетъ принято новыхъ мѣръ, остается, похоже, одинъ источникъ бѣлковъ, снятое молоко, да и то сомнительно, можно ли его будетъ доставать, сколько надо.

Словомъ, отчужденіемъ запасовъ ржи и пшеницы и установленіемъ хлѣбнаго пайка проблема народнаго питанія въ Германіи не разрѣшена;—она только поставлена во весь ростъ. Неминуемы дальнѣйшія, болѣе рѣшительныя мѣры въ томъ же направленіи. Отчужденіе запасовъ картофеля, несомнѣнно, уже вопросъ не недѣль, а дней. Но и этого не будетъ достаточно. Режимъ осажденной крѣпости придется провести до конца, если желать избѣгнуть взрыва народнаго отчаянія.

Въ началѣ войны одинъ горячій патріотъ, весьма далекій отъ соціализма, извѣстный имперіалистъ Рорбахъ—писалъ:

„Побѣда—для насъ вопросъ не военной, а нравственной мощи. Запаса пищи хватитъ на нашъ народъ, надо лишь, чтобъ пища была дѣйствительно доступна тѣмъ, кто нуждается въ ней для поддержанія жизни и здоровья. За счетъ государства и имущихъ классовъ мы должны просодержать всѣхъ голодающихъ и нуждающихся, всѣхъ, кто, по неспособности къ военной службѣ, остался дома,—мужчинъ и женщинъ, и дѣтей. Вырвать у насъ миръ могъ бы единственно голодъ неимущихъ. Но до этого можетъ дойти только въ томъ случаѣ, если имущіе откажутся дѣлиться съ тѣми, у кого ничего нѣтъ. Война будетъ потеряна лишь тогда, когда богатые, зажиточные, вообще, всѣ, кто получаетъ доходъ отъ имущества или отъ обезпеченнаго труда, скажутъ: довольно! жертвы для содержанія тѣхъ, у кого нѣтъ средствъ, становятся для насъ черезчуръ тяжелы" [1]).

Встрѣтитъ ли откликъ этотъ призывъ? Испытаніе, которое ожидаетъ „богатыхъ и зажиточныхъ", много тяжелѣе, нежели воображалъ Рорбахъ, когда въ началѣ войны наносилъ на бумагу эти мысли. „Запаса пищи хватитъ". Мы видѣли, какъ далеки отъ такого оптимизма тѣ, кто далъ себѣ горькій трудъ подвести съ большей точностью бухгалтерскіе итоги продовольственнаго актива и пассива Германіи. Имущимъ придется дѣлиться съ неимущими не отъ избытка; придется поступаться „хлѣбомъ насущнымъ". Лишь сокративъ питаніе всѣхъ до предѣловъ житія впроголодь, — а, быть можетъ, и за эти предѣлы—и равномѣрно распредѣляя не одинъ хлѣбъ, а все, что есть въ странѣ на потребу человѣка, имѣетъ Германія шансы дотянуть годъ такъ, чтобъ народныя массы питались впроголодь до конца, а не терпѣли передъ жатвой мукъ истиннаго голода.

VI.

Каковъ же нашъ выводъ? Можно ли разсчитывать взять Германію голодомъ? Способна ли она продержаться до новой жатвы, сохраняя нетронутою ту энергію, съ которой бросаетъ нынѣ то на западный, то на восточный театръ войны

[1]) P. Rohrbach, Der Krieg und die deutsche Politik. 1914.

все новыя и новыя арміи бойцевъ? Или опустятся отъ истощенія руки, согнутся колѣна и придется молить о пощадѣ,—о пощадѣ, и съ нею о кускѣ хлѣба?

Какъ справедливо указывалъ Рорбахъ, это, прежде всего, вопросъ нравственной мощи. Если не хватитъ силы испить до конца горькую чашу, перейти съ неумолимой послѣдовательностью на положеніе осажденной крѣпости и подвергнуть равномѣрному распредѣленію не одинъ хлѣбъ, но и все наиболѣе существенное изъ предметовъ народнаго питанія, то можно съ достаточной увѣренностью предсказать: Германіи безъ подвоза изъ за границы до осени не выдержать. Если же патріотическій подъемъ, сливая всѣхъ въ одномъ порывѣ, сотретъ—пусть лишь на время и не безъ остатка—соціальныя между-классовыя грани, если имущіе готовы будутъ раздѣлить послѣднія крохи съ неимущими, то положеніе создастся иное. Способность сопротивленія людской массы, охваченной энтузіазмомъ и радостно идущей на жертвы во имя одушевляющей ее идеи, почти безпредѣльна. Военная исторія знаетъ тому не мало примѣровъ. Жизненные же рессурсы страны, занятой 68-милліоннымъ народомъ, несравнимы съ тѣми, какими располагаетъ населеніе обложенной со всѣхъ сторонъ крѣпости. Возможность исчерпать ихъ до конца трудно себѣ и представить. Въ однихъ лишь десяткахъ милліоновъ головъ своего скота Германія располагаетъ запасомъ пищи, бросивъ который умѣло на вѣсы, можно въ критическій моментъ перетянуть ихъ чашу. По подсчетамъ Брауна, убойный вѣсъ имѣющагося скота даетъ на душу населенія около 85 килограммовъ,—раза въ полтора больше, чѣмъ въ среднемъ за годъ потреблялось въ Германіи мяса передъ войной. Германія будетъ бѣдствовать. Разовьются эпидеміи и желудочныя заболѣванія. Сильно возростетъ смертность: подобно тому, какъ въ Европейской Россіи 1892 годъ унесъ около полумилліона лишнихъ жизней, такъ и въ Германіи голодный 1915 годъ потребуетъ массовыхъ человѣческихъ жертвъ. Особенно тяжело придется, если неблагопріятная погода задержитъ созрѣваніе и уборку хлѣбовъ. Но думать, что на Германію уже надвинулась неотвратимая никакими человѣческими усиліями голодная смерть,—для этого у насъ нѣтъ пока достаточныхъ данныхъ.

Передъ Германіей поставлены создавшимся положеніемъ задачи невиданной въ исторіи человѣчества трудности. Это, однако, не значитъ, что онѣ неразрѣшимы. При дружномъ напряженіи всѣхъ силъ, при всеобщей готовности къ жертвамъ во имя взаимной поддержки, Германія можетъ еще горько обмануть ожиданія тѣхъ изъ насъ, кто уже видитъ, какъ выпадаетъ мечъ изъ обезсилѣвшихъ отъ недостатка пищи рукъ.

Но напряженіе силъ потребно всеобщее и неослабное. Необходимо во всемъ соблюдать строжайшую экономію,— и въ большомъ, и въ маломъ. На послѣднее германцевъ всегда было взять, изощряются они въ этомъ направленіи и сейчасъ. Чего только не предлагается и не предпринимается! Картофель велѣно варить, не чистя, и уже съ варенаго сдирать шкурку—иначе теряется около 15%. Воспрещено расходовать муку при изготовленіи мыла. На мыло идутъ жиры,— совѣтъ хозяйкамъ экономить мыло, и въ мѣстностяхъ, гдѣ вода жесткая, собирать для мытья и стирки дождевую воду или подбавлять въ воду соды. Въ мужскомъ туалетѣ расходуется крахмалъ на воротнички, на манжеты,—слѣдуетъ перейти къ мягкому бѣлью, тѣмъ болѣе, что это и здорово. Въ клейстеръ, который употребляется при оклейкѣ комнатъ обоями, входитъ крахмалъ,—не худо бы замѣнить клейстеръ чѣмъ другимъ. При мытьѣ тарелокъ, сковородокъ и т. п. споласкивается, обычно, много сала—въ Берлинѣ до 20 граммовъ на человѣка въ день; надо озаботиться, чтобъ этого впредь не было, — такъ далѣе, въ нескончаемомъ разнообразіи. Каждое изъ подобныхъ сбереженій, взятое въ отдѣльности, не велико, и намъ, славянамъ, съ нашей широкой натурой, при мысли о нихъ какъ то не по себѣ—не то смѣшно, не то жутко. Но зернышко за зернышкомъ—въ цѣломъ и понаберется.

Выдержанно провести въ крупномъ масштабѣ разумный планъ экономнаго расходованія всѣхъ имѣющихся средствъ пропитанія, конечно, труднѣе. Но при испытанной способности германцевъ къ организованной работѣ, при въѣвшейся имъ въ плоть и въ кровь привычкѣ къ подчиненію, къ дисциплинѣ и здѣсь въ минуту національнаго подъема можетъ оказаться достижимымъ многое, что въ иныхъ условіяхъ было

бы явно неосуществимо. Особенно сложныя проблемы возникаютъ примѣнительно къ скотоводству. Какъ добиться, чтобы убой скота, распредѣленнаго между нѣсколькими милліонами хозяйствъ, шелъ планомѣрно въ согласіи съ длительными интересами всей страны, а не съ минутными выгодами владѣльцевъ? Какъ выработать самый планъ дѣйствій? Какъ согласовать необходимость быстро убавить, ради сбереженія кормовъ, число головъ содержимаго скота съ желаніемъ возможно равномѣрно расходовать запасы въ теченіе всего времени „осады“ и съ важностью сохранить живой инвентарь въ количествѣ, потребномъ для дальнѣйшаго веденія хозяйства? Отъ правильнаго рѣшенія этихъ отвѣтственныхъ задачъ зависятъ—можно сказать, не преувеличивая,—судьбы Германіи. „Осада“ можетъ, вѣдь, и не быть снята къ концу текущаго сельскохозяйственнаго года. Если Германія не признаетъ себя побѣжденной, положеніе осажденной крѣпости останется въ силѣ и на будущій 1915/16 годъ. Какъ быть тогда? Разумный планъ дѣйствій не можетъ не считаться съ этимъ. Но тутъ уже, дѣйствительно, возникаютъ трудности, которыя, повидимому, приходится признать непреодолимыми,—развѣ что выручитъ германцевъ счастье: исключительно благопріятная для посѣвовъ погода.

Таблица № 3.

Годы.	Сборъ съ гектара (въ двойныхъ центнерахъ).				
	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	Картофель.
1878	14,55	12,45	15,05	14,55	88,9
1893/99	17,5	14,2	16,7	15,2	118,2
1901/05	19,0	15,6	18,3	16,9	133,9
1906/10	20,1	17,0	19,6	19,7	136,2
1911	20,6	17,7	19,9	17,8	103,5
1912	22,6	18,5	21,9	19,4	150,3
1913	23,6	19,1	22,2	21,9	158,6

Примѣчаніе: Данныя за время до 1899 года заимствованы изъ изслѣдованія J. Rybark, Die Steigerung der Produktivität der deutschen Landwirtschaft im neunzehnten Jahrhundert, p. 33, (Berlin, 1905), гдѣ они приведены въ сравнимомъ съ позднѣйшимъ временемъ видѣ.

Возможность покрывать собственнымъ производствомъ свою потребность въ пищѣ въ той мѣрѣ, какъ въ послѣдніе годы передъ войной, покоится для Германіи на высокой интенсивности ея сельскаго хозяйства. Урожайность ея полей растетъ неуклонно (см. таблицу № 3) благодаря отличной обработкѣ, требующей затраты большого количества труда, и щедрому удобренію. Ея непрерывнымъ ростомъ Германія обязана на добрую половину, по расцѣнкѣ агрономовъ, изобильному примѣненію минеральныхъ туковъ. Спрашивается, въ состояніи ли Германія при наступившихъ условіяхъ удержать урожайность на достигнутой высотѣ? Отвѣтъ не можетъ вызывать сомнѣній. Изъ минеральныхъ туковъ калійныя удобренія имѣются внутри страны,—здѣсь можетъ лишь грозить опасность, что растерявшіеся сельскіе хозяева начнутъ наводить неразумную экономію, но противъ этого сравнительно легко принять мѣры. Хуже обстоитъ дѣло съ фосфоромъ: значительная доля тѣхъ сырыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ вырабатывались фосфористыя удобренія, шла изъ-за границы, и надо предвидѣть недостатокъ какъ томасовыхъ шлаковъ, такъ и, въ еще большей мѣрѣ, суперфосфатовъ. На ближайшемъ урожаѣ это, впрочемъ, по мнѣнію специалистовъ сильно не скажется, такъ какъ щедрое удобреніе послѣднихъ лѣтъ сохранитъ еще свое дѣйствіе. Всего опаснѣе недостатокъ важнѣйшаго изъ элементовъ удобренія, азота. Убыль скота неминуемо сократитъ запасы навознаго удобренія. Съ другой стороны, отсутствіе подвоза изъ-за границы лишитъ чилійской селитры. Это одно, по компетентной расцѣнкѣ участниковъ Эльцбахеровскаго изслѣдованія, грозитъ уронить сборъ пшеницы и ржи примѣрно на одну пятую, если не удастся чѣмъ-нибудь восполнить азотный дефицитъ. Возможность, если не полностью покрыть, то сократить дефицитъ, конечно, есть, но болѣе теоретическая: кое что могло бы быть достигнуто лучшимъ храненіемъ навоза; многое сулятъ—но врядъ ли въ близкомъ будущемъ—успѣхи промышленнаго изготовленія азотныхъ туковъ. Ну а, съ другой стороны, убыль скота легко можетъ оказаться значительно больше того, что планируетъ Эльцбахеръ.

Что все это не пустые страхи, можно было убѣдиться уже осенью. Въ осеннихъ сообщеніяхъ о состояніи посѣвовъ встрѣ-

чались указанія, что минеральныхъ удобреній, за недостаткомъ ихъ, было примѣнено меньше обычнаго. Однако, въ полной мѣрѣ недостатокъ удобреній скажется лишь съ весны.

Дальнѣйшія затрудненія для сельскихъ хозяевъ предстоятъ съ обработкою полей. Нѣсколько милліоновъ взрослыхъ работниковъ оторвано войной. Изъ обычно являвшихся на сельскія работы пришлыхъ рабочихъ лишь малая часть задержана на положеніи полу-плѣнныхъ, полу-крѣпостныхъ. Восполнить пробѣлъ подневольнымъ трудомъ военноплѣнныхъ возможно лишь въ ничтожной долѣ. Придется въ широчайшихъ размѣрахъ прибѣгать къ труду женщинъ и малолѣтнихъ, придется привлекать безработныхъ горожанъ и т. д. Допустимъ—я лично въ этомъ не сомнѣваюсь,—что, несмотря ни на это, ни на убыль живого инвентаря, все же удастся обработать всю площадь, предназначенную подъ посѣвы. Но думать, что обработка, выполненная недостаточнымъ количествомъ малопривычныхъ рукъ безъ надлежащаго руководства, будетъ на высотѣ обычнаго уровня, врядъ ли возможно. На малую пригодность горожанъ раздавались уже жалобы осенью, когда была сдѣлана попытка привлечь ихъ къ уборкѣ урожая. Изъ военноплѣнныхъ же даже наши солдаты-землепашцы не сразу примѣнятся къ новымъ для нихъ способамъ культуры,—да не будетъ ихъ подъ-яремный трудъ и особо интенсивнымъ.

Къ этому надо присоединить разстройство въ крупныхъ хозяйствахъ, сопряженное съ уходомъ на войну ихъ руководителей: германскіе помѣщики чуть не поголовно, вѣдь, офицеры запаса. Жизнь ставитъ въ этомъ году сложныя организаціонныя задачи; рутиной и завѣтами прошлаго не обойдешься. Кто же будетъ рѣшать эти проблемы, кто будетъ перестраивать организаціонные планы въ связи съ непривычными условіями снабженія хозяйства рабочей силой, съ недостаткомъ тѣхъ или иныхъ удобреній, съ измѣнившимися заданіями въ области спроса?

Такъ невесело складываются для Германіи виды на будущій урожай. Между тѣмъ, достаточно германскому сельскому хозяйству вернуться къ урожайности хотя бы послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка, и Германія, отрѣзанная отъ подвоза, вынуждена будетъ капитулировать.

Подведемъ теперь окончательные итоги.

Я не думаю, чтобъ имѣющіяся у насъ въ распоряженіи свѣдѣнія давали право опредѣленно утверждать, что голодъ вынудитъ Германію сложить оружіе до истеченія сельско-хозяйственнаго года. Но я далеко не считаю и исключенною возможность такого обостренія продовольственной нужды, которое заставитъ германцевъ прекратить борьбу. Для болѣе увѣреннаго прогноза необходимо было бы располагать данными о количествѣ пищевыхъ запасовъ, имѣющимися, можно полагать, въ Германіи, но для насъ недоступными.

Съ большею степенью увѣренности можно ожидать, что Германія не сниметъ осенью съ своихъ полей такой жатвы, которая сколько нибудь обезпечитъ ей пропитаніе еще на цѣлый годъ. Это не значитъ, разумѣется, что, какъ только выяснятся результаты новаго урожая, Германія запроситъ мира. Напротивъ, слѣдуетъ скорѣе ожидать, что сперва будетъ сдѣлана послѣдняя попытка новымъ отчаяннымъ натискомъ побудить противниковъ завести первыми рѣчь о мирѣ. Но если эта надежда не сбудется, если furor teutonicus разобьется еще разъ о дружное сопротивленіе союзниковъ, то, даже при не вполнѣ ясномъ положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, война, неминуемо, придетъ къ концу. Для войны необходимы, во первыхъ, деньги, во вторыхъ, деньги и въ третьихъ, деньги,—гласитъ завѣтъ государственной мудрости былыхъ временъ. Съ деньгами, казалось, какъ не пропитаться. Опытъ XX вѣка учитъ иному. Денегъ у Германіи довольно: ея финансовая готовность мало чѣмъ уступаетъ военной. Но, имѣя своими противниками Россію и Англію, она никакою цѣною не можетъ купить необходимаго для веденія войны продовольствія.

Война и государственное хозяйство Россіи.

М. И. Фридманъ.

Обыкновенно война вліяетъ на государственное хозяйство страны въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, сокращается поступленіе обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, появляется дефицитъ въ бюджетѣ, который необходимо покрыть, и, во-вторыхъ, создается необходимость найти значительныя суммы въ короткое время для производства военныхъ расходовъ. Въ наши дни на русскіе финансы возложена сверхъ того еще одна больнıая задача: изысканіе постоянныхъ средствъ взамѣнъ доходовъ отъ казенной продажи питей, въ связи съ военными событіями обреченной на упраздненіе.

Какъ же справляется наше государственное хозяйство съ выпавшими на его долю чрезвычайными испытаніями?

При выясненіи этого вопроса надо имѣть въ виду, что дѣйствующее у насъ бюджетное законодательство выдѣляетъ расходы на веденіе войны изъ общей росписи,—въ противоположность западно-европейской практикѣ. Считаясь съ этимъ, приходится разбить изложеніе на слѣдующія рубрики: 1) покрытіе недоборовъ по росписямъ 1914 и 1915 г. г., 2) изысканіе средствъ на военные расходы и 3) замѣна доходовъ отъ казенной торговли водкой другими постоянными источниками доходовъ послѣ окончанія войны. Съ этимъ послѣднимъ вопросомъ въ тѣсной связи стоитъ и задача финансовой реформы, которая такъ часто выдвигается теперь на очередь, въ качествѣ настоятельной и неотложной потребности времени.

I.

Едва наши законодательныя учрежденія успѣли—со значительнымъ опозданіемъ, какъ всегда,– разсмотрѣть роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1914 годъ (Высочайше утверждена 22 іюня), какъ возгорѣлась война, и пришлось вновь размышлять объ установленіи равновѣсія приходовъ съ расходами... на этотъ разъ, впрочемъ, одному министерству финансовъ, постановленія котораго были, однако, санкціонированы созванными по случаю войны народными представителями. Каковы же были результаты государственнаго хозяйства въ 1914 году?

По росписи имѣлось въ виду получить доходовъ 3.585 милліоновъ р., а въ дѣйствительности, по предварительнымъ даннымъ, считая и остатки отъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ, поступило только 2.936 милл. Государственные расходы росписью на 1914 годъ устанавливались въ 3.613 милл. р., да, по очень дурному обычаю, до наступленія войны успѣли еще разрѣшить сверхсмѣтныхъ кредитовъ (несмотря на то, что роспись—напоминаемъ—утверждена 22 іюня, а война началась 20 іюля) на значительную сумму въ 181 милл. Но зато наступленіе военнаго времени заставило прибѣгнуть къ сокращенію тѣхъ расходовъ, безъ которыхъ можно обойтись, и такихъ сокращеній набралось на сумму 341 милл. Не входя въ детали, отмѣтимъ, что всего было израсходовано на нужды, предусмотрѣнныя росписью и сверхсмѣтными кредитами, 3.445 милл. Такимъ образомъ, образовался дефицитъ въ размѣрѣ 509 милл. р., который и былъ покрытъ свободной наличностью, достигавшей къ 1 января 1914 года 514 милл.

Стало быть, война нанесла росписи на 1914 годъ уронъ всего въ размѣрѣ 850 милл., причемъ сверхсмѣтные расходы покрыты были частью повышеніемъ дѣйствительныхъ поступленій надъ исчисленными,—въ суммѣ 155 милл. (это за полгода всего), частью же доходами отъ новыхъ налоговъ: отъ повышенія почтоваго и телеграфнаго сборовъ, отъ введенія телефоннаго налога и нѣкоторыхъ другихъ (всего около 30 милл.).

Что касается росписи на 1915 годъ, то при составленіи ея особенно трудно было предвидѣть поступленіе доходовъ,

которое зависитъ, съ одной стороны, отъ продолжительности войны, а, съ другой, отъ производительности тѣхъ многочисленныхъ сборовъ, которые частью были вновь установлены, частью повышены для установленія равновѣсія въ бюджетѣ, поколебленнаго какъ сокращеніемъ ряда доходовъ (особенно таможеннаго и желѣзнодорожнаго), такъ и отмѣной винной монополіи. Поэтому, роспись на 1915 годъ въ ея доходной части, какъ справедливо отмѣтилъ государственный контролеръ въ своей думской рѣчи 28 января, „по необходимости имѣетъ значеніе предположительнаго и приблизительнаго исчисленія".

Общій итогъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ исчисленъ по росписи на текущій годъ въ 3.202 милліона, то есть меньше, чѣмъ по росписи на 1914 г., какъ она была утверждена до войны, на 411 милл. (обыкновенные расходы уменьшены на 241 милл. и чрезвычайные на 170 милл.). Кромѣ сокращенія расходовъ, въ цѣляхъ пополненія дефицита прибѣгли и къ повышенію доходовъ съ помощью усиленія обложенія. Закономъ 27 іюля 1914 года поднятъ былъ акцизъ со спирта и водки, съ пивоваренія и табака, а также увеличены цѣны на казенные вино и спиртъ. Поступленія отъ этихъ сборовъ исчисляются бюджетной комиссіей всего въ 71 милл. Отъ остальныхъ налоговъ, проведенныхъ по 87 ст., за исключеніемъ, впрочемъ, увеличенія почтоваго и телеграфнаго тарифовъ, которое послѣдовало въ административномъ порядкѣ (отъ него ожидается 27,5 милл.), надѣются получить свыше полумилліарда, точнѣе говоря, около 526 милл. Къ этому надо еще прибавить то, что поступитъ отъ сборовъ, введенныхъ наканунѣ созыва законодательныхъ учрежденій—на сумму въ 52 милл. Короче, повышеніе сборовъ исчисляется въ 600 милл. приблизительно. Не входя въ подробности расчетовъ, укажемъ только, что итогъ доходовъ—обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ—опредѣленъ въ 3.142 милл. и, стало быть, дефицитъ по бюджету текущаго года понижается, сравнительно съ проектомъ министерства финансовъ, опредѣлившимъ его въ 145 милл., до 61 милл. Эту сумму имѣется въ виду покрыть съ помощью кредитныхъ операцій, хотя въ дѣйствительности трудно сказать, будетъ она больше или меньше или приблизительно такова, какъ думаетъ бюджетная комиссія.

Подводя итоги сказанному о росписи на 1914 и 1915 годы, мы должны отмѣтить, что роспись минувшаго года сведена съ помощью значительнаго сокращенія расходовъ и благодаря свободной наличности, лишь при незначительномъ участіи налоговъ. Наоборотъ, бюджетъ текущаго года, рядомъ съ сокращеніемъ расходовъ, выдвигаетъ въ качествѣ наиболѣе крупнаго источника—повышеніе налоговаго бремени, и, лишь въ видѣ рессурса на случай недохватки, намѣчаетъ путь займовъ.

II.

При анализѣ военныхъ расходовъ и средствъ для покрытія ихъ нельзя обойти молчаніемъ особый порядокъ, существующій по нашимъ законамъ для расходовъ военнаго времени. Что касается ряда новыхъ налоговъ, проведенныхъ правительствомъ въ порядкѣ верховнаго управленія, то юридическое основаніе этихъ мѣропріятій усматривается въ знаменитой статьѣ 87. Можно, конечно, высказать недоумѣніе, почему для обсужденія и вотированія этихъ налоговъ не были созваны законодательныя учрежденія, и почему, будучи впослѣдствіи созваны, они не получили возможности разсмотрѣть вопросъ о повышеніи старыхъ и введеніи новыхъ налоговъ, такъ какъ соотвѣтствующіе законопроекты не были внесены въ Думу (ст. 87, какъ извѣстно, требуетъ внесенія основанныхъ на ней законопроектовъ не позже двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы). Но это будетъ вопросъ не финансовый и даже не юридическій. Постановка же въ нашемъ бюджетномъ правѣ темъ о расходахъ на военныя нужды и о покрытіи этихъ расходовъ настолько своеобразна, что слѣдуетъ подробнѣе отмѣтить относящіяся сюда законоположенія. Въ сущности, громадныя суммы, которыя требуются на веденіе войны, по нашимъ законамъ изъяты изъ компетенціи законодательныхъ учрежденій. До сихъ поръ этотъ вопросъ не привлекалъ къ себѣ надлежащаго вниманія, и не затронутъ, напр., даже въ напечатанномъ уже во время войны обстоятельномъ очеркѣ А. А. Алексѣева [1]).

Рѣшающую роль здѣсь играетъ статья 117 основныхъ законовъ, которая гласитъ: „чрезвычайные сверхсмѣтные кредиты на потребности военнаго времени и на особыя приготовленія, предшествующія войнѣ, открываются по всѣмъ вѣдомствамъ въ порядкѣ верховнаго управленія на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ". Въ правилахъ о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи (правила 8 марта 1906 года) статья 18 говоритъ то же самое буквально, съ тѣмъ только отличіемъ, что вмѣсто неопредѣленной ссылки на законъ вообще, указываетъ на порядокъ, установленный Высочайше утвержденными 26 февраля 1890 года правилами. Но правила 1890 года относятся, какъ видно по всему ихъ содержанію, только къ расходамъ военнаго вѣдомства,— относительно же морскихъ расходовъ существуютъ другія правила, Высочайше утвержденныя 7 сентября 1885 года, а испрошеніе чрезвычайныхъ кредитовъ на потребности военнаго времени по гражданскимъ вѣдомствамъ основывается на докладѣ управляющаго министерствомъ финансовъ, Высочайше утвержденномъ 20 февраля 1904 года. Такимъ образомъ, получается несогласованность: правила 8 марта 1906 года говорятъ о томъ, что интересующіе насъ кредиты „открываются по всѣмъ вѣдомствамъ порядкомъ, установленнымъ правилами 26 февраля 1890 года", а въ этихъ правилахъ говорится только о расходахъ военнаго вѣдомства.

Что касается содержанія правилъ, то оно въ общихъ чертахъ таково. Чрезвычайные кредиты, необходимые въ подготовительный къ военнымъ дѣйствіямъ періодъ, испрашиваются непосредственно всеподданнѣйшими докладами военнаго министра. Со времени объявленія о мобилизаціи кредиты разрѣшаются по меморіямъ особаго совѣщанія, въ составъ котораго входятъ предсѣдатель второго департамента государственнаго совѣта, государственный контролеръ, министры финансовъ, военный и управляющій морскимъ министерствомъ. Сумма ассигнованій составляетъ особый военный фондъ, изъ котораго и производятся соотвѣтствующіе расходы. Если въ періодъ составленія обыкновенныхъ финансовыхъ смѣтъ война будетъ продолжаться, то въ эти смѣты, разсматриваемыя и утверждаемыя въ обычномъ порядкѣ, вносятся расходы на содержаніе войскъ и военно-

административныхъ управленій и учрежденій по численному составу ихъ, принятому при составленіи смѣты текущаго года. Ассигнованіе же кредитовъ на потребности, вызванныя войной, производится въ указанномъ выше порядкѣ перечисленія изъ фонда.

Изъ приведенныхъ поясненій видно, между прочимъ, что совершенно ошибочно указаніе, имѣющееся въ объяснительной запискѣ къ государственной росписи на 1915 годъ, о томъ, будто бы „по силѣ дѣйствующихъ правилъ“ кредиты на потребности военнаго времени открываются по всѣмъ вѣдомствамъ въ порядкѣ верховнаго управленія, по положеніямъ совѣта министровъ. Дѣйствительно, кредиты эти открываются въ порядкѣ верховнаго управленія, но вовсе не по постановленію совѣта министровъ, а по меморіямъ особаго совѣщанія, составъ котораго выше указанъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, фактъ полнаго устраненія законодательныхъ учрежденій по дѣйствующему праву отъ опредѣленія размѣра и состава военныхъ расходовъ совершенно ясенъ и безспоренъ. Министръ финансовъ въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1915 годъ утѣшаетъ тѣмъ, что „полныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ расходахъ, вызванныхъ войной, и источникахъ, которыми они покрыты, будутъ своевременно и съ необходимой подробностью представлены законодательнымъ учрежденіямъ въ отчетахъ государственнаго контроля“. Само собой понятно, что освѣдомленность по истеченіи годичнаго и двухлѣтняго срока послѣ событій (отчетъ контроля за 1914 г. выйдетъ въ концѣ 1915, а за 1915 г. въ концѣ 1916) не можетъ замѣнить участіе въ самомъ установленіи ассигнованій на веденіе войны, тѣмъ болѣе, что и право послѣдующаго контроля у нашихъ законодательныхъ учрежденій недостаточное: законъ и практика не требуютъ утвержденія ими отчета контроля и послѣдствій неутвержденія въ законѣ не предусмотрѣно.

Министръ финансовъ говоритъ не только о расходахъ, но и о средствахъ для покрытія ихъ. Спрашивается, развѣ и эта часть изъята изъ компетенціи законодательныхъ учрежденій?

---

[1]) На это обстоятельство указалъ А. И. Шингаревъ въ докладѣ Вольно-Экономическому Обществу.

При обсужденіи этого вопроса надо имѣть въ виду различные способы пополненія ущербовъ, причиненныхъ государственному хозяйству войною, и различныя формы полученія средствъ на веденіе войны. Новые налоги и повышеніе дѣйствующихъ должны проходить въ законодательномъ порядкѣ. Ст. 71 основныхъ законовъ гласитъ: „россійскіе подданные обязаны платить установленные *закономъ* налоги и пошлины" и т. д. Правда, ст. 87 даетъ право правительству во время прекращенія занятій Государственной Думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, проводить ее въ порядкѣ верховнаго управленія. Однако, дѣйствіе этой мѣры прекращается, если въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій законопроектъ не будетъ внесенъ правительствомъ, или если онъ будетъ отвергнутъ законодательными учрежденіями. Пользуясь этой статьей, правительство провело, какъ выше указано, почти всѣ новые налоги своей властью. Созывая Думу только на короткое время, на нѣсколько дней, въ іюлѣ и въ январѣ, и предполагая обходиться безъ законодательныхъ учрежденій чуть не весь 1915 годъ (предѣльный срокъ созыва назначенъ на ноябрь), оно избѣгаетъ пока внесенія проектовъ о новыхъ налогахъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій.

Что касается кредитныхъ операцій, которыми, главнѣйшимъ образомъ, будутъ покрыты расходы по веденію войны, то онѣ могутъ быть различныхъ видовъ: внутренніе и внѣшніе займы облигаціоннаго типа, обязательства государственнаго казначейства краткосрочнаго характера, билеты государственнаго казначейства или серіи и, наконецъ, кредитные билеты.

Займы для покрытія какъ смѣтныхъ, такъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ разрѣшаются, согласно ст. 118 основныхъ законовъ, порядкомъ, установленнымъ для утвержденія росписи, то есть законодательнымъ. Но займы для покрытія расходовъ на потребности военнаго времени разрѣшаются въ порядкѣ верховнаго управленія. Именно такимъ способомъ осуществляются внутренніе и внѣшніе займы въ настоящее военное время.

Относительно билетовъ государственнаго казначейства или серій правительство практически съ самаго начала конституціоннаго періода присвоило себѣ право, несмотря на несогласіе Государственной Думы, выпускать эти обязательства съ принудительнымъ курсомъ и обязательнымъ пріемомъ въ платежи казначейству и банку, эти процентныя деньги—безъ разрѣшенія законодательныхъ учрежденій, въ порядкѣ верховнаго управленія. Тѣмъ болѣе выдерживается этотъ методъ во время войны.

Нѣсколько сложнѣе обстоитъ дѣло съ краткосрочными обязательствами казначейства. Поскольку они размѣщаются заграницей, они носятъ всѣ свойства внѣшняго займа; поскольку же размѣщаются въ частныхъ русскихъ банкахъ, подходятъ подъ рубрику внутреннихъ займовъ. Но наиболѣе значительная часть ихъ учитывается въ государственномъ банкѣ. Между тѣмъ, государственный банкъ, по уставу, имѣетъ цѣлью регулированіе денежнаго обращенія и содѣйствіе народному хозяйству, а вовсе не снабженіе средствами государственнаго казначейства, и учетъ векселей государства въ кругъ операцій государственнаго банка ни по буквѣ закона, ни по разуму учрежденія не можетъ входить и не входитъ. Въ 1905 г., однако, Высочайше повелѣно было предоставить министру финансовъ выпускать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства на сумму не свыше 400 милліоновъ р., причемъ разрѣшалось учитывать ихъ въ государственномъ банкѣ по представленію либо государственнаго казначейства, либо частныхъ лицъ. Подобно тому и теперь пришлось издать законъ 27 іюля 1914 года, которымъ государственному банку дано право учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ военнаго времени. Такимъ образомъ, эти обязательства выпускаются въ порядкѣ верховнаго управленія, а реализуются въ государственномъ банкѣ на основаніи особаго закона.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ регламентируется уставомъ кредитнымъ, въ раздѣлѣ третьемъ коего содержатся постановленія о выпускѣ кредитныхъ билетовъ и о золотѣ, обезпечивающемъ размѣнъ. Какъ извѣстно, „государственные кредитные билеты выпускаются государственнымъ банкомъ

въ размѣрѣ, строго ограниченномъ настоятельными потребностями денежнаго обращенія подъ обезпеченіе золотомъ“, причемъ безъ золотого покрытія можетъ быть выпущено не свыше, чѣмъ на 300 милл. р.

Когда предъ государственнымъ казначействомъ явилась необходимость использовать эмиссію кредитныхъ билетовъ въ качествѣ источника дохода, то, прежде всего, надлежало измѣнить препятствующіе такому дѣйствію законы. Вотъ почему правительство вынуждено было провести въ законодательномъ порядкѣ два постановленія: 1) о пріостановкѣ размѣна кредитныхъ билетовъ на золото и 2) о расширеніи права государственнаго банка выпускать безъ покрытія золотомъ кредитные билеты на сумму до 1.200 милл. сверхъ уже дозволенной суммы, то есть всего на 1.500 милл. (законъ 27 іюля 1914 г.).

Пользоваться 87 статьей для расширенія эмиссіоннаго права въ высшей степени нежелательно, такъ какъ это можетъ отразиться весьма неблагопріятно на довѣріи къ нашему рублю. Тѣмъ не менѣе правительство имѣетъ въ виду прибѣгнуть къ этому средству. Такое заключеніе вытекаетъ, съ одной стороны, изъ факта почти полнаго истощенія въ настоящее время свободнаго эмиссіоннаго права, неизбѣжности его расширенія въ недалекомъ будущемъ и соотвѣтствующаго заявленія управляющаго государственнымъ банкомъ представителямъ печати, а, съ другой стороны, изъ того, что соотвѣтствующій законъ не былъ проведенъ во время январьской сессіи законодательныхъ учрежденій, которыя вновь соберутся вѣроятно не скоро.

Изъ приведеннаго ясно, что военные доходы и расходы проходятъ у насъ въ административномъ порядкѣ. Этотъ выводъ не можетъ быть поколебленъ и наличностью циркуляра предсѣдателя совѣта министровъ, который напоминаетъ министрамъ, что обо всѣхъ мѣропріятіяхъ, принятыхъ въ порядкѣ 87 статьи, надлежитъ внести законопроекты не позже двухъ мѣсяцевъ со времени созыва Думы, то есть съ 27 января.

Какъ извѣстно, законодательныя учрежденія въ настоящее время не работаютъ и приступятъ къ работѣ, быть можетъ, не раньше ноября, такъ что внесеніе проектовъ

явится простой формальностью, и они будутъ спокойно лежать на полкахъ думской канцеляріи.

Можно, пожалуй, предположить, что во время войны иной порядокъ недопустимъ въ виду необходимости, спѣшно и безъ задержки, осуществлять мѣропріятія, требующія ассигнованій, и, стало быть, быстро изыскивать средства на осуществленіе предстоящихъ задачъ. Разумѣется, когда бушуетъ гроза военной непогоды, нѣтъ возможности медлить, выжидая результатовъ внимательнаго и всесторонняго обсужденія финансовыхъ вопросовъ въ установленномъ законодательномъ порядкѣ. Но не о томъ идетъ рѣчь. Обычно на западѣ, какъ это дѣлается и въ настоящую войну, законодательныя учрежденія даютъ широкія полномочія правительству, вообще, и по отношенію къ мѣропріятіямъ первыхъ дней въ особенности. Но эти полномочія должны быть даны именно въ законодательномъ порядкѣ и предѣлы ихъ должны быть очерчены закономъ. Поэтому, въ Англіи парламентъ установилъ, какіе налоги надо ввести для покрытія военныхъ расходовъ, и какъ взять остальныя суммы, необходимыя для той же цѣли изъ другихъ источниковъ. То же самое имѣло мѣсто и во Франціи, и въ Германіи. И здѣсь законодатель опредѣлилъ размѣры предполагаемыхъ расходовъ и способы ихъ покрытія.

Конечно, предстоящія во время войны ассигнованія въ общихъ собраніяхъ палатъ детально не обсуждались по весьма понятнымъ причинамъ, ради сохраненія военныхъ тайнъ. Но бюджетныя комиссіи имѣли возможность внимательно и обстоятельно изслѣдовать предположенія правительства на этотъ счетъ и могли увѣрить членовъ парламента, а черезъ ихъ головы и населеніе, что драгоцѣнное право контроля со стороны народныхъ представителей за расходованіемъ собираемыхъ съ населенія денегъ нашло себѣ надлежащее осуществленіе.

Если даже въ Англіи пришлось напоминать о необходимости принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы никто не обогатился за счетъ народнаго бѣдствія, если англійскій „Economist“ выступилъ со спеціальной статьей на эту тему, приводя на память печальныя событія, имѣвшія мѣсто во время англо-бурской войны, то тѣмъ болѣе умѣстно было бы

использовать всѣ средства огражденія у насъ, въ Россіи, гдѣ еще такъ живы печальныя воспоминанія позорныхъ явленій, относящихся къ періоду русско-японской войны.

Правительство наше не нашло, однако, возможнымъ идти дальше освѣдомленія депутатовъ въ бюджетной комиссіи и сообщенія нѣкоторыхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ и о своихъ предположеніяхъ въ засѣданіи Думы 28 января 1915 г.

III.

Какимъ же способомъ имѣется въ виду осуществить у насъ финансированіе войны? Правительство указывало на свои планы дважды въ Государственной Думѣ и, сверхъ того, въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1915 годъ.

Изъ рѣчи министра финансовъ въ историческомъ засѣданіи Думы 28 іюля вытекаетъ, что первоначально имѣлось въ виду использовать и кредитъ, и налоги. Ради выпуска краткосрочныхъ обязательствъ, которыя можно было бы учесть въ государственномъ банкѣ, проведены были законы, предоставляющіе банку право учитывать эти векселя государства въ неограниченномъ количествѣ, пріостанавливающіе размѣнъ и расширяющіе эмиссіонное право банка до выпуска 1.500 милл., не покрытыхъ золотомъ кредитныхъ билетовъ. Кромѣ того, министръ рекомендовалъ „не забывать также о необходимости повышенія налоговъ" и провелъ ради осуществленія этого законы о повышеніи цѣны на водку, объ увеличеніи акциза на табакъ и на пиво, причемъ исчислялъ поступленія отъ указанныхъ повышеній въ солидную цифру—200 милл. р. въ годъ.

Затѣмъ обстоятельства измѣнились. Дѣло въ томъ, что первоначально запрещеніе продажи водки было проведено только на время мобилизаціи, и никто, вѣроятно, не предполагалъ, что запрещеніе это, усиленное еще впослѣдствіи прекращеніемъ продажи пива и вина, окажется продолженнымъ на все время войны (Высочайшее распоряженіе 22 авг. 1914 г.), причемъ и послѣ войны казенная продажа питей не должна возродиться. Разумѣется, повышеніе налоговъ съ тѣхъ предметовъ, которыми торговать запрещено, не могло дать казнѣ новыхъ рессурсовъ. Мало того, поступленія отъ винной монополіи должны были почти вовсе исчезнуть изъ

бюджета (остался доходъ отъ продажи спирта на техническія надобности) и повышеніе налоговъ получило тѣмъ самымъ назначеніе не пополнять военный бюджетъ, а покрыть образовавшуюся громадную брешь въ нормальной росписи.

Соотвѣтственно этимъ обстоятельствамъ, въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1915 годъ, внесенной въ Думу въ концѣ ноября 1914 г., находимъ иную, чѣмъ прежде, программу. Министръ финансовъ останавливается въ этомъ документѣ на вопросѣ о военномъ бюджетѣ весьма кратко. Но, тѣмъ не менѣе, онъ даетъ нѣкоторыя данныя и относительно размѣровъ расходовъ, и относительно предполагаемыхъ источниковъ покрытія. До конца октября—по словамъ министра финансовъ—общая сумма открытыхъ по всѣмъ вѣдомствамъ кредитовъ военнаго времени опредѣляется цифрою въ 1435 милл. р. Въ составъ этой суммы входятъ и мобилизаціонные расходы, которые, по приблизительнымъ даннымъ, опредѣляются въ 350 милл. О размѣрѣ суммъ всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ на войну министерство не даетъ свѣдѣній, ссылаясь на то, что неизвѣстно, когда война кончится, а предварительные расчеты, которыми само руководится, „не считаетъ себя въ правѣ оглашать". Мы полагаемъ, что стремленіе министерства соблюсти тайну въ этомъ отношеніи врядъ ли вызывается необходимостью. По крайней мѣрѣ, министры Англіи, Франціи и Германіи держатся иного мнѣнія: они указывали въ парламентахъ на свои предположенія и старались дать убѣдительныя доказательства финансовой возможности войны, при осуществленіи соотвѣтствующихъ мѣръ по изысканію доходовъ.

Въ качествѣ рессурсовъ для покрытія произведенныхъ расходовъ министръ финансовъ указываетъ на выпускъ краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства въ Россіи и заграницей, на выпускъ билетовъ казначейства (серій), на внутренній заемъ и, наконецъ, на остатки отъ ассигнованій по военнымъ и морскимъ смѣтамъ. Общую совокупность суммъ, которыя имѣлись до конца октября, министръ исчисляетъ въ 1850 милл. руб. „Для изысканія дальнѣйшихъ средствъ, необходимыхъ на покрытіе военныхъ расходовъ, — прибавляетъ министръ,—придется обра-

титься къ кредитнымъ операціямъ, и министръ финансовъ питаетъ твердую увѣренность въ томъ, что заключеніе новыхъ военныхъ займовъ какъ внутри страны, такъ и, при первой возможности, за границей, не представитъ особыхъ затрудненій".

28 января Государственной Думѣ давалъ за министра финансовъ объясненія государственный контролеръ. Онъ указалъ, что съ начала военныхъ дѣйствій до 1 января 1915 года чрезвычайные расходы военнаго времени, считая и расходы на мобилизацію, достигли 3020 милл., дѣйствительно же произведенные расходы равнялись за то же время 2243 милл. (изъ нихъ на пособія семьямъ солдатъ—190 милл., земскому и городскому союзамъ на лѣченіе раненыхъ и больныхъ 76 милл., на оказаніе помощи населенію Польши 30 милл., сверхъ того, на ту же надобность предположено къ отпуску еще 100 милл.). По даннымъ о произведенныхъ расходахъ, размѣръ ежедневной стоимости войны опредѣляется въ 14 милл., изъ которыхъ около 1,4 милл. получается отъ кредитовъ, внесенныхъ въ обыкновенныя смѣты министерствъ военнаго и морского, „а остальная сумма должна покрываться за счетъ государственныхъ займовъ", считая въ томъ числѣ, очевидно, и займы въ государственномъ банкѣ, осуществляемые путемъ учета обязательствъ государства, взамѣнъ которыхъ банкъ выпускаетъ кредитные билеты. Итакъ, вотъ схема военнаго бюджета: расходы по 375 милл. въ мѣсяцъ, не считая, разумѣется, издержекъ по ликвидаціи войны, и покрытіе стоимости войны займами и кредитными билетами.

Правиленъ ли избранный путь, цѣлесообразенъ ли онъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, какъ поступаютъ въ аналогичномъ положеніи другія государства. Что касается Франціи, то здѣсь не только не ввели никакихъ новыхъ налоговъ для покрытія военныхъ расходовъ, но даже пріостановили дѣйствіе подоходнаго налога, который, наконецъ то, прошелъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ и долженъ былъ вступить въ дѣйствіе съ 1915 года. Франція получаетъ средства частью въ видѣ ссуды изъ центральнаго эмиссіоннаго своего учрежденія — „Banque de France", частью путемъ учета краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, а въ послѣднее время вы-

пускомъ обязательствъ съ десятилѣтнимъ срокомъ. Сверхъ того, отъ реализаціи долгосрочнаго займа, заключеннаго предъ войной, получено было около 400 милл. фр. Германія пользуется поступленіями отъ установленнаго предъ войной поимущественно-подоходнаго сбора единовременнаго характера, выпускаетъ долгосрочные займы и учитываетъ въ рейхсбанкѣ обязательства государственнаго казначейства.

Въ общемъ, надо признать, что эти государства пользуются кредитными операціями и не ищутъ средствъ на веденіе войны въ области налоговъ.

Въ противоположномъ направленіи идетъ Англія. Здѣсь исторически сложился обычай покрывать значительную часть военныхъ расходовъ съ помощью налоговъ. Грандіозныя войны, которыя вела Англія въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, стоили 831 милл. ф. ст., причемъ 391 милл. было получено съ помощью налоговъ. Въ связи съ этимъ, именно тогда достигла зенита та система налоговъ на потребленіе, которая охватывала всѣ предметы первой необходимости и всѣ предметы роскоши, распространялась и на пищу, и на одежду, и на жилище, которая регламентаціей производства, обложеніемъ сырья и удорожаніемъ существованія рабочаго столь серьезно тормозила развитіе обрабатывающей промышленности и торговли. Крымская кампанія обошлась Англіи въ 67,5 милл. ф. ст., изъ коихъ налогами было получено 35 милл.; наконецъ, въ англо-бурскую войну около $^1/_3$ всей суммы военныхъ расходовъ было взято налогами.

Правда, эти войны тянулись нѣсколько лѣтъ, и каждый годъ приходилось собирать относительно небольшія суммы: такъ, революціонныя и наполеоновскія войны продолжались 20 лѣтъ, крымская война 3 года, англо-бурская (стоимостью 211 милл. ф. ст.) 4 года. А нынѣшняя война должна обойтись въ 450 милл. ф. въ годъ. Зато въ настоящее время народный доходъ гораздо больше прежняго: такъ, напр., въ эпоху Питта народный доходъ, подлежащій обложенію подоходнымъ сборомъ, исчислялся въ 250 милл. ф., а теперь онъ достигаетъ 2300 милл. Бюджетъ питтовскаго времени, считая и военныя издержки, равнялся 70 милл. ф., составляя $^1/_3$—$^1/_4$ всего народнаго дохода. Если теперь взять по той же нормѣ, государство получило бы 450—700 милл.,

и въ займахъ не было бы необходимости. Однако, въ такомъ случаѣ на плечи нынѣшняго поколѣнія и на доходы года или лѣтъ войны было бы возложено слишкомъ тяжелое бремя. Столь высокіе налоги привели бы, какъ то было и прежде, къ значительнымъ народно-хозяйственнымъ ущербамъ, что отразилось бы и на экономическомъ положеніи ближайшихъ лѣтъ весьма вреднымъ образомъ. Современныя войны подготовляются десятилѣтіями и ведутся ради осуществленія національныхъ задачъ, въ которыхъ заинтересовано не одно поколѣніе. Если война будетъ побѣдоносна, Германія потеряетъ колоніи и сила ея въ экономической конкуренціи съ Англіей ослабѣетъ, то выигрышемъ воспользуются не только тѣ, кто теперь работаетъ и наживаетъ. Къ тому же, нынѣ живущіе плательщики въ теченіе многихъ лѣтъ несли тяжелое бремя милитаризма, дорогихъ приготовленій къ войнѣ, а въ случаѣ ограниченія вооруженій или хотя бы пріостановки роста ихъ послѣ прочнаго мира, благотворные результаты будутъ сказываться въ теченіе продолжительнаго времени не для нихъ однихъ. Вотъ почему извѣстная часть расходовъ должна быть покрыта не налогами, а займами, по которымъ расплата будетъ долговременной.

Но, съ другой стороны, конечно, неправильно было бы цѣликомъ покрыть военные расходы займами. Прежде всего, вѣдь кредитъ приходится оплачивать. Если бы въ эпоху войнъ конца 18 и начала 19 вѣка Англія покрыла всѣ затраты напряженіемъ кредита, то за послѣдующее столѣтіе этой странѣ пришлось бы переплатить 1,5—2 милліарда ф. ст. на процентахъ. Было бы несправедливо обременять потомство подобными излишними поборами. Къ тому же, Англія не можетъ въ настоящее время пожаловаться на особенное разстройство въ своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ: на территоріи Англіи нѣтъ непріятеля, морская торговля этой страны не пресѣчена. Словомъ, населеніе работаетъ и зарабатываетъ въ текущій военный періодъ, а стало быть, можетъ извѣстную часть своихъ заработковъ безъ существеннаго ущерба для себя отдать на веденіе войны. Тѣмъ болѣе это осуществимо, если правильно выбрать налоги, возложивъ наибольшую тяжесть на состоятельные классы. Однако, въ виду громадной величины военныхъ расходовъ и

значительнаго повышенія сборовъ съ имущихъ классовъ за послѣдніе годы (финансовая реформа Лойда Джорджа), налогами рѣшено покрыть сравнительно небольшую часть предстоящихъ издержекъ: только 80 милл. ф., то есть около 18%. При этомъ, главную добавку имѣется въ виду получить отъ подоходнаго налога, а именно 57 милл. ф., затѣмъ идетъ повышеніе налога на пиво съ дополнительной выручкой въ 19 милл. ф. и прибавка къ пошлинѣ на чай, отъ которой ждутъ 4 милл. ф. Пріостановка погашенія долга дастъ 2 милл. ф. Остальное же будетъ выручено путемъ кредитныхъ операцій, главнымъ образомъ, долгосрочныхъ займовъ, и лишь отчасти краткосрочныхъ.

Имѣя въ виду сказанное выше относительно политики Англіи въ вопросѣ о покрытіи военныхъ расходовъ, не трудно понять, почему Франція и Германія избрали иной путь. Даже Англіи, вслѣдствіе колоссальной величины издержекъ и все-таки значительныхъ экономическихъ потрясеній, вызванныхъ міровой войной, пришлось прибѣгнуть къ налогамъ въ существенно меньшей мѣрѣ, чѣмъ до сихъ поръ дѣлалось здѣсь въ аналогичныхъ случаяхъ,—благо свободныхъ капиталовъ въ Англіи теперь очень много, и кредитъ государства неограниченъ. Франція экономически страдаетъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ Англія. Значительная часть ея территоріи занята непріятелемъ и разорена, рабочихъ рукъ въ странѣ осталось не подъ ружьемъ недостаточно, доходы народа значительно уменьшились. Въ виду всего этого населеніе не въ состояніи безъ особаго напряженія внести въ казну большія суммы налогами. Тѣмъ болѣе затрудненъ этотъ путь, что въ послѣдніе годы во Франціи были очень сильны соціально-политическія тренія именно въ налоговой сферѣ, и подоходный налогъ провели здѣсь при большомъ сопротивленіи сильныхъ и вліятельныхъ классовъ. Было бы рискованно борьбой изъ за налоговъ обострять отношенія между партіями и классами, только что объединившимися на національныхъ задачахъ. Къ тому же, кредитъ соблазнительно доступенъ и легокъ въ этой богатой странѣ, гдѣ такъ много „капиталистовъ“, которые очень не прочь получить выгоды отъ помѣщенія свободныхъ средствъ въ государственныя обязательства.

Что касается Германіи, то ея хозяйство испытываетъ изъ за войны наибольшія потрясенія. Сбытъ товаровъ отрѣзанъ, привозъ продуктовъ и сырья почти невозможенъ. А между тѣмъ, обороты внѣшней торговли Германіи достигали предъ войной 20 милліардовъ марокъ въ годъ, и, значитъ, страна эта находилась въ очень оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ другими государствами. Теперь важнѣйшій источникъ доходовъ и заработковъ германскаго населенія—индустрія на вывозъ—прекратился, изсякъ. Въ Германіи ощущается недостатокъ сырья, корма для скота, металловъ и даже пищевыхъ продуктовъ, свирѣпствуетъ дороговизна. Все это очень неблагопріятныя условія для введенія налоговъ. Затѣмъ, предъ войной Германія, какъ извѣстно, ввела чрезвычайный сборъ съ имущихъ классовъ, который долженъ былъ дать всего 1 милліардъ, и далъ къ началу войны около 400 милл. м. Въ послѣдніе годы, вообще, принято было въ этой странѣ за правило, нашедшее себѣ даже отраженіе въ законодательствѣ, покрывать расходы по усиленію воинской мощи (особенно флота) повышеніемъ налоговаго бремени состоятельныхъ классовъ. Новое дополнительное обложеніе не могло лечь на средніе и низшіе классы, потому что война именно ихъ особенно сильно задѣваетъ, требуя жертвъ и жизнью, и здоровьемъ, повышая значительно издержки на содержаніе семьи и одновременно сокращая заработки. Привлечь опять состоятельные классы было, однако, не менѣе опасно для государства, чѣмъ обложить широкія массы населенія. Именно эти политическія соображенія, въ связи съ указанными экономическими обстоятельствами, должны были направить стремленія германскаго финансоваго вѣдомства въ область кредитныхъ операцій. Да вѣдь, къ тому же, налогами всегда трудно быстро добыть большія суммы.

Какъ же рѣшить вопросъ относительно Россіи, имѣя въ виду указанныя дѣйствія и ихъ мотивы въ другихъ странахъ?

Въ Россіи за послѣдніе годы народный доходъ значительно увеличился. Мы переживали счастливые годы промышленнаго подъема и хорошихъ урожаевъ. Мало того, война меньше затронула экономическую жизнь страны слабо развитаго капитализма. Дѣло въ томъ, что кредитныя отно-

шенія у насъ далеко не столь сложны, всеобъемлющи и интернаціональны, какъ у сосѣдей въ Европѣ. Международная торговля Россіи относительно слабо развита,—это видно хотя бы изъ того факта, что почти полное отсутствіе вывоза понижаетъ цѣны соотвѣтствующихъ продуктовъ весьма мало. Несмотря на большіе успѣхи по части европеизаціи и индустріализаціи, оказалось, что Россія все таки еще въ значительной степени сама себѣ довлѣетъ. Вотъ почему наше народное хозяйство—конечно, лишь относительно и сравнительно говоря—немного пострадало изъ за войны. Стало быть, средства у населенія имѣются, тѣмъ болѣе, что прекращеніе продажи алкоголя повело къ тому, что расходы широкихъ массъ сократились почти на милліардъ, не отданный казнѣ въ обмѣнъ на водку, во первыхъ; во вторыхъ, прогульные дни, похмельные понедѣльники упразднились; въ третьихъ, выросла производительность труда у бывшихъ питуховъ и т. д. Къ тому же, напряженіе кредита для Россіи и не особенно легко, и не очень желательно. Кредитъ нашъ, по преимуществу заграничный и французскій, дорогой вообще и особенно мало доступный въ періодъ напряженія рессурсовъ у самихъ странъ—кредиторовъ міра. Далѣе, Россія и до войны платила ежегодно около 400 милл. процентовъ по займамъ. Этотъ свинцовый, мертвый по желѣзнодорожной терминологіи, грузъ еще увеличивать, — разумѣется, и опасно, и нежелательно.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, казалось бы, совершенно необходимо взять въ Россіи извѣстную часть средствъ для покрытія военныхъ расходовъ съ помощью налоговъ. Само собой разумѣется, при совершеніи этой операціи надлежало бы соблюсти мѣру и помнить, что все-таки, при малыхъ доходахъ русскаго населенія, даже абсолютно небольшое бремя государственныхъ расходовъ (въ нѣсколько разъ меньшее по расчету на голову населенія, чѣмъ, напр., въ Англіи) относительно довольно тяжко ложится на плечи недостаточныхъ слоевъ русскаго народа и въ нормальное время.

Однако, эти—сами по себѣ, безспорно правильныя—соображенія утратили силу съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что одновременно съ появленіемъ значительныхъ военныхъ рас-

ходовъ государственное казначейство потеряло очень крупную статью доходовъ—казенную винную монополію, приносившую чистаго остатка около 650 милл. р. Взамѣнъ этого источника надо было найти другой или другіе, и найти притомъ немедленно, безотлагательно. Конечно, замѣнить монополію могли только налоги. Если въ дальнѣйшемъ вмѣсто этой монополіи могутъ быть организованы другія, то—не говоря о сомнѣніяхъ насчетъ того, что онѣ дадутъ столь крупныя поступленія даже при обильномъ ихъ примѣненіи,—во всякомъ случаѣ, новыя предпріятія должны быть обдуманы, устроены, проведены въ законодательномъ порядкѣ и осуществлены на практикѣ, для чего, понятно, требуется время, и притомъ немалое. Стало быть, на ближайшій годъ предстояло получить на покрытіе обыкновенныхъ, не военныхъ расходовъ около 700 милл. съ помощью налоговъ. При такихъ условіяхъ трудно, разумѣется, думать, чтобы было возможно и цѣлесообразно привлечь, сверхъ того, налоговые источники и къ оплатѣ сколько-нибудь значительной части военныхъ расходовъ, которые должны опредѣлиться въ суммѣ $4^1/_2$—5 милліардовъ р., при годовой продолжительности войны.

Намъ могутъ возразить ссылкой на то указанное выше обстоятельство, что, разъ населеніе не уплачиваетъ теперь милліарда за водку, у него эти деньги останутся. Если даже ихъ возьмутъ новыми налогами, то все-таки—скажутъ нѣкоторые—можно бы добавку сдѣлать, относя доказательство ея осуществимости на тѣ аргументы, которыми мы защищали допустимость налоговаго покрытія части военныхъ расходовъ въ томъ случаѣ, если бы монополія не была отмѣнена. Абстрактно говоря, аргументъ этотъ не отразимъ. Но конкретно надо имѣть въ виду, что серьезное повышеніе дѣйствующихъ сборовъ и введеніе новыхъ, словомъ, очень значительное единовременное усиленіе обложенія, во первыхъ, всегда опасно дли фиска въ смыслѣ большой вѣроятности недоборовъ и, во вторыхъ, плохо отражается на народномъ хозяйствѣ. Высокіе прямые налоги,. и въ томъ числѣ подоходный, усиливаютъ стремленія къ утайкѣ; высокіе косвенные налоги приводятъ къ корчемству и контрабандѣ, съ одной стороны, къ сокращенію потребленія,—съ другой. И

прямые, и косвенные налоги, если сразу значительно повышаются, вызываютъ большую путаницу въ торговыхъ и коммерческихъ расчетахъ, перестройку сложившихся отношеній въ борьбѣ за переложеніе сборовъ, производятъ встряску всего устоявшагося оборота. Сверхъ того, хотя, въ общемъ, война относительно мало ударила нашу хозяйственную жизнь, но все таки для перенесенія этого удара, для того, чтобы выровняться по новымъ условіямъ, уже пришлось населенію перенести рядъ матеріальныхъ лишеній и придется впредь претерпѣть еще болѣе. Работники у насъ остались въ деревнѣ. Но ихъ далеко не столько, сколько было раньше и сколько нужно, и это отразится неминуемо и на посѣвахъ, и на уборкѣ, и на будущемъ урожаѣ. Рядъ отраслей промышленности не только не проигралъ, но выигралъ благодаря военнымъ заказамъ, выиграли и оставшіеся рабочіе. Но сколько потребителей и плательщиковъ, сколько работниковъ погибнетъ на войнѣ, какое количество останется навѣки съ потерянной, полностью или частью, работоспособностью? Многіе предприниматели и торговцы потираютъ руки, радуясь хорошимъ дѣламъ; но какъ велико число такихъ предпріятій, которыя лишились руководителей-спеціалистовъ и толковыхъ рабочихъ? Короче говоря, надо имѣть въ виду, что война ведетъ, въ общемъ и цѣломъ, къ несомнѣнному пониженію платежеспособности населенія, вынужденнаго вѣдь нести въ теченіе войны рядъ расходовъ, совершенно необычныхъ: посылки роднымъ, уплата семьямъ служащихъ, ушедшихъ на войну, благотворительные расходы добровольнаго характера, переплаты, вызванныя вздорожаніемъ жизни и достигающія весьма крупныхъ размѣровъ, и т. д. Вотъ почему неправильно было бы стараться получить въ Россіи съ помощью налоговъ больше того, что необходимо для заполненія бреши отъ прекращенія казенной торговли водкой.

Это относится, впрочемъ, только къ нормальнымъ формамъ обложенія. Намъ кажется, что, независимо отъ введенныхъ новыхъ налоговъ, было бы возможно установить чрезвычайный сборъ съ состоятельныхъ классовъ, съ ихъ доходовъ. Считая необходимымъ безотлагательное введеніе въ Россіи подоходнаго налога, мы думаемъ, что вполнѣ осуществимо экономически и вполнѣ справедливо этически взять

въ годъ войны этотъ налогъ въ повышенномъ размѣрѣ, поднявъ нормальныя ставки, напр., вдвое или втрое. Установивъ подоходный налогъ для лицъ, имѣющихъ въ годъ свыше 1000 р., рядомъ съ нимъ, въ крайнемъ случаѣ, быть можетъ, допустимо было бы ввести чрезвычайное обложеніе и малоимущихъ въ той или иной формѣ. Такимъ путемъ удалось бы, пожалуй, получить сумму, которой хватило бы приблизительно на мѣсяцъ войны (около 400—500 милл. р.).

Вся остальная масса военныхъ расходовъ, то есть, не менѣе 5—4½ милліардовъ рублей должна быть найдена съ помощью напряженія какъ нормальнаго кредита, такъ и ненормальнаго—выпуска кредитныхъ билетовъ. Посмотримъ же, что сдѣлано въ этомъ направленіи, что остается сдѣлать и какихъ послѣдствій надо ждать въ результатѣ столь грандіознаго использованія указаннаго источника для государственнаго и народнаго хозяйства Россіи.

Кредитныя операціи, имѣвшія мѣсто до настоящаго времени, заключались въ долгосрочныхъ займахъ на внутреннемъ рынкѣ, въ выпускѣ краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, учитываемыхъ какъ въ русскихъ, государственномъ и частныхъ, банкахъ, такъ и заграницей, и, наконецъ, въ реализаціи билетовъ государственнаго казначейства. Всего больше до сей поры получено отъ выпуска краткосрочныхъ обязательствъ, срокомъ на шесть мѣсяцевъ, съ оплатой 5%, купюрами въ 100 тыс., 500 тыс. и 1 милл. р.

Въ теченіе 1914 года выпущено было:

I. Въ русской валютѣ.	Милл. р.	Срокомъ (1914—1915).
указомъ 23 іюля	400	съ 15 августа по 15 февр.
„ 6 октября . .	400	съ 1 октябр. по 1 апр.
„ 26 декабря . .	500	съ 20 декабр. по 20 іюня.
Итого . . .	1.300 милл. р.	

II. Въ иностранной валютѣ.	милл. ф. ст.
указомъ 6 октября	12
„ 26 декабря	40
Итого	52 милл. ф. ст.

Затѣмъ, въ 1915 году разрѣшено указомъ 6 февраля осуществить еще два выпуска обязательствъ (четвертый и пятый), каждый по 500 милл. р., срокомъ на полгода: четвертый съ 1 февраля, а пятый съ 15 февраля. При этомъ 400 милл. изъ общей суммы въ 1 милліардъ р. должны быть обращены на погашеніе тѣхъ обязательствъ, которымъ въ февралѣ 1915 г. истекаетъ срокъ. Обязательства эти, какъ и 500 милл. декабрьскаго выпуска, могутъ быть реализованы не только въ Россіи, но и заграницей. Такимъ образомъ, отъ краткосрочныхъ обязательствъ казна получила 1.900 милл. въ Россіи и получитъ около 500 милл. заграницей,—итого 2.400 милл.

Мы не знаемъ точно, какая часть обязательствъ помѣщена въ частные банки [1]). Но, судя по тому, что въ балансѣ Волжско-Камскаго банка на 1 февраля 1915 г. ихъ было на 66 милл. р., въ балансѣ Азовско-Донского на 31 декабря 1914 г. на 25 милл. р., а по балансу на 1 января 1915 г. Русскаго для внѣшней торговли банка на 19,6 милл. р., надо думать, что сумма эта значительна. Въ томъ же насъ убѣждаетъ слѣдующій расчетъ. Въ государственномъ банкѣ было реализовано обязательствъ казначейства по балансу на 8 февраля, въ круглыхъ цифрахъ, всего на 1 милліардъ руб. Считая, что 600 милл., о разрѣшеніи къ выпуску которыхъ было опубликовано 10 февраля (указъ датированъ 6 февр.), еще не могли быть учтены къ 8 февраля, получимъ выводъ, что въ русскихъ частныхъ банкахъ учтено на 300 милл. обязательствъ (разница между общей суммой учтенныхъ и суммой учета въ государственномъ банкѣ). У насъ есть основанія думать, что къ 23 февраля внѣ государственнаго банка было учтено обязательствъ на 262 милл. р. Къ 16 марта 1915 г. въ государственномъ банкѣ учтено было интересующихъ насъ обязательствъ на 1.131 милл. р.

Далѣе, надо опредѣлить, что получено было съ помощью билетовъ государственнаго казначейства. Указомъ 22 августа разрѣшено выпустить на 300 милл. р. серій, 12 разрядовъ, по 25 милл. каждый (за №№ 439—450) съ оплатой по 4% и

[1]) Въ балансахъ лишь немногіе банки отмѣчаютъ отдѣльно эти обязательства.

на четырехлѣтній срокъ. Затѣмъ, было предоставлено министру финансовъ по мѣрѣ того, какъ въ кассахъ государственнаго банка и казначействъ будутъ накопляться билеты оставшихся въ обращеніи разрядовъ 433—438, по которымъ положена оплата въ 3,6%, погашать ихъ, замѣняя новыми выпусками, оплачиваемыми впредь по 4% (указъ 10 октября 1914). Мѣра эта имѣла цѣлью парализовать довольно естественный притокъ низко оплачиваемыхъ серій, которыя, какъ извѣстно, обязательны къ пріему въ казенные платежи и въ кассы государственнаго банка по номинальной цѣнѣ. Сверхъ того, тотъ же указъ предоставилъ министру право выпускать не только купюры въ 50 и 100 р., но и въ 25 р., а указъ 26 декабря допускаетъ купюры въ 500 р. Такимъ образомъ, серіи стали по купюрамъ близкими кредитнымъ билетамъ: начиная съ 25 р., ихъ ассортиментъ достаточно богатъ, чтобы усилить существенно ихъ роль процентныхъ денегъ. Во исполненіе данныхъ ему полномочій и указаній министръ финансовъ 1 февраля выпустилъ для погашенія 3,6% билетовъ новую 451 серію 4% билетовъ, на 10 милл. купюрами 25 рублеваго достоинства и на 15 милліоновъ—500 рублеваго.

Пока казна получила отъ серій на веденіе войны лишь 300 милл. Но къ нимъ могутъ прибавиться находящіяся въ народномъ обращеніи того же типа процентныя деньги на сумму до 150 милл. р. Во всякомъ случаѣ, не исключена опасность образованія на этомъ пути особо выгодныхъ денегъ, которыя, при выпускѣ въ значительныхъ размѣрахъ, естественно и неизбѣжно уронятъ курсъ кредитныхъ билетовъ, не дающихъ процента. Пока нѣкоторыя — вѣроятно, значительныя—количества серій имѣются въ банкахъ: такъ, напр., въ Волжско-Камскомъ по балансу на 31 декабря находилось ихъ на 18 милл. р.

Внутренній заемъ на 500 милл. р. нарицательныхъ выпущенъ на основаніи указа 3 октября 1914 г. Онъ освобожденъ отъ налога на денежные капиталы и даетъ держателямъ 5%. Облигаціи его опредѣлены въ 50, 100, 200, 500, 1000 и 5000 р. Заемъ погашается тиражами въ періодъ съ 1916 г., причемъ ни конверсіи, ни досрочнаго погашенія обѣщано не дѣлать ранѣе 1 марта 1925 года. Въ случаѣ вы-

пуска до 1 января 1917 года государственныхъ займовъ держателямъ облигацій даннаго займа предоставляется преимущественное право подписки. Подписная цѣна займа въ 94, а банкирамъ онъ былъ отданъ по 92. Мелкіе подписчики— до 1000 р.—обязаны внести полностью за свои облигаціи къ 1 ноября (подписка принималась 24 и 25 октября), а болѣе крупнымъ дана разсрочка: къ 1 ноября 40%, къ 1 декабря 30% и къ 15 января 1915 года 30%.

Размѣщенъ былъ заемъ такимъ образомъ: по 100 милл. взяли государственный банкъ и сберегательныя кассы, 200 милл. приняли на себя петроградскіе коммерческіе банки и 100 милл. московскіе. Выручка, не считая расходовъ, должна составить 460 милл., если и долю государственнаго банка и сберегательныхъ кассъ исчислять по 92 за сто, въ иномъ случаѣ—476 милл. Первоначально заемъ шелъ съ рукъ у банковъ не особенно удачно, но, мало-по-малу, онъ все-таки былъ размѣщенъ въ публикѣ, и въ началѣ марта состоялся выпускъ такого же второго займа на сумму въ 500 милл. на тѣхъ же, въ общемъ, условіяхъ, на какихъ заключенъ былъ первый заемъ (Высочайшій указъ данъ 6 февраля, подписка происходила 2 марта). Стало быть, отъ внутреннихъ займовъ долгосрочнаго характера выручено около 1 милліарда рублей.

Относительно внѣшнихъ займовъ вполнѣ точныхъ данныхъ не имѣется, такъ какъ министерство финансовъ не считаетъ нужнымъ или не находитъ возможнымъ опубликовать основанія своего соглашенія съ Англіей и Франціей. Съ одной стороны, есть основанія утверждать, что намъ обезпеченъ заемъ въ 1 милліардъ р., не считая учета обязательствъ казначейства въ Англіи на 40 милл. ф., разрѣшенныхъ указомъ 26 декабря. Съ другой стороны, однако, въ концѣ января эти обязательства еще не были реализованы въ Англіи, и въ срединѣ февраля по новому стилю англійскій банкъ размѣстилъ, какъ будто впервые, съ помощью подписки обязательства русскаго казначейства срокомъ на годъ. Если въ счетъ милліарда входятъ обязательства на 400 милл., то внѣшніе займы дадутъ только 600 милл. р. сверхъ того, что сосчитано раньше.

Подведемъ теперь итоги тѣхъ средствъ, которыя можно обратить на веденіе войны:

I. Краткосрочныя обязательства въ Россіи и заграницей	2.400 милл.
II. Билеты государственнаго казначейства (серіи) .	300 „
III. Внутренніе займы долгосрочнаго типа	1.000 „
IV. Внѣшніе займы	отъ 600 до 1.000 милл.
Итого . . .	4.300—4.700 милл.

Этой суммы, надо думать, хватитъ на веденіе войны въ теченіе года, т. е. до конца іюля 1915 года. Если прибавить еще возможное и даже желательное установленіе чрезвычайнаго подоходнаго сбора въ размѣрѣ около 400 милл., то можно спокойно утверждать, что Россія обезпечена въ финансовомъ отношеніи еще на 5 мѣсяцевъ вполнѣ.

При этомъ расчетѣ мы какъ будто, совсѣмъ упустили изъ виду кредитные билеты. Но, въ дѣйствительности, поскольку они служатъ дѣлу финансированія войны, они выпускаются подъ обезпеченіе обязательствъ государственнаго казначейства, и съ помощью этого источника взято пока (до 16 марта) 1.131 милл. руб. Намѣченныя къ реализаціи краткосрочныя обязательства на сумму въ 600 милл. р., конечно, главнѣйшею массой, если не полностью, будутъ учтены государственнымъ банкомъ, и взамѣнъ ихъ банкъ долженъ будетъ выпустить кредитные билеты. Повидимому, это должно будетъ неизбѣжно повести къ расширенію эмиссіоннаго права на дняхъ, такъ какъ теперь (по балансу на 16 марта) золотому запасу въ 1.711 милл. р. противостоятъ на 3.198 милл. кредитные билеты. Это значитъ,что банкъ можетъ выпустить безъ обезпеченія золотомъ всего только на 13 милл. кредитныхъ билетовъ. На ближайшее время какъ будто есть возможность обойтись безъ расширенія эмиссіоннаго права, если выручка по заграничнымъ займамъ—въ видѣ реализаціи краткосрочныхъ или долгосрочныхъ обязательствъ—будетъ причислена къ заграничному золоту и тѣмъ самымъ создано будетъ основаніе къ выпуску изъ банка въ народное обращеніе соотвѣтствующаго количества кредитныхъ билетовъ. Конечно, деньги занимаютъ за границей не для того, чтобы ихъ держать на текущемъ счету. Но такъ какъ, по всей вѣроятности, выручка отъ заграничнаго займа предназначена для оплаты заграничныхъ заказовъ, а не для

перевозки въ русское государственное казначейство, то извѣстныя суммы могутъ оказаться на время свободными, и ихъ, согласно обычной нашей практикѣ, (одобренія въ мирные дни не заслуживающей), могутъ причислить къ золоту за границей, обезпечивающему выпускъ кредитныхъ билетовъ. Но, повидимому, на этотъ исходъ надежды мало, и въ то время, когда эти строки попадутся на глаза читателю, эмиссіонное право государственнаго банка будетъ уже увеличено на 1 милліардъ рублей, такъ что безъ покрытія золотомъ можно будетъ выпустить на 2.500 милл. кредитныхъ билетовъ.

Какъ же отнестись къ тѣмъ способамъ покрытія военныхъ расходовъ, которые избраны русскимъ министерствомъ финансовъ, и какихъ ждать послѣдствій отъ примѣненія этихъ способовъ для государственнаго и народнаго хозяйства?

Какъ выше сказано, при данныхъ конкретныхъ условіяхъ мы считаемъ неизбѣжнымъ пользоваться кредитомъ, а не налогами. Изъ формъ кредита, конечно, наиболѣе желательными надо считать внутренніе и внѣшніе займы. Къ сожалѣнію, внутренній рынокъ нашъ недостаточно богатъ и обиленъ, чтобы дать болѣе 1 милліарда въ годъ, а внѣшніе займы затруднены, съ одной стороны, опасеніями нашихъ союзниковъ ослабить свой собственный кредитъ, съ другой—охраной нашими друзьями своего золота, съ третьей—вѣроятно, и отсутствіемъ надлежащаго искусства у руководителей нашей финансовой политики при заключеніи финансовыхъ соглашеній. Какъ бы то ни было, трудно ждать выручки болѣе, чѣмъ въ 1 милліардъ, отъ этого источника. Остается, стало быть, при расчетѣ на годовую продолжительность войны, найти еще около 2½—3 милліардовъ. Сумма эта будетъ получена отъ реализаціи краткосрочныхъ обязательствъ и отъ выпуска билетовъ казначейства, то-есть, въ сущности, отъ использованія денежнаго обращенія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря объ учетѣ государственнымъ банкомъ обязательствъ казначейства, даже учетъ ихъ въ частныхъ банкахъ, какъ, впрочемъ, и значительная доля долгосрочныхъ внутреннихъ займовъ, осуществляются за счетъ выпуска кредитныхъ билетовъ, которыми государственный

банкъ снабжаетъ частные, открывая имъ кредиты въ различной льготной формѣ и давая ссуды подъ процентныя бумаги.

Что касается серій, то мы уже достаточно намѣтили ихъ денежную роль: прибавимъ только, что ихъ находится въ обращеніи въ настоящее время на 450 милл. р.

Итакъ, денежному обращенію нашему предстоитъ тяжелое испытаніе, чрезвычайная нагрузка. Стоитъ указать, что передъ войной кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи находилось на 1.633 милл. (балансъ 16 іюля), а теперь ихъ на 3.198 милл., значитъ, прибавка равна 1.565 милл. или, кругло говоря, 1.500 милл. р. При выпускѣ еще на 1—1½ милліарда кредитныхъ знаковъ, ихъ окажется въ прибавленіи на 2½—3 милліарда, а золото — послѣ эфемерныхъ прибавокъ къ золоту заграницей, о которыхъ мы говорили выше,—не увеличится (дай Богъ, чтобы хоть не уменьшилось).

Всего, такимъ образомъ, кредитокъ наберется на 4—5 милліардовъ при наличности золота въ 1.700 милл., то есть покрытіе составитъ около 30%. Правда, оно до начала войны равнялось почти 100%, но, въ сущности, само по себѣ, и третное покрытіе достаточно обезпечиваетъ размѣнъ въ нормальное время, при условіи, однако, что международныя отношенія сложатся благопріятно для нашихъ расчетовъ съ заграницей. Если вывозъ будетъ великъ, если привозъ окажется значительно меньше вывоза, и если другія статьи, какъ-то расходы русскихъ за границей, платежи по обязательствамъ государства, банковъ и частныхъ лицъ, не перевѣсятъ сильно благопріятныхъ результатовъ торговаго баланса, то размѣнъ можно будетъ открыть и поддержать. Но если золотая течь не будетъ закрыта, что, къ сожалѣнію, всего вѣроятнѣе, тогда надо будетъ озаботиться экстраординарными мѣрами по части привлеченія иностраннаго капитала или въ видѣ долгосрочныхъ займовъ, если они будутъ возможны, въ цѣляхъ консолидаціи краткосрочныхъ, или съ помощью иностранныхъ займовъ на производительныя задачи (на постройку желѣзныхъ дорогъ, на меліоративныя работы въ широкомъ масштабѣ и т. д.), или, наконецъ, въ видѣ частныхъ помѣщеній въ выгодныя предпріятія, которыхъ въ Россіи можетъ быть найдено очень большое количество, особенно при разрывѣ съ германскими услугами.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на то, что внутренніе займы имѣютъ хорошее вліяніе, между прочимъ, и на денежное обращеніе, а именно они выбираютъ изъ народнаго оборота кредитные билеты и выпускаютъ ихъ же вновь при расплатѣ государства по своимъ расходамъ. Такимъ образомъ, одни и тѣ же знаки могутъ фигурировать нѣсколько разъ и, значитъ, количество необходимаго выпуска тѣмъ самымъ уменьшается. Это вѣрно и для военнаго времени, и для періода послѣ войны, а между тѣмъ, очень часто упускается изъ виду при подсчетахъ предстоящихъ выпусковъ и при оцѣнкѣ положенія денежной системы послѣ войны.

Резюмируя намѣченныя соображенія, мы приходимъ къ заключенію, что, хотя безспорно трудныя времена ждутъ нашу денежную систему, но положеніе ея далеко не безнадежно. Было бы неосновательнымъ пессимизмомъ утверждать въ настоящее время съ увѣренностью, что бумажныя деньги снова и надолго воцарятся у насъ со всѣми ихъ отрицательными сторонами, столь печально отразившимися на развитіи народнаго хозяйства Россіи. При надлежащей финансовой и экономической политикѣ, при проявленіи дѣйствительнаго творческаго таланта со стороны руководителей этой политики, при дружныхъ усиліяхъ обновленной страны, начинающей новую эру своей жизни—отыщутся пути и средства къ тому, чтобы отстоять и золотую валюту (конечно, не сразу и не вдругъ)... Но—это считаемъ необходимымъ подчеркнуть—не слѣдуетъ дѣлать непоправимой ошибки, которая, повидимому, соблазняетъ кое-кого: не надо превращать серіи въ бумажныя деньги высшаго сорта—процентные кредитные билеты. Это съ неизбѣжностью поведетъ къ лажу на серіи и къ паденію курса кредитныхъ билетовъ обыкновеннаго типа. Не слѣдуетъ создавать и казначейскіе билеты мелкихъ купюръ, какъ предлагали нѣкоторые финансисты: они совершенно не нужны и не умѣстны въ Россіи, гдѣ государственный банкъ и безъ того выпускаетъ не свои банкноты, а государственные кредитные билеты, въ томъ числѣ и самыхъ мелкихъ купюръ, при томъ не только подъ векселя, но и подъ процентныя бумаги и подъ товары. Пока еще не поздно, на этомъ пути надо остановиться въ самомъ началѣ.

Пусть останутся у насъ кредитные билеты только одного сорта и одного вида, и притомъ всѣ подчиненные дѣйствію эмиссіоннаго закона.

IV.

„Пожаръ способствовалъ украшенію Москвы“. Основываясь на этомъ, многіе полагаютъ, что подъ вліяніемъ громадныхъ расходовъ, вызванныхъ войной, и въ особенности вслѣдствіе отмѣны винной монополіи, придется перестроить нашъ государственный бюджетъ, и при этомъ случаѣ возможно будетъ осуществить финансовую реформу, то есть, перейти къ болѣе справедливому и цѣлесообразному распредѣленію налоговаго бремени между отдѣльными слоями и классами населенія.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь необходимо отыскать постоянные доходы для замѣны поступленій отъ винной монополіи на громадную сумму въ 500—650 милл. р. Наскоро введена цѣлая сѣть сборовъ: повышены чуть не всѣ прежде дѣйствовавшіе прямые и косвенные налоги, къ нимъ прибавлены нѣкоторые новые, среди коихъ особенно выдѣляются два—на русскій хлопокъ и на перевозимые по желѣзнымъ дорогамъ грузы пассажирской, большой и малой скорости.

Но всѣ эти сборы носятъ временный характеръ: они установлены на одинъ годъ. Конечно, временные законы у насъ, по большей части, оказываются самыми прочными, да и въ области спеціально временныхъ налоговъ по случаю военныхъ дѣйствій мы имѣемъ опытъ китайской и русско-японской войнъ, послѣ которыхъ, несмотря на категорическое обѣщаніе при изданіи соотвѣтствующихъ законовъ, пониженія ставокъ не послѣдовало. Всего вѣроятнѣе, что и теперь большинство повышеній останется въ силѣ и получитъ длительный характеръ: да и по самому существу дѣла это неизбѣжно. Однако, такіе сборы, какъ желѣзнодорожный и хлопковый, прозванный уже порубашечнымъ налогомъ, должны быть отмѣнены. Первый изъ нихъ—желѣзнодорожный—крайне неравномѣренъ и чрезвычайно вреденъ для народнаго хозяйства. Онъ распространяется и на хлѣбъ, и на муку, и на соль, и на мясо, и на рыбу, и, вообще, на всѣ предметы потребленія, не исключая продуктовъ и товаровъ первѣйшей

необходимости. Съ помощью грузового налога сдѣланъ громадный шагъ назадъ въ нашей финансовой системѣ, которая выгодно отличалась отъ многихъ другихъ—германской, австрійской, французской—тѣмъ, что допускала обложеніе насущныхъ нуждъ лишь въ малой степени. Кромѣ того, новый сборъ нагромождаетъ на готовый продуктъ, если онъ изготовляется изъ привознаго сырья, на привозномъ топливѣ и продается не на мѣстѣ изготовленія, рядъ ставокъ—за каждое передвиженіе особо. Въ силу этого не только происходитъ общее удорожаніе товара, но и возникаетъ крайняя неравномѣрность обложенія, въ зависимости отъ того, идетъ ли работа на своемъ сырьѣ или на привозимомъ по желѣзной дорогѣ, продается-ли продуктъ въ окрестности или его надо отправлять по желѣзной дорогѣ и т. д. Наконецъ, расчеты торговцевъ и промышленниковъ относительно стоимости производства и доставки на рынокъ перепутываются, вслѣдствіе чего районы экономической географіи страны перераспредѣляются...

Отмѣна этихъ двухъ сборовъ несомнѣнна,—въ особенности не можетъ сохранить силы желѣзнодорожный налогъ. А вѣдь отъ нихъ имѣлось въ виду получить въ 1915 году всего 260 милл.: отъ хлопковаго сбора (по 2 р. 50 к. съ пуда) 30 милл. и отъ желѣзнодорожнаго (считая вмѣстѣ съ повышеніемъ налога на пассажировъ и багажъ) около 228 милл. р.

Къ этимъ 250 милл. надо прибавить около 100 милл. недохватки налоговъ, введенныхъ взамѣнъ монополіи, сравнительно съ доходами, которые получались отъ нея. Сюда же присоединятся еще платежи по займамъ. Если вся война проведена будетъ на кредитныя операціи, то въ результатѣ государственный долгъ увеличится на громадную сумму, которая, вѣроятно, достигнетъ 5 милліардовъ. Полагая среднюю оплату капитала въ 5%, получаемъ ежегодныхъ платежей на 250 милл. Итого, стало быть, надо найти до 600 м. добавочныхъ и притомъ регулярныхъ доходовъ, поступающихъ ежегодно.

Можно, конечно, выразить надежду на то, что послѣ войны наступитъ эра разоруженія или, по крайней мѣрѣ, значительнаго сокращенія военныхъ расходовъ, достигшихъ въ

эпоху вооруженнаго мира столь колоссальныхъ размѣровъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто апогей достигнутъ: въ росписи на 1914 годъ, утвержденной до начала войны, на военное министерство назначено было обыкновенныхъ расходовъ 621 милл., чрезвычайныхъ—126 милл., по морскому вѣдомству всего 246 милл. р. Итого 993 милл. р., то есть почти 1 милліардъ, при чистомъ бюджетѣ, если изъ него выкинуть оборотныя суммы, въ 2,5 милліарда. Казалось бы, послѣ войны создастся возможность тратить на оборону не 40% росписи, а значительно меньше. Къ сожалѣнію, врядъ ли это будетъ такъ.

Во-первыхъ, не всѣ недоразумѣнія, не всѣ экономическіе и политическіе счеты будутъ ликвидированы нынѣшней войной. Мало того, весьма возможно появленіе ряда новыхъ осложненій при установленіи международнаго сожительства на иныхъ началахъ, чѣмъ теперь. Во вторыхъ, ликвидація войны, залѣчиваніе ранъ, нанесенныхъ ею, какъ то: возстановленіе разрушенныхъ крѣпостей и судовъ, изношенныхъ орудій, истраченныхъ запасовъ провіанта, боевыхъ снарядовъ и аммуниціи, все это и многое другое требуетъ обыкновенно крупныхъ ассигнованій въ теченіе ряда лѣтъ послѣ войны. Не входя въ обсужденіе этого вопроса, отмѣтимъ только, что даже въ росписи на 1914 годъ имѣлись еще, хотя и незначительные уже, остатки „расходовъ, связанныхъ съ русско-японской войной и ея послѣдствіями“.

При болѣе экономномъ и цѣлесообразномъ хозяйничаньи можно было бы, конечно, удовлетворяя тѣ же потребности, какія осуществляются теперь, сберечь немалыя суммы. На этомъ надо настаивать, къ этому надо стремиться. Но въ нашемъ государственномъ быту такая масса неудовлетворенныхъ потребностей, и притомъ особо важнаго культурно-просвѣтительнаго и экономическаго характера, что возможныя сокращенія и сбереженія отъ военныхъ и иныхъ расходовъ должны будутъ неизбѣжно уйти именно на эти неотложныя нужды. Словомъ, уменьшенія бюджета и, стало быть, сокращенія налоговъ послѣ войны ждать не приходится.

Но, быть можетъ, намъ нужно будетъ только замѣнить поступленія отъ монополіи, военные же расходы мы заставимъ оплатить нашихъ враговъ, принудивъ ихъ послѣ по-

бѣды вознаградить насъ контрибуціей? Дѣлить шкуру еще не пойманнаго и не убитаго медвѣдя, конечно, занятіе не особенно остроумное. Однако, въ виду того, что нерѣдко приходится встрѣчать пылкія надежды на контрибуцію, какъ на средство избыть финансовыя затрудненія, отмѣтимъ по этому вопросу тѣ сомнѣнія, которыя невольно возникаютъ. Прежде всего, для того, чтобы взять солидную контрибуцію, надо одержать полнѣйшую побѣду, равносильную окончательному разгрому непріятеля. Далѣе, контрибуція должна быть достаточна для того, чтобы, во первыхъ, возвратить къ жизни такія разоренныя страны, какъ Бельгія и Сербія, чтобы затѣмъ возмѣстить убытки тѣхъ частей Франціи и Польши, которыя попали въ руки германцевъ и ими разгромлены. Затѣмъ, изъ остатка надо будетъ оплатить долги, сдѣланные за войну Бельгіей, Сербіей, а, быть можетъ, и другими странами, великимъ державамъ тройственнаго соглашенія. Тогда только наступитъ, наконецъ, очередь дѣлежа остальной части контрибуціи между Россіей, Франціей и Англіей. Трудно думать, чтобы при этомъ мы получили очень крупную сумму на свою долю. Во всякомъ случаѣ, каждый милліардъ контрибуціи сбережетъ намъ въ платежахъ по долгу около 50 милл. ежегодно. Сколько милліардовъ достанется намъ изъ контрибуціи — сказать сейчасъ нельзя, но можно навѣрное утверждать, что всѣ военные расходы покрыть контрибуціей никакъ не удастся.

Значитъ, государство должно найти въ своихъ предѣлахъ, кромѣ средствъ для пополненія бреши, вызванной отмѣной монополіи, еще 200—250 милл. для покрытія платежей по займамъ. Откуда же взять эти суммы? Съ кого и какъ ихъ взыскать? Если уничтоженіе зависимости нашего бюджета отъ потребленія водки и освобожденіе населенія отъ расхода на самый продуктъ, за который оно, вмѣстѣ съ налогомъ, уплачивало почти милліардъ рублей, соединить съ переложеніемъ суммъ, недостающихъ для установленія прочнаго бюджетнаго равновѣсія послѣ войны, на плечи состоятельныхъ классовъ, то финансовая реформа окажется осуществленной въ желательномъ смыслѣ. Спрашивается, однако, есть ли надежда на то, что удастся нехватающіе 800—900 милл. (600—650 милл. недобора отъ монополіи и 150 — 250 милл. платежей по

новымъ займамъ) выручить налогами съ состоятельныхъ классовъ?

Полагаемъ, что это неосуществимо по финансово-экономическимъ причинамъ, не говоря уже о соціально-политическихъ треніяхъ. Дѣло въ томъ, что у нашего населенія слишкомъ малы доходы. По оффиціальнымъ даннымъ, въ 1909/10 г. г. у лицъ, имѣющихъ доходу свыше 1000 р. въ годъ, было всего 2,6 милліарда р. дохода. Съ тѣхъ поръ прошло 5 лѣтъ оживленнаго экономическаго развитія, и общая сумма доходовъ должна была значительно увеличиться. Но война и ея послѣдствія неизбѣжно сократятъ эти доходы, особенно въ низшихъ ихъ категоріяхъ. Предположимъ, что доходы эти достигнутъ 3 милліардовъ. Стало быть, обложеніе ихъ придется повысить такъ, чтобы взять не менѣе четверти ихъ дохода. Если вспомнить, что состоятельныя группы населенія платятъ и теперь прямые и косвенные налоги, пошлины и другія подати какъ государственныя, такъ и земскія, и городскія, и что сборы эти всѣ вмѣстѣ достигаютъ крупныхъ размѣровъ, то придется усомниться въ возможности столь высокаго обложенія лицъ съ доходомъ свыше 1000 р.,—тѣмъ болѣе, что получающіе доходъ отъ 1000 до 2000 р. въ годъ не могутъ вѣдь считаться подходящими плательщиками очень высокихъ сборовъ, а ихъ доходъ составлялъ болѣе пятой части всей суммы доходовъ, такъ называемыхъ, состоятельныхъ лицъ.

Совершенно ясно, что въ такой бѣдной странѣ, какъ Россія, еще далеко не пришло то время, когда, по примѣру хотя бы Англіи, станетъ возможнымъ сосредоточить центръ тяжести обложенія на дѣйствительно имущихъ классахъ народа. А если такъ, то приходится мириться съ тѣмъ, что извѣстная и притомъ значительная часть оставшагося у населенія милліарда возвратится обратно въ государственное казначейство иными путями. Предположимъ, что отъ повышенныхъ по случаю войны разнообразныхъ налоговъ останутся въ силѣ не только прямые (поземельный, подомовый, промысловый, съ денежныхъ капиталовъ), но и косвенные, какъ то: на чай, на табакъ, на сахаръ, на квартиры, на спички, на нефть, таможенные и гербовые сборы (увеличеніе налога на дрожжи необходимо отмѣнить); упразднены же будутъ только

желѣзнодорожный и хлопковый налоги. Въ такомъ случаѣ дополнительное обложеніе должно будетъ дать еще около 500—600 милл. Какими же способами слѣдуетъ добыть эту сумму?

Прежде всего, конечно, необходимо ввести подоходный налогъ, какъ наиболѣе равномѣрный и справедливый и наиболѣе соотвѣтствующій требованіямъ населенія. За этотъ сборъ высказываются теперь у насъ не только неимущіе классы и ихъ защитники, его сторонниками являются промышленники, вообще, и отдѣльныя ихъ группы, въ частности: напримѣръ, недавно сдѣлали соотвѣтствующее заявленіе золотопромышленники. Съ помощью этого сбора, который вызываетъ нападки только со стороны избалованнаго привилегіями помѣстно-дворянскаго сословія, можно выручить 100—120 милл. р.

Далѣе, общественное мнѣніе давно уже намѣчаетъ реформу налога съ наслѣдствъ въ смыслѣ отмѣны льготъ помѣстному землевладѣнію, во первыхъ, и введенія прогрессіи, въ зависимости отъ размѣровъ переходящаго по наслѣдству имущества, во вторыхъ. Но эта мѣра большихъ поступленій дать не можетъ. Максимумъ прибавки—при маломъ количествѣ богатыхъ наслѣдствъ въ Россіи — 25 милл. Что же дальше?

Творчество нашего министерства финансовъ направляется на повышеніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Мѣра простая, но весьма опасная. Конечно, сдѣланное тщательно и съ разсужденіемъ повышеніе тарифовъ на перевозимые грузы предпочтительнѣе огульнаго и нелѣпаго желѣзнодорожнаго налога, нынѣ дѣйствующаго. Однако, въ концѣ концовъ, повышеніе стоимости перевозки ляжетъ, хотя и въ большемъ соотвѣтствіи съ стоимостью продукта, но все-таки на того же потребителя товаровъ и получитъ значеніе косвеннаго налога. При томъ существенное измѣненіе тарификаціи нарушаетъ сложившіяся отношенія обмѣна и вызываетъ весьма нежелательное перераспредѣленіе хозяйственныхъ районовъ, мѣняетъ экономическую карту страны, въ особенности если при этомъ ставится задачей повысить доходы казны на сотню или даже двѣ милліоновъ (при общихъ поступленіяхъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ приблизительно въ 800 милл.).

Повышеніе таможенныхъ тарифовъ ради извлеченія добавочнаго дохода представляется намъ столь же нецѣлесообразнымъ, какъ и увеличеніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Мы полагаемъ, что и желѣзныя дороги, и таможенная политика должны въ настоящее время въ Россіи направляться не фискальными стремленіями, а экономическими соображеніями о максимальномъ развитіи производительныхъ силъ страны. Если эта задача совпадаетъ съ фискальной,—тѣмъ лучше. Но чаще осуществленіе одной тормозитъ достиженіе другой, и предпочтеніе при этомъ, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ отдавать интересамъ не фиска, а народнаго хозяйства.

При такихъ условіяхъ задача установленія бюджетнаго равновѣсія остается все-таки далеко не разрѣшенной, и такъ какъ налоги не могутъ, повидимому, дать полнаго возмѣщенія, то невольно мысль обращается къ частно-правовымъ источникамъ дохода—къ казенному хозяйству и къ монополіямъ.

Изъ отраслей казеннаго хозяйства, сулящихъ значительное усиленіе дохода, на первомъ мѣстѣ надо поставить лѣса. Казенныхъ лѣсовъ у насъ буквально несмѣтное количество: ихъ не видали и не считали полностью еще ни разу. Если правильно поставить лѣсное дѣло, то есть, затратить на него значительный капиталъ, оно можетъ дать не нѣсколько десятковъ милліоновъ, которые выручаются теперь (около 40 милл.), а, быть можетъ, и сотни. Необходимо, однако, многое сдѣлать для достиженія этого результата. Надо провести дороги, увеличить количество лѣсничествъ, наладить правильное лѣсное хозяйство и лѣсную торговлю какъ внутри страны, такъ и на вывозъ и т. д. Сразу этого, конечно, не сдѣлаешь, но при очень энергичной работѣ могутъ быть достигнуты серьезные результаты въ теченіе сравнительно немногихъ лѣтъ.

Государственныя монополіи вызываютъ принципіальныя возраженія. Во-первыхъ, онѣ сужаютъ кругъ выгодныхъ занятій для населенія и потому нежелательны. Во - вторыхъ, государство - предприниматель значительно увеличиваетъ свою власть надъ отдѣльными гражданами, прибавляя къ политическому господству экономическое, что можетъ имѣть вредныя и политическія, и экономическія, и соціальныя по-

слѣдствія. Въ третьихъ, казна можетъ плохо вести дѣло: и дорого, съ большими расходами, и неудовлетворительно, по отношенію къ кліентамъ, если составъ чиновниковъ недостаточно хорошъ. Указанныя обстоятельства, а также и нѣкоторыя другія, менѣе существенныя, дѣлаютъ монополіи мало привлекательными, вообще, а въ особенности, въ условіяхъ русской дѣйствительности, гдѣ и безъ того преобладаютъ интересы казны и государства, гдѣ такъ мало развита частная иниціатива и такъ сужены рамки личной дѣятельности. У насъ монополіи естественно вызываютъ опасенія, весьма серьезныя и довольно основательныя. Необходимо, значитъ, если безъ монополій обойтись нельзя—а дѣло обстоитъ, какъ выяснено выше, именно такъ,—сдѣлать очень осторожный выборъ, осуществить только тѣ изъ нихъ, которыя грозятъ наименьшей ломкой существующихъ экономическихъ отношеній и задѣнутъ сравнительно небольшое количество лицъ, которыя технически особенно просто осуществимы и, къ тому же, представляютъ область, знакомую чиновникамъ по дѣятельности ихъ въ настоящее время.

Исходя изъ намѣченныхъ предпосылокъ, мы естественно наталкиваемся на группу продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ или таможенными пошлинами, причемъ выборъ нашъ долженъ остановиться на отрасляхъ производства и торговли, несущихъ высокіе сборы въ пользу казны, сосредоточенныхъ въ рукахъ немногихъ лицъ, а, можетъ быть, и синдицированныхъ, и подлежащихъ или регулированію или строгой регламентаціи со стороны правительства въ настоящее время.

Наиболѣе отвѣчающими поставленнымъ условіямъ являются торговля чаемъ, рафинадное дѣло и торговля сахаромъ, изготовленіе и продажа табачныхъ издѣлій. Эти фискальныя монополіи мы считаемъ особенно возможными, особенно подходящими и потому подлежащими осуществленію. Нефтяная и страховая монополіи намѣчаются ради достиженія не фискальныхъ, а по преимуществу экономическихъ и соціально-политическихъ задачъ, во первыхъ; онѣ встрѣчаютъ большія техническія затрудненія, во вторыхъ. Поэтому, надъ планами ихъ надо внимательнѣе и серьезнѣе поработать.

При обсужденіи вопроса о монополіяхъ у насъ теперь,—какъ, впрочемъ, обычно въ вопросѣ о государственныхъ доходахъ,—очень часто упускаютъ изъ виду необходимость, во чтобы то ни стало, найти добавочныя средства и, стало быть, неизбѣжность альтернативы. Монополіи не весьма желательны и имѣютъ дурныя свойства. Если такъ, то надо обратиться къ налогамъ. Но неимущіе классы и безъ того переобременены, а съ имущихъ нельзя брать свыше мѣры, потому что это нанесетъ ущербъ развитію народнаго хозяйства, накопленію капиталовъ и, значитъ, народному благосостоянію. Сверхъ того, при очень высокихъ сборахъ великъ и рискъ для казны не получить предположенныхъ доходовъ. Значитъ, какъ же быть? Отвѣта на это обычно нѣтъ. А между тѣмъ, при выборѣ между налогами и указанными монополіями приходится отдать преимущество все-таки монополіямъ: онѣ наносятъ ущербъ только ограниченной группѣ заинтересованныхъ лицъ и ограниченной отрасли народнаго хозяйства, тогда какъ чрезмѣрная величина налога вредно дѣйствуетъ на все народное хозяйство, если это налогъ общеподоходный, и на цѣлыя широкія группы производствъ, при такихъ сборахъ, какъ промысловый или подомовый, или поземельный. Монополія дѣйствуетъ интенсивно, переводя въ карманы государства не только часть дохода данной отрасли, а всю предпринимательскую или торговую прибыль; но зато районъ ея вліянія малъ, захватываетъ — сравнительно, конечно,—лишь небольшой уголокъ народнаго хозяйства. Вотъ почему въ данное время указанныя монополіи, а, быть можетъ, и нѣкоторыя другія, представляются неизбѣжными и даже желательными.

На основаніи всего, что было сказано въ этой главѣ, приходится придти къ грустному выводу относительно возможности финансовой реформы въ ближайшемъ будущемъ: перераспредѣленіе налоговаго бремени въ смыслѣ болѣе сильнаго обложенія состоятельныхъ классовъ и облегченія податной ноши малоимущихъ неосуществимо въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Единственное, на что есть основаніе надѣяться, и чего надо всѣми силами добиваться,—это возложеніе дополнительной тяжести, вызываемой вой-

ной, на состоятельные классы, если не полностью, то хотя бы наибольшей частью.

Вотъ каковы предѣлы, поставленные для финансовыхъ преобразованій. Они довольно узки. Это объясняется, въ концѣ концовъ, главнымъ образомъ, основной бѣдой нашего народнаго хозяйства: малымъ развитіемъ народнаго благосостоянія и невысокимъ размѣромъ народнаго дохода. А если такъ, то невольно мысль отъ финансовой реформы обращается къ экономическимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ въ область развитія производительныхъ силъ страны. Въ жизни каждаго государства бываютъ эпохи, когда безъ укрѣпленія экономическаго фундамента невозможна перестройка финансовой системы. Въ Россіи подобное положеніе дѣлъ имѣло мѣсто довольно часто. Въ сущности, оно было даже хроническимъ въ нашей исторіи. Это объясняется извѣстнымъ фактомъ, что государство у насъ развивалось быстрѣе общества, и государственное хозяйство—въ соотвѣтствіи—ставило такія требованія, которыя были не по силамъ народному хозяйству, хотя нерѣдко выполненіе очередныхъ задачъ государства являлось дѣйствительной и неотложной необходимостью. Мы не имѣемъ возможности развивать въ этой статьѣ указанную мысль. Отмѣтимъ только, что экономическая политика ряда нашихъ министровъ финансовъ:—Канкрина, Рейтерна, Витте — исходила изъ необходимости даже съ финансовой точки зрѣнія развитія народнаго хозяйства и созданія новаго источника государственныхъ доходовъ въ видѣ городского, торгово-промышленнаго населенія, связаннаго съ крупной капиталистической промышленностью. Съ другой стороны, и народническія теченія русской мысли, настаивая на дополнительномъ надѣленіи крестьянъ, обычно подчеркивали первостепенную важность экономическихъ мѣропріятій въ сравненіи съ финансовыми даже съ точки зрѣнія возможности облегченія податного гнета. Такъ, Янсонъ, въ своей извѣстной книгѣ о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, нарисовавъ яркую картину печальнаго положенія крестьянъ, свыше всякой мѣры обремененныхъ платежами, всетаки заявляетъ слѣдующее: „Измѣненіе поземельныхъ отношеній представляется намъ гораздо болѣе настоятельнымъ и существеннымъ вопросомъ настоящаго, чѣмъ какая бы

то ни было реформа въ финансовомъ хозяйствѣ государства: безъ измѣненія, устраняющаго коренные недостатки этихъ отношеній, несбыточно мечтать о благихъ результатахъ самой правильной податной системы“ (стр. 127, изд. 1881 г.).

Авторъ этихъ строкъ давно уже защищаетъ аналогичное въ принципѣ положеніе, что корень несовершенствъ нашей дѣйствующей податной системы находится не столько въ субъективныхъ условіяхъ отсутствія таланта и доброй воли у руководителей финансоваго вѣдомства и даже не въ тормазахъ соціально-политическаго характера, а гораздо глубже,— въ объективномъ положеніи вещей въ сферѣ народнаго хозяйства. Поэтому, мы придавали финансовой реформѣ и раньше второстепенное, хотя и серьезное, значеніе, выдвигая на первое мѣсто въ качествѣ основной задачи—развитіе производительныхъ силъ страны и поднятіе народнаго благосостоянія.

Теперь, послѣ войны, вѣроятно устранено будетъ значительное зло русскаго бюджета—связь государственнаго дохода съ народнымъ недугомъ, съ пьянствомъ. Однако, главнѣйшая бѣда не въ томъ все таки, что казна получаетъ доходъ отъ обложенія водки, а въ томъ, что населеніе пьетъ водку, и притомъ въ неумѣренномъ количествѣ. Поэтому, если винная монополія будетъ упразднена, а потребленіе водки останется въ иныхъ формахъ, мы считали бы правильнымъ сохранить высокое обложеніе спиртныхъ напитковъ. Но предположимъ, что распитіе водки прекратится, и соотвѣтствующій доходъ казны исчезнетъ. Его надо будетъ замѣнить. Далѣе, придется оплачивать займы для покрытія военныхъ расходовъ въ теченіе долгаго времени. Эти обстоятельства не могутъ содѣйствовать улучшенію нашей финансовой системы; ихъ вліяніе при современномъ положеніи дѣлъ не можетъ выразиться иначе, какъ ухудшеніемъ этой системы въ смыслѣ повышенія налоговаго бремени. Справиться съ дополнительнымъ обложеніемъ населеніе, конечно, сможетъ при условіи, однако, если будутъ приняты мѣры къ улучшенію его экономическаго положенія, причемъ въ числѣ такихъ мѣръ на первомъ мѣстѣ надо поставить прекращеніе пьянства, водвореніе трезвости. Трезвое населеніе лучше работаетъ, больше производитъ и заработки

употребляетъ на дѣло, а не на разрушеніе своего здоровья и здоровья грядущихъ поколѣній.

Создавъ путемъ отрезвленія физически пригодный человѣческій матеріалъ, надо озаботиться предоставленіемъ рабочему люду полезной и выгодной работы. Но для достиженія этого требуется, чтобы работникъ былъ умѣлымъ и культурнымъ—задача народнаго просвѣщенія; чтобы онъ былъ въ состояніи оградить себя отъ эксплоатаціи—задача рабочаго законодательства; чтобы крестьянинъ получилъ знанія и умѣнія для правильной обработки своей земли и правильнаго хозяйствованія—задача агрономической помощи, созданія кооперативовъ; чтобы крестьянину, ремесленнику и мелкому промышленнику былъ доступенъ кредитъ—задача кредитныхъ товариществъ и другихъ организацій мелкаго кредита.

Здѣсь не мѣсто говорить о программѣ экономической политики, объ арендномъ законодательствѣ и другихъ настоятельныхъ задачахъ, о которыхъ не упомянуто. Самое же главное и наиболѣе существенное условіе экономическаго прогресса, безъ котораго не можетъ быть достигнуто и упорядоченіе податной системы, заключается, конечно, въ установленіи возможности подымать технику и развивать культуру среди населенія Россіи, то есть, въ созданіи прочнаго правопорядка, предоставляющаго широкій просторъ и личной, и общественной самодѣятельности. Если побѣдоносная Россія, забывъ прежнія тяжелыя времена, заживетъ послѣ войны новой жизнью, если отношенія между правительствомъ и общественными силами будутъ упорядочены, если національныя и политическія распри стихнутъ, если наступитъ, наконецъ, внутренній миръ, то экономическія и финансовыя задачи выдвинутся на первый планъ, начнется полоса широкаго и устойчиваго, прочнаго экономическаго подъема, въ результатѣ котораго возможными окажутся и финансовыя реформы. Въ этомъ смыслѣ можно надѣяться, что война дѣйствительно приведетъ къ финансовымъ реформамъ, что она создастъ условія для ихъ осуществленія. Но произойдетъ это лишь косвеннымъ путемъ, чрезъ посредство экономическихъ преобразованій и при условіи ихъ осуществленія въ широкихъ размѣрахъ.

Война и деньги.

Паника. — Кредитъ и банки. — Центральные банки. — Бумажныя деньги. — Биржи.—Вексельные курсы.

М. И. Боголѣповъ.

I.

Современную великую войну европейскихъ народовъ по справедливости называютъ безпримѣрнымъ историческимъ событіемъ. „Послѣ всемірнаго потопа я не знаю другого такого великаго событія, какъ настоящая великая война“,— сказалъ кто-то въ Бельгіи. Безпримѣрность текущей войны заключается не только въ необычайномъ масштабѣ вооруженнаго столкновенія великихъ и малыхъ державъ цивилизованнаго міра, но и въ томъ, что война разразилась при такихъ сложныхъ экономическихъ отношеніяхъ, какія были почти неизвѣстны недавнему прошлому. Послѣдняя крупная европейская война—франко-прусская,—или послѣднее крупное столкновеніе на Дальнемъ Востокѣ Россіи и Японіи только отчасти задѣвали сложный комплексъ всемірнохозяйственныхъ отношеній; современная же война, можно сказать, совершенно уничтожила понятіе всемірнаго рынка, грубо разорвала всемірнохозяйственныя связи отдѣльныхъ странъ и вернула Европу къ стародавнимъ временамъ, когда международныя экономическія отношенія были довольно случайными, и когда національная разобщенность была основой для развитія отдѣльныхъ хозяйствъ.

Очень вѣрную картину вліянія войны на Европу далъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (1914, № 216), г. Жаботинскій, который писалъ: „если бы меня спросили теперь,

какое ваше главное впечатлѣніе отъ поѣздки по сѣверу Европы во время войны, то пришлось бы отвѣтить: вдругъ не стало цивилизаціи. Это и есть главное впечатлѣніе. Распадъ цивилизаціи сказывается въ мелочахъ обывательскаго обихода, но особенно ясно это чувствуется во время путешествія. Пробираешься изъ страны въ страну чуть-ли не съ оказіей, на рядъ телеграммъ не получаешь отвѣта, у Кука, въ Лондонѣ, гдѣ недавно все знали, теперь не знаютъ, ходятъ ли поѣзда изъ Голландіи въ Бельгію. Чтобы отправиться изъ Лондона въ Антверпенъ, надо запастись самыми разнообразными деньгами—золотомъ разныхъ странъ, бумажками разныхъ странъ, серебромъ разныхъ странъ... Въ восемнадцатомъ вѣкѣ человѣкъ, ѣхавшій изъ Европы въ Индію, врядъ-ли везъ съ собою такія разнообразныя монеты, какія висятъ въ эту минуту у меня подъ жилетомъ въ замшевомъ мѣшкѣ, оттягивая шею. И я все-таки не знаю, попаду-ли я въ Антверпенъ".

Впечатлѣнія газетнаго корреспондента относятся къ началу великой войны, но и впослѣдствіи картина разрушенія цивилизаціи измѣнилась очень мало. Въ началѣ же войны легко могло показаться, что человѣчество вернулось къ глухой порѣ давно забытаго средневѣковья. Достаточно сказать, что въ Парижѣ въ началѣ войны отказывались брать англійскій соверенъ, т. е. такую монету, которая за послѣднее столѣтіе успѣла давно сдѣлаться международнымъ денежнымъ знакомъ.

Строй современныхъ экономическихъ отношеній прочно покоился на кредитѣ, который проникалъ во всѣ области и отрасли народнаго хозяйства, опутывалъ своими тонкими нитями всѣ индивидуальныя хозяйства, связывалъ отдѣльныя страны и былъ необходимымъ условіемъ всякаго экономическаго факта и экономическаго прогресса. Война, къ которой долго готовились, которую предсказывали и смутно ожидали, явилась силой, разрушавшей всѣ кредитныя нити прервавшей массу звеньевъ въ той цѣпи, которая связывала индивидуальныя хозяйства въ народнохозяйственныя системы, а народныя хозяйства—въ всемірное хозяйство. Поэтому, экономическія вліянія войны сразу и бурно проявились во всемъ мірѣ, безотносительно къ тому, остался ли

данный уголъ міра нейтральнымъ, или онъ былъ вовлеченъ въ круговоротъ мірового пожара. Наша эпоха хорошо знаетъ моменты мірового потрясенія кредита, современный міръ не разъ переживалъ такія экономическія событія, которыя по своему характеру были похожи на катастрофы, но всѣ эти примѣры прошлаго блѣднѣютъ передъ картиной тѣхъ опустошеній въ области кредитнаго хозяйства, которыя были причинены взрывомъ европейской войны. Война не только потрясла кредитный строй современнаго народнаго хозяйства, она просто уничтожала и истребляла всякій кредитъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на неопредѣленное время уничтожались или приводились въ бездѣйствіе основныя части кредитнаго механизма и парализовались самыя цѣнныя народнохозяйственныя системы. Въ моменты чисто экономическихъ потрясеній оставались нетронутыми и механизмъ дѣлового оборота, и народнохозяйственныя системы; поэтому, какъ бы ни были мощны потрясенія кредита, въ обществѣ оставалась живой увѣренность, что грозовыя тучи завтра разойдутся, и при свѣтѣ солнца можно снова, подсчитавъ потери, приняться за прерванную работу. Въ условіяхъ же міровой войны никто не могъ сказать, когда нависшія тучи сойдутъ съ омраченныхъ горизонтовъ, и какую картину освѣтитъ грядущій день возстановленія нормальныхъ отношеній.

Естественно, что взрывъ войны неизбѣжно долженъ былъ вызвать страшную панику. Паника, какъ и всегда, прежде всего означала полную утрату довѣрія къ завтрашнему дню, полное подчиненіе губительной мысли, что завтра, даже черезъ часъ, все будетъ въ болѣе худшемъ положеніи, чѣмъ въ данный мигъ. Паника, особенно на Западѣ, охватила самыя широкія народныя массы и проявлялась съ большей силой въ тѣхъ странахъ, которыя всѣ привыкли считать передовыми, и въ тѣхъ слояхъ населенія, которымъ было что терять отъ утраты кредита и отъ обезцѣненія кредитныхъ документовъ. Вчерашній богачъ считалъ себя нищимъ и пытался „спасти“ послѣднія крохи, заключая сдѣлки, прямо его разорявшія. Бѣднякъ съ ужасомъ думалъ о голодѣ и пытался выручить свои гроши, положенные въ сберегательную кассу. Цѣнная бумага въ рукахъ растерявшихся людей только разжигала страстное желаніе обратить ее на какихъ угодно

условіяхъ въ звонкую монету. Вексель превращался въ лоскутъ бумаги. Кредитный билетъ считался изъ всѣхъ золъ наименьшимъ. Въ сферѣ взаимныхъ человѣческихъ отношеній, гдѣ деньги играютъ такую видную роль и гдѣ кредитъ съ большимъ успѣхомъ замѣнялъ денежные знаки, съ началомъ военныхъ дѣйствій водворилось самое полное недовѣріе, и всѣ мечтали только о наличныхъ деньгахъ, которыхъ, конечно, нигдѣ, ни въ одной странѣ, не хватило бы настолько, чтобы, хотя на одинъ день, удовлетворить сразу выросшій на нихъ спросъ. Наличность денежныхъ знаковъ была повсюду такъ мала, что во многихъ мѣстахъ лица, имѣвшія въ карманѣ крупныя деньги, не могли купить себѣ обѣда. Во многихъ городахъ были выпущены частныя деньги, помогавшія мелкому повседневному обороту. Но если бы въ рукахъ государственной власти были значительные запасы звонкой монеты, то все равно паническое настроеніе публики весьма скоро свело бы на нѣтъ самыя щедрыя усилія насытить оборотъ звонкой монетой. Запасы золота и полноцѣнной серебряной монеты въ денежномъ обращеніи съ первымъ появленіемъ грозныхъ вспышекъ международныхъ осложненій стали быстро исчезать изъ оборота. Населеніе стало прятать звонкую монету, создавая такимъ „тезаврированіемъ“ сильныя затрудненія для дѣлового и обывательскаго оборота.

Широчайшіе слои населенія связаны кредитомъ въ двухъ главныхъ направленіяхъ: во-первыхъ, колоссальныя массы населенія имѣютъ вклады въ банкахъ и сберегательныхъ кассахъ; во-вторыхъ, у всѣхъ на рукахъ имѣются кредитные, государственные или банковые, билеты. Въ странахъ болѣе старой экономической культуры, напр., во Франціи или Англіи, широкая публика связана кредитомъ еще и въ третьемъ направленіи: она владѣетъ массой цѣнныхъ бумагъ, часто представляющихъ собою все состояніе данныхъ семей. При этомъ важно отмѣтить, что въ такихъ странахъ индивидуальные портфели цѣнныхъ бумагъ часто наполнены цѣнностями международнаго характера. За послѣднее время на Западѣ неустанно шла проповѣдь географическаго разнообразія портфелей цѣнныхъ бумагъ, какъ необходимаго условія, обезпечивающаго капиталъ отъ неизбѣжнаго риска.

Паника проявилась во всѣхъ странахъ, прежде всего, въ бурномъ натискѣ на банки и кассы въ цѣляхъ произвести выемку вкладовъ. Въ настоящее время еще отсутствуютъ данныя относительно движенія вкладовъ въ банкахъ разныхъ странъ въ теченіе первыхъ дней войны. Но имѣются сообщенія изъ разныхъ мѣстъ о томъ, что повсюду натискъ публики на банки былъ весьма серьезенъ. Въ Англіи банки отказывали своимъ старымъ кліентамъ въ выдачѣ вкладовъ золотомъ, хотя сами банки усиленно домогались получить золото изъ центральнаго банка. Банки создали въ странѣ такое положеніе, при которомъ, какъ говоритъ Keynes, англичанинъ, имѣвшій 50 ф. ст. въ чулкѣ, былъ богаче сосѣда, имѣвшаго такую же сумму въ банкѣ. Развитію настоящей паники въ Англіи помѣшало то, что случился банковскій праздникъ, который правительствомъ былъ продленъ на семь дней. Передъ открытіемъ банковъ, назначеннымъ на 7 августа, былъ изданъ указъ 6 августа (н. ст.) о банковскомъ мораторіи, который освобождалъ банки отъ обязанности выдавать вклады. Такимъ образомъ, въ Англіи внѣшнія обстоятельства помѣшали естественному развитію паники.

Во Франціи паника проявилась особенно бурно, и публика, безъ сомнѣнія, смяла бы всѣ банки, если бы не помощь центральнаго банка и не объявленіе мораторія по отношенію къ банковскимъ вкладамъ. Декретомъ 30 іюля даже французскія сберегательныя кассы,—ординарныя и національныя,—были уполномочены выдавать каждому вкладчику не болѣе 50 фр. въ каждыя двѣ недѣли [1]). Особенно сильно проявилась паника въ Бельгіи, гдѣ публика шла приступомъ на банки и сберегательныя кассы. „Передъ дверьми кассы постоянно толпились массы вкладчиковъ. Служащіе работали, не покладая рукъ. Публики набиралось столько, что происходила давка, которую лишь полицейскими силами удавалось нѣсколько сдержать. Въ концѣ концовъ, стали пускать по очереди, что имѣло послѣдствіемъ то, что вкладчики, изъ боязни потерять мѣсто, стали дежурить предъ дверьми денно и нощно, цѣлыми сутками, тутъ-же ѣли и пили, а порою и

---

[1]) Прекращеніе выдачи вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ имѣло мѣсто только во Франціи.

спали, прикурнувъ гдѣ-нибудь въ уголку на нарочно принесенныхъ стульчикахъ". (Корреспонденція "Вѣстника Финансовъ", 1914, № 43).

Въ Россіи востребованіе вкладовъ, вызванное паническимъ настроеніемъ вкладчиковъ, во-первыхъ, было сравнительно незначительнымъ, во-вторыхъ, не повлекло за собою установленія мораторія на банковскіе вклады: и банки разныхъ наименованій, и сберегательныя кассы безпрепятственно выдавали вклады по первому востребованію. Паническое настроеніе среди вкладчиковъ было замѣтно особенно въ тѣхъ районахъ, которые непосредственно примыкали къ театру военныхъ дѣйствій и въ петроградскомъ районѣ, гдѣ въ началѣ войны ходили неосновательные слухи объ опасномъ положеніи столицы. Съ теченіемъ времени, когда будутъ опубликованы соотвѣтствующіе статистическіе матеріалы, характеръ русской паники, безъ сомнѣнія, выяснится съ надлежащей ясностью. Имѣющіяся свѣдѣнія показываютъ, что дѣйствіе настоящей паники, заставляющей выбирать вклады изъ всѣхъ кредитныхъ учрежденій и держать ихъ у себя дома, въ Россіи было довольно ограниченнымъ. Публика, напуганная военными событіями, выбирала вклады въ однихъ банкахъ, часто для того, чтобы снести ихъ въ другіе, которымъ довѣряла больше. Особенно публика была склонна переложить вклады изъ частныхъ банковъ въ государственный банкъ и въ нѣкоторые избранные два-три частныхъ банка. О движеніи вкладовъ за это время можно судить по предварительнымъ даннымъ, относящимся къ 1.754 учрежденіямъ частнымъ и къ государственному банку, по отношенію къ которому взяты только частные вклады, въ милл. руб.:

На 1 число	Вклады и текущіе счета: частные банки.	госуд. банкъ.
Января	3.218	205
Апрѣля	3.530	241
Іюня	3.619	232
Іюля	3.607	193
Августа	3.255	336
Сентября	3.342	387

Приведенныя данныя показываютъ, что въ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ на 1 августа 1914 года вкладовъ убыло на 352 милл. руб. по сравненію съ вкладами на 1 іюля; за

это же время въ государственномъ банкѣ частныхъ вкладовъ прибыло на 143 милл. руб. Въ теченіе же августа наблюдается приливъ вкладовъ и въ частныхъ банкахъ (+87 милл.), и снова въ государственномъ банкѣ (+51 милл. руб.). Министерство финансовъ, по имѣющимся у него даннымъ, опредѣляетъ, что къ ноябрю 1914 года убыль вкладовъ въ русскихъ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ составила около 50 милл. руб., что даетъ только около 1½% къ общей суммѣ вкладовъ (3.591 милл. руб.). Въ сберегательныхъ кассахъ къ 1 августа 1914 г. убыль вкладовъ составила 41 милл. руб. (съ 1.704 до 1.663 милл. руб.). Но уже въ августѣ мы наблюдаемъ картину возстановленія вкладной дѣятельности въ сберегательныхъ кассахъ: въ августѣ вкладовъ поступило 77,9 милл., выдано 68,8 милл. Въ октябрѣ приростъ вкладовъ составилъ уже 20 милл. руб., въ ноябрѣ 24,8 милл. и т. д. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ возвратомъ старыхъ вкладовъ и съ развитіемъ обычныхъ сбереженій, но и съ притокомъ совершенно новыхъ денегъ, отчасти собранныхъ сберегательными кассами среди войскъ, отчасти среди такихъ группъ населенія, которыя въ иное время не имѣютъ обычая пользоваться сберегательными кассами.

Общую массу выемокъ изъ банковъ и кассъ нельзя цѣликомъ относить за счетъ одной только паники, такъ какъ на ряду съ паническими выемками населеніе вынуждено было выбирать деньги и для оплаты экстренныхъ расходовъ, вызванныхъ объявленіемъ войны (мобилизаціонные расходы и т. п.). Съ другой стороны, война уничтожила кредитъ и поэтому сразу увеличила потребность въ денежныхъ знакахъ для наличныхъ расчетовъ. Торговый оборотъ могъ получить денежные знаки только путемъ снятія средствъ съ текущихъ счетовъ. Усиленіе наличной кассы въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ всегда приводитъ къ соотвѣтствующему сокращенію текущихъ счетовъ въ банкахъ. Въ общемъ, можно сказать, что паника въ Россіи имѣла довольно скромные размѣры. Сильнѣе всего пострадали отъ этой паники мелкіе банки, напр., молодыя общества взаимнаго кредита, которыя далеко еще не упрочили передъ войною своего положенія. Интересно, что учрежденія народнаго (мелкаго) кредита почти не были объектомъ паническаго на-

тиска. Конечно, большую роль въ смягченіи паники сыграло то обстоятельство, что повсюду вклады выдавались безъ всякихъ препятствій, а также имѣлъ значеніе и тотъ фактъ, что въ Россіи до сихъ поръ банкъ еще не играетъ такой видной исключительной роли въ жизни отдѣльныхъ хозяйствъ, какую онъ играетъ въ западныхъ странахъ.

Довѣріе къ кредитнымъ билетамъ нарушалось въ болѣе слабой степени, нежели довѣріе къ банкамъ, какъ хранителямъ чужихъ денегъ. Особенно рѣзко проявилось недовѣріе къ банкнотамъ въ Бельгіи, что отразилось прежде всего полнымъ исчезновеніемъ изъ обращенія звонкой монеты. Публика, утративъ довѣріе къ банкнотамъ, потеряла голову: многіе отдавали 20-франковый билетъ за 15 фр. серебромъ, даже за 10 фр. серебромъ. Пускались на такія хитрости: приходили на почту и переводили себѣ же, положимъ, 15 фр., подавая 20-франковый билетъ и надѣясь получить сдачу звонкой монетой. Желаніе имѣть въ рукахъ золото и серебро усиливало натискъ на банки, гдѣ отъ банковъ требовали выдачи вкладовъ металломъ, а не кредитками. Такъ было въ Бельгіи, такъ было и въ Англіи. Банки, разумѣется, не могли удовлетворить этому требованію. Въ Англіи банки отказывали кліентамъ въ выдачѣ 5 или 10 ф. ст. золотомъ. Резервы англійскаго банка въ началѣ войны составляли 27 милл. ф. ст. Частные же банки имѣли въ странѣ 9 тыс. отдѣленій. Поэтому, если бы англійскій банкъ роздалъ банкамъ всѣ свои резервы, то на каждое отдѣленіе пришлась бы ничтожная сумма, которая была бы роздана совершенно безполезно. Поэтому, въ Англіи, хотя размѣнъ на золото и не былъ пріостановленъ, тѣмъ не менѣе фактически банки пріостановили золотое обращеніе. Keynes писалъ, что въ пятницу 31 іюля и въ субботу 1 августа можно было наблюдать позорную картину: публика вереницами стояла у дверей англійскаго банка, дожидаясь возможности размѣнять банкноты на золото. Къ этимъ дверямъ публику пригнали частные банки, отказавшіе въ выдачѣ звонкой монеты. Въ Англіи же банкноты выпускаются крупными купюрами (минимумъ 5 ф. ст.), поэтому, отсутствіе звонкой монеты дѣлало положеніе невыносимымъ. Правительство было вынуждено выпустить государственныя бумажныя деньги мелкихъ ку-

пюръ и тѣмъ спасти англійскій банкъ отъ необходимости пріостановить размѣнъ. Въ другихъ странахъ недовѣріе къ банкнотамъ и желаніе замѣнить ихъ золотомъ было пресѣчено въ самомъ началѣ войны чисто механическимъ способомъ: былъ пріостановленъ размѣнъ на золото, и бумажнымъ знакамъ силою закона была дана обязательная сила платежнаго средства. Но въ Германіи публика набросилась вообще на звонкую монету, которую и стала припрятывать. 21 октября саксонскій монетный дворъ во Фрейбургѣ констатировалъ недостатокъ въ размѣнной монетѣ и заявлялъ, что онъ все время занятъ чеканкой новыхъ монетъ и, такъ какъ подвозъ иностраннаго серебра былъ невозможенъ, то монетный дворъ приглашалъ желающихъ приносить за хорошую плату столовое серебро и посуду для перечеканки въ монеты.

Наконецъ, паника въ области биржевого оборота была окончательно подавлена тѣмъ, что повсюду были объявлены мораторіи по отношенію къ кредитамъ, связаннымъ съ биржевыми операціями, банки были лишены права требовать доплатъ по онкольнымъ ссудамъ и, наконецъ, были повсемѣстно закрыты биржи. Биржевая паника, впрочемъ, сама въ себѣ несетъ предѣлы своего развитія: когда паника охватываетъ держателей цѣнныхъ бумагъ, то у всѣхъ рождается желаніе продать бумаги, покупатели же исчезаютъ. Поэтому, биржевой переполохъ приводитъ къ обезцѣненію бумагъ и къ почти полному уничтоженію возможности продать бумаги даже за безцѣнокъ. Одновременно повсемѣстно рождается потребность получить банковскія ссуды подъ имѣющіяся на рукахъ цѣнныя бумаги. Сокращеніе же или даже полное уничтоженіе спроса на цѣнныя бумаги, продающіяся во время паники за безцѣнокъ, объясняется не только одной паникой, а и тѣмъ, что въ такіе моменты возможны только наличныя сдѣлки съ цѣнными бумагами, что само по себѣ является сильнѣйшимъ ограниченіемъ оборота.

II.

Какъ было указано, потрясеніе кредита, вызванное войной, заставило публику ринуться въ банки и кассы за вкладами, а также повело къ тому, что населеніе спрятало наличные запасы золотой монеты и пыталось размѣнять кредитные

билеты на золото. Широкое развитіе этихъ двухъ явленій угрожало и денежной системѣ, и положенію банковъ. Современные банки краткосрочнаго кредита работаютъ почти исключительно на чужія деньги, т. е. на деньги, полученныя отъ вкладной операціи и по текущимъ счетамъ. Собственные капиталы банковъ составляютъ весьма скромную величину по сравненію съ чужими деньгами. Касса банковъ, за счетъ которой банки только и могли удовлетворить требованіе на вклады, обычно держится на весьма скромномъ уровнѣ. Особенно мала касса въ русскихъ коммерческихъ банкахъ, гдѣ къ моменту взрыва войны она составляла лишь 7½% по отношенію ко вкладамъ и текущимъ счетамъ. Востребованіе вкладовъ въ размѣрѣ 8—9% сразу поставило бы наши банки въ критическое положеніе. Въ Англіи и Франціи касса въ банкахъ была вдвое больше, чѣмъ въ русскихъ банкахъ, но и при этомъ условіи банки, конечно, не могли собственными средствами противостоять натиску публики. Въ Англіи касса банковъ составляла въ іюнѣ 1914 года 15,9% и только къ декабрю банки повысили это отношеніе до 22,2%. За это время русскіе банки повысили кассу только на 2%.

Откуда частные банки могли взять средства для удовлетворенія внезапно выросшаго востребованія вкладовъ? Какъ бы ни была велика касса, всетаки нельзя думать, что только средствами одной кассы, включая сюда текущіе счета въ центральномъ банкѣ, можно покрыть паническій спросъ на вклады. Сильная касса, дающая возможность смягчать панику фактомъ безостановочной выдачи вкладовъ, должна подкрѣпляться другими источниками. Эти другіе источники должны, прежде всего, находиться въ активѣ банковъ, который долженъ быть легко и удобно реализуемымъ. Но банки коммерческаго кредита не обладали такимъ активомъ, а, кромѣ того, условія рынка были таковы, что реализація актива представлялась дѣломъ вообще безнадежнымъ. Наканунѣ войны, на 1 іюля 1914 года, 47 русскихъ акціонерныхъ банковъ имѣли на своихъ балансахъ вкладовъ и текущихъ счетовъ на 2.445 милл. руб. при собственныхъ капиталахъ въ 772 милл. и при кассѣ, включая текущій счетъ въ государственномъ банкѣ, въ 220 милл. руб. Собственные капиталы банковъ въ дѣлѣ ликвидаціи паники никакой роли

сыграть, конечно, не могли, такъ какъ они были затрачены банками въ разныя помѣщенія. Оставалась касса и „портфель“ банковъ. Въ чемъ же состоялъ этотъ „портфель“?

Цѣнныя бумаги, принадлежащія банкамъ . .	316	милл. руб.
Тратты	13	„ „
Учетъ векселей	1.514	„ „
Ссуды подъ % бумаги	51	„ „
Ссуды подъ товары и документы	19	„ „
Онкольныя ссуды подъ бумаги	934	„ „
Онкольныя ссуды подъ товары и документы.	469	„ „

Собственно говоря, банки могли подкрѣпить себя наличными средствами только за счетъ онкольныхъ ссудъ, т. е. ссудъ до востребованія. Но условія момента были таковы, что кліенты банковъ только въ рѣдкихъ случаяхъ могли бы отдать банкамъ взятыя ссуды, такъ какъ реализація заложенныхъ товаровъ, при остановившемся желѣзнодорожномъ транспортѣ, была немыслимой, реализація бумагъ при падающихъ курсахъ и общей паникѣ была бы убыточна и публикѣ, и самимъ банкамъ. Вексель, который обычно считаютъ особенно легко реализумой цѣнностью и будто бы въ этомъ отношеніи болѣе удобнымъ, нежели цѣнная бумага, можетъ оправдать себя только тогда, когда онъ по своей природѣ высокаго качества, чего нельзя сказать о русскомъ векселѣ, и когда должники по вексельному кредиту находятся въ положеніи, позволяющемъ имъ произвести нужныя уплаты. Война же такъ отзывается на положеніи вексельныхъ должниковъ, что во всемъ мірѣ въ первую голову пришлось установить вексельные мораторіи и тѣмъ самымъ лишить банки возможности производить протесты и взысканія. Собственныя цѣнныя бумаги банковъ, которыя часто являются печальнымъ результатомъ неудачныхъ эмиссіонныхъ операцій банковъ или знаменуютъ собою интимныя отношенія между банками и отдѣльными промышленными предпріятіями, и въ нормальное время часто отличаются весьма слабой реализуемостью; во время же всеобщаго потрясенія эти бумаги не могли, конечно, оказать банкамъ никакой услуги. Наоборотъ, такія бумаги были фактомъ, ухудшавшимъ положеніе банковъ (пониженіе ихъ курсовой стоимости и необходимость списанія). Банки не могли воспользоваться кре-

дитомъ въ иностранныхъ банкахъ, какъ это часто практикуется въ мирное время. Во время великой войны банки всей Европы очутились въ критическомъ положенiи. Наоборотъ, банки оказались вынужденными отдать своимъ заграничнымъ корреспондентамъ суммы, полученныя до войны. Въ рукахъ русскихъ банковъ иностранныхъ траттъ, т. е. денежныхъ средствъ въ удобной для заграничныхъ выплатъ формѣ, было къ моменту войны только 13,3 милл. руб., что составляло ничтожную часть ихъ заграничной задолженности. Переводъ суммъ заграницу вообще былъ въ высшей степени затрудненъ. Поэтому, банки не могли получить помощи изъ заграницы и сами спасались отъ необходимости платить заграницу при самой невыгодной обстановкѣ только путемъ установленiя соотвѣтствующаго мораторiя.

Выходъ изъ критическаго положенiя для всей банковой системы былъ чисто механическiй: прекращенiе выплатъ по вкладамъ и текущимъ счетамъ и прекращенiе дальнѣйшаго кредитованiя торговли и промышленности. Другими словами—война вызывала полный параличъ системы коммерческаго кредита и въ силу этого создавала тяжкiя условiя для всего народнаго хозяйства.

Въ Великобританiи и во Францiи законъ освободилъ банки отъ обязанности выплачивать по вкладамъ и текущимъ счетамъ, что, конечно, тяжело отозвалось на народномъ хозяйствѣ и заморозило финансовую жизнь у самыхъ ея источниковъ. Въ Россiи и Германiи пошли другимъ путемъ. Въ Россiи былъ объявленъ вексельный мораторiй, и были отсрочены уплаты по иностраннымъ векселямъ, но, въ то же время, отсрочены взысканiя по онкольнымъ счетамъ. Такимъ образомъ, въ Россiи банки были лишены возможности опираться на свой коммерческiй „портфель“, что, собственно говоря, слѣдуетъ считать лишь формальнымъ констатированiемъ и утвержденiемъ фактическаго положенiя вещей. Но законъ не освободилъ банки отъ обязанности выплачивать по вкладамъ и текущимъ счетамъ. Для того, чтобы помочь банкамъ выдержать такую позицiю, государственный банкъ открылъ имъ свободные кредиты, которыми банки и воспользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ первыя недѣли войны государственный банкъ выдалъ

частнымъ банкамъ денегъ на полмилліарда рублей, затративъ на эту операцію половину выпущенныхъ за это время бумажныхъ денегъ. Присоединяя къ этимъ 500 милл. еще 200 милл. р., составлявшихъ кассу банковъ, получимъ свыше 700 милл. р. наличныхъ денегъ, которые и позволили русскимъ банкамъ пережить весьма тяжелый и рискованный моментъ.

Но русскіе банки, получившіе такую существенную помощь отъ государственнаго банка, воистину спасшаго положеніе, не обнаружили въ тяжелое время способности или желанія подняться до уровня народнохозяйственныхъ задачъ. Они вели въ этотъ моментъ политику, достойную, по меньшей мѣрѣ, сожалѣнія. Банки растерялись или оказались черезъ-чуръ трусливыми и сильно сжали свою активную дѣятельность, сокративъ кредитованіе даже своихъ лучшихъ испытанныхъ кліентовъ. Такая политика банковъ, съ одной стороны, вызвала на рынкѣ панику, съ другой—приводила отдѣльныя фирмы къ банкротству. Весьма суровыми оказались акціонерные коммерческіе банки и по отношенію къ своимъ младшимъ собратьямъ — къ обществамъ взаимнаго кредита, которыя, въ силу своей организаціи и финансовой слабости, были въ очень печальномъ положеніи. Банки категорически закрыли для этихъ обществъ кредиты и потребовали уплаты по ранѣе выданнымъ ссудамъ. Если бы не вмѣшательство государственнаго банка, то наши частные акціонерные банки оказали бы странѣ весьма плохую услугу, развивъ своими дѣйствіями катастрофическую панику и доканавъ и безъ того парализованный торговопромышленный оборотъ.

Англійскіе банки оказались въ болѣе трудномъ положеніи, нежели русскіе, такъ какъ англійскіе банки кредитуютъ не только внутренній рынокъ, но помѣщаютъ свои средства въ международный оборотъ. Взрывъ войны сразу оборвалъ связи Англіи съ міровымъ рынкомъ и лишилъ банки возможности потребовать кредиты, а кліентовъ—заплатить по этимъ требованіямъ. Финансированіе внѣшней торговли въ Англіи производится особымъ порядкомъ. Англійскіе банки выдаютъ деньги подъ иностранные векселя при условіи, что эти векселя получили „акцептъ“, т. е. были гарантированы особыми фирмами—акцептными домами. Акцептные дома

только даютъ векселю свой бланкъ, а деньги подъ акцептованные векселя выдаются въ формѣ учета акціонерными банками и банкирами. Когда банки захотѣли востребовать вексельные кредиты, то они направили свои требованія къ акцептнымъ фирмамъ, но эти фирмы были внѣ связи со своими иностранными должниками и, поэтому, не располагая свободными средствами, вынуждены были признать себя несостоятельными. Неминуемое банкротство грозило всѣмъ лондонскимъ акцептнымъ фирмамъ, что, въ свою очередь, угрожало уничтоженіемъ близкой возможности возстановить функціи международнаго рынка и внѣшней торговли. Банки же потому потребовали отъ акцептныхъ фирмъ деньги, что вкладчики потребовали вклады, а эти вклады пошли до войны на питаніе учетной операціи. Крахъ акцептныхъ фирмъ грозилъ крахомъ депозитныхъ и учетныхъ банковъ. Англійское правительство издало законы о мораторіяхъ какъ по отношенію къ вкладамъ, такъ и къ векселямъ. Съ другой стороны, англійскій банкъ, по распоряженію правительства и за счетъ правительства, пошелъ на переучетъ векселей, учтенныхъ въ частныхъ банкахъ. Англійскій банкъ вынужденъ былъ въ немногіе дни взять такую массу векселей, что серьезно испугался возможности растерять свое золото и 31 іюля повысилъ свой учетный процентъ до 8%, а 1 августа (н. ст.) до 10%. Правда, эта норма была скоро сильно понижена.

Переполохъ на англійскомъ рынкѣ въ значительной степени слѣдуетъ приписать не только войнѣ, но и поведенію банковъ. Keynes думаетъ („Economic Journal", 1914, IX), что англійскіе банки не оказались на высотѣ положенія и не смогли встать на точку зрѣнія общихъ интересовъ денежнаго рынка; банки слишкомъ сильно были заняты вопросомъ о своей собственной безопасности и своихъ интересахъ. Банки, утверждаетъ названный ученый, забыли о чести и достоинствѣ лондонскаго Сити и вписали въ исторію рынка печальныя страницы. Натискъ банковъ на центральный банкъ заставилъ поднимать учетъ до давно неслыханной ставки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставилъ подъ угрозу золотое обращеніе. Банки заставили правительство выступить на путь государственныхъ бумажныхъ денегъ и, въ то же время, принять особыя чрезвычайныя мѣры по оживленію коммерческаго

кредита. Подъ вліяніемъ кризиса банковой системы Англія выступила на путь необычайнаго для этой страны вмѣшательства государства въ дѣла денежнаго рынка.

Франція вышла изъ положенія при помощи такого всеобъемлющаго мораторія, который парализовалъ всю финансовую жизнь страны, заставилъ сразу и въ колоссальныхъ размѣрахъ использовать систему бумажныхъ денегъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставилъ въ затрудненіе Россію и Америку, имѣвшихъ въ французскихъ банкахъ текущіе счета, при производствѣ международныхъ расчетовъ. Русскій рубль нигдѣ такъ не обезцѣнивался, какъ во Франціи. Равнымъ образомъ, и долларъ обезцѣнивался особенно сильно во Франціи же.

Въ Германіи были приняты всѣ мѣры и употреблены значительныя усилія къ тому, чтобы обойтись безъ мораторіевъ, которые, принося значительную пользу однимъ слоямъ населенія, въ цѣломъ, все-же отрицательно вліяютъ на общее экономическое и финансовое положеніе страны. Германіи не удалось обойтись безъ такихъ мѣръ, которыя, хотя онѣ и не были названы мораторіями, все же относятся въ категорію отсрочекъ. Но слѣдуетъ признать, что въ Германіи при разрѣшеніи кредитнаго кризиса пошли своимъ особымъ путемъ. Война вызываетъ потребность въ усиленномъ насыщеніи оборота денежными знаками, такъ какъ потрясеніе кредита создаетъ повышенную потребность въ деньгахъ для наличныхъ расчетовъ. Съ другой стороны, война вызываетъ повышенную потребность въ ссудахъ, ибо торговопромышленный оборотъ замираетъ, товарная циркуляція въ первое время войны совсѣмъ пріостанавливается. Вексель, теряя свою привлекательность для банковъ, въ то же время не рождается и въ оборотѣ, ибо сбытъ товаровъ страшно затрудняется. Цѣнныя бумаги оказываются непріемлемыми для рынка, поэтому, повсемѣстно рождается потребность въ ссудахъ подъ товары и цѣнныя бумаги. Банки, занятые выдачею вкладовъ и ограниченные въ притокѣ возвращаемыхъ кредитовъ, конечно, не смогли бы удовлетворительно отвѣтить на всеобщую потребность въ ссудахъ. Поэтому, въ Германіи до войны была разработана схема особыхъ ссудныхъ учрежденій, которыя уже практиковались въ эпоху франко-прусской войны. Закономъ 4 августа 1914 г. были созданы особыя „ссудныя

кассы" (Darlehnkassen), а на другой день по телеграфу онѣ были уже открыты, въ количествѣ 99 кассъ и 96 отдѣленій, и въ этотъ же день выдали ссудъ на 4,2 милл. марокъ. „Вся организація была готова уже въ мирное время",—замѣчаетъ по поводу этихъ кассъ Оскаръ Штиллихъ въ своей статьѣ, напечатанной въ февральской (1915) книжкѣ конрадовскихъ „Jahrbücher". Германія, вообще, усиленно готовилась къ войнѣ и не только въ области обороны, но и въ экономической сферѣ. Особенно сильны были ея финансовыя приготовленія. Lawson въ „Financial Times" указывалъ (см. „Вѣстн. Фин.", 1914, № 45, стр. 185), что нѣмцы самымъ безцеремоннымъ образомъ воспользовались до войны англійскимъ рынкомъ и успѣли къ моменту войны совершенно сознательно оставить въ Англіи: 1) колоссальную сумму неурегулированныхъ биржевыхъ сдѣлокъ за счетъ Германіи и 2) колоссальнѣйшее количество неоплаченныхъ германскихъ векселей за купленные товары. Берлинъ и прочія германскія биржи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ войнѣ, непрерывно запродавали на лондонской и нью-іоркской биржахъ огромныя партіи биржевыхъ цѣнностей; кромѣ того, нѣмцы оставили открытыми крупнѣйшіе спекулятивные счета, которые останутся безъ ликвидаціи до конца войны. Германскіе банки оставили въ Сити приблизительно на 18 милл. ф. ст. траттъ и векселей безъ покрытія. Во всѣхъ другихъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ Англіи къ началу августа оказалось невѣроятное количество срочныхъ германскихъ векселей, полученныхъ въ уплату за товары, купленные на англійскомъ рынкѣ. Словомъ, накануне войны нѣмцы основательно обработали самый емкій рынокъ...

Военныя ссудныя кассы являются государственными учрежденіями и поставлены подъ особое управленіе, подъ предсѣдательствомъ президента рейхсбанка. Связь съ рейхсбанкомъ выражается еще и въ томъ, что кассы открываются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются конторы и отдѣленія рейхсбанка. Еще болѣе тѣсна внутренняя связь ссудныхъ кассъ и рейхсбанка. Одной изъ задачъ ссудныхъ кассъ является освобожденіе рейхсбанка отъ наплыва ссудъ; кассы должны были освободить рейхсбанкъ отъ печальной необходимости перегрузить свой балансъ ссудами. Вторая задача

кассъ заключалась въ томъ, чтобы предоставить кредиты подъ товары, сбытъ которыхъ оказался въ большомъ затрудненіи и, наконецъ, третья задача заключалась въ томъ, чтобы насытить оборотъ нужнымъ запасомъ денежныхъ знаковъ. Кассы выдаютъ ссуды не наличными деньгами, а особыми билетами, поэтому, ихъ активная дѣятельность могла расширяться ad libitum. Билеты ссудныхъ кассъ не имѣютъ легальнаго и принудительнаго курса. Они обязательны къ пріему въ платежи только общественными кассами и свободно обмѣниваются на билеты рейхсбанка. Такимъ образомъ, билеты кассъ съ удобствомъ могутъ выполнять функціи денегъ. Рейхсбанкъ, свободно обмѣнивающій билеты кассъ на свои банкноты, получилъ право записывать эти билеты въ свой активъ и считать ихъ наравнѣ съ золотомъ и свидѣтельствами имперской кассы обезпеченіемъ для выпускаемыхъ имъ банкнотъ. Кругъ товаровъ и цѣнныхъ бумагъ, подъ которые ссудныя кассы могутъ выдавать ссуды, опредѣленъ былъ болѣе широко, нежели это сдѣлано въ правилахъ рейхсбанка. Кассы могутъ выдавать ссуды подъ всѣ непортящіеся товары, въ томъ числѣ подъ рояли, піанино, пишущія машины, напитки, ковры, книги, волосы, искусственные зубы и т. д. Широкъ кругъ и бумагъ, подъ которыя кассы могутъ выдавать ссуды. Кассы могутъ выдавать, правда, не въ большомъ размѣрѣ—всего до 25% курсовой стоимости—ссуды подъ бумаги враждебныхъ государствъ, находящіяся въ нѣмецкомъ владѣніи. Подъ туземные фонды кассы выдаютъ ссуды въ размѣрѣ 75% курсовой стоимости по курсу 25 іюля 1914 года. Вначалѣ процентъ по ссудамъ былъ опредѣленъ въ 6%, а затѣмъ онъ былъ повышенъ до 7%. Только для ссудъ, получаемыхъ для участія въ военныхъ займахъ, процентъ взимается въ размѣрѣ 6%. Одна изъ цѣлей образованія кассъ заключалась въ томъ, чтобы дать населенію удобную возможность получить средства для участія въ имперскихъ военныхъ займахъ. Но по признанію нѣмцевъ, эта цѣль осталась недостигнутой. Съ другой стороны, кассами мало воспользовался и торгово-промышленный классъ, такъ какъ заложенные товары запираются въ особыхъ складахъ, что мѣшаетъ торговому обороту; въ то же время товарныя ссуды были стѣс-

нены сравнительно высокимъ процентомъ. Вслѣдствіе этого военныя ссудныя кассы превратились въ настоящіе ломбарды, и, въ качествѣ таковыхъ, конечно, оказали населенію существенную помощь. Билеты ссудныхъ кассъ мелкихъ купюръ находятся въ обращеніи, а крупныхъ — сосредоточиваются въ рейхсбанкѣ и замѣняются выпускомъ обычныхъ банкнотъ.

Въ Германіи, кромѣ военныхъ ссудныхъ кассъ, были образованы еще спеціальные военные банки (Kriegskreditbanken). Эти банки въ идеѣ являются весьма цѣлесообразными учрежденіями. Они должны оказывать кредитъ такимъ предпріятіямъ, которыя по причинѣ войны переживаютъ тяжелое положеніе (die Notlage) и утратили кредитоспособность съ точки зрѣнія обычнаго банка, но по существу остались здоровыми предпріятіями. Военные банки являются организаціей самопомощи; ихъ капиталъ составляется за счетъ взносовъ государства, городовъ, торговыхъ палатъ, отдѣльныхъ банковъ и промышленныхъ предпріятій. Съ другой стороны, кромѣ акціонернаго капитала, при томъ выплаченнаго не вполнѣ, военные банки располагаютъ еще „гарантированнымъ капиталомъ“, на подобіе нашихъ обществъ взаимнаго кредита, гдѣ членскій взносъ является только $^1/_{10}$ частью „капитала отвѣтственности“. Главныя формы кредитовъ оказываются въ видѣ акцептовъ и учета. Въ концѣ концовъ, и эти банки опираются на рейхсбанкъ. Такихъ банковъ было открыто 30; они были созданы, главнымъ образомъ, для помощи промышленности, работающей на экспортъ Всѣ заявленія о выдачѣ денегъ изъ этихъ банковъ разсматриваются особыми кредитными комитетами;—это обстоятельство, по мнѣнію Штиллиха, обрекло военные банки на неуспѣхъ, такъ какъ купцы и промышленники опасаются раскрытія своихъ коммерческихъ тайнъ въ кредитныхъ комитетахъ и, по возможности, стараются обойтись безъ кредитовъ въ военныхъ кредитныхъ банкахъ.

Несмотря на неуспѣхъ этихъ двухъ мѣръ, все таки слѣдуетъ признать, что въ Германіи на время войны въ области банкового кредита были приняты весьма серьезныя мѣры къ тому, чтобы всячески облегчить положеніе рынка. Тамъ банки и вообще финансовый міръ ни на минуту не

забывали о лежащихъ на нихъ серьезныхъ народнохозяйственныхъ задачахъ.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ весьма серьезное поведеніе американскихъ банковъ. Америка оказалась сильно затронутой военными обстоятельствами, ея дѣловая жизнь, ея отношенія съ заграницей были сильно разстроены, что наносило вредъ общимъ народнохозяйственнымъ интересамъ страны и угрожало благополучію массы предпріятій. Кредитъ былъ потрясенъ, но въ Америкѣ банки сами организовали родъ мораторія для своихъ должниковъ и составили особый „пуль" для выравниванія международныхъ расчетовъ; словомъ, они приняли такія мѣры, которыя, прежде всего, были полезны всему народному хозяйству и потомъ уже самимъ банкамъ.

III.

Самымъ яркимъ показателемъ величайшихъ пертурбацій въ области народнаго хозяйства, вообще, и въ частности, въ области кредитнаго оборота является фактъ почти всеобщаго перехода къ системѣ бумажноденежнаго обращенія. Во время войны центральные банки являются послѣднимъ убѣжищемъ для всѣхъ частныхъ банковъ, т. е. центральные банки являются одинокими островами, на которыхъ народное хозяйство спасаетъ отъ всеобщей разрухи свою кредитную систему. Въ такіе моменты понятіе центральнаго банка сливается съ понятіемъ государственнаго кредита, центральный банкъ повсюду выступаетъ, какъ органъ государства и какъ представитель общаго государственнаго кредита. Три великія задачи возложила безпримѣрная война на центральные банки. Во-первыхъ, центральные банки должны были повсюду дать необходимыя средства частнымъ кредитнымъ установленіямъ для того, чтобы они могли выдержать паническое востребованіе вкладовъ; во-вторыхъ, центральные банки должны были насытить оборотъ массой денежныхъ знаковъ, спросъ на которые увеличивается потому, что торгово-промышленный оборотъ и вся дѣловая жизнь страны, вслѣдствіе потрясенія кредита, переходятъ на наличные расчеты; наконецъ, въ третьихъ, центральный банкъ долженъ былъ дать государству необходи-

мыя средства для веденія войны. Къ этимъ тремъ основнымъ задачамъ, возникающимъ въ самомъ началѣ войны, постепенно примыкаютъ другія, не менѣе важныя и требующія отъ банка значительныхъ средствъ. Центральные банки должны приложить большія усилія и потратить много средствъ для того, чтобы возстановить дѣловой оборотъ страны оказаніемъ кредита какъ банкамъ, такъ и отдѣльнымъ предпріятіямъ и хозяйствамъ. Центральные банки должны употребить большія усилія къ тому, чтобы возстановить и наладить разрушенную войной систему международныхъ расчетовъ. Наконецъ, центральные банки должны заботиться объ увеличеніи золотыхъ запасовъ, объ охранѣ своего золота, которое будетъ играть такую видную роль при реализаціи послѣдствій экономическихъ вліяній войны. Центральный банкъ во время войны въ наиболѣе яркой формѣ выявляетъ свои свойства „банка банковъ" и еще ярче выступаетъ, какъ экономическій военный штабъ.

Достиженіе поставленныхъ войной цѣлей, помимо высокаго напряженія банковой дѣятельности, требуетъ отъ банка колоссальныхъ затратъ, которыя въ своихъ ариѳметическихъ размѣрахъ превосходятъ размѣры золотыхъ запасовъ и размѣры эмиссіоннаго права банковъ. По подсчетамъ англійскаго министра финансовъ Ллойда Джорджа, годъ войны для трехъ великихъ державъ—Англіи, Франціи и Россіи—обойдется въ 20 милліардовъ рублей. Германіи война стоитъ столько же, сколько и Россіи. Добыть такія суммы весьма трудно. Обычные пріемы изысканія чрезвычайныхъ рессурсовъ—займы и отчасти налоги—оказываются въ виду колоссальности военныхъ расходовъ несостоятельными. Обыкновенными займами эти суммы добыть трудно хотя бы потому, что рынокъ не располагаетъ такою емкостью, на рынкѣ просто не хватитъ капиталовъ. Налогами значительныя суммы добавочныхъ рессурсовъ можно добыть только въ самой богатой странѣ. И Франція, и Россія, и Германія не могутъ добыть налогами необходимыхъ средствъ для веденія войны. Въ лучшемъ случаѣ налоги могутъ дать средства, необходимыя для покрытія расходовъ по оплатѣ новыхъ займовъ. Остается одинъ путь—выпускъ бумажныхъ денегъ, и одинъ источникъ—центральный эмиссіонный банкъ.

Для того, чтобы удержаться на позиціи и имѣть возможность свободно удовлетворять идущимъ со всѣхъ сторонъ запросамъ, центральный банкъ долженъ привести себя въ боевое положеніе. Онъ долженъ выпустить какъ можно больше банковыхъ билетовъ. Усиленные выпуски банковыхъ билетовъ, свободно обмѣнивающихся на золото, весьма легко могутъ привести къ полному истощенію банковскихъ запасовъ золота. Война создаетъ искусственный спросъ на золото. Золото требуютъ въ публикѣ ради простого тезаврированія его въ шкатулкахъ и чулкахъ; золото требуется для международныхъ расчетовъ, такъ какъ разстройство вексельныхъ курсовъ создаетъ условія, въ высшей степени благопріятныя для расплаты съ заграницей золотомъ. Золото требуется во всѣхъ воюющихъ странахъ, какъ основаніе для выпуска бумажныхъ денегъ, поэтому отдѣльныя страны принимаютъ мѣры къ тому, чтобы увеличить свои золотые запасы. Наконецъ, золото легко получаетъ во время войны, сопровождающейся усиленнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, премію, что неминуемо приводитъ къ полному исчезновенію золота изъ обращенія. Поэтому, простое благоразуміе требуетъ не только охраны золотыхъ запасовъ, а просто закрытія всѣхъ щелей, по которымъ золото можетъ утекать изъ страны. Послѣдніе годы передъ войной центральные банки были заняты усиленной охраной золота и стягиваніемъ золотыхъ запасовъ въ свои подвалы. Въ силу такой политики денежное обращеніе обѣднѣло золотой монетой; мѣстами государства совсѣмъ перестали чеканить золотую монету; золотые же запасы центральныхъ банковъ сильно выросли. Несмотря на строгую охрану золота, все же оно подвержено весьма оживленной циркуляціи, такъ какъ, вопервыхъ, золото есть, прежде всего, самый транспортабельный товаръ, во-вторыхъ, въ золотѣ нуждаются почти всѣ страны, производится же оно далеко не во всѣхъ. Между добычей золота внутри страны и золотыми запасами страны нѣтъ никакой связи, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (въ тыс. ф. ст.):

	Добыча 1912.	Запасы 1912.
Британская имперія . .	59.900	29.300
Соединенные Штаты . .	19.200	258.000
Россія	4.600	155.800
Франція.	350	128.300
Германія	16	38.500
Австрія	420	50.400
Италія	2	46.000

Золото, которое накапливается въ центральныхъ банкахъ, получается различными путями: оно или притекаетъ изъ заграницы, или банкъ получаетъ его за счетъ внутренной добычи и за счетъ опустошенія денежнаго обращенія. Фактъ тотъ, что за послѣднее время центральные банки всѣхъ странъ стремились къ тому, чтобы какъ можно больше получить золота въ свои руки. Эти усилія не вездѣ увѣнчались одинаковыми успѣхами, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы на конецъ 1912 г. и 1914 г.:

	Тысячи фунтовъ стерлинговъ.		Плюсъ или минусъ.
	1912.	1914.	
Великобританія	29.294	69.032	+ 39.738
Австро-Венгрія	50.380	51.578	+ 1.198
Бельгія	8.559	10.977	+ 2.418
Данія	4.305	4.520	+ 215
Франція	128.293	165.670	+ 37.377
Германія.	38.504	104.274	+ 65.770
Голландія	13.390	17.332	+ 3.942
Италія.	46.019	49.628	+ 3.609
Норвегія.	2.353	2.246	— 107
Россія.	155.841	176.796	+ 20.945
Испанія	17.485	22.870	+ 5.385
Швеція	5.563	5.809	+ 246
Швейцарія	7.092	9.510	+ 2.418

Таблица показываетъ, что за исключеніемъ одной Норвегіи, повсемѣстно центральные банки увеличили свои золотые запасы, причемъ въ нѣкоторыхъ странахъ это увеличеніе было особенно напряженнымъ, напр., въ Великобританіи, во Франціи, Германіи и Россіи. Такая политика центральныхъ банковъ за указанные годы не была новостью; за эти годы тенденція къ накопленію золотыхъ запасовъ выражалась болѣе ярко, но по существу она—довольно давняго происхожденія.

Для насъ имѣетъ особенное значенiе не этотъ фактъ усиленнаго стягиванiя золота въ подвалы центральныхъ банковъ, а то, что это стягиванiе съ наступленiемъ войны не только не прекратилось, но наоборотъ, усилилось. Послѣднее замѣчанiе въ особенности относится къ Англiи и Германiи. Въ концѣ iюля 1914 года англiйскiй банкъ имѣлъ золота только 38 милл. ф. ст., въ концѣ этого года онъ имѣетъ его уже на 69 милл. ф. ст. За это же короткое время германскiй имперскiй банкъ поднялъ свои золотые запасы съ 68 милл. ф. ст. до 104 милл. ф. ст. О томъ, съ какою настойчивостью золото стягивалось въ Англiи и Германiи, можно судить по слѣдующимъ даннымъ недѣльныхъ балансовъ англiйскаго банка и германскаго рейхсбанка. Мы возьмемъ балансы самыхъ тревожныхъ, самыхъ горячихъ мѣсяцевъ—iюля, августа, сентября и октября въ тысячахъ фунт. ст.:

Великобританiя.		Германiя.	
Дата баланса.	Сумма золота.	Дата баланса.	Сумма золота.
29 iюл. . .	38.131	23 iюл. . .	67.843
7 авг. . .	27.622	15 авг. . .	75.426
12 „ . .	33.014	22 „ . . .	76.489
19 „ . .	37.959	31 „ . . .	77.825
26 „ . .	43.373	7 сен. . .	79.007
2 сент. . .	47.772	15 „ . .	80.684
9 „ . .	47.508	23 „ . .	83.791
16 „ . .	48.720	30 „ . .	85.804
23 „ . .	51.673	7 окт. . .	88.535
30 „ . .	52.916	15 „ . . .	90.086
7 окт. . .	56.756	23 „ . . .	91.404
14 „ . .	59.235	31 „ . . .	92.916
21 „ . .	60.062		
30 „ . .	61.872		

Въ болѣе слабой степени, но ту же самую картину можно наблюдать и въ другихъ европейскихъ странахъ. Мы приведемъ только данныя о золотѣ по двумъ балансамъ, на конецъ iюля и на конецъ октября (въ тыс. фунт. ст.):

	Конецъ iюля.	Конецъ октября.
Голландiя	13.509	14.262
Италiя	48.456	49.322
Россiя.	174.509	184.842
Швейцарiя	7.675	9.293

Австро-венгерскій банкъ и французскій банкъ за это время не публиковали своихъ балансовъ. Въ скандинавскихъ странахъ за это время замѣчается нѣкоторая убыль золота.

Приведенныя статистическія данныя показываютъ совершенно наглядно, что ни въ одной странѣ золото не было реальной основой денежной политики, наоборотъ, золото устранялось изъ обращенія и складывалось въ подвалахъ банковъ. Страны, копившія во время мира золото „на черный день“, не переставали заниматься этимъ дѣломъ и во время самыхъ тяжелыхъ дней кризиса, вызваннаго войной, и вели себя такъ, какъ будто у нихъ совсѣмъ не было золота. Съ золотомъ разставались только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда не оставалось никакихъ другихъ средствъ для того, чтобы произвести международные расчеты. Въ этомъ отношеніи Англія не составила исключенія. Это особенно важно отмѣтить въ виду того обстоятельства, что, именно, въ Англіи раздавались упреки по адресу континентальныхъ странъ въ томъ, что онѣ запрятали золото. Система запрятыванія золота была разная; большинство странъ сдѣлали это просто и механически: въ этихъ странахъ былъ пріостановленъ размѣнъ на золото кредитныхъ билетовъ и банкнотъ. Такъ поступили Франція, Россія и Германія. Въ Австро-Венгріи не было и до войны обязательнаго размѣна на золото; поэтому, тамъ проблема охраны золота была очень простой. Размѣнъ на золото былъ прекращенъ и въ Бельгіи, а въ скоромъ времени бельгійскій эмиссіонный банкъ былъ перевезенъ въ Лондонъ. Въ Италіи расширили эмиссіонное право банковъ. Эмиссіонное право было расширено въ Россіи, Германіи (фактически) и Франціи. Не закрыла золотого размѣна и не измѣнила содержанія банковаго закона Англія, но, по существу, съ точки зрѣнія золотой политики, это обстоятельство играетъ второстепенное значеніе. Не закрывая золотого размѣна, Англія, въ сущности, по отношенію къ золоту вела такую же политику, какую вели и континентальныя державы: она стягивала золото. Не закрывая размѣна на золото, Англія, тѣмъ не менѣе, не удержалась на строгомъ пути дѣйствій на основѣ банковаго закона. Англія вынуждена была выпустить на 40 милл. ф. ст. государственныхъ бумажныхъ денегъ

(Government Currency Notes), получившихъ силу законныхъ платежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, Англія механически спасла англійскій банкъ отъ необходимости расширить эмиссіонное право, въ результатѣ чего могло послѣдовать и прекращеніе размѣна. Съ другой стороны, Англія была и осталась кредиторомъ націй, и во время войны настойчиво потребовала уплатъ по обязательствамъ золотомъ. Золото въ силу этихъ требованій пошло въ Англію со всѣхъ концовъ міра, въ особенности изъ Сѣверной и Южной Америки. Наконецъ, англійскій банкъ, который во время войны выступаетъ передъ нами, какъ настоящій государственный банкъ, съ одной стороны, былъ освобожденъ отъ обязанности быть главнымъ источникомъ чрезвычайныхъ рессурсовъ, съ другой—государство взяло на себя полную гарантію по коммерческой его дѣятельности въ области переучета до мораторныхъ векселей. Свобода же отъ обязанности финансировать войну была достигнута тѣмъ, что Англія нашла на свободномъ рынкѣ весьма емкій резервуаръ для своихъ краткосрочныхъ и долгосрочныхъ займовъ. Англія использовала для войны тотъ рынокъ, который ранѣе питалъ вексельный оборотъ; кромѣ того, Англія и въ предѣлахъ своего обычнаго бюджета нашла достаточно солидные рессурсы для веденія войны. Вообще, позиція Англіи въ началѣ войны, т. е. въ самые трудные мѣсяцы, была легче другихъ не только потому, что она—самая богатая страна и ей всѣ должны, но и потому, что военные расходы Англіи въ началѣ войны были весьма скромными по сравненію съ расходами Россіи, Франціи и ихъ военныхъ враговъ.

Въ Россіи Высочайшимъ указомъ отъ 23 іюля 1914 г., впослѣдствіи замѣненнымъ закономъ 27 іюля, былъ прекращенъ размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золото. Тѣмъ же закономъ было расширено эмиссіонное право государственнаго банка. По закону 1897 г., учредившему въ Россіи золотую валюту, государственный банкъ имѣлъ право выпустить кредитныхъ билетовъ на 600 милл. руб. съ половиннымъ обезпеченіемъ ихъ золотомъ и остальные кредитные билеты банкъ могъ выпускать съ обязательнымъ обезпеченіемъ ихъ золотомъ рубль за рубль. Такимъ образомъ, банкъ могъ выпускать безъ обезпеченія золотомъ

только 300 милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Это было, пожалуй, самое строгое во всей Европѣ эмиссіонное право, и въ странѣ давно уже ощущалась потребность въ расширеніи этого права. Закономъ 27 іюля 1914 г. эмиссіонное право банка было значительно расширено: государственный банкъ получилъ право выпустить безъ золотого покрытія дополнительно 1.200 милл. руб. Такимъ образомъ, количество непокрытыхъ билетовъ по закону 27 іюля 1914 года можетъ достигнуть суммы въ 1.500 милл. руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, банкъ можетъ выпустить билеты подъ золото, находящееся въ его распоряженіи, обезпечивая эти выпуски рубль за рубль. Закономъ, расширившимъ эмиссіонное право государственнаго банка, вмѣстѣ съ тѣмъ было предоставлено банку право учитывать краткосрочныя обязательства казны, въ размѣрѣ соотвѣтствующемъ потребностямъ военнаго времени. О развитіи дѣятельности государственнаго банка въ новыхъ условіяхъ можно судить по слѣдующимъ балансамъ банка (въ милл. руб.):

1914 г.	Золото.	Билеты (въ обращ. и въ кассѣ).	Учетъ и ссуды.	Учетъ краткосрочн. обязательствъ госуд. казн.	Свободное эмиссіон. право.
16 іюля . .	1.744	1.700	777	„	411 *)
23 іюля . .	1.718	1.950	1.012	„	1.358
1 августа .	1.721	2.400	1.202	„	901
1 сентября .	1.789	2.625	1.198	175	736
1 октября .	1.832	2.800	1.191	239	635
1 ноября .	1.764	2.900	1.137	434	474
1 декабря .	1.768	2.925	1.162	473	422
1915 г.					
1 января . .	1.728	3.125	1.117	657	198
1 февраля .	1.708	3.124	975	1.006	85
1 марта . .	1.709	3.225	945	1.130	57

Если считать только кредитные билеты въ обращеніи, то процентъ золотого покрытія составлялъ:

16 іюля 1914 г. . . 106,9%
1 авг. „ . . . 74,2%
1 сент. „ . . . 70,1%

*) По старому закону, а если для удобства сравненія расчитать по новому закону, то на 16 іюля свободное эмиссіонное право составляло 1.611 милл. руб.

1 окт. 1914 г. . . .	68,3%
1 нояб. „ . . .	63,2%
1 декаб. „ . . .	62.1%
1 янв. 1915 г. . . .	57,0%
1 фев. „ . . .	55,8%
1 марта „ . . .	54,2%

За первые полгода войны (23 іюля—23 января) масса кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи увеличилась на 1.418 милл. руб., золотые запасы сократились на 32,9 милл., золотое покрытіе понизилось на 50,9%, свободное эмиссіонное право сократилось на 1.451 милл. руб., учетъ и ссуды выросли на 246 милл. руб., учетъ краткосрочныхъ обязательствъ увеличился на 945 милл. руб.

Къ срединѣ марта 1915 г. эмиссіонное право государственнаго банка сократилось до 13 милл. руб. Поэтому, на очереди всталъ вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи права эмиссіи. Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ закономъ 17 марта 1915 г., который снова раздвинулъ рамки эмиссіоннаго права на одинъ милліардъ рублей. Такимъ образомъ, государственный банкъ получилъ право на выпускъ непокрытыхъ кредитныхъ билетовъ всего на сумму въ $2^1/_2$ милліарда рублей.

Французскій эмиссіонный центральный банкъ въ своемъ отчетѣ за 1914 годъ указываетъ, что онъ заблаговременно принималъ необходимыя мѣры къ тому, чтобы быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ. Незадолго до войны Banque de France увеличилъ свои золотые запасы на милліардъ франковъ и приготовилъ массу мелкихъ банковыхъ билетовъ для того, чтобы насытить ими обращеніе тогда, когда паника лишитъ денежное обращеніе всей звонкой монеты. Въ 1913 г. пятифранковыхъ билетовъ обращалось въ странѣ на 672 тыс., а въ 1914 г. уже на 390 милл. фр., десятифранковыхъ билетовъ въ 1913 г. обращалось на 1.216 тыс. фр., а въ 1914 г.—на $803^1/_2$ милл. фр.

Задачи французскаго банка сводились къ слѣдующему: финансировать войну путемъ открытія военныхъ кредитовъ правительству и помочь народному хозяйству пережить черные дни паники. По договору банка и правительства отъ 21 сентября 1914 г. былъ увеличенъ максимальный предѣлъ ссудъ правительству съ 2.900 милл. до 6 милліардовъ, съ

начисленіемъ по этимъ кредитамъ ничтожнаго процента, всего только 0,875% въ годъ. Такимъ образомъ, правительство получило въ лицѣ Banque de France обильный и весьма выгодный источникъ чрезвычайныхъ кредитовъ. Съ другой стороны, французскій банкъ широко пошелъ навстрѣчу частнымъ банкамъ, которые были поставлены въ безвыходное положеніе передъ паническимъ востребованіемъ изъ нихъ вкладовъ. Банкъ открылъ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ неограниченные кредиты и за три послѣднихъ дня іюля мѣсяца удвоилъ свой вексельный портфель, поднявъ его съ $1^1/_2$ милліардовъ до 3 милліардовъ фр. Такой интенсивный приростъ портфеля угрожалъ позиціи банка; правительство пошло на помощь банку и объявило мораторіи на банковскіе вклады. Средства банка нужны были не только для финансированія учета и частныхъ банковъ, но и для развитія ссудной операціи. Война, какъ извѣстно, вызываетъ особенно сильный спросъ на ссуды. Въ данномъ отношеніи Banque de France стоялъ передъ задачей колоссальныхъ размѣровъ: по своему уставу онъ могъ выдавать ссуды подъ такую массу цѣнныхъ бумагъ, которая опредѣляется потрясающей цифрой въ 50 милліардовъ фр. Ясно, что банкъ не могъ даже взять пятой части этихъ бумагъ безъ ущерба для своего положенія и для денежнаго обращенія. Были приняты мѣры ограниченія ссудной дѣятельности. Но все-таки банкъ довольно свободно открывалъ и ссудные кредиты. Банкъ долженъ былъ открыть крупные кредиты биржевымъ маклерамъ и принять мѣры къ размѣщенію государственныхъ краткосрочныхъ займовъ, выдавая держателямъ ихъ крупныя ссуды.

Къ концу 1914 г. золотые запасы французскаго банка достигали 4.400 милл. фр.; за первое полугодіе 1914 г. они увеличились на 458,3 милл. и за второе—на 182,8 милл. фр. Наоборотъ, запасы серебра уменьшились въ первомъ полугодіи на 65,6 милл. фр. и во второмъ на 282,4 милл. фр. Уменьшеніе серебра было слѣдствіемъ выемки звонкой монеты изъ обращенія.

Ясно, что удовлетворить всѣмъ чрезвычайнымъ запросамъ со стороны и государства, и народнаго хозяйства Banque de France могъ только при помощи чрезвычайныхъ же мѣръ.

Такими чрезвычайными мѣрами были: 1) разрѣшеніе банку увеличить общіе размѣры своего билетнаго обращенія съ 6,8 милліардовъ фр., по закону 29 декабря 1911 г., до 12 милліардовъ, по закону 5 августа 1914 г.; 2) освобожденіе банка отъ обязанности размѣнивать предъявляемые билеты на золото, и 3) снабженіе банковыхъ билетовъ принудительнымъ курсомъ.

Banque de France съ начала войны не публиковалъ своихъ обычныхъ балансовъ, о состояніи его счетовъ можно было узнавать только изъ рѣдкихъ сообщеній министра финансовъ г. Рибо. Ниже приводимъ его балансъ въ милл. фр.:

1914 г.	Золото.	Серебро.	Учетъ.	Ссуды гос-ву.	Ссуды.	Билеты.	Вклады.	Золот. покр.
23 іюля . .	4.104	639	1.541	—	718	5.911	943	69,4%
31 іюля . .	4.141	625	2.444	—	744	6.683	947	62,0%
1 октября	4.092	319	4.476	2.100	841	9.299	2.177	44%
10 декабря	4.141	351	3.850	3,600	780	9.986	2.672	41,4%
24 декабря	4.158	355	3.735	3.900	745	10.042	2.650	41,4%
1915 г.								
11 февраля	4.234	374	3.329	4.100	852	10.749	2.238	39,4%
13 марта . .	4.248	377	3.000	4.700	680	11.176	2.414	38,8%

Въ балансахъ французскаго банка обращаетъ вниманіе сильная убыль серебра, которымъ насыщалось денежное обращеніе, опустошенное во время паники, и особенно сильный приростъ учета. Такъ какъ во Франціи правительство финансируетъ войну, главнымъ образомъ, за счетъ ссудъ изъ Banque de France, то ссуды правительству выросли въ весьма крупную цифру, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно выросло, конечно, и билетное обращеніе. Важно имѣть въ виду также и слѣдующее обстоятельство: въ вексельномъ портфелѣ Banque de France подавляющую массу составляютъ „мертвые“ векселя, т. е. стоящіе подъ мораторіемъ. Такихъ векселей по заключительному балансу на конецъ 1914 года было на 3.477 милл. фр.; противъ 258 милл. векселей, срокъ которымъ еще не наступилъ; это говоритъ за сильное ухудшеніе банковскаго портфеля. Но уже въ мартѣ 1915 г. учетный портфель банка сталъ замѣтно сокращаться и банкъ постепенно получаетъ бóльшую свободу дѣйствій.

Въ Англіи Bank of England обладаетъ весьма ограниченнымъ эмиссіоннымъ правомъ, которое составляетъ всего только 18½ милл. ф. ст. непокрытыхъ золотомъ билетовъ. Англійское правительство, какъ мы уже говорили, не захотѣло измѣнять законъ о банкѣ и выпустило государственныя бумажныя деньги, которыя стали циркулировать наряду съ банкнотами англійскаго банка. О движеніи баланса англійскаго банка можно судить по слѣдующимъ даннымъ (милл. ф. ст.):

	Резервъ.	Метал. зап.	Банкноты въ обращ.	Частныя ссуды.	Частные вклады.	Отношеніе резерва къ обязательствамъ.
1914 г.						
22 іюля . . .	30,9	38,6	29,3	33,6	42,2	52,4%
29 іюля . . .	26,8	38,1	29,7	47,3	54,4	40,0%
7 августа .	9,9	26,0	36,1	65,3	56,7	14,6%
2 сентября .	30,9	47,8	35,3	121,8	133,8	19,0%
4 ноября .	52,3	69,4	35,5	104,9	140,3	33,4%
16 декабря .	55,3	71,9	35,6	116,5	122,7	33,4%
1915 г.						
7 января .	51,4	68,7	35,2	108,2	116,1	32,7%
3 февраля .	51,2	66,5	34,8	108,0	123,9	31,58%
18 марта . .	37,1	52,4	35,1	140,0	89,7	18,26%

Въ балансѣ англійскаго банка особенно замѣчательны первыя недѣли войны, когда Bank of England былъ единственнымъ прибѣжищемъ всей кредитной системы Англіи. Въ это время его резервы опускаются до минимальныхъ размѣровъ, сильно сокращаются золотые запасы и увеличивается банкнотное обращеніе. Такимъ состояніемъ банковскаго баланса объясняется та настойчивость, съ какою англійскій банкъ требовалъ отъ своихъ кредиторовъ золото. Но скоро банкъ оправляется отъ потрясеній и накапливаетъ золото до небывало высокихъ размѣровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно улучшается и отношеніе его резервовъ къ обязательствамъ, правда, не достигая былыхъ размѣровъ: на 3 февраля 1915 г. это отношеніе составляло 31,58%, а на 11 февраля 1914 г. оно было 53,46%. Впрочемъ, англійскій банкъ по самой рискованной операціи—по переучету иностранныхъ векселей, выданныхъ до войны и вслѣдствіе войны

не оплаченныхъ,—былъ освобожденъ отъ всякаго риска, который былъ взятъ на себя англійскимъ правительствомъ. Этотъ рискъ опредѣляется въ колоссальную цифру—въ 2 милліарда рублей, что отчасти дѣлаетъ честь смѣлости Ллойдъ Джорджа, но, главнымъ образомъ, дѣлаетъ честь богатству Англіи, такъ какъ подобное страхованіе риска не подъ силу многимъ и многимъ державамъ.

Германскій рейхсбанкъ дѣйствуетъ на основѣ закона, разрѣшающаго ему выпускъ банкнотъ въ три раза больше, чѣмъ имѣется „наличности" въ кассѣ банка. Подъ наличностью законъ разумѣетъ золото, серебро, мелкую размѣнную монету—серебряную, мѣдную и никелевую,—и особаго рода государственныя бумажныя деньги, такъ называемыя, свидѣтельства имперской кассы, которыхъ можетъ быть въ кассѣ банка въ качествѣ банкнотнаго обезпеченія не свыше 120 милл. мар. Выпуски билетовъ банка свыше опредѣленнаго контингента облагаются 5% налогомъ. Первое, что сдѣлала Германія въ отношеніи рейхсбанка, это—прекращеніе размѣна на золото банковыхъ билетовъ. Но Германія отказалась отъ формальнаго расширенія эмиссіоннаго права рейхсбанка; вмѣсто этого выпуски банкнотъ, превышающіе опредѣленные контингенты, были освобождены отъ 5% государственнаго налога. Затѣмъ, въ распоряженіе рейхсбанка былъ переданъ металлическій запасъ имперской казны, находившійся въ крѣпости Шпандау въ качествѣ запаснаго военнаго фонда; въ составъ этого фонда входило 205 милл. мар. золота. Это сразу и сильно повышало эмиссіонное право банка, покоющееся на принципѣ третнаго покрытія. Но самое главное мѣропріятіе заключалось въ томъ, что законъ разрѣшилъ рейхсбанку обмѣнивать на банкноты билеты особыхъ военныхъ ссудныхъ кассъ, о которыхъ рѣчь была въ другомъ мѣстѣ нашей статьи, и считать эти билеты покрытіемъ для банкнотъ, равносильнымъ золотому покрытію. При такой конструкціи покрытія въ Германіи, конечно, не оказалось особой нужды въ расширеніи эмиссіоннаго права. Билеты военныхъ ссудныхъ кассъ удерживались въ обращеніи постольку, поскольку ихъ выпускали въ мелкихъ купюрахъ. Тогда они служили суррогатами мелкихъ денегъ. Всѣ же билеты ссудныхъ кассъ болѣе крупныхъ купюръ неизбѣжно направля-

лись въ кассы рейхсбанка, о чемъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ, въ милл. мар.:

1914 г.	Всѣхъ билетовъ ссудныхъ кассъ.	Въ томъ числѣ ихъ въ рейхсбанкѣ.
31 августа	242.7	173.2
30 сентября	477.8	834.2
31 октября	1.110.0	866.5

Кромѣ того, германскій рейхсбанкъ принялъ весьма энергичныя и удачныя мѣры по привлеченію въ кассу банка золота изъ обращенія, и его балансы все время показываютъ постепенное наростаніе золотыхъ запасовъ. Чѣмъ объясняется успѣшность этихъ мѣръ, и въ чемъ, собственно говоря, заключаются эти мѣры, мы не знаемъ. Были высказаны соображенія, что „золотыя" цифры рейхсбанка являются подозрительными, но утверждать это трудно. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что денежное обращеніе въ Германіи до войны было сильно насыщено золотомъ, и, поэтому, Германія въ дѣйствительности обладаетъ фондомъ для увеличенія золотыхъ запасовъ рейхсбанка. Другихъ же какихъ-либо источниковъ для прилива золота Германія не имѣетъ. Ея вексельные курсы давно и прочно показываютъ знакъ отлива золота. Да, кромѣ того, и сама Германія вывозила золото въ скандинавскія страны для поднятія курсовъ и въ Турцію для убѣжденія турецкихъ министровъ въ необходимости воевать съ Россіей. Въ слѣдующей таблицѣ мы приводимъ движеніе баланса рейхсбанка, въ милл. мар.:

	Металлическая наличность.	Въ томъ числѣ золото.	Билеты импер. и ссудной кассъ.	Вексельн. портф. и имперскіе векс.	Ссуды подъ бум.	Банкноты.	Вклады.	Золотое покрытіе.
1914 г.								
23 іюля	1.691	1.357	—	751	50	1.891	944	71,8%
31 августа	1.607	1.556	—	4.750	480	4.235	2.441	36,7%
31 декабря	2.130	2.093	875	3.937	57	5.046	1.757	41,5%
1915 г.								
2 февраля	2.276	2.228	153	3.862	40	4.637	?	48%
10 марта	2.374	2.329	175	4.875	35	4.944	?	45%

IV.

Разрушеніе кредитныхъ связей, разстройство кредитнаго оборота, внѣдреніе въ оборотъ бумажныхъ денегъ, почти полное прекращеніе международной торговли и весьма слабое возстановленіе экономическихъ связей отдѣльныхъ странъ въ то время, когда народныя хозяйства въ значительной мѣрѣ уже свыклись съ войной, запрещенія экономическихъ сношеній съ враждебными государствами, все это и многое другое привело къ тому, что весь сложный и деликатный аппаратъ международныхъ расчетовъ пришелъ въ полное разстройство. Въ условіяхъ нашей эпохи отдѣльныя страны не могутъ жить изолированной жизнью, онѣ связаны между собою самыми прочными узами; интересы данной страны никогда не вмѣщаются въ рамкахъ государственныхъ границъ, но всегда выходятъ за эти предѣлы и часто затруднительно сказать, напр., въ отношеніи такой страны, какъ Великобританія, гдѣ, собственно говоря, лежитъ основной центръ ея экономическихъ интересовъ, въ предѣлахъ ли островного государства, или за его предѣлами, въ необозримой „британской имперіи“, въ ея многочисленныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ. На какой бы ступени экономическаго развитія данная страна ни находилась, все равно она необходимо и неизбѣжно связана съ всемірнымъ рынкомъ, и эта связь въ наше время является существеннымъ условіемъ функціонированія и развитія всякаго народнаго хозяйства. Наиболѣе наглядно эта связь выражается въ существованіи между всѣми странами оживленной и растущей товарной торговли; менѣе наглядны, но такъ же существенны, финансовыя связи отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ, принимающія съ каждымъ годомъ все болѣе крупные размѣры и часто являющіяся основаніемъ для товарообмѣна.

Наиболѣе характернымъ признакомъ международныхъ экономическихъ отношеній является то обстоятельство, что эти отношенія опираются въ своей основѣ на кредитъ, который пронизываетъ всѣ и всякія отношенія между отдѣльными странами. Кредитъ нагляднѣе всего проявляется въ области чисто финансовыхъ отношеній, напр., при заключеніи внѣшнихъ государственныхъ, городскихъ и частныхъ обли-

гаціонныхъ займовъ. Въ такихъ операціяхъ одна нація совершенно очевидно выступаетъ, какъ кредиторъ, другая,— какъ должникъ. Но эти отношенія составляютъ только часть, и при томъ не самую значительную, международныхъ кредитныхъ отношеній. Заключеніе займовъ на иностранныхъ рынкахъ представляетъ собою собраніе спорадическихъ фактовъ, наступленіе которыхъ то учащается, то замедляется. Часто заключеніе внѣшнихъ займовъ является не столько результатомъ желанія страны, бѣдной капиталами, занять деньги въ богатой странѣ. Весьма часто внѣшніе займы, безразлично—государственные или частные,—выступаютъ передъ нами въ роли вторичныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ лишь о томъ, что этими заемными операціями консолидированы, зафиксированы ранѣе возникшія кредитныя отношенія. Кредитъ въ области международныхъ экономическихъ отношеній наиболѣе часто проявляется въ области простого товарообмѣна, который, можно сказать, безъ кредита совершенно не мыслимъ. Разрушеніе кредита въ международныхъ отношеніяхъ никоимъ образомъ не можетъ быть замѣнено сдѣлками на наличный расчетъ, какъ это отчасти мыслимо въ области внутреннихъ экономическихъ отношеній. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что самый расчетъ по международнымъ сдѣлкамъ по своей природѣ таковъ, что онъ цѣликомъ базируется на кредитѣ. Вексель является главною основою и главною формою международныхъ расчетовъ. Утрата довѣрія къ векселю или недостатокъ векселей въ оборотѣ приводятъ не только къ полному разстройству международныхъ расчетовъ, но и къ почти полной остановкѣ всѣхъ другихъ международныхъ экономическихъ отношеній.

Въ особенно тѣсной экономической связи находились европейскія страны. Великая война разрушила эти связи, во первыхъ, тѣмъ, что она поколебала ихъ основу—кредитъ, во вторыхъ, тѣмъ, что она раскОлола Европу на два лагеря, между которыми были прерваны всякія отношенія. Война характерна тѣмъ, что она поставила въ самой серединѣ Европы вражескій лагерь, разобщившій союзниковъ и сдѣлавшій отчасти невозможными, отчасти весьма опасными сношенія востока и запада Европы. Закрытіе выходовъ Бал-

тійскаго и Чернаго морей изолировало отъ всемірнаго рынка Россію. Закрытіе Сѣвернаго моря и Средиземнаго моря изолировало Германію и Австро-Венгрію. Крейсерство Германіи въ водахъ Атлантическаго и Тихаго океановъ поставило подъ угрозу всемірнохозяйственныя связи Англіи и Франціи. Океанъ всемірнаго хозяйства войною былъ разбитъ на массу озеръ, лишенныхъ взаимной связи.

Такое положеніе вещей привело къ тому, что обязательныя и необходимыя сношенія отдѣльныхъ странъ были совершенно прерваны и ихъ возстановленіе совершается съ величайшимъ трудомъ и съ небольшими результатами.

Война застала отдѣльныя страны въ такомъ положеніи, когда между ними существовали самыя оживленныя сношенія, ежедневно, ежечасно вызывавшія необходимость во взаимныхъ расчетахъ. Система расчетовъ, сложная и тонкая, была построена на предположеніи, что всѣ страны составляютъ кругъ участниковъ одного общаго счета, и механическое поврежденіе этой цѣпи, выбытіе одного звена тѣмъ самымъ наносило замѣтный ущербъ всей системѣ и отдѣльнымъ участникамъ. Война же не только вырвала изъ этой цѣпи рядъ существенныхъ звеньевъ, но она разобщила и другія звенья. Такимъ образомъ, система международныхъ расчетовъ во время войны фактически перестала существовать, что сразу отразилось на жизни и интересахъ всѣхъ странъ.

Механически были отложены до конца войны всякіе расчеты съ враждебными государствами. Такая отсрочка была, какъ мы видѣли, выгодной для Германіи и невыгодной для Англіи. Затѣмъ, механически были отсрочены на опредѣленные сроки обязательства между союзниками и нейтральными странами. Такая отсрочка была проведена при помощи мораторіевъ. Но эта отсрочка была лишь временной помощью, совершенно не рѣшавшей вопроса по существу. Съ приближеніемъ срока мораторія вопросъ о производствѣ расчетовъ вставалъ во всей своей силѣ. Съ другой стороны, мораторіи помогали временно справиться съ ранѣе возникшими обязательствами, но жизнь немолчно требовала возстановленія прерванныхъ экономическихъ сношеній, что по существу всегда сводится къ возстановленію кредитныхъ связей и къ

возобновленію разсчетнаго механизма. Въ этомъ и заключалась трагедія первыхъ мѣсяцевъ войны, когда цивилизованный міръ былъ охваченъ сначала паникой, затѣмъ всеобщимъ недовѣріемъ. Кредитные документы потеряли свою силу, и отдѣльныя страны обрекались на длительный застой въ области международнаго обмѣна.

Выше мы указывали, что недовѣріе къ кредитнымъ документамъ, порожденное войной, приводило къ тому, что даже внутри государства банкноты обмѣнивались въ нѣкоторыхъ странахъ съ большимъ дисконтомъ, напр., въ Бельгіи отдавали 20-франковый билетъ за 10 франковъ звонкой монетой. Тѣмъ большее потрясеніе довѣрія было въ отношеніи иностранныхъ кредитныхъ билетовъ и иностранныхъ переводныхъ векселей. Сначала никто не хотѣлъ брать иностранные кредитные документы. Всѣмъ памятно, съ какимъ затрудненіемъ можно было размѣнять русскіе кредитные билеты заграницей, не говоримъ уже въ Германіи, а даже въ нейтральныхъ странахъ, даже въ дружественныхъ странахъ. Мѣна ста рублей на сто франковъ считалась актомъ человѣколюбія. Во Франціи дѣло обстояло еще хуже; тамъ, по свидѣтельству „L'Economiste Francais", отказывались брать золотые фунты стерлинговъ, тѣ соверены, которые 9/10 земного шара болѣе извѣстны, нежели французскіе луидоры. Извѣстная международная компанія Кука вздумала обмѣнивать соверены на французскія деньги съ учетомъ въ 3%, „нѣчто совершенно неслыханное",—говоритъ по этому поводу названный французскій журналъ. Такъ обстояло дѣло съ золотомъ. Что же можно было ожидать въ отношеніи кредитныхъ документовъ, которые сильны тѣмъ, что они или свободно обмѣниваются на золото, или покрываются товарами? Французскіе банки въ началѣ войны отказывались принимать чеки лучшихъ въ мірѣ фирмъ, выписанные въ долларахъ или въ фунтахъ стерлинговъ. Въ мирное же время эти чеки были равноцѣнны золоту и всегда удобнѣе золота. Переводный вексель превратился въ простую бумажку, въ которую никто не вѣрилъ. Мораторіи разныхъ странъ вывели изъ строя колоссальную массу до-военныхъ векселей; перерывъ въ торговыхъ сношеніяхъ, закрытіе иностранныхъ текущихъ счетовъ привели къ тому, что вексельный рынокъ

совершенно оскудѣлъ. Закрытіе вексельныхъ биржъ лишило возможности узнать, какъ относится дѣловой міръ къ векселю, какая цѣна документу, хотя бы подписанному лучшей въ мірѣ фирмой и акцептованному лучшимъ въ мірѣ банкомъ. Поэтому, въ теченіе всего августа вексельные расчеты были или немыслимыми, или совершенно случайными по случайнымъ цѣнамъ. Въ теченіе августа въ Лондонѣ, этомъ основномъ центрѣ международныхъ расчетовъ, въ этой всемірной расчетной палатѣ, не было зарегистрировано никакихъ вексельныхъ курсовъ, кромѣ курса на Лондонъ изъ Гонгъ-Конга.

Въ нормальныя времена международные расчеты ликвидируются нѣсколькими способами, но всѣ эти способы оказались мало пригодными для военнаго времени. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить посылку товаровъ въ ту страну, въ какой нужно ликвидировать то или иное количество обязательствъ. Но этотъ способъ мало пригоденъ для такой ликвидаціи, которая сдѣлалась уже срочной, когда платежъ нужно произвести сегодня-завтра. Во время же войны какъ разъ наиболѣе остро стоялъ вопросъ о самыхъ срочныхъ расчетахъ какъ по старымъ обязательствамъ, напр., уплата процентовъ по займамъ, такъ и по новымъ сдѣлкамъ, напр., по военнымъ заказамъ и по заказамъ такихъ товаровъ, которые были данной странѣ совершенно необходимы. Вездѣ требовали наличный расчетъ. Кромѣ того, расчетъ товарами былъ въ высшей степени затрудненъ еще и тѣмъ, что война рѣзко сократила возможность товарнаго транспорта. Внутри отдѣльныхъ странъ желѣзныя дороги были заняты осуществленіемъ мобилизаціонныхъ плановъ, вовнѣ непріятельскія дѣйствія подняли до страшной высоты страховыя ставки, рискъ заставилъ поднять фрахтовыя цѣны, но и при всемъ томъ, военная опасность совершенно сократила движеніе морскихъ судовъ по самымъ важнымъ міровымъ путямъ. Такимъ образомъ, товаръ, какъ средство расплаты по международнымъ обязательствамъ, во время войны оказался несостоятельнымъ.

При такихъ условіяхъ внѣшній товарообмѣнъ по необходимости ограничивался самыми неотложными нуждами. Такъ какъ подобная необходимость естественно была ограничена ввозомъ, а не вывозомъ, то повсюду создались условія одно-

сторонняго обмѣна. Ввозить тѣ или иные товары было необходимо, но, поэтому, необходимо было и заплатить за этотъ ввозъ. Поэтому, товарообмѣнъ во время войны на одной сторонѣ создавалъ одностороннее право требованія, на другой—такое же одностороннее обязательство заплатить. Война, кромѣ того, разразилась въ такой моментъ, когда страны, задолженныя заграницѣ, только-что приступали къ сбору своего урожая (въ Америкѣ—хлопка, въ Россіи—хлѣба), и поэтому, онѣ своевременно не могли вывезти товары для ликвидаціи своихъ внѣшнихъ обязательствъ. Затруднивъ обычный товарный экспортъ, война заставила задолженныя страны обратиться къ инымъ способамъ расплаты съ заграницей и этимъ самымъ вызвала сильнѣйшее разстройство вексельныхъ курсовъ.

Когда при усиленномъ вывозѣ товаровъ сальдо расчетнаго баланса данной страны съ заграницей складывается пассивно, то задолженная страна имѣетъ возможность выравнить свои обязательства многими способами. Весьма часто такое выравниваніе совершается при помощи новыхъ займовъ, или посредствомъ продажи на иностранныхъ рынкахъ значительной массы цѣнныхъ бумагъ. Такъ, напр., до войны пассивный расчетный балансъ Австро-Венгріи заставлялъ эту страну ежегодно продавать за-границей массу цѣнныхъ бумагъ. Но во время войны, особенно въ первые два мѣсяца войны, когда международный кредитъ былъ совсѣмъ разрушенъ, и когда мало-мальски значительныябиржи были закрыты во всемъ мірѣ, совершенно исключалась возможность совершанія сколько-нибудь значительныхъ кредитныхъ операцій, а тѣмъ болѣе трудно, даже невозможно, было продавать на иностранныхъ рынкахъ какія-либо цѣнныя бумаги. Поэтому, такой способъ ликвидаціи международныхъ расчетовъ былъ недоступенъ для странъ, обязанныхъ платить заграницей. Только небольшіе займы на лондонскомъ рынкѣ Франціи, Бельгіи и нѣкоторыхъ скандинавскихъ государствъ были отмѣчены въ первую эпоху военныхъ дѣйствій: эти займы заключались съ условіемъ, что ни одинъ изъ занятыхъ фунтовъ не покинетъ англійской территоріи, и занятыя суммы пойдутъ на расплату по военнымъ заказамъ.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны были страшно затруднены государственныя кредитныя операціи, но въ болѣе тяжкомъ положеніи находился, конечно, частный кредитъ. Поэтому, частныя предпріятія, въ особенности банки, были лишены возможности создать въ заграничныхъ банкахъ нужные имъ кредиты, за счетъ которыхъ можно было бы покрывать иностранныя обязательства. Мораторіи иммобилизовали банковыя средства Англіи и Франціи, поэтому, русскіе, американскіе банки были лишены возможности не только получить въ этихъ странахъ новые кредиты, но даже воспользоваться своими собственными текущими счетами, имѣвшимися въ Англіи и Франціи. Чекъ и вексель, — эти основы международныхъ расчетовъ, — оказались безсильными во время войны.

Оставался одинъ путь—высылка золота. Золото въ области международныхъ расчетовъ является первымъ основаніемъ ихъ и послѣднимъ средствомъ. Вексельные курсы, въ концѣ концовъ, опираются на стоимость пересылки золота, съ одной стороны, а съ другой—вексель потому играетъ такую видную роль въ техникѣ международныхъ расчетовъ, что онъ легко превращается въ золото. Во время войны пересылка золота изъ страны въ страну, во-первыхъ, стала очень трудной и рискованной, вслѣдствіе чего повысился страховой рискъ и сильно вздорожали фрахты. Нѣкоторые предполагаютъ, что въ первые мѣсяцы войны пересылка золота изъ страны въ страну должна была поглотить около 14—15% стоимости пересылаемаго золота. Разъ такъ подорожала пересылка золота, то естественно, что она должна была отразиться соотвѣтствующимъ образомъ и на вексельныхъ курсахъ. Но помимо дороговизны пересылки золота, были и другія обстоятельства, мѣшавшія золоту сдѣлаться ходовымъ платежнымъ средствомъ. Воюющія страны считаютъ свое золото основой финансовой боевой готовности, поэтому онѣ были вынуждены лишить золота внутреннее денежное обращеніе, закрывъ размѣнъ на золото банковыхъ билетовъ. Золото, циркулировавшее въ свободномъ обращеніи, подъ вліяніемъ всеобщей паники и по своекорыстнымъ расчетамъ, моментально было припрятано. Такимъ образомъ, расплату золотомъ съ заграницей могли принять на

себя только центральные банки, въ подвалахъ которыхъ было заперто золото; но передъ центральными банками стояла другая, и притомъ противоположная, задача—по возможности увеличить свои золотые запасы. Такимъ образомъ, золото, оставшееся единственнымъ средствомъ выравниванія международныхъ платежей, въ то же время оказалось въ положеніи недосягаемости.

Правда, отдѣльныя страны вынуждены были производить свои платежи золотомъ. Страной, которая получала, являлась, главнымъ образомъ, Великобританія; странами, которыя должны были производить весьма значительные платежи, были, по-преимуществу, Россія и Соединенные Штаты. Поэтому, неудивительно, что особенно сильно были разстроены вексельные курсы Россіи и Америки на Лондонъ. Россія должна была-бы начать вывозъ хлѣбовъ и промышленнаго сырья, Америка была наканунѣ вывоза пшеницы и хлѣба. Въ Америкѣ подсчитывали, что въ началѣ войны здѣсь имѣлось способныхъ къ экспорту грузовъ на многіе милліарды долларовъ, и въ то же время вмѣсто отправки товаровъ Америка должна была истекать золотомъ. Англія боялась перевозить американское золото въ Лондонъ, поэтому, изъ Соединенныхъ Штатовъ золото перевозилось въ Канаду, изъ Южной Америки—въ англійскую Южную Африку. Россія должна была вывезти часть своего золота въ Лондонъ. Германія, вынужденная почти совершенно прекратить свой товарный экспортъ и въ то же время всячески стремиться къ тому, чтобы какъ можно больше ввести къ себѣ продовольственныхъ и сырьевыхъ грузовъ, равнымъ образомъ, разстроила свои вексельные курсы и неоднократно была вынуждена вывозить свое золото за границу.

Вывозъ золота для оплаты внѣшнихъ обязательствъ всѣми странами разсматривался какъ ultima ratio, и притомъ этотъ вывозъ совершался въ далеко не покрывавшихъ расчетную потребность размѣрахъ. Вслѣдствіе этого на всѣхъ рынкахъ, задолженныхъ заграницѣ, создавались настойчивые поиски иностранной „валюты“, т. е. переводныхъ векселей и чековъ. Въ задолженныхъ странахъ былъ созданъ сильный и односторонній спросъ на валюту, предложеніе или совсѣмъ отсутствовало, или было совершенно случайнымъ. Поэтому,

валютныя цѣны скоро приняли размѣръ и характеръ „голодныхъ“ цѣнъ, совсѣмъ порвавшихъ съ золотыми точками и часто при этомъ условіи остававшихся номинальными, т. е., или былъ только одинъ спросъ, не находившій предложенія, или было предложеніе по несообразнымъ цѣнамъ.

Въ нормальное время расчетъ съ заграницей при помощи валютныхъ документовъ производится на основаніи, такъ называемыхъ, вексельныхъ курсовъ. Вексельнымъ курсомъ называется цѣна, по которой можно купить опредѣленнаго достоинства иностранный вексель и переслать его за границу вмѣсто уплаты золотомъ. Разумѣется, цѣна векселя, замѣняющаго расплату золотомъ, должна колебаться въ такихъ предѣлахъ, въ которыхъ выгоднѣе все-таки посылать вексель, а не золото. Ясно, что предѣлы колебанія вексельныхъ курсовъ зависятъ отъ расходовъ по пересылкѣ золота. Верхній и нижній предѣлы этихъ колебаній называются „золотыми точками“, т. е. такими точками, при достиженіи которыхъ вексельными курсами послѣдуетъ замѣна вексельныхъ расчетовъ расчетами золотомъ.

Золотыя точки Петрограда на Лондонъ будутъ такими: за 10 фунт. ст.—95,025 руб. и 94,125 руб. Если цѣна 10-фунтоваго векселя колеблется въ этихъ предѣлахъ, то изъ Россіи въ Лондонъ и изъ Лондона будутъ расплачиваться векселями Если же вексельный курсъ встанетъ выше 95,025 руб., т. е. если за десятифунтовый вексель придется платить большее количество рублей, чѣмъ установлено въ „золотой точкѣ“, тогда выгоднѣе вмѣсто покупки лондонскаго векселя послать въ Лондонъ русское золото. Наоборотъ, если количество рублей за лондонскій вексель сократится и вексель будетъ стоить дешевле 94,125 руб., то изъ Лондона предпочтутъ выслать въ Петроградъ золото. Вывозъ золота при такихъ условіяхъ является регулирующей силою, приводящей автоматически вексельные курсы къ нормальнымъ „точкамъ“, близко выражающимъ паритетное отношеніе между рублемъ и англійскою валютою. Ясно, что такое автоматическое выравниваніе вексельныхъ курсовъ возможно при двухъ условіяхъ: 1) имѣется полная свобода пересылки золота и 2) внѣшній товарообмѣнъ и финансовыя международныя сдѣлки все время порождаютъ „валюту“, т. е. на рынкѣ не оскудѣ-

ваетъ предложенiе векселей. Война какъ разъ уничтожила оба эти необходимыя условiя и въ то же время создала односторонній расчетъ: одна страна только получала, другая должна была только платить. Это приводило къ тому, что въ области вексельныхъ курсовъ создавалась настоящая анархія. Сюда слѣдуетъ прибавить еще одно обстоятельство, ухудшавшее общее положенiе дѣла: была закрыта вексельная биржа, и цѣны векселей опредѣлялись по принципу: „запрашивай какъ можно больше". Банки не обнаруживали намѣренія подняться до уровня пониманія общенародныхъ интересовъ и не сдѣлали ни одного шага къ тому, чтобы внести хотя какой-нибудь порядокъ въ это дѣло. Въ Россiи министерство финансовъ продало по нормальнымъ цѣнамъ въ первые полгода войны валюты на 200 милл. съ лишнимъ рублей, но такъ какъ эта сумма была только частью, и при томъ незначительною, общей нужды въ валютѣ, то она не оказала существеннаго вліянія на вексельные курсы.

Взрывъ войны страшно обезцѣнилъ русскій рубль въ международныхъ расчетахъ. Это обезцѣненiе нужно разсматривать, какъ чрезмѣрное вздорожанiе иностранныхъ векселей, отнюдь не обозначающее дѣйствительнаго паденія внутренней цѣнности рубля. Такое условное обезцѣненiе рубля достигало въ началѣ войны 20—25%. Вотъ данныя о движенiи вексельныхъ курсовъ Петроградъ на Лондонъ, по лондонскимъ расцѣнкамъ:

паритетъ 10 фунт. ст.=94.58 руб.
курсъ въ іюлѣ 1914 г.=95 руб. 10 коп.

Слѣдовательно, и наканунѣ войны вексельные курсы были не особенно благопріятны для Россiи. За послѣднiе годы вообще замѣчалась тенденція къ вздорожанію англійскихъ фунтовъ по отношенію къ рублю, что можно видѣть изъ таблицы среднихъ годовыхъ курсовъ трехмѣсячныхъ десятифунтовыхъ векселей:

1909 г.	94.77 руб.
1910 „	94.57 „
1911 „	94.63 „
1912 „	94.68 „
1913 „	95.04 „

Взрывъ войны сразу и рѣзко поднимаетъ стоимость 10-фунтоваго векселя. Въ августѣ, собственно говоря, курсы Петроградъ—Лондонъ совершенно отсутствовали, поэтому, нѣтъ и достовѣрныхъ данныхъ относительно того, въ какомъ отношеніи за этотъ мѣсяцъ мѣняли рубли на фунты; платили за фунты столько, сколько спрашивали, потому что въ это время покупали фунты только тѣ, кому нельзя было не купить ихъ. У правительства же были еще запасы иностранной валюты, скупленной до войны. Далѣе мы покажемъ развитіе курсовъ за сентябрь и слѣдующіе мѣсяцы:

10 сентября . . . . 107 руб. 50 коп. обезцѣненіе рубля 11½%
начало октября . . 120 „ — — 21%
ноябрь—отправка золота изъ Россіи въ Лондонъ въ размѣрѣ 8 милл. ф. ст. и заключеніе въ Лондонѣ займа на 12 милл. ф. ст.; курсы сильно колебались, въ общемъ обезцѣненіе рубля сократилось до 14%.
10 декабря . . . . 118½ обезцѣненіе рубля 20%
конецъ 1914 года . 117 — — 18¾%
начало 1915 года . 116—118
15 января . . . . 116—118
25 января . . . . 115½—117½
2 февраля . . . . 109—112
28 февраля 114½
1 марта . . . . . 113½—115½

За это время русское правительство заключило въ Англіи краткосрочный заемъ на 40 милл. ф. ст., русскій государственный банкъ вошелъ въ соглашеніе съ Banque de France относительно репортной ссуды въ 500 милл. фр. для расчета по внѣшней задолженности русскихъ коммерческихъ банковъ. Но валютные курсы все-таки остаются ненормальными. Удалось привести ихъ къ болѣе низкому уровню, нежели въ началѣ войны, а, съ другой стороны, внѣшній видъ вексельныхъ котировокъ сталъ болѣе пріемлемымъ: въ началѣ войны часто попадались такія обозначенія курса: 120—110 руб. за трехмѣсячный вексель въ 10 фунтовъ, т. е. устанавливались совершенно невѣроятныя „золотыя точки“, которыя правильнѣе назвать „военными“ точками. Въ 1915 г. разница между низшей цѣной (цѣна покупателя) и высшей цѣной (цѣна продавца) стала менѣе значительной. Но затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что весьма часто лондонскіе бюл-

летени отмѣчали только номинальные курсы на Петроградъ, т. е. по установленнымъ цѣнамъ никакихъ сдѣлокъ не заключалось.

Сильно разстроены вексельные курсы Германіи. Для Германіи особенно были важны курсы на Нью-Іоркъ, на Амстердамъ и на скандинавскія страны, т. е. на такія мѣста, съ которыми Германіи удавалось кое-какъ поддерживать коммерческія сношенія. Вотъ движеніе вексельныхъ курсовъ Нью-Іоркъ—Берлинъ:

паритетъ 4 марки = $95^1/_4$ центамъ.

ноябрь	$85^3/_4$	—обезцѣненіе марки 10%
8 декабря	$92^1/_2$	— — 3%
конецъ 1914 года . .	$88^1/_2$	— — $7—7^1/_2$%
начало 1915 года . .	$86^1/_2$	— — 9%
конецъ января . . .	85	— — 10%
конецъ февраля . .	$84^1/_2$	— свыше 10%

Германія всячески боролась съ обезцѣненіемъ марки и, между прочимъ, въ большихъ размѣрахъ продавала въ Америкѣ американскія бумаги, находившіяся въ рукахъ нѣмцевъ. Такія продажи временно поднимали курсъ марки, но затѣмъ марка снова теряла въ своемъ „удѣльномъ вѣсѣ“.

Выплаты изъ Германіи въ Амстердамъ обычно составляютъ 168—169 марокъ за 100 гульденовъ; въ октябрѣ за 100 гульд. платили уже 183—184 марки, что было результатомъ усиленныхъ покупокъ германцами продовольственныхъ запасовъ, за которые Германія только въ силу разстройства вексельныхъ курсовъ переплачивала отъ 15 до 16 марокъ за 100 гульд. Въ ноябрѣ за фунтъ ст. въ Германіи платили вмѣсто 20,43 мар. 22,9 марокъ, за 100 гульд.—уже 187,25 мар. и т. д. Германскія газеты, между прочимъ, съ ноября 1914 г. по распоряженію правительства даже прекратили печатаніе вексельныхъ курсовъ.

Война, какъ мы сказали выше, разстроила не только вексельные курсы воюющихъ государствъ, но и нейтральныхъ странъ. Особенно сильно пострадали вексельные курсы Соединенныхъ Штатовъ. Паритетъ долларовъ по отношенію къ фунту стерлинговъ составляетъ 4.867 долл. 1 августа 1914 г. кабельный переводъ стоилъ 7 долл. за фунтъ, но скоро наступило замѣтное улучшеніе: 5,75 долл., даже

4,95 долл. за 1 ф. ст. въ августѣ. Америка большими массами высылаетъ золото въ Лондонъ и въ Парижъ, гдѣ франки были дороже для Америки, нежели фунты. Къ концу 1914 г. въ большинствѣ странъ вексельные курсы налаживаются и входятъ въ предѣлы золотыхъ точекъ; только Германія и Россія остаются съ разстроенными курсами, такъ какъ обѣ страны наиболѣе сильно изолированы отъ всемірнаго рынка. Русскіе вексельные курсы различными финансовыми мѣрами только смягчаются, но радикальное возстановленіе возможно только при возстановленіи нашего внѣшняго товарообмѣна, который въ 1914 году далъ превышеніе ввоза надъ вывозомъ въ 150 милл. руб. и за полтора мѣсяца 1915 года еще около 50 милл. руб. При такихъ условіяхъ трудно надѣяться на нормальные вексельные курсы. Открытіе Дарданеллъ будетъ главнымъ условіемъ возстановленія вексельныхъ курсовъ въ Россіи. Возобновленіе вывоза товаровъ и заключеніе внѣшнихъ займовъ будутъ главной основой для созданія благопріятнаго вексельнаго курса.

Вліяніе войны на городскіе и земскіе финансы.

В. Н. Твердохлѣбовъ.

Великая борьба, которую ведетъ Россія, поставила не только предъ государствомъ, но и предъ органами самоуправленія грандіозныя задачи и требуетъ отъ нихъ колоссальнаго напряженія силъ. Дѣятельность ихъ, связанная съ войной, вышла далеко за рамки возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей и съ каждымъ днемъ расширяется.

Законъ возлагалъ на города и земства двѣ функціи: заботу о призываемыхъ въ моментъ призыва и попеченіе о семействахъ призывныхъ. Первая задача не требуетъ особенно значительныхъ расходовъ; что касается второй повинности, законъ 25-го іюня 1912 г. освободилъ отъ нея мѣстные союзы, признавъ ее общегосударственной, и сосредоточилъ дѣло призрѣнія семействъ призывныхъ въ волостныхъ попечительствахъ, избираемыхъ волостнымъ сходомъ, и уѣздныхъ съѣздахъ въ качествѣ контрольной инстанціи (въ городахъ эти функціи возложены были по прежнему на городскія управы). Земскіе дѣятели съ самаго начала войны приняли участіе въ волостныхъ попечительствахъ, ставъ большей частью ихъ главными организаторами, а земскія собранія ассигновали значительныя суммы въ дополненіе къ казеннымъ пайкамъ. Вскорѣ и само правительство привлекло земскія учрежденія къ руководству дѣломъ: законъ 29 августа 1914 г. ввелъ представителей земства въ губернскія присутствія и въ составъ вновь образованныхъ уѣздныхъ и городскихъ попечительствъ, которымъ были переданы контрольныя функціи

уѣздныхъ съѣздовъ, а веденіе дѣлъ было возложено на уѣздныя земскія управы.

Уѣзднымъ земскимъ собраніямъ было предоставлено избирать особыхъ уполномоченныхъ для контроля надъ волостными попечительствами. Такимъ образомъ, несмотря на принятіе на себя государствомъ расходовъ по призрѣнію семействъ призывныхъ, осуществленіе этой „общегосударственной" задачи осталось въ рукахъ органовъ самоуправленія. Къ тому-же казенные пайки еле обезпечиваютъ семьямъ призывныхъ *минимумъ* средствъ существованія въ *деревнѣ*, и потому на земства и города легла задача дополнительнаго обезпеченія ихъ, причемъ въ деревнѣ главнымъ предметомъ заботъ стала уборка полей и обсѣмененіе, а въ городахъ—денежныя пособія на квартиру, устройство дешевыхъ столовыхъ и т. п., такъ какъ на пайки въ городѣ прожить невозможно.

Съ самаго момента мобилизаціи земствамъ пришлось заняться организаціей и содѣйствіемъ уборкѣ полей призывныхъ; тамъ, гдѣ сохранившаяся община или кооперативы не наладили общественной „помочи", пришлось прибѣгнуть къ наемному труду. Въ большей мѣрѣ придется пользоваться имъ весной для распашки и обсѣмененія, такъ какъ новые призывы запасныхъ и ратниковъ разрѣдили населеніе деревни—потребуются громадные расходы, и многія волостныя попечительства придерживаютъ до этой поры свои средства. Помощь со стороны земства выразилась какъ въ денежныхъ ассигнованіяхъ, такъ и въ предоставленіи крестьянамъ машинъ и др. орудій изъ земскихъ складовъ. Пока невозможно подвести итоги денежныхъ ассигнованій, но нѣкоторую, правда, пеструю картину даютъ слѣдующія цифры: [1]) пермское губернское земство ассигновало 520 т. р., *харьковское*—1½ *милліона* („на нужды войны" вообще), нижегородское—275 т. р., петроградское губ. земство—200 т. р., *таврическое губ. земство*—1½ *милліона*, московское губ. земство—100 т. р., херсонское губ. земство—150 т. р., оренбургское губ. земство—300 т. р., а уѣздное—100 т. р., кіевское губ. земство—130 т. р., минское губ.—50 тыс. руб., а уѣздныя—

---

[1]) „Сводъ свѣдѣній о дѣятельности обществ., гор. и земскихъ учрежденій по оказанію помощи семействамъ лицъ, призванныхъ на войну"... Изъ „Извѣстій Верховнаго Совѣта по призрѣнію семействъ"... Вып. I—III.

205 т. р., тульское губ. земство—75 т. р.; нѣкоторыя земства конкретизировали предметъ расхода: такъ напр., владимірское губ. земство ассигновало 50 т. р. на покупку скота; другія земства, наоборотъ, расширяли цѣль расхода—помощь не только семействамъ призывныхъ, но и пострадавшимъ воинамъ (золотоношское—169,8 т.). Судя по этимъ даннымъ, размѣры ассигнованій не стоятъ въ соотвѣтствіи съ богатствомъ и платежными силами того или иного земства или съ относительнымъ размѣромъ потребности; повидимому, размѣръ ассигнованій обусловленъ былъ отчасти настроеніемъ и степенью воодушевленія тѣхъ экстренныхъ земскихъ собраній, на которыхъ они были сдѣланы. Во всякомъ случаѣ, они очень значительны, достигая въ нѣкоторыхъ земствахъ почти половины годичнаго бюджета.

Въ городахъ помощь семействамъ призывныхъ потребовала въ первые мѣсяцы относительно меньшихъ ассигнованій, но ростъ дороговизны жизни усиливаетъ все болѣе нужду и размѣры требуемой помощи, особенно въ столицахъ и крупныхъ центрахъ: Петроградъ ассигновалъ 675½ тыс., изъ которыхъ 214 т. на уплату за квартиры, 161 т.—на даровые обѣды, 58 т.—гражданскимъ женамъ, не получающимъ казеннаго пайка, и 72 т. на дѣтей; Харьковъ, Томскъ, Самара назначили по 100 тыс., прочіе, перечисленные въ Извѣстіяхъ Верх. Совѣта, города—по 10—30 т. (до 15 октября).

Призывъ на войну многочисленныхъ земскихъ и городскихъ служащихъ и др.—вызвалъ довольно крупный дополнительный расходъ по оплатѣ ихъ временныхъ замѣстителей, такъ какъ земства и города сохранили за ушедшими большей частью полный или половинный окладъ содержанія.

Наряду съ перечисленными чрезвычайными расходами, вытекающими изъ функцій, возложенныхъ на наше самоуправленіе закономъ, земства и города приняли на себя, въ сознаніи патріотическаго долга предъ страной, значительную долю заботъ *о раненыхъ и больныхъ воинахъ и ихъ эвакуаціи,* внеся въ это дѣло энтузіазмъ идейныхъ работниковъ и *общественный контроль.* Наконецъ, земства съ радостью откликнулись на призывъ главнаго управленія землеустрой-

ства и земледѣлія къ содѣйствію по снабженію арміи, и дѣятельно занялись организаціей покупокъ на мѣстахъ безъ торговыхъ посредниковъ. Здѣсь еще ярче сказался *государственный* характеръ органовъ самоуправленія, существующихъ не только для „мѣстныхъ пользъ и нуждъ", но для осуществленія всѣхъ общегосударственныхъ задачъ въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ центральной властью и ея органами. Въ переживаемую родиной тяжелую годину земствамъ и городамъ дано было, наконецъ, право объединиться для *планомѣрнаго* осуществленія новой принятой ими на себя заботы о раненыхъ.

Общеземскій союзъ, образовавшійся уже во время русско-японской войны и оказавшій тогда подъ руководствомъ кн. Г. Е. Львова столь серьезныя услуги, возродился и нынѣ, причемъ оффиціальное его признаніе послѣдовало скорѣе, чѣмъ тогда, и дѣятельность его развернулась гораздо шире: въ японскую войну онъ ограничивался главнымъ образомъ руководствомъ и денежной помощью отдѣльнымъ земствамъ, нынѣ центръ тяжести былъ перенесенъ на общеземскую организацію, къ прежнимъ функціямъ ея присоединилась эвакуація раненыхъ, устройство центральныхъ складовъ и крупныхъ госпиталей, вербовка персонала и т. д.

Расходы союза уже исчисляются десятками милліоновъ.

Средства союза составляются изъ: 1) спеціальныхъ ассигнованій вошедшихъ въ его составъ земствъ, кромѣ курскаго, 2) пожертвованій и 3) *казенныхъ пособій*. Уже къ моменту утвержденія союза земства ассигновали на дѣло помощи раненымъ 12 м. руб., изъ нихъ 4.297.500 руб. въ центральную кассу союза: московское—500 тыс., петроградское—300 т., пермское—200 [1]), харьковское и воронежское—по 150 т., остальныя губернскія земства по 100 или 50 т., таврическое и тульское—по 25 т.; область войска донского тоже примкнула къ союзу съ полумилліоннымъ ассигнованіемъ; уѣздныя земства вносили по 5—10 тыс. р. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что изъ ассигнованныхъ суммъ къ 1-му октября переведено было въ кассу главнаго комитета всего 2 мил. р., т. е. менѣе половины.

Довольно значительны были собранныя пожертвованія, но главнымъ источникомъ были ассигнованія изъ государственнаго казначейства, достигшія по 30-е марта 49.420.000 р., кромѣ 3.830.000 р.—на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ кавказскаго фронта и 670.000 р.—на расширеніе существующихъ лечебныхъ учрежденій для нуждъ кавказской арміи; такимъ образомъ, всего отпущено земскому союзу 53.920.000 р.

Рядомъ съ общеземскимъ союзомъ возникъ съ тѣми-же задачами *Всероссійскій союзъ городовъ*, объединившій всѣ крупные и средніе и много мелкихъ городовъ: къ 1-му января 163 города вступили въ союзъ и внесли свои взносы, 51 сдѣлали соотвѣтственныя ассигнованія, 114 вошли въ союзъ безъ взноса и 73 пересылаютъ ему пожертвованія. Не имѣя опыта общеземской организаціи, союзъ успѣлъ развить тѣмъ не менѣе значительную дѣятельность: согласно представленному М. В. Челноковымъ Государю обзору его дѣятельности [1]), уже въ декабрѣ въ госпиталяхъ союза имѣлось 35.868 коекъ во внутренней Имперіи, 10.889 въ тылу арміи и *16000 на Кавказѣ*, всего 62,757 коекъ, кромѣ Петрограда (9.327) и Москвы (41.810); союзъ организовалъ 6 тыловыхъ и 7 полевыхъ поѣздовъ, въ 110 мѣстахъ устроилъ питательные пункты, строитъ бараки; на центральномъ складѣ и въ отдѣленіяхъ заготовлено было бѣлья, сапогъ, полушубковъ и т. д. на $3^1/_2$ мил. р. и израсходовано на 2,2 мил. р. Союзъ пріобрѣлъ заграницей медикаментовъ на 250 тыс. р. и организовалъ приготовленіе ваты и нѣкоторыхъ лекарствъ своими средствами, значительно понизивъ ихъ цѣну. Съ тѣхъ поръ дѣло быстро ширится дальше, намѣчаются новыя трудныя задачи, какъ *борьба съ заразными болѣзнями* [1]), этими страшными спутниками войнъ. Союзъ выдалъ городамъ до 1-го января $7^1/_2$ м. р.: денежными пособіями 5,6 м. и вещами 1,9 м. р. Представленная главнымъ комитетомъ на 3-мъ съѣздѣ союза смѣта на *4 мѣсяца* включала $9^1/_2$ м. р. на открытіе новыхъ коекъ, 476 тыс. на содержаніе санитарныхъ поѣздовъ, 300 тыс. на питательные пункты, 600 тыс. на бѣлье для раненыхъ (Р. Вѣд. 14 февр.); общая смѣта на первое полугодіе 1915 г. достигаетъ 32 м. р. (Земское Дѣло. 15 февр.).

[1]) Извѣстія Всероссійскаго союза городовъ... № 4. (1 янв. 1915 г.).

Средства союза составляются изъ тѣхъ-же элементовъ, что и въ общеземскомъ союзѣ; но изъ нихъ *взносы* городовъ играютъ сравнительно скромную роль: до 1-го января 211 городовъ ассигновали 709.510 р., но внесли только 496.975 р.; въ кассовомъ отчетѣ по 1-ое февраля значатся членскіе взносы Владивостока—40 тыс., Астрахани—25 тыс., Уфы—15 тыс., по 10 т. отъ Твери, Рязани, Ростова, Перми, Пензы, Новочеркасска, Казани, Иркутска и Екатеринбурга, и т. д. Частныя пожертвованія достигли уже въ декабрѣ болѣе полумилліона и обильно притекаютъ понынѣ. Но главнымъ источникомъ поступленій служатъ *казенныя пособія*, достигшія къ 30 марта 15.300.000 р., кромѣ 3.830.000 для кавказскаго фронта.

Въ этомъ отношеніи союзъ городовъ еще рельефнѣе, пожалуй, чѣмъ земскій, выступаетъ въ роли расходчика государственныхъ средствъ. Общая сумма казенныхъ ассигнованій на нужды городского и земскаго союзовъ уже достигла 73¹/₃ м. р. Невольно напрашивается сравненіе съ прошлымъ: „въ турецкую войну скромныя ассигнованія (земствъ и городовъ) въ тысячи рублей на нужды войны носили характеръ частныхъ пожертвованій; въ японскую войну... возникъ *терпимый* властью общеземскій союзъ, собравшій 1246 т. р., а затраты всѣхъ земствъ достигли двухъ слишкомъ милл. р.; теперь казна сама ассигнуетъ общеземскому и всероссійскому городскому союзамъ десятки милліоновъ рублей“ [1]). Между тѣмъ какъ прежде участіе земствъ и городовъ въ „государственномъ“ управленіи выражалось гл. обр. въ собираніи средствъ, теперь они распоряжаются средствами государственнаго казначейства (Кузьминъ-Караваевъ. „День“ 11 сент.). Это новое въ нашей государственной жизни явленіе—не случайное слѣдствіе военныхъ событій и вовсе не объясняется исключительно недостатками краснаго креста: оно представляется мнѣ этапомъ мало сознаваемаго еще самой властью и многими земцами неуклоннаго историческаго процесса—административной децентрализаціи.

---

[1]) Расходы на борьбу съ заразными болѣзнями исчислены Главнымъ Комитетомъ въ 17,8 м. единовременныхъ и 2,97 м. р. ежемѣсячныхъ.

Земства и города не удовлетворились ассигнованіями въ кассы союзовъ—ихъ участіе *собственными средствами* въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ выразилось въ устройствѣ *собственныхъ* лазаретовъ, эвакуаціонныхъ питательныхъ пунктовъ и др. видовъ помощи. Расходы эти не поддаются точному учету; по даннымъ анкеты главнаго комитета, 24 губернскихъ города ассигновали на помощь раненымъ 3,6 м. р. (Самара—1 м., Саратовъ—600 т., Варшава—1,4 м. р., Казань—100 т., Кишиневъ—90 т., Курскъ—75 т....).

Нѣкоторыя земства предоставили въ распоряженіе губернскихъ комитетовъ значительныя суммы: московское, могилевское и ярославское—по 100 т., ставропольское—125 т., пензенское—50 т. Кромѣ того, въ земскихъ больницахъ были отведены тысячи кроватей для раненыхъ: въ симбирской губ.—250, орловской—200, саратовской и бессарабской—по 50 кроватей и т. д[1]).

Чрезвычайные расходы, вызванные войной, далеко не ограничились призрѣніемъ семействъ призывныхъ и помощью раненымъ воинамъ: германское и турецкое нашествіе выбросили волны *бѣженцевъ* изъ занятыхъ непріятелемъ мѣстностей Польши, Кавказа, турецкой Арменіи, и на городъ легла новая задача: прокормить, найти кровъ и, если можно, работу сотнямъ тысячъ несчастныхъ жертвъ войны; положеніе тѣмъ труднѣе, что на Кавказѣ и въ Польшѣ нѣтъ земства, и городъ одинокъ въ борьбѣ съ этой новой нуждой.

Но самымъ грознымъ бѣдствіемъ, съ которымъ предстоитъ бороться земствамъ и особенно городамъ, несомнѣнно, является распространеніе *эпидемій* (тифа, холеры, оспы), уже проникающихъ на Кавказъ и въ Ц. Польское, въ Поволжье и Сибирь. Т. о. чрезвычайныя затраты земствъ и городовъ, вызванныя войной, исчисляются *сотнями милліоновъ*.

Это новое бремя расходовъ тѣмъ рѣзче сказалось на бюджетахъ земствъ и городовъ, что и до войны финансовое

[1]) Б. Фромметъ. Помощь раненымъ и мѣстное самоуправленіе. Земск. Дѣло 1914, № 20. См. интересныя статьи проф. М. Загряцкова въ Земск. Дѣлѣ 1915, № 2—3. „Всеросс. Земскій Союзъ".

положеніе ихъ было весьма плачевнымъ: въ то время, какъ ростъ государственныхъ доходовъ за послѣдніе годы давалъ возможность накоплять свободную наличность и даже нѣсколько сокращать задолженность, мѣстные союзы стонали подъ бременемъ финансовой нужды. Расходы росли съ поразительной быстротой: бюджетъ городовъ поднялся со 153 м. р. въ 1904 г. до 297 м. въ 1913 г., т. е. удвоился за девять лѣтъ; въ земствахъ расходы росли еще быстрѣе: съ 89 м. въ 1900 г. и 124,2 въ 1905 г. до 253,7 м. въ 1913 г.— для 34 земскихъ губерній; къ старымъ земствамъ прибавилось 9 новыхъ; по смѣтамъ на 1914 годъ сумма расходовъ всѣхъ 43 земствъ достигла уже 353 м. р. Жизнь создаетъ все новыя задачи и предъявляетъ къ органамъ самоуправленія все большія требованія; между тѣмъ, источники доходовъ строго ограничены закономъ: ничтожныя надбавки къ промысловому налогу, предѣльныя ставки городского оцѣночнаго сбора, изъятія изъ обложенія казенныхъ, монастырскихъ и частныхъ желѣзнодорожныхъ имуществъ, отсутствіе подоходнаго налога и тѣхъ новыхъ податныхъ формъ, которыя такъ быстро распространялись послѣднее время на Западѣ, наконецъ, повышеніе въ 1910 г. государственнаго обложенія недвижимостей, почти закрывшее городамъ путь усиленія оцѣночнаго сбора—всѣ эти преграды *нормальному* развитію доходнаго бюджета далеко не окупаются ростомъ казенныхъ пособій, недостаточныхъ, неравномѣрныхъ и усиливающихъ вмѣшательство бюрократіи. Законъ 1912 года, нѣсколько сократившій расходы мѣстныхъ союзовъ на содержаніе правительственныхъ учрежденій, и законъ 1913 г., передавшій городамъ одну шестую налога съ недвижимостей, мало способствовали ослабленію финансовой нужды и не прекратили настойчивыхъ требованій коренной реформы. Вмѣсто реформы разразилась величайшая въ міровой исторіи война, которая потребовала со стороны органовъ самоуправленія новыхъ жертвъ и крайняго напряженія финансовъ, отразившись, съ другой стороны, и на *доходномъ ихъ бюджетѣ*.

Главнымъ источникомъ *земскихъ доходовъ* служитъ *оцѣночный сборъ*, достигавшій по смѣтамъ 1914 г. въ 43 губ. 210 м. или 3/5 всего бюджета (а если выключить казенныя

пособія, то $^{7}/_{8}$ бюджета); обычно онъ поступаетъ осенью въ размѣрѣ 75% оклада—нынѣ война увеличила обычную недоимку: напр., въ елецкомъ земствѣ поступило за 11 мѣс. 248 тыс. изъ 431.785 р. оклада, тогда какъ въ 1913 г. за тотъ-же періодъ поступило 404 тыс., въ бузулукскомъ (самарск. г.) земствѣ изъ предположеннаго къ поступленію сбора въ 1.175.000 поступило по 1-ое декабря лишь 416.000 (между тѣмъ, какъ чрезвычайныхъ расходовъ предстояло на 21.000 р.): уходъ на войну главныхъ работниковъ и прекращеніе экспорта отразились, наряду съ недородомъ, во многихъ губерніяхъ на поступленіяхъ налоговъ. Однако, дѣйствительность далеко не оправдала въ этомъ отношеніи пессимистическихъ ожиданій: поставки на армію отчасти поглотили образовавшійся избытокъ с.-хоз. продуктовъ, а запрещеніе продажи питей сохранило въ рукахъ крестьянства сотни милліоновъ и увеличило производительность труда оставшихся; поэтому, въ нѣкоторыхъ земствахъ поступленія оказались, къ общему удивленію, не ниже и даже выше, чѣмъ въ 1913 г.: въ новоржевскомъ у. они составили за 10 мѣс. 55,9% оклада для надѣльныхъ земель и 60,9% для частновладѣльческихъ противъ 44,6 и 44,2% въ 1913 г., въ боровичскомъ у. поступило за 11 мѣс. 238,7 т. изъ 268,883 т. р. въ кологривскомъ 428 т. изъ 479 т. и т. п. Въ общемъ итогѣ все-таки замѣчается нѣкоторое пониженіе поступленій земскаго сбора, но оно скорѣе объясняется *недородомъ*, чѣмъ войной (напр., въ уфимской губ. и др.).

Уменьшились и *казенныя пособія* на народное образованіе, на землеустройство и сельскохозяйственныя улучшенія: уже осенью 1914 г. правительство сочло нужнымъ сократить пособія на начальное обученіе на 6 м. р., школьно-строительные кредиты и др. Еще больше были сокращенія, предположенныя по проекту росписи на 1915 г.: смѣта м-ва нар. просвѣщенія урѣзывалась на 23 м. р. противъ смѣты 1914 г., причемъ ассигнованія на школьное строительство понижались съ 30 до $9^{1}/_{2}$ м. р. Гос. Дума, къ счастью, возстановила часть кредитовъ на народное образованіе, признавъ неумѣстной экономію на просвѣщеніе именно теперь, во время войны и запрещенія продажи питей, когда потребность народа въ знаніи, въ грамотѣ ощущается острѣе, чѣмъ

когда-бы то ни было. Почти столь-же вреднымъ было сокращеніе казенныхъ пособій на меліораціонныя работы (на осушку болотъ и пр.) въ такой моментъ, когда особенно важна поддержка народнаго хозяйства страны.

Доходы городовъ, за исключеніемъ несчастной Польши и сувалкской губерніи, пострадали сравнительно меньше, чѣмъ земскіе, такъ какъ въ городскихъ бюджетахъ податные источники и казенныя пособія играютъ меньшую роль; тѣмъ не менѣе, и оцѣночный сборъ, и гор. предпріятія, и оброчныя статьи должны испытать вліяніе мобилизаціи и сокращенія покупательной силы населенія. Къ тому-же повышеніе государственныхъ налоговъ легло, главнымъ образомъ, на городское населеніе: повышеніе подомоваго и квартирнаго налоговъ лишаетъ городъ возможности использовать основной источникъ своего бюджета; увеличеніе промысловаго налога и, особенно, новый желѣзнодорожный налогъ, должны непосредственно и косвенно отразиться на гор. финансахъ, сокративъ общую платежеспособность населенія и поступленія попуднаго сбора въ городахъ, гдѣ онъ введенъ. Запрещеніе продажи питей повело къ нѣкоторому сокращенію *трактирнаго* сбора вслѣдствіе пониженія доходовъ ресторановъ и трактирныхъ заведеній.

Сократился и послѣдній источникъ мѣстныхъ доходовъ—*кредитъ:* паденіе курсовъ фондовъ и курса русскихъ денегъ почти закрыли городамъ путь облигаціонныхъ займовъ, что уже повело къ пріостановкѣ многихъ начинаній; затрудненъ и частный кредитъ, и, въ довершеніе бѣдъ, правительство сократило въ первое время войны кредитъ изъ кассы городского и земскаго кредита, ограничивъ его 1 мил. рублей въ мѣсяцъ, а краткосрочныя ссуды—100 тыс. на каждое земство или городъ. Такимъ образомъ, положеніе комитета министровъ отъ 23 іюля лишило крупные города и губернскія земства возможности удовлетворить свои чрезвычайныя нужды даже съ помощью такого громоздкаго аппарата, какъ касса городского и земскаго кредита,—къ счастью, не надолго.

Чрезвычайные расходы и ожидавшееся сокращеніе доходовъ поставили предъ мѣстными органами острый вопросъ: какъ свести концы съ концами въ 1914 году и въ насту-

павніемъ 1915-омъ? Первой мыслью у правительства было—*возможное сокращеніе обыкновенныхъ расходовъ* въ городахъ и земствахъ и урѣзываніе смѣтъ: съ такимъ предложеніемъ министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ городскимъ и земскимъ управамъ.

Но спрашивается, *что-же сокращать* въ скудныхъ бюджетахъ нашихъ земствъ и городовъ? Можно ли урѣзать хоть одну изъ главныхъ статей земскаго бюджета безъ опасности для народнаго здравія, безъ вреда для культурнаго и экономическаго развитія страны?

Взглянемъ на смѣты 1914-го г. [1]): изъ общаго итога въ 353 мил. по 43 губ. 107 мил. или 30% падаютъ на *народное образованіе;* посягать на этотъ расходъ, задерживать введеніе всеобщаго обученія значило бы разрушать великое національное дѣло въ такой моментъ, когда предстоящія нашему отечеству экономическія и политическія проблемы требуютъ, прежде всего, быстраго культурнаго подъема. Запрещеніе продажи питей ни къ чему не приведетъ, если народу не дадутъ разумныхъ развлеченій, если не усилятъ расходовъ на народные дома, народныя чтенія, газеты, библіотеки, вообще на внѣшкольное образованіе. Многія земства, сознавъ указанную тѣсную зависимость трезвости и образованія, ассигнуютъ средства на постройку народныхъ домовъ (напр., костромское—10 т. р., малмыжское—1 т. р...), на районныя библіотеки (глазовское); московское губ. земство удѣлило 50 тыс. изъ фонда по народному образованію на раздачу уѣзднымъ земствамъ кинематографовъ, на устройство лекцій, хорового пѣнія, каневское ассигновало на эти цѣли 10 тыс., уфимское губ. земство увеличило смѣту на внѣшкольное образованіе до 322 т. р.—на 16%; тѣ же вѣсти приходятъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ губерній (нижегородской), особенно за послѣднее время. Но есть не мало и обратныхъ примѣровъ: петроградское уѣздное земское собраніе нашло возможнымъ „въ виду закрытія казенныхъ лавокъ (!), патріотическаго подъема и сокращенія хулиганства“ обойтись безъ дальнѣйшаго пополненія безплатныхъ библіо-

---

[1]) З. Френкель. Земскій расходный бюджетъ по смѣтамъ 1914 г. Земск Дѣло 1914, № 24.

текъ; рядъ земствъ сократилъ или даже прекратилъ расходы по внѣшкольному образованію (подольское, казанское, чистопольское, фатежское, оханское и др. уѣздныя земства); хотя „ликвидаторскія" попытки, вродѣ *пріостановки* каменецъ-подольскимъ земствомъ кредитовъ на внѣшкольное образованіе, составляютъ исключеніе, все-таки въ нѣкоторыхъ земствахъ слишкомъ охотно отозвались на призывъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ сокращенію смѣтъ [1]).

Великолѣпно *волынское* земство, „щедро" ассигновавшее *изъ правительственной субсидіи въ 800 тыс. руб.* 224 тыс. на помощь семьямъ призывныхъ, 100 тыс. на разныя благотворительныя цѣли, дающее 135 тыс. на церковныя школы, но закрывшее губернскій книжный складъ и вычеркнувшее ассигновку въ 4650 руб. на педагогическіе курсы; о внѣшкольномъ образованіи тамъ и помину нѣтъ [2]).

Прекращеніе казенныхъ пособій на школьное строительство побудило многія земства (симбирское, бахмутское, данковское) *отложить* постройку школъ на одинъ годъ или *сократить* число новыхъ построекъ (валковское).

Рѣзкія сокращенія кредитовъ на народное образованіе мы видимъ въ самарской губерніи (на 426,3 тыс. р. или на 12%), особенно въ бузулукскомъ уѣздѣ, въ воронежской губ. (на 600 тыс. или 15%), въ белебеевскомъ и др. (кромѣ уфимскаго) уѣздахъ уфимской губ. (567 тыс. или 18%!).

Значительно уменьшены кое-гдѣ ассигнованія на *экономическія* мѣропріятія, опять-таки въ связи съ сокращеніемъ казенныхъ пособій: въ самарскихъ земствахъ они сведены съ 893,6 до 498 тыс. (5/9), въ олонецкой губерніи, въ нѣкоторыхъ южныхъ они пострадали тоже больше другихъ статей бюджета.

Второй послѣ народнаго образованія главной категоріей земскаго бюджета являются расходы на *медицину*, достигшіе по смѣтамъ 1914 г. въ 43 губ. 82,3 м. р. или 23,3%. Нечего и говорить, что по данной статьѣ предвидится скорѣе увеличеніе, чѣмъ сокращеніе расхода: кромѣ издержекъ по

[1]) См. И. Лапшовъ. Уѣздныя земскія собранія въ 1914 г. Русск. Школа 1914, № 11.

[2]) Рус. Вѣд., 1915, № 39.

леченію раненыхъ и больныхъ воиновъ, отчасти лишь покрываемыхъ казной и общеземскимъ союзомъ, на земства ляжетъ попеченіе о больныхъ, признанныхъ негодными къ службѣ; но больше всего нужно подготовиться къ борьбѣ съ инфекціонными заболѣваніями; и сокращенія въ иныхъ земствахъ кредитовъ на медицину (въ уфимской губ.—на 15%, въ самарской губерніи— на 9%) очень печально отзовутся на населеніи.

Въ общемъ, сокращенія расходовъ коснулись, главнымъ образомъ, *строительныхъ* расходовъ — постройки новыхъ школъ, больницъ и пр.

Съ другой стороны, подъ вліяніемъ войны въ нѣкоторыхъ земствахъ возникли планы организаціи *земскихъ предпріятій* для производства с.-х. орудій и др. предметовъ, ввозившихся до сихъ поръ преимущественно изъ Германіи: таковы проектъ въ вятскомъ земствѣ аренды холуницкихъ горныхъ заводовъ, бездѣйствующихъ нынѣ, проектъ завода с.-хоз. машинъ въ золотоношскомъ земствѣ [1]). Т. о., война дала толчекъ намѣчавшейся уже непосредственно предъ ней новой тенденціи земствъ къ производительнымъ предпріятіямъ.

Если мы перейдемъ отъ отдѣльныхъ категорій расходовъ къ общимъ смѣтамъ въ различныхъ губерніяхъ, то получимъ столь-же пеструю картину [2]): по *уфимской* губерніи смѣты на 1915 г. понизились противъ 1914 г. на 474 тыс. или 5%, причемъ только уфимское уѣздное земство увеличило расходъ на 8%; белебеевское—сократило ихъ на 31%, мензелинское—на 20%; (правда, оба эти уѣзда постигъ неурожай); урѣзки коснулись народнаго образованія и медицины, но зато увеличены ассигнованія на дорожное дѣло. Въ *самарской* губ. въ виду пониженія доходовъ въ 1914 г. смѣта губернскаго земства на 1915 г. сократилась на 13% (3,4 — 3 = 0,4 м. р.), а уѣздныхъ—на 3% (8,3 — 0,05 м. р.), причемъ больше всего потерпѣли экономическія мѣропріятія, затѣмъ народное образованіе и медицина. Въ *олонецкой* губ. губернское земство уменьшило смѣту на 200 слиш-

---

[1]) Я. П. Земство и война. Вѣстн. Фин. 1915, № 9.

[2]) Корр. г. Андреева въ З. Д., 1915, № 4 и другія—тамъ-же; Вѣстникъ Олонецк. губ. земства, 1915, № 1, Вѣстн. Пензенск. земства, 1915, № 3 и др.

комъ тыс. руб., тогда какъ въ уѣздныхъ расходы почти не измѣнились; нужно замѣтить, что главнымъ плательщикомъ земскихъ сборовъ въ этой губерніи является казна (1.176 тыс. изъ 1.941 тыс.); сокращенія коснулись, главнымъ образомъ, агрономическихъ мѣропріятій и уплаты долговъ. Въ противоположность только что упомянутымъ губерніямъ уѣздныя земства *полтавской* губ. большей частью превысили даже предѣльную норму: константиноградское—на 13,4%, переяславское—на 28,4%, золотоношское на 9,1% и т. д.

Новгородъ-сѣверское и новозыбковское у. земства черниговской губ. [1]) увеличили расходы на образованіе и медицину. Столь-же разнообразны данныя объ измѣненіи земскихъ смѣтъ, приводимыя г. Лапшовымъ въ цитированной уже статьѣ: начиная съ елатомскаго (тамбовск. г.) и краснослободскаго (пензен. г.) уѣздныхъ земствъ, въ которыхъ смѣты возросли на 44,4 и 30,3%, мы встрѣчаемъ въ рядѣ земствъ тамбовской, ярославской, рязанской и др. губерній приростъ въ 3—10%; другія уѣздныя земства тѣхъ-же губерній понизили смѣты на 2—6%, особенно значительны сокращенія въ зміевскомъ (10%), тверскомъ (12,8%) и полтавскомъ (17,8%) уѣздныхъ земствахъ.

Б. Б. Веселовскій собралъ свѣдѣнія о 53 уѣздныхъ земствахъ 18 губерній, причемъ оказалось, что 24 земства увеличили смѣты, а 28 уменьшили ихъ; общій приростъ по сравненію съ 1914 г., несмотря на чрезвычайныя ассигнованія, вызванныя войной, еле достигаетъ ½%, тогда какъ въ 1914 г. онъ равнялся 12,2% [2]). Если эти цифры выражаютъ *среднюю* тенденцію въ измѣненіи земскихъ смѣтъ, то нужно признать, что *„сократительная" тенденція оказала свое вліяніе*: вѣдь даже *стаціонарный* бюджетъ означаетъ ухудшеніе въ удовлетвореніи нормально растущихъ потребностей, а, между тѣмъ, изъ смѣты 1915 г. нужно еще вычесть чрезвычайные расходы на военныя нужды. Впрочемъ, теперь рано подводить итоги, т. к. данныхъ еще мало, а имѣющіяся слишкомъ разнородны: рѣзкія различія во вліяніи войны на смѣты объясняются не столько различіемъ въ чрезвычай-

---

[1]) Черниговская Земская Недѣля. 1915, № 1—2.

[2]) Вѣстн. Пензенскаго земства. 1915, № 3.

ныхъ расходахъ, сколько урожаемъ или недородомъ въ данномъ уѣздѣ или губерніи; немалую роль сыграли, повидимому, и *настроенія* уѣздныхъ собраній: готовность идти навстрѣчу циркуляру м-ва вн. дѣлъ или страхъ передъ дефицитомъ.

Города (данныя о которыхъ еще болѣе отрывочны) отсрочили осуществленіе нѣкоторыхъ предпріятій (канализаціи, водопроводовъ, замощенія...) вслѣдствіе паденія курса и невозможности долгосрочныхъ займовъ, и поскольку намѣчавшіяся улучшенія диктовались б. ч. крайней необходимостью, антисанитарными условіями ихъ, непролазностью улицъ, мракомъ и грязью, отсрочка работъ печально отразится на здоровьи и благосостояніи жителей. Что касается *обыкновенныхъ* смѣтъ ихъ, онѣ, повидимому, слабо отражаютъ на себѣ вліяніе войны; смѣты главныхъ городовъ растутъ какъ и раньше. Расходы *Москвы*, согласно утвержденной 17 декабря смѣтѣ на 1915 г., составляютъ 57,8 м. р. противъ 52,6 м. р. въ 1914 г., причемъ увеличились ассигнованія на нар. образованіе (6,66—5,95 м. р.), медицину (10,7—9,3=1,4 м. р.!), содержаніе гор. предпріятій (15,8—13,7=2,1 м. р.). Проектъ смѣты *Петрограда* увеличиваетъ расходы на 6,2 м. (59,3 м, по сравненію съ 53,16 м. въ 1914 г.); здѣсь главный приростъ приходится, кромѣ гор. предпріятій (2,2 м.), на отчисленія на образованіе капиталовъ (3,33—1,7 м.), затѣмъ на народное образованіе (5,74—5 м.), тогда какъ расходы на медицину и санитарную часть, столь плачевную въ нашей столицѣ, возростаетъ всего на 200 тыс. р. Города, какъ *Самара*, въ которыхъ и до войны въ кассѣ не было ни копѣйки, кассовый дефицитъ превышалъ 50 тыс., а бюджетный достигалъ 687 тыс.; продолжаютъ въ томъ же духѣ и нынѣ: пріостановивъ всѣ новыя работы, самарская гор. дума постановила расходовать освободившіяся т. о. суммы, а также залоговыя, заложить процентныя бумаги, принадлежащія спеціальнымъ капиталамъ, если окажется невозможнымъ позаимствовать 1 м. р. у частныхъ лицъ (!) или въ банкахъ; однимъ словомъ, самарцы, подобно гоголевскому задолжавшему по уши помѣщику, не унываютъ.—Положеніе многихъ русскихъ городовъ аналогично описанному, и чрезвычайныя затраты, ложащіяся на нихъ тяжелымъ бременемъ, должны способствовать еще,

бо̀льшему обостренію испытывавшагося ими финансоваго кризиса.

О сокращеніи ихъ обыкновенныхъ расходовъ нечего и думать.

Итакъ, экономія въ удовлетвореніи обычныхъ потребностей земскаго и городского самоуправленія недопустима: тамъ, гдѣ сокращаютъ расходы, дѣлаютъ это за счетъ здоровья, культурнаго минимума или экономическаго благосостоянія жителей.

Но въ такомъ случаѣ какъ покрыть чрезвычайные расходы, откуда достать средства?

Приходится искать для покрытія чрезвычайныхъ, вызванныхъ войной, затратъ *новые источники дохода.*

У насъ давно стало всеобщимъ лозунгомъ требованіе *передачи* земствамъ и городамъ *реальныхъ налоговъ* или точнѣе: поземельнаго, подомоваго и *основного* промысловаго. Объ этомъ давно ходатайствуютъ отдѣльные города, указанная реформа составляетъ центральный пунктъ законопроекта конституціонно-демократической партіи о реформѣ мѣстныхъ финансовъ, ее выдвигаютъ въ большинствѣ статей и докладовъ (Шингаревъ, Веселовскій и др. въ Вольномъ Экономическомъ, Чупровскомъ обществахъ), причемъ одни (Б. Б. Веселовскій) [1]), говорятъ лишь о передачѣ поземельнаго и подомоваго и прибавляютъ осторожно „хотя-бы частью"; другіе, какъ А. И. Шингаревъ [2]), не дѣлаютъ никакихъ оговорокъ: 100 м. р. поступленій (отъ поземельнаго, подомоваго и основного промысловаго) составляютъ, по его словамъ, четырехдневный (?) расходъ на войну, слѣдовательно, государство можетъ легко поступиться ими; „во время войны это мало ощутимое добавленіе—менѣе $1^{1}/_{2}$%—къ колоссальнымъ расходамъ, превышающимъ 7—8 милліардовъ".

Мнѣ не разъ приходилось оспаривать столь упрощенное и трафаретное рѣшеніе сложнаго вопроса о соотношеніи между государственной и мѣстной системами прямыхъ на-

---

[1]) Гор. Дѣло, 1915, № 2.

[2]) Въ ст. „Бюджетъ государственный и земскіе бюджеты". Земск. Дѣло 1915, № 1.

логовъ: нельзя строить государственную податную систему исключительно на подоходномъ, а мѣстную на реальныхъ. Между дѣятельностью государства и мѣстныхъ союзовъ нѣтъ различій *по существу*, большинство расходовъ земствъ и городовъ имѣетъ общегосударственный, общеполезный характеръ, и, слѣд. къ нимъ большей частью непримѣнимо обложеніе по „принципу услуги и возмездія"; да реальные налоги вовсе не пропорціальны тѣмъ выгодамъ, которыя плательщикъ получаетъ отъ дѣятельности публичныхъ союзовъ; они столь неравномѣрны, столь устарѣли, что не годятся въ качествѣ *основанія* системы ни въ государственномъ, ни въ *мѣстномъ обложеніи*. Послѣднее должно быть построено, какъ и государственное, по „принципу платежеспособности" и *базироваться на подоходномъ* (надбавочномъ) налогѣ.

Дополнительное къ нему обложеніе имуществъ, въ формѣ ли общепоимущественнаго, или, еще лучше, обложенія земельной *ренты*, желательно и въ государственной податной системѣ, а при наличности въ ней указаннаго элемента, значительно ослабѣетъ и потребность въ *самостоятельныхъ* реальныхъ налогахъ. Рѣшеніе вопроса—не въ передачѣ земствамъ и городамъ *нынѣшнихъ* реальныхъ налоговъ, а въ созданіи и для нихъ, и для государства стройной, *эластичной и не препятствующей развитію производительныхъ силъ* податной системы.

Но все это—дѣло будущаго, а нужно помочь *теперь*, во время войны и вызываемыхъ ею финансовыхъ жертвъ и тяготъ. Въ то время, какъ правительство *повысило всѣ* реальные налоги (подомовый до 8%, промысловый до 15—20%), нѣсколько странно звучатъ требованія объ отказѣ государства отъ реальныхъ налоговъ; тутъ быть-бы живу—хоть-бы не повышали ихъ въ ущербъ земствамъ и городамъ! Ясно, что въ минуту крайняго напряженія, отказавшись отъ основного питейнаго дохода, государство не можетъ отдать и реальные налоги, прежде, чѣмъ не введетъ подоходнаго и не выяснитъ его поступленій. Безъ подоходнаго налога немыслима никакая реформа. Его слѣдовало ввести еще осенью, созвавъ для этого Думу, можно было-бы провести и теперь, весной, чрезъ законодательныя собранія въ экстренной сессіи или даже въ порядкѣ 87 ст. Если ужъ считаютъ возможнымъ въ

самый отвѣтственный моментъ русской исторіи законодательствовать по 87 ст., вводя такимъ путемъ вредные и разстраивающіе народное хозяйство сборы (жел.-дорожный сборъ, налогъ на хлопокъ...), то нѣтъ никакого основанія медлить съ введеніемъ налога, котораго давно требуетъ общественное мнѣніе, въ пользу котораго высказалась бюджетныя комиссіи Г. Думы и Совѣта, проектъ котораго давно разработанъ. Въ случаѣ введенія подоходнаго налога государство могло-бы отказаться въ пользу земствъ и городовъ отъ введенныхъ нынѣ чрезвычайныхъ надбавокъ къ реальнымъ налогамъ, передавъ соотвѣтственную долю ихъ поступленій. Такая мѣра была-бы первымъ шагомъ къ реформѣ, въ какомъ-бы направленіи она ни пошла.

Казна могла-бы теперь-же, *не дожидаясь* введенія подоходнаго отказаться отъ *квартирнаго* налога, играющаго въ ея бюджетѣ совершенно ничтожную роль, въ пользу городовъ, для которыхъ онъ былъ бы существеннымъ подспорьемъ [1]).

Переходя къ *существующимъ* городскимъ и земскимъ сборамъ, можно бы и здѣсь: 1) использовать имѣющіяся возможности повышенія ихъ, и 2) нѣсколько расширить ихъ объекты хотя бы путемъ „экстреннаго" законодательства. Къ мѣропріятіямъ первой категоріи относится *переоцѣнка* недвижимостей въ городахъ, *ускореніе и примѣненіе* новыхъ *земскихъ оцѣнокъ* тамъ, гдѣ онѣ близки къ окончанію. Тамъ, гдѣ оцѣнки произведены недавно, но высота обложенія не достигла дозволеннаго закономъ предѣла 1% цѣнности или 10% дохода), города могутъ *повысить налогъ* до указаннаго предѣла: вѣдь многіе города не достигли его, а Москва даже понизила налогъ—до 9%! Въ литературѣ часто выдвигаютъ требованіе *отмѣны предѣльности гор. обложенія*—требованіе вполнѣ основательное: странно ограничивать домовладѣльцевъ въ правѣ облагать самихъ себя! Но при нынѣшнемъ составѣ гор. самоуправленія врядъ-ли можно ожидать повышенія ставокъ выше 10% *дѣйствительной* доходности; отмѣна предѣльности, при нынѣшнихъ ненормальныхъ от-

---

[1]) Ср. ст. П. Л. Кованько. Судьба квартирнаго налога при введеніи подоходнаго налога. Изв. Моск. гор. думы. 1914, дек.

ношеніяхъ между земствами и городами, привела бы лишь къ сохраненію низкихъ и неравномѣрныхъ оцѣнокъ, во избѣжаніе повышенія земскаго сбора; города предпочли бы повышать ставки, сохраняя фиктивныя оцѣнки.

Расширеніе объектовъ мѣстнаго обложенія составляетъ давнее требованіе: пора, наконецъ, отмѣнить льготы церковныхъ, монастырскихъ и частныхъ желѣзнодорожныхъ имуществъ; особенно страннымъ кажется освобожденіе отъ *городского* оцѣночнаго сбора *казенныхъ зданій* и дворцовъ; обложеніе ихъ могло бы дать, по подсчету М. Н. Петрова [1]), около 15—20 м. въ годъ, а въ Петроградѣ *удвоило бы* поступленія оцѣночнаго сбора.

Наряду съ перечисленными мѣрами слѣдовало бы разрѣшить городамъ введеніе *налога на приростъ цѣнности*, побѣдное шествіе котораго на Западѣ составляетъ характерную черту послѣдняго десятилѣтія въ коммунальныхъ финансахъ. Правда, наиболѣе благопріятный моментъ для его введенія упущенъ: повышеніе уровня процента на капиталъ и затрудненія кредита поведутъ, пожалуй, даже кое-гдѣ къ пониженію цѣнности земли, и въ ближайшіе годы налогъ на приростъ цѣнности мало дастъ городамъ; однако, на окраинахъ и въ пригородахъ крупныхъ городовъ колоссальный приростъ цѣнности, замѣчаемый теперь [2]), ослабѣетъ, но не исчезнетъ, и обложеніе его дало бы въ руки городовъ растущій источникъ дохода, покрывая, полностью или частью, расходы по благоустройству пригородовъ.

Можно использовать въ большей мѣрѣ, чѣмъ нынѣ, нѣкоторые *налоги на роскошь*, хотя именно во время войны, когда большинство жителей сократило расходы, когда часть лошадей реквизирована, эти налоги не дадутъ серьезныхъ

---

[1]) М. Петровъ (Изв. Моск. гор. думы, 1914, ноябрь) предлагаетъ ограничить изъятія, указанныя въ пресловутой ст. 128 Гор. Пол. имуществами, составляющими личную собственность Государя, 2) т. н. государевыми, 3) благотворительными, 4) учебными, 5) духовными, 6) *землями* подъ жел. дорогами и 7) малодоходными.

[2]) Въ Москвѣ годичный приростъ земельныхъ цѣнъ достигалъ за послѣднія 15 лѣтъ 8—12½%. См. Записку тов. гор. головы по вопросу объ организаціи гор. земельнаго фонда. Ноябрь 1914, (составл. И. А. Вернеромъ). Поэтому, въ Москвѣ и въ центральныхъ частяхъ нельзя ожидать полной пріостановки прироста цѣнъ.

поступленій; то же можно сказать о налогѣ на *зрѣлища*: вѣдь половина ихъ имѣетъ въ этомъ году благотворительную цѣль—сборы на армію, раненыхъ, бѣженцевъ и т. д.

Повышать или вводить вновь *попудный сборъ*—теперь, когда государство установило въ свою пользу жел.-дорожный сборъ—значитъ усугублять вредное дѣйствіе этого сбора и еще болѣе содѣйствовать дороговизнѣ жизни. Попудный сборъ уже существуетъ въ 46 городахъ и быстро распространяется „по линіи наименьшаго сопротивленія"; онъ можетъ дать въ большихъ городахъ значительныя суммы (Москвѣ—до 2 м., Петрограду—1 м.), но весьма рискованны утвержденія нѣкоторыхъ панегиристовъ [1]) будто онъ „пойдетъ на пользу всѣмъ" и будто „противодѣйствіе ему объясняется... недостаточнымъ знакомствомъ заинтересованныхъ лицъ съ существомъ дѣла, нашей неразберихой и отсталостью формъ общественной жизни" (!?). Разумѣется, онъ ляжетъ на массу городского населенія.

Крупные доходы города могутъ получить путемъ „небольшого нажима" на *гор. предпріятія, повышенія тарифныхъ ставокъ:* платы за воду, цѣны трамвайныхъ билетовъ. Нѣкоторые города уже пошли по этому пути: тотъ самый Кіевъ, гдѣ еще годъ тому назадъ городскіе дѣятели осуждали „чрезмѣрный фискализмъ" въ муниципальныхъ предпріятіяхъ, ввелъ „военный сборъ" путемъ *копеечной* прибавки къ стоимости билетовъ на *гор. трамваѣ.* Проф. П. Л. Ковањко считаетъ допустимымъ такой временный сборъ для раненыхъ или семействъ призывныхъ при условіи сохраненія прежнихъ льготныхъ тарифовъ для рабочихъ (въ утренніе часы). Онъ идетъ даже дальше, рекомендуя повышеніе платы за воду на копѣйку со 100 ведеръ, хотя признаетъ, что этотъ сборъ имѣетъ еще болѣе характеръ поголовнаго [2]). Мотивомъ служитъ все то же соображеніе, которое руководило правительствомъ при повышеніи косвенныхъ налоговъ и проектахъ подушнаго сбора—„остающіяся въ карманахъ низшихъ классовъ съ закрытіемъ винной монополіи ежедневныя сбереженія". Но вѣдь „ежедневныя" сбереженія

---

[1]) А. Лотовъ. Гор. Дѣло, 1914, № 3.

[2]) Война и гор. финансы. Гор. Дѣло, 1914, № 22.

остались лишь у форменныхъ пьяницъ, а масса населенія, въ общемъ, все-таки страдаетъ отъ войны вслѣдствіе сокращенія промышленности, экспорта. Поэтому, прибѣгать къ повышенію платы за воду, на трамваяхъ и т. п. можно лишь по исчерпаніи всѣхъ другихъ источниковъ дохода: Кіевъ этого не сдѣлалъ и поспѣшилъ использовать „оставшіяся у низшихъ классовъ сбереженія".

У городовъ, какъ видно изъ изложеннаго, кругъ „возможностей" шире, чѣмъ у земствъ, налоговъ и другихъ источниковъ дохода больше; однако, бóльшая часть этихъ источниковъ сулитъ ничтожный доходъ или падаетъ на бѣднѣйшіе классы населенія, уже несущіе бремя „временныхъ" податныхъ мѣропріятій государства.

Война отразилась и на источникѣ чрезвычайныхъ земскихъ и городскихъ доходовъ—на *кредитѣ*: закрытіе европейскихъ биржъ, затѣмъ паденіе курса нашей валюты почти закрыли путь облигаціонныхъ займовъ. Правда, вѣроятное улучшеніе нашего курса съ частичнымъ возстановленіемъ экспорта, а также обиліе свободныхъ капиталовъ въ Англіи и пониженіе ссуднаго процента позволяютъ думать, что займы для нашихъ крупныхъ городовъ вовсе не такъ безнадежны, какъ это казалось въ началѣ войны.—Но для земствъ и среднихъ городовъ остаются прежніе пути кредита въ государственныхъ учрежденіяхъ. Тяжелое финансовое положеніе мѣстныхъ союзовъ побудило правительство принять мѣры къ облегченію его: государственный банкъ сталъ принимать въ залогъ цѣнныя бумаги спеціальныхъ капиталовъ, но это дастъ не болѣе 30—40 м. р., да къ тому же многія земства и большинство городовъ, нуждающихся въ средствахъ, не имѣютъ спеціальныхъ капиталовъ [1]).

Поэтому, м-во внутреннихъ дѣлъ вошло въ совѣтъ министровъ съ представленіемъ о принятіи *чрезвычайныхъ* мѣръ къ финансированію органовъ самоуправленія, результатомъ котораго явился рядъ облегченій:

1) размѣръ краткосрочныхъ ссудъ, выдаваемыхъ *кассой гор. и земскаго кредита*, повышенъ до 200 тыс. на каждаго

[1]) С. К. Мѣры финансовой помощи земствамъ и городамъ... Земск. Дѣло 1914 № 20 и *Мадаевъ*. Условія госуд. кредита для городовъ и земствъ. Гор. Дѣло 1915, № 3.

заемщика, порядокъ выдачи нѣсколько облегченъ (требуются свѣдѣнія лишь за годъ), кассѣ отпущенъ капиталъ въ 10 м. р. номинальныхъ госуд. ренты; ссуды выдаются безъ потерь на реализаціи ренты: касса принимаетъ ихъ на себя, возмѣщая убытокъ на процентахъ ссудъ; и *процентъ пониженъ* для ссудъ „на подкрѣпленіе оборотныхъ средствъ въ связи съ обстоятельствами военнаго времени" *до 6%*; *7—7½%* взимается лишь при строительныхъ ссудахъ;

2) второй мѣрой было предоставленіе *м-ву внутреннихъ дѣлъ* права *залога въ госуд. банкѣ* находящихся въ его вѣдѣніи спеціальныхъ земскихъ капиталовъ, въ общемъ на 17 м. р., для обезпеченія *ссудъ земствамъ изъ госуд. банка*: банкъ можетъ выдать ссудъ подъ обезпеченіе этимъ фондомъ на 12¾ м. р.; срокъ—пятилѣтній, а процентъ—тотъже, что и при непосредственнныхъ ссудахъ госуд. банка—5½%. Къ сожалѣнію, эта форма кредита недоступна городамъ, для которыхъ остаются пока лишь краткосрочныя ссуды изъ кассы. Любопытно, что наши земства и города далеко еще не использовали послѣдняго источника кредита.

Теперь еще не насталъ моментъ для окончательнаго выясненія вліянія войны на городскіе и земскіе финансы: многое еще не вполнѣ опредѣлилось, не ясны еще самимъ земствамъ и городамъ вызванныя войной перемѣны въ экономическихъ условіяхъ, не намѣтилась еще *общая линія поведенія:* чрезвычайныя ассигнованія и размѣры урѣзокъ въ обыкновенномъ бюджетѣ зависятъ часто не только отъ мѣстныхъ *условій* (урожая, близости къ войнѣ...), но и отъ мѣстныхъ *настроеній.* Но каковы-бы ни были различія, всѣ земства и города приняли горячее участіе въ общемъ народномъ дѣлѣ, помогая власти и населенію въ тяжеломъ испытаніи и объединивъ свои силы для планомѣрной работы: общеземскій союзъ и всероссійскій союзъ городовъ—великое дѣло и великое *завоеваніе.*

Если немало земствъ черезчуръ поспѣшили съ сокращеніемъ культурныхъ и санитарныхъ расходовъ, то въ другихъ—и, повидимому, въ большинствѣ—мы видимъ стремленіе сохранить, по возможности, достигнутый уровень въ удо-

летвореніи культурныхъ потребителей. Приходится напрягать силы и изыскивать новые источники обложенія, кругъ которыхъ пока очень ограниченъ; власть должна расширить его и для себя (подоходный налогъ), и для органовъ самоуправленія. Тяжелымъ бременемъ ложится борьба на страну и, въ частности, на мѣстные союзы, но вѣдь Россія, обычно, именно „въ бореньи силы напрягая, мужаетъ“, и растетъ, и тянется къ новымъ свѣтлымъ далямъ.

Война и новыя отрасли русской промышленности.

М. В. Новорусскій.

I.

Когда разразилась война, наши промышленные круги, жившіе на привозѣ изъ Германіи, тотчасъ почувствовали, что почва колеблется у нихъ подъ ногами. „Заграница" была почти закрыта. Архангельскъ, Раумо и Владивостокъ были забиты военными или казенными грузами. А что и гдѣ можно было найти у себя въ Россіи, никто не могъ этого сказать, потому что промышленное, какъ и всякое, вообще, познаніе Россіи, у насъ не пользовалось фаворомъ. Да и не могло пользоваться, потому что торговопромышленныя услуги нѣмцевъ, всегда столь предупредительныя, всецѣло заслоняли предъ нами наши собственныя богатства и усыпляли нашу предпріимчивость. Къ чему было хлопотать о какомъ-либо домашнемъ производствѣ, когда нѣмцы *всякую* необходимую для насъ вещь готовы поставить намъ въ лучшемъ видѣ и почти за безцѣнокъ?

Но угрожающее положеніе, вызванное войной, разбудило усыпленную энергію и заставило встрепенуться даже и тѣхъ, кто никогда не отличался предпріимчивостью. Начались съѣзды, совѣщанія, обсужденія разнообразныхъ проектовъ, которыхъ за мѣсяцъ, за два передъ этимъ и въ поминѣ не было. Всѣ организаціи, стоявшія близко къ промышленности,

поспѣшили, такъ или иначе, откликнуться на переживаемыя затрудненія. И однимъ изъ первыхъ откликнулось Императорское Русское Техническое О-во въ Петроградѣ, которое выдѣлило изъ своего состава особую комиссію по промышленности въ связи съ войной. Комиссія поставила себѣ цѣлью: 1) выяснять постепенно всѣ затрудненія, которыя испытываетъ наша, особенно мелкая, промышленность, 2) опредѣлить точно и по частнымъ категоріямъ, какіе продукты мы вводили изъ заграницы и, главнымъ образомъ, изъ Германіи, и 3) указать, какіе изъ этихъ продуктовъ мы могли бы производить теперь же въ Россіи.

Въ дальнѣйшемъ сама собой намѣтилась и 4-я уже практическая задача: оказать посильное содѣйствіе промышленности въ переживаемыхъ ею затрудненіяхъ и для этого образовать спеціальное справочное бюро, которое могло бы удовлетворять запросы, особенно идущіе изъ провинціи. Такое бюро являлось прямымъ и непосредственнымъ откликомъ на требованія самой жизни. При общей растерянности и при отсутствіи спеціальныхъ централизующихъ учрежденій, запросы и безъ того стали поступать во многія столичныя учрежденія, имѣющія отношеніе къ техникѣ, торговлѣ и промышленности. Начали поступать они и въ канцелярію И. Р. Т. О-ва.

Бюро было организовано изъ трехъ лицъ, съ ничтожными средствами на содержаніе канцеляріи. Сейчасъ, когда пишутся эти строки, оно не насчитываетъ и 3-хъ мѣсяцевъ своей жизни. И все-таки оно успѣло собрать много весьма поучительныхъ свѣдѣній.

Здѣсь, одинъ за другимъ, вскрывались тѣ конкретные факты въ нашемъ товарообмѣнѣ, которые обыкновенно тонутъ въ какихъ-нибудь общихъ категоріяхъ и потому не могутъ дать такой яркой картины нашей порабощенности германской промышленностью. Порабощенность вскрывалась даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, повидимому, существовали хорошо оборудованныя русскія производства. Но эти производства, чаще всего ютившіяся по западной окраинѣ, были простымъ отдѣленіемъ германскихъ большихъ производственныхъ фирмъ. Производство велось наполовину въ Германіи. Сюда доставлялись полуфабрикаты, которые пре-

вращались въ окончательную форму въ предѣлахъ Россіи и поступали на рынокъ въ качествѣ русскаго фабриката. Таковы, напр.,—анилиновыя краски, изготовлявшіяся въ Ригѣ.

Но самымъ распространеннымъ явленіемъ въ нашихъ собственныхъ производствахъ было то, что почти въ каждомъ изъ нихъ существовала какая-нибудь мелочь, которая привозилась изъ Германіи, и за отсутствіемъ которой все производство должно неминуемо разстроиться.

Возьмемъ, напр., нашу *золотопромышленность.* Это наше исконное національное производство. За послѣднее десятилѣтіе механическая промывка золота проточной водой постепенно исчезала во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ предпріятіяхъ и замѣнялась химическимъ раствореніемъ золота въ ціанистомъ каліи. Для крупнѣйшаго золотого дѣла, имѣющаго огромное государственное значеніе, потребность въ ціанистомъ каліи опредѣляется всего нѣсколькими тысячами пудовъ, которые стоятъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, т. е. сущіе пустяки сравнительно съ тѣмъ колоссальнымъ рискомъ, которому подвергается цѣлая отрасль промышленности въ случаѣ закрытія германской границы.

И однако, владѣльцы золотопромышленныхъ предпріятій, вмѣсто того, чтобы позаботиться о производствѣ дома ціанистаго калія, предпочли выхлопотать для себя его безпошлинный ввозъ. Русскимъ же производствомъ они такъ мало интересовались, что совсѣмъ не знали, есть оно у насъ, на Руси, или нѣтъ. И когда разразился кризисъ, они одними изъ первыхъ обратились въ справочное бюро съ просьбой указать, гдѣ можно найти въ Россіи необходимый для нихъ ціанистый калій.

Эта самая черта полной неосвѣдомленности относительно веществъ, необходимыхъ для собственнаго дѣла, проходитъ красной нитью по всѣмъ безъ исключенія запросамъ, поступавшимъ въ справочное бюро. И когда такую неосвѣдомленность обнаруживаетъ малограмотный деревенскій кустарь, изготовляющій мочалу, мыло или скипидаръ, этому никто не удивляется. Но весьма удивительно, если подобную неосвѣдомленность обнаруживаютъ владѣльцы золотопромышленныхъ предпріятій, или цѣлое о-во заводчи-

ковъ и фабрикантовъ, или старинная крупная фирма, которая торгуетъ инструментами болѣе 50 лѣтъ, и совсѣмъ не знаетъ, есть ли ея товаръ гдѣ-нибудь въ Россіи. Въ центрѣ Россіи она торговала исключительно нѣмецкими инструментами и потому не знала, есть ли у насъ свои ножницы и перочинные ножи.

Среди общей растерянности, конечно, попадаются и курьезы, когда люди, вмѣсто того, чтобы оглядѣться кругомъ себя, спѣшатъ запросить болѣе умный и болѣе освѣдомленный Петроградъ. Напр., посредническая контора, торгующая земледѣльческими машинами въ одномъ изъ южныхъ городовъ, запрашиваетъ, гдѣ она можетъ найти куколеотборники. Телефонная справка тотчасъ удостовѣряетъ, что у фирмы „Работникъ", которая имѣетъ, между прочимъ, свое отдѣленіе въ томъ-же городѣ, эти куколеотборники имѣются сейчасъ на лицо.

Если бы такой фактъ былъ одиночнымъ, онъ имѣлъ бы характеръ простого курьеза. На самомъ же дѣлѣ онъ повторяется многократно въ совершенно различныхъ отрасляхъ торговопромышленной дѣятельности. Упомянутая выше фирма, которая торговала почти исключительно нѣмецкими инструментами, оглядѣвшись кругомъ, скоро нашла мѣстныхъ кустарей, которые доставили ей инструменты такого же образца, подобнаго же качества и не дороже тѣхъ, за которыми ранѣе фирма ѣздила за море.

При господствѣ частно-хозяйственныхъ отношеній, при отсутствіи централизующихъ учрежденій и при дезорганизованности въ Россіи общественныхъ отношеній вообще, каждый торговецъ зналъ пути происхожденія только того товара, которымъ онъ торговалъ. Но этого мало. Онъ зналъ только тѣ пути, которые у него были налажены для регулярныхъ сношеній. Чаще всего это были только пути германскіе. Никакими другими путями онъ не интересовался. Ни опасенія могущаго быть краха сношеній съ Германіей, ни задачи развитія и поощренія собственныхъ производительныхъ силъ, его не волновали, пока этотъ крахъ не разразился въ дѣйствительности.

Въ настоящее время со стороны московскаго купеческаго о-ва разсылаются открытые призывы къ бойкоту гер-

манскихъ товаровъ. Но бойкотъ этихъ товаровъ предполагаетъ *немедленную* замѣну ихъ другими и, главнымъ образомъ, отечественными. А такая замѣна, конечно, не можетъ состояться вдругъ. Она должна была подготовляться цѣлыми годами систематическихъ, упорныхъ усилій. Что же сдѣлало въ этомъ направленіи московское и всякое другое купеческое о-во? Ровно ничего. Оно въ январѣ разсылаетъ обращенія, составленныя 24 ноября, и проситъ торговыя фирмы сообщить ему, какими товарами германскаго происхожденія торговала фирма до сихъ поръ. Но это воззваніе появилось ровно на три мѣсяца позднѣе, чѣмъ аналогичное заданіе начало осуществлять Имп. Русск. Техническое О-во, которому торговые интересы болѣе чужды, чѣмъ московскому купечеству. Разсылается оно уже полгода спустя послѣ закрытія германской границы. И купеческія организаціи только въ первый разъ въ жизни ставятъ себѣ такія задачи, которыя для нихъ никогда бы не должны были составлять вопроса. Онѣ всегда и систематически должны бы слѣдить за производствомъ и движеніемъ всѣхъ товаровъ и содержать у себя самые точные реестры ихъ съ указаніемъ, гдѣ, что и въ какомъ количествѣ производится, и куда, какими путями сбывается.

Тогда не могло бы произойти такой разрухи, какая произошла: одни остаются съ товаромъ, который они произвели, но за отсутствіемъ нѣмецкихъ покупателей, не знаютъ куда дѣвать его. Другіе ищутъ *этого же самаго* товара и никакъ не могутъ его найти. А третьи имѣютъ капиталъ и серьезное желаніе начать производить любой товаръ, который прежде привозился изъ Германіи, но не рѣшаются приступить къ этому, не зная хорошо потребностей рынка и не умѣя найти тѣ элементы, которые необходимы для оборудованія производства.

Словомъ, нигдѣ такъ ярко не обнаружилась наша дезорганизованность, какъ въ этой области хозяйственныхъ отношеній, когда намъ пришлось противоставить ихъ хозяйственнымъ отношеніямъ Германіи. А между тѣмъ, Германія только силою этой самой организованности, опирающейся на прекрасно поставленное образованіе, и подчиняла себѣ нашъ рынокъ. Да и не одинъ только нашъ рынокъ.

II.

По поводу золотопромышленности я уже указалъ, что нѣкоторыя отрасли нашей промышленности всецѣло зависѣли отъ какой нибудь мелочи, которая привозилась изъ Германіи. Возьмемъ еще нашу *стекольную промышленность.* Большія зеркальныя стекла, какъ извѣстно, не только отливаются особымъ способомъ, но и шлифуются. Для шлифовки ихъ, между прочимъ, употребляются особые войлочные круги, которые изготовлялись, конечно, въ Германіи. О-во заводчиковъ и фабрикантовъ въ Петроградѣ, которое объединяетъ и стекольную промышленность, только изъ запроса въ справочное бюро узнало, что эти круги не приготовлялись въ Россіи. И мы опять обнаруживаемъ, что огромныя и хорошо поставленныя предпріятія съ милліонными оборотами не только не заботятся о томъ, гдѣ и какъ они могли бы получить необходимый для нихъ продуктъ *на случай* замѣны германскаго, но даже не знаютъ и не интересуются знать, дѣлается ли онъ, вообще, гдѣ нибудь въ Россіи.

А между тѣмъ, ни составные элементы, ни техника производства войлочныхъ круговъ не составляютъ какого нибудь секрета, а самое производство не представляетъ ни малѣйшихъ трудностей, особенно въ нашей странѣ, которая искони славится своимъ войлочнымъ производствомъ.

Производство *сельскохозяйственныхъ машинъ* у насъ расло очень быстро за послѣдніе годы. Но нѣкоторыя части для нихъ непремѣнно выписывались изъ Германіи. Такъ, напр., ножи для жатокъ и косилокъ, и даже гайки для скрѣпленія отдѣльныхъ частей.

Эти гайки наводятъ на странныя мысли. Какъ извѣстно, разные злоумышленники нерѣдко пользуются тѣмъ, что отвинчиваютъ и уносятъ гайку. Германцы, которые хозяйничали у насъ, какъ дома, и, конечно, были заинтересованы въ постановкѣ новыхъ производствъ въ Россіи, могли при этомъ играть роль опытныхъ совѣтчиковъ и рекомендовать такую постановку дѣла, при которой въ каждомъ производствѣ была бы своя ахиллесова пята, зависящая отъ привоза изъ Германіи. Въ такомъ случаѣ вся наша собственная про-

мышленность, фигурально выражаясь, была механизмомъ безъ гаекъ. Свинтить, равно какъ и развинтить ее, всецѣло зависѣло отъ доброй воли Германіи.

И если германскіе правительственные круги, подъ личиной дружбы, могли, напр., совѣтовать намъ дальневосточную авантюру, зная, что за ней неминуемо послѣдуетъ отдаленная и тягостная для насъ война, то почему же промышленные круги Германіи не могли подавать намъ столь же дальновидныхъ и не менѣе пагубныхъ совѣтовъ? Вѣдь не даромъ же техниками во многихъ нашихъ производствахъ состояли тѣ же германцы. И не даромъ же они совѣтовали, черезъ своихъ профессоровъ, странѣ, которая давно уже рвется къ реальному и техническому образованію, подольше оставаться въ объятіяхъ мертвящаго классицизма.

III.

Несомнѣнно, эта война будетъ для насъ превосходной экономической школой. Справочное бюро И. Р. Т. О-ва—не единичное явленіе. Московское купеч. о-во хоть поздно проснулось, но все-таки проснулось. Различные провинціальные отдѣлы И. Р. Т. О. (въ Харьковѣ, Вильнѣ) начинаютъ открывать и у себя, по примѣру Т. О-ва въ Петроградѣ, подобныя же организаціи по промышленности. И тутъ, и тамъ, и во множествѣ другихъ организацій накапливаются факты и изслѣдованія, точно указывающіе намъ пункты нашей безпомощности. Одновременно намѣчаются способы, гдѣ и какъ можно обойтись собственными силами. Попытки, которыя дѣлаются въ этомъ направленіи, въ мирное время тянулись бы годами и десятилѣтіями. Теперь рѣшимость наступаетъ очень быстро. И потому промышленность исчисляетъ свою жизнь по осадному времени, гдѣ мѣсяцъ считается за годъ.

Трансформаторы, напр., въ *электрической промышленности* не дѣлались у насъ дома только потому, что для нихъ требовалось особое трансформаторное желѣзо съ высокимъ содержаніемъ кремнія. Какъ только заставила нужда, на Уралѣ сдѣлали опытъ изготовленія трансформаторнаго желѣза и получили вполнѣ удовлетворительный результатъ.

Вѣроятно также точно будетъ сдѣланъ опытъ изготовленія особаго сорта стали, необходимой для *автомобилей* и особаго сорта желѣза, изъ котораго дѣлаютъ *косы*. Послѣднія шли почти исключительно изъ Штиріи, гдѣ есть заводъ, изготовляющій спеціальный сортъ желѣза на древесномъ углѣ. И привозилось ихъ почти на 1,5 мил. руб. Но подобное желѣзо не трудно получить и на Уралѣ. Остальное же будетъ дѣломъ нашихъ кустарей.

Съ постановкой производства сортовъ желѣза, быть можетъ, намъ удастся справиться безъ особыхъ затрудненій. Гораздо труднѣе дѣло обстоитъ съ *дубильными веществами*, отъ которыхъ зависитъ другая наша исконная и крупная отрасль промышленности—кожевенное дѣло. Традиціонное ивовое корье давно уже не удовлетворяетъ нашихъ дубильщиковъ, и они съ каждымъ годомъ выписывали изъ-за границы все больше и больше дубильныхъ веществъ. Теперь ихъ ввозится уже почти на 6 м. руб.. да сверхъ того, разныхъ дубильныхъ экстрактовъ на 2½ м. р. И если среди такихъ веществъ находится знаменитое *квебраховое дерево*, (на 3½ м. руб.), привозъ котораго упятерился въ послѣднее десятилѣтіе, то возражать противъ этого не приходится: Превосходный дубильный матеріалъ, съ ничѣмъ несравнимыми качествами, и растетъ исключительно въ Ю. Америкѣ. Но значительную долю и этого матеріала (иногда ¼ и даже ⅓), благодаря услужливости Германіи, мы получали отъ нея, а не прямо изъ мѣста его происхожденія. Самое же удивительное здѣсь то, что почти 1 м. пуд. дубовой коры мы тоже привозили изъ за-границы, главнымъ образомъ Германіи, когда своимъ дубомъ во-многихъ мѣстахъ топятъ печи, а на Кавказѣ дубовыя заросли истребляются съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ на сѣверѣ ель да осина. И развѣ нельзя на дрова употреблять дубъ, исключительно освобожденный отъ коры?

Точно также *сумахъ*, котораго ввозится около 100,000 пуд., прекрасно произрастаетъ у насъ на Кавказѣ. И тѣмъ не менѣе, четвертую или пятую долю его мы привозили изъ Германіи, которая сумаха у себя не разводитъ, и вынуждены были брать его въ Турціи, вмѣсто того, чтобы разводить дома.

То же нужно сказать и относительно дубильныхъ экстрактовъ, ввозъ которыхъ почти удвоился за послѣднія 5 лѣтъ. Они приготовляются изъ разныхъ деревьевъ, и между прочимъ, изъ тѣхъ, которые растутъ на Индостанѣ, въ Индо-Китаѣ и прилегающихъ къ нему о-вахъ. И тѣмъ не менѣе, болѣе половины ихъ привозилось къ намъ изъ Германіи. Возможно, что многіе изъ этихъ экстрактовъ, которые въ статьѣ ввоза, къ сожалѣнію, не разграничиваются, изготовлялись въ Германіи и изъ мѣстныхъ деревьевъ, хвойныхъ, либо ивовыхъ,—т. е., Германія дѣлала за насъ то, что мы и сами моглибы сдѣлать у себя безъ малѣйшихъ затрудненій.

И усиленно захватывая въ свои руки поставку намъ веществъ, необходимыхъ для нашей кожевенной промышленности, Германія какъ будто преслѣдовала не только общія, цѣли—оставить насъ въ критическую минуту „безъ гаекъ" но и спеціально военныя. Вѣдь всякому извѣстно, какой усиленный спросъ на дубленую кожу открывается съ началомъ войны. Какъ важно, поэтому, оставить кожевенную промышленность враждебной стороны безъ необходимыхъ дубильныхъ веществъ, а значитъ, армію безъ необходимой экипировки!

Всѣ теперь воочію видятъ, какъ старательно и какъ давно Германія готовилась къ войнѣ. Но было бы наивностью думать, что эта подготовка ограничивалась только военными орудіями, порохомъ да снарядами.

Подготовить заранѣе промышленность враждебной страны въ ея главнѣйшихъ отрасляхъ къ неизбѣжной дезорганизаціи,—для этого не требовалось особой предусмотрительности. И нужно только удивляться тому, что наша собственная промышленность, идя на поводу у Германіи, не обнаруживала ни малѣйшихъ признаковъ такой предусмотрительности. И многіе наши промышленники только съ началомъ войны сдѣлали необходимое для нихъ открытіе, что нужные имъ продукты шли главнымъ образомъ, а то и исключительно, изъ Германіи, хотя безъ особаго труда они могли бы получаться и въ Россіи. Эту жестокую истину приходится теперь познавать на множествѣ живыхъ конкретныхъ примѣровъ и учиться заднимъ числомъ тому, что проницательнымъ людямъ было ясно и заранѣе.

Еще примѣръ. Возьмемъ *электрическое освѣщеніе.* Для большихъ уличныхъ фонарей требуются спеціальные угли. По примѣру столицъ и крупныхъ городовъ даже и мелкіе завели у себя электрическіе фонари. Но поставку углей для нихъ всѣ города предоставили частной промышленности. Они изготовляются въ Россіи, но для этого изготовленія, кромѣ обычной угольной пыли, требуется тонкая нѣжная сажа, единственный заводъ которой въ Ригѣ принадлежалъ нѣмцу, и, за высылкой хозяина, прекратилъ производство. Одно время всѣмъ русскимъ городамъ угрожала опасность — погрузиться во мракъ. Спрашивается, почему никто не предвидѣлъ такой опасности и не принялъ простыхъ и естественныхъ мѣръ къ ея предотвращенію? И развѣ тѣ же самые угли не составляютъ необходимой военной принадлежности для многочисленныхъ прожекторовъ, которыми пользуются не только суда и крѣпости, но и полевыя войска?

И если мы въ той же электрической промышленности такъ просто и быстро наладили производство трансформаторнаго желѣза, то почему мы не могли наладить производство простой обыкновенной сажи, хотя бы болѣе тонкаго качества? И почему всѣ города россійской имперіи не придумали ничего болѣе практичнаго, какъ оставить все уличное освѣщеніе въ косвенной зависимости отъ одного рижскаго нѣмца?

Я нарочно останавливаю вниманіе на этихъ, повидимому, незначительныхъ производствахъ. Несмотря на свою незначительность, какъ въ смыслѣ оборота, такъ и въ смыслѣ техническаго оборудованія, они все-таки играли такую громадную роль въ нашей промышленной жизни, что могли, въ случаѣ прекращенія доставки, причинить полное разстройство въ очень крупныхъ отрасляхъ промышленности съ весьма обширными или весьма важными оборотами. Здѣсь нельзя было отговариваться ни особыми выгодами, ни нашей технической отсталостью. Здѣсь во всю ширь проявилось одно русское обычное *авось* и русское же упорное нежеланіе достигать личныхъ выгодъ не иначе, какъ согласуя ихъ съ выгодами общественными или общегосударственными.

Были на лицо всѣ элементы, чтобы предусмотрѣть и предотвратить кризисъ. Не было только самой предусмотрительности, потому что она порождается въ извѣстной обществен-

ной атмосферѣ. Она можетъ явиться только результатомъ привычки—вести дѣла общественно, сплоченными организованными силами.

Неудивительно, что въ области, напр., *машиностроенія* или *анилиновыхъ красокъ* мы зависѣли вполнѣ отъ нѣмцевъ. Для постановки этихъ производствъ въ томъ широкомъ масштабѣ, который вызывается нашими потребностями, у насъ не хватило бы ни знающихъ руководителей, ни опытныхъ рабочихъ. Не заботясь о широкомъ развитіи реальныхъ знаній, мы неминуемо должны были нести и всѣ практическія послѣдствія этого, со всѣми убытками въ промышленной области. Тутъ безъ помощи сосѣда, стоявшаго рядомъ съ нами во всеоружіи научныхъ знаній, было мудрено обойтись. Тутъ даже англійскій рынокъ находился въ рукахъ у германцевъ.

Но всѣ указанные выше примѣры совсѣмъ другого рода. Вотъ почему они являются особенно вопіющими и особенно характерными для обрисовки нашей безотрадной безпомощности.

Но и въ такомъ крупномъ производствѣ, какъ производство красокъ, наше положеніе едва ли не безнадежно. И московскій хлопчато-бумажный раіонъ, собравшій на это производство 5 милл. руб., навѣрное, сдѣлаетъ свое дѣло. Навѣрное, удастся оборудовать начальную форму этого производства, т. е. перегонку каменнаго угля на предметъ полученія *толуола*.

Если трудно поставить это производство сразу въ широкомъ размѣрѣ, за недостаткомъ у насъ опытныхъ химиковъ, то въ небольшомъ сравнительно размѣрѣ оно все же осуществимо. Вѣдь и Германія начинала свое красочное производство не въ томъ масштабѣ, въ какомъ оно было у нея передъ началомъ войны съ нами.

Одна изъ крупнѣйшихъ ея фабрикъ (Байера) въ 1912 г. работала съ 7800 рабочими. Но еще въ 1885 г. у нея было всего 555 рабочихъ, а въ 1875 г. только 119. На подобную, и даже болѣе широкую, постановку дѣла, конечно, найдутся и у насъ средства и силы.

Порукой въ этомъ служитъ развитіе у насъ различныхъ другихъ *химическихъ производствъ*. Такъ, привозъ къ намъ

амміака, квасцовъ, желѣзнаго и мѣднаго купороса, а особенно кислотъ—дубильной, виннокаменной, азотной, соляной и сѣрной—усиленно падаетъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, несмотря на все увеличивающееся потребленіе этихъ веществъ. Очевидно, мѣстное производство ихъ не только налажено, но и съ каждымъ годомъ расширяется больше и больше.

IV.

Для характеристики той растерянности, о которой я говорилъ выше, слѣдуетъ указать, изъ кого состоятъ кліенты справочнаго бюро И. Р. Т. О-ва, обращающіеся къ нему съ запросами. Надо имѣть въ виду, что это элементъ болѣе или менѣе случайный, который получилъ свѣдѣніе о существованіи бюро изъ мимолетныхъ газетныхъ замѣтокъ, либо изъ дошедшихъ слуховъ. Возможно, что эти кліенты уже обращались еще куда нибудь съ подобными запросами и что они рады всякому новому случаю, который открываетъ имъ надежды на облегченіе ихъ затрудненій. Это лучше всего показываетъ, какая настоятельная нужда существуетъ въ подобномъ учрежденіи, и насколько легче было бы пережить разразившійся кризисъ, если бы такое учрежденіе давно существовало и было организовано вполнѣ добросовѣстно.

Кромѣ упомянутыхъ уже золотопромышленниковъ и о-ва фабрикантовъ и заводчиковъ, въ бюро обращались еще: англійская торговая палата, петроградское городское управленіе, отдѣльные фабрики и заводы, комиссіонеры и комиссіонныя конторы, кустари и ремесленники и, наконецъ, земскія учрежденія, т. е. крупные и мелкіе производители, крупные и мелкіе торговцы и даже общественныя учрежденія.

Послѣднія слѣдуетъ считать наиболѣе желательными кліентами, потому что каждое изъ нихъ объединяетъ въ своемъ уѣздѣ не только отдѣльныхъ кустарей, но и цѣлыя отрасли мелкаго производства. И притомъ, отзываясь на потребности момента, земства сами оживляютъ свою организаціонную работу по промышленности. И надо искренно пожелать, чтобы они преодолѣли на этой почвѣ всѣ недавнія препоны къ объединенію и устроили свой собственный центральный органъ по промышленности. Этотъ органъ объединялъ бы всѣхъ

кустарей по ихъ спеціальностямъ, слѣдилъ бы за потребностями рынка и всячески помогалъ бы сближенію между производителемъ и потребителемъ.

Нѣкоторыя земства сами уже сдѣлали первые шаги къ насажденію такихъ производствъ, въ которыхъ недавно не чувствовалось никакой надобности.

Такъ, *золотоношское* земское собраніе внесло предложеніе объ открытіи земскаго завода для производства машинъ. Такой же заводъ проектируетъ *пермское уѣздное* земство. Сверхъ того, оно же поощряетъ кустарей и мелкіе заводы къ производству молотилокъ, сортировокъ, куколеотборниковъ и косъ. Относительно послѣднихъ оно рѣшило принять въ вѣдѣніе земства ихъ сбытъ. *Нижегородское* земство оборудовало химическій заводъ для очистки продуктовъ сухой перегонки: метилового спирта, уксусной кислоты и пр., которые заводъ будетъ получать отъ кустарей. Нижегородское же губерн. земское собраніе рѣшило образовать комиссію по новымъ производствамъ, въ которую вошли, кромѣ членовъ управы, представители отъ уѣздовъ съ кустарными промыслами, спеціалисты техники и инженеры. Наконецъ, въ *московскомъ* губернскомъ собраніи, 6 февраля, управа сдѣлала докладъ о содѣйствіи кустарной промышленности и о новыхъ мѣропріятіяхъ въ этой области. Утверждены расходы на это въ 190 т. руб. и обращено вниманіе на производство такихъ издѣлій, которыя раньше изготовлялись только за границей.

Эти немногіе примѣры, о которыхъ свѣдѣнія случайно оказались въ моемъ распоряженіи, служатъ прекраснымъ урокомъ и для другихъ земствъ. И быть можетъ, они не замедлятъ, въ свою очередь, присоединить и свои усилія къ подъему мѣстныхъ производительныхъ силъ, благодаря полному отсутствію германской конкурренціи.

Слѣдовало бы сейчасъ использовать еще одинъ необычайный шансъ къ этому подъему, и притомъ использовать въ самой широкой мѣрѣ. Я разумѣю утилизацію технически подготовленныхъ военноплѣнныхъ. У насъ есть не одна сотня тысячъ австрійцевъ, съ большимъ преобладаніемъ славянъ между ними. Въ частности, чехи—прекрасные мастера на всѣ руки. Въ Томскѣ, не знаю по чьей иниціативѣ, ихъ уже использовали. Здѣсь организована *художественная мастер-*

ская, въ которой работаетъ добровольно артель чеховъ военноплѣнныхъ—столяровъ, токарей, рѣзчиковъ и пр. Мастерской разрѣшено принимать учениковъ изъ мѣстныхъ жителей. Кто знаетъ, когда кончится война и освободитъ плѣнныхъ. Но даже и три мѣсяца работы подъ руководствомъ опытныхъ и ловкихъ мастеровъ не пропадутъ даромъ. Особенно, если въ „ученики" будутъ поступать не дѣти, а настоящіе рабочіе, которымъ не достаетъ только надлежащей шлифовки. И они получатъ ее даже въ непродолжительный срокъ.

Несомнѣнно, острый кризисъ въ промышленности, вызванный закрытіемъ германской границы, уже пережитъ. Остался позади и періодъ великой растерянности, подобную которой трудно найти въ лѣтописяхъ нашей промышленной жизни. Кто нашелъ уже новые пути за границу, кто усиленно работаетъ на казну, а кто составляетъ планъ новаго производства, имѣющаго шансы стать на ноги. И общая организаціонная работа, и организація новыхъ промышленныхъ предпріятій идутъ усиленнымъ темпомъ. Въ частныхъ обществахъ, въ земскихъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, въ прессѣ и на спеціальныхъ съѣздахъ широко дебатируются вопросы объ избавленіи отъ нѣмецкаго „засилья" и о развитіи собственныхъ производительныхъ силъ. Самые съѣзды, отличающіеся особымъ многолюдствомъ, являются тоже продуктомъ переживаемыхъ затрудненій и выразителемъ пробуждающихся творческихъ порывовъ.

Съѣзды горнопромышленный, курортный, спичечный, электротехническій, льноводный, золотопромышленный, кооперативные (мѣстные), лѣсопромышленниковъ, стеклозаводчиковъ, биржевыхъ дѣятелей—это въ теченіе 2-3 мѣсяцевъ довольно много. Ихъ было бы неизмѣримо больше, если бы каждый съѣздъ не начиналъ съ ходатайства о разрѣшеніи.

Что же касается болѣе или менѣе постоянныхъ организацій, въ которыхъ періодически обсуждаются тѣ же вопросы, то на протяженіи столь же непродолжительнаго времени я насчиталъ ихъ не менѣе 15-ти, по однимъ только случайнымъ газетнымъ замѣткамъ.

Наконецъ, новыхъ промышленныхъ обществъ, акціонерныхъ и иныхъ, уставы которыхъ уже выработаны или вырабатываются, я насчиталъ тоже около 14-ти. Это только тѣ,

которыя желаютъ производить продукты, ввозившіеся прежде изъ Германіи. Сюда не входятъ, конечно, старыя фирмы, которыя взялись за новое производство. Число ихъ, разумѣется, не поддается учету. Не входятъ и тѣ, которыя изготовляли продукты въ незначительномъ количествѣ и не могли расширять производства, потому что не могли бороться съ нѣмецкой конкуренціей,—но конкуренціей не лучшихъ нѣмецкихъ товаровъ, а лучшаго торговаго посредничества. Теперь они сразу расширили свое производство.

V.

Вотъ ужъ около 6 мѣсяцевъ я довольно внимательно слѣжу за этимъ оживленіемъ производства почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности. И, кажется, нѣтъ ни одной изъ нихъ, на которой не отразилось бы это оживленіе. Оно одинаково обнаруживается и въ мелкой сферѣ ремесленной промышленности, и на широкомъ просторѣ акціонерныхъ предпріятій. И если бы не нашъ устарѣлый промышленный уставъ, который не содѣйствуетъ открытію новыхъ предпріятій и не ускоряетъ ихъ открытіе, а всячески замедляетъ, тогда мы видѣли бы еще не такой подъемъ этого роста.

Насколько нашъ старый порядокъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени, вообще, и потребностямъ текущаго момента, въ частности, объ этомъ говорить здѣсь не приходится. И самый главный вопросъ, который приходитъ въ голову всѣмъ, стремящимся къ расширенію русскаго производства, это вопросъ правовой. Нормальное развитіе промышленности не терпитъ никакихъ юридическихъ тормазовъ. И если мы серьезно хотимъ избавить свою страну отъ нѣмецкаго засилья, мы должны ввести у себя такіе порядки, которые дали бы возможность намъ обнаружить и упрочить свою силу. Въ промышленномъ состязаніи народовъ побѣждаютъ свободныя, а отнюдь не связанныя руки.

Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ и другой, который часто задается людьми, наблюдающими ростъ новыхъ производствъ.

Насколько все это прочно? Быть можетъ, все это напрасный шумъ и напрасная трата силъ и средствъ на дѣло

Г. Львовъ. «Рынокъ».

Г. Перемышль.

лишенное будущаго. По заключеніи мира придетъ тотъ же самый нѣмецъ со своимъ техническимъ и коммерческимъ опытомъ и убьетъ наши новыя, эфемерныя промышленныя организаціи.

Чтобъ этого не случилось, мы должны одновременно работать какъ въ насажденіи новыхъ производствъ, такъ и въ насажденіи условій, которыя могутъ гарантировать прочность этимъ производствамъ.

Если у насъ мало технической подготовки, мы должны немедленно развить ее. Простой сметливости, ловкости и сноровки, словомъ, природныхъ дарованій у нашего рабочаго люда никто никогда не отрицалъ. Съ этой стороны возвращеніе къ намъ нѣмца съ его прежними товарами намъ не особенно страшно. Многіе частичные опыты, особенно въ мелкихъ кустарныхъ производствахъ, уже теперь показали, что наши мастера могутъ выпускать товаръ не хуже германскаго и даже не дороже.

Поэтому, опасность германской конкуренціи со стороны техническаго совершенства издѣлій не такъ ужъ велика. Она велика въ другомъ отношеніи. А именно, въ той самой юридической необезпеченности, отъ которой страдаетъ русскій гражданинъ, и отъ которой совсѣмъ не страдаетъ германскій. И когда на міровомъ рынкѣ вновь столкнутся эти два гражданина со своими товарами, не надо подсказывать, который изъ нихъ останется въ проигрышѣ.

Относительно германскаго „засилья“ въ прошломъ теперь прозрѣли даже и тѣ, которые никогда не были зрячими. Выяснилось, и все еще продолжаетъ выясняться, гдѣ, какъ и въ чемъ проявлялось это „засилье“. Мысль, направленная въ эту сторону, должна дойти до конца и должна также наглядно выяснить, отъ какихъ именно причинъ произошло это самое „засилье“, благодаря которому мы у себя дома не были хозяевами.

И когда это выяснится, то станетъ ясно всякому и то, что нужно сдѣлать, чтобы это самое засилье не повторилось вновь.

Напр., наша торговая агентура, изъ за которой больше всего страдало наше производство, не могла стоять у насъ на той же высотѣ, какъ агентура германская въ нашемъ

отечествѣ. И понятно почему. Русскій агентъ не обладалъ правомъ личной неприкосновенности, а германскій обладалъ; русскимъ агентомъ могъ быть не всякій русскій подданный, а германскимъ—всякій и т. д., и т. д. Подобныя же затрудненія, выпадавшія на долю русскаго производителя, совсѣмъ не выпадали на долю германскаго.

Успѣхи промышленности неразрывно связаны со свободой организацій, союзовъ, передвиженія и проч. Всѣмъ этимъ въ достаточной мѣрѣ обладали германскіе производители. И всѣмъ этимъ совсѣмъ не обладали русскіе производители.

Всѣмъ дальновиднымъ людямъ это было давно ясно, какъ день. И все это теперь становится ясно даже самымъ близорукимъ. Вотъ почему нужно только привѣтствовать всякія общества, которыя возникаютъ теперь для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, подъ разными громкими названіями, съ болѣе или менѣе рѣзко выраженной патріотической тенденціей.

Всякое такое общество, если оно не ограничится одной словесной шумихой, неминуемо дойдетъ до корней и, развивая вопросы промышленнаго характера, въ то же самое время выяснитъ съ надлежащей полнотой и вопросы правового характера.

Въ то время какъ съ технической стороны каждое производство въ отдѣльности можно разсматривать, какъ сумму спеціальныхъ знаній, не повторяющихся въ другомъ неоднородномъ производствѣ, и потому не всякому доступныхъ, съ правовой стороны дѣло совсѣмъ упрощается.

Здѣсь *у всѣхъ почти производствъ безъ исключенія имѣются совершенно одинаковыя правовыя основанія,* затрудняющія или облегчающія его. И потому, о какомъ-бы производствѣ ни зашла рѣчь въ обществѣ поощренія національной промышленности, у всякаго изъ нихъ будутъ *однѣ и тѣ же* правовыя причины, содѣйствующія его наилучшему развитію.

И можно надѣяться, что ко времени заключенія мира наши промышленные круги будутъ настолько подготовлены, что больше не повторятъ уже прежней непредусмотрительности. И быть можетъ, тѣ организаціи, которыя теперь за-

вязываются и намѣчаются, послужатъ ядромъ къ образованію такихъ центральныхъ органовъ по промышленности, которыхъ у насъ совсѣмъ не было.

Они помогутъ въ это хаотическое царство перекрещивающихся частныхъ интересовъ внести принципы планомѣрности и общественности, которыхъ нашей промышленности больше всего не доставало. Тогда всякому индивидуалисту станетъ ясно, что свои личные барыши онъ наилучше обезпечитъ только тогда, если сумѣетъ связать ихъ прочнымъ образомъ съ общественными интересами.

Этого прежде не было. И война вскрыла воочію всѣ пагубныя послѣдствія такого порядка. Пускай же она и послужитъ такимъ урокомъ, какіе не забываются столѣтіями.

Положеніе вѣдь таково: или свободная организація всѣхъ своихъ производительныхъ силъ, или опять какое-нибудь иноземное „засилье“. Третьяго выхода нѣтъ.

Война и право.

В. М. Гессенъ.

I.

Вопросъ о томъ, существуетъ-ли право войны, или война необходимо является отрицаніемъ права, сводится, по своему существу, къ вопросу о характерѣ—конвенціональномъ или правовомъ—тѣхъ нормъ, которыми опредѣляются обязанности и права воюющихъ сторонъ. Конвенціональная норма—гипотетическій императивъ, правило цѣлесообразности и удобства, направляющее, но не связывающее человѣческой воли. Требованія моды или обычаи свѣтскаго обихода—примѣры конвенціональныхъ нормъ. Мы повинуемся имъ постольку, поскольку намъ выгодно и угодно; мы не обязаны имъ повиноваться. Если потребуетъ серьезный интересъ, мы пренебрежемъ конвенціональной нормой; и никакого правонарушенія мы при этомъ не совершимъ.—Въ отличіе отъ конвенціональной, правовая норма является категорическимъ императивомъ; она связываетъ и обязываетъ нашу волю. Мы повинуемся ей не потому, что хотимъ, а потому что обязаны ей повиноваться. Мы приносимъ ей въ жертву нашъ личный интересъ. Выгодно намъ или нѣтъ,—велѣніе права сохраняетъ императивный характеръ: нашему произволу оно полагаетъ непреодолимый барьеръ.

Существуетъ ли *право* войны? Или, въ иной формулировкѣ, тотъ-же вопросъ: все или не все дозволено на войнѣ?

Можетъ ли воюющее государство, ссылкой на жизненные интересы своего народа оправдать *всякое* нарушеніе нормъ международнаго права? Все ли на войнѣ подчиняется конечной ея цѣли—военному успѣху? И всѣ ли средства оправдываетъ эта цѣль?

Значеніе поставленнаго вопроса — очевидно. Такъ называемое, право войны является частью международнаго права, вообще. Тѣ нормы, которыя регулируютъ международную жизнь во время войны, и тѣ, которыя регулируютъ ее во время мира, тожественны по своему юридическому значенію; ихъ источники тѣ-же—обычай и договоръ. Если право войны—не право, международное право, вообще, правового значенія не имѣетъ. Рѣшая вопросъ о правовомъ или конвенціональномъ характерѣ права войны, мы, тѣмъ самымъ, рѣшаемъ другой—гораздо болѣе важный и болѣе общій—вопросъ о природѣ всѣхъ нормъ, такъ называемаго, международнаго права. И утверждая, что право войны—не право, мы утверждаемъ, тѣмъ самымъ, что сила—одна только сила—является началомъ, опредѣляющимъ международную жизнь. Во время мира эта сила смягчается, въ своихъ проявленіяхъ, конвенціональными нормами международной куртуазіи, или международной моды; военная необходимость освобождаетъ ее отъ всѣхъ или почти всѣхъ конвенціональныхъ сдержекъ. Международная жизнь—и во время войны, и во время мира—остается понынѣ естественнымъ (а не гражданскимъ) состояніемъ, — во время мира естественнымъ состояніемъ „джентльменовъ", во время войны естественнымъ состояніемъ „дикарей"...

Въ 1902 г., уже послѣ первой конференціи мира, германскимъ генеральнымъ штабомъ, въ руководство германской арміи, издается сборникъ, посвященный военнымъ обычаямъ въ сухопутной войнѣ [1]). Основная тенденція сборника — отрицаніе правового характера нормъ, регулирующихъ примѣненіе вооруженной силы. По мнѣнію германскаго штаба смыслъ войны (Kriegsraison) позволяетъ всякому воюющему государству примѣнять всѣ средства, могущія содѣйствовать достиженію ея цѣли. Военные обычаи (Kriegsgebrauch) или, что то же, военные нравы (Kriegssitten) и пріемы войны (Kriegsmanier)—не что иное, какъ *добровольное ограниченіе*

---

[1]) „Kreigsbrauch im Landkriege" въ серіи „Kriegsgeschichtliche Einzelschriften" hrsg. vom Grossen Generalstabe, Heft 31, Berl. 1902: русскій переводъ под. Михельсона (изд. военно-статистическаго отдѣла главнаго штаба), Петроградъ 1904. О сборникѣ см. *В. М. Гессенъ*, Германская армія и право войны („Рѣчь", 1914 г. №№ 210, 216, 219 и 227).

воюющаго государства въ его собственныхъ интересахъ. Многочисленныя въ теченіе XIX вѣка попытки возвести международные обычаи на степень общеобязательнаго для всѣхъ народовъ и армій закона окончились, по мнѣнію германскаго штаба, „*полной неудачей*“. Такая кодификація права войны, какъ гаагская конвенція, обязательной силы не имѣетъ: она является лишь „нравственнымъ признакомъ“ стремленій, нерѣдко противорѣчащихъ природѣ войны и ея конечной цѣли. Военная исторія должна научить офицера разбираться въ вопросѣ о томъ, оправдываются-ли господствующіе военные обычаи, или нѣтъ, слѣдуетъ-ли ихъ строго придерживаться, или соотвѣтственнымъ образомъ измѣнить.

Какъ конвенціональныя нормы, обычаи войны примѣнимы лишь постольку, поскольку они не противорѣчатъ, такъ называемой, „военной необходимости“, — существеннымъ и важнымъ интересамъ воюющаго государства. Нѣтъ и не можетъ быть нормъ, обязательныхъ для арміи quand même. Все позволено, что содѣйствуетъ достиженію цѣли войны. Inter arma silent leges. Богъ войны –языческій богъ, Mars exlex древняго Рима,—тиранъ, не признающій ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ.

Представленіе о конвенціональномъ (гипотетическомъ) характерѣ нормъ международнаго права красною нитью проходитъ чрезъ сборникъ германскаго генеральнаго штаба. Все дозволено, что необходимо; все необходимо, что способствуетъ достиженію цѣли войны. Дозволено убійство военноплѣнныхъ; бомбардировка незащищенныхъ городовъ; принужденіе жителей оккупированной области къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ ихъ отечества. Дозволено всякое отчужденіе и захватъ, всякое пользованіе, поврежденіе или уничтоженіе имущества, принадлежащаго непріятельскимъ подданнымъ. Дозволены массовыя экзекуціи, преданіе населенія оккупированной области огню и мечу за вину или враждебныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. Съ точки зрѣнія германскаго штаба, такъ называемое, право войны является системой конвенціональныхъ нормъ, не болѣе обязательныхъ, чѣмъ правила моды или хорошаго тона. Съ такими нормами не станутъ считаться въ серьезныхъ обстоятельствахъ серьезные люди.

Исторія современной великой войны предъ нашими глазами. Съ разсматриваемой точки зрѣнія, она является не чѣмъ инымъ, какъ практическимъ примѣненіемъ германскою арміей предустановленной теоріи германскаго штаба. Война открывается циничнымъ нарушеніемъ международнаго права,—вторженіемъ германцевъ въ Бельгію, постоянно-нейтральное государство. Варварское обращеніе съ плѣнными, бомбардировка незащищенныхъ городовъ, воздушные на нихъ налеты, массовое истребленіе мирнаго населенія, непосильныя контрибуціи, уничтоженіе памятниковъ искусства и науки,—тысячи фактовъ, неоспоримыхъ и неоспоренныхъ, свидѣтельствуютъ о системѣ, основанной на суверенномъ презрѣніи къ общепризнаннымъ началамъ международнаго права.

Конечно, нарушеніе права никогда на войнѣ не бываетъ одностороннимъ. Есть страшный законъ войны, именуемый закономъ репрессалій. Нарушеніе права одной стороной всегда и необходимо влечетъ за собою отвѣтное нарушеніе его другою. Какъ снѣжный комъ, беззаконіе катится съ горы и по пути превращается въ лавину. Условіе взаимности примѣнимо ко всѣмъ отношеніямъ международнаго права,—и въ особенности, къ отношеніямъ, создаваемымъ войной. Никто изъ насъ въ настоящее время не можетъ быть вполнѣ объективнымъ; мы многаго не знаемъ. Судъ исторіи впереди; онъ каждому воздастъ по заслугамъ...

Во всякомъ случаѣ, въ новѣйшей исторіи мы не встрѣчаемъ войны, которая такъ мало считалась бы съ общепризнанными нормами международнаго права. Какъ приливъ океана смываетъ песчаную дамбу, построенную играющими на берегу дѣтьми, такъ стихія войны опрокидываетъ правовыя преграды, воздвигнутыя вѣковыми усиліями человѣческой мысли.

Не грозитъ ли человѣчеству первобытный хаосъ, возвращеніе къ естественному состоянію,—къ тому состоянію, въ которомъ человѣкъ человѣку—волкъ?..

Отовсюду надвигаются страхи... И страшнѣе всѣхъ страховъ—торжествующая проповѣдь силы, разливающееся по землѣ убѣжденіе въ „банкротствѣ" международнаго права... Все позволено на войнѣ...

А между тѣмъ, стоитъ лишь отрѣшиться отъ поверхностныхъ наблюденій, проникнуть пытливымъ и настойчивымъ взоромъ въ глубину переживаемыхъ міромъ событій,—и до наглядности станетъ очевидной необоснованность пессимистическихъ предсказаній. Въ трагическихъ перипетіяхъ великой войны обнаружилось не только преходящее безсиліе права; обнаружилась неизбѣжность его конечнаго торжества. Корню права,—правовому началу, лежащему въ глубинахъ человѣческаго духа, не страшны никакія военныя бури, шумящія на поверхности земли.

II.

Въ непосредственной реакціи пострадавшаго лица противъ всякаго нарушенія принадлежащаго ему права,—въ борьбѣ за право наиболѣе ярко проявляется живая и дѣйственная сила правового начала.

Возможно ли говорить о „банкротствѣ" международнаго права предъ лицомъ героической Бельгіи, явившей изумленному міру примѣръ самоотверженной, готовой на всякія жертвы, борьбы за свое попранное право? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Бельгія среди всѣхъ—какъ большихъ, такъ и малыхъ—государствъ, вовлеченныхъ въ современную войну, занимаетъ особое мѣсто.

Согласно договорамъ 1839 г. между Бельгіей и Голландіей, съ одной стороны, и между нею-же и пятью великими державами, съ другой,—Бельгія—постоянно-нейтральное государство. Какъ таковое, она, разумѣется, не имѣла и не могла имѣть никакихъ аггресивныхъ интересовъ въ отношеніи къ другимъ государствамъ. „Съ величайшей добросовѣстностью и точностью" за все время своего существованія она соблюдала обязанности нейтральнаго государства и въ то же время категорически требовала отъ другихъ государствъ уваженія къ ея нейтралитету [1]). 29 апрѣля 1913 г. германскій ст.-секр. по иностраннымъ дѣламъ ф. Яговъ въ бюджетной комиссіи рейхстага категорически заявляетъ: нейтралитетъ Бельгіи утвержденъ международной конвен-

[1]) Циркулярная телеграмма бельгійскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 24 (11) іюля 1914 г. („*Сѣрая книга*", № 2).

ціей, и Германія твердо намѣрена постановленія конвенціи уважать" [1]). 31 іюля (18-го по старому стилю) 1914 г. германскій посланникъ при бельгійскомъ дворѣ де-Беловъ, въ бесѣдѣ съ бельгійскимъ генеральнымъ секретаремъ, выражаетъ увѣренность, что намѣренія Германіи, формулированныя въ 1913 г. ф. Яговымъ, ни въ какомъ отношеній не измѣнились [2]). А два дня спустя, 2 августа (20 іюля), тотъ же Беловъ предъявляетъ Бельгіи отъ имени германскаго правительства знаменитый ультиматумъ. Принимая во вниманіе, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ французскія войска намѣрены пройти на Маасъ чрезъ Живе и Намюръ, и что Бельгія, при всемъ ея желаніи, не будетъ въ состояніи отразить безъ посторонней помощи прохожденія французскихъ войскъ, германское правительство считаетъ себя вынужденнымъ предупредить это вторженіе и вступить на бельгійскую территорію. При этихъ условіяхъ Германія предлагаетъ королевскому правительству занять дружественное по отношенію къ ней положеніе и обязывается въ моментъ заключенія мира гарантировать неприкосновенность королевства и его владѣній во всемъ ихъ объемѣ. Германія готова, по соглашенію съ бельгійскими властями, покупать все потребное для ея войскъ за наличный расчетъ и возмѣщать всякій убытокъ, какой могъ бы быть причиненъ германскими войсками. И въ заключеніе ноты—недвусмысленная угроза: если Бельгія создастъ затрудненія прохожденію германскихъ войскъ, Германія будетъ вынуждена разсматривать ее, какъ непріятеля, и предоставить урегулированіе дальнѣйшихъ взаимоотношеній обоихъ государствъ силѣ оружія [3]).

Въ исторіи великой войны отвѣтъ Бельгіи на германскій ультиматумъ является однимъ изъ наиболѣе прекрасныхъ и трогательныхъ эпизодовъ. Предъ лицомъ своего могущественнаго противника, бельгійское правительство заявляетъ о „глубокомъ и тягостномъ изумленіи", вызываемомъ гер-

---

[1]) Бельгійскій посланникъ въ Берлинѣ министру иностранныхъ дѣлъ, 2 мая 1913 г. („*Сѣрая книга*", прилож. къ № 12).

[2]) Бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ королевскимъ посланникамъ въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ, 31 (18) іюля, 1914 г. („*Сѣрая книга*", № 12).

[3]) Текстъ ноты въ „*Сѣрой книгѣ*", № 20.

манскою нотой. Намѣренія, приписываемыя Франціи, противорѣчатъ формальнымъ заявленіямъ правительства республики. Но если-бы даже, вопреки ожиданіямъ, французское правительство, дѣйствительно, посягнуло на бельгійскій нейтралитетъ, правительство Бельгіи исполнило-бы свои международныя обязательства, и армія ея оказала-бы энергичное сопротивленіе французамъ. Договоромъ 1839 г. независимость и нейтралитетъ Бельгіи поставленъ подъ защиту державъ, и въ ихъ числѣ подъ защиту Пруссіи. Бельгійское королевство всегда было вѣрнымъ своимъ международнымъ обязательствамъ. Оно выполняло ихъ въ духѣ лойяльнаго безпристрастія; оно прилагало всѣ силы, чтобы сохранить и заставить уважать свой нейтралитетъ. Посягательствомъ на его независимость германское правительство совершило-бы жестокое нарушеніе международнаго права. Никакіе стратегическіе интересы не оправдываютъ нарушенія права. Принявъ сдѣланныя ему предложенія, бельгійское правительство принесло-бы въ жертву честь націи въ тотъ самый моментъ, когда измѣнило-бы своимъ обязательствамъ предъ Европой. Оно отказывается вѣрить тому, что независимость Бельгіи можетъ быть сохранена лишь цѣной нарушенія ея нейтралитета. Но если-бы эта надежда оказалась обманутой, правительство твердо рѣшило отразить всѣми имѣющимися въ ея власти средствами всякое посягательство на ея права [1]).

Германская армія занимаетъ территорію королевства. Послѣ геройской обороны и паденія Льежа, германское правительство снова обращается къ Бельгіи и, какъ змѣй искуситель, предлагаетъ ей капитулировать передъ силой. Приведемъ in extenso характерную германскую ноту, сообщенную Бельгіи чрезъ посредство нидерландскаго правительства:

„Крѣпость Льежъ послѣ храброй обороны взята штурмомъ. Германское правительство выражаетъ свое глубочайшее сожалѣніе, что вслѣдствіе позиціи, принятой Бельгіей въ отношеніи къ Германіи, дошло до кровавыхъ столкновеній. Только вынужденная обстоятельствами, въ виду военныхъ мѣръ Франціи, Германія приведена была къ тяжелой рѣши-

---

[1]) Текстъ отвѣтной ноты бельгійскаго правительства въ „*Сѣрой книгѣ*“, № 22.

мости вступить въ Бельгію и занять Льежъ, какъ опорный пунктъ для своихъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Послѣ того какъ бельгійская армія своимъ геройскимъ сопротивленіемъ большому превосходству силъ самымъ блестящимъ образомъ поддержала честь своего оружія,—германское правительство проситъ Его Величество Короля и бельгійское правительство избавить Бельгію отъ дальнѣйшихъ ужасовъ войны. Германское правительство готово на всякое соглашеніе съ Бельгіей, какое только окажется совмѣстимымъ съ его отношеніемъ къ Франціи. Германія еще разъ торжественно заявляетъ, что она не руководилась намѣреніемъ завладѣть бельгійской территоріей и что она безусловно далека отъ этого намѣренія. Германія и теперь еще готова немедленно очистить бельгійское королевство, какъ только состояніе войны ей это позволитъ" [1]).

Неисчислимыя бѣдствія готовы обрушиться на несчастную Бельгію. Но въ борьбѣ за свое, попираемое Германіей, право она остается непреклонной: вѣрная своимъ международнымъ обязательствамъ, она повторяетъ на вторичное предложеніе германскаго правительства отвѣтъ, уже данный ею на ультиматумъ 2 августа [2]). И эту свою непреклонность бельгійское правительство краснорѣчиво мотивируетъ въ отвѣтѣ на ноту австро-венгерскаго правительства, объявляющую Бельгіи войну:

„Со всѣми своими сосѣдями, безъ различія, Бельгія неизмѣнно поддерживала дружественныя отношенія. Она педантически исполняла обязанности, налагаемыя на нее нейтралитетомъ. Если она не сочла возможнымъ принять предложенія Германіи, то это объясняется тѣмъ, что предметомъ ихъ было нарушеніе обязательствъ, принятыхъ ею на себя предъ Европой, — обязательствъ, обусловившихъ самое созданіе бельгійскаго королевства. Она не думала, что народъ, какъ бы слабъ онъ ни былъ, можетъ презрѣть свои обязанности и принести въ жертву свою честь, склонившись передъ силой. Правительство дождалось не только истеченія срока ультиматума, но и вторженія германскихъ войскъ на свою

[1]) Текстъ ноты въ *„Сѣрой книгѣ"*, № 60.

[2]) *„Сѣрая книга"*, № 65.

территорію, прежде чѣмъ обратиться къ Франціи и Англіи гарантировавшимъ ея нейтралитетъ—такъ же, какъ и Германія и Австро-Венгрія—за содѣйствіемъ защитѣ бельгійской территоріи, во имя и въ силу договоровъ [1]).

4 августа, въ своей рѣчи, произнесенной въ засѣданіи рейхстага, имперскій канцлеръ откровенно признаетъ неправомѣрность нарушенія бельгійскаго нейтралитета: „Мы находились въ состояніи необходимой обороны, а необходимость не считается съ законами. Наши войска заняли Люксембургъ и, быть можетъ, вступили уже въ Бельгію. Это противорѣчитъ предписаніямъ международнаго права... Мы не можемъ ждать... Мы вынуждены пренебречь законными протестами люксембургскаго и бельгійскаго правительствъ... Несправедливость, причиненную нами, мы исправимъ, какъ только достигнута будетъ наша военная цѣль [2]).

Впослѣдствіи Германія дѣлаетъ попытку подыскать правомѣрное основаніе своему неправомѣрному поступку. Создается легенда о бельгійской измѣнѣ нейтралитету,—лицемѣрная и лживая легенда, которой невозможно повѣрить. Въ воззваніи „Къ культурному міру“ представители германской науки и искусства категорически заявляютъ: „Неправда, что мы преступно нарушили бельгійскій нейтралитетъ. Имѣются доказательства тому, что Франція и Англія уже раньше приняли рѣшеніе нарушить его. Имѣются доказательства тому, что Бельгія согласилась на это. Было бы равносильно самоубійству, если бы мы не предупредили ихъ“. О какихъ доказательствахъ говорятъ представители германской науки? Развѣ уже въ самомъ началѣ австро-сербскаго конфликта 24/11 іюля бельгійское правительство не заявило, что оно будетъ „непоколебимо стремиться къ исполненію обязательствъ нейтралитета, какъ-бы ни сложились обстоятельства?“ [3]) Развѣ представители германской науки не знаютъ, что правительство французской республики категорически подтвердило, что никакое вторженіе французскихъ войскъ въ Бельгію не будетъ имѣть мѣста, если бы даже

[1]) *„Сѣрая книга“*, № 78.

[2]) Телеграмма бельгійскаго посланника въ Берлинѣ мин-ру иностр. дѣлъ отъ 4 авг. (22 іюля 1914 г.) въ *„Сѣрой книгѣ“*, № 35.

[3]) *„Сѣрая книга“*, № 2 прилож.

значительныя германскія силы были сосредоточены на бельгійской границѣ? [1]). И развѣ они не знаютъ, что традиціонная политика Англіи, со временъ франко-прусской войны, заключается, именно, въ охранѣ бельгійскаго нейтралитета? [2]). Если даже предположить, что сообщенія германской печати о происходившихъ задолго до войны переговорахъ между Бельгіей и Англіей о военномъ соглашеніи, соотвѣтствуютъ дѣйствительности,—и это обстоятельство, конечно, ни въ малѣйшей степени не доказываетъ готовности Бельгіи отказаться отъ своего нейтралитета. Германская угроза давно уже дамокловымъ мечемъ виситъ надъ нейтральной Бельгіей [3]). Никто не отрицаетъ, что нейтральное государство имѣетъ неоспоримое право вести оборонительную войну; а если это такъ, оно имѣетъ такое же право вступать въ международныя соглашенія, преслѣдующія оборонительныя цѣли.

Германское вторженіе въ нейтральную Бельгію является вопіющимъ, ничѣмъ не оправдываемымъ, нарушеніемъ международнаго права,—торжествомъ силы надъ правомъ. Участіе Бельгіи въ современной войнѣ преслѣдуетъ одну только цѣль: борьбу за право, самоутвержденіе ея международной личности, героическій протестъ противъ беззаконнаго насилія.

---

[1]) *„Сѣрая книга“*, № 9.

[2]) Въ 1866 г., предъ войною, Бисмаркъ предлагалъ Бельгію Франціи, въ видѣ вознагражденія за союзъ противъ Австріи; въ самый моментъ заключенія пражскаго договора Бельгія снова фигурируетъ въ качествѣ компенсаціи, предлагаемой Пруссіей за право исключить Австрію изъ Германіи и присоединить къ Пруссіи другія нѣмецкія земли. Послѣ возникновенія Сѣверо-Германскаго Союза присоединенія Бельгіи требуетъ Франція, какъ вознагражденія за признаніе ею „перехода Пруссіи за Майнъ“. Вслѣдъ за началомъ войны 1870—71 гг., какъ прусское, такъ и французское правительства заявляютъ правительству Бельгіи о намѣреніи ихъ уважать, подъ условіемъ взаимности, ея нейтралитетъ. Неувѣренная, однако, въ своей безопасности, Бельгія обращается къ Англіи съ просьбой о защитѣ. По настоянію Англіи, Пруссія и Франція вынуждены заключить съ нею особые договоры, подтверждающіе гарантію бельгійскаго нейтралитета (См. бар. *Б. Э. Нольде*, Постоянно-нейтральное государство, стр. 331 и сл.).

[3]) О бесѣдѣ бельгійскаго короля съ императоромъ Вильгельмомъ въ 1913 г. см. *ниже*, стр. 503.

Борьбѣ за право принесены Бельгіей неисчислимыя жертвы. Разорены и затоплены ея цвѣтущія равнины. Ея города во власти непріятеля. Въ развалинахъ великолѣпные памятники религіи, искусства и науки. Десятки тысячъ бельгійскихъ гражданъ, лишенныхъ крова, томятся на чужбинѣ. Даже честь Бельгіи не пощажена жестокимъ врагомъ: въ воззваніи „къ культурному міру" представители германской науки называютъ населеніе Бельгіи,—не отдѣльныхъ лицъ, быть можетъ, повинныхъ въ преступныхъ эксцессахъ патріотизма,—а „населеніе Бельгіи", какъ таковое, народомъ „подлыхъ убійцъ"... Политическая страсть способна на все. Она способна на постыдное издѣвательство, издѣвательство палача надъ своею жертвой... Сила торжествуетъ надъ правомъ; и тѣмъ не менѣе, нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это торжество кратковременно и непрочно. Побѣда Германіи надъ Бельгіей морально невозможна; она невозможнѣй ея побѣды надъ могущественной коалиціей великихъ державъ. И еслибы исходомъ войны предъ союзными державами—Россіей, Великобританіей и Франціей,—поставлена была диллемма: возстановленіе Бельгіи, *или* осуществленіе ихъ собственныхъ національныхъ интересовъ,—нельзя, разумѣется, сомнѣваться въ томъ, что, прежде всего, была-бы возстановлена Бельгія. Ея пораженіе означало-бы пораженіе права, торжество беззаконія надъ закономъ. Оно невозможно потому, что правосознаніе современнаго человѣчества—правосознаніе нейтральныхъ государствъ—помириться съ нимъ не можетъ.

Очищенная огнемъ великихъ страданій, несчастная Бельгія должна возродиться изъ пепла для того, чтобы грядущимъ поколѣніямъ служить живымъ урокомъ, свидѣтельствовать предъ ними о томъ, что право и было, и есть, и во вѣки пребудетъ могущественнѣй силы...

III.

Исторія присоединенія Англіи къ анти-германской коалиціи державъ является другимъ, не менѣе краснорѣчивымъ, симптомомъ огромнаго значенія правового начала въ современной международной жизни.

Нельзя, разумѣется, отрицать, что участіе Англіи въ войнѣ диктовалось повелительнымъ образомъ совокупностью ея

наиболѣе важныхъ и жизненныхъ національныхъ интересовъ. Пока была надежда на локализацію австро-сербскаго конфликта, она могла оставаться пассивной[1]). Она оставалась-бы пассивной и въ томъ случаѣ, если-бъ могъ быть локализованъ австро-русскій конфликтъ [2]). Съ того, однако, момента, какъ въ европейскую борьбу оказались вовлеченными Германія и Франція, вопросъ объ участіи въ ней Англіи являлся, по существу, предрѣшеннымъ. Допустить европейскую гегемонію Германіи, ея возможную побѣду надъ Франціей,—для Англіи значило отказаться отъ своего великодержавнаго положенія въ Европѣ. Она не могла не понимать, что за Франціей неизбѣжно—раньше или позже—придетъ ея чередъ.

Ничто, быть можетъ, въ такой мѣрѣ не свидѣтельствуетъ о недальновидности германской дипломатіи, какъ непоколебимая ея увѣренность въ томъ, что Англія въ послѣднюю минуту откажется отъ активнаго вмѣшательства въ войну. Германскій историкъ не въ состояніи будетъ безъ стыда вспомнить о знаменитой бесѣдѣ 29 іюля между имперскимъ канцлеромъ и с. Гошеномъ, британскимъ посломъ при берлинскомъ дворѣ, во время которой имперскій канцлеръ, какъ плату за британскій нейтралитетъ, предлагаетъ отказъ Германіи отъ какихъ-бы то ни было территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Франціи, съ сохраненіемъ, однако, свободы въ отношеніи французскихъ колоній [3]).

И еще съ большимъ стыдомъ онъ вспомнитъ о телеграммѣ отъ 1 августа Вильгельма II Георгу V, заявляющей о готовности Германіи отказаться отъ нападенія на Францію, если Англія гарантируетъ своими военными и морскими силами французскій нейтралитетъ въ русско-германскомъ

---

[1]) Въ бесѣдѣ съ германскимъ посломъ 20/7 іюля 1914 г. с. Грей заявляетъ, что онъ не допускаетъ мысли о возможности войны между кѣмъ либо изъ великихъ державъ, и что было-бы поистинѣ ужасно, если-бы кто либо былъ вовлеченъ въ войну Сербіей. (См. телеграмма с. Э. Грея с. Г. Рембольду отъ 20 іюля 1914 г. въ „*Бѣлой книгѣ*“, № 1).

[2]) Телеграмма с. Э. Грея с. Ф. Берти 29 іюля 1914 г. („*Бѣлая книга*“ № 87): „Если даже вопросъ осложнится недоразумѣніемъ между Австріей и Россіей,—мы все же не почувствуемъ потребности сказать свое слово“.

[3]) Телеграмма с. Э. Гошена с. Э. Грею („*Бѣлая Книга*“, № 85).

конфликтѣ [1]). Въ этой телеграммѣ—не только поразительное непониманіе повелительныхъ задачъ британской политики, но и суверенное презрѣніе къ Франціи, какъ второстепенной державѣ, нейтралитетъ которой можетъ быть „гарантированъ" военными и морскими силами другой державы. Императоръ, разумѣется, знаетъ, что Франція, въ силу международныхъ обязательствъ, не можетъ оставаться нейтральной. И тѣмъ не менѣе, въ своей телеграммѣ онъ цинически совѣтуетъ ей... „успокоить свои нервы". Съ его точки зрѣнія, вѣрность международнымъ обязательствамъ является „нервничаньемъ", неумѣстнымъ въ международномъ оборотѣ.

Какъ-бы то ни было, политическая необходимость повелительно требовала отъ Англіи участія въ европейской войнѣ. И все таки не эта необходимость въ глазахъ англійскаго общественнаго мнѣнія является послѣднимъ и рѣшающимъ аргументомъ. Еще 29 іюля с. Грей заявляетъ французскому послу, П. Камбону, что Англіей не принято окончательное рѣшеніе на случай войны, который еще можетъ и вовсе не возникнуть [2]). 31 іюля с. Грей телеграфируетъ Ф. Берти, британскому послу въ Парижѣ: „никто здѣсь не чувствуетъ, что настоящій конфликтъ, въ его современномъ положеніи, затрагиваетъ договоры или обязательства Британіи" [3]). Для того, чтобы выяснить позицію Англіи, с. Грей обращается 31 іюля къ Германіи и Франціи съ категорическимъ запросомъ: намѣрены-ли французское и германское правительства уважать нейтралитетъ Бельгіи до того момента, пока другая держава его не нарушитъ? [4]). Въ бесѣдѣ съ германскимъ посломъ (1 авг.) с. Грей поясняетъ, что нарушеніе бельгійскаго нейтралитета неизбѣжно-бы вызвало всеобщее негодованіе въ странѣ. Позиція Англіи рѣшена будетъ въ значи-

---

[1]) Текстъ телеграммы былъ опубликованъ въ „Сѣверо-Германской газетѣ" и перепечатанъ во французскомъ сборникѣ дипломатическихъ актовъ, предшествовавшихъ войнѣ. („*Желтая книга*", стр. 191). Срв. германское изданіе на англійскомъ языкѣ: „How the franco-german conflict might have been avoided" (Official documents published by the german governmant, Berl., 1914, стр. 6).

[2]) Телеграмма с. Эдуарда Грея с. Ф. Берти отъ 29 іюля („*Бѣлая книга*", № 67).

[3]) Телеграмма с. Э. Грея с. Ф. Берти отъ 31 Іюля („*Бѣлая книга*" № 116)

[4]) Текстъ ноты въ „*Бѣлой Книгѣ*", № 114.

тельной степени общественнымъ мнѣніемъ; положеніе Бельгіи окажетъ на английское общественное мнѣніе большое, если не рѣшающее, вліяніе [1]). Въ отвѣтъ на запросъ Э. Грея, французское правительство заявляетъ о своемъ намѣреніи соблюдать нейтралитетъ Бельгіи, подъ условіемъ его ненарушенія другою державой [2]). Германское правительство уклоняется отъ прямого и категорическаго отвѣта [3]). Вторичный запросъ отъ 4 августа предъявляется Англіей уже въ формѣ ультиматума, на который германское правительство никакого отвѣта не даетъ [4]).

Такимъ образомъ, съ формальной точки зрѣнія, единственной причиной участія Англіи въ войнѣ, является нарушеніе Германіей бельгійскаго нейтралитета.

Въ настоящее время безсмысленно и безцѣльно, разумѣется, спорить о томъ, какую позицію заняла бы Англія, если бы германское правительство рѣшило отвѣтить согласіемъ на ея ультиматумъ. Въ высшей степени, однако, знаменательно, что, съ точки зрѣнія англійскаго общественнаго мнѣнія, не политическая цѣль,—борьба съ гегемоніей Германіи во имя политическаго равновѣсія Европы, а цѣль правовая,—возстановленіе нарушеннаго Германіей международнаго права, защита бельгійскаго нейтралитета отъ ея посягательствъ, является необходимымъ и достаточнымъ оправданіемъ войны, рѣшающимъ аргументомъ въ ея пользу. Британское правительство колеблется до тѣхъ поръ, пока участія Англіи въ войнѣ повелительно требуютъ соображенія raison d'état,—національные интересы Англіи, великодержавное положеніе ея. И безъ всякаго колебанія правительство рѣшается на войну съ того момента, какъ участіе въ ней, съ точки зрѣнія международнаго права, становится *обязательнымъ* для Англіи, какъ державы, гарантировавшей бельгійскій нейтралитетъ.

Международный договоръ 39 г.,—„клочокъ бумаги", о которомъ съ такимъ презрѣніемъ отозвался германскій канцлеръ, для Англіи является документомъ, имѣющимъ еще болѣе

---

[1]) Телеграмма с. Э. Грея с. Э. Гошену отъ 1 авг. („*Бѣлая книга*", № 123).
[2]) Телеграмма с. Ф. Берти с. Э. Грею отъ 31 іюля. („*Бѣлая книга*", № 125).
[3]) Телеграмма с. Э. Гошена с. Э. Грею. („*Бѣлая книга*", № 122).
[4]) Текстъ ультиматума въ „*Бѣлой книгѣ*", № 153.

рѣшающее значеніе, чѣмъ всѣ соображенія государственной пользы. Свободная и демократическая страна, стоящая въ центрѣ міровой торговли, не можетъ, разумѣется, легко рѣшиться на продолжительную и упорную, міровую войну. Она не можетъ не думать о „тратѣ колоссальныхъ средствъ, о пріостановкѣ торговли, влекущей за собой полнѣйшій упадокъ европейской промышленности и кредита“ [1]). Народному вооображенію необходимо *идеологическое* оправданіе войны для того, чтобы помириться съ неизбѣжностью жертвъ, вызываемыхъ ею. И такимъ идеологическимъ оправданіемъ является цѣль войны: борьба за право,—не только за свое, но и за чужое право,—за право небольшого и мирнаго народа, беззаконно и безжалостно попираемое могущественнымъ сосѣдомъ. Колебанія англійской политики въ эпоху, предшествующую войнѣ, являются урокомъ для грядущихъ поколѣній: только та война, которая ведется во имя торжества права надъ силой, является, воистину, iustum bellum,—справедливой войной.

IV.

И не въ одной только Англіи,—во всемъ мірѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ рядахъ коалиціи, вступившей въ борьбу съ ненасытнымъ милитаризмомъ Германіи, безусловно господствуетъ правовая идеологія войны.

Само собою разумѣется, что каждое правительство, рѣшаясь на войну, не можетъ не считаться съ національными интересами своей страны. Въ частности, современная война является историческою необходимостью для Россіи. Объясняя вмѣшательство Россіи въ австро-сербскую распрю тенденціями, такъ называемаго, панславизма, австро-германскіе политики до наивности упрощаютъ проблему. И эти тенденціи, конечно, сыграли свою роль,—однако, не столь значительную, какъ это представляется нѣкоторымъ [2]).

---

[1]) „*Бѣлая книга*“, № 3.

[2]) Есть нѣкоторое преувеличеніе въ словахъ, сказанныхъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ с. Бьюкенену, англійскому послу въ Петроградѣ: въ Россіи вспыхнула бы революція, если бы она допустила вассальную зависимость Сербіи отъ Австріи (телеграмма с. Бьюкенена с. Э. Грею

Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно задуматься надъ вопросомъ, могла-ли бы Россія остаться пассивной, если-бы объектомъ нападенія со стороны Австріи явилась не единоплеменная намъ Сербія, а другое, хотя-бы иноплеменное, балканское государство,—напр. Румынія или Турція? Великобританія, не считаясь съ національностью Бельгіи, объявляетъ Германіи войну изъ-за нарушенія ею бельгійскаго нейтралитета. По тѣмъ же соображеніямъ Россія объявила-бы Австріи войну за всякую ея завоевательную политику на Балканскомъ полуостровѣ.

Признаніе австро-венгерской гегемоніи на Балканахъ явилось бы для Россіи отказомъ не только отъ историческихъ традицій ея политики въ прошломъ, но и отъ великодержавнаго ея положенія въ будущемъ. По справедливому утвержденію русскаго министра, австрійское господство надъ Сербіей въ такой же мѣрѣ нестерпимо для Россіи, какъ зависимость Нидерландовъ отъ Германіи для Великобританіи. Для Россіи, какъ великой державы, это фактически вопросъ жизни и смерти [1]).

Не для того, разумѣется, въ теченіе столѣтій рѣкою лилась на Балканахъ русская кровь, чтобы въ Константинополѣ, Бѣлградѣ и Софіи утвердилось австро-германское господство; чтобы Черное море превратилось въ закрытое море (mare clausum). Въ конфликтѣ съ Австріей не панславистскія симпатіи Россіи были поставлены на карту; поставлена была ея будущность, какъ великой державы. Оставаться пассивнымъ зрителемъ разгрома Австро-Венгріей Сербіи для Россіи значило подвергнуться безпримѣрному униженію,—униженію, которому великая держава подвергнутьсяне можетъ [2]).

отъ 30 іюля въ „*Бѣлой книгѣ*", 97). Никакой революціи-бы не вспыхнуло, но такая политика несомнѣнно оттолкнула-бы отъ правительства наиболѣе умѣренные и консервативные общественные элементы, националистически настроенные.

[1]) Телеграмма с. Г. Бьюкенена с. Э. Грею отъ 1 авг. („*Бѣлая книга*", № 139).

[2]) Слова с. Э. Грея въ бесѣдѣ съ германскимъ посломъ въ Лондонѣ: „Никто и не думаетъ объ униженіи Австріи; вопросъ заключается въ томъ, до какихъ предѣловъ намѣрена довести Австрія униженіе другихъ. Конечно, Сербія будетъ нѣсколько унижена, но Австрія можетъ довести дѣло и до униженія Россіи!" (Телеграмма с. Э. Грея с. Э. Гошену, отъ 29 іюля, въ „*Бѣлой книгѣ*", № 90).

И точно также другія государства—и Франція, и Сербія,—участвуя въ войнѣ, стремятся къ осуществленію традиціонныхъ задачъ ихъ національной политики. Но если политическія цѣли войны различны у каждаго изъ воюющихъ государствъ, то общей для всѣхъ является ея правовая цѣль: защита международнаго правопорядка отъ нависшей надъ нимъ германской угрозы.

Политикой Бисмарка—„желѣзомъ и кровью"—создается современная Германія. Поклоненіе этой политикѣ возводится ею въ національный культъ. Съ удивительной апологіей милитаризма мы встрѣчаемся въ воззваніи „Къ культурному міру" представителей германской науки и искусства. По ихъ мнѣнію, безъ нѣмецкаго милитаризма нѣмецкая культура давно была бы стерта съ лица земли. На защиту этой культуры возникъ милитаризмъ изъ ея же нѣдръ въ странѣ, которая въ теченіе вѣковъ подвергалась разбойничьимъ набѣгамъ болѣе, чѣмъ какая-либо иная страна. Повидимому, представители германской науки забыли, что германская культура, въ эпоху своего наивысшаго расцвѣта, своихъ величайшихъ побѣдъ,—въ эпоху „Канта, Бетховена и Гете"—не нуждалась въ защитѣ милитаризма. Они не знаютъ, что, защищая культуру, германскій милитаризмъ извратилъ ея сущность, умалилъ ея значеніе, расточилъ ея духовныя цѣнности, накопленныя вѣками. Эпоха техническаго прогресса является въ Германіи эпохой величайшаго упадка и униженія философіи права. Наука права капитулируетъ предъ культомъ силы. Р. ф. Іерингъ—родоначальникъ, такъ называемаго, позитивнаго направленія въ философіи права—фанатическій поклонникъ Бисмарка. По собственному его признанію, „въ ограниченной сферѣ своего творчества онъ слѣдовалъ только тому импульсу, который былъ ему данъ великимъ мастеромъ реальной политики" [1]). Поэтому, позитивная теорія права является, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ откровенной апологіей эгоистической и своекорыстной силы.

Право—политика силы; оно создается въ постоянной и безпощадной борьбѣ,—въ борьбѣ, которая ведется за мате-

[1]) См. любопытнѣйшее письмо Ihering'a Бисмарку отъ 15 сент. 1888 г. у *H. V. Poschinger'a*, Bismarck und Ihering, стр. 42 и сл.

ріальныя блага („интересъ“) и матеріальными средствами („силой“). Въ борьбѣ этой побѣждаетъ сильнѣйшая сторона; она диктуетъ условія мира сторонѣ побѣжденной. Эти условія мира, компромиссъ между побѣдителемъ и побѣжденнымъ—жестокій и несправедливый, какъ всякій компромиссъ послѣ побѣды—является положительнымъ объективнымъ правомъ. Положительное право признаетъ и защищаетъ интересъ, оказавшійся достаточно сильнымъ для того, чтобы добиться такого признанія и защиты. Защищенный интересъ мы называемъ субъективнымъ правомъ. Въ борьбѣ противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу интересовъ, право всегда и необходимо на сторонѣ того интереса, который сильнѣе другихъ. По самому своему существу, оно не бываетъ и не можетъ быть справедливымъ. Идеологическая критика права безсмысленна и безцѣльна. По мнѣнію Меркеля, одного изъ послѣдователей Іеринга, вопросъ о справедливости права имѣетъ для юридической науки такое-же значеніе, какъ для географіи вопросъ: разумно-ли, что источники Рейна лежатъ на Альпахъ?

Право всегда несправедливо; сила всегда правомѣрна. Будь сильнымъ,—и тѣмъ самымъ ты будешь правъ. Изъ всѣхъ, вообще, теорій права единственно истинной для современной Германіи является теорія древняго галла: „мое право на остріѣ моего меча“ [1]).

Освобожденная отъ всякихъ—правовыхъ и моральныхъ—сдержекъ, физическая сила становится цѣлью, къ которой съ величайшимъ успѣхомъ стремится современная Германія,—Германія Круппа и Цеппелина [2]). „Насыщенная“ въ эпоху Бисмарка, Германія fin de siècle'я становится ненасытной. Она ищетъ колоній и торговаго владычества,—не только на сухопутныхъ, но и на морскихъ путяхъ. Ей тѣсно въ своихъ предѣлахъ. Развѣ графство Бургундское и часть Лотарингіи, провинціи древней германской имперіи, не находятся еще въ ру-

---

1) *В. М. Гессенъ*. Возрожденіе естественнаго права, стр. 30 и сл.

2) О германскомъ милитаризмѣ см. весьма интересную книгу Prof. *Nippold'a*, Der deutsche Chauvinismus, Berl., 1913; имѣется краткій пересказъ ея содержанія на русскомъ языкѣ. (*Б. Шиханянъ*, Нѣмецкій профессоръ о германскомъ шовинизмѣ, Петр. 1915). Срв. *Th. Ziegler*, Die geistigen und socialen Strömungen des neunzehnten Iahrhunderts, Berl., 1901, стр. 561 и сл.

кахъ французовъ? Развѣ тысячи нѣмцевъ въ балтійскихъ провинціяхъ не стонутъ подъ славянскимъ игомъ? Развѣ нѣмецкіе кантоны Швейцаріи, фламандскія провинціи Бельгіи, Голландія—не нѣмецкія страны? Вернуть Германіи то, чѣмъ она нѣкогда владѣла, ея національный долгъ [1]). Германіи должна принадлежать гегемонія надъ Европой. Россія въ счетъ не идетъ: она не культурна и безсильна [2]). По словамъ Вундта, Россія не выполнила своей задачи—пріобщить къ европейской культурѣ свои земли. Не культивированіе своихъ варварскихъ странъ, а варваризація подвластныхъ ей странъ культурныхъ,—вотъ что написано на знамени современной Россіи. Борьба съ Россіей является борьбою съ восточнымъ варварствомъ, отъ котораго необходимо освободить подвластные ей культурные народы: поляковъ, балтійскихъ нѣмцевъ и финновъ [3]). И Франція въ счетъ не идетъ: уже вслѣдствіе моральнаго упадка своего народа, осудившаго себя на бездѣтность, она добровольно отказалась отъ дальнѣйшаго участія въ великомъ состязаніи міровыхъ народовъ [4]).

Съ англо-саксами Германія готова подѣлить міровое господство. Въ своемъ двухтомномъ трудѣ: „Германія и будущая война" ген. Бернгарди диктуетъ Британіи условія мира: она должна предоставить Германіи полнѣйшую свободу въ европейской политикѣ и съ самаго начала помириться съ увеличеніемъ ея вооруженныхъ силъ; она не должна мѣшать росту германской колоніальной политики, поскольку послѣдняя не совершается за счетъ ея собственныхъ колоній; она

[1]) Для характеристики притязаній германскаго имперіализма весьма поучительны труды *P. Rohrbach*'а: „Deutschland unter den Weltvölkern", 2 Aufl., Berl., 1908; см., въ особенности, стр. 11 и сл., стр. 319 и сл.; „Der deutsche Gedanke in der Welt", стр. 161 и сл. Срв. Офиціальный секретный рапортъ объ усиленіи германской арміи, опубликованный французскимъ правительствомъ въ „*Желтой книгѣ*", 1914 г., стр. 11 и сл.; также „Отчетъ, представленный г. С. Пишону, французскому министру иностранныхъ дѣлъ, объ общественномъ мнѣніи Германіи по докладамъ дипломатическихъ агентовъ и консульствъ. („*Желтая книга*", стр. 18 и сл.).

[2]) *Rohrbach*. Deutschland unter den Weltvölkern, стр. 58 и сл.; *его-же*, Der deutsche Gedanke, стр. 175 и сл.

[3]) См. рефератъ его лейпцигской лекціи въ „Русск. Вѣд.", 1914 г. № 219.

[4]) *Rohrbach*, Der deutsche Gedanke, стр. 7.

должна согласиться на измѣненіе ея суверенныхъ правъ въ сѣверной Африкѣ въ пользу Германіи; она должна обязаться не препятствовать осуществленію австрійскихъ интересовъ на Балканахъ и экономическимъ стремленіямъ Германіи въ Малой Азіи; наконецъ, она должна отказаться отъ противодѣйствія морскимъ вооруженіямъ Германіи.

Условія — непріемлемы; въ такомъ случаѣ, война,—не только съ Англіей, но съ соединенными силами тройственнаго согласія,—война во что-бы ни стало и до самаго конца.

Никогда и нигдѣ еще проповѣдь войны не велась такъ открыто и откровенно, какъ въ Германіи XX вѣка. Въ своей интересной книгѣ: „Der deutsche Chauvinismus“ проф. Ниппольдъ насчитываетъ около 35 названій распространенныхъ и вліятельныхъ органовъ печати, ежедневно пропагандирующихъ идею необходимой и спасительной для Германіи, немедленной и наступательной войны. И ту-же идею пропагандируютъ многочисленныя организаціи Всегерманскаго и Военнаго Союзовъ (Alldeutscher-u Wehrverein). Losschlagen nach Westen und Osten—становится лозунгомъ плеяды военныхъ ученыхъ и публицистовъ (Бернгарди, Каймъ, Врохемъ, Либерти, Айхгорнъ и др.). И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ лозунгъ встрѣчаетъ живое сочувствіе въ сферахъ, имѣющихъ рѣшающее вліяніе на судьбы своей страны. Въ ноябрѣ 1913 г. посолъ французской республики въ Берлинѣ, Жюль Камбонъ, сообщаетъ своему правительству о бесѣдѣ бельгійскаго короля съ германскимъ императоромъ въ присутствіи начальника германскаго штаба, Мольтке. Бельгійскій король нашелъ въ императорѣ полную перемѣну: онъ больше не сторонникъ мира; напротивъ, онъ твердо убѣжденъ, что война съ Франціей неизбѣжна, и рано или поздно къ ней придется прибѣгнуть. И по мнѣнію Мольтке, война необходима и неизбѣжна: „такъ какъ на этотъ разъ надо покончить, то нельзя сомнѣваться въ томъ неотразимомъ энтузіазмѣ, который въ день объявленія войны охватитъ весь германскій народъ“ [1]).

Задолго до австро-сербскаго конфликта угрожающій призракъ войны витаетъ надъ потревоженной Европой. Растутъ

[1]) Телеграмма Ж. Камбона С. Пишону отъ 22 ноября 1913 г. („*Желтая книга*“, № 6).

непомѣрныя непосильныя вооруженія. И народы начинаютъ понимать: такъ жить невозможно.

Война за миръ, война за право—пароль и лозунгъ современной великой войны. Вокругъ этого лозунга сплотилось общественное мнѣніе демократическихъ народовъ Европы. Общественные классы, стоящіе въ сторонѣ отъ династической политики, не сочувствующіе политикѣ территоріальныхъ захватовъ, понимаютъ роковую неизбѣжность, необходимость современной войны.

И та готовность, съ какой они приносятъ величайшія жертвы на ея алтарь, свидѣтельствуетъ о томъ, въ какой мѣрѣ они прониклись сознаніемъ необходимости возстанія противъ грубой и своекорыстной силы, необходимости побѣды надъ нею,—побѣды во что бы то ни стало и во имя торжества организующаго международную жизнь правового начала.

Но не только въ рядахъ коалиціи, сражающейся съ германскимъ милитаризмомъ, и среди нейтральныхъ государствъ растетъ противъ современной Германіи нѣмая, но активная оппозиція. Нельзя отрицать, что въ началѣ войны симпатіи многихъ нейтральныхъ государствъ склонялись на ея сторону. Агитація „германо-американцевъ“ въ Соединенныхъ Штатахъ, фантастическій призракъ, такъ называемой, „русской опасности“ въ Скандинавіи, національная близость къ Германіи Швейцаріи и Голландіи, династическія ея связи съ румынскимъ, болгарскимъ и греческимъ тронами, „японская опасность“ на Дальнемъ Востокѣ, послѣдствія балканскаго кризиса, посѣявшаго ненависть между родственными націями, болгарской и сербской,—все это дѣйствовало въ интересахъ Германіи, говорило въ ея пользу. Сверхъ того, съ самаго начала войны германскіе публицисты и дипломатическіе агенты развиваютъ необыкновенно энергичную агитаціонную дѣятельность въ нейтральныхъ странахъ. Въ публичныхъ выступленіяхъ, въ безчисленномъ множествѣ политическихъ памфлетовъ, въ воззваніяхъ представителей германской науки и искусства варьируется на тысячу ладовъ одно и то же утвержденіе: Германія противъ своей воли вовлечена въ войну; она является жертвою коварства Великобританіи и неблагодарности Россіи.

Но проходитъ время, и въ трагическихъ перипетіяхъ великой войны вскрывается сущность германскаго милитаризма: его безграничная самоувѣренность, его дисциплинированная жестокость, его суверенное презрѣніе къ праву. Въ тотъ самый моментъ, когда палъ геройски обороняемый Льежъ, дѣло Германіи было безповоротно проиграно въ глазахъ всего міра. Участь Бельгіи становится грознымъ предостереженіемъ для другихъ государствъ, не принимающихъ участія въ войнѣ. Вспоминается офиціальное заявленіе германскаго генеральнаго штаба: „въ будущей европейской войнѣ необходимо, чтобы мелкія государства *принуждены* были слѣдовать за нами, или же были побѣждены“ [1]). Отрицательное отношеніе Германіи къ основнымъ и общепризнаннымъ началамъ международнаго права всей своей тяжестью ложится на плечи нейтральныхъ государствъ: могутъ ли они когда нибудь забыть бумажную блокаду британскихъ береговъ?..

Утвердить на незыблемой основѣ господство права—важнѣйшая цѣль современной войны. По сравненію съ ней вопросъ о „военной добычѣ“—о территоріальныхъ и иныхъ пріобрѣтеніяхъ—имѣетъ второстепенное значеніе. Для того, чтобы цѣль эта была достигнута, необходима не только побѣда надъ врагомъ, но и самоограниченіе побѣдителей. Величайшая опасность, грозящая человѣчеству, заключается въ томъ, что на развалинахъ поверженнаго въ прахъ германскаго милитаризма, подъ вліяніемъ успѣховъ войны, можетъ выросги новый—такой-же самоувѣренный, такой-же притязательный—милитаризмъ. Рѣкою льется человѣческая кровь,—кровь нашихъ братьевъ и дѣтей. Она прольется не даромъ, если цѣной ея куплена будетъ величайшая изъ возможныхъ побѣдъ,—побѣда права надъ силой, мира надъ войной!..

V.

Никто не думаетъ о завтрашнемъ днѣ,—словно его не будетъ у Европы. Не только милліоны человѣческихъ жизней, не только благосостояніе и богатства народовъ безжа-

---

[1]) См. записку объ усиленіи германской арміи, 12 марта 1913 г., во французской *„Желтой книгѣ“*, № 2, приложеніе.

лостно расточаются войною; легкомысленно расточаются ею великія культурныя цѣнности, накопленныя вѣками.

Пройдетъ война,—и, какъ ѣдкая пыль, примятая ливнемъ, улягутся страсти, разнузданныя ею. Настанетъ время созидательной работы. Появится армія зодчихъ. И снова колокольни и башни полуразрушенныхъ храмовъ устремятся къ небу, и въ разрывы и трещины ихъ стѣнъ ляжетъ новый камень. Въ затопленной Бельгіи снова воздвигнутся плотины, и успокоенное море войдетъ въ привычные свои берега. Протянутся новыя улицы въ сожженныхъ пожарами городахъ, и мирная жизнь потечетъ въ отстроенныхъ заново жилищахъ.

Тогда вспомнитъ человѣчество, утомленное ужасами войны, о невидимомъ храмѣ,—о храмѣ права, разрушенномъ войною. Онъ возстанетъ изъ праха; и снова его колокольни и башни устремятся къ далекому небу, и въ разрывы и трещины его стѣнъ ляжетъ новый камень. И надъ обновленнымъ человѣчествомъ съ высоты его колоколенъ раздастся благая вѣсть: на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе!...

Современная война и международное право.

Бар. С. А. Корфъ.

Среди правовыхъ явленій международному праву всегда принадлежало совершенно обособленное положеніе, главнымъ образомъ изъ-за недостатка санкціи. Какъ указываетъ само названіе, международное право есть право между народами, и какъ разъ въ этой области меньше всего возможно принужденіе; почти все основывается на взаимномъ соглашеніи, на договорахъ отдѣльныхъ участниковъ международнаго общенія; и только за самое послѣднее время стала обосновываться идея надъ-государственнаго права, слагающагося, такъ сказать, поверхъ договорныхъ отношеній народовъ.

Участниками международнаго общенія и субъектами международнаго права въ настоящее время принято признавать исключительно одни государства, и притомъ государства полноправныя, суверенныя [1]). Положеніе это объясняется той обстановкой, въ которой складывалось и укрѣплялось международное общеніе XIX вѣка; съ одной стороны, расцвѣтъ международнаго права прошлаго столѣтія совпадаетъ съ развитіемъ идеи государственнаго всемогущества, съ другой же, прочно устанавливается начало самостоятельности и независимости ввутренней жизни каждаго отдѣльнаго государства; принципы эти, конечно, взаимно зависимы: чѣмъ лучше

---

[1]) Даже единственно спорное исключеніе, положеніе римскаго папы въ международномъ общеніи, объясняется только его прежними правами главы государства, утерянными въ 1871 г.

обосновывалось начало самодовлѣнія государства и его власти, тѣмъ больше было основаній ограждать его отъ вмѣшательства другихъ государствъ.

Изъ первыхъ революцій государство вышло, хотя и обезличенное, но съ гораздо большей властью, гораздо болѣе могущественное, чѣмъ при старомъ режимѣ; между тѣмъ, при послѣднемъ, въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи, возможно было большее обособленіе отдѣльныхъ государственныхъ единицъ, чѣмъ позднѣе, когда въ теченіе XIX вѣка огромное развитіе общественной жизни, торговли, промышленности, средствъ и путей сообщенія, стало съ неудержимой силой сближать народы другъ съ другомъ. Такимъ образомъ создавалось одно изъ наиболѣе характерныхъ и интересныхъ противорѣчій минувшаго вѣка: жизнь сотнями способовъ и силъ сближала и взаимно связывала культурные народы земного шара, государственная же власть, въ теоріи и на практикѣ, стремилась обосновать свою независимость и обособленность. Международное право, по самому существу своему, оказалось какъ разъ въ центрѣ этого противорѣчія; оно ставило себѣ цѣлью обработку, систематизацію, изученіе международныхъ правовыхъ отношеній для дальнѣйшаго ихъ развитія и упроченія; идеаломъ своимъ оно имѣло созданіе такого международнаго правопорядка, который не зависѣлъ бы отъ воли отдѣльныхъ участниковъ общенія, который обезпечивалъ бы ростъ международныхъ отношеній въ области права, параллельно съ колоссальнымъ развитіемъ соціальныхъ и экономическихъ взаимоотношеній культурныхъ народовъ, и гарантировалъ бы этимъ новый международный правопорядокъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ нарушеній, и не только въ тихое, мирное время, но и въ бурное время—военное. А рядомъ съ этимъ, международное право преслѣдовало и гуманитарныя цѣли улучшенія международныхъ отношеній, устраненія, по возможности, насилія и другихъ грубыхъ формъ проявленія силы; такъ, не будучи въ состояніи устранить войну, какъ ultima ratio междугосударственныхъ конфликтовъ, международное право стремилось внести принципы гуманности въ способы и пріемы веденія войны, путемъ охраны раненыхъ и больныхъ, военноплѣнныхъ и некомбатантовъ, запрещеніемъ или препятствованіемъ

наиболѣе варварскихъ способовъ истребленія врага и т. д. И вотъ, всему этому развитію международнаго права постоянно и успѣшно препятствовала теорія и практика государственнаго всемогущества; международное право желало установить связанность государственной власти правомъ, государственное право стремилось именно эту связанность отрицать, а наиболѣе послѣдовательные государствовѣды отрицали само международное право, и понятно, почему—одно его существованіе разбивало стройность ихъ логическихъ, но безжизненныхъ системъ.

Наиболѣе ярко разработана точка зрѣнія государственнаго всемогущества, именно, въ Германіи, такъ называемой, юридической школой государствовѣдѣнія. Такая постановка вопроса была, при томъ, не случайностью, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего германскаго государственнаго міросозерцанія, принявшаго столь несимпатичныя формы въ своемъ развитіи послѣ 1870 года. Какъ извѣстно, германскіе государствовѣды превозносятъ государственную власть, обоготворяя ее и считая единственнымъ источникомъ всякаго права; благодаря послѣднему обстоятельству, имъ приходится безжалостно раздѣлываться какъ съ обычнымъ, такъ и съ международнымъ правомъ; оба они ставятся ими въ зависимость отъ государственной власти и признаются имѣющими силу, дѣйствующими лишь постольку, поскольку въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это допускается государствомъ. Для международнаго права получается, вслѣдствіе этого, безвыходное противорѣчіе, circulus vitiosus: оно имѣетъ своей главной цѣлью ограниченіе государственной власти, а послѣдняя не желаетъ съ нимъ считаться и признаетъ его лишь тамъ, гдѣ сама этого хочетъ или считаетъ нужнымъ!

Послѣдовательные германскіе юристы, въ родѣ Ф. Цорна, отрицаютъ вовсе силу международнаго права и считаютъ единственной его санкціей государственную власть; другіе, менѣе послѣдовательные изслѣдователи, дѣлаютъ нѣкоторыя уступки; къ этой категоріи ученыхъ принадлежитъ, напр., Еллинекъ съ его знаменитой теоріей самообязыванія государства; наиболѣе же удобной уловкой является теорія признанія силы международныхъ договоровъ и соглашеній ге-

bus sic stantibus [1]); государство дѣлается этой теоріей судьей измѣняющихся условій дѣйствія международныхъ соглашеній, благодаря чему оно можетъ отъ нихъ отказываться, если найдетъ, что наступили обстоятельства, нарушающія принципъ „rebus sic stantibus“; съ практической точки зрѣнія и эти компромиссныя ученія сводятся, въ равной мѣрѣ, къ признанію „свободы государственной власти отъ международныхъ обязательствъ“. Германская точка зрѣнія, такимъ образомъ, не давала возможности обосновать международное право, какъ право надъ-государственное, чего такъ настоятельно стало требовать современное развитіе международнаго общенія.

Правительствамъ, политикамъ и дипломатамъ подобное положеніе вещей могло казаться очень выгоднымъ, развязывая имъ руки и обезпечивая желанную свободу дѣйствій: они могли входить въ соглашенія съ другими правительствами, обязывать себя, обѣщать извѣстные акты или политику, совершенно спокойно сознавая, что, при наступленіи новыхъ обстоятельствъ (а вѣдь жизнь всегда создаетъ огромное количество таковыхъ), если сіе имъ покажется выгоднымъ, они откажутся отъ своихъ обязательствъ, съ простой ссылкой на заключеніе договора или соглашенія лишь rebus sic stantibus.

И здѣсь мы подходимъ къ основному, наиболѣе вопіющему нарушенію международнаго права, учиненному Германіей по поводу современной войны. Бетманъ-Гольвегъ, канцлеръ и глава германскаго правительства, въ офиціальномъ разговорѣ съ англійскимъ посломъ, объявилъ международный договоръ, подписанный Германіей, *„клочкомъ бумаги“* (a scrap of paper) и чистосердечно удивлялся, какъ Англія могла „изъ-за такого пустяка“ даже думать о войнѣ. Для тѣхъ, кто знаетъ вышеизложенныя германскія теоріи, отрицающія силу международнаго права, и поколѣніями воспитанную среди нѣмцевъ идею государственнаго всемогущества, взглядъ германскаго канцлера на международныя обязанности Германіи нисколько не удивителенъ; мы даже скажемъ: наобо-

---

[1]) Наиболѣе подробно ученіе о силѣ договоровъ rebus sic stantibus развито въ брошюрѣ проф. Кауфмана.

ротъ, таковой представляетъ собой естественное и неизбѣжное послѣдствіе принципа самодовленія государства и безграничность его власти; вѣдь право, согласно этимъ ученіямъ, есть продуктъ его воли и существуетъ не внѣ, а лишь внутри него, и, кромѣ того, нѣтъ силы (правовой, конечно), которая стояла-бы надъ государствомъ; а слѣдовательно, разъ данный договоръ не отвѣчалъ болѣе интересамъ государства, послѣднее могло отъ него отказаться и считать его не обязательствомъ, а клочкомъ бумаги.

Но, съ другой стороны, подобная постановка вопроса сводится къ полному отрицанію правового характера международнаго общенія: въ послѣднемъ должна довлѣть одна только физическая сила. Можно легко себѣ представить аналогичный случай въ гражданскомъ оборотѣ, когда, напр., частное лицо могло бы отказываться отъ своихъ правовыхъ обязанностей по собственному усмотрѣнію; съ подобнымъ лицомъ никто не могъ-бы заключать договоровъ, а если такихъ индивидовъ было-бы много, то среди нихъ невозможно было-бы правовое общеніе; такъ и среди народовъ. Кто можетъ нынѣ вѣрить международнымъ обязательствамъ Германіи, если при удобномъ случаѣ она въ состояніи отъ нихъ отказываться? Какъ возможно заключить договоръ (мирный или иной) съ правительствомъ, представители коего могутъ считать таковой клочкомъ бумаги! Невольно напрашивается сравненіе съ извѣстнымъ отношеніемъ римлянъ къ пуническимъ обязательствамъ; какъ римляне съ презрѣніемъ упоминали о fides punica, подразумѣвая perfidia maxima punica, такъ и современный міръ можетъ съ полнымъ правомъ говорить о fides germanica или perfidia maxima germanica въ области международныхъ отношеній и договоровъ.

Весь ужасъ, все значеніе этой точки зрѣнія Германіи не выступали наружу до войны, хотя уже предсказывались многими, наиболѣе чуткими изслѣдователями государственнаго и международнаго права. Въ 1870 г. ея еще не существовало, государственная власть, даже въ Германіи, не признавалась всемогущей въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, права международнаго. Послѣдующія войны создавали констелляціи, при которыхъ воюющія державы оказывались въ меньшинствѣ, благодаря чему прочее большинство имѣло воз-

можность принужденія ихъ силой соблюдать нормы международнаго права, и эта-же сила могла гарантировать заключеніе и дѣйствіе международныхъ договоровъ и соглашеній.

За послѣднія десятилѣтія, однако, въ наукѣ международнаго права, и въ особенности среди пацифистовъ, все чаще начали указывать на недостаточность подобнаго положенія вещей, гдѣ нормы международнаго права гарантировались санкціей силы, коалиціей большинства державъ противъ нарушителей меньшинства; все больше стало раздаваться голосовъ за установленіе другихъ, правовыхъ, гарантій международнаго общенія; жизнь все тѣснѣе сближала народы и государства и, слѣдовательно, все настоятельнѣе требовала превращенія силы въ право и обезпеченія послѣднему надъгосударственнаго значенія. И нѣкоторое время могло казаться, что многое уже достигнуто въ этомъ отношеніи, что дѣйствительно уже создана цѣлая система международнаго надъ-государственнаго права [1]), обязывающаго и ограничивающаго государственное всемогущество. Но именно этимъ результатамъ, этимъ идеаламъ былъ нанесенъ Германіей жесточайшій ударъ вышеуказанной теоріей „клочка бумаги“. Цивилизованный міръ недаромъ содрогнулся, когда услышалъ эти историческія слова Бетманъ-Гольвега, содрогнулся потому, что ими была затронута наиболѣе жизненная и существенная струна международнаго общенія, которая одна въ состояніи обезпечить таковому правовой характеръ и избавить его отъ давленія грубой физической силы.

Всѣ остальныя многочисленныя нарушенія Германіей нормъ и принциповъ международнаго права въ теченіе современной міровой войны являются лишь слѣдствіями, и притомъ, скажемъ откровенно, неизбѣжными, указанной выше основной точки зрѣнія, презрѣнія къ международнымъ обязанностямъ и ею-же самой заключеннымъ договорамъ.

Not kennt kein Gebot, цинично говорятъ нѣмцы, а потому считаютъ себя совершенно свободными въ опредѣленіи того,

[1]) Наиболѣе яркую сводку достигнутаго въ этомъ отношеніи гаагскими мирными конференціями представляетъ трудъ проф. Шюкинга, Der Staatenverband der Haager Konferenzen, 1912.

какія международныя обязательства имъ выгодны и могутъ сохранять свою силу, и съ какими можно не считаться. Изъ этого-же вытекаетъ политика нѣмецкихъ военныхъ властей, считающихъ все себѣ позволеннымъ, къ разсмотрѣнію слѣдствій которой намъ придется вернуться немного ниже.

Обратимся къ фактамъ нарушенія Германіей международнаго права.

Наиболѣе вопіющимъ, конечно, является нарушеніе нейтралитета бѣдной, ни въ чемъ неповинной Бельгіи. Впервые нейтралитетъ Бельгіи былъ установленъ договоромъ 15 ноября 1831 г., но въ то время еще не былъ оконченъ ея политическій споръ съ Голландіей, вслѣдствіе чего договорившіяся державы вновь подтвердили, на этотъ разъ въ окончательной формѣ, договоръ о нейтралитетѣ Бельгіи гарантіей 19 апрѣля 1839 г., подписанный Англіей, Австріей, Франціей, Россіей и *Пруссіей.* Согласно ст. VII, Бельгія отнынѣ представляла собой „самостоятельное и постоянное-нейтральное государство“, обязанное соблюдать нейтралитетъ по отношенію всѣхъ прочихъ государствъ; международное-же право войны, съ одной стороны, запрещаетъ нейтральнымъ предоставленіе своей территоріи воюющимъ державамъ, а, съ другой, запрещаетъ воюющимъ пользоваться нейтральными государствами для провода войскъ и обозовъ и провоза аммуниціи и провіанта [1]); другими словами, международное право безусловно запрещаетъ пользованіе для военныхъ цѣлей территоріей нейтральнаго государства. Вопросъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ зашелъ еще въ 1870 г., во время франко-прусской войны; дальновидный Бисмаркъ, осторожно зондировавъ почву и не желая возбуждать Англію противъ Пруссіи, заключилъ съ ней соглашеніе (авг. 1870 г.), параллельно съ аналогичнымъ соглашеніемъ, тогда-же подписаннымъ Англіей и Франціей, которыми признавался нейтралитетъ Бельгіи и предусматривалось вооруженное выступленіе Англіи противъ нарушителя; когда, послѣ Седана, Пруссія хотѣла эвакуировать своихъ раненыхъ черезъ бельгійскую территорію, Франція запроте-

[1]) Въ совершенно ясныхъ и недвусмысленныхъ выраженіяхъ эти принципы подтверждены статьями 2, 3 и 5 гаагской конвенціи 1907 г. (№ 5), касающейся правъ и обязанностей нейтральныхъ державъ во время сухопутной войны.

стовала, и Бельгія отказала въ этомъ,—Бисмаркъ-же предусмотрительно подчинился; въ ту войну бельгійскій нейтралитетъ, такимъ образомъ, нарушенъ не былъ, и прусское правительство, въ лицѣ канцлера Бисмарка, считало себя обязаннымъ договорами 1831 и 1839 г.г. При образованіи Германской имперіи, было установлено закономъ, что таковая принимаетъ на себя международныя обязательства, возложенныя прежними договорами и соглашеніями на тѣ государства, кои вошли въ составъ имперіи; такимъ образомъ, оказался воспринятымъ названный договоръ 1839 г., подписанный Пруссіей.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли, многое измѣнилось въ міросозерцаніи германскихъ политиковъ, и въ августѣ 1914 г. Германія не задумалась надъ нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета. Правда, ею были сдѣланы попытки склонить какъ саму Бельгію, такъ и Англію на признаніе возможности, par force majeure, подобнаго нарушенія; такъ, было заявлено бельгійскому правительству, что Германіей будутъ возмѣщены всѣ возможные убытки, причиненные проходомъ нѣмецкихъ войскъ, а англійскому правительству было указано на военную необходимость такого прохода, причемъ, когда англійскій посолъ передалъ Бетману отказъ Англіи отъ нарушенія договора 1839 г., имъ и была произнесена, искренно и съ великимъ изумленіемъ, ставшая отнынѣ исторической, фраза о клочкѣ бумаги. Параллельно съ этими дипломатическими попытками и, очевидно, не ожидая отъ нихъ многаго, германскій генеральный штабъ дѣятельно готовился къ давно задуманному и въ деталяхъ разработанному походу на Францію *черезъ Бельгію*; по мнѣнію штаба, это была крайняя необходимость; Францію надо было разбить однимъ скорымъ ударомъ для того, чтобы потомъ обратить всѣ силы противъ ея восточнаго союзника, Россіи, а для этого нельзя было воспользоваться какой либо другой мѣстностью; границы Франціи были хорошо укрѣплены цѣлымъ рядомъ первоклассныхъ крѣпостей, которыя потребовали бы многихъ недѣль осады; одна бельгійская равнина была незащищена и представляла собой удобное поле нашествія. Только позднѣе, когда оказались опубликованными дипломатическіе переговоры, и ярко проявилось возмущеніе всего цивилизованнаго міра

этимъ фактомъ нарушенія нейтралитета Бельгіи, германское правительство стало подыскивать иныя оправданія своего преступленія. Главнымъ аргументомъ была тогда выставлена опасность для Германіи французскаго нападенія „черезъ Бельгію“, т. е. подразумѣвалось, что Франція сдѣлала-бы то же (нарушила-бы нейтралитетъ Бельгіи), если германскія войска не успѣли бы предупредить этого; но и это соображеніе, уже не говоря о его безнравственности и ложности, оказалось опровергнутымъ простымъ фактомъ отсутствія французскихъ армій; тогда нѣмцы обрушились на самое Бельгію, придумывая разныя небылицы о ея союзѣ и соглашеніи съ Англіей и Франціей, согласно которымъ ее заставили бы напасть на Германію, если бы послѣдняя этого не предупредила; это утвержденіе было офиціально опровергнуто какъ самой Бельгіей, такъ и ея теперешними союзниками; никакого предварительнаго договора или соглашенія не существовало, *кромѣ договора 1839 г.*; но таковой былъ совершенно достаточнымъ основаніемъ для Англіи для защиты бѣдной Бельгіи; такъ положеніе вещей и было воспринято англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ: нарушеніе нейтралитета вызвало взрывъ негодованія и сразу-же обусловило участіе Англіи въ войнѣ. Здѣсь слѣдуетъ, кромѣ того, отмѣтить безнравственность нѣмецкой постановки вопроса, сводящейся къ слѣдующему: мы совершили преступленіе потому, что иначе таковое было бы совершено Франціей или Бельгіей; какъ будто совершеніе преступленія противникомъ можетъ служить какимъ либо оправданіемъ. Но въ данномъ случаѣ фактически даже и этого не было: Франція наканунѣ войны обѣщала не нарушать бельгійскаго нейтралитета (на офиціальный запросъ Англіи), а сама Бельгія, конечно, была далека отъ мысли какого либо нападенія на Германію, что было бы простымъ безуміемъ. Съ точки зрѣнія международнаго права, ни одно изъ приводимыхъ Германіей оправданій не выдерживаетъ ни малѣйшей критики; ни одна изъ указанныхъ причинъ не давала ей права нарушить нейтралитетъ, ею-же самой гарантированный.

Съ правовой точки зрѣнія, столь-же возмутительнымъ былъ фактъ нарушенія другого нейтралитета, герцогства Люксембургскаго, хотя практическое его значеніе было гораздо меньше

и не вызвало собой тѣхъ ужасовъ опустошенія, кои были произведены нѣмцами въ Бельгіи. Нейтралитетъ Люксембурга гарантированъ договоромъ 1867 г., послѣ переговоровъ Наполеона III съ Бисмаркомъ, съ тою только разницей, что герцогство должно было обезоружиться; укрѣпленія старинной крѣпости были срыты, а прежній прусскій гарнизонъ выведенъ; договоръ былъ подписанъ тѣми-же пятью державами, и въ 1870 г., во время войны, Пруссія старательно избѣгала нарушеній этого нейтралитета. Наоборотъ, въ современную войну нѣмцы, первымъ дѣломъ, заняли городъ, а позднѣе и все герцогство, какъ будто никакого нейтралитета Люксембурга никогда не существовало, и даже не оправдывая этотъ свой поступокъ. Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, германское правительство обѣщало возмѣстить причиненные Люксембургу и его жителямъ убытки; здѣсь не было даже видимости оправданія, а циничное заявленіе о военной необходимости прохода германскихъ войскъ.

Между тѣмъ, въ наукѣ международнаго права институтъ постоянно-нейтральныхъ государствъ всегда оправдывался, какъ защита маленькихъ и слабыхъ государствъ отъ посягательствъ большихъ и могущественныхъ державъ [1]); въ этомъ заключалась главная цѣль объявленія и гарантированія „вѣчнаго“ нейтралитета; маленькія государства не могли и думать мѣряться силами съ великими державами, вооружавшимися съ ногъ до головы; защитой ихъ самостоятельнаго бытія только и могли быть правовыя гарантіи, обязывающія и ограничивающія государства большія. Особенно ярко эти мотивы проявлялись въ той пропагандѣ, которая давно уже преслѣдовала цѣль объявленія нейтральными скандинавскія государства и Голландію. Но институтъ постоянно-нейтральныхъ государствъ можетъ существовать только благодаря международному праву, благодаря правовому ограниченію государственнаго всемогущества великихъ державъ. Какъ только сила таковыхъ отрицается, что, какъ мы видѣли, дѣлаетъ германское правовоззрѣніе,—неизбѣжнымъ слѣдствіемъ должны являться факты, подобные нарушеніямъ бельгійскаго и люксембургскаго нейтралитетовъ;

и нельзя сомнѣваться, что, будь то выгоднымъ съ военной точки зрѣнія, Германія не постѣснялась бы нарушить и швейцарскій нейтралитетъ, хотя и встрѣтила бы тамъ, на подобіе Бельгіи, вооруженное сопротивленіе.

Уже съ древнихъ временъ сношенія между государствами и народами происходятъ черезъ посредство особыхъ органовъ, представителей государства за-границей, пословъ и дипломатическихъ агентовъ, и также уже со временъ глубокой древности за такими агентами признается нѣкоторое привилегированное положеніе неприкосновенности; особа ихъ священна и охраняется даже въ тѣхъ случаяхъ, когда между государствами происходитъ разрывъ сношеній передъ началомъ военныхъ дѣйствій. Такъ, Листъ, напр., пишетъ: „международноправовое положеніе посла прекращается... разрывомъ сношеній со стороны государства, при которомъ посолъ аккредитованъ, либо съ самимъ аккредитующимъ государствомъ, либо только съ посломъ; но въ обоихъ случаяхъ посолъ, при возвращеніи своемъ на родину, если только онъ не замедляетъ его сверхъ мѣры, находится до границы государства, при которомъ онъ аккредитованъ, подъ защитой международнаго права“ (стр. 151—152 русск. перевода, подъ ред. проф. Грабаря, изд. 1912 г.); само собой понятно, что тѣ же нормы распространяются на членовъ семьи посла и прочихъ чиновъ его посольства (секретарей, совѣтниковъ, атташе); государство само не можетъ нарушать этой неприкосновенности и обязано ограждать пословъ и посольства отъ нападеній и оскорбленій со стороны постороннихъ.

Давно уже эти принципы считались въ международномъ правѣ аксіомой, и, какъ возмутительные примѣры ихъ нарушеній, приводились турецкія и средневѣковыя насилія (напр., сажаніе пословъ въ знаменитый семибашенный замокъ въ Константинополѣ). Къ несчастью приходится отмѣтить, что и указанные принципы германское правительство нарушило, допустивъ насилія надъ отъѣзжавшимъ изъ Берлина русскимъ посольствомъ, причемъ нападенію подверглись не только чины посольства, но и сопровождавшія ихъ дамы;

полиція Берлина, какъ будто сознательно, не предпринимала необходимыхъ мѣръ предосторожности противъ разнузданной толпы.

Количественно наибольшее число нарушеній нормъ международнаго права, однако, выпадаетъ на долю права войны, какъ сухопутной, такъ и морской.

Въ области международно-правовыхъ отношеній, право войны съ точки зрѣнія теорій, отрицающихъ силу международнаго права, всегда представлялось наиболѣе спорнымъ, наименѣе обезпеченнымъ отъ посягательствъ грубой силы. Положеніе это вполнѣ понятно: война есть, вообще, разнузданная физическая сила, превращающая человѣка въ звѣря, освобождая его отъ стѣснительныхъ и ограничительныхъ велѣній права и нравственности; именно въ этой области чаще всего безраздѣльно царитъ принципъ главенства силы надъ правомъ. Поэтому, противниковъ международнаго права войны существуетъ еще гораздо больше, чѣмъ принципіальныхъ противниковъ международнаго права; какъ часто приходится слышать съ разнообразныхъ сторонъ (не только военныхъ), что, чѣмъ хуже война, чѣмъ она ужаснѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ она будетъ короче, и тѣмъ вѣрнѣе можно побѣдить, сломить, уничтожить врага; было время, когда жестокостью войны даже гордились, и были люди, признававшіе, что побѣжденнымъ слѣдуетъ сохранять лишь глаза, чтобы они могли плакать надъ своимъ пораженіемъ и горемъ.

Но со второй половины XIX в. можно было льстить себя надеждой, что подобная точка зрѣнія принадлежитъ варварскому прошлому, что наша культура и цивилизація противны ей, что, хотя и нельзя было еще отрицать войну, но можно было ее ограничить вооруженнымъ столкновеніемъ вражескихъ силъ, не распространяя таковое на мирныхъ гражданъ. Въ этомъ, казалось, состояла одна изъ великихъ заслугъ международнаго права, поставившаго себѣ цѣлью гуманизацію войны. Послѣ долгихъ трудовъ удалось кодифицировать обычаи сухопутной войны и создать, такимъ образомъ, цѣлую систему нормъ, вносившихъ гораздо болѣе гуманные принципы въ способы веденія войны, въ огражденіе больныхъ и раненыхъ, военноплѣнныхъ и мирныхъ жителей,

такъ называемыхъ, некомботантовъ и нейтральныхъ, въ охрану больницъ, церквей, произведеній искусства и т. д., и т. д. Только въ способахъ веденія морской войны еще сохранялись въ бо́льшей мѣрѣ прежніе принципы уничтоженія врага; но и въ этой области, послѣ гаагскихъ мирныхъ конференцій и работъ института международнаго права, можно было ожидать постепеннаго водворенія бо́льшей гуманности; могло казаться, что близокъ день, когда будетъ кодифицировано и закрѣплено международными соглашеніями и право морской войны.

Понятно, что всѣ указанныя нормы международнаго права, гуманизировавшія войну, предназначены были ограничивать всемогущество государственной власти; послѣдняя не была болѣе въ состояніи пользоваться любымъ средствомъ или способомъ уничтоженія вражескихъ силъ; въ этомъ заключается вся суть *права* войны, какъ части права международнаго. Отрицаніе силы послѣдняго означаетъ, конечно, отрицаніе силы и даже возможности перваго. Въ современной войнѣ эта отрицательная точка зрѣнія нѣмцевъ на право войны сказалась съ особенной яркостью. Еще недавно можно было услышать заявленіе гр. Ревентлова, что „мы (т. е. нѣмцы) достаточно сильны, чтобы не считаться съ какимъ-либо правомъ войны, чтобы не нуждаться въ какихъ-либо принципахъ гуманности; мы можемъ быть жестокими“. Эта психологія красной нитью проходитъ черезъ все отношеніе Германіи къ современной войнѣ и къ институтамъ международнаго права, вообще, и права войны, въ частности. Но развѣ это не психологія средневѣковаго разбойника-рыцаря, грабившаго проѣзжихъ на большой дорогѣ, потому что государственная власть не была достаточно сильна, чтобы его остановить и наказать? За нимъ была сила, а о правѣ онъ мало заботился.

Но при такомъ отношеніи къ праву войны, спрашивается, возможно ли вообще международное общеніе? Не сводится ли это къ полному отрицанію какого бы то ни было, договорнаго или иного, ограниченія государственной власти? Принципъ довлѣнія силы (Not kennt kein Gebot), вѣдь, не знаетъ границъ и можетъ примѣняться къ любому факту, ко всякой области государственныхъ отношеній. Нѣтъ сомнѣнія,

однако, что этимъ же отрицаются всѣ основныя начала современной культуры и цивилизаціи, прогрессъ и развитіе коихъ возможны только при господствѣ права, а не силы, т. е., при признаніи ограниченности государственной власти правомъ.

На первой мирной конференціи 1899 г. была выработана конвенція „о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны" (№ 2), получившая дальнѣйшее развитіе въ конвенціи второй гаагской конференціи 1907 г. (№ 4). Къ нимъ приложенъ регламентъ о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, первый отдѣлъ коего говоритъ о „воюющихъ" (беллигерантахъ), опредѣляя понятіе воюющей стороны, права военноплѣнныхъ, больныхъ и раненыхъ; второй отдѣлъ посвященъ „военнымъ дѣйствіямъ": средствамъ нанесенія вреда, лазутчикамъ, парламентерамъ, капитуляціямъ и перемиріямъ; третій отдѣлъ говоритъ о правахъ военныхъ властей на территоріи непріятельскаго государства; прежній четвертый отдѣлъ содержалъ постановленія касательно воюющихъ и раненыхъ, водворенныхъ въ нейтральныхъ государствахъ; этотъ послѣдній отдѣлъ былъ въ 1907 г. выдѣленъ и включенъ во 2-ую главу 5-ой конвенціи. Почти всѣ германскіе международники неизмѣнно присовокупляютъ, разсуждая объ этихъ конвенціяхъ, что устанавливаемыя ими нормы могутъ нарушаться государствами вслѣдствіе крайней необходимости, necessité de guerre, Kriegsraison; подобное соображеніе въ корнѣ подрываетъ значеніе права войны вообще. И, надо сказать, германцы этимъ сугубо пользовались въ настоящую войну: ими нарушено подавляющее большинство нормъ, установленныхъ и подписанныхъ ихъ же правительствомъ на мирныхъ конференціяхъ 1899 и 1907 г.г.

Дѣйствительно, во главѣ нормъ этихъ конвенцій поставленъ принципъ, согласно которому военныя дѣйствія (такъ наз., активное право войны) предпринимаются только „войскомъ" и противъ „войска", вооруженныхъ силъ противника; мирное населеніе должно быть оставлено въ покоѣ. Сомнѣніе вызывали только иррегулярныя войска и вольные стрѣлки (franc tireurs), нападавшіе на войско противника; такіе случаи имѣли мѣсто во время франко-прусской войны и правильно разсматривались какъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ про-

тивника. Такіе случаи встрѣчались и въ современной войнѣ, напр., въ восточной Пруссіи. Совершенно иную картину представляетъ, однако, германское нашествіе въ Бельгію; здѣсь подвергалось насилію, грабежу и разбою все мирное населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей, причемъ извѣстные города, какъ Лувенъ и Эршотъ, были прямо разграблены наступавшими нѣмцами, вдобавокъ поджигавшими дома для сокрытія слѣдовъ своихъ преступленій (иногда дома обливались керосиномъ, иногда же употреблялись особые запалы или просто динамитъ). Это—уже ничѣмъ не оправдываемое, преступное нарушеніе международнаго военнаго права. Германцы ссылались при этомъ на фактъ стрѣльбы бельгійцевъ изъ-за угла или изъ сожженныхъ домовъ, но, если такіе случаи дѣйствительно имѣли мѣсто, что вполнѣ возможно, то, во всякомъ случаѣ, репрессіи могли подвергаться лишь сами стрѣлки, а не женщины и ни въ чемъ неповинныя дѣти; а кромѣ того, неприкосновеннымъ должно было оставаться имущество, дома, мебель, обстановка и т. п. Особенно отвратительны нападенія на беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, надъ коими иногда производились самыя невѣроятныя насилія. Съ этой же точки зрѣнія, возмутительно принужденіе нѣмцами мирнаго населенія къ участію въ военныхъ работахъ, подготовленіи траншей и т. п., повторявшееся и въ Бельгіи, и въ Польшѣ. Въ свое оправданіе нѣмцы ссылаются не только на крайнюю необходимость, но и на озвѣрѣніе своихъ солдатъ подъ вліяніемъ измѣннических дѣйствій мѣстнаго населенія занимаемыхъ ими областей. Однако, и это оправданіе совершенно непріемлемо; не говоря уже о свидѣтельствуемомъ имъ недостаткѣ дисциплины (которой нѣмцы такъ гордятся), въ указанныхъ дѣяніяхъ мы имѣемъ проявленіе гораздо болѣе ужасныхъ началъ: съ одной стороны, звѣрскаго желанія мести, уничтоженія бельгійскаго населенія, безъ различія пола и возраста, за то, что народъ оказалъ сопротивленіе Германіи, дерзнулъ вступить въ вооруженную борьбу, которая, кстати сказать, испортила основной планъ стремительнаго разгрома Франціи нѣмцами; съ другой стороны, мы имѣли еще худшее явленіе: въ отношеніяхъ нѣмцевъ къ бельгійцамъ, несомнѣнно, сказалась еще и сознательная жестокость, политика терроризаціи, задуманная и осуществлен-

ная планомѣрно изъ центра, изъ Берлина (а не озвѣрѣвшими индивидуумами на мѣстахъ), съ цѣлью устрашенія какъ самой Бельгіи, такъ и ея сосѣдки, Голландіи, и другихъ мелкихъ нейтральныхъ государствъ; въ нѣкоторомъ отношеніи слѣдуетъ сказать, что эта ужасная политика принесла желанные плоды и удалась германцамъ, удержавъ, напр., голландцевъ не только отъ какихъ либо враждебныхъ Германіи дѣйствій, но и отъ оказанія помощи союзникамъ.

Такъ же они дѣйствовали противъ русскихъ войскъ: въ восточной Пруссіи нѣмецкое населеніе не разъ предательски нападало на русскія войска, въ нарушеніе яснаго запрета конвенціи 1907 г. касательно сухопутной войны; параллельно германскія и австрійскія войска (напр., въ Калишѣ) терроризировали мирное населеніе россійской имперіи и даже не разъ позволяли себѣ брать заложниковъ, что также категорически запрещается международнымъ правомъ (фактъ захвата заложниковъ засвидѣтельствованъ донесеніемъ штаба нашего VII-го корпуса).

Другимъ аналогичнымъ принципомъ является охрана международными договорами историческихъ памятниковъ, произведеній искусства и храмовъ божьихъ; нѣмцы и въ этомъ отношеніи ни мало не стѣснялись, бомбардируя и разрушая все, что мѣшало осуществленію ихъ военныхъ плановъ, иногда даже по совершенно непонятнымъ мотивамъ; такъ, бомбардированъ былъ рѣдкой исторической цѣнности Реймскій соборъ, и уничтожена была удивительная по своему богатству Лувенская библіотека; русскія же военныя донесенія сообщали объ ужасныхъ святотатствахъ (въ Граевѣ, Красно, Замостьѣ и Кѣльцахъ), когда нѣмецкія войска оскверняли православныя и католическія церкви самымъ отвратительнымъ образомъ.

Далѣе, ст. 49—52 регламента 4-ой конвенціи 1907 г. запрещаетъ обложеніе мѣстнаго населенія, въ видѣ наказанія, денежными контрибуціями, допуская послѣднія лишь реквизиціями на содержаніе армій; между тѣмъ, германскія военныя власти уже не разъ облагали бельгійскіе города и цѣлыя провинціи (напр., Брабантъ) огромными контрибуціями, которыми имѣлось въ виду, конечно, не содержаніе нѣмецкихъ армій, а наказаніе и устрашеніе бельгійцевъ. Эти акты,

между прочимъ, вызвали энергичные протесты американцевъ (напр., Рузвельта и б. статсъ-секретаря иностр. дѣлъ, Бэкона), указывавшихъ на вопіющее нарушеніе ими международнаго права войны; идеаломъ послѣдняго, вѣдь, является огражденіе мирнаго населенія занимаемыхъ непріятелемъ территорій отъ необходимости участія тѣмъ или другимъ способомъ въ дѣйствіяхъ враждующей стороны. Еще болѣе возмутительнымъ, съ этой точки зрѣнія, представляется проникшее въ печать извѣстіе, если это только правда, о призывѣ молодыхъ бельгійцевъ на германскую военную службу, т. е., въ ряды той самой арміи, которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разрушала ихъ дома, убивала ихъ родителей, братьевъ и сестеръ и, вообще, опустошала ихъ родину; жестокость подобной мѣры неописуема и къ тому-же ярко противорѣчитъ категорическому запрету именно подобныхъ дѣйствій статьей 4-ой пятой конвенціи 1907 г.

Международное право уже давно стремилось запретить метаніе бомбъ изъ воздуха[1]; къ несчастью, разногласіе державъ на второй гаагской конференціи уничтожило прежнюю категоричность даннаго запрета, вслѣдствіе чего метаніе снарядовъ воздушными судами оказывается нынѣ допустимымъ, но при непремѣнномъ соблюденіи одного важнаго условія: такое метаніе должно имѣть цѣлью вооруженныя силы противника и его укрѣпленныя мѣста, а не мирныхъ жителей и частныя жилища. Вотъ противъ соблюденія этого обязательнаго условія, германскіе авіаторы и грѣшили сотни разъ; пока авіаторы воюющихъ сторонъ бросали снаряды въ войска и крѣпости противника, международныя нормы не были нарушаемы (какъ сіе ни жалко, такъ какъ уже не разъ указывалось на варварство подобнаго способа уничтоженія противника); но нѣмцы этимъ не довольствовались, а бросали свои бомбы въ города (напр., Варшаву, Парижъ, многіе англійскіе города), убивая и калѣча мирныхъ жителей, женщинъ, дѣтей, разрушая частные дома, убивая животныхъ; подобныя дѣйствія, являясь военнымъ хулиганствомъ, не имѣли къ тому-же какой-либо цѣли, они не терроризовали

[1]) Запретъ былъ дѣйствителенъ согласно конвенціямъ петербургской, 1868 г., и гаагской, 1899 г.

населенія и не наносили какого бы то ни было вреда вооруженнымъ силамъ противника. Въ свое оправданіе нѣмцы ссылались на то, что Парижъ и Варшава являются укрѣпленными городами, имѣя на своихъ территоріяхъ форты, а потому,—допустимо и ихъ бомбардированіе артиллеріей или авіаторами; вѣдь артиллерія, говорятъ они, при осадѣ подобнаго города, не считалась бы съ вредомъ, наносимымъ мирнымъ жителямъ; такъ было, напр., при осадѣ Парижа въ 1870 г. или при современной осадѣ Антверпена. Для дѣйствій артиллеріи эту оговорку приходится признать правильной. Совершенно иначе, однако, обстоитъ дѣло съ авіатикой; форты Парижа или Варшавы находятся за городомъ; въ нихъ, конечно, авіаторъ имѣетъ право бросать свои снаряды, но при чемъ тутъ лежащій посреди укрѣпленій мирный городъ? Можно было бы еще принять оговорку нѣмцевъ, если бы бросаемыя ими бомбы были предназначены для проходящихъ черезъ городъ войскъ или т. п., но и этого не было; нѣмцы говорятъ, что они стремились разрушать не частныя, а публичныя зданія, напр., вокзалы и казначейство въ Варшавѣ, но неизмѣнно наносили вредъ не этимъ зданіямъ, а частнымъ гражданамъ, а въ Парижѣ нападали на соборъ Божьей матери, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ средневѣковой архитектуры. Еще хуже, въ смыслѣ нравственнаго оправданія, представляется воздушная бомбардировка цеппелинами англійскихъ городовъ (январь 1915) и угроза подобной бомбардировкой Лондона, являющіяся преступнымъ убіеніемъ мирныхъ жителей, ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ и дѣтей: въ этомъ отношеніи нѣмцы, повидимому сознательно, хотятъ возвратиться къ средневѣковымъ временамъ и способамъ истребленія противника.

Однимъ изъ самыхъ гуманныхъ принциповъ международнаго права является охрана больныхъ и раненыхъ, обезпеченная, такъ наз., женевской конвенціей (1864 г., пересмотрѣнной въ 1906 г.); идею этой охраны олицетворяетъ эмблема Краснаго Креста, также признанная и гарантированная названнымъ международнымъ соглашеніемъ; Красный Крестъ и учрежденія, работающія подъ его флагомъ, принесли несказанную пользу въ дѣлѣ гуманизаціи войны, спасенія раненыхъ на поляхъ битвъ и въ лазаретахъ армій, охраны боль-

ныхъ и т. д.; дѣятельность ихъ слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы приходилось останавливаться особо на ея описаніи; основной идеей здѣсь является святость эмблемы, которая должна употребляться только для одной данной цѣли, но зато и охраняется отъ всякихъ посягательствъ военныхъ властей противника. Между тѣмъ, какъ разъ противъ этой основной идеи германскія войска уже не разъ грѣшили, пользуясь эмблемой Краснаго Креста для вѣроломныхъ нападеній на войска противника: наши войска, напр., какъ и войска западныхъ союзниковъ, вводились въ заблужденіе появлявшимися фургонами и автомобилями Краснаго Креста, останавливая огонь или нападеніе, а затѣмъ оказывалось, что въ такихъ фургонахъ были не раненые, а пулеметы, безжалостно разстрѣливавшіе противника. По донесеніямъ д-ровъ Звегинцева, Никитина и др., германцы разстрѣливали не разъ отряды Краснаго Креста и русскіе пароходы Краснаго Креста („Панъ Тадеушъ" и „Комета" на Вислѣ), наполненные ранеными.

Аналогичнымъ нарушеніемъ международнаго права является обманное пользованіе нѣмцами бѣлымъ флагомъ парламентеровъ, засвидѣтельствованное многими донесеніями штабовъ русскихъ корпусовъ; названная выше конвенція старательно ограждаетъ парламентеровъ отъ военныхъ нападеній, при чемъ бѣлый флагъ предназначенъ служить офиціальной ихъ эмблемой. Германцы пользовались и этой эмблемой для военной хитрости и обмана противника. Впослѣдствіи они, очевидно, будутъ оправдываться опять таки крайней необходимостью, Kriegsraison, не стѣсняясь тѣмъ, что такими актами подрывается всякое значеніе международныхъ соглашеній касательно права войны.

Необходимо также отмѣтить далеко не единичные факты прикалыванія русскихъ раненыхъ, оставшихся на полѣ битвы, и надругательства надъ трупами убитыхъ; особенно часто эти случаи имѣли мѣсто при первомъ русскомъ занятіи восточной Пруссіи.

Международное право уже давно запрещаетъ употребленіе, такъ наз., пуль „думъ-думъ" и удушливыхъ газовъ (конвенціи 1868, 1899 и 1907 г.г.); въ январѣ печать обошло извѣстіе объ употребленіи германцами какихъ то особо ядови-

тыхъ газовъ въ своихъ артиллерійскихъ снарядахъ, а съ южнаго фронта пришло извѣстіе объ отобраніи у австрійцевъ огромной партіи разрывныхъ пуль (въ Лазенкахъ, около Немирова и въ Перемышлѣ), упакованныхъ въ ящикахъ, обозначенныхъ особой цвѣтной лентой; есть основаніе предполагать, что съ 1911 г. въ Австріи систематически изготовлялись особые патроны съ разрывной пулей, причиняющей самое ужасное пораненіе. Здѣсь еще разъ сказалось презрѣніе къ запретамъ международныхъ договоровъ.

Право морской войны не нашло себѣ еще такого-же осуществленія путемъ кодификаціи, какъ право войны сухопутной; до 1899 г. ничего не было сдѣлано въ этомъ отношеніи, первая конференція высказала лишь нѣсколько пожеланій, повторенныхъ затѣмъ конференціей 1907 г. Лишь въ 1909 г. на лондонской конференціи была выработана первая „Декларація права морской войны“, оставшаяся, впрочемъ, нератификованной. Въ 1913 г. институтъ международнаго права выработалъ подробный проектъ международнаго соглашенія касательно морской войны.

Несмотря на отсутствіе кодификаціи, все-же уже существуютъ международныя соглашенія, регулирующія частные вопросы морской войны, какъ, напр., отмѣну каперства, распространеніе на морскую войну постановленій касательно военноплѣнныхъ, больныхъ и раненыхъ, женевской конвенціи Краснаго Креста и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ современную войну выдвинулись, однако, другіе вопросы касательно закладки минъ, бомбардированія непріятельскихъ береговъ и береговыхъ городовъ, морской торговли, захвата торговыхъ судовъ и контрабанды.

Уже давно поднимался въ спеціальной литературѣ вопросъ объ опасностяхъ минныхъ загражденій для мирныхъ морскихъ сношеній нейтральныхъ государствъ; русско-японская война, напр., создала нѣсколько яркихъ фактовъ подобной опасности, послѣ чего особенно сильно развилась пропаганда идеи запрета или, по крайней мѣрѣ, ограниченія минныхъ загражденій. Нѣкоторый результатъ былъ достигнутъ 8 конвенціей 1907 г., установившей слѣдующіе принципы

употребленія морскихъ минъ [1]); допустимой считается закладка лишь такихъ минъ, которыя становятся безвредными при всплытіи (отрываніи якоря), мины-же плавучія (flottantes) запрещены, равно торпеды, не обезвреживающіяся автоматично послѣ того, какъ онѣ не попали въ цѣль; при установкѣ минныхъ загражденій должны быть приняты всѣ мѣры къ охранѣ безопасности мирнаго (не-военнаго) мореплаванія. Къ этому было прибавлено, *по предложенію Германіи* (см. Листъ, н. с., стр. 420), запрещеніе закладки минъ у береговъ противника, если таковая дѣлается съ цѣлью прекращенія торговаго судоходства. Во время выработки текста этой конвенціи не разъ, однако, возникали жаркіе споры, когда дѣло касалось обязыванія государственныхъ властей ограничивать ихъ пользованіе морскими минами; отрицательно, какъ и слѣдовало ожидать, высказывались представители Германіи, но одинъ изъ нихъ, покойный маршалъ ф. Биберштейнъ, присовокупилъ интересную фразу: германскіе морскіе офицеры, сказалъ онъ, всегда будутъ ясно сознавать свой долгъ гуманности по отношенію къ цивилизаціи и мирному мореплаванію, совѣсть, дисциплина и чувство долга всегда будутъ препятствовать нанесенію вреда нейтральной торговлѣ; а потому, заключалъ онъ, подобной конвенціи, можетъ быть, и не нужно! Съ нѣкоторыми оговорками 8-ую конвенцію все-же подписали. Нѣсколько лѣтъ спустя, оказывается, именно, Германія самымъ грубымъ образомъ нарушаетъ, при томъ сознательно и планомѣрно, принципы только что указанныхъ гуманныхъ запретовъ. На конференціи 1907 г. она предлагала запретить закладку минъ у береговъ противника, съ цѣлью препятствовать торговлѣ нейтральныхъ, а въ ноябрѣ 1914 г. сама разставила въ Раумо, у береговъ Финляндіи, минныя загражденія, которыми были потоплены 3 нейтральныхъ шведскихъ судна, везшія, большею частью, шведскій-же товаръ и имѣвшія шведскіе экипажи. А въ Сѣверномъ морѣ „дисциплинированный“ германскій флотъ набросалъ на нейтральныхъ торговыхъ путяхъ такое количество минъ, что на нихъ гибли десятки скандинавскихъ и голландскихъ пароходовъ; къ тому же слѣдуетъ отмѣтить,

---

[1]) Подробнѣе см. протоколы работъ конференціи 1907 г. и интересный докладъ по данному вопросу подготовительной комиссіи.

что нѣмецкія мины не обезвреживаются, когда срываются съ якорей и являются послѣ этого именно запрещенными плавучими минами (mines flottantes).

Результатомъ этой дѣятельности нѣмецкаго флота былъ огромный вредъ, нанесенный судоходству, но, главнымъ образомъ, не воюющихъ державъ, а нейтральныхъ государствъ; не англійскія суда, для которыхъ, собственно, мины и были предназначены, а нейтральныя гибли десятками; нельзя даже сказать, что нѣмцы мѣшали ввозу своихъ противниковъ, такъ какъ у Англіи оставались открытыми прочіе берега и порты, а Россія послѣ случая въ Раумо стала ввозить товары сухимъ путемъ, черезъ Торнео. Кромѣ преступнаго уничтоженія нейтральныхъ жизней и имущества, Германія, такимъ образомъ, ровно ничего не достигла своимъ нарушеніемъ международно-правовыхъ запретовъ. 9-ой конвенціей 1907 г. было распространено на морскую войну запрещеніе конвенціи 1899 г., касательно сухопутной войны, обстрѣла незащищенныхъ мѣстъ или береговъ; ст. 1 перечисляетъ незащищенные порты, города, жилища, селенія и строенія, но допускаетъ обстрѣлъ складовъ, мастерскихъ и сооруженій, могущихъ быть использованными для веденія войны; кромѣ того, въ видѣ исключенія, обстрѣлъ допускается, если мѣстныя власти отказываются исполнить требованіе доставки продовольствія или запасовъ, необходимыхъ для морскихъ силъ нападающаго врага; при этомъ всегда должно предшествовать предупрежденіе; остальныя статьи этой конвенціи повторяютъ статьи конвенціи 1899 г. о сухопутной войнѣ касательно необходимости щадить нѣкоторыя зданія, оповѣщать или предупреждать мирное населеніе и т. д. Какъ видимъ, положенія все ясныя и опредѣленныя. Между тѣмъ, флотъ нѣмцевъ самымъ грубымъ образомъ нарушилъ указанныя нормы международнаго права при своемъ разбойномъ нападеніи на англійскіе берега (дек. 1914). Когда они обстрѣливали Либаву, у нихъ могло еще быть оправданіе въ томъ, что портъ этотъ въ прежнее время имѣлъ военное значеніе, хотя и тамъ снаряды ими пускались въ частные дома и мирное населеніе (напр., на пляжъ), что трудно объяснимо ошибкой. Гораздо хуже обстояло дѣло съ нападеніемъ на Англію; въ обоихъ Гартльпуляхъ имѣлись форты, которые и

обстрѣливались нѣмцами, зато въ Скарборо и Витби никакихъ фортовъ нѣтъ, и только неподалеку отъ Скарборо стояли полевыя войска; между тѣмъ, флотъ обстрѣливалъ Грандъ-отель, побережныя виллы, руины средневѣковаго замка (въ Скарборо) и стараго аббатства (въ Витби), которымъ справедливо гордилось это мирное мѣстечко; никакихъ предупрежденій сдѣлано не было, а убиты были нѣсколько десятковъ мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей; нѣмцы, конечно, прекрасно знали, что дѣлали, желая, очевидно, терроризировать или испугать англичанъ, а затѣмъ, въ Берлинѣ опубликовали свое побѣдоносное нашествіе на „укрѣпленныя“ мѣста англійскаго берега; лживое упоминаніе объ „укрѣпленныхъ“ мѣстахъ свидѣтельствуетъ еще разъ, что указанныя нормы международнаго права имъ были хорошо извѣстны. Но еще разъ они съ ними не считались. Невольно вспоминаются слова нѣмецкаго адмирала Вернера (см. его книгу „Морская война“): „во время будущей войны не будутъ извѣстны ни пощада, *ни международное право* (курсивъ нашъ); лозунгомъ будетъ—уничтоженіе врага какими бы то ни было средствами; укрѣпленъ-ли береговой городъ, или нѣтъ, онъ будетъ подверженъ обстрѣлу и преданъ огню; всякое вражеское имущество, на сушѣ или на водѣ, будетъ обречено грабежу и уничтоженію“. Приведенныя слова принадлежатъ Вернеру, но мысли, въ нихъ изложенныя, какъ ярко доказываетъ современная война, принадлежатъ германскимъ военнымъ вообще, адмираламъ и генераламъ, поручикамъ и лейтенантамъ, въ совершенно равной мѣрѣ; въ этомъ весь ужасъ этихъ идей, что онѣ составляютъ цѣлое міровоззрѣніе, согласно коему нѣмцу все позволено, всегда вообще, а въ особенности, во время войны, что абсолютно всякое дѣйствіе, всякій актъ можетъ быть оправдываемъ какъ necessaria ad finem belli, благодаря чему оказывается на практикѣ, что для германскихъ военныхъ международнаго права дѣйствительно не существуетъ.

Гораздо болѣе спорными являются нарушенія, коснувшіяся нейтральной морской торговли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что до сего дня между державами не достигнуто соглашенія касательно понятія и практики объявленія и провоза контрабанды; каждое государство свободно въ своихъ дѣй-

ствіяхъ по отношенію къ объявленію того или другого предмета контрабандой, абсолютной или условной. Попытка классификаціи была сдѣлана лондонской декларацiей 1909 г., но таковая осталась нератификованной державами; нормы ея могутъ, слѣдовательно, разсматриваться лишь какъ пожеланія международнаго права, а не какъ обязательныя ограниченія государственной власти державъ. Благодаря этому, всякія соглашенія въ этой области могутъ быть достигаемы только ad hoc, какъ, напр., уговоромъ Англіи съ Соед. Штатами касательно атлантической торговли послѣднихъ; но вслѣдствіе того-же здѣсь легче всего могутъ возникать недоразумѣнія.

Итогъ, который можно подвести сказанному о положеніи нормъ международнаго права въ современной войнѣ, способенъ привести въ отчаяніе всякаго, кому дороги успѣхи не только международнаго права, но и прогресса, и культуры, вообще, развитіе международнаго общенія и возможность обезпеченія мирныхъ международныхъ сношеній на будущее время.

Какъ возможно дальнѣйшее развитіе международнаго общенія, если между державами появилась одна, къ тому-же страшной физической силы, міросозерцаніе и правовоззрѣнія правящихъ классовъ коей отрицаютъ силу какихъ либо международныхъ обязательствъ, договоровъ или ограниченій? Каково будетъ дальнѣйшее положеніе маленькихъ и слабыхъ народовъ и государствъ, если среди большихъ и сильныхъ будетъ существовать государство, отрицающее силу международной гарантіи нейтралитета; вчера было разрушено благосостояніе Бельгіи, завтра можетъ быть опустошена Голландія или Данія.

Совершенно очевидно, что будущій миръ можетъ принести и безусловно принесетъ разграбленной Бельгіи имущественное удовлетвореніе, въ видѣ разныхъ контрибуцій и матеріальнаго возмѣщенія убытковъ. Но явятся ли таковые достаточными? На послѣдній вопросъ мы отвѣчаемъ безусловно отрицательно и считаемъ одной изъ великихъ задачъ того конгресса, на плечи котораго будетъ возложено заключеніе мира, *возстановленіе поруганнаго международнаго права и обезпеченіе ему силы на будущее время.* Всѣмъ народамъ,

малымъ и великимъ, должно быть гарантировано право международнаго общенія, которое дѣйствительно связывало бы и ограничивало государственныя власти отдѣльныхъ участниковъ этого общенія на общую пользу, прогрессъ и культуру.

Только послѣ этого возможно будетъ мечтать о дѣятельности какихъ-либо международныхъ судовъ, вродѣ гаагскаго, самая идея коихъ подорвана нынѣшнимъ отношеніемъ нѣмцевъ къ международному праву.

Будущимъ государственнымъ дѣятелямъ, на долю коихъ выпадетъ заключеніе прочнаго мира, необходимо будетъ имѣть въ виду, что совершенно недостаточно сломить одну германскую военную мощь, тотъ furor teutonicus, коимъ, къ несчастью, гордятся многіе нѣмцы; нужно будетъ озаботиться бо̀льшимъ,—созданіемъ и обезпеченіемъ дѣйствительности такихъ условій, при которыхъ окажется возстановленной сила международнаго права; необходимо будетъ и впредь обезпечить себя отъ „fides germanica“. Работа этихъ дипломатовъ будетъ носить чрезвычайно деликатный характеръ; имъ недостаточно будетъ разсуждать о военныхъ контрибуціяхъ или территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ и перемѣнахъ, отрѣзываніи того или другого куска побѣжденной Германіи; задача ихъ, повторяемъ, будетъ гораздо сложнѣе, такъ какъ, сами по себѣ, только что указанныя обстоятельства, контрибуція и территоріальныя измѣненія, не въ состояніи обезпечить прочнаго будущаго мира; скорѣе даже они могутъ вызвать желаніе реванша, мести, ненависти. При заключеніи мира необходимо будетъ думать еще и объ уничтоженіи или обезвреженіи тѣхъ силъ, какъ, напр., милитаризма, вооруженій, огромныхъ постоянныхъ армій и т. д., которыя противорѣчили мирному развитію международнаго общенія и силой необходимости привели къ современной ужасной войнѣ. Въ корнѣ должна быть убита малѣйшая возможность повторенія тѣхъ явленій, которыя вызвали міровое кровавое столкновеніе, позорящее культуру и цивилизацію, а сіе можно будетъ достичь, лишь сломивъ отвратительную гордыню Германіи.

„Нейтрализація“ Дарданеллъ и Босфора.

П. Н. Милюковъ.

Мы стоимъ въ настоящее время передъ рѣшеніемъ вѣковой русской національной задачи,—распространеніемъ суверенитета русскаго государства на проливы, закрывающіе входъ въ Черное море и открывающіе изъ него выходъ. Задача эта должна быть разрѣшена въ интересахъ Россіи. Но она будетъ рѣшаться не въ пустомъ пространствѣ. Проливы суть морскіе пути, долженствующіе быть, по международному праву и обычаю, открыты для міровой торговли. Черное море не есть наше внутреннее „территоріальное“ море, а свободный бассейнъ, на который выходятъ, кромѣ Россіи, также и другія прибрежныя государства. Такимъ образомъ, русскій суверенитетъ надъ проливами долженъ быть примиренъ съ интересами сосѣднихъ государствъ и съ требованіями прогрессивнаго международнаго права. Что это задача вовсе не безнадежная, объ этомъ свидѣтельствуетъ одно то, что вопросъ о „нейтрализаціи“ проливовъ былъ поставленъ уже на очередь при существованіи турецкаго суверенитета и при полномъ признаніи прежняго режима проливовъ, установленнаго договорами. Очевидно, замѣна одного суверенитета другимъ не упраздняетъ вопроса, а только ставитъ его въ новыя опредѣленныя условія, которыя могутъ оказаться даже болѣе благопріятными для его разрѣшенія, чѣмъ то договорное положеніе, которымъ опредѣлялось господство Турціи надъ проливами.

Для иллюстраціи этихъ положеній я воспользуюсь той постановкой вопроса о „нейтрализаціи“ проливовъ, которая дана была междупарламентскимъ союзомъ и которая меньше чѣмъ за годъ до войны послужила предметомъ обсужденія на послѣдней (XVIII-й) междупарламентской конференціи въ Гаагѣ (3—5 сентября 1913 г.). Докладъ комиссіи, въ которой участвовалъ и представитель нашей русской междупарламентской группы, и послѣдовавшія за докладомъ пренія могутъ дать вполнѣ опредѣленное представленіе о той высшей точкѣ, какой достигла международная дискуссія по вопросу о „нейтрализаціи“ проливовъ. Мы увидимъ, что постановка вопроса, сдѣланная комиссіей и расчитанная на сохраненіе суверенитета Турціи, въ общемъ и цѣломъ, вполнѣ мирится и съ суверенитетомъ Россіи. Трудно думать, чтобы то, что признавалось справедливымъ для Турціи, не было признано таковымъ для Россіи.

Работа междупарламентской комиссіи была предпринята по почину германскаго депутата, д-ра Пахнике, предложившаго XVI-й междупарламентской конференціи въ Брюсселѣ (1910) проектъ резолюціи, принятой конференціей въ слѣдующей формѣ:

„Принимая во вниманіе, что конвенціей 28 іюля 1881 г. между Аргентиной и Чили Магеллановъ проливъ былъ изъятъ изъ общаго права войны;

„Принимая во вниманіе, что константинопольской конвенціей 29 октября 1888 г. Суэзскій каналъ былъ поставленъ въ подобное же положеніе;

„Принимая во вниманіе, что американо-британская конвенція 18 ноября 1901 г. установила предварительно тотъ же порядокъ для Панамскаго канала, нынѣ сооруженнаго;

„Въ виду того, что въ интересахъ международныхъ сообщеній и общаго мира представляется важнымъ распространить, насколько возможно, этотъ порядокъ на всѣ междуокеанскіе проливы и каналы,

„XVI междупарламентская комиссія приглашаетъ совѣтъ учредить комиссію для изученія этого вопроса“.

При обсужденіи этого предложенія въ Брюсселѣ, попросилъ слова бывшій турецкій министръ, армянинъ Норадунгіанъ, и подчеркнулъ, что проливы бываютъ разные и спо-

собы ихъ „нейтрализаціи“ должны быть также различны. Притомъ же, самое ограниченіе вопроса „междуокеанскими“ проливами исключаетъ изъ сужденій комиссіи такіе проливы, берега которыхъ находятся во владѣніи одного государства, и положеніе которыхъ уже опредѣлено международными договорами. Предсѣдательствовавшій, покойный Бернартъ, успокоилъ Норадунгіана нѣсколькими словами, которыхъ я не нахожу въ печатномъ протоколѣ засѣданія.

Въ дѣйствительности, комиссія не исключила Дарданеллъ изъ круга своихъ занятій. Но она признала тезисъ, что положеніе проливовъ можетъ быть весьма разнообразно, и поставила себѣ вопросъ: можно ли, принимая это разнообразіе, какъ данное, всетаки выработать хотя-бы извѣстный минимумъ способовъ „нейтрализаціи“, одинаково приложимый ко *всѣмъ* проливамъ.

Самая постановка вопроса уже вводила разрѣшеніе его въ опредѣленныя рамки. Изъ трехъ указанныхъ Пахнике прецедентовъ первый—договоръ между Чили и Аргентиной—очевидно, шелъ дальше возможнаго минимума. Въ пунктѣ 5 этого договора сказано: „Магеллановъ проливъ нейтрализованъ навсегда, и свободное плаваніе по нему обезпечено флагамъ всѣхъ націй. Для гарантіи этой свободы и этого нейтралитета *никакое укрѣпленіе и никакія военныя оборонительныя сооруженія* не будутъ построены на берегахъ, которыя могли бы противорѣчить этой цѣли“.

Было очевидно, что сервитутъ „неукрѣпленія“ береговъ могъ быть приложенъ только къ такому проливу, который расположенъ далеко отъ густонаселенныхъ мѣстъ обѣихъ договаривавшихся странъ. Только при этомъ условіи безопасность и оборона той и другой нисколько не страдали отъ безоружности пролива.

Совершенно иное было юридическое положеніе Суэзскаго и Панамскаго каналовъ. Искусственныя сооруженія, созданныя рукой человѣка, они слѣдуютъ режиму, установленному при ихъ постройкѣ, и составляютъ часть государственной собственности той страны, на территоріи которой выкопаны. Какъ естественное послѣдствіе этого, эти каналы раздѣляютъ судьбу государства, которое ими обладаетъ. Если государство воюетъ, каналы открыты всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ.

Если государство нейтрально, каналъ закрытъ для военныхъ судовъ воюющихъ державъ. Но въ виду важности названныхъ каналовъ для міровыхъ сношеній, великія державы съ самаго начала уговорились согласовать ихъ юридическій характеръ, какъ территоріальныхъ водъ, съ потребностями торговли и свободнаго сообщенія—путемъ особыхъ договоровъ.

Такой договоръ относительно Панамскаго канала былъ заключенъ впервые еще въ 1850 году (такъ называемый, договоръ Клейтонъ-Бульвера). Очень либеральный по своему содержанію, этотъ договоръ послужилъ образцомъ для опредѣленія режима Суэзскаго канала. За исключеніемъ статьи 8-й, договоръ Клейтонъ-Бульвера былъ, однако, отмѣненъ болѣе выгоднымъ для Америки договоромъ Гей-Паунсфота (1901), который, вмѣстѣ съ договоромъ 1904 г. (такъ называемый, договоръ Гей-Бюно-Варилья) между Соединенными Штатами и Панамской республикой, и составляетъ дѣйствующее право Панамскаго канала.

Докладчикъ междупарламентской комиссіи, графъ де-Пенха Гарсіа, сводитъ положенія этого договорнаго законодательства къ слѣдующимъ одиннадцати тезисамъ [1]):

1) Соединенные Штаты имѣютъ въ районѣ канала всѣ тѣ права суверенитета, которыя имъ переданы Панамской республикой.

2) Соединеннымъ Штатамъ принадлежитъ исключительное право законодательства относительно регламентаціи и управленія каналомъ.

3) Каналъ подчиняется общему началу нейтрализаціи, установленному ст. 8-й договора Клейтонъ-Бульвера.

4) Каналъ будетъ свободенъ и открытъ торговымъ и военнымъ судамъ всѣхъ странъ на началѣ полнаго равенства.

5. Пошлины за проходъ будутъ справедливы (justes et équitables).

6) Каналъ будетъ поставленъ внѣ всякаго враждебнаго дѣйствія и не будетъ подвергаться блокадѣ.

---

[1]) Докладъ графа de Penha Garcia и пренія по нему напечатаны въ Compte rendu de la XVIII-e conférence tenue à la Haye, du 3 au 5 septembre 1913. Bruxelles, Misch et Thron, 1914.

7) Соединенные Штаты будутъ имѣть право поддерживать вдоль канала военную полицію, необходимую противъ безпорядковъ и незаконныхъ дѣйствій.

8) Военныя суда воюющихъ сторонъ должны будутъ проходить каналъ въ кратчайшій возможный срокъ и будутъ имѣть право брать продовольствіе въ каналѣ лишь въ строго необходимыхъ предѣлахъ. Тому же порядку будутъ подчинены призовыя суда.

9) Воюющія стороны не будутъ имѣть права высаживать и принимать въ каналѣ ни войскъ, ни аммуниціи, ни военнаго матеріала, за исключеніемъ случайной задержки при проходѣ.

10) Сосѣднія съ каналомъ воды, въ границахъ трехъ морскихъ миль у каждаго конца канала, будутъ точно также изъяты изъ общаго права войны. Пребываніе военнаго судна воюющей стороны въ этихъ водахъ не должно будетъ длиться долѣе 24-хъ часовъ, за исключеніемъ случая вынужденной остановки. Однако-же, военное судно одной воюющей стороны не будетъ имѣть права выйти изъ пролива ранѣе 24-хъ часовъ послѣ выхода военнаго судна другой воюющей стороны.

11) Матеріалъ учрежденій, зданій и всѣхъ сооруженій необходимыхъ для постройки, поддержанія и пользованія каналомъ, будетъ пользоваться полной неприкосновенностью, какъ во время войны, такъ и во время мира.

Надо прибавить къ этому, что по договору съ Панамской республикой (ст. 23) Соединенные Штаты выговорили себѣ право *укрѣплять каналъ* (to establish fortifications), въ случаѣ необходимости защищать его вооруженной силой, и проявили твердое намѣреніе не допускать, въ случаѣ войны съ Соединенными Штатами, въ каналъ другую воюющую сторону [1]). Затѣмъ, Соединенные Штаты истолковали поло-

---

[1]) Для предупрежденія морского нападенія на каналъ уже выстроены могущественныя укрѣпленія при выходѣ изъ канала. Кромѣ того, С. Штаты купили у Экуадора острова Галапагосъ, господствующія стратегически надъ каналомъ со стороны Тихаго океана, и строятъ сильную крѣпость на о. Фламенко. На восточной сторонѣ С. Штаты не прочь пріобрѣсти у Англіи Ямайку съ той же цѣлью. Въ виду легкости нападенія на каналъ съ суши и здѣсь проектирована цѣлая линія сухопутныхъ укрѣпленій. См. Richard Hennig. Probleme des Weltverkehrs, Berl. 1913, стр. 307—312.

женіе договора о полномъ „равенствѣ всѣхъ странъ“, (entire equality) въ томъ смыслѣ, что „всѣ страны“ (all nations) не включаютъ Соединенныхъ Штатовъ, которые имѣютъ право устанавливать облегченныя условія прохода для своей „береговой“ торговли. Послѣдняя принимается при этомъ въ широкомъ смыслѣ—*всякой* торговли между отдѣльными владѣніями С. Штатовъ, напр., между Вашингтономъ и Филиппинами. Съ этими изъятіями, „международный status“ Панамскаго канала можно считать установленнымъ. По выраженію одного американскаго автора, онъ представляетъ „средину между нейтрализаціей и американскимъ контролемъ“ [1]).

Начала „нейтрализаціи“ Суэзскаго канала установлены договоромъ 1888 г., которымъ и до сихъ поръ опредѣляется положеніе канала въ мирное и въ военное время. Начала эти слѣдующія:

1) Каналъ свободенъ и открытъ во всякое время для всякаго торговаго или военнаго судна, безъ различія флага.

2) Блокада канала запрещена.

3) Никакой враждебный актъ не можетъ быть совершенъ ни во входныхъ портахъ, ни въ районѣ трехъ миль въ окружающихъ водахъ, даже если Турція будетъ одной изъ воюющихъ сторонъ.

4) Военные корабли воюющихъ державъ обязаны проходить каналъ въ кратчайшій возможный срокъ и, за исключеніемъ вынужденной остановки, не имѣютъ права задерживаться въ Портъ-Саидѣ или въ гавани Суэза болѣе 24-хъ часовъ. Ихъ пропитаніе и снабженіе провіантомъ ограничено предѣлами самаго необходимаго.

5) Промежутокъ, минимумъ въ 24 часа, долженъ быть оставленъ между проходомъ двухъ враждебныхъ судовъ.

6) Воюющія стороны не могутъ ни высаживаться, ни принимать къ себѣ войскъ или военнаго матеріала въ каналѣ или во входныхъ портахъ.

7) Никакое военное судно не можетъ стаціонировать въ каналѣ.

8) Однѣ только невоюющія державы имѣютъ право держать двухъ стаціонеровъ, самое большее, во входныхъ портахъ.

---

[1]) J. Saxon Mills, The Panama Canal, Nelson, 1913, стр. 75.

9) Каналъ прѣсной воды и матеріалы для канала находятся подъ тѣми же гарантіями, какъ и самый каналъ.

10) Султанъ и хедивъ имѣютъ право принимать всѣ общія полицейскія мѣры, подъ условіемъ—уважать свободу плаванія.

11) Сооруженія, укрѣпленія или сборища на берегахъ канала, которыя могутъ грозить свободѣ канала, запрещаются.

12) Представители державъ, подписавшихъ договоръ, составляютъ комиссію, наблюдающую за его выполненіемъ.

Въ отличіе отъ Панамскаго канала, гарантированнаго только двумя державами, Англіей и Соединенными Штатами, а охраняемаго и содержимаго только послѣдними, Суэзскій каналъ гарантированъ всѣми европейскими державами. Другое отличіе — то, что укрѣпленія на Суэзскомъ каналѣ воспрещаются. Но надо замѣтить, что эти различія вызываются какъ неопредѣленностью прежняго юридическаго положенія Англіи въ Египтѣ, такъ и состояніемъ разложенія Турціи. Теперь, послѣ аннексіи Египта и послѣ вѣроятнаго раздѣла Турціи, также какъ и послѣ обнаруживнейся во время войны небезопасности канала съ суши, весьма возможны измѣненія въ status'ѣ и Суэзскаго канала.

Какъ бы то ни было, въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ только что и частично пріобрѣтеннымъ суверенитетомъ надъ берегами канала. Положеніе Дарданеллъ и Босфора совершенно иное. Здѣсь суверенитетъ Турціи установился съ XV столѣтія, и права международнаго пользованія проливомъ расширялись съ чрезвычайной медленностью. Узость проливовъ дѣлала ихъ, какъ и искусственные каналы, „территоріальными водами" на всемъ протяженіи. А международное положеніе Константинополя и связанные съ нимъ вѣковые споры препятствовали принятію какихъ-либо формулъ „нейтрализаціи", которыя сколько-нибудь грозили бы ослабить средства обороны турецкой столицы.

Писатели по международному праву не согласны между собой въ вопросѣ о юридическомъ положеніи проливовъ, широта которыхъ не превосходитъ обычнаго пояса территоріальныхъ водъ. Немногіе изъ нихъ, какъ Hautefeuille, отрицаютъ за прибрежнымъ государствомъ-сувереномъ всякое право контроля и требуютъ полной свободы прохода.

Другіе, какъ Vattel, Ortolan, Bluntschli, Pradier Fodéré, признаютъ за прибрежнымъ государствомъ, если только входъ въ проливъ не можетъ быть обстрѣливаемъ прибрежными крѣпостями, простое право общаго надзора. Наконецъ, третьи, какъ Fiore, Wheaton, признаютъ за прибрежнымъ государствомъ не только право регламентировать навигацію въ проливѣ, но и право закрывать проливы во время войны для воюющихъ сторонъ.

По отношенію къ Дарданелламъ и Босфору дѣло рѣшается, однако, не теоріями международнаго права, а существующими договорами. Согласно этимъ договорамъ (Лондонская конвенція 1841 г., Парижскій трактатъ 1856 г., Лондонскій договоръ 1871 г.) султанъ обязанъ держать проливы закрытыми для всѣхъ военныхъ судовъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Но въ то же время онъ имѣетъ право пропускать союзныя съ нимъ эскадры во время войны для обезпеченія исполненія договоровъ. Проходъ торговыхъ судовъ въ принципѣ свободенъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Статья 24-я Санъ-Стефанскаго договора обязывала Порту не устанавливать на будущее время фиктивной блокады портовъ Чернаго и Азовскаго морей; но статья эта не вошла въ Берлинскій трактатъ. Опытъ послѣднихъ войнъ показалъ, что Порта не соблюдаетъ принципа свободы проливовъ во время войны, къ огромному ущербу не только для русской, но и для международной торговли. Закрытіе проливовъ во время турецко-итальянской войны, вызвавшее протесты Россіи, имѣло послѣдствіемъ задержаніе въ Мраморномъ морѣ 150 судовъ, изъ которыхъ русскихъ было только 15, а англійскихъ 47; портами назначенія этихъ судовъ были Антверпенъ, Генуя, Копенгагенъ и нѣкоторыя англійскія гавани. Потеря пароходныхъ кампаній равнялась: восьми милліонамъ франковъ для русскаго общества пароходства, двумъ милліонамъ для оттоманскаго общества, одному милліону слишкомъ для остальныхъ. Нѣтъ надобности говорить о послѣдствіяхъ разстройства хлѣбной торговли. Настоящая операція нашихъ союзниковъ противъ проливовъ, кромѣ стратегическихъ цѣлей, преслѣдуетъ прямую задачу— открыть свободную дорогу нашему зерну въ союзныя съ нами государства.

Такимъ образомъ, status Дарданеллъ и Босфора при существованіи Турціи прежде всего не удовлетворялъ требованіямъ современной Европы и современнаго международнаго права. И междупарламентская комиссія поставила себѣ задачей рѣшить, какой минимумъ свободы торговыхъ сношеній въ проливахъ могъ бы быть установленъ, безъ нарушенія суверенитета Турціи и безъ ослабленія средствъ защиты Константинополя. Теперь, когда суверенитетъ и защита проливовъ должны перейти къ Россіи, для насъ особенно интересно, на какихъ же требованіяхъ „нейтрализаціи" останавливалась послѣдняя комиссія международнаго состава, обсуждавшая вопросъ съ точки зрѣнія прогресса международнаго законодательства.

Междупарламентская комиссія, конечно, не могла остановиться ни на положеніи Магелланова пролива, ни даже на положеніи Суэзскаго пролива и Панамскаго канала, какъ на нормѣ, могущей быть распространенной на всѣ водные пути этого рода. Комиссія признала, что не только нужно признать разныя нормы для проливовъ вообще, но что юридическое положеніе каждаго пролива и канала настолько различно по отношенію къ потребностямъ міроваго сообщенія, обороны прибрежныхъ государствъ, верховныхъ правъ этихъ государствъ и интересовъ странъ, примыкающимъ къ извѣстнымъ морскимъ бассейнамъ, что *необходимо признать вполнѣ правильными* различія между status'ами различныхъ водныхъ путей и даже исключительный status нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Однако, комиссія не отчаялась найти такой минимумъ правилъ, который все же могъ бы служить улучшеніемъ сравнительно съ теперешнимъ положеніемъ. Такими правилами, общепризнанными или могущими встрѣтить общее признаніе, комиссія признала слѣдующія пять:

1. Никѣмъ не отрицается начало свободнаго прохода и равнаго обращенія относительно *торговыхъ* судовъ *во время мира*. Но комиссія считала возможнымъ распространить это правило и на военное время, по отношенію къ которому только положеніе Дарданеллъ и Босфора составляетъ исключеніе.

2. Право свободнаго прохода уже включаетъ въ себѣ запрещеніе блокады. Блокада слишкомъ вредитъ свободѣ нейтральной торговли.

3. Запрещеніе ставить мины въ проливахъ было бы слишкомъ большимъ стѣсненіемъ обороны прибрежнаго государства. Но если за послѣднимъ признано право возводить укрѣпленія въ проливахъ, и если ему дано право пользоваться минами, разряжаемыми съ берега, и торпедами, то въ употребленіи, сверхъ того, еще и автоматическихъ контактныхъ минъ, уже нѣтъ никакого жизненнаго интереса для прибрежнаго государства. Отъ такихъ минъ можно было бы отказаться безъ опасности для обороны и формулировать принципъ, запрещающій полное преграждeніе контактными минами и торпедами прохода въ проливахъ.

4. Употребленіе прожекторовъ вполнѣ гарантируетъ въ настоящее время отъ внезапныхъ ночныхъ атакъ. Поэтому, было бы вполнѣ безопасно отказаться отъ тушенія маяковъ. Несчастные случаи и задержки, вызываемые тушеніемъ огней въ проливахъ, вовсе не вызываются потребностью обороны.

5. Наконецъ, комиссія напомнила о необходимости прибѣгать къ третейскому суду для разрѣшенія споровъ о приложеніи и о толкованіи спорныхъ договоровъ. Въ данномъ случаѣ, конечно, дѣло шло лишь о новомъ примѣненіи принципа арбитража, осуществленіе котораго междупарламентскій союзъ поставилъ одной изъ своихъ важнѣйшихъ задачъ.

Какъ видимъ, отъ первоначальнаго предложенія Пахнике, послѣ двухлѣтней работы комиссіи, осталось весьма немного. Изъ договоровъ, имъ упомянутыхъ, выброшено было все, что не согласовалось съ суверенитетомъ и съ правомъ вооруженной обороны проливовъ. Устранено было также право прохода военныхъ судовъ черезъ нейтрализованные проливы, какъ вызывающее серьезныя разногласія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, устранена—или отсрочена, по эвфемистическому заявленію докладчика,—вся регламентація касательно пребыванія военныхъ судовъ въ проливахъ. Осталось только одно право, идущее дальше общепризнаннаго обычая: свобода торговли черезъ проливы не только во время мира, но и во время войны. Остальные тезисы являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого, ибо нельзя, съ одной стороны, разрѣшить свободный проходъ, а, съ другой, сдѣлать его невозможнымъ путемъ объявленія блокады, путемъ полнаго загражденія минами и путемъ тушенія маяковъ.

Однако, несмотря на всѣ эти ограниченія и измѣненія первоначальнаго предложенія, во время преній турецкій депутатъ Дамадъ-Феридъ паша протестовалъ и противъ такой постановки вопроса. Онъ ссылался на существующіе договоры и предлагалъ, какъ раньше Норадунгіанъ, вовсе исключить Дарданеллы и Босфоръ изъ числа проливовъ, къ которымъ будетъ примѣненъ общій проектъ нейтрализаціи. Напротивъ, румынскій депутатъ Негулеско подчеркнулъ необходимость дать доступъ черезъ проливы также и военнымъ судамъ и указывалъ на трудности разграниченія между военными судами и торговыми.

Конференція приняла предложеніе комиссіи, къ которому присоединился также и Пахнике. Комиссіи было поручено выработать для слѣдующей междупарламентской конференціи (должна была состояться прошлой осенью въ Стокгольмѣ) окончательный проектъ международной конвенціи, „санкціонирующей тѣ изъ принциповъ, которые, повидимому, могутъ быть уже въ настоящее время признаны совокупностью цивилизованныхъ государствъ, и продолжать работы съ цѣлью полнаго рѣшенія другихъ поставленныхъ вопросовъ". Напоминаніе Норадунгіана о предложеніи Дамадъ-Ферида—исключить Дарданеллы и Босфоръ изъ обсужденія комиссіи—было устранено по формальнымъ причинамъ.

Изъ изложенной исторіи обсужденія вопроса о нейтрализаціи проливовъ на междупарламентскихъ конференціяхъ можно сдѣлать два вывода. Во-первыхъ, друзья сближенія между народами и піонеры международнаго законодательства, считаясь съ трудностями задачи, нашли возможнымъ ограничиться такимъ минимумомъ требованій, который можетъ быть осуществленъ при современныхъ требованіяхъ суверенитета и національной обороны. Во-вторыхъ, этотъ минимумъ они зато считаютъ уже обязательнымъ даже и для такихъ проливовъ, какъ Босфоръ и Дарданеллы.

Можетъ-ли русская точка зрѣнія на проливы быть примирена съ этой позиціей, занятой международнымъ общественнымъ мнѣніемъ? Мнѣ кажется, что можетъ, и что именно при переходѣ суверенитета надъ проливами къ Россіи должны прекратиться и то упорное сопротивленіе, и тѣ настоянія на неприкосновенности существующихъ договоровъ, которыя мы

видѣли со стороны турецкихъ делегатовъ на междупарламентскихъ конференціяхъ.

Что, собственно, нужно Россіи въ проливахъ? Русская точка зрѣнія во всей своей полнотѣ, какая была возможна при сохраненіи существованія европейской Турціи, высказана была неоднократно передъ тѣмъ, какъ Европа взяла восточный вопросъ подъ свою коллективную опеку. И не только наша точка зрѣнія была высказана: была сдѣлана попытка закрѣпить ее въ рядѣ договоровъ съ Турціей. Общій смыслъ ея заключается въ томъ, что Черное море должно быть охраняемо отъ входа иностранныхъ военныхъ судовъ черезъ проливы, тогда какъ русскія военныя суда должны имѣть свободный выходъ.

Напомню главные прецеденты. Въ 1798 г. былъ подписанъ русско-турецкій союзный договоръ, срокомъ на восемь лѣтъ, въ силу котораго Россія обязывалась помогать Турціи 12-ю кораблями. Турція на это время предоставляла вспомогательному русскому флоту свободный проходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно. Въ то же время общій принципъ закрытія Чернаго моря для военныхъ судовъ всѣхъ другихъ державъ оставался въ силѣ.

Седьмая статья русско-турецкаго договора 1805 содержала слѣдующее постановленіе. „Обѣ высокія договаривающіяся стороны соглашаются считать Черное море какъ бы закрытымъ и не допускать появленія никакого военнаго или вооруженнаго судна какой бы то ни было державы. Въ случаѣ же, если бы какая-либо изъ нихъ попыталась явиться туда вооруженною, то обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются считать такую попытку за casus foederis и препятствовать ей всѣми морскими силами, признавая въ томъ единственное средство для обезпеченія своей взаимной безопасности. При этомъ разумѣется, что свободный переходъ черезъ константинопольскій каналъ не перестанетъ быть открытымъ для военныхъ судовъ и транспортовъ Е. И. В. императора всероссійскаго, которымъ Блистательная Порта, насколько отъ нея будетъ зависѣть, во всякомъ случаѣ окажетъ всякую помощь и предоставитъ всякое облегченіе".

Договоръ 1805 г. былъ заключенъ на 9 лѣтъ, но уже въ англо-турецкомъ договорѣ 1809 г. Турція настояла на своемъ

„древнемъ правѣ“ исключительнаго владѣнія проливами, и Англія подчинилась ему, чтобы не допустить изъятія для Россіи. Однако, статьей 3-й Букарестскаго договора Турція подтвердила всѣ прежніе договоры, слѣдовательно, и договоръ 1805 г. Моментъ для открытаго подтвержденія права Россіи въ проливахъ наступилъ, когда Турція, поставленная на край гибели возстаніемъ египетскаго вассала, принуждена была прибѣгнуть къ прямой помощи русскаго флота. Probably Ункіаръ-Искелесскій союзный договоръ 1833 г. былъ заключенъ, когда русская эскадра стояла въ Босфорѣ, а 5.000 солдатъ русскаго дессанта были расквартированы на азіатской сторонѣ, противъ Буюкъ-Дере, въ Ункіаръ-Искелесской долинѣ. Секретная статья союзнаго договора постановляла, что „Порта, взамѣнъ помощи, которую она въ случаѣ нужды обязана подавать по силѣ правилъ взаимности договора, должна будетъ ограничить дѣйствія свои въ пользу россійскаго двора закрытіемъ Дарданелльскаго пролива, т. е. не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ. По самому смыслу этой, нѣсколько неопредѣленной, статьи, а также и по прямому постановленію договора 1805 года, который былъ снова оставленъ въ силѣ въ частяхъ, прямо не отмѣненныхъ, русскія военныя суда сохраняли право свободнаго выхода черезъ проливы. Такъ поняли это и Англія съ Франціей, поспѣшившія протестовать противъ Ункіаръ-Искелесскаго договора.

Въ дальнѣйшемъ вопросъ о проливахъ сталъ окончательно международнымъ вопросомъ. Status Дарданеллъ и Босфора опредѣленъ былъ цѣлымъ рядомъ международныхъ трактатовъ, указанныхъ выше. При этомъ исключительное право Турціи надъ проливами оставалось спорнымъ и толковалось заинтересованными странами, смотря по обстоятельствамъ. Такъ, на Берлинской конференціи лордъ Солсбери утверждалъ, что „обязательства, принятыя Е. В. королевой Великобританіи по предмету закрытія проливовъ, сводятся исключительно къ обязательству по отношенію къ султану“. А гр. Шуваловъ, въ отвѣтъ на это, просилъ занести въ протоколъ мнѣніе Россіи, „что начало закрытія проливовъ есть начало европейское“. Позднѣе Россія и Англія перемѣнялись позиціями по этому вопросу.

Во всякомъ случаѣ, точка зрѣнія Россіи на желательный status проливовъ и въ теченіе всего этого времени не измѣнялась по существу. Этотъ взглядъ выраженъ еще разъ въ запискѣ А. И. Нелидова 10 (22) ноября 1877 г. „Главной цѣлью нашей морской политики въ Турціи, говорится здѣсь, было достиженіе свободнаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ и недопущеніе того, чтобы непріятельскій флотъ могъ угрожать нашимъ берегамъ Чернаго моря. Нужно придумать такую комбинацію, которая бы обезпечивала за одними нашими военными судами свободу плаванія черезъ проливы“. Правда въ дальнѣйшемъ Нелидовъ дѣлалъ одну уступку сравнительно съ традиціей нашей дипломатіи. Въ 1805 году кн. Прозоровскій (въ инструкціи Италинскому) и въ 1810 г. графъ Каменскій соглашались, чтобы черезъ проливы не проходило заразъ *болѣе трехъ* русскихъ военныхъ судовъ. А. И. Нелидовъ соглашался хотя бы на *одно* судно. „Нѣтъ сомнѣнія, говорилъ онъ, что при настоящемъ положеніи (1877) нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, которыя имѣютъ лишь одно оборонительное значеніе, и то на многіе годы, мы не могли бы думать объ отправкѣ изъ Чернаго моря эскадры, которая бы возымѣла какое-либо вліяніе въ Архипелагѣ или въ Средиземномъ морѣ, въ особенности въ сравненіи съ морскими силами Англіи. Для насъ существуетъ настоятельная необходимость, чтобы могли проходить отдѣльныя суда, а въ особенности, чтобы свободно проникали въ Черное море суда пріобрѣтенныя нами за-границей или построенныя нами на нашихъ верфяхъ въ сѣверныхъ моряхъ“. На этомъ основаніи Нелидовъ предлагалъ принять слѣдующія постановленія о проливахъ. „Проливы остаются закрытыми для иностранныхъ военныхъ судовъ. Прибрежныя государства Чернаго моря имѣютъ, однако, право просить султана о пропускѣ военныхъ судовъ по-одиночкѣ“. Какъ извѣстно, однако, даже и въ этой формѣ наше требованіе вызвало такое сопротивленіе со стороны Англіи, что пришлось въ инструкціи графу Игнатьеву дать ему опредѣленное указаніе: „такъ какъ мы едва-ли добьемся на конференціи, подлежащей созыву для утвержденія условій о мирѣ, пропуска, даже по одиночкѣ военныхъ судовъ, принадлежащихъ исключительно прибрежнымъ государствамъ, то начало закрытія проливовъ остает

для насъ самымъ выгоднымъ, котораго мы и должны держаться". На этомъ основанiи и въ перемирiи, подписанномъ въ Адрiанополѣ, и въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ вопросъ о проливахъ былъ затронутъ въ самыхъ общихъ выраженiяхъ. Во второмъ изъ меморандумовъ, подписанныхъ графомъ Шуваловымъ и маркизомъ Солсбери въ Лондонѣ (18—30 мая 1878), русскiй уполномоченный обязывался придерживаться установленнаго порядка въ проливахъ и не измѣнять его. Такимъ образомъ, вопросъ о проливахъ даже не былъ поставленъ въ Берлинѣ, и старые договоры 1841, 1856 и 1871 гг. были оставлены въ силѣ.

Въ настоящее время вопросъ о проливахъ вновь открывается при условiяхъ исключительно для насъ благопрiятныхъ. Съ одной стороны, окончательно рѣшается вопросъ о существованiи европейской Турцiи, и вся прежняя постановка вопроса о проливахъ, разсчитанная на сохраненiе оттоманской имперiи, должна кореннымъ образомъ измѣниться. Вопросъ ставится такъ, какъ онъ не стоялъ со временъ Екатерины II и Александра I. Желанiе Дашкова въ секретномъ комитетѣ 1829 г.—взять „два каменистые уголка" на берегахъ Босфора, предложенiе Киселева—требовать у султана гавани при входѣ въ Босфоръ, предписанiе Муравьеву занять на противуположныхъ берегахъ Босфора два пункта, надъ которыми бы не господствовали окружающiя высоты, и укрѣпить ихъ пушками и гарнизонами по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ,—всѣ эти предположенiя имѣли въ виду лишь возможное въ будущемъ „наступленiе окончательной развязки на берегахъ Босфора" (докладъ Нессельроде). Въ настоящее время развязка наступила, и дѣло идетъ уже не о предварительныхъ, а объ окончательныхъ мѣрахъ.

Съ другой стороны, вопросъ рѣшается при небываломъ до сихъ поръ условiи—союзѣ съ Англiей и Францiей противъ Турцiи. То упорное сопротивленiе, которое оказывалось обѣими морскими державами присоединенiю проливовъ Россiей, прежде всего, значительно ослабѣло съ тѣхъ поръ, какъ Константинополь и проливы, съ открытiемъ Суэзскаго канала, потеряли значенiе мiрового пути въ Индiю. Если, въ результатѣ войны утвердится непрерывное влiянiе Англiи отъ Александрiи до Рангуна, то нельзя уже ожидать сопротивленiя

утвержденію суверенитета Россіи въ Босфорѣ и въ Дарданеллахъ. Общественное мнѣніе обѣихъ странъ на нашихъ глазахъ измѣняется съ каждымъ днемъ въ пользу передачи проливовъ Россіи.

Но... подъ однимъ условіемъ. Торговля должна быть свободна, проливы должны быть „нейтрализованы“. И мы возвращаемся къ поставленному вопросу: согласенъ ли такой исходъ съ интересами Россіи?

Отвѣтъ ясенъ. Онъ былъ бы несогласенъ, если бы имѣлась въ виду „нейтрализація“ широкаго типа, съ правомъ прохода военныхъ судовъ черезъ проливы. Но мы видѣли, что это рѣшеніе до такой степени неблагопріятно для интересовъ Россіи, что даже при существованіи Турціи мы предпочитали мириться съ status quo и оставлять проливы совершенно закрытыми для насъ самихъ, только бы не открыть ихъ для всѣхъ военныхъ эскадръ. Несомнѣнно, что положеніе, создающееся при исчезновеніи Турціи, не можетъ быть менѣе выгодно, чѣмъ то, которое имѣлось на лицо при ея существованіи. Если бы это было такъ, то намъ надо было бы не бороться противъ Турціи и не брать Константинополя вмѣстѣ съ нашими союзниками, а самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивиться этому переходу и продолжать поддерживать безнадежно „больного человѣка“.

Очевидно, слѣдовательно, что свобода проливовъ, ихъ „нейтрализація“, не можетъ быть понимаема въ этомъ опасномъ и вредномъ для насъ смыслѣ. Но это вовсе еще не значитъ, чтобы, въ интересахъ Россіи, мы должны были отказаться отъ всякой свободы и отъ всякаго вида „нейтрализаціи“.

Мы должны, безспорно, охранить, прежде всего, ту свободу торговли, которая уже существовала при турецкомъ суверенитетѣ. Но мы можемъ идти дальше и упрочить эту свободу. Лишь въ этомъ случаѣ переходъ проливовъ изъ турецкихъ рукъ въ наши будетъ имѣть характеръ прогрессивной перемѣны въ интересахъ всего человѣчества.

Рѣшенія междупарламентской конференціи указываютъ намъ путь, по которому можно идти, не подвергая никакому существенному ограниченію нашего суверенитета и не создавая никакой серьезной опасности для обороны проливовъ.

Сама конференція пошла навстрѣчу теперешнему суверену проливовъ, отложивъ рѣшеніе вопроса о проходѣ военныхъ судовъ. Надо ожидать, что ту же осторожность, которую международные законодатели здѣсь обнаружили, они распространятъ и на новаго суверена проливовъ, который сдѣлается таковымъ послѣ побѣдоносной войны.

Такимъ образомъ, почва для соглашенія, могущаго удовлетворить всѣхъ, опредѣляется сама собою. Нужно только, чтобы намѣченныя здѣсь условія соглашенія сдѣлались своевременно извѣстны всѣмъ заинтересованнымъ. Быть можетъ, тогда сами собой отпали бы тренія, неизбѣжно вызываемыя быстрымъ крушеніемъ установившихся традицій, и сократилось бы сопротивленіе, оказываемое теперь естественнымъ консерватизмомъ прогрессивно настроенныхъ людей, такимъ требованіямъ, которыя разсматриваются, какъ проявленіе аггрессивнаго „имперіализма".

Конечно, и съ другой стороны, слѣдовало бы освободить наши законныя національныя желанія, вызываемыя объективной необходимостью, отъ всѣхъ многолѣтнихъ наслоеній националистической идеологіи. Желанія эти такъ прочно срослись съ идеей и именемъ „Царьграда", что многимъ, какъ друзьямъ, такъ и противникамъ этой идеологіи, кажутся нераздѣльной частью идеи, неразрывно и органически съ нею связанной.

Надо, чтобы наши союзники знали, что нашъ жизненный интересъ и насущная потребность въ обладаніи проливами ничего не имѣютъ общаго ни съ пугаломъ „панславизма", которымъ националисты „пангерманства" запугивали Европу, ни съ завоевательными тенденціями, которымъ съ полнымъ основаніемъ хотятъ положить предѣлъ сторонники будущаго организованнаго мира Европы. Владѣніе Константинополемъ и проливами есть конецъ, а не начало. И вмѣстѣ съ другими окончательными ликвидаціями старыхъ запутанныхъ проблемъ, связанныхъ съ гордіевымъ узломъ турецкаго наслѣдства, ликвидація вопроса о проливахъ дастъ возможность торжественно отнести въ святилище исторіи такъ долго мучившій Европу „Восточный вопросъ".

Національный вопросъ и имперіализмъ.

М. М. Ковалевскій.

Исторія политической мысли безостановочна въ своемъ развитіи, и послѣднее происходитъ въ тѣсной связи съ фактами политической жизни. Въ годину жесточайшаго испытанія для всего человѣчества, когда еще трудно намѣтить послѣдствія небывалаго, по крайней мѣрѣ, въ такихъ размѣрахъ военнаго столкновенія народовъ между собой—все же позволено поставить вопросъ о томъ, какая политическая мысль руководитъ этимъ столкновеніемъ; вызвано ли оно борьбой національностей, какъ тѣ потрясенія, какія пережила Европа въ эпоху созданія единства Италіи и Германіи, или за совершающимися событіями дѣйствуютъ новые факторы, которымъ, рано или поздно, придется найти выраженіе себѣ и въ области политическаго устройства міра, и въ области политической мысли? Можно ли считать эти факторы совершенно новыми, или ихъ дѣйствіе сказалось уже годами ранѣе, въ какой формѣ и гдѣ впервые?—Вотъ тѣ вопросы, на которые я желалъ бы дать посильный и, разумѣется, далеко не полный отвѣтъ.

Въ 1848 г., когда возникали проекты федеральнаго устройства германской имперіи и объединенія Италіи, господствующимъ теченіемъ было то, которое нѣмцы выражаютъ терминомъ All Deutschland, а итальянцы словомъ „unità Italiana“. Всѣ населенныя нѣмцами княжества, королевства, вольные города и земли (Länder) австрійской имперіи и прусскаго королевства должны были войти въ составъ единаго феде-

ральнаго цѣлаго, а объединенная Италія—охватить, въ равной степени, и самостоятельныя королевства-княжества, расположенныя на Аппенинскомъ полуостровѣ, и итальянскія провинціи Австріи. Отъ Ниццы и Савойи до Тріеста, отъ итальянскаго кантона Тессина до южной оконечности Сициліи должны были простираться владѣнія итальянскаго короля или итальянской республики. Таковъ былъ идеалъ патріотовъ, засѣдавшихъ въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ, какъ и тѣхъ, которые окружали сардинскаго короля Карла Альберта въ знаменитой и потерянной имъ битвѣ подъ Наваррой. Этотъ идеалъ былъ далекъ отъ осуществленія. Соперничество Пруссіи и Австріи, нежеланіе прусскаго короля влить отдѣльныя земли своего королевства въ составъ обновляемой имъ имперіи, враждебность Австріи къ демократическому характеру, какой приняло все движеніе, были причиной того, что попытка возвести на престолъ возобновляемой федеральной имперіи австрійскаго эрцгерцога, кончилась кровавой расправой—казнью однихъ патріотовъ, какъ, напр., Блюма въ Вѣнѣ, бѣгствомъ другихъ, кого въ Швейцарію, какъ Карла Фохта, кого въ Америку. И итальянскіе патріоты, съ королемъ Карломъ Альбертомъ во главѣ, не въ состояніи были осуществить даже скромнаго желанія— изгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи. На долю сына несчастнаго короля выпало осуществить только часть его намѣреній; онъ объединилъ всѣ княжества Аппенинскаго полуострова, но цѣною уступки Ниццы и Савойи—Франціи, оставленія за Австріей Трентина, или итальянскаго Тироля и Тріеста. Идеалы патріотовъ и теоретиковъ національнаго вопроса въ Италіи, въ ихъ числѣ Манчини и Маміани, шли несравненно далѣе. И тогда уже создавались основы того движенія, которое извѣстно подъ названіемъ Italia irredenda; движеніе это не замерло до сихъ поръ, и никогда, быть можетъ, не было ближе къ осуществленію своихъ задачъ, какъ въ настоящее время, когда Италіи за сохраненіе нейтралитета двѣ центральныя имперіи сулятъ уступку, если не Тріеста, то Трентина, а тройственное согласіе обѣщаетъ, въ случаѣ активнаго выступленія, и полное удовлетвореніе, по крайней мѣрѣ, насчетъ Австріи, всѣхъ ея національныхъ вожделѣній.

Національный вопросъ поставленъ былъ въ Германіи, еще ранѣе 1848 г., въ эпоху войны за освобожденіе 1813—14 г., если хотите, еще ранѣе, въ годы, слѣдующіе за пораженіемъ пруссаковъ подъ Іеной, когда философъ Фихте, въ своихъ печатныхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкому народу“, призывалъ его къ исполненію патріотическаго долга въ интересахъ возстановленія Пруссіи въ ея прежнихъ границахъ, а Штейнъ, агитируя въ томъ же смыслѣ, не скрывалъ въ своихъ письмахъ, какъ указано Мейнеке, что ему дорого не единство Пруссіи, а единство Германіи. Въ Италіи националистическое стремленіе стало обнаруживаться еще въ эпоху Наполеона I, когда Аппенинскій полуостровъ покрылся сѣтью федеративныхъ республикъ, которыя, въ свою очередь, вошли въ составъ одного королевства съ значительными, впрочемъ, территоріальными уступками, съ одной стороны, въ пользу Франціи, съ другой—Австріи, съ третьей—Римскаго престола. Въ сочиненіяхъ итальянскихъ патріотовъ пожеланіе освободить Италію отъ иностранцевъ, пожеланіе, высказанное еще Маккіавелли, истолковывалось въ широкомъ смыслѣ объединенія всѣхъ народовъ Аппенинскаго полуострова, говорящихъ одной и той же рѣчью. За Германіей и Италіей Венгрія и нѣкоторыя славянскія земли также поставили на очередь вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли положить въ основу государства идею національнаго единства. Если въ Германіи и Италіи националистическое движеніе получило съ самаго начала значеніе силы центростремительной, то въ Австріи и Турціи оно носило обратный характеръ—силы центробѣжной. При этомъ въ самомъ движеніи сказалось два не вполнѣ примиримыхъ теченія: одно нашло выраженіе себѣ въ возникшей впервые въ бельгійской Фландріи поговоркѣ — „языкъ—это весь народъ“. Согласно этому принципу, изъ состава общаго государства должны быть выдѣлены провинціи, населеніе которыхъ говоритъ однимъ языкомъ. Они должны образовать каждая самостоятельное политическое цѣлое. Согласно другому теченію, теченію, выражаемому понятіемъ историческаго права, къ такой политической самостоятельности призваны стремиться лишь тѣ провинціи, которыя въ прошломъ имѣли общія историческія судьбы, входили въ составъ самостоятельнаго автономнаго цѣлаго. По-

нятый въ такомъ смыслѣ національный вопросъ давалъ право на возстановленіе Венгріи и Польши въ ихъ историческихъ границахъ, Богеміи въ связи съ Моравіей и Силезіей, нѣкогда входившихъ въ составъ „триединаго королевства". На извѣстномъ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ Палацкимъ поставленъ былъ весьма опредѣленно этотъ послѣдній вопросъ. Венгерская революція 1848 г., съ Кошутомъ во главѣ, добивалась возстановленія Венгріи въ ея историческихъ границахъ, т. е. вмѣстѣ съ равноплеменной съ нею Хорватіей. Польша, стремившаяся къ объединенію ея разрозненныхъ частей еще въ 1830 г. и раздавленная войсками Николая I, не нашла въ себѣ достаточно силъ, чтобы поднять снова вопросъ о своемъ возрожденіи въ 1848 г. Но того же нельзя сказать объ австрійскихъ Нидерландахъ, которые еще въ 1830 г. отдѣлились отъ протестантскихъ Нидерландъ и образовали королевство Бельгію. Она создана не по принципу— „языкъ есть весь народъ",—такъ какъ въ такомъ случаѣ фламандцы не могли бы войти въ ея составъ наравнѣ съ валонцами, а по началу религіознаго и историческаго единства. Католическіе Нидерланды остались, какъ извѣстно, въ XVI в. за австрійскими Габсбургами, тогда какъ протестантскіе образовали самостоятельное политическое тѣло—федерацію свободныхъ Нидерландъ, со временемъ сдѣлавшихся Нидерландскимъ королевствомъ подъ властью бывшихъ штатгальтеровъ Голландіи изъ Оранской династіи.

Спрашивается теперь, видимъ ли мы въ современномъ намъ столкновеніи народовъ то же стремленіе къ переустройству Европы по національному принципу, свидѣтелями котораго наши предшественники явились въ 1848 г. и отчасти раньше?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, отмѣтимъ нѣкоторыя выдающіяся явленія, идущія наперекоръ такому представленію. Въ Германіи совершенно оставлена мысль о, такъ называемомъ, All Deutschland. Если бы было иначе, то Германія стремилась бы къ тому, чтобы подвергнуть Австрію раздѣлу и присоединить къ себѣ ея нѣмецкія земли. Но она со времени еще своихъ побѣдъ подъ Садовой, въ 1866 г., подчиняясь совѣтамъ Бисмарка и вопреки личному желанію Вильгельма I-го, впослѣдствіи перваго императора новой

имперіи, отказалась отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Австріи въ надеждѣ заключить съ нею оборонительный и наступательный союзъ. Союзъ этотъ въ дѣйствительности и былъ осуществленъ Бисмаркомъ въ связи съ событіями, слѣдовавшими за франко-прусской войной. Съ послѣдствіями его мы считаемся въ данную минуту, когда Германія, въ полномъ соотвѣтствіи съ самымъ текстомъ договора, долгое время хранимымъ въ тайнѣ и въ настоящее время обнародованнымъ во всеобщее свѣдѣніе, включеннымъ, между прочимъ, въ только что появившійся двухтомный трактатъ о балканской политикѣ Австріи, должна по началу взаимности дѣйствовать заодно съ Австріей при нападеніи на нее со стороны Россіи. Итакъ, въ центральной Европѣ на мѣсто націоналистическаго теченія выступаетъ новое, для котораго не придумано еще особаго имени, но которое писатели въ обѣихъ имперіяхъ не прочь обозначать заимствованнымъ изъ Англіи терминомъ „имперіализма". Этотъ терминъ давно уже пущенъ въ обращеніе въ Англіи для обозначенія той центростремительной силы, которая заставляетъ метрополію искать болѣе тѣснаго сближенія со своими заморскими колоніями, съ созданными ею же свободными федераціями въ сѣверной Америкѣ—въ Канадѣ, въ Южной Африкѣ—Южно-Африканская федерація, въ Австраліи—Австралійская федерація и въ Новой Зеландіи—Ново-Зеландская федерація.

Идея болѣе тѣснаго сближенія возникла впервые на почвѣ экономической и сказалась въ предложеніяхъ, сдѣланныхъ бирмингамскимъ депутатомъ и министромъ колоній Чемберлэномъ, создать родъ таможенной уніи между этими разрозненными океаномъ частями британской имперіи. Осуществленіе такого намѣренія предполагало разрывъ съ политикой свободной торговли. Англія принуждена была бы въ этомъ случаѣ отдать предпочтеніе закупкѣ необходимаго ей сырья въ своихъ заморскихъ владѣніяхъ и снабжать ихъ взамѣнъ своими фабрикатами по пониженному тарифу или даже безпошлинно, тогда какъ, наоборотъ, ввозъ изъ государствъ европейскаго континента и ихъ колоній, а также Соединенныхъ Штатовъ Америки, южно-американскихъ государствъ и азіатскихъ имперій, былъ бы обложенъ высшими сборами, что предполагало бы возсозданіе по отношенію къ нимъ системы

протекціонизма. До сихъ поръ эта политика не восторжествовала, но стремленіе къ ней продолжаетъ сказываться съ прежней силой, а обсужденіе связанныхъ съ нею вопросовъ вызываетъ и въ политической литературѣ столько же, сколько и въ политикѣ колоній по отношенію къ метрополіи, подъемъ имперіалистическихъ стремленій.

Во время бурскаго возстанія Канада и Австралія уже предлагали свою военную помощь метрополіи, помощь судами и ополченіемъ. Съ этого времени все яснѣе и яснѣе становилась для Англіи необходимость обезпечить ея имперское единство увеличеніемъ своего флота, доведеніемъ его до того масштаба, при которомъ онъ былъ бы въ состояніи помѣряться съ флотами столько же Германіи, сколько Соединенныхъ Штатовъ, и добиться, такимъ образомъ, „владычества надъ морями".

Это владычество находитъ себѣ разное истолкованіе; англійское не согласно съ тѣмъ, какое дается нѣмцами. Нѣмцы говорятъ о томъ, что Англія стремится къ возрожденію въ жизни народовъ того принципа, съ которымъ сражался Гуго де Гротъ, и который нашелъ себѣ выраженіе въ трактатѣ Сельдена, „Mare clausum". Еще недавно, отстаивая въ Америкѣ нѣмецкую точку зрѣнія на дѣйствительныя причины войны, нѣмецкій министръ колоній Дернбургъ заявилъ, что Германія стремится, наперекоръ Англіи, доставить торжество принципу свободы морей. Англичане въ своихъ книгахъ, появившихся еще до войны и развивающихъ идеи ихъ имперіалистической политики, доказываютъ, что перевѣсъ ихъ флота надъ флотами другихъ державъ необходимъ для того, чтобы создать настоящую связь между разсѣянными по океанамъ частями британской имперіи. Эти части не соединены сухопутными, а только морскими путями между собою, и потому Англія должна имѣть увѣренность въ полной безопасности этихъ путей, должна имѣть владычество надъ ними. Англія не исключаетъ другія страны какъ отъ обладанія колоніями, такъ и отъ свободнаго плаванія по морямъ и океанамъ. Она готова признать, напримѣръ, право Франціи и Испаніи на Марокко, право Италіи на Триполи, право Бельгіи на Конго, Португаліи—на ея африканскія земли, и до войны ни мало не задавалась мыслью объ отнятіи у самой

Германіи ея владѣній на африканскомъ материкѣ или на Тихомъ океанѣ. Но она въ то же время строила въ два раза больше судовъ, чѣмъ это дѣлала Германія, съ цѣлью сохранить за собою возможность во всякое время сноситься со своими колоніями. Благодаря этой особенности территоріальнаго состава великобританской имперіи, то, что называютъ господствомъ надъ морями, является для нея условіемъ существованія. Упразднить это господство—это то же, что раздробить имперію на части. Политическая связь метрополіи съ колоніями сравнительно слаба. До второй половины прошлаго столѣтія Англія имѣла въ Канадѣ не только поставленнаго ею губернатора, своего рода вице-короля, но и совѣтъ изъ ея ставленниковъ, отвѣчавшій понятію верхней палаты. Въ настоящее время то, что называютъ „Dominion of Canada" представляетъ собою федерацію полуавтономныхъ республикъ, управляемыхъ на началахъ парламентаризма и имѣющихъ, кромѣ отдѣльныхъ правительствъ, еще общее правительство, отвѣчающее понятію кабинета, т. е. комитету отъ палатъ, въ составъ котораго входятъ члены численно господствующей въ нихъ партіи. Власть губернатора или намѣстника крайне ограничена и сводится къ неосуществляемому въ большинствѣ случаевъ праву veto.

Федерація австралійскихъ или новозеландскихъ колоній еще болѣе независима отъ метрополіи; въ нихъ господствуетъ демократическая рабочая партія. Южно-африканскія колоніи также устроены по федералистическому началу, примѣняютъ систему парламентаризма съ нѣкоторыми ограниченіями; Англія представлена въ нихъ только губернаторомъ.

Въ Египтѣ протекторатъ Англіи, при внѣшней автономіи страны, предоставляетъ метрополіи бо̀льшую силу власти, чѣмъ та, какой она пользуется въ вышеуказанныхъ колоніяхъ. Но и здѣсь уже имѣются зародыши представительства туземцевъ. Индія еще управляется на началѣ зависимости отъ англійскаго парламента поставленнымъ Англіей вице-королемъ. Но Англія принуждена была за послѣднее время пойти на уступки и сдѣлать извѣстныя обѣщанія по вопросу о представительствѣ мѣстнаго населенія. Небольшое число колоній, въ которыхъ бѣлое населеніе составляетъ меньшинство, продолжаетъ управляться изъ Англіи королемъ съ его совѣтомъ на

началахъ, близкихъ къ тѣмъ, какія предшествовали въ самой Англіи торжеству конституціонализма и парламентаризма. Для примѣра укажемъ на Гибралтаръ или островъ Мальту. Всѣ же остальныя части имперіи автономны; попытки связать ихъ общимъ парламентомъ до сихъ поръ оставались въ области однихъ желаній, далеко не раздѣляемыхъ большинствомъ. Созванные въ Лондонъ премьеры отдѣльныхъ колоній высказались въ пользу созданія постоянной комиссіи, которая была бы озабочена согласованіемъ политики колоній и метрополіи. Но эта комиссія еще не существуетъ.

И тѣмъ не менѣе, въ эпоху кризиса, грозящаго самому существованію великобританской имперіи, какъ цѣлаго, изъ Канады и Австраліи спѣшатъ на помощь Англіи военныя суда и военные контингенты въ такой же степени, какъ и войска изъ Индіи. Колоніи готовы принять на себя часть издержекъ войны; индусы и канадцы дерутся на ряду съ наемными войсками Англіи противъ германскихъ ополченій. Колоніи считаютъ побѣду Англіи своей побѣдой и ея пораженіе—величайшимъ для себя бѣдствіемъ.

Идея имперіализма, близкая къ торжеству въ Великобританіи и передаваемая нѣкоторыми американскими и нѣмецкими писателями новымъ терминомъ навализма, при которомъ подчеркивается роль, какую въ обезпеченіи британскаго единства долженъ играть флотъ, такъ называемое владычество надъ морями, выдвигается нынѣ и нѣмецкими публицистами, какъ та идея, изъ за торжества которой между Германіей и Англіей ведется настоящая война.

Эта мысль высказывается и въ публичныхъ лекціяхъ, и на конференціяхъ, читаемыхъ профессорами-историками, юристами и экономистами, и на столбцахъ газетъ, какъ „Vossische Zeitung или „Neue Freie Presse“, и въ журналахъ, какъ „Южногерманское мѣсячное обозрѣніе“, которое, начиная съ сентября, приняло форму сборниковъ статей отдѣльныхъ профессоровъ, по преимуществу исторіи, по вопросамъ, связаннымъ съ современными событіями, сборниковъ, изъ которыхъ послѣдніе по времени посвящены, одинъ Россіи, другой — Англіи, и соотвѣтственно озаглавлены. Старые журналы, столько же журналъ „Сѣверъ и Югъ“, прежде издаваемый Полемъ Линдау, а теперь бывшимъ бернскимъ философомъ Л. Штей-

номъ, какъ и новые, напр., „Пантера“, выходящая въ Лейпцигѣ всего третій годъ, почти всецѣло заняты вопросами, выясняющими причину войны и задачи будущаго устройства Европы и міра. При этомъ руководящимъ мотивомъ является все та же и та же мысль—объ имперіализмѣ. Наконецъ, она руководитъ и составителями сборниковъ отдѣльныхъ печатныхъ статей и брошюръ, которыхъ за послѣднее время вышло не мало подъ разными названіями и, между прочимъ, подъ слѣдующимъ: „Уничтоженіе мірового господства Англіи и русскаго царизма тройственнымъ союзомъ и исламомъ“. Такіе сборники выходятъ въ 20,000 экземпляровъ и печатаются обыкновенно въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Мюнхенѣ. Та же идея проводится Рорбахомъ въ издаваемомъ имъ небольшими тетрадями журналѣ, выходящемъ, болѣе или менѣе, періодически, въ, такъ наз., Grösseres Deutschland, а также въ отдѣльныхъ монографіяхъ, изъ которыхъ наибольшее вниманіе заслуживаетъ та, которая вышла подъ названіемъ: „Отъ великой державы къ міровой державѣ“. Въ Мюнхенѣ выходятъ также тетрадями in quarto, въ изданіи той же фирмы, монографіи, посвященныя отдѣльнымъ вопросамъ, поставленнымъ на очередь современной войной. Въ числѣ этихъ вопросовъ имѣется и вопросъ о будущемъ устройствѣ Европы. Онъ поднятъ извѣстнымъ криминалистомъ и одновременно знатокомъ международнаго права, Листомъ, имя котораго недавно произносилось въ Россіи по поводу исключенія его изъ числа почетныхъ членовъ петроградскаго университета. Во всей этой уже многотомной литературѣ вы встрѣтите имена такихъ большихъ или малыхъ столповъ науки, какъ Геккель и Оствальдъ, Ад. Вагнеръ и Лампрехтъ, Листъ и Эйкенъ, Онкенъ, Мейнеке и Галлеръ.

Всѣ они высказываются, какъ одинъ человѣкъ, повторяя слова императора Вильгельма, что настоящая война вызвана завистью къ величію германской имперіи и политикой окруженія центральныхъ монархій Европы врагами, такъ называемой, Einkreisungs-Politik, главнымъ вдохновителемъ которой признается Эдуардъ VII, а проводникомъ въ жизнь—нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи—Грэй. Тѣ изъ названныхъ мною профессоровъ, которые проявляютъ нѣкоторый скептицизмъ, по крайней мѣрѣ, по вопросу о томъ, не бу-

детъ ли послѣдствіемъ переживаемыхъ нами событій усиленіе милитаризма и теологическаго міросозерцанія, уже выступающаго въ постоянныхъ призывахъ, напримѣръ, императора Вильгельма къ помощи „нѣмецкаго Бога“, подвергаются своего рода преслѣдованію. Такъ, Оствальдъ недавно былъ призванъ къ отвѣту не за лекцію, а за простыя бесѣды, которыя онъ велъ въ Швеціи съ корреспондентами газетъ на эту тему. Ректоръ лейпцигскаго университета пригласилъ его явиться на дисциплинарное разбирательство, отъ чего извѣстный ученый, разумѣется, уклонился, удовольствовавшись одной письменной защитой своего поведенія и настаиваніемъ на свободѣ мысли и слова.

Сказать, что теорія имперіализма, какъ новаго начала, по которому должна быть перекроена карта Европы и другихъ материковъ, развита всѣми названными писателями съ полной стройностью и въ деталяхъ,—было бы преувеличеніемъ. Но можно уже въ настоящее время намѣтить нѣкоторыя руководящія идеи въ слагающейся подъ вліяніемъ событій доктринѣ. Одна изъ нихъ та, что мысль объ устройствѣ политическихъ тѣлъ по принципу національнаго единства—практически неосуществима для мелкихъ народовъ, какъ, напримѣръ, венгры и чехи, которые недостаточно численны, чтобы отстоять свою государственную независимость и должны, поэтому, тяготѣть къ національнымъ имперіямъ, въ частности, къ германскимъ. У Листа, можетъ быть, съ наибольшей ясностью развивается та мысль, что послѣдствіемъ побѣды центральныхъ имперій, въ которой, разумѣется, ни одинъ нѣмецъ не сомнѣвается, будетъ постановка международнаго права на новыхъ и болѣе прочныхъ основаніяхъ. Въ настоящее время это право вырабатывало нормы для всѣхъ народовъ, независимо отъ степени ихъ культуры. При новомъ устройствѣ Европы охрану и восполненіе его примутъ на себя двѣ центральныя имперіи съ примыкающими къ нимъ нейтральными государствами—Испаніей, Болгаріей, Румыніей и т. д.; они образуютъ одинъ тѣсный кругъ, къ которому Листъ не отчаивается привлечь и Францію. Все, что остается за предѣлами этого круга, образуетъ затѣмъ слѣдующіе концентрическіе круги, въ которые могутъ попасть Китай, Японія, Россія, Англія и т. д. Міръ распадется на небольшое число

такихъ не всегда объединенныхъ политическою связью, а одною только общностью интересовъ и политики, имперій. Рядомъ съ германо-австрійскимъ міромъ и съ тяготѣющими къ нему Венгріей, Польшей, балканскими народами, въ томъ числѣ турками, за исключеніемъ однихъ сербовъ, Италіей и Бельгіей, уже признаваемой частью германской федераціи, сохранится и даже разовьется англо-американскій міръ. На материкѣ Новаго Свѣта уже намѣчается новый союзъ латинскихъ имперій и республикъ, къ которымъ, пожалуй, будутъ тяготѣть народы Иберійскаго полуострова. Не слѣдуетъ также забывать мусульманскій міръ, какъ особый, Китай съ Японіей и, наконецъ, Россію, правда, уменьшенную въ своихъ размѣрахъ, у которой отрѣзана будетъ Финляндія, имѣющая войти въ составъ объединеннаго въ своей политикѣ и въ то же время тяготѣющаго къ центральнымъ имперіямъ скандинавскаго міра. Та же Россія должна потерять губерніи Привислянскаго края, входящія въ составъ возрождаемой Польши— государства-буфера, также тяготѣющаго къ германскому міру.

Другіе нѣмецкіе писатели, и въ томъ числѣ Рорбахъ или Галлеръ, идутъ несравненно далѣе въ замышляемыхъ ими операціяхъ надъ нашимъ отечествомъ. Для нихъ Россія съ ея панславизмомъ и предполагаемымъ желаніемъ поглотить всѣ славянскіе народы—является не органическимъ цѣлымъ, а какимъ-то конгломератомъ подавляемыхъ великороссами государствъ и народностей. Для нихъ это цѣлый міръ, въ которомъ будущій побѣдитель призванъ выкраивать новыя политическія тѣла. Такими тѣлами будутъ не только автономная или зависимая отъ Германіи или Австріи Польша, но также и Малороссія или Украйна, причемъ ея освободителями должны быть турки. Остзейскія провинціи возвращаются Германіи, какъ самая восточная изъ германскихъ марокъ, вызванная къ жизни подвигами рыцарей-меченосцевъ. Къ историческимъ мотивамъ профессоръ исторіи въ университетѣ Галле, называющій себя „балтомъ", присоединяетъ и политическіе: на одномъ и томъ же морѣ — на Балтійскомъ—не можетъ быть владычества двухъ народовъ и соперничества двухъ флотовъ.

Германія получитъ необходимый ей базисъ на Балтійскомъ морѣ только подъ условіемъ присоединенія къ ней „При-

балтійскаго края“. Хотя нѣмцы и утверждаютъ, что якобы навязанная имъ война ведется ими изъ чувства самосохраненія, но мы едва ли ошибемся, сказавши, что открыто высказываемыя ими намѣренія угрожаютъ цѣлости и единству прежде всего Россіи, которая только въ солидарности всѣхъ ея сыновъ можетъ найти условія, благопріятныя сохраненію всѣхъ достояній ея историческаго прошлаго.

Въ отличіе отъ революціонной или наполеоновской Франціи, которая прикрывала свои завоевательныя намѣренія проповѣдью великихъ началъ свободы и равенства, насажденіемъ которыхъ въ завоеванныхъ ею странахъ якобы заняты посылаемыя ею полчища,— нѣмцы ни мало не выдвигаютъ вопроса о политической реформѣ въ тѣхъ странахъ, дальнѣйшія судьбы которыхъ они желали бы продиктовать. Проф. Галлеръ довольствуется, напр., выраженіемъ надежды, что Россія вернется въ тѣ предѣлы, какіе она имѣла до Петра. Она будетъ отрѣзана отъ морей и позволитъ новому Лейбницу ставить ее, какъ прежній, въ одинъ уровень съ Абиссиніей. Что касается до развитія идеи конституціонализма, а тѣмъ болѣе парламентаризма въ Россіи, то на этотъ счетъ германскіе публицисты высказываются опредѣленно въ отрицательномъ смыслѣ. Чтобы не быть голословнымъ, я позволю себѣ привести слѣдующій отрывокъ изъ статьи Вальтера фонъ-деръ-Блека, въ которой, между прочимъ, говорится (стр. 15 уже упомянутаго сборника. „Уничтоженіе англійскаго мірового владычества и русскаго царизма“): „Россія, управляемая на началахъ парламентаризма, была бы только безконечнымъ несчастіемъ столько же для самой себя, сколько и для всей Европы. Послѣдняя въ такомъ случаѣ подверглась бы всѣмъ опасностямъ, представляемымъ страстями и не допускающимъ никакого регулированія „хаосомъ“. Она уподобилась бы тѣмъ, кто покоится на мѣшкѣ, наполненномъ порохомъ“. Отъ усиленной Германіи ни русскому либерализму, ни идеѣ народнаго самоуправленія, не приходится ждать ничего. Ихъ торжество, наоборотъ, неразрывно связано съ побѣдой русскаго государства и его союзниковъ надъ общими врагами, побѣды взятаго ими подъ свою защиту принципа свободы политическаго самоопредѣленія мелкихъ національностей, каковы, напр., сербская и бельгійская. Проведеніе того же

принципа по отношенію къ иноплеменнымъ частямъ Русской Имперіи необходимо выдвигаетъ вопросъ и объ автономіи окраинъ, въ пользу которой высказывалась первая наша Дума, и которая продолжаетъ оставаться составной частью политической программы русскихъ передовыхъ партій.

Такимъ образомъ, полная солидарность всѣхъ гражданъ имперіи, общее отстаиваніе русскими и поляками независимости славянскихъ народовъ отъ исконнаго врага славянства способны обезпечить и свободу политическаго самоопредѣленія большихъ и малыхъ политическихъ единицъ славянской семьи, и дальнѣйшіе успѣхи всѣхъ ихъ въ развитіи началъ свободнаго представительнаго строя.

Живя на чужбинѣ на правахъ заложника, лишенный возможности слѣдить за событіями иначе, какъ по нѣмецкимъ и австрійскимъ газетамъ, я преувеличивалъ тѣ опасности, которыя переживаетъ въ данное время наше отечество, а потому съ особенной радостью принималъ проскальзывавшее иногда сообщеніе о единодушіи, какое обнаруживаютъ всѣ сословія и классы, а также всѣ народности, живущія подъ кровомъ русскаго государства, въ борьбѣ, направленной, въ концѣ концовъ, къ тому, чтобы сохранить наслѣдіе предковъ одинаково во Франціи, Англіи, Бельгіи и Сербіи отъ нескрываемаго желанія перекроить Европу въ интересахъ не одной гегемоніи, но и рѣшительнаго господства нѣмецкой націи.

Идея націи.

С. І. Гессенъ.

1.

Для всѣхъ, кто хочетъ уяснить себѣ духовный смыслъ настоящей войны, вопросъ о націи есть одинъ изъ самыхъ существенныхъ и насущныхъ. Въ той или иной формѣ онъ неизбѣжно встаетъ передъ каждымъ изъ насъ. Если вѣрно, что мы ведемъ сейчасъ народную войну, то что такое защищаемое арміей нашей народное достояніе? И если для побѣды нужно національное единеніе, то въ чемъ оно состоитъ? Связано ли оно съ отреченіемъ отъ особенностей своего мышленія и своихъ идеаловъ, съ превращеніемъ всего общества въ однообразную, лишенную внутри всякихъ индивидуальныхъ различій массу? Или объединенность въ общемъ дѣйствіи можетъ сочетаться съ сохраненіемъ собственной индивидуальности? Однимъ словомъ, какой патріотизмъ истиненъ: тотъ ли, который, думая только о настоящемъ, ведетъ къ духовной нивеллировкѣ общества, какъ то въ началѣ войны было и, повидимому, имѣетъ еще и нынѣ мѣсто въ Германіи? Или тотъ, который, живя будущимъ и объединяя людей въ общемъ творческомъ дѣйствіи, еще рѣзче проявляетъ ихъ индивидуальныя различія и особенности, какъ то, будемъ надѣяться, и впредь будетъ отличать наше общество? Ведетъ ли увѣренность въ правотѣ своего дѣла къ ненависти и презрѣнію къ врагу, и если нѣтъ, то должно ли бороться съ этой ненавистью? Не есть ли презрѣніе и злоба лучшій стимулъ къ побѣдѣ и отсутствіе ихъ—слабость и безразличіе, и недостатокъ патріотизма?

Всѣ эти вопросы—насущные вопросы. Они предстоятъ каждому изъ насъ и властно требуютъ своего разрѣшенія. Болѣе того: такъ или иначе они уже разрѣшены всѣми нами, разрѣшены до того, какъ мы успѣли ихъ формулировать,—въ подсознательной основѣ нашего существа, именуемой совѣстью. Но это значитъ, что совѣсть наша разрѣшила уже и тотъ основной вопросъ, которымъ всѣ эти частные вопросы держатся,—вопросъ о націи. Сердце знаетъ, что такое нація, твердо знаетъ, задолго до всякихъ теоретическихъ размышленій и разсужденій. И если въ глубинѣ души мы чувствуемъ, что дѣло не въ побѣдѣ только, какъ бы она ни была желанна, а въ томъ, для чего эта побѣда и что будетъ послѣ побѣды; если любовь къ своему народу и вѣру въ него мы не переживаемъ, какъ ненависть ко всему, что не мы и не съ нами; если, наконецъ, желая сокрушить угрожающаго національному достоянію нашему врага, мы все же не видимъ въ немъ абсолютнаго воплощенія зла, которое остается только разъ навсегда истребить и уничтожить,—то, что бы намъ ни говорили иные философы о мнимой необходимости видѣть во врагѣ злодѣя, въ себѣ же рыцарей самого добра, мы имъ не повѣримъ. Мы скорѣе усомнимся въ ихъ философіи, чѣмъ откажемся слѣдовать голосу нашей совѣсти.

Но значитъ ли это, что философія вообще не нужна, что достаточно ограничиться однимъ непосредственнымъ переживаніемъ? Конечно, нѣтъ. Непосредственное переживаніе, само по себѣ, слѣпо и нѣмо: чтобы сообщить наше чувство другимъ, чтобы оправдаться въ немъ передъ собой, мы принуждены поднять его въ сознаніе, сдѣлать его предметомъ размышленія. Такъ или иначе мы всѣ, не зная того, философствуемъ, но философствуемъ тайкомъ, урывками, случайно и разбросанно. Поэтому, попытка явно и систематически осознать непосредственное переживаніе никогда не можетъ быть лишней. Мало чувствовать, надо умѣть дать отчетъ въ своемъ чувствѣ. А для этого мы не должны бояться отвлеченнаго пути философскаго разсужденія. Быть можетъ, путь этотъ и не приведетъ насъ ни къ чему новому. Но онъ укрѣпитъ насъ въ старомъ, давно знакомомъ, отстранитъ возможныя сомнѣнія и колебанія и придастъ чувству нашему значеніе и силу убѣжденія.

2.

Два вопроса содержитъ въ себѣ проблема націи: вопросъ о взаимоотношеніи между индивидомъ и народностью и вопросъ о взаимоотношеніи народности и человѣчества. Въ зависимости отъ того значенія и цѣнности, которыя придаются тому или иному члену названныхъ взаимоотношеній, и получаются обычныя рѣшенія этой проблемы. Удареніе ставится всецѣло то на индивида, то на народность, то на человѣчество. Заранѣе принимается, что перечисленныя начала находятся между собой въ противоборствѣ, и что признаніе одного изъ нихъ тѣмъ самымъ уже ведетъ къ умаленію другихъ. Такъ, космополитизмъ отрицаетъ народность ради человѣчества для того, чтобы, въ концѣ концовъ, и человѣчество превратить въ простую сумму индивидовъ. Такъ, націонализмъ, наоборотъ, отрицаетъ человѣчество ради народности, которой въ жертву онъ готовъ принести и индивида. Мы постараемся показать, что всѣ указанныя противорѣчія— вымышленныя противорѣчія; что, оперируя съ понятіями индивида, народности и человѣчества, космополитъ и націоналистъ такъ же, какъ примиряющій ихъ эклектикъ, оперируютъ не съ реальностями, а съ отвлеченными призраками, которые улетучиваются у нихъ подъ руками. На самомъ дѣлѣ между индивидомъ и народностью, народностью и человѣчествомъ уже потому не можетъ быть противорѣчія, что самъ индивидъ возможенъ лишь черезъ народность, народность же—только черезъ человѣчество. Поэтому, выяснивъ взаимоотношеніе между народностью и человѣчествомъ, мы тѣмъ самымъ уже отвѣтимъ и на вопросъ объ отношеніи между народностью и индивидомъ. Здѣсь одинъ вопросъ, а не два, или, вѣрнѣе, двѣ формы одного и того же основного вопроса, разрѣшеніе котораго сразу снимаетъ какъ ихъ мнимую двойственность, такъ и ту мнимую альтернативу, которая на ея почвѣ выростаетъ. Альтернатива космополитизмъ—націонализмъ покоится на механистическомъ пониманіи жизни, вмѣстѣ съ которымъ она и падаетъ. Только на почвѣ все расчленяющаго, все разрывающаго механизма и возникаютъ тѣ понятія народности и человѣчества, примирить которыя уже не удается никакому искуснику.

Въ самомъ дѣлѣ, сущность космополитизма въ томъ, что онъ отрываетъ цѣлое—человѣчество—отъ частей—народностей. Для него цѣлое живетъ какъ бы самостоятельной жизнью помимо частей. Космополитъ хочетъ быть просто человѣкомъ, гражданиномъ міра, безъ ограничивающаго включенія въ какую-нибудь народность. Онъ хочетъ сразу достичь цѣлаго внѣ посредства частей. Чисто внѣшнія, случайныя причины заставляютъ людей слагаться въ народы и быть эллинами и іудеями вмѣсто того, чтобы быть просто людьми. Обособленіе народностей—плодъ случайнаго историческаго развитія, въ которомъ человѣкъ былъ игралищемъ и жертвой слѣпыхъ, неразумныхъ силъ. Нынѣ онъ долженъ самъ стать творцомъ своей судьбы и отрѣшиться отъ всего раздѣляющаго и обособляющаго, отъ всего индивидуальнаго и историческаго. Космополитъ прежде всего отвергаетъ исторію, которая есть для него лишь нагроможденіе безсмысленныхъ преградъ, косной узости, несправедливости. Отрицая все конкретное, онъ хотѣлъ бы жить въ одной лишь отвлеченной всеобщности.

Но какъ сдѣлать это отвлеченное реальнымъ, общее и далекое близкимъ и ощутимымъ? Космополитъ жаждетъ дѣйствія, а для дѣйствія нужны реальные объекты. И вотъ, человѣчество превращается для него въ сумму отдѣльныхъ людей, въ сумму наибольшаго числа людей, въ послѣднемъ идеалѣ своемъ — въ сумму всѣхъ людей. Интересъ человѣчества—это есть интересъ наибольшаго числа людей, какъ существующихъ, такъ и имѣющихъ еще родиться въ будущемъ. Оторванное отъ частей цѣлое постепенно вытягивается въ неопредѣленно-безконечную сумму частей. Сохраняя свою отвлеченность (ибо космополитъ провозглашаетъ естественное равенство людей: они всѣ для него однородны въ своей безъиндивидуальной тождественности), человѣчество пріобрѣтаетъ зато, повидимому, реальность.

Но именно только повидимому. Ибо порождаемая отрицаніемъ индивидуальности отвлеченность разстилаетъ передъ космополитомъ однородную, неопредѣленную массу, въ которой онъ необходимо теряется. Для историческаго пониманія человѣчество дано лишь въ исторіи: оно есть не что иное, какъ цѣлокупность индивидуальнаго творчества осо-

быхъ, но и взаимно связанныхъ въ этой своей особности народностей. Новыя народности, вступая на арену исторіи, наслѣдуютъ оставленное прежними. Такъ эллинство не исчезло, но сохранилось въ культурѣ новаго времени. Человѣчество есть непрерывный органическій ростъ, гдѣ старое сохраняется въ новомъ, гдѣ есть непрерывное единое развитіе: каждому индивиду, каждому поколѣнію, каждому народу уготовано опредѣленное мѣсто, поставлена опредѣленная задача, внѣ которой онъ лишается смысла своего человѣческаго существованія. Космополитъ отвергаетъ эту порождаемую индивидуальностью опредѣленность: помимо народности, помимо своего поколѣнія ставитъ онъ себя лицомъ къ лицу съ человѣчествомъ, механически слагающимся изъ безконечнаго числа безразличныхъ индивидовъ. На чемъ остановиться? Куда приткнуться? Какъ ограничить себя? Какъ опредѣлить, направить свою дѣятельность? Превращенное въ сумму однородныхъ частей человѣчество неизбѣжно развертывается въ дурную безконечность, въ дурную, ибо неопредѣленную, лишенную развитія и движенія впередъ и знающую только нескончаемое повтореніе того-же. Предъ космополитомъ, живущимъ безпочвенно, внѣ поколѣнія и народа, внѣ реальнаго времени и внѣ реальнаго пространства, встаетъ безконечное количество задачъ, между которыми онъ не въ правѣ выбирать, которыя всѣ ему одинаково близки, и которыя онъ всѣ присужденъ разрѣшать. Вѣдь человѣчество повсюду страдаетъ, повсюду требуетъ великодушнаго вмѣшательства, сердечнаго участія. И вотъ, космополитъ торопится, пытается поспѣть здѣсь и тамъ, онъ исполненъ ненасытимой жажды всюду помочь, вездѣ быть полезнымъ. Но задачъ для дѣятельности много, очень много. Разрѣшеніе одной задачи не приближаетъ космополита къ цѣли. Охватить всѣхъ людей и тѣмъ достичь человѣчества оказывается невозможнымъ, какъ бы ни была интенсивна жизнь, какъ бы ни былъ силенъ и неисчерпаемъ филантропическій пылъ. Но разочарованіе приходитъ не сразу. Сначала космополитъ вѣритъ въ реальность своего обладанія. Онъ утопистъ и оптимистъ. Отвлеченная всеобщность, по существу призрачная, для него реальность. Его обманываетъ маска безконечности, которою прикрывается отвлеченность и при-

зрачность его „человѣчества“. Ему кажется, что онъ движется, идетъ впередъ, прогрессируетъ, на самомъ дѣлѣ всѣ усилія его — безплодный бѣгъ на мѣстѣ. Его движеніе—иллюзія, ибо онъ не знаетъ преданія, какъ преемственности, сохраненія стараго въ новомъ, рожденія новаго изъ стараго. Онъ всякій разъ начинаетъ сызнова, и человѣчество попрежнему остается для него все въ той же отрѣшенной отъ реальности, но спасительной для его оптимизма безконечности.

Оно для него готовая уже данность, непреложный фактъ, предметъ восторженнаго обладанія. Отсюда его безусловное, не терпящее никакихъ исключеній, отрицаніе войны, которая есть для него ничѣмъ не оправдываемое нарушеніе единства человѣчества. Ссылка на національные интересы, даже на попираемую національную независимость его не убѣждаетъ. Національная независимость, національные интересы— все это пережитки темной старины, съ которыми надо разъ навсегда покончить. Точка зрѣнія человѣчества отмѣняетъ всѣ названныя дѣленія и питаемыя ими противорѣчія. Война есть абсолютное зло, которому нѣтъ никакого оправданія. Она никогда не въ интересахъ народовъ. Современный человѣкъ такъ же не можетъ воевать, какъ отдѣлившійся отъ звѣря человѣкъ не могъ уже быть антропофагомъ.

Таковъ космополитъ въ его подъемѣ: вытянувшееся въ дурную безконечность, по существу призрачное человѣчество не сознается еще, какъ призракъ, но утопически принимается за реальность. Раньше или позже, однако, наступаетъ паденіе: призрачность становится достояніемъ сознанія. Иллюзія движенія и дѣйствія исчезаетъ и уже никого не обманываетъ. Призракъ пустоты, въ который расплывается понимаемое отвлеченно, внѣ своихъ частей, человѣчество, поглощаетъ космополита. Филантропическій паѳосъ его остываетъ и смѣняется политическимъ индифферентизмомъ. Направленный на безконечное пылъ смѣняется столь же безконечнымъ безразличіемъ. Типъ мечтающаго о братствѣ народовъ и альтруистически настроеннаго стоика вымираетъ. Его мѣсто занимаетъ политически индифферентный и эгоистически настроенный эпикуреецъ, для котораго pax romana есть лишь необходимое условіе тихой, сокрытой отъ вол-

неній міра и довлѣющей себѣ жизни. Остается голый индивидъ, индивидъ-атомъ, замкнутый въ узкомъ кругѣ своего личнаго я и движимый лишь косными силами своей ограниченной данности. Восторженное отрицаніе войны смѣняется безсиліемъ заразиться общимъ настроеніемъ, проникнуться общимъ дѣломъ, вырождается въ нравственное дезертирство. Нечего отстаивать, не за что бороться, да и нечѣмъ жертвовать. Такъ свершается судьба космополита,— механизмъ пожираетъ самъ себя.

3.

Но такова же и судьба національнзма, этой изнанки космополитизма. Если космополитъ отрываетъ цѣлое отъ частей, то сущность націоналиста въ томъ, что онъ отрываетъ часть (народность) отъ цѣлаго (человѣчества). Онъ отвергаетъ все общее, какъ отвлеченное, нереальное, безпочвенное. Онъ признаетъ лишь конкретное, особое, то, чѣмъ нація его отличается отъ другихъ націй. Нація съ ея исторически сложившимся бытомъ реальна, человѣчество же отвлеченно и химерично. Націоналистъ, поэтому,—крайній истористъ. Уединяя часть, онъ цѣпляется за индивидуальность и особенность этой части, за все историческое въ ней. Онъ живетъ всецѣло въ конкретной частичности, которая для него довлѣетъ себѣ, и которой онъ, по его мнѣнію, сполна обладаетъ.

Сполна обладаетъ, т. е. внѣ его націи нѣтъ ничего, что бы мѣшало этому обладанію, что бы его какимъ-нибудь образомъ ограничивало. Его нація довлѣетъ себѣ и ни въ какомъ смыслѣ не выходитъ и не должна выходить она за свои предѣлы. Всѣ общечеловѣческія духовныя цѣнности — добро, право, наука, искусство, религія — или не существуютъ для націоналиста или существуютъ лишь постольку, поскольку онѣ выражены именно въ его націи. Только его государство нравственно, только его нація есть хранительница истиннаго знанія, подлиннаго искусства и правовѣрія. Оторванная отъ цѣлаго часть выдаетъ себя, такимъ образомъ, за цѣлое. Нація націоналиста есть уже обладаемая полнота человѣчества.

Поэтому, націоналистъ вполнѣ ею доволенъ. Сколь антикультурно, т. е. противоположно общимъ духовнымъ цѣнно-

стямъ ни было бы въ данный моментъ существованіе его націи,—это его не безпокоитъ: нація его хороша уже потому, что это *его* нація. Въ ней все хорошо, не требуетъ никакихъ измѣненій, все должно быть сохранено. Въ ней нѣтъ ничего неготоваго, становящагося. Она вся—данность, готовая субстанція, которая въ лучшемъ случаѣ можетъ только еще раскрывать имѣющееся уже въ ней наличное содержаніе, но никоимъ образомъ не развиваться къ новому, въ ней еще не содержащемуся, выходящему за ея предѣлы. Націоналистъ отвергаетъ въ націи всякое заданіе. Онъ неизбѣжно консерваторъ. Покой есть его идеалъ.

Вотъ это то отсутствіе заданія и разверзаетъ передъ націоналистомъ дурную безконечность. Она поджидаетъ его въ той безпринципности, съ которой онъ признаетъ все историческое. Историческое хорошо для него уже потому, что оно—историческое. Онъ не желаетъ выбора. Либо все принять либо все отвергнуть: иной возможности онъ не вѣдаетъ. Принять все историческое? Но какъ сдѣлать это, когда даже въ отдѣльной націи историческаго такъ много, въ особенности, когда одно историческое оказывается противорѣчащимъ другому? И вотъ—націоналистъ производитъ выборъ, но дѣлаетъ это скрыто, на спѣхъ, руководствуясь произвольными, несознанными мотивами. Его націонализмъ дробится: изъ россійскаго превращается въ русскій, изъ русскаго—въ великорусскій, изъ великорусскаго—въ щигровскій. Интересы національные подмѣниваются интересами узко-сословными: германскій націонализмъ превращается лишь въ маску юнкерскаго. Какъ нація выдаетъ себя за цѣлое человѣчества, такъ и часть націи выдаетъ себя за націю. Оторванная отъ цѣлаго и потому выдаваемая за цѣлое часть все болѣе и болѣе сужается, подмѣнивается своей собственной частью (этнографическимъ племенемъ, классомъ) и далѣе—частью своей собственной части, т. е. все болѣе мельчаетъ, размѣнивается. Интересы государственные отождествляются съ интересами узко-правительственными. Или вниманіе направляется на внѣшнее, на поверхностное, на мертвое, т. е. на то, что, будучи лишь осадкомъ жизни, само недвижно и безжизненно и потому легче всего поддается обладанію. Такъ, націонализмъ славянофиловъ превращается въ національное ряженье К. Аксакова, всенѣ-

мецкое теченіе одно время выродилось въ безсмысленный пуризмъ языка, откапывавшій устарѣлыя, никому непонятныя слова и забрасывавшій живую рѣчь нарочитыми механическими новообразованіями. Въ поискахъ за даннымъ, явнымъ и конкретнымъ, націонализмъ дробится, мельчаетъ, засасывается разверзающейся передъ нимъ дурной безконечностью дѣленія. Ничѣмъ внутренне несвязанная, раздробляющаяся нація испаряется все болѣе и болѣе. Въ предѣлѣ—эгоистическое служеніе корыстнымъ интересамъ, только прикрывающееся маской націонализма. Изъ самодовлѣющей цѣли, изъ предмета обладанія нація незамѣтно превращается въ предметъ расхищенія. Націонализмъ вырождается въ психологію „національнаго пирога".

Это раздробленіе и испареніе націи связано съ дальнѣйшей ея механизаціей. А именно, сосредоточеніе интереса на внѣшнемъ и присвоеніе частью роли цѣлаго ведетъ къ нивеллировкѣ, униформированію. Часть, выдающая себя за цѣлое, не терпитъ многообразія, не терпитъ индивидуальности, стремится сдѣлать все кругомъ себя однообразнымъ. Такъ, въ отношеніи націи къ другимъ націямъ идея національнаго посланничества замѣняется идеей національнаго господства. Внутри самой націи возникаетъ политика національнаго угнетенія, уничтоженія индивидуальности частей въ угоду одной изъ этихъ частей. Но однообразіе не есть только идеалъ націоналиста. Это также и его сущность. Нѣтъ ничего однообразнѣе націонализма: всѣ націоналисты до чрезвычайности похожи другъ на друга. Это какъ бы оттиски съ одного и того же стереотипа. Занятые одной и той же чисто отрицательной цѣлью огражденія, уничтоженія и угнетенія, они всегда говорятъ объ одномъ и томъ же, дѣлаютъ одно и то же. Они всегда повторяются и повторяютъ другъ друга. Поэтому, они образуютъ лишь однообразное множество, лишенное индивидуальностей, многообразія. Можно сказать, что они различаются между собой лишь численно, а не существенно.—То же самое относится и къ націонализмамъ. Нѣтъ болѣе безличнаго и пригоднаго для экспорта, болѣе интернаціональнаго продукта, чѣмъ ннціонализмъ. Что можетъ быть общечеловѣчнѣе Пушкина, Шекспира и Гете? Но, несмотря на всю эту свою сверхнаціональность, они глубоко національны и по-

стольку совершенно не переводимы на иностранные языки. Наоборотъ, нѣтъ ничего болѣе доступнаго переводу, чѣмъ націоналистическіе поэты и писатели. Стоитъ только перемѣнить въ націоналистическихъ писаніяхъ нѣкоторыя слова, вмѣсто Россіи поставить Германію, замѣнить національные обряды и воспоминанія соотвѣтствующими другими, и мы получимъ точный переводъ, ничѣмъ, даже слогомъ не отличающійся отъ соотвѣтствующаго чужеземнаго оригинала. Ибо всѣ націоналисты утверждаютъ одно и то же: превосходство своей націи, ея право на міровое господство. Всѣ они хотятъ одного и того же: мірового владычества, т. е. однообразія, въ которомъ опредѣленіе русское, германское и т. д. является уже мелкой деталью, несущественнымъ эпитетомъ. Въ самомъ дѣлѣ: стремящаяся, прежде всего, къ самодовлѣнію и потому оторвавшаяся отъ цѣлаго нація неизбѣжно выдаетъ себя за цѣлое. Всѣ ея старанія направляются на то, чтобы поддержать эту иллюзію. Она уже не творитъ свободно, изнутри, ради радости творчества, но опредѣляется тѣмъ, что находитъ у другихъ націй. Націоналистъ, поэтому, все время смотритъ на другія націи. Какъ бы не быть превзойденнымъ, обогнаннымъ соперниками! Желанное самодовлѣніе его оказывается иллюзіей, онъ теряетъ себя. Ведомый уже единственно желаніемъ превзойти другія націи, дать сверхъ того, что у нихъ есть, онъ всецѣло опредѣляется ими. Моя нація— высшая нація, сверхнація. И потому, не должно быть ничего у другихъ націй, чего бы не было и у меня, только въ еще большемъ, еще колоссальнѣйшемъ размѣрѣ. Такъ внѣшнее вытѣсняетъ внутреннее, подражаніе становится на мѣсто творчества, колоссальное на мѣсто великаго. Индивидуальное качество замѣняется идеаломъ количественнаго, внѣшняго превосходства.

Но проще всего и нагляднѣе всего это внѣшнее превосходство достигается черезъ политическое господство. Поэтому, націонализмъ по существу своему завоевателенъ. Превзойти всѣ націи, дѣйствительно сдѣлать часть цѣлымъ, т. е. покорить всѣ націи—эта чисто количественная, чисто механическая цѣль, въ концѣ концовъ, вытѣсняетъ всѣ остальныя. Если космополитизмъ безусловно отвергаетъ войну, то націонализмъ безусловно ее признаетъ. Война (конечно, удачная!) есть благо

сама по себѣ. Хищничеству изнутри (нація для націоналиста) соотвѣтствуетъ хищничество во внѣ (міръ для націи). Завоевательная цѣль опредѣляетъ и способъ веденія войны. Нѣтъ никакихъ сверхнаціональныхъ сдержекъ, международнаго права, соображеній гуманности. Всѣ средства хороши для поставленной цѣли господства. Отсюда также презрительное отношеніе къ врагу, какъ къ варвару, объекту колонизаціи и насильственной денаціонализаціи, а не какъ къ равноцѣнному субъекту. Таково же отношеніе націоналиста и къ союзникамъ: узко-эгоистическое и презрительное, а, слѣдовательно, и предательское. Въ союзникахъ онъ видитъ исключительно лишь орудіе собственнаго господства. Націоналистъ кончаетъ легкомысленнымъ прославленіемъ войны, граничащимъ съ безуміемъ и самоувѣренностью. Война вызываетъ въ немъ лишь элементарное чувство торжества послѣ побѣды, чувство злобы и мести послѣ пораженія. Онъ не видитъ въ ней судьбы, глубокихъ нравственныхъ противорѣчій, въ ней кроющихся, ея трагизма. Побѣда есть побѣда, а какою цѣной человѣчество оплачиваетъ побѣду—это его не интересуетъ.

Такъ и у національзма есть свой подъемъ и свое паденіе. Онъ начинаетъ съ горделивой и восторженной вѣры въ то, что его нація есть избранный народъ, что она должна сказать новое слово и спасти разрушающееся человѣчество. Кончаетъ онъ мелочной и завистливой боязнью, что его превзойдутъ, обгонятъ, безпокойнымъ стремленіемъ къ физическому господству. И здѣсь иллюзія становится достояніемъ сознанія и перестаетъ быть иллюзіей—восторгъ выдыхается. Покой націоналиста оказывается столь же призрачнымъ, какъ и движеніе космополита. Самодовлѣніе его вырождается въ безпокойное охраненіе устоевъ, въ бряцаніе оружіемъ. Ему всюду мерещатся внутренніе и внѣшніе враги, ему начинаетъ казаться, что его не уважаютъ, что съ нимъ мало считаются. Желая стоять на себѣ самомъ, онъ, въ концѣ концовъ, опредѣляется другими. Предметъ его горделиваго обладанія—его національное преданіе улетучивается у него подъ руками, превращаясь въ случайный наборъ искусственныхъ внѣшностей. Его нація испаряется, становится похожей на націи другихъ націоналистовъ, оказывается лишенной индивидуальности и, потому, столь же отвлеченной, какъ и человѣчество кос-

мополита. У самого націоналиста психологія служенія націи давно уже смѣнилась психологіей своекорыстной ея эксплуатаціи. При такихъ условіяхъ достаточно сильнаго внѣшняго потрясенія, чтобы пока еще скрытый недугъ внутренняго раздробленія обрушился явнымъ распадомъ. Центробѣжныя силы тогда окончательно торжествуютъ, а съ ними вмѣстѣ выступаетъ наружу и эгоистическое безразличіе къ судьбамъ націи съ его лозунгомъ „спасайся, кто можетъ". Націоналистъ раздѣляетъ судьбу космополита: и здѣсь механизмъ пожираетъ самъ себя.

4.

Въ чемъ же причина этой общей судьбы? Почему космополитъ и націоналистъ, оба въ равной мѣрѣ, поглощаются дурной безконечностью и либо проваливаются въ пустоту, либо засасываются внѣшностью? Общей судьбѣ очевидно соотвѣтствуетъ общій грѣхъ. Его опредѣлить не трудно: для этого надо только объединить все сказанное выше въ одной формулѣ.

Какъ космополиту, такъ и націоналисту обще то, что они разрываютъ живую связь цѣлаго съ частями, мысля или цѣлое оторваннымъ отъ частей, или части оторванными отъ цѣлаго. Но жизнь не терпитъ подобнаго разрыва. Живой организмъ (а духовныя цѣнности подобны въ этомъ живымъ организмамъ) характеризуется именно тѣмъ, что въ немъ цѣлое не оторвано отъ частей, а проникаетъ собою всѣ части, и что каждая часть въ немъ, будучи органомъ цѣлаго, представляетъ собою все цѣлое, является его образомъ и подобіемъ. Лишите органъ этого органическаго, т. е. представляющаго цѣлое живого существа значенія, оторвите его отъ цѣлаго,—и онъ умретъ, превратится въ косную матерію и самъ начнетъ распадаться на части. Наоборотъ, лишите цѣлое отличающаго его въ живомъ существѣ значенія, откажитесь видѣть въ немъ проникающее каждую часть организма начало, оторвите его отъ жизни частей,—организмъ тогда неизбѣжно превратится въ машину, покорно выполняющую эту оторванную отъ нея, *отвлеченную* мысль создавшаго ее техника, т. е. станетъ простой комбинаціей, имманентной

суммой частей. Какъ бы вы ни усложняли вашу машину, сколько бы ни нагромождали частей,—вы не получите живого организма, а будете имѣть по прежнему лишь сумму частей, хотя и объединенныхъ внѣшне мыслью техника, но лишенныхъ всякой внутренней связи и готовыхъ каждый моментъ распасться. Въ обоихъ случаяхъ вы не получите жизни, не получите роста и движенія впередъ, а останетесь при мертвой матеріи, составленной изъ готовыхъ кусковъ и лишенной всякой активности, всякаго творчества.

Дѣйствительно, разрывая живую связь цѣлаго съ частями, механизмъ—и въ этомъ его сущность—имѣетъ дѣло лишь съ данностями, съ готовыми вещами. Оторванный отъ живого тѣла органъ и отвлеченная цѣль машины суть такія данности, готовыя, законченныя, не чреватыя уже никакими новыми возможностями, т. е. лишенныя жизни. Механизмъ знаетъ лишь обладаніе даннымъ, косное разложеніе даннаго, но ему невѣдомо творчество новаго, стремленіе, достиженіе. Для космополита человѣчество есть данность, сумма готовыхъ частей. Это есть наличный фактъ, которому надо пассивно подчиниться, и который однимъ своимъ существованіемъ отмѣняетъ всѣ историческія дѣленія на особыя народности. Это есть чисто опытное, имманентное, естественно-научное понятіе. Для націоналиста нація есть данность, готовая, законченная, голое существованіе которой есть высшее ея оправданіе. Это есть тоже фактъ, хотя уже и не имманентный, а трансцендентный, метафизическая субстанція „народнаго духа“, требующая пассивной вѣры и самой своей сверхъэмпирической наличностью отмѣняющая всѣ такія только отвлеченныя понятія, какъ человѣчество, международное право и т. д. Нужды нѣтъ, что космополитъ еще не обладаетъ человѣчествомъ, что оно ускользаетъ отъ него, какъ призракъ въ туманѣ. Онъ вѣритъ въ возможность полнаго его обладанія, которое надо еще только достигнуть въ будущемъ. Но само будущее для космополита есть только еще не наступившее настоящее. Человѣчество для него все таки есть данность, хотя и убѣгающая. Націоналистъ, напротивъ, вѣритъ, что онъ уже обладаетъ своей націей. Его забота только сохранить это обладаніе. Правда, нація непрерывно дробится у него подъ руками. Она вся уже въ прошломъ.

Но само это прошлое націоналистъ разсматриваетъ какъ настоящее. Нація его также есть данность, хотя и распадающаяся.

Въ этой прикрѣпленности къ данному и заключается общій и основной грѣхъ космополита и націоналиста. Въ немъ кроется истинная причина того, что заданіе одного оказывается столь же мнимымъ и призрачнымъ, какъ преданіе другого. Прикрѣпленные къ данности, они знаютъ лишь пассивное отношеніе къ своему предмету—отношеніе только обладанія. Это чисто внѣшнее, какъ бы разсудочное отношеніе, и постольку можно сказать, что оба они—противоположные и симметричные продукты интеллектуализма. На этой плоскости—плоскости данности—дѣйствительно нѣтъ выхода изъ разсмотрѣнной нами альтернативы. Или націонализмъ или космополитизмъ. Для третьей возможности здѣсь нѣтъ мѣста. Но стоитъ только покинуть эту плоскость пассивнаго обладанія, и антиномія падаетъ. Попробуемъ понять націю, какъ предметъ дѣланія, нашего активнаго устремленія, и мы тотчасъ же увидимъ, что между индивидомъ и націей, націей и человѣчествомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого противоборства. На этой новой, какъ бы волевой, плоскости мы уже не обладаемъ націей, мы ее творимъ.

Творчество подобно жизни и не терпитъ разрыва части и цѣлаго. Творить можно, только стремясь къ цѣлому, но именно лишь стремясь, а не обладая имъ и потому непремѣнно оставаясь въ частяхъ. Всякая сотворенная часть есть лишь ступень восхожденія къ цѣлому, ступень къ свершенію, но никогда не конецъ, не совершенство. Въ творчествѣ нѣтъ ничего готоваго, законченнаго, абсолютно-даннаго, оно все живетъ дѣланіемъ, становленіемъ, заданностью. Только цѣлое довлѣетъ себѣ, но оно именно не дано въ отдѣльности, а лишь проникаетъ собою части, придаетъ имъ жизнь и единство. Въ извѣстномъ смыслѣ оно неуловимо, ибо неотдѣлимо отъ частей, будучи лишь живущимъ въ нихъ началомъ. Оно не трансцендентно частямъ, ибо не существуетъ отдѣльно отъ нихъ въ нѣкоемъ умопостигаемомъ мѣстѣ. Оно *только заданіе, а не трансцендентная данность,* внѣположная частямъ и потому необходимо сама превращающаяся въ (хотя бы сверхчувственную) часть. Но цѣлое и *не есть* также *нѣчто*

только имманентное, ибо оно не есть простая сумма налично данныхъ частей, *а есть именно заданіе,* т. е. самостоятельное проникающее ихъ начало. Иначе говоря, цѣлое есть идея, т. е. единство трансцендентнаго и имманентнаго, взаимопроникновеніе цѣлаго и частей, одухотворенная заданіемъ данность.

Будучи работой въ частяхъ, одушевленной стремленіемъ къ цѣлому, творчество есть осуществленіе идеи. Такъ, напр., научное творчество живетъ идеей науки. Науку нельзя отдѣлить отъ своихъ спеціальныхъ областей, ею нельзя разъ навсегда овладѣть, какъ о томъ мечтаетъ диллетантъ. *Она есть* общее для всѣхъ отдѣльныхъ научныхъ областей *заданіе*, къ которому можно только приближаться въ непрерывномъ прогрессѣ, но которое нельзя исчерпать, превратить въ готовую данность. Но точно также не терпитъ она и уединенія части, практикуемаго спеціалистомъ. Всякое отдѣльное знаніе научно лишь постольку, поскольку оно связано съ цѣлымъ науки, есть живой членъ научной системы. Только черезъ эту причастность цѣлому научное знаніе научно. Какъ въ каждомъ членѣ организма въ сущности содержится весь организмъ въ цѣломъ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ научномъ предметѣ содержится вся наука въ цѣломъ. Не путемъ диллетантскаго отвлеченія отъ частностей и собиранія готовыхъ общихъ мѣстъ, но путемъ углубленія въ частное и всесторонняго его разсмотрѣнія можемъ мы взойти къ „наукѣ вообще", познать самое „научность". Нужно только разсматривать это частное, какъ членъ научной системы, какъ образъ ея и подобіе, и мы увидимъ тогда, что въ немъ, какъ въ микрокосмѣ, отражается весь великій космосъ научной системы. При этомъ все равно, что это за частное: многообразны пути, ведущіе къ единой наукѣ. Въ этомъ смыслѣ цѣлое науки есть „научность", т. е. живое начало, имманентно присутствующее въ каждомъ частномъ научномъ предметѣ, дѣлающее его возможнымъ какъ научный предметъ, оформляющее его. *Идея есть* не только трансцендентное заданіе, но и *имманентная форма.* Она есть заданіе въ отличіе отъ отвлеченнаго цѣлаго, какъ простой имманентной суммы частей, она есть форма въ отличіе отъ уединенной части, выдающей себя за трансцендентную сущность внѣ ея поло-

женнаго цѣлаго. Быть безконечнымъ, т. е., неисчерпаемымъ для частей заданіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пронизывающимъ части, внутренне „образующимъ“ ихъ принципомъ—вотъ двойная функція идеи.

Творчество живетъ идеей. Идея связываетъ части внутреннимъ единствомъ, превращаетъ ихъ въ ступени восхожденія къ общему цѣлому, дѣлаетъ изъ нихъ этапы единаго развитія. Будучи образами одной и той же идеи, рѣшеніями одного и того же заданія, части становятся многообразными. Повтореніе того же уступаетъ мѣсто сохраненію стараго въ новомъ, накопленію новаго, т. е., творчеству. Вѣдь творчество есть непрерывное и неуклонное совершенствованіе, углубленіе и обогащеніе уже достигнутаго новыми достиженіями. Но новое въ творчествѣ возможно лишь черезъ сохраненіе стараго. Старое же сохраняется, т. е., становится преданіемъ лишь черезъ причастность свою общему заданію, т. е., постольку, поскольку оно носило въ себѣ идею. Творчество и есть живое единство преданія и заданія. Однообразіе и повтореніе уступаютъ въ немъ мѣсто многообразію и развитію. Такъ идея преодолѣваетъ безплодіе дурной безконечности. Она не только придаетъ смыслъ и цѣнность каждой отдѣльной части, но и организуетъ части, вноситъ въ нихъ порядокъ, непрерывность, опредѣленность. Каждая часть, будучи отнесена къ цѣлому, получаетъ свое опредѣленное, незамѣнимое мѣсто въ единомъ ряду развитія, опредѣленное призваніе—становится индивидуальностью.

Вѣдь и въ личной жизни индивидуальность дается творчествомъ, а это значитъ—причастностью къ нѣкой общей идеѣ, работой надъ сверхъиндивидуальнымъ заданіемъ. Кѣмъ бы мы ни были—учеными, поэтами, общественными дѣятелями или просто творцами собственной жизни,—только черезъ сверхъиндивидуальное въ насъ можемъ мы стать индивидуальностями. Сверхъиндивидуальное въ насъ образуетъ насъ, сохраняя частности нашей жизни и собирая ихъ въ единое цѣлое. Оно же опредѣляетъ насъ, указывая намъ особое, незамѣнимое мѣсто, наше призваніе. Индивидуальность образуется легко, свободно въ результатѣ работы надъ сверхъиндивидуальнымъ заданіемъ, какъ ея естественный плодъ. Наоборотъ, уединеніе индивида, эгоистическое замкнутіе его

въ узкомъ кругѣ собственной данности ведетъ къ внутреннему распаду, къ дробленію и къ потерѣ своего я. Личность утрачиваетъ единство, лишается призванія, т. е., перестаетъ быть индивидуальностью. Въ этомъ и состоитъ внутреннее противорѣчіе индивидуализма. Онъ начинаетъ съ уединенія, т. е., съ обожествленія личности, кончаетъ же пессимистическимъ признаніемъ ея призрачности [1]). Жизнь въ себѣ оказывается вѣрнѣйшимъ путемъ къ утратѣ собственнаго я. Самоутвержденіе оборачивается самоотрицаніемъ, индивидуализмъ пожираетъ самъ себя [2]). Чтобы пріобрѣсти я, надо быть больше чѣмъ я, надо быть причастнымъ нѣкоему сверхъ-я. А это и дается жизнью въ общемъ, въ абсолютномъ. „Сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради меня сбережетъ ее“.

5.

Но то же самое можно сказать и про націю. Если нація есть коллективное лицо, соборная индивидуальность (а лишь такая индивидуальность и заслуживаетъ названія націи), то она возможна черезъ сверхъиндивидуальное, въ данномъ случаѣ черезъ сверхнаціональное, общечеловѣческое. Только пока нація не выдѣлена, а включена въ цѣлое человѣчества, есть она живое творчество, обладаетъ она своимъ лицомъ.

Всякое творчество нуждается въ конкретизаціи, опредѣленности. Только имѣя передъ собой конкретныя, индивидуальныя задачи, можно реально творить. Опредѣленность задачи дается народностью, національной традиціей, какъ непосредственной окружающей творчество средой. Безъ этой включенности въ традицію творчество въ самомъ дѣлѣ оказывается безпочвеннымъ, неплодотворнымъ, т. е., мнимымъ творчествомъ. Оно живетъ преданіемъ: изъ него исходитъ и его создаетъ. Какъ преданіе, нація есть совокупность сотвореннаго, но никогда не конченнаго и мертваго, а живого и

[1]) Срв. *Д. Мережковскій.* Двѣ тайны русской поэзіи. 1915. Статья о Тютчевѣ.

[2]) Я не говорю уже о той пародіи на индивидуализмъ, которая называется оригинальничаніемъ. Нѣтъ людей болѣе безъиндивидуальныхъ и лишенныхъ собственнаго я, чѣмъ оригинальничающіе люди.

живительнаго. Это—духовный воздухъ нашъ, которымъ мы дышемъ, черезъ который мы можемъ жить и творить, черезъ который мы можемъ быть самими собой. Чѣмъ были бы мы безъ Пушкина и Толстого, Тютчева и Достоевскаго, Петра Великаго и Сперанскаго, декабристовъ и Герцена, безъ музыки нашей, нашей древней иконописи? Даже не зная ихъ, мы вдыхаемъ ихъ, живемъ ими, творимъ черезъ нихъ. Они не умерли, но продолжаютъ жить въ насъ, и, подобно древнимъ грекамъ и римлянамъ, мы боремся сплоченнымъ строемъ вмѣстѣ съ нашими безсмертными мертвыми. Преданіе есть не просто прошлое, а живое, вѣчное прошлое, и исторія націи есть повѣствованіе не о прошедшемъ и отмершемъ, а о непреходящемъ прошломъ. Нація есть совокупность не только живыхъ, но и мертвыхъ, и не только тѣхъ мертвыхъ, имена которыхъ вѣдомы каждому живому, но и многихъ, многихъ безвѣстныхъ, точно такъ же боровшихся и творившихъ.

Но что дѣлаетъ прошлое непреходящимъ? Что дѣлаетъ возможнымъ самое преданіе? Оно есть совокупность сотвореннаго. Значитъ, оно возможно только черезъ работу надъ вѣчными, абсолютными цѣнностями, черезъ заданіе, въ абсолютности своей выходящее за предѣлы отдѣльныхъ націй. Стремясь къ истинѣ какъ таковой, и красотѣ, какъ таковой, даже самые чуждые всякаго націонализма ученые и поэты будутъ творчествомъ своимъ создавать націю, будутъ національными въ истинномъ смыслѣ слова. Черезъ нихъ естественно и свободно, само собой, пріумножится духовное достояніе націи, обогатится національное преданіе. Но горе искусству, которое, во что бы то ни стало, заранѣе захочетъ быть славянскимъ, философіи, которая поставитъ себѣ задачей во что бы то ни стало быть восточной, праву, которое пожелаетъ, прежде всего, быть русскимъ. Такое искусство будетъ претенціознымъ и лубочнымъ, философія—нарочитой и ненаучной, право—несправедливымъ. Это будутъ мнимое искусство, мнимая наука, мнимое право, въ нихъ не будетъ главнаго, чѣмъ живо истинное творчество—безкорыстнаго стремленія къ красотѣ, истинѣ, справедливости. Но безкорыстность есть только тамъ, гдѣ имѣется стремленіе къ цѣлому, т. е., гдѣ нѣтъ уединенія и самодовлѣнія части, гдѣ

нѣтъ догматической увѣренности въ обладаніи истиной и потому посторонняго истинѣ интереса остаться во что бы то ни стало правымъ. Здѣсь именно и кроется внутреннее противорѣчіе націонализма: стремясь прежде всего къ нарочитости и національности, онъ дѣлаетъ творчество невозможнымъ и мнимымъ. Нарочитое творчество, вообще, не творчество и потому не можетъ быть и національнымъ творчествомъ. Поэтому-то нація и распадается въ рукахъ націоналиста, утрачиваетъ свою индивидуальность, нивеллируется.

Итакъ, если нація есть нѣчто большее, чѣмъ голое существованіе народа, а есть нѣчто цѣнное и незамѣнимое, т. е., индивидуальное творчество, созданіе своеобразной культурной традиціи, то нація возможна лишь въ человѣчествѣ и черезъ человѣчество. Только творчество надъ сверхнаціональными, общечеловѣческими цѣнностями сообщаетъ смыслъ и даже бытіе націи. Идея человѣчества такъ же формируетъ націю, какъ идея науки формируетъ отдѣльные научные предметы. „Совокупное творчество надъ общими культурными цѣнностями"—только на первый взглядъ это опредѣленіе націи можетъ показаться абстрактнымъ и неожиданнымъ. Въ сущности же оно совпадаетъ съ обычнымъ опредѣленіемъ. „Народъ есть населеніе, не только совмѣстно живущее, но и совокупно дѣйствующее, имѣющее общій языкъ и общія судьбы", говоритъ Ключевскій [1]). Это значитъ—объединенное въ общей, совокупной работѣ надъ вѣчными и, потому, сверхнаціональными, общечеловѣческими цѣнностями: искусствомъ, наукой, религіей, правомъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этого объединенія, нѣтъ и націи, а есть только раса, простой этнографическій матеріалъ, разсыпающійся и неоформленный, не субъектъ, а объектъ культурнаго творчества.

Нація возможна черезъ человѣчество. Но что такое это человѣчество, формирующее націю? Оно не есть простая сумма отдѣльныхъ народностей, какъ идея науки не есть сумма разрозненныхъ знаній. Оно есть тоже цѣлое въ смыслѣ идеи, а не въ смыслѣ суммы. Подобно тому, какъ „наука вообще" превратилась для насъ въ идею научности, прони-

зывающую и объединяющую всѣ научныя знанія, такъ и человѣчество изъ отвлеченной суммы превращается въ идею человѣчности [1]), проникающую собою всѣ отдѣльныя націи. Какъ цѣлокупность вѣчныхъ заданій, надъ которыми работаютъ люди, идея человѣчности (гуманность) есть идеалъ, къ которому должны стремиться всѣ націи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣчность есть начало, необходимо присутствующее въ каждой истинной націи, дѣлающее ее возможной, отличающее ее отъ простого этнографическаго матеріала. Подобно всякой идеѣ, и человѣчество, какъ человѣчность, одновременно имманентно и трансцендентно. Имманентно, поскольку не существуетъ отдѣльно отъ націй, а является пронизывающимъ ихъ, придающимъ имъ цѣнность и бытіе принципомъ. Трансцендентно, поскольку оно не есть простая сумма ихъ эмпирическаго бытія, а особое начало, предлежащее отдѣльнымъ націямъ въ качествѣ поставленной предъ ними цѣли, къ которой онѣ неустанно должны стремиться. Это есть нераздѣльное единство части и цѣлаго, въ которомъ часть есть образъ цѣлаго, цѣлое — живой принципъ части.

Первоначальный энтузіазмъ космополитизма и кажущаяся его правота проистекали отъ того, что, говоря о человѣчествѣ, какъ отвлеченной суммѣ однообразныхъ народностей, онъ на самомъ дѣлѣ, однако, имѣлъ въ виду человѣчность, какъ цѣлокупность общихъ всѣмъ народностямъ цѣнностныхъ заданій, индивидуально разрѣшаемыхъ различными народными преданіями. Идея человѣчности объединяетъ отдѣльныя націи въ единствѣ общаго для нихъ всѣхъ заданія: въ этомъ сказывается центростремительная тенденція, монистическій характеръ идеи. Но, будучи лишь безконечнымъ заданіемъ, предлежащимъ одинаково всѣмъ націямъ въ ихъ борьбѣ за культуру, человѣчность, какъ идея, не только не нивеллируетъ индивидуальныхъ особенностей отдѣльныхъ націй, но даже требуетъ ихъ многообразія: безконечность задашія порождаетъ различныя попытки, различные способы его разрѣшенія. Въ этомъ проявляется центробѣжная тен-

[1]) Menschheit въ смыслѣ человѣчества, какъ его космополитически понимало Просвѣщеніе, превращается у нѣмецкихъ идеалистовъ въ Menschheit въ смыслѣ Humanität, человѣчности.

денція, плюралистическій характеръ идеи. Такимъ образомъ, идея обнаруживается, какъ единство многообразія: единое, поскольку оно идеально, многообразное, поскольку оно реально. *Быть* гражданиномъ міра можно, только будучи вкрапленнымъ въ національное преданіе, углубившись въ него и тѣмъ самымъ познавши его общечеловѣческій смыслъ. Но и обратно: быть истиннымъ гражданиномъ своего народа можно, только *стремясь* реализовать въ немъ идеалъ человѣчности, т. е. вставивъ его въ болѣе объемлющее цѣлое культурнаго человѣчества. Только тогда нація перестаетъ быть грубымъ фактомъ, существованіе ея получаетъ опредѣленный, индивидуальный смыслъ, она пріобрѣтаетъ историческое призваніе. Поэтому, истинный космополитизмъ и истинный національизмъ не только не противорѣчатъ другъ другу, но требуютъ одинъ другого. Что можетъ быть національнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общечеловѣчнѣе Гете и Пушкина [1])? Чѣмъ человѣчнѣе, тѣмъ національнѣе, чѣмъ національнѣе, тѣмъ человѣчнѣе. Истинный космополитизмъ и истинный національизмъ совпадаютъ.

„Подобно Янусу, они смотрѣли въ разныя стороны, но сердце у нихъ билось одно", говоритъ Герценъ про западниковъ и славянофиловъ. Самые настоящіе изъ западниковъ (какъ самъ Герценъ) вѣрили въ *особое* призваніе своего народа. Самые великіе изъ славянофиловъ (какъ братья Кирѣевскіе) не уставали опредѣлять мѣсто Россіи во всемірной исторіи, *призваніе* русскаго народа, на долю котораго выпала, какъ они вѣрили, почетная роль спасти міровую культуру (человѣчность) отъ разложенія и смерти. Только эпигоны тѣхъ и другихъ превратили различную направленность взора въ уединяющее раздѣленіе моментовъ идеи: западники, превративъ человѣчность въ человѣчество, отбросили преданіе и забыли объ особомъ призваніи Россіи въ исторіи человѣчества (т. е. въ процессѣ реализаціи человѣчности); славянофилы, отбросивъ заданіе, забыли объ общечеловѣческомъ призваніи Россіи и подмѣнили идею служенія человѣчности (подчиненія части цѣлому) идеей физическаго

[1]) Вспомнимъ Тютчева о Гете: „На древѣ человѣчества высокомъ ты лучшимъ былъ его листомъ".

господства надъ человѣчествомъ (подчиненія цѣлаго части). Отсюда полная удовлетворенность настоящимъ, безконечное суженіе идеи человѣчности, т. е., крайній историзмъ однихъ, точно соотвѣтствующій столь же безусловному антиисторизму другихъ.

Нація — историческое образованіе. Способъ разрѣшенія и даже самый характеръ предлежащихъ ей культурныхъ задачъ опредѣляется ея призваніемъ, т. е., исторической судьбой и мѣстомъ ея въ міровой исторіи человѣчества. Созданіе національнаго преданія— вотъ историческій моментъ въ націи. Исходить изъ исторіи — его велѣніе. Но нація — совокупная работа надъ сверхъисторическимъ заданіемъ. Стремленіемъ реализовать общечеловѣческія, вѣчныя цѣнности (идею человѣчности) опредѣляется направленіе ея духовнаго творчества. Включеніе національнаго преданія въ соборное преданіе всего человѣчества — вотъ сверхъисторическій моментъ въ націи. Стремиться къ вѣчному — его велѣніе. Стремясь къ вѣчному, космополитъ отвергаетъ историческое: въ борьбѣ съ современнымъ правительствомъ, съ церковью, съ общей культурной косностью, онъ отвергаетъ государство вообще, религію, націю. Националистъ, наоборотъ, безусловно защищая все историческое, отвергаетъ всякое стремленіе, всякое становленіе. Защищая государство, религію, національную традицію, онъ подмѣниваетъ государство правительствомъ, религію—церковностью, народность — національной внѣшностью. Оба не различаютъ между явленіемъ и сущностью: одинъ не видитъ сущности (вѣчныхъ цѣнностей), другой подмѣниваетъ вѣчную цѣнность временной дѣйствительностью.

Нація не есть ничто, а есть реализующаяся человѣчность. Но нація и не есть все, т. е., нѣчто готовое, законченное, себѣ довлѣющее, долженствующее насильно навязать всему остальному свой исключительный характеръ. Нація не есть покой, а есть жизнь, движеніе, становленіе. Мы должны творить націю, любить ее какъ объектъ нашего творчества, любить вѣчное въ ней, являющееся намъ въ видѣ будущаго. Ибо нація есть не только совокупность живыхъ, но и будущихъ, еще не родившихся. Никогда не должны мы боязливо цѣпляться за настоящее, удовлетворяться данностью, замѣ-

нять созданіе новаго изживаніемъ накопленнаго богатства, т. е., творчество замѣнять расхищеніемъ, жизнь — косностью и смертью. Идея человѣчности переноситъ свой идеальный характеръ и на самое націю: изъ готовой, замкнутой субстанціи нація превращается въ принципъ цѣлаго, въ становящееся заданіе, въ идею. Тѣмъ самымъ она теряетъ свой порабощающій, давящій и распыляющій характеръ и становится началомъ собирательнымъ, принципомъ свободы и единенія.

6.

Сказаннымъ опредѣляется отношеніе истиннаго патріотизма къ войнѣ. Безусловныя въ силу своей однообразной отвлеченности рѣшенія космополитизма и національзма (огульное отрицаніе и огульное же утвержденіе войны) ему одинаково чужды. Порождаемая націонализмомъ завоевательная война, ведущая необходимо къ угнетенію другихъ націй, имъ отвергается. Но точно такъ же имъ отвергается и національный индифферентизмъ космополита. Если я есмь я только въ силу причастности своей сверхъиндивидуальному началу, если я есмь личность лишь въ мѣру своей причастности общему, то, очевидно, ни утрата матеріальнаго благополучія, ни физическая смерть не должны остановить меня отъ защиты своего духовнаго достоянія, обезпечивающаго мнѣ духовное бытіе. Но причастнымъ общему я могу быть только черезъ свободное развитіе своихъ творческихъ силъ въ какомъ-нибудь національномъ преданіи. Внѣ этого свободнаго и естественнаго участія въ національномъ преданіи я не могу стать причастнымъ и общечеловѣческому. Я есмь я лишь черезъ націю такъ же, какъ и нація есть нація лишь черезъ раскрывающуюся въ ней человѣчность. Отсюда вытекаетъ нравственное требованіе защищать всѣми силами свою національную независимость, какъ возможность достойнаго человѣческаго существованія. Живая, творящая, не распадающаяся нація не остановится ни передъ какими жертвами, угрожающими ея матеріальному благополучію, разъ рѣчь идетъ объ охранѣ ея духовнаго бытія. Вѣдь единственный смыслъ ея матеріальнаго существованія — быть физической основой ея духовнаго творчества. Если послѣднему угрожаетъ опасность,

то первое лишается всякой цѣнности. Такимъ образомъ, истинный патріотизмъ, отвергая войну завоевательную, всецѣло признаетъ войну духовно-оборонительную. При этомъ несущественно, завоевательна или оборонительна война въ обычномъ политико-стратегическомъ смыслѣ. „Завоевательныя" итальянскія войны за освобожденіе были въ нашемъ смыслѣ духовно-оборонительными. Такой же несомнѣнно была и первая балканская война [1]).

Итакъ, въ отличіе отъ завоевательной, война духовно-оборонительная есть *по цѣли* своей *защита преданія.* Но не менѣе существенно отличается оборонительная война отъ завоевательной и *по своему способу.* Если послѣдняя, какъ мы видѣли (гл. 3), не знаетъ никакихъ сдержекъ (всѣ средства хороши для достиженія цѣли завоеванія), то первая въ самой себѣ носитъ цѣлый рядъ ограниченій. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣетъ защищать національное преданіе, если защита эта будетъ вестись такъ, что въ результатѣ ея погибнетъ все, придающее жизнь національности, т. е., человѣчность? Защита преданія неразрывно связана также и съ *защитой заданія.* Война не должна убивать человѣчности въ націи. И если защита преданія выпадаетъ наиболѣе явнымъ образомъ на долю арміи, то защита заданія есть прежде всего долгъ народа, „тыла". Война не только должна быть защитой націи, но и защитой человѣчества, и при томъ именно потому, что она есть защита націи.

Въ чемъ же конкретномъ должна проявиться эта защита человѣчности? Во первыхъ, въ гуманномъ способѣ веденія войны; въ отказѣ отъ всякихъ связанныхъ съ національнымъ угнетеніемъ территоріальныхъ пріобрѣтеній; наконецъ, въ достойномъ отношеніи къ врагу. Мы должны уважать его національность, т. е., его патріотизмъ, видѣть въ немъ заблуждающагося, а не звѣря, котораго надо обуздать, уничтожить, которому надо отомстить. Больше всего надо избѣгать самонадѣяннаго, легкомысленнаго отношенія къ врагу и войнѣ, огульнаго обвиненія врага и огульнаго же самовосхваленія. Насъ не должно покидать чувство трагичности, которое неразрывно связано съ чувствомъ виноватости.

---

[1]) Срв. о понятіи духовно-оборонительной войны превосходную брошюру *И. Ильина.* Духовный смыслъ войны. М. 1915.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое война въ смыслѣ философскомъ? Каково ея „идеальное“ происхожденіе? Вѣдь, будучи только заданіемъ и въ этомъ смыслѣ чѣмъ-то неисчерпаемымъ, ирраціональнымъ, человѣчность требуетъ многообразія своихъ раціональныхъ обнаруженій. Она требуетъ національнаго многообразія. Откуда-же, какъ же возможенъ конфликтъ между націями? Историческія, политическія, экономическія, вообще эмпирическія причины тому многообразны. Не дѣло философа ихъ изслѣдовать. Его задача — вскрыть, какой идеальный *смыслъ* имѣетъ уже разъ возникшій конфликтъ? И на этотъ вопросъ можно дать только одинъ отвѣтъ. Пока націи живутъ истинно творческой жизнью, т. е., пока онѣ осуществляютъ человѣчность, проникнуты ею, между ними пребываетъ гармонія, какъ между разнообразными и взаимодополняющими другъ друга ликами одного и того же Единаго Абсолютнаго Начала. Между ними тогда возможно лишь соревнованіе, но не конфликтъ. „Въ храмѣ Отца моего обителей много“. Но разъ конфликтъ на лицо, и при томъ конфликтъ неотвратимый, плодъ долголѣтняго развитія (а такимъ именно конфликтомъ и является современная война), то, значитъ, гдѣ то, въ какой то націи, а, можетъ быть, и во всѣхъ, произошелъ отпадъ, отрывъ отъ этого Абсолютнаго Начала. Центробѣжныя силы гдѣ-то, а, можетъ быть, всюду, восторжествовали надъ центростремительными. Какая-то одна нація, а можетъ быть и всѣ, дали себя полонить духомъ націонализма, оторвались отъ цѣлаго человѣчности, выдали себя за цѣлое, возомнивъ, что въ нихъ только, какъ въ соли земли, и пребываетъ сполна человѣчество. Оторвавшаяся отъ Абсолюта и выдающая себя за Абсолютъ часть вноситъ начало раздора въ гармонію, Хаоса въ Космосъ. Космосъ отступаетъ передъ Хаосомъ, и этотъ торжествующій Хаосъ, духъ раздора и разрушенія, и есть война.

Война между націями, поэтому, подобна, а иногда и тѣсно связана съ борьбой между отдѣльными областями Духа. Будучи многообразными обнаруженіями Абсолютнаго Начала (его обителями), Истина, Добро, Красота, Справедливость, сами по себѣ, не враждебны другъ другу, а находятся въ восполняющей другъ друга гармоніи. Но и здѣсь нерѣдко бываетъ, что какая-нибудь одна сфера отрывается отъ жизни

Абсолюта, выдаетъ себя за весь Абсолютъ и застываетъ въ своей окостенѣлости. Тогда воцаряется одностороннее, нивеллирующее господство какой-нибудь одной сферы культуры. Таковы эпохи интеллектуализма (напр., Александрійскій періодъ, поздняя Схоластика, Просвѣщеніе), эстетизма (Болонская школа, классицизмъ въ литературѣ), морализма. Это—мертвыя эпохи въ жизни Духа. Творчество постепенно изсякаетъ въ нихъ и вытѣсняется искусной, но безплодной техникой. Раньше или позже въ опустошенный Космосъ Духа врывается тогда подъ видомъ интуиціи, настроенія, природы или подъ какимъ-нибудь другимъ знакомъ мистическій Хаосъ и сметаетъ возгордившуюся часть. Это стихійное возстаніе Хаоса (первоначальное христіанство, романтизмъ и др.), направленное въ явленіи противъ всей закостенѣвшей сферы, въ глубочайшей своей сущности, однако, имѣетъ своимъ объектомъ лишь самодовольство и гордыню добровольно уединившейся области. Это—порывъ самой жизни противъ силъ распада и смерти.

Таковъ же внутренній смыслъ національной войны. Гдѣ то произошелъ отпадъ отъ Абсолюта, отъ Человѣчности. Въ Космосъ Человѣчности ворвался Хаосъ, и разразилась война. Война эта угрожаетъ нашему національному, т. е., человѣческому существованію, и мы обороняемся всѣми силами отъ угрожающаго намъ зла. Мы вѣримъ, что нашъ противникъ—виновникъ отпада и, слѣдовательно, зачинщикъ войны. Его надо обуздать, смирить его гордыню, охранить отъ него свободу націй и человѣчность. Но можемъ ли мы въ глубинѣ нашей совѣсти сказать, что мы сами совсѣмъ безъ вины, что среди нашей націи не было элементовъ гордыни и отпада отъ Абсолюта? Только ли его должно обуздать? Не шевелится ли и въ насъ самихъ звѣрь гордыни и національзма, сторожащій только моментъ, чтобы побѣду человѣчности надъ національзмомъ превратить въ новое и сильнѣйшее ея пораженіе? И, даже въ случаѣ полной невиновности нашей, не есть ли эта самая борьба со всѣми ея ужасами и связанное съ желанной побѣдой униженіе противника—новая вина, которую мы, защищая наше національное достояніе, принуждены сознательно взять на себя [1])? Чуткая совѣсть, если

[1]) Срв. *И. Ильинъ*. Нравственное противорѣчіе войны. „Вопросы философіи", дек. 1914.

даже и не формулируетъ всѣхъ этихъ сомнѣнiи, непосредственно переживаетъ ихъ. Поэтому, она и испытываетъ то чувство трагичности переживаемой борьбы, которое не позволяетъ ей съ легкомысленной самоувѣренностью относиться къ противнику и видѣть въ немъ безусловное зло, подлежащее презрѣнію и искорененію.

Дѣйствительно, нація, желающая побѣдить, но побѣдить не однимъ лишь насиліемъ, а и въ духѣ, должна мобилизовать не только свою армію, но и свой духъ. Но мобилизація эта не должна означать легкомысленнаго разжиганія ненависти [1]), которой въ пылу лютой борьбы и безъ того уже много накопилось и ежечасно накопляется. Мы должны помнить, ради чего мы боремся, помнить объ угрожаемой въ лицѣ націи нашей человѣчности, о томъ заданіи, которымъ только и можетъ быть живо наше національное преданіе. Борьбой нашей мы беремъ на себя великую обязанность. Мы должны показать, что, какъ нація, мы достойны побѣды. Но для этого мало только бороться съ шовинизмомъ. И опустошенный отъ всего сверхъиндивидуальнаго, отъ національнаго дезертиръ, и размѣнявшійся на мелочи и выдающій свои мелочные интересы за всеобщіе шовинистъ не поддаются словесному убѣжденію. Объединенная въ борьбѣ съ непріятелемъ нація должна подняться также и въ порывѣ истиннаго національнаго творчества надъ общечеловѣческими идеалами. Тогда въ этомъ національномъ кипѣніи сама собой растворится также и вся та враждебная національной жизни накипь. Въ противовѣсъ истекающей кровью Сербіи, Бельгіи и Франціи, наша родина съ ея необозримымъ тыломъ въ состояніи и потому особенно обязана совершить такой подъемъ. Всѣ мы должны бы были быть готовы отдать жизнь за являющуюся въ націи нашей человѣчность. Однако, не всѣ должны и не всѣ могутъ непосредственно участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля. Это было бы, во первыхъ, лишь помѣхой въ чисто военномъ отношеніи. А, во вторыхъ, къ чему была бы эта только внѣшняя побѣда безъ побѣды внутренней, побѣды духовнаго творчества? Но всѣ изъ насъ могутъ

[1]) Какъ это рѣшился утверждать въ своемъ фельетонѣ „Мобилизація духа“ редакторъ „Франкфуртской газеты“ Г. Симонъ, оправдывая взятую этой демократической газетой шовинистическую линію поведенія.

и должны, каждый на своемъ мѣстѣ, объединиться въ наибольшемъ порывѣ истинно національнаго творчества. Въ исторіи бывали примѣры, что вызванный національной войной духовный подъемъ народа ознаменовывался великими творческими достиженіями. Будемъ и мы, работая для арміи нашей и ея побѣды, неустанно помнить, что война и побѣда не есть самоцѣль, а только нужнѣйшее средство національнаго подъема. Работая для войны, мы должны тѣмъ самымъ работать и для націи. Пусть тѣ общественныя организаціи, которыя нынѣ имѣютъ временную цѣль помощи арміи, останутся и послѣ войны орудіями нашего политическаго творчества. Пусть нужное для побѣды надъ непріятелемъ политическое объединеніе партій будетъ таково, и только таково, чтобы оно и послѣ войны оказалось мощнымъ рычагомъ новаго нашего государственнаго строительства. Пусть создаваемыя военными чисто интересами формы экономической нашей организаціи останутся и послѣ войны могучими факторами хозяйственнаго прогресса. Даже философскія наши размышленія о войнѣ, будучи логическимъ осознаніемъ временно остро вставшихъ предъ нами вопросовъ совѣсти, должны быть таковы, чтобы черезъ нихъ открылись намъ новыя философскія достиженія. Однимъ словомъ, отдавая всѣ силы свои работѣ надъ временнымъ, мы должны, не обольщаясь имъ, видѣть въ немъ лишь орудіе и образъ Вѣчнаго, Единственнаго, ради чего стоитъ и жить, и умереть.

Война и психозы.

В. М. Бехтеревъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что война, являясь тяжелымъ общественнымъ бѣдствіемъ, воздѣйствующимъ на все, вообще, населеніе, не можетъ не отражаться на нервно-психическомъ его здоровьѣ, увеличивая въ той или иной мѣрѣ количество въ странѣ нервныхъ и душевныхъ заболѣваній. Но независимо отъ того, сами участники боевъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ мирные жители, становятся жертвами нервныхъ заболѣваній и психозовъ.

Говоря о послѣднихъ, первый вопросъ, который мы должны себѣ поставить, это—число душевно-больныхъ въ составѣ дѣйствующихъ армій. Въ указанномъ отношеніи, къ сожалѣнію, точныхъ цифръ дать нельзя, ибо цифры душевныхъ заболѣваній, относящихся къ прошлымъ войнамъ, не могутъ имѣть особаго значенія по отношенію къ современной войнѣ. Дѣло въ томъ, что статистическія данныя, относящіяся къ западно-европейскимъ войнамъ, оказываются противорѣчивыми и показываютъ увеличеніе душевно-больныхъ въ дѣйствующихъ арміяхъ то на одну треть, то въ полтора, то въ два раза. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что, какъ способы, такъ и средства веденія войнъ за послѣднее время существенно измѣнились по сравненію съ прошлымъ временемъ. Въ особенности внесло измѣненіе, въ смыслѣ вліянія на психическое здоровье участниковъ войны, страшно разрушительное дѣйствіе современныхъ артиллерійскихъ снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ.

Вотъ почему, когда мы встрѣчаемся съ вопросомъ о возможномъ числѣ душевно-больныхъ въ настоящей войнѣ, то

правильнѣе всего исходить изъ того матеріала, который представила намъ одна изъ ближайшихъ къ намъ по времени большихъ войнъ. Такой именно войной является бывшая русско-японская война, которая въ указанномъ отношеніи представляетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что данныя ея относятся къ русской же арміи. По отчетамъ, имѣющимся относительно этой войны, число душевно-больныхъ въ войскахъ дѣйствующихъ армій въ періодъ войны достигло, по Автократову, въ общей сложности, около 2000 (въ дѣйствительности 1.990) на общій войсковой составъ, исчисляемый авторомъ въ японскую войну, приблизительно, въ 1 милліонъ слишкомъ. По другимъ даннымъ, число больныхъ и раненыхъ въ эту войну достигло 540 тысячъ, слѣдовательно душевно-больныхъ приходится около 3,5 на 1000, въ дѣйствительности же больше, ибо многіе больные и раненые регистрировались въ госпиталяхъ повторно, вслѣдствіе перемѣщенія ихъ изъ госпиталя въ госпиталь и неоднократнаго помѣщенія въ одинъ и тотъ же госпиталь. По Якубовичу, всѣхъ душевно-больныхъ въ русско-японскую войну было 2414. При исчисленіи имъ арміи въ 700 тысячъ приходится 3,45 душевно-больныхъ на 1000 человѣкъ. Присчитывая число и позднѣе заболѣвшихъ, нѣкоторые утверждаютъ, что общее число душевно-больныхъ достигаетъ 3000 человѣкъ. Но и цифра въ 2000 душевно-больныхъ, указываемая докторомъ Автократовымъ, должна быть признана сравнительно очень значительною, если принять во вниманіе, что она относится къ военному времени, длившемуся около одного года, въ теченіе котораго лишь къ концу войны численность арміи достигла 1 милліона слишкомъ, въ началѣ же ея она была очень небольшой. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что войсковыя части формируются изъ состава населенія, здоровье котораго подвергалось предварительно, болѣе или менѣе, строгой провѣркѣ. Такъ какъ въ мирное время число душевно-больныхъ въ русской арміи не превышаетъ 0,6 на 1000, то, слѣдовательно война увеличиваетъ число душевно-больныхъ въ арміи почти въ 3½ раза.

При этомъ, конечно, необходимо имѣть въ виду, что изъ числа душевно-больныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ однихъ случаяхъ болѣзненныя состоянія обязаны исключи-

тельно самой войнѣ, какъ производящей причинѣ; таковы, напримѣръ, травматическіе психозы и родственныя имъ нервно-психическія состоянія. Въ другихъ же случаяхъ война вызываетъ появленіе психозовъ у лицъ, ранѣе предрасположенныхъ, таковы, напримѣръ, эпилептическіе, истерическіе психозы, прогрессивный параличъ, преждевременное слабоуміе и т. п. Но ясно, что и въ большинствѣ этихъ случаевъ психозы могли бы вовсе не обнаруживаться безъ условій военнаго времени, а потому и здѣсь война должна разсматриваться, какъ непосредственно производящая причина появленія психозовъ.

Если принять во вниманіе, что настоящая война протекаетъ при условіяхъ, въ этомъ отношеніи значительно болѣе благопріятныхъ, вслѣдствіе запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ, то надо допустить, что число душевно-больныхъ въ настоящей войнѣ, несмотря на ея особенное ожесточеніе, въ общемъ окажется нѣсколько меньшимъ противъ прошлаго и можетъ быть условно принято, круглымъ счетомъ, около 1,5 въ теченіе года на каждую тысячу войскового состава, при исчисленіи изъ окончательнаго состава дѣйствуюшей арміи. Такимъ образомъ, на одинъ милліонъ арміи будетъ приходиться приблизительно около 1500 душевно-больныхъ, предполагая длительность войны около одного года. При иныхъ данныхъ въ отношеніи длительности войны, эта цифра должна быть, конечно, соотвѣтственнымъ образомъ увеличена или уменьшена.

Интересно, затѣмъ, выяснить, какъ распредѣляются душевно-больные дѣйствующей арміи по формамъ болѣзни. Если принять во вниманіе статистику прошлой войны, то между заболѣваніями офицеровъ, шли въ порядкѣ послѣдовательности—у офицеровъ прогрессивный параличъ и неврастеническіе психозы. Эти три группы составляли въ общей сложности 57% всѣхъ заболѣваній. Много менѣе часто обнаруживались спутанность и галлюцинаторный бредъ, который отмѣчался всего въ 2%. Что касается нижнихъ чиновъ, то у нихъ преобладали эпилептическіе психозы, далѣе слѣдовали алкогольные психозы и, затѣмъ, спутанность, что въ общей сложности, (т. е., принимая во вниманіе

всѣ три группы), составляло уже 50,5% [1]). Остальная часть душевно-больныхъ нижнихъ чиновъ относится къ другимъ, менѣе значительнымъ по численности, категоріямъ.

Если сопоставить эти данныя съ тѣми, которыя относятся къ мирному составу населенія, то окажется, что въ частотѣ различныхъ формъ далеко не имѣется соотвѣтствія между военнымъ и мирнымъ временемъ. Такъ, въ мирное время, по даннымъ Озерецковскаго [2]), въ офицерскомъ составѣ нашей арміи первое мѣсто принадлежитъ прогрессивному параличу, алкогольные же психозы стоятъ на второмъ мѣстѣ; между нижними чинами алкогольные психозы въ мирное время наблюдаются рѣдко, а эпилептическіе психозы не превышаютъ 1/4 всѣхъ душевныхъ заболѣваній.

Нечего говорить, что, съ прекращеніемъ продажи спиртныхъ напитковъ и отрезвленіемъ арміи въ настоящей войнѣ, алкогольные психозы должны почти исчезнуть изъ графы душевныхъ заболѣваній, но все же количественное соотношеніе между отдѣльными формами мирнаго и военнаго времени не должно быть однимъ и тѣмъ же.

Что касается характеристики отдѣльныхъ формъ психозовъ, развивающихся на войнѣ, то въ этомъ отношеніи уже опытъ русско-японской войны указываетъ на большое число депрессивныхъ нервно-психическихъ состояній среди участниковъ войны. Настоящая война также даетъ въ этомъ отношеніи большой % заболѣвшихъ травматическими психозами, что доказываютъ уже нынѣ эвакуируемые къ намъ раненые.

Въ этомъ отношеніи рядъ авторовъ — А. И. Озерецковскій [3]), С. А. Сухановъ [4]), М. О. Шайкевичъ [5]) и др.—очертили въ главныхъ основахъ тѣ особенности, которыми характеризуется клиническая картина подобныхъ психо-неврозовъ. Имѣя въ этомъ отношеніи и собственный матеріалъ, я могу сказать, что наиболѣе характерными симптомами въ этомъ отно-

---

[1]) Докторъ Автократовъ. Обозрѣніе Психіатріи, 1906.

[2]) Докторъ Озерецковскій. Военно-Медицинскій Журналъ. Октябрь. 1905.

[3]) А. И. Озерецковскій. Военно-Мед. Журналъ. 1905.

[4]) С. А. Сухановъ. Врачебная газета, № 19. 1907. — О меланхоліи. Москва. 1906.

[5]) М. О. Шайкевичъ. О душевныхъ заболѣваніяхъ въ связи съ войной. 1906.

шенiи являются общая психическая задержка, недостатокъ инициативы и неспособность къ умственному труду, эмоцiональная подавленность и угнетенiе, доходящiя иногда до степени ясно-выраженной тоски, и ипохондрическiя жалобы того или иного рода, наряду съ поразительной аффективностью и оживленными сновидѣнiями кошмарнаго характера, преимущественно изъ военныхъ переживанiй; при этомъ обращаетъ на себя вниманiе поразительно легкая утомляемость вниманiя, благодаря чему больные лишаются возможности прочитывать даже нѣсколько строкъ. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ изъ этихъ больныхъ обнаруживается склонность къ иллюзiямъ и галлюцинацiямъ. Изъ физическихъ же симптомовъ заслуживаютъ вниманiя тѣ или другiя разстройства со стороны чувствительности и рефлексовъ и наблюдаемая въ отдѣльныхъ случаяхъ поразительная гиперэстезiя слуха.

Далѣе, необходимо имѣть въ виду еще рядъ разстройствъ, обусловленныхъ контузiями снарядовъ, пролетающихъ вблизи и дѣйствующихъ путемъ сотрясенiя окружающаго воздуха. Обычно эти контузiи приводятъ къ, болѣе или менѣе, длительной утратѣ психическихъ реакцiй resp. сознанiя, послѣ чего человѣкъ становится какъ бы преображеннымъ въ психическомъ состоянiи, ибо у него развивается цѣлый рядъ явленiй со стороны нервно-психической дѣятельности. Изъ этихъ явленiй обращаютъ на себя вниманiе замедленная воспрiимчивость resp. реактивность, пониженная умственная трудоспособность, или даже полная неспособность къ умственному труду, вялость психическихъ реакцiй resp. мышленiя, нарушенiе процесса и воспроизведенiя, иногда амнезiя не только по отношенiю къ обстоятельствамъ происшедшей контузiи, но и по отношенiю къ событiямъ, ей предшествующимъ, и наконецъ, болѣе или менѣе, полный недостатокъ инициативы и личной или resp. волевой сопротивляемости. Въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ дѣло идетъ о послѣдовательномъ, болѣе или менѣе, длительномъ перiодѣ дезорiэнтировки съ галлюцинацiями и иллюзiями, часто относящимися по содержанiю къ пережитымъ военнымъ событiямъ, неузнаванiемъ окружающихъ лицъ и амнезiей, болѣе или менѣе, длительнаго перiода послѣ происшедшей контузiи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдались даже временныя состоянiя бреда и дезорiентировки.

Изъ физическихъ симптомовъ надлежитъ отмѣтить мѣстную болѣзненность и гиперэстезію въ области головы со стороны пролетѣвшаго снаряда, склонность къ приливамъ крови къ головѣ и головокруженіямъ, склонность къ сердцебіенію или даже, болѣе или менѣе, постоянное ускореніе пульса, разницу въ ширинѣ зрачковъ, нарушеніе зрѣнія, притупленіе слуха, часто очень значительное, а иногда доходящее даже до полной глухоты, нарушеніе кожной чувствительности, чаще всего въ видѣ анэстезій и, наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, паретическая слабость конечностей, особенно нижнихъ, съ повышеніемъ рефлексовъ и даже съ явленіями умѣреннаго клонуса.

Что касается теченія болѣзни, то, въ общемъ, слѣдуетъ отмѣтить, болѣе или менѣе, значительное упорство страданія, которое лишь постепенно уступаетъ леченію, требующему безусловнаго отдыха отъ умственной и физической дѣятельности, нравственнаго покоя, примѣненія физическихъ методовъ, въ видѣ водолеченія, электризаціи и др. и въ видѣ различнаго рода лекарственныхъ назначеній.

Надо замѣтить, что нѣкоторыми авторами (докторъ Шайкевичъ) отмѣчается существованіе особаго депрессивно-ступорознаго психоза, какъ во время русско-японской, такъ и во время ранѣе бывшихъ войнъ. Однако, существованіе особаго „психоза войны“ большинствомъ авторовъ подвергается сомнѣнію уже потому самому, что подобныя же явленія могутъ наблюдаться и при другихъ аналогичныхъ условіяхъ (революціонныя волненія, нападенія толпы, землетрясенія и др. внезапныя народныя бѣдствія). Что же касается депрессивнаго отпечатка въ острыхъ психозахъ, развивающихся на войнѣ среди ея участниковъ, то онъ, дѣйствительно, представляетъ обычное явленіе, причемъ почти всѣ острые психозы какъ бы окрашивались депрессивными состояніями, благодаря чему нѣкоторые авторы (напримѣръ, Сухановъ) различаютъ, на основаніи наблюденій изъ прошлой войны, острый психозъ въ формѣ депрессивно-ступорозной, депрессивно-ипохондрической, депрессивно-аментивной и депрессивно-параноической. Къ этому мы должны присоединить еще и типическій травматическій невро-психозъ съ депрессивнымъ же характеромъ.

Нечего говорить, что условія военныхъ дѣйствій не могутъ не отражаться не только на общемъ характерѣ болѣзни, но и на бредѣ больныхъ. Это станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что бредъ черпаетъ свой матеріалъ въ значительной мѣрѣ изъ впечатлѣній окружающаго міра. Благодаря этому бредъ всѣхъ, вообще, душевно-больныхъ до нѣкоторой степени находится въ зависимости отъ окружающихъ условій ихъ жизни и обстановки. Въ виду этого понятно, что и обстановка боя должна такъ или иначе отражаться на бредѣ тѣхъ душевно-больныхъ, которые заболѣваютъ на театрѣ военныхъ дѣйствій подъ выстрѣлами.

Особенно это обнаруживается въ рѣзкой степени на больныхъ, страдающихъ, т. наз., неврастеническими или истеро-неврастеническими психозами, развивающимися подъ вліяніемъ травмъ и моральнаго шока.

Многіе изъ этихъ больныхъ переживаютъ военныя событія въ видѣ кошмаровъ, просыпаясь въ испугѣ съ приступомъ сердцебіенія, подъ вліяніемъ крайне живыхъ и угнетающихъ сновидѣній военнаго характера. Нѣкоторые же больные, съ истерическими проявленіями, впадаютъ, время отъ времени, и притомъ, иногда совершенно неожиданно, въ состояніе психическаго помраченія или, такъ называемаго, транса, въ которомъ, переживая военныя событія, они начинаютъ отдавать приказанія своимъ подчиненнымъ, какъ будто находясь на полѣ военныхъ дѣйствій, хотя ничего объ этомъ затѣмъ не помнятъ. Далѣе, встрѣчаются больные съ травматическими пораженіями, которые при, болѣе или менѣе, полномъ отсутствіи оріентировки въ отношеніи окружающихъ событій высказываютъ бредъ, относящійся къ событіямъ войны и утрачиваемый впослѣдствіи изъ воспоминанія.

Наконецъ, встрѣчаются въ немаломъ числѣ больные, страдающіе разнаго рода страхами. Послѣдніе могутъ быть самаго разнообразнаго характера, но всегда они, такъ или иначе, нарушаютъ возможность отправленія служебныхъ обязанностей.

Въ концѣ концовъ, имѣя дѣло съ большимъ числомъ нервно-психическихъ больныхъ, разстроившихъ свое здоровье на войнѣ, мы должны сказать, что война, вообще, не создаетъ

новыхъ психозовъ, но депрессивный характеръ настроенія съ безпокойными, иногда кошмарными, сновидѣніями изъ пережитыхъ событій военнаго времени, съ ярко выраженнымъ бредомъ военнаго содержанія, съ повышенной впечатлительностью къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, особенно ассоціативно связанными съ войной, и навязчивыми страхами, нерѣдко вытекающими изъ обстановки военныхъ событій, составляютъ характеристическую особенность острыхъ нервно-психическихъ состояній, какъ послѣдствій тяжелыхъ моральныхъ и физическихъ условій военнаго времени. Наряду съ этимъ, война приводитъ и къ развитію обычныхъ формъ истеріи, неврастеніи, психостеніи и др. невро-психозовъ.

Здѣсь умѣстно спросить себя, не составляетъ ли депрессивный элементъ острыхъ невро-психозовъ, главнымъ образомъ, результатъ бывшей русско-японской войны, общія моральныя условія которой далеко не тѣ, которыя мы имѣемъ въ нынѣшней войнѣ.

Можно думать, что элементъ угнетенія въ острыхъ психозахъ въ періодъ русско-японской войны обнаруживался въ преобладающемъ количествѣ отъ общей моральной атмосферы прошлой войны, и, слѣдовательно, настоящая война, происходящая при совершенно иной обстановкѣ, быть можетъ и не дастъ, по крайней мѣрѣ, въ такомъ же размѣрѣ, тѣхъ характеристическихъ особенностей въ психическомъ состояніи душевно-больныхъ, какія дала русско-японская война.

Повидимому, однако, и нынѣшняя война дастъ намъ въ общемъ ту же картину нервно-психическихъ состояній, какъ и бывшая война.

Считаемъ необходимымъ здѣсь коснуться и тѣхъ причинъ, которыя обусловливаютъ на войнѣ развитіе невро-психозовъ, вообще, и, въ частности, душевныхъ болѣзней. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что причинами, вліяющими на развитіе невро-психозовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, являются какъ физическія, такъ и психическія воздѣйствія. Къ первымъ относятся такія, какъ физическое истощеніе, обусловленное изнурительными переходами, недостаточнымъ питаніемъ, недостаткомъ сна, и тяжелыя травмы и контузіи, вообще. Ко вторымъ относятся всѣ, вообще, моральныя потрясенія и умственное и нервное напряженія, связанныя съ военными

событіями. Что касается физическаго истощенія и недостатка сна, то уже давно извѣстно предрасполагающее вліяніе этихъ условій на развитіе ненормальныхъ психическихъ явленій и, между прочимъ, на появленіе галлюцинацій и истеріи. Этимъ объясняется иногда даже эпидемическое распространеніе истеріи въ монастыряхъ, а равно и появленіе при тѣхъ же условіяхъ галлюцинацій.

Между прочимъ, изъ жизни извѣстнаго французскаго клинициста Андраля извѣстно, что, когда ему приходилось долго засиживаться за работой въ анатомическомъ театрѣ и подвергаться сильному утомленію, то онъ, по возвращеніи домой поздно ночью, испытывалъ оживленныя галлюцинаціи. Между прочимъ, ему представлялся трупъ, посинѣвшій отъ гніенія, весь изъѣденный червями, и отъ него распространялся зловонный запахъ.

Мы знаемъ, затѣмъ, особый психозъ, развивающійся остро и сопровождающійся развитіемъ галлюцинаторной спутанности и дезоріентировки въ окружающемъ. Этотъ психозъ развивается обычно на почвѣ физическаго истощенія и, между прочимъ, въ тяжелыхъ условіяхъ походной жизни.

Нечего говорить, что и сонъ при физическомъ истощеніи становится безпокойнымъ, а въ періодъ боевыхъ событій отражаетъ въ своихъ сновидѣніяхъ даже картины боя.

Другой физическій факторъ, приводящій къ развитію психозовъ на войнѣ—это травма и контузія. Само собою разумѣется, что травматическія и, въ частности, огнестрѣльныя поврежденія головы способны приводить къ развитію психозовъ. Это должно быть понятно всякому, и литература полна описаній случаевъ съ огнестрѣльными и иными поврежденіями головы, приводившими къ развитію психозовъ.

Но для насъ важно отмѣтить, что вліяніе большихъ разрывныхъ снарядовъ дѣйствуетъ на психику сражающихся безъ всякаго непосредственнаго поврежденія, путемъ одного сотрясенія воздуха, приводящаго къ сотрясенію мозга и къ такъ называемому, шоку, сопровождающемуся временной утратой всѣхъ психическихъ проявленій.

Въ результатѣ развивается у больныхъ, такъ называемый, травматическій неврозъ или, точнѣе, травматическій невропсихозъ, ибо, наряду съ различными проявленіями нервнаго

характера, у больныхъ такого рода обнаруживаются, болѣе или менѣе, рѣзкія явленія со стороны психической сферы, въ видѣ недостатка вниманія, невозможности сосредоточиваться безъ особо тягостныхъ ощущеній въ головѣ, слабости памяти и т. п.

Что касается психическихъ моментовъ, приводящихъ на войнѣ къ развитію психозовъ, то необходимо отмѣтить всѣ, вообще, удручающія условія, связанныя съ разлукой со своей семьей и съ заботами объ ея участи, а также съ тревогой за собственную жизнь.

Далѣе, изъ моральныхъ условій, прежде всего, нужно принять во вниманіе состояніе, которое должны испытывать войска передъ боемъ.

Всѣмъ извѣстенъ примѣръ одной изъ замѣчательныхъ коллективныхъ галлюцинацій, которую имѣлъ Константинъ Великій вмѣстѣ со своей свитой предъ рѣшительной битвой. Это видѣніе креста съ надписью: „Симъ побѣждай!“

При этомъ я хотѣлъ бы обратить вниманіе на одну неточность, которая по поводу этой своеобразной галлюцинаціи вкралась даже въ учебники исторіи, гдѣ говорится, будто бы Константинъ Великій испыталъ упомянутую галлюцинацію вмѣстѣ со своими войсками, тогда какъ историческіе документы говорятъ о видѣніи, испытанномъ самимъ Константиномъ съ его свитой.

Чтобы понять появленіе этой коллективной галлюцинаціи необходимо имѣть въ виду, что въ войскахъ Константина находилось уже много христіанъ, которыхъ воодушевить на битву могла только ихъ священная эмблема—святой крестъ, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что Константинъ съ его свитой не могли не быть озабочены этимъ обстоятельствомъ, переживая въ то время, наряду съ другими, мучительныя религіозныя сомнѣнія.

Точно также и позднѣе въ религіозныхъ войнахъ прошлаго времени, особенно въ средніе вѣка, въ періодъ крестовыхъ походовъ, наблюдались коллективныя галлюцинаціи въ войскахъ въ связи съ событіями военнаго времени, въ особенности же предъ той или иной рѣшительной битвой.

Съ того времени, когда Петръ-пустынникъ началъ свою проповѣдь, призывая народъ къ крестовымъ походамъ, на-

чинаются видѣнія то тамъ, то здѣсь, соотвѣтствующія событіямъ времени. При вступленіи же крестоносцевъ въ предѣлы Палестины, видѣнія начинаютъ принимать коллективный характеръ. Такъ, уже участники перваго крестоваго похода, во время битвы при Дорилеѣ, видятъ Св. Георгія и Св. Димитрія, сражающимися въ ихъ рядахъ. Въ битвѣ при Антіохіи, въ самый разгаръ сраженія, христіанскіе воины видятъ спускающійся съ неба вооруженный отрядъ войскъ, закованныхъ въ латы, подъ предводительствомъ Св. Георгія, Св. Димитрія и Св. Теодора.

Также и взятіе Іерусалима ознаменовалось извѣстнымъ коллективнымъ видѣніемъ. Когда, послѣ недѣльной осады города, штурмъ на него былъ отбитъ, отрядъ провансальцевъ, еще ожидавшій своей очереди выступить противъ врага христіанъ, увидѣлъ на вершинѣ Елеонской горы лучезарнаго ангела въ рыцарскомъ одѣяніи, который махалъ щитомъ по направленію къ Іерусалиму, какъ бы побуждая вступить въ городъ.

Точно также обратное завоеваніе Іерусалима ознаменовалось коллективными галлюцинаціями. Въ день этого взятія Саладиномъ многіе изъ монаховъ видѣли, какъ луна спустилась на землю и затѣмъ вновь поднялась на свое мѣсто. Точно также толпы молящихся видѣли въ эти дни, какъ въ церквахъ изъ очей распятій и иконъ сочились кровавыя слезы.

По словамъ лѣтописей и побѣда наша надъ татарами на Куликовомъ полѣ въ 1380 г. ознаменовалась коллективнымъ видѣніемъ. Въ этотъ день предъ отрядомъ войскъ, находившемся въ резервѣ, появилась небесная рать, спускавшаяся на землю. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда главныя силы русскихъ стали уже уступать, и надо было ввести въ дѣйствіе резервъ, предъ глазами послѣдняго явилась небесная рать въ видѣ сонма ангеловъ во главѣ съ архистратигомъ Михаиломъ и святыми воинами Георгіемъ, Димитріемъ, Борисомъ и Глѣбомъ.

Говорятъ, что и Грюнвальденскій бой, бывшій 500 лѣтъ назадъ и закончившійся побѣдой славянъ (поляковъ, чеховъ и русскихъ) надъ меченосцами, ознаменовался видѣніемъ Богородицы на небѣ, что и зафиксировано на картинѣ

этого боя, воспроизведенной польскимъ живописцемъ Матейко.

Извѣстны и другія коллективныя видѣнія, происходившія въ разныя историческія времена въ періодъ войнъ [1]).

Обращаясь къ болѣе позднему времени, необходимо имѣть въ виду, что почти каждая большая война сопровождается массовыми иллюзіями и галлюцинаціями. Такъ, во время франко-прусской войны описана галлюцинаторная эпидемія, развившаяся въ средѣ крестьянъ прирейнской провинціи и сопровождавшаяся массовыми видѣніями религіознаго и военнаго содержанія. Такъ, люди видѣли на конькахъ крышъ, на стеклѣ и другихъ предметахъ изображенія мадоннъ, распятія, зуавовъ, пушекъ и т. п. [2]).

Недавно бывшая русско-японская война также дала много примѣровъ развитія коллективныхъ иллюзій и галлюцинацій. По личнымъ разсказамъ мнѣ извѣстно, что въ русскомъ лагерѣ, подъ вліяніемъ постоянныхъ ожиданій нападенія, нерѣдко предметы, неясно видѣнные на разстояніи, для цѣлой массы нашихъ солдатъ представлялись живыми фигурами непріятеля или его сооруженіями. Благодаря этому, нерѣдко ночь проводилась безпокойно изъ опасенія постоянныхъ нападеній со стороны непріятеля. На утро же дѣло, обыкновенно, разъяснялось, и люди удивлялись, какъ они могли оказаться въ заблужденіи въ теченіе всей предшествовавшей ночи.

То же самое относится, повидимому, и къ японцамъ во время той же войны. Такъ, во время этой войны, въ то время, когда роль владивостокской эскадры, въ первоначальный періодъ военныхъ дѣйствій, сводилась къ набѣгамъ на непріятельскіе берега, она оказалась въ глазахъ японцевъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, вездѣсущей. Ее видѣли многіе и въ Чемульпо, и въ Корейскомъ проливѣ, и у береговъ сѣверной Японіи, и въ Сунгарскомъ проливѣ, и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ въ то именно время, когда она спокойно чинилась во Владивостокѣ. Далѣе, одну изъ интересныхъ коллективныхъ галлюцинацій испыталъ,

---

[1]) См. *В. Бехтеревъ*. Внушеніе и мораль въ общественной жизни. Петрогр., изд. Риккеръ.

[2]) Despine. De la folie. 1875.

между прочимъ, во время андижанскаго возстанія отрядъ русскихъ войскъ, находившійся нѣкоторое время въ одиночествѣ среди враждебнаго ему населенія [1]).

Появленіе такихъ галлюцинацій объясняется тѣмъ аффективнымъ состояніемъ, въ которомъ находится масса лицъ въ ожиданіи того или другого, захватывающаго всѣхъ, событія. Благодаря этому вниманіе обостряется до наивысшей степени, а такъ какъ всѣ находятся подъ вліяніемъ испытываемаго волненія, то малѣйшій поводъ даетъ основаніе къ развитію иллюзіи, а затѣмъ и галлюцинаціи, по содержанію отвѣчающей настроенію присутствующихъ. Нужно ли говорить, что при этомъ извѣстную роль въ данныхъ явленіяхъ играетъ и взаимовнушеніе, о чемъ я подробно говорю въ своей книгѣ о внушеніи [2]).

Все это ясно свидѣтельствуетъ, до какой степени поднимается напряженіе нервной системы у участниковъ войны еще предъ развитіемъ боевъ.

Изъ психическихъ моментовъ во время самихъ кровавыхъ столкновеній главными являются испытываемыя во время боя волненія, а также психическіе факторы угнетающаго характера, какъ впечатлѣнія отъ переживаемыхъ ужасовъ, испугъ и т. п.

Врядъ ли лицамъ, не бывшимъ въ бояхъ, можно представить себѣ съ достаточной ясностью тотъ подъемъ нервной энергіи, который испытываютъ участники боевъ. По этому поводу я имѣлъ личныя впечатлѣнія, какъ участникъ русско-турецкой войны, носившей, какъ извѣстно, подобно нынѣшней войнѣ, идейный характеръ. Нечего говорить, что войска наши въ то время, какъ и весь народъ, были такъ же, какъ теперь, одушевлены высокими освободительными идеями, борясь за освобожденіе южныхъ славянъ. Въ первый періодъ войны, въ срединѣ іюля 1877 г., между прочимъ, мы были въ Зимницѣ при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай подъ Систовымъ. Въ бою, разыгравшемся на нашихъ глазахъ на другомъ берегу Дуная, участвовала, между про-

---

[1]) *В. Бехтеревъ.* Роль внушенія въ общественной жизни. Петрогр., изд. Риккера.

[2]) См. *В. Бехтеревъ.* Роль внушенія въ общественной жизни. Петрогр. Изд. 3-е.

чимъ, такъ называемая, сводная рота, состоявшая при Особѣ Государя. Бой кончился послѣ полудня въ нашу пользу. Само собою разумѣется, что мы были заняты перевязкой раненыхъ въ своемъ лазаретѣ. Къ вечеру къ намъ прибылъ, посѣщая раненыхъ въ свитѣ Государя Императора Александра II, одинъ изъ участниковъ боя, командиръ сводной роты, состоявшій при Особѣ Государя, тогда еще молодой офицеръ, нынѣ генералъ К., съ явными признаками того возбужденнаго настроенія, которое явилось непосредственнымъ отголоскомъ перенесеннаго имъ боя. Видно было, что онъ не могъ не говорить о всемъ, имъ пережитомъ. И вотъ, оставшись, послѣ проводовъ Государя, въ своей компаніи вмѣстѣ съ нимъ, мы слушаемъ разсказъ о томъ забвеніи, которое онъ испыталъ во время боя, частности котораго онъ уже не могъ воскресить въ своемъ воспоминаніи.

Для насъ было ясно, что разсказчикъ въ періодъ боя находился непрерывно въ состояніи напряженнаго аффекта, который не переживается въ условіяхъ обыденной жизни. Но, что насъ особенно поразило, и въ частности меня, это то возбужденіе, которое обнаруживалось въ неумолкаемой рѣчи, въ оживленныхъ жестахъ и дѣйствіяхъ этого офицера, только что вышедшаго изъ боя. Онъ былъ несомнѣнно въ ясно экзальтированномъ состояніи, которое при иныхъ условіяхъ должно было бы быть оцѣниваемо, какъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, ненормальное состояніе въ формѣ повышенной экзальтаціи. Этотъ случай и подобныя ему другія наблюденія, заставляютъ признать, что періодъ боя есть часто сплошной и напряженный аффектъ, связанный съ крайнимъ психическимъ возбужденіемъ, въ которомъ, какъ извѣстно, нерѣдко не чувствуется даже боли отъ происшедшаго раненія, причемъ и послѣ боя обнаруживается нерѣдко длительное возбужденіе, совершенно напоминающее собою то патологическое состояніе, которое мы называемъ ненормальнымъ возбужденіемъ. Состояніе человѣка во время боя, вообще, можно понимать какъ длящійся аффектъ. Что это такъ, подтверждается и внѣшними проявленіями дѣйствій человѣка во время боя. Между прочимъ, мнѣ разсказывали, что въ разгарѣ боя въ текущую войну, при видѣ безоружнаго непріятеля, нападающіе иногда сами бросаютъ изъ своихъ рукъ оружіе и

бросаются на врага съ голыми руками, хватая его за горло, и даже вводятъ въ дѣйствіе зубы. Все это—проявленія самозабвенія и аффекта, при которыхъ непроизвольно вступаютъ въ дѣйствіе болѣе привычные способы борьбы, несмотря на то, что, казалось-бы, съ помощью оружія было проще достичь цѣли.

Моменты смертельной опасности, случающіеся во время боя, также, безъ сомнѣнія, не могутъ не приводить къ тому потрясенію нервной системы, которое неизбѣжно отражается, въ той или иной мѣрѣ, на психическомъ равновѣсіи участниковъ боевъ.

Далѣе, на войнѣ часто случается тотъ моментъ, который уже и въ мирной жизни играетъ, хотя въ общемъ сравнительно рѣдко, ту или другую роль въ развитіи нервныхъ и нервно-психическихъ состояній. Это—вліяніе испуга, т. е., нервнаго потрясенія, обусловленнаго внезапнымъ и неожиданнымъ внѣшнимъ воздѣйствіемъ. Значеніе такихъ воздѣйствій, какъ мы знаемъ, огромно уже и въ мирныхъ условіяхъ. Можно привести цѣлую вереницу примѣровъ, гдѣ испугъ, обусловленный тѣмъ или другимъ случаемъ или даже, какъ бываетъ съ дѣтьми, а иногда и съ взрослыми, простою шалостью, приводилъ къ развитію заиканія, истерическихъ и даже эпилептическихъ припадковъ и помѣшательства, нерѣдко остающихся на всю жизнь.

Въ заключеніе, нужно добавить, что въ первый періодъ войны мы имѣемъ, обыкновенно, не столь значительное число собственно душевныхъ заболѣваній, сколько нервно-психическихъ, въ видѣ состояній подавленности, истеріи, психостеніи, травматическихъ невропсихозовъ и т. п., ибо эти заболѣванія у лицъ предрасположенныхъ возникаютъ нерѣдко сразу подъ вліяніемъ нервнаго потрясенія или шока и контузіи. Другіе же длительные психозы тяжелаго характера, какъ прогрессивный параличъ, маніако-дегрессивный психозъ, галлюцинаторная спутанность и т. п., требуютъ для своего появленія нерѣдко нѣсколькихъ мѣсяцевъ походной жизни, долговременныхъ тяжелыхъ лишеній, долговременныхъ же неблагопріятныхъ моральныхъ и физическихъ условій военнаго времени, иногда неоднократныхъ контузій, перенесенныхъ тяжелыхъ болѣзней и т. п.

Военныя операціи на восточномъ, западномъ и южномъ фронтахъ.

Н. Боринъ.

Вооруженныя силы воюющихъ державъ.

Германія. Къ началу войны германская армія почти полностью закончила всѣ работы по реорганизаціи арміи согласно закона 1913 г. При этомъ численный составъ ея достигъ до 25 корпусовъ. Къ этому же времени вполнѣ закончилось и формированіе пулеметныхъ и обозныхъ ротъ, піонерныхъ баталіоновъ и автомобильныхъ командъ; особенное развитіе получило авіаціонное дѣло; составъ ротъ пограничныхъ корпусовъ былъ доведенъ до 200 человѣкъ. Увеличена была также тяжелая артиллерія. Съ начала войны, началось постепенное формированіе новыхъ корпусовъ, число которыхъ къ настоящему моменту достигло 25 полевыхъ, 30 резервныхъ, столько же ландверныхъ и много ландштурменныхъ частей, а всего съ полевыми—85 корпусовъ. Такимъ образомъ, мирная численность войскъ съ 800.000 человѣкъ и 42.000 офицеровъ быстро возросла до 4.000.000 человѣкъ и 6.000 орудій, считая по 42 тысячи штыковъ и 160 орудій въ каждомъ корпусѣ. Кромѣ того, въ призывныхъ классахъ резерва въ возрастѣ отъ 22—26 лѣтъ, ландвера I призыва 27—31 лѣтъ, II-го призыва 39—45 лѣтъ и ландштурма 39—45 лѣтъ, общій запасъ людей вмѣстѣ съ новобранцами послѣдняго призыва достигъ 500.000 человѣкъ, предназначенныхъ для пополненія убыли въ частяхъ войскъ. А всего Германія выставила до $4^1/_2$ милліоновъ человѣкъ.

Воздухоплавательныхъ обществъ еще въ 1910 году въ Германіи насчитывалось до 34 съ полнымъ оборудованіемъ 60 шаровъ. Главнѣйшіе типы аэроплановъ — Альбатросъ и Таубе, снабжены пулеметами и, большей частью, бронированы. Дирижаблей къ началу войны было 30, всѣ они вооружены 2—3 пулеметами.

Австро-Венгрія. Вооруженныя силы Австро-Венгріи составляютъ три самостоятельныя арміи: 1) имперская, 2) австрійскій ландверъ и 3) венгерскій гонведъ. Штатный составъ мирнаго времени по росписи 1909 г. составлялъ 405.347 человѣкъ при 2.000 орудій. Всѣ означенныя войска сведены были въ 16 корпусовъ. Въ теченіе войны были сформированы еще 6 корпусовъ; общія силы были доведены до 1.285 бат., 493 эск. и 3.000 орудій. Составъ корпуса трехдивизіонный, силою 50 тысячъ штыковъ при 132 орудіяхъ. Въ общемъ, Австро-Венгрія выставила армію въ 2.000.000 штыковъ, а съ 1½ милліонами ландштурма—3½ милліона.

Воздушный флотъ къ концу 1912 г. состоялъ изъ 4 управляемыхъ шаровъ системы Парсеваля и Лебоди и 20 аэроплановъ различныхъ системъ. Въ теченіе войны было выстроено до 35 новыхъ аппаратовъ.

Турція. Турецкая армія, въ мирное время состоитъ изъ 460 баталіоновъ низама, кадровъ для формированія 358 баталіоновъ редифа I категоріи и 175 баталіоновъ редифа II категоріи, 203 эскадроновъ и 1968 орудій. Въ военное время силы эти развертываются до 800.000 низама и редифа I категоріи, 500.000—II-й категоріи 300.000—мустахфиза, а всего 1.400.000; при этомъ, помимо невозможности сформированія полностью намѣченныхъ частей за неимѣніемъ личнаго состава, нужно замѣтить, что дивизіи редифа, какъ боевой матеріалъ, въ минувшую войну дали полный отказъ и были всюду разбиты. Всѣ означенныя силы сведены въ 14 корпусовъ. Воздушнаго флота не было, и только съ началомъ войны изъ Германіи были привезены 4 аэроплана, потопленные нашей черноморской эскадрой, а также 4 гидроплана въ Дарданеллы.

Сухопутныя силы Франціи съ Алжиромъ, состоя изъ 659 баталіоновъ, 445 дивизій и 689 батарей, численностью около 534.000 человѣкъ, съ начала войны были доведены

до 1.100 баталіоновъ, 587 эскадроновъ и 823 батарей или 1.300.000 штыковъ и 3.300 орудій. Означенныя силы сведены въ 21 корпусъ.

Великобританская армія состоитъ изъ: 1) арміи соединеннаго королевства, 2) арміи Британской Индіи (англійскія и туземныя войска) и 3) колоніальныхъ войскъ. Въ мирное время содержится всего 157 баталіоновъ, изъ которыхъ на Соединенное Королевство приходится 82, Индію—52 баталіона и колоніи—23 баталіона. Въ метрополіи всѣ силы были сведены въ 6 дивизій по три бригады въ каждой. Пополненіе армій, въ отличіе отъ другихъ, производится вербовкой. Численность мирнаго времени съ резервомъ—не болѣе 350 тысячъ человѣкъ. Территоріальныхъ войскъ, соотвѣтствующихъ нашему ополченію, около 500 тысячъ, но эти послѣднія войска по своей кратковременности обученія требуютъ еще подготовки отъ 3-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ. Колоніальныя войска уже выставили около 3-хъ корпусовъ и 2½ дивизій. Во время самой войны число добровольцевъ достигло болѣе милліона. Такимъ образомъ, къ настоящему времени Англія выставила не менѣе четырехъ новыхъ армій, каждая силою 150—200 тысячъ.

Бельгійская армія только въ 1909 г. была реорганизована и получила характеръ постоянной. Общая численность ея мирнаго времени была 173 тысячи, а съ 200 тыс. ландштурма—373 тысячи со 100 орудіями. Всего имѣется 6 корпусовъ и 1 кавалерійская дивизія.

Сербская армія состоитъ изъ: 1) народнаго войска трехъ призывовъ и 2) ополченія (послѣдняя отбрана). Общая численность арміи въ военное время—400 тысячъ съ 792 орудіями.

Черногорія выставила около 60 баталіоновъ съ 30 батар., численностью въ 50 тысячъ.

Планы сторонъ.

Планъ Германіи, географически занимающей центральное положеніе между Россіей, съ одной стороны, и Англіей и Франціей, съ другой, заключался въ томъ, чтобы, пользуясь внутреннимъ положеніемъ, дѣйствовать по, такъ называемымъ,

внутреннимъ операціоннымъ линіямъ. При этомъ первоначальнымъ объектомъ дѣйствій была поставлена Франція и Бельгія по слѣдующимъ причинамъ. Весь планъ, выработанный еще Мольтке, основывался на быстротѣ и стремительности удара. А такой ударъ можно было нанести только на западѣ; ибо, какъ бы быстро германцы ни сосредоточили свои силы на востокѣ, вторженіе ихъ въ Россію, благодаря громадной территоріи восточнаго театра и печальнымъ воспоминаніямъ о походѣ Наполеона, не могло имъ сулить никакихъ выгодъ. Германцы прекрасно сознавали, что, какъ только бы они втянулись въ глубь России и растянули свою операціонную линію, англо-французо-бельгійцы, развивъ операціи съ полной мощью, напали бы на нихъ съ запада. Нанести же ударъ на западномъ фронтѣ можно было только при условіи нарушенія нейтралитета Бельгіи и Люксембурга. Дѣйствительно, не признавая никакой другой стратегіи, какъ связанной съ стратегическими обходами обоихъ или, по крайней мѣрѣ, одного изъ фланговъ, германцы занятіемъ Бельгіи не только могли произвести этотъ стратегическій обходъ, но и нанести ударъ въ самое опасное мѣсто для Франціи, ея лѣвый флангъ, разъединивъ ее въ то же время съ Англіей. Разбивъ, такимъ образомъ, Францію и Англію по частямъ, германцы преполагали тѣ же самыя силы перебросить на восточный фронтъ и нанести пораженіе Россіи.—Австрія тѣмъ временемъ, ведя оборонительныя дѣйствія противъ Сербіи, должна была наступать всѣми своими силами, совмѣстно съ 5—6 германскими корпусами, на восточномъ фронтѣ и парализовать, такимъ образомъ, наши дѣйствія въ самомъ началѣ. Планъ германцевъ, связанный съ выступленіемъ Турціи, былъ основанъ на томъ, что, когда наши войска, въ томъ числѣ и кавказскія, втянутся въ войну, турки неожиданнымъ нападеніемъ флота и арміи съ курдскими племенами должны были занять якобы беззащитный Кавказъ и оттянуть туда, съ главнаго театра войны, восточнаго, для его новаго нами завоеванія, значительныя силы.

Планы Франціи, Англіи, Сербіи, Черногоріи и Бельгіи. Планъ Франціи и Англіи былъ противоположенъ германцамъ: вмѣсто стремительнаго удара, основаннаго на рискѣ, затянуть войну, упорно обороняясь послѣдовательно на

трехъ сильныхъ оборонительныхъ французскихъ линіяхъ, даже вплоть до оставленія Парижа и отхода, въ случаѣ крайности, на югъ, до тѣхъ поръ, пока русская и англійская арміи не окончатъ мобилизаціи.

Планы Серби и Черногоріи были тождественны съ таковыми Франціи: держаться оборонительной войны до развитія главнаго удара на Австро-Венгрію со стороны Россіи, а затѣмъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, нанося, въ случаѣ временнаго превосходства въ силахъ, австрійцамъ короткіе, но рѣшительные удары.

Планъ Бельгіи былъ простъ: въ случаѣ нарушенія ея нейтралитета, опираясь на укрѣпленную линію крѣпостей Льежа, Намюра и Антверпена, защищать честь своего государства съ оружіемъ въ рукахъ.

Западный фронтъ.

Стратегическое развертываніе. Стратегическое развертываніе германскихъ армій на западѣ не могло быть сложнымъ. Намѣтивъ къ развертыванію на этомъ фронтѣ семь армій и имѣя пригграничную полосу съ Франціей всего около 400 километровъ, понятно, что намѣченныя къ развертыванію германскія арміи должны были занять все это указанное пространство. Оставалось только отмѣтить значеніе различныхъ участковъ западнаго фронта, сосредоточивая на важнѣйшихъ въ стратегическомъ отношеніи болѣе значительныя силы. Изъ бѣглаго обзора обороны французской границы можно видѣть, что сѣверо-восточная ея часть почти сплошь усѣяна укрѣпленіями, которыя, по мѣрѣ удаленія, образуютъ три линіи обороны. *Въ первой* изъ нихъ имѣются четыре центральныя позиціи: 1) для обороны сѣверной границы на линіи укрѣпленій Дюнкирхенъ, Гравелинъ, Кале съ крѣпостями Лиль и Мобежъ; 2) по среднему Маасу, на линіи крѣпостей Верденъ и Туль съ укрѣпленіями Лонгви и Монмеди, равно какъ и рѣкой Маасомъ и Аргонскимъ лѣсомъ; 3) по верхнему Мозелю на линіи крѣпостей Эпиналь, Бельфоръ, и 4) позицію, состоящую изъ ряда укрѣпленій, образуя восточную или юрскую защиту для горныхъ проходовъ. *Во второй линіи* имѣются двѣ центральныя позиціи: 1) между Уазой и Сеной—позиція Фалезъ-

Терсіеръ съ крѣпостями Лаферъ, Лаонъ, Мельмезонъ и Кондесюръ-Энъ и большая крѣпость Реймсъ, и 2) на линіи крѣпостей Лангръ и Дижонъ. Наконецъ, *третьей оборонительной линіей* является гигантская крѣпость Парижъ съ тремя укрѣпленными лагерями съ обводомъ въ 130 килом.

Наиболѣе уязвимымъ направленіемъ сѣверо-западной французской границы являлся обходъ ея съ лѣваго фланга, т. к. движеніе съ фронта прикрывалось сильными укрѣпленіями, а съ юга не согласовалось бы съ видами германцевъ, въ расчетъ которыхъ не входило тревожить южныя губерніи Франціи и, кромѣ того, непроизвольно удлиняло бы ихъ операціонную линію отъ Парижа. Такимъ образомъ, стратегическія условія требовали согласованности удара съ фронта, при базированіи нѣмцевъ на Рейнъ и Метцъ, съ таковымъ же ударомъ и съ фланга, со стороны Бельгіи. Этимъ, собственно, и обусловливалась необходимость ея занятія, какъ базы самаго кратчайшаго операціоннаго направленія, ведущаго къ Парижу. Исходя изъ этого, и стратегическое развертываніе германцевъ произошло не равномѣрно по всему фронту пригреничной полосы, а силы ихъ, по мѣрѣ приближенія съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ, значительно возростали. Такъ, германцы развернули, начиная съ сѣвера: 1) первую армію генерала фонъ-Клукка, 2) вторую—фонъ-Бюлова, 3) третью—фонъ-Эйнема, 4) четвертую — герцога вюртембергскаго, 5) пятую—кронпринца, 6) шестую—принца Рупрехта баварскаго, въ Лотарингіи, въ районѣ Вердена и 7) седьмую—генерала Хеерингена, въ Эльзасѣ. Первой закончила развертываніе армія генерала фонъ-Клукка, которая и вторглась въ Бельгію. Для овладѣнія Льежомъ было направлено сначала 1½ корпуса, но, потерпѣвъ неудачу, германцы бросили еще столько же, введя, такимъ образомъ, въ дѣло 7, 8 и 10 корпуса. Для бомбардировки его были подвезены 42 снтм. мортиры, а императоръ Вильгельмъ предупредилъ части, предназначенныя для штурма, что, въ случаѣ его неудачи, они будутъ лишены ихъ прежнихъ боевыхъ отличій. Техника и угрозы императора подѣйствовали, и Льежъ 27 іюля былъ взятъ, но однако дорогою цѣною, похоронивъ подъ своими стѣнами около 50 тысячъ германцевъ. Овладѣвъ, послѣ этого, переправами на р. Маасѣ, германцы, выдвинувъ кавалерійскій корпусъ къ Тирлемону,

вступили въ бой и съ бельгійской арміей, отошедшей къ этому времени на линію Дистъ, Тирлемонъ, Харле. Уже 6-го августа бельгійцы подъ напоромъ превосходныхъ силъ отошли къ Антверпену, занявъ угрожающее положеніе по отношенію къ флангу и тылу І-й германской арміи генерала фонъ-Клукка. Тѣмъ временемъ германцы, вынужденные бельгійцами выставить противъ нихъ сильный заслонъ, остальными арміями перешли въ рѣшительное наступленіе на всемъ фронтѣ. Одна изъ французскихъ армій также перешла въ наступленіе и, опираясь на крѣпость Мобежъ, заняла сильную позицію на фронтѣ Монсъ—Шарлеруа. Въ это же время во французскихъ портахъ началась высадка и англійской арміи, подъ начальствомъ фельдмаршала Френча, въ составѣ 3-хъ корпусовъ. Съ 7-го августа начались сильные бои почти на всемъ фронтѣ, причемъ активная роль въ Эльзасѣ досталась французамъ, а въ Бельгіи и Люксембургѣ—германцамъ. Однако, уже въ срединѣ августа, когда обнаружилось значительное превосходство германцевъ въ силахъ, генералисимусъ Жоффръ приказалъ своимъ арміямъ отходить внутрь страны. Отходъ лѣваго фланга французской арміи обусловилъ собою таковой и на ихъ правомъ флангѣ въ Эльзасѣ. Отступленіе при этомъ было произведено въ полномъ порядкѣ, а арьергарды дрались съ большимъ упорствомъ. Къ 14-му августа окончательно выяснилась тенденція германцевъ охватить лѣвый флангъ французовъ; такъ, значительныя массы конницы зашли уже въ тылъ французамъ, остальныя же арміи послѣ боя на фронтѣ Перониъ, С.-Кентэнъ и р. Уаза, продолжая двигаться впередъ, достигли 19-го августа линіи р. Энъ отъ Компьена до Суассона и далѣе по р.р. Вель и Марнѣ—Реймса, Витри-ле-Франсуа и Аргонскаго лѣса, а 22-го августа германская кавалерія заняла г. Сенли, находящійся всего въ 43 клм. отъ Парижа.

Французамъ предстояло: или дать бой на укрѣпленной позиціи Лаферъ, Лаонъ и Реймсъ, или же оставить ее безъ боя. Принятіе французами сраженія на этой линіи крѣпостей съ превосходными силами германцевъ вполнѣ отвѣчало намѣреніямъ послѣднихъ, и, наоборотъ, отступленіе французовъ на югъ, т. е., вглубь плодородной страны, удлиняя операціонную линію германцевъ и затягивая кампанію, было крайне для нихъ невыгодно. Вотъ по этимъ то стратегическимъ

соображеніямъ генералисимусъ Жоффръ и не принялъ боя на указанной линіи крѣпостей, а совершенно правильно рѣшилъ отступать на югъ. Этотъ крайне удачный маневръ французовъ потянулъ за собою и германскія арміи, отвлекая ихъ, такимъ образомъ, отъ Парижа. Къ 24-му августа произошелъ рядъ ожесточенныхъ боевъ на р.р. Марнѣ и Моренъ, результатомъ которыхъ и было общее отступленіе германцевъ по всему фронту. Сначала отошелъ подъ давленіемъ англо-французовъ правый флангъ германцевъ, т. е., армія Клукка, а къ 29-му августа и центръ германцевъ, т. е., часть арміи Бюлова и принца Вюртембергскаго. Менѣе другихъ отступилъ лѣвый флангъ германцевъ въ Аргоннахъ. Къ 30-му августа союзники достигли уже р. Эна и Марны, а на ихъ правомъ флангѣ вновь заняли и Люневилль, передъ этимъ находившійся въ рукахъ германцевъ. Бельгійская армія въ это время, базируясь на кр. Антверпенъ, короткими ударами въ тылъ германцевъ удачно отвлекала на себя значительныя ихъ силы отъ главнаго театра сѣверо-восточной Франціи. Въ началѣ сентября стратегическій фронтъ германской арміи находился уже на линіи Брэ, Рибекуръ, далѣе по р. Эну, сѣвернѣе Реймса, черезъ Аргонны къ Вердену и далѣе къ югу до Вогезовъ. Попытки германцевъ перейти вновь въ наступленіе окончились неудачей, а наступившее на этой линіи нѣкоторое затишье позволило обѣимъ сторонамъ возвести солидныя инженерныя работы, обратившія впослѣдствіи этотъ фронтъ въ позиціонную войну. Дальнѣйшее, затѣмъ, движеніе союзниковъ въ обходъ праваго фланга германцевъ заставило послѣднихъ сосредоточить въ Бельгіи громадныя силы, которые въ серединѣ сентября перешли, въ свою очередь, въ контръ-наступленіе, обходя лѣвый флангъ французовъ. Послѣдніе реагировали на это наступленіе удлиненіемъ обходнаго фланга. Тогда, 20 сентября, обходъ германцевъ обозначился еще глубже и большія кавалерійскія массы ихъ появились со стороны Лилля. Генералъ Жоффръ, для противодѣйствія этому обходу двинулъ сильный кавалерійскій корпусъ, который и задержалъ обходъ германцевъ у названнаго города. Въ это время фланги обѣихъ сторонъ, стремясь взаимно другъ друга обойти, значительно подвигались къ морю. Неудача германской кавалеріи у Лилля вынудила направить туда корпусъ, который и

занялъ этотъ городъ, оборонявшійся слабыми территоріальными частями. Еще при первоначальномъ развитіи операціи на правомъ германскомъ флангѣ сразу выяснилась необезпеченность сообщеній германскихъ армій, въ тылу которыхъ оставались еще крѣпости Антверпенъ, Мобежъ и бельгійская армія.

Для обезпеченія этого тыла нужно было взять обѣ названныя крѣпости и разбить бельгійскую армію. Къ выполненію этихъ задачъ германцы и приступили еще въ началѣ сентября. Подвезя четыре 42 сантиметровыя мортиры, германцы 15 сентября приступили къ бомбардировкѣ всего юго-восточнаго сектора крѣпости, представлявшей изъ себя вполнѣ современную первоклассную крѣпость съ внутренней оградой и двумя линіями бетонныхъ и бронированныхъ фортовъ, имѣющей на вооруженіи до 3.000 орудій крупнаго калибра; весь дефектъ этой крѣпости заключался въ томъ, что постройка ея фортовъ еще не была закончена; результатомъ этого было то, что послѣ четырехдневной бомбардировки внѣшняя линія фортовъ была уже разрушена, при чемъ одинъ фортъ былъ сравненъ съ землею въ теченіе 8 часовъ. 19 сентября бельгійцы перенесли оборону уже на внутренній поясъ, состоящій изъ 8 фортовъ, а 23 сентября германцы переправились черезъ Нетту и установили осадныя батареи для обстрѣла города. При такихъ условіяхъ дальнѣйшая оборона крѣпости представлялась невозможной, а потому бельгійская армія, во главѣ съ королемъ Альбертомъ, 25 сентября вышла изъ Антверпена въ западномъ направленіи. 26 сентября германская армія Базелера заняла брошенный Антверпенъ, а 27 начала преслѣдованіе бельгійцевъ, отступавшихъ въ направленіи Остенде. Для облегченія этого отступленія со стороны англо-французовъ былъ выдвинутъ сильный отрядъ, который и занялъ Ипръ, связавъ, такимъ образомъ, бельгійскую армію съ правымъ флангомъ союзниковъ, расположеннымъ у Армантьера. Къ 1-му октября фронтъ союзниковъ примкнулъ къ морю, а 2-го октября подошедшая армія Базелера произвела неудачную атаку на занятую бельгійцами позицію. На остальномъ фронтѣ въ это время происходили лишь артиллерійскія перестрѣлки, развиваясь иногда въ бои, какъ, напримѣръ, въ районѣ р. Лисъ и Реймса, гдѣ герман-

цами варварски былъ разрушенъ древнiи памятникъ—Реимскiй соборъ. Обезпечивъ себя со стороны Антверпена и павшей къ этому времени крѣпости Мобежъ, германцы рѣшили овладѣть и чрезвычайно важнымъ, въ стратегическомъ отношенiи, укрѣпленнымъ приморскимъ пунктомъ Кале и Дюнкирхенъ; яростныя атаки германцевъ, поведенныя на каналъ Изера, обороняемый бельгiйцами, встрѣтили достойное сопротивленiе со стороны послѣднихъ. Однако, 10 октября, послѣ ряда ежедневно продолжавшихся атакъ днемъ и ночью, германцамъ удалось переправиться на лѣвый берегъ канала; тогда бельгiйцы спустили шлюзы и затопили большую часть атаковывавшихъ германцевъ. Безплодныя атаки послѣднихъ, сопровождавшiяся громадными жертвами, обратили вниманiе императора Вильгельма, прибывшаго на этотъ театръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Убѣдившись въ полной ихъ безполезности, Вельгельмъ приказалъ ихъ прекратить, послѣ чего весь этотъ районъ также обратился въ позицiонную войну, какъ и другiе фронты: въ Шампани, Аргонахъ и Эльзасѣ. Со второй половины ноября позицiонная война для союзниковъ значительно облегчилась готовностью тяжелой французской артиллерiи, равно какъ и прибытiемъ тяжелой артиллерiи англичанъ. Вслѣдствiе этого артиллерiйскiе бои часто стали склоняться на сторону союзниковъ. Въ началѣ декабря, когда германцы перебросили значительную часть силъ на нашъ фронтъ, союзники развили противъ нихъ особенно интенсивную дѣятельность, достигнувъ значительныхъ успѣховъ по всему фронту. Цѣнность успѣховъ этихъ еще болѣе увеличивается, если принять во вниманiе, что въ теченiе всего почти декабря имъ пришлось бороться съ непролазною грязью, въ свое время названною Наполеономъ пятой стихiей. Настойчивая и энергичная работа нашихъ союзниковъ на западѣ сдѣлала свое дѣло; рѣшительныя атаки, предпринятыя англо-французо-бельгiйцами на западѣ, не могли, конечно, не повлiять на общiй ходъ операцiй германцевъ на восточномъ фронтѣ, и всѣ тѣ новыя формированiя, которыя были закончены въ началѣ и срединѣ декабря, вмѣсто нашего фронта, напали на западный. Однако, интенсивное продвиженiе нашихъ союзниковъ, преимущественно во 2-й половинѣ декабря, особенно въ самомъ опасномъ для германцевъ

направленіи, въ Бельгіи, сразу выяснило германцамъ, что однихъ новыхъ формированій, которыми они уже подкрѣпили на западѣ свои арміи, оказалось далеко недостаточно. На это, прежде всего, указывали безостановочныя продвиженія союзниковъ, начиная съ 22 декабря на бельгійскомъ театрѣ, блестящія атаки ихъ въ районѣ Сюпира, гдѣ они захватили сразу три линіи окоповъ, и овладѣніе, послѣ ожесточеннаго боя 26 декабря, Пертъ-Ле-Хюрлю, въ Шампани. Неменьшихъ успѣховъ союзники достигли въ Аргонскомъ лѣсу и Эльзасъ-Лотарингіи, взятіемъ съ боя Грюрійскаго лѣса, ряда германскихъ позицій и сильнаго опорнаго пункта С.-Штейнбахъ. Въ самомъ началѣ января рядъ упорнѣйшихъ боевъ за отобранныя союзниками позиціи окончились для германцевъ не только неудачей, но даже захватомъ союзниками нѣкоторыхъ ихъ новыхъ позицій, какъ, напримѣръ, у Арраса и Бланжи; только у Суассона, благодаря стихійнымъ явленіямъ, французамъ изъ опасенія быть отрѣзанными разливомъ рѣки Энъ пришлось вновь отдать только что взятыя ими съ боя двѣ линіи укрѣпленій германцевъ и С.-Поль. Такъ неудачно для германцевъ слагалась стратегическая обстановка на западѣ и къ началу мая, гдѣ, по прежнему сосредоточенныя противъ союзниковъ семь германскихъ армій развернулись слѣдующимъ образомъ: на самомъ крайнемъ флангѣ, примыкая къ морю, развернулась 4-ая армія герцога вюртембергскаго; лѣвѣе ея, противъ Армантьеры,— 6-я армія кронпринца баварскаго; силы обѣихъ армій достигали не менѣе 15 корпусовъ; противъ Рибекура и Суассона развернулась 1-я армія Клукка; противъ Реймса—7-я армія Хюрингена; противъ Пертъ-Ле-Хюрлю—3-я армія генерала Энейма; противъ Аргонскаго лѣса—5-я армія кронпринца и на лѣвомъ флангѣ особая резервная армія. Считая по 5 корпусовъ въ каждой изъ пяти названныхъ армій, получилось, вмѣстѣ съ двумя первыми и особымъ отрядомъ, всего 40—45 корпусовъ.

Восточный фронтъ.

Стратегическое развертываніе Германіи и Австріи. Передовыя германскія части уже черезъ два дня по объявленіи войны заняли пограничные наши пункты Вержболово,

Влоцлавскъ, Ченстоховъ, Бендинъ, Берестечекъ, Почаевъ, Заложцы и Каменецъ-Подольскъ. Однако, вскорѣ изъ большинства этихъ пунктовъ австро-германцы были выбиты нашей кавалеріей. Небольшія стычки, продолжавшіяся до 20-хъ чиселъ августа, смѣнились авангардными боями нашихъ армій, перешедшихъ на крайнихъ флангахъ восточной Пруссіи и Галиціи въ наступленіе. Уже въ первыхъ числахъ августа частями арміи генералъ-адъютанта Рененкампфа были заняты Эйдкуненъ, Маргграбово и, послѣ ряда блестящихъ кавалерійскихъ дѣлъ, Сталупененъ, Гольдапъ, Лыкъ и др. Къ 10-му августа нами съ боя уже были взяты Гумбиненъ, 13-го августа, послѣ упорнаго боя съ частями 20-го германскаго корпуса, были заняты Алленштейнъ и Остероде, но здѣсь произошла неудача, заставившая временно отказаться отъ операціи въ восточной Пруссіи. Между тѣмъ, окончательно выяснилось, что на галиційскомъ фронтѣ противъ насъ развернулись двѣ австрійскія арміи: первая Данкля—1, 2, 4, 5, 6, 8, 9 и 10 корпуса съ 3 кавалерійскими дивизіями, и вторая генерала Ауфенберга, состоящая изъ 3, 11, 12—14 и изъ частей 7 и 13 корпусовъ съ пятью кавалерійскими дивизіями. Армія генерала Ауфенберга должна была удержать на линіи Львовъ—Галичъ наши арміи генерала Рузскаго и Брусилова, а армія Данкля прорваться черезъ Люблинъ къ Бресту. Между тѣмъ, наши арміи генерала Рузскаго и Брусилова, 7-го августа, перейдя передовыми частями р. Сбручъ, вторглись въ восточную Галицію и, послѣ упорныхъ боевъ на Золотой и Гнилой Липѣ, овладѣли укрѣпленіями Львова и Галича, а затѣмъ, и самими городами. Въ этомъ первомъ большомъ сраженіи была окончательно разбита армія генерала Ауфенберга, отступившая въ полномъ безпорядкѣ и оставившая намъ около 160 орудій. Между тѣмъ, 1-ая армія Данкля, для облегченія тяжелаго положенія арміи генерала Ауфенберга и во исполненіе указаннаго выше плана, воспользовавшись превосходствомъ въ силахъ, перешла въ рѣшительное наступленіе въ направленіи Люблина. Въ половинѣ августа сраженіе почти на 300 верстномъ протяженіи, на фронтѣ Завихостъ, Яновъ, Бѣлгорай, Томашовъ, Бѣльзъ, приняло характеръ генеральнаго, сгруппировавшись въ ожесточеннѣйшіе бои, главнымъ образомъ, въ районахъ Холм-

ской, Люблинской и Кѣлецкой губерній. Австрійцы, прикрываемые на лѣвомъ флангѣ двумя германскими резервными корпусами, ввели въ дѣло послѣднія войска. Центръ нашъ подъ ихъ яростнымъ давленіемъ уже поддался назадъ, а передовыя части австрійцевъ, врѣзавшіяся клиномъ, уже доходили до желѣзно-дорожной станціи Травники. Но во второй половинѣ августа наши войска перешли въ рѣшительное наступленіе и, опрокидывая на своемъ пути все, что только попадалось, бѣшеными контръ-атаками отбросили австрійцевъ на югъ.

Къ 20 августа отступленіе австрійцевъ ускорилось, а обильныя трофеи, въ видѣ знаменъ, сдачи въ плѣнъ цѣлыхъ дивизій и десятковъ тысячъ были уже вѣрными признаками блестящей побѣды русскаго оружія. Нами было взято въ плѣнъ около 40 тысячъ австрійцевъ и болѣе 100 орудій, столько же пулеметовъ, 4 знамени и др. Въ началѣ сентября пали предмостныя укрѣпленія у Ярослава, а послѣдній былъ взятъ штурмомъ. Австрійцы, оттѣсненные сначала къ Перемышлю, подъ нашимъ напоромъ вынуждены были отойти: армія Данкля къ рѣкѣ Вислоку, а Ауфенберга, частью, на Краковъ и, частью, въ Карпаты. Въ то же время наши войска южной группы, предшествуемыя конницей, перевалили карпатскіе перевалы и достигли желѣзнодорожнаго узла Мункачъ. Стратегическое значеніе галиційской битвы громадно: 1) прежде всего, палъ Львовъ, этотъ политическій и административный центръ Галиціи, узелъ 9-ти желѣзныхъ и 11-ти шоссейныхъ дорогъ; 2) съ занятіемъ Галиціи, считавшейся всѣми военными авторитетами гласисомъ Австро-Венгріи, предрѣшалось паденіе послѣдней; 3) единственный оплотъ Галиціи, крѣпость Перемышль, подверглась блокадѣ нашихъ войскъ; 4) съ захватомъ Ярослава и Хырова была окончательно нарушена связь Кракова съ Перемышлемъ и послѣдняго съ житницей Австріи—Венгріей, и наконецъ 5) не пораженіе, а разгромъ австрійскихъ армій нанесъ ударъ въ самое сердце Германіи и поставилъ, въ самой острой формѣ, на очередь вопросъ обороны Восточной Пруссіи, прикрывавшейся, до пораженія австрійской арміи, угрозой наступленія этой послѣдней въ направленіи Брестъ-Литовска. Разрѣшеніе же этого вопроса потребовало переброски около

10-ти германскихъ корпусовъ на нашъ фронтъ, слѣдствiемъ которой была побѣда на р. Марнѣ нашихъ союзниковъ на западѣ. Уже въ началѣ сентября, пользуясь отвлеченiемъ нашего вниманiя Галицiей, германцы, сосредоточивъ значительныя силы въ районѣ Алленштейна, начали наступать въ направленiи къ Нѣману. Наши войска частью отступили къ востоку, частью къ крѣпости Осовцу. Въ половинѣ сентября германцы пытались уже форсировать переправы у Друскенникъ и Сопоцкина, а группой, наступавшей со стороны Лыка, началась бомбардировка тяжелой артиллерiей фортовъ крѣпости Осовца. Однако, на всѣхъ пунктахъ германцы потерпѣли неудачу. Пораженiе восточно-прусской армiи на Нѣманѣ, прежде всего, обнажило Восточную Пруссiю, для спасенiя которой были притянуты новые корпуса съ западнаго фронта. Увеличивъ, такимъ образомъ, силы в.-прусской армiи до 17 корпусовъ, они развернули около 12 корпусовъ на фронтѣ Калишъ, Ченстоховъ, Олькушъ. Въ то же время австрiйская армiя, наскоро починивъ свои прорѣхи и не оправившись еще отъ недавняго пораженiя, должна была вновь дебушировать со стороны Карпатъ. Планъ германцевъ заключался въ томъ, чтобы, пользуясь отдаленностью Варшавы отъ галицiйскаго театра, гдѣ сосредоточена была большая часть нашихъ войскъ, стремительнымъ движенiемъ впередъ овладѣть этимъ административнымъ и политическимъ центромъ страны. Четыре австрiйскiя армiи перешли въ наступленiе со стороны Кракова и Карпатъ, изъ которыхъ 2-я армiя Данкля наступала по лѣвому берегу р. Вислы. Армiя Данкля подошла къ линiи р. Вислы и вошла въ связь съ 9-й германской армiей Гинденбурга, также подошедшей къ укрѣпленiямъ Варшавы. Тѣмъ временемъ, наши войска, въ свою очередь, произвели новое стратегическое развертыванiе для большей безопасности на правомъ берегу р. Вислы и, къ началу октября, заняли новое исходное положенiе. 4-го и 5-го октября начались яростныя атаки 9-й германской армiи Гинденбурга, сильно укрѣпившейся на линiи Блоне—Пясечно, но наши войска перешли въ стремительную контръатаку. Послѣ жестокихъ (семидневныхъ) боевъ подъ Варшавой, въ ночь на 7-е октября, германцы очистили свои укрѣпленныя позицiи. Въ это же время потерпѣлъ пора-

женіе и правый флангъ 9-й германской арміи у Козеницъ, противъ Ивангорода. Отступленіемъ праваго фланга германцевъ была рѣшена участь и 2-й австрійской арміи Данкля, а за ней и австрійской арміи эрцгерцога Фридриха на р. Санѣ. Послѣ совершившагося такимъ образомъ пораженія и послѣдовавшихъ затѣмъ отступленій армій, германскихъ на фронтъ Ченстоховъ, Олькушъ и австрійскихъ—къ Кракову, Бохніи и за Карпаты, германцамъ предстала новая задача: предотвратить вторженіе нашихъ войскъ уже не въ Восточную Пруссію, а въ Силезію. Для этой цѣли и была выдвинута импровизированная армія генерала Макензена, составленная изъ частей войскъ различныхъ армій, общія силы которой дошли до 5 корпусовъ. Послѣдняя и выдвинулась между Вартой и Вислой. Прорвавшіяся германскія части въ районѣ Стрыковъ—Березины очутились, однако, изолированными отъ остальныхъ частей, а слѣдовательно, въ крайне опасномъ положеніи быть окончательно отрѣзанными. Бросивъ въ направленіи Брезины около 2-хъ корпусовъ и попавъ въ мѣшокъ, нѣмцы для того, чтобы спасти свое положеніе, бросили туда еще два корпуса; въ результатѣ, они, хотя и потеряли много орудій и даже въ запряжкѣ, но зато, благодаря большимъ силамъ, избѣгли тактическаго окруженія и пробились на сѣверъ, до линіи Згержъ—Стрыковъ. Увеличивъ, затѣмъ, свои силы до 20 корпусовъ, они въ 20-хъ числахъ ноября вновь перешли въ наступленіе.

Къ концу декабря выяснилась неудача нѣмцевъ на всемъ фронтѣ, въ виду чего послѣдніе, начавъ въ полномъ смыслѣ крѣпостную войну, т. е., продвигаясь впередъ, главнымъ образомъ, на оборонительной линіи рѣки Бзуры сапами, приступили къ новой перегруппировкѣ. Оставивъ на Бзурѣ около 8 корпусовъ, они перебросили остальные, частью на западъ, частью въ Карпаты, для совмѣстнаго дѣйствія съ австрійцами. Въ началѣ января съ нашей стороны было оказано сильное давленіе со стороны Буковины. Тогда германцы, распустивъ слухи о готовящемся новомъ ихъ наступленіи противъ Сербіи, начали энергично сосредоточивать значительныя силы въ Карпатахъ для выполненія новаго грандіознаго плана, основаннаго на стратегическомъ

обходѣ сразу двухъ фланговъ: лѣваго, со стороны Карпатъ, и праваго, со стороны Восточной Пруссіи. Австрійскій обходъ не удался, и германцы для спасенія операціи въ Карпатахъ рѣшили развить сильные бои на Бзурѣ и Равкѣ, подъ прикрытіемъ которыхъ перебросить значительныя силы въ Восточную Пруссію. Произведя жестокія атаки на Бзурѣ, введя въ дѣло сразу болѣе 28-ми полковъ, германцы перебросили часть этихъ силъ въ районъ Мазурскихъ озеръ, которыя вмѣстѣ съ тремя вновь сформированными корпусами, и составили силы до 12-ти корпусовъ. Сдерживая нашъ центръ 2—3 корпусами 8-й арміи, на фронтѣ Лыкъ-Марграбово, германцы стали обходить съ обоихъ фланговъ. Съ праваго— 4-мя корпусами генерала Эйхгорна и съ лѣваго—2-мя корпусами Литцмана и Фалька. Обрушившись сначала на нашъ фланговый корпусъ германцы заставили его отойти къ Ковно. Это дало имъ возможность обрушиться на слѣдующій флангъ 20-го корпуса. Будучи отрѣзанъ отъ своего пути отступленія, послѣдній долженъ былъ пробиваться сквозь лѣсъ германскихъ штыковъ. Въ теченіе 10 дней онъ доблестно сражался съ подавляющими силами германцевъ, нанеся имъ громадныя потери. Одной бригадѣ 29-й дивизіи, всетаки, удалось пробиться. Рѣшивъ обезпечить себя со стороны млавскаго направленія, а также и отвлечь въ этомъ районѣ часть нашихъ силъ отъ главнаго гродненскаго направленія, германцы перебросили въ названный районъ часть корпусовъ 8-й арміи и довели общія силы между Оржицей и Вислой до 4—5 корпусовъ. Это и привело къ праснышской операціи, закончившейся для насъ блестящей побѣдой. Между тѣмъ, въ Карпатахъ три арміи австро-германцевъ проявляли тщетное усиліе выручить Перемышль. Яростныя атаки германской группы у Козювки и австрійцевъ у Лупкова, однако, успѣха не имѣли, и въ началѣ марта лѣвый флангъ лупковской группы сталъ отступать. Тогда коменданту Перемышля ничего не оставалось дѣлать, какъ произвести послѣднюю вылазку. 6-го марта эта вылазка окончилась полнымъ пораженіемъ гарнизона. Въ ночь на 8-ое сдѣлана была еще одна неудачная попытка къ вылазкѣ, а 9-го утромъ крѣпость Перемышль вмѣстѣ съ 120 тыс. гарнизономъ сдалась. Въ этотъ же день и 10 марта окончательно была разбита лупковская армія ген. Бороевича,

и начался отходъ австрійцевъ, какъ на этомъ флангѣ, такъ и отъ Черновицъ, гдѣ въ цѣломъ рядѣ боевъ, еще въ концѣ января, была также разбита и австро-германская группа генерала Пфлянцера. Къ концу марта наши доблестныя арміи занимали весь хребетъ главныхъ Бескидъ на 115 верстномъ фронтѣ отъ Регетова до Волосате, грозно стоя надъ спускомъ въ венгерскую равнину. Это заставило германцевъ въ корнѣ измѣнить ихъ планъ наступленія на западѣ и перебросить громадныя силы, до 10 корпусовъ, на нашъ фронтъ. Въ концѣ апрѣля началась демонстрація германцевъ въ занѣманскомъ районѣ и Остзейскомъ краѣ набѣгомъ кавалеріи, подъ прикрытіемъ которой и началось стратегическое развертываніе значительныхъ ихъ силъ въ краковскомъ районѣ.

Южный фронтъ.

Кавказскій театръ. Какъ и слѣдовало ожидать, война съ Турціей началась неожиданнымъ нападеніемъ турецкаго флота на наше беззащитное побережье. Во главѣ турецкой арміи на Кавказѣ сталъ извѣстный Энверъ-паша, которому и принадлежала идея наступленія 3-й турецкой арміи противъ нашей кавказской арміи. Во исполненіе этого послѣдняго, уже 7-го декабря началось демонстративное наступленіе якобы значительныхъ силъ со стороны Вана въ обходъ нашего лѣваго фланга. Немного позже обнаружились наступательныя попытки турокъ съ противоположнаго нашего фланга, со стороны Хопы, гдѣ они были обстрѣляны нашими миноносцами, а затѣмъ, со стороны ольтинскаго и ардаганскаго направленій. Въ общемъ же, получилось настоящее концентрическое наступленіе. Но ни въ ванскомъ, ни въ ардаганскомъ направленіяхъ, когда съ ноября по февраль морозы, особенно въ подступахъ къ центру, достигаютъ до 30 гр., турки развернуть значительныхъ силъ не могли. Это же говоритъ намъ и историческая справка: всѣ наши войны съ турками велись, главнымъ образомъ, въ районѣ подступовъ къ центру. Успѣхъ, одержанный нашими войсками на важнѣйшемъ сарыкамышскомъ направленіи, гдѣ развернулись главныя силы 3-й турецкой арміи, пріобрѣлъ особый вѣсъ и предрѣшилъ

неизбѣжный успѣхъ и на всемъ остальномъ фронтѣ. Послѣ разгрома у Сарыкамыша, турецкая главная квартира, прежде всего, должна была организовать выводъ остатковъ 9-го и 10-го турецкихъ корпусовъ изъ подъ ударовъ преслѣдовавшихъ нашихъ войскъ. Имѣя въ составѣ 3-й турецкой арміи около 4-хъ корпусовъ: 9, 10, 11, части 1-го и 2-го, при развитіи Сарыкамышской операціи въ стратегическомъ резервѣ находился 9-й корпусъ, который и двигался въ интервалѣ между 10-мъ и 11-мъ. Неудача у Сарыкамыша втянула въ дѣло 9-й корпусъ, т. е., весь стратегическій резервъ, почему, при начавшемся общемъ отступленіи, туркамъ нечѣмъ было его прикрыть, въ результатѣ же произошла катастрофа. Ночь, являющаяся могучимъ союзникомъ всякой разбитой арміи, временно облегчила положеніе отступающихъ остатковъ 3-й турецкой арміи, которымъ удалось кое-какъ отойти до Караургана, т. е., на разстояніе около 35 верстъ, сдѣлавъ усиленный переходъ. Исторія показываетъ, что большіе переходы разбитыхъ войскъ представляютъ обычное явленіе, и даже по величинѣ перехода можно судить о степени понесеннаго пораженія. Германцы, руководящіе операціями на кавказскомъ театрѣ, стараются спасти потерянное дѣло и организовать отчаянное арьергардное сопротивленіе. Бой у Караургана былъ, именно, такой попыткой гарнизона Эрзерума, вышедшаго, подъ руководствомъ германскаго генерала Поссельда, на 70 верстъ впередъ навстрѣчу преслѣдующихъ нашихъ войскъ не для какой-либо серьезной операціи совмѣстно съ отступающими остатками 3-й турецкой арміи, а лишь съ цѣлью облегчить безпорядочное отступленіе ея на главную позицію у Дэвэ-Бойну, гдѣ былъ намѣченъ сборъ разрозненныхъ ея частей. Позиція эта также исторически служила мѣстомъ сосредоточенія разбитыхъ турокъ, какъ центральная по отношенію колоннъ, дѣйствовавшихъ въ различныхъ направленіяхъ, ибо, находясь всего въ 10 верстахъ къ востоку отъ крѣпости Эрзерума, она, при всякомъ парализованіи наступательныхъ дѣйствій турокъ, можетъ служить имъ всегда надежнымъ убѣжищемъ. Разгромъ 200 тысячной турецкой арміи еще болѣе ухудшился тѣмъ обстоятельствомъ, что при полномъ бездорожьи армянскаго театра вся операціонная линія 3-й турецкой арміи, т. е., подвозъ всего необходимаго

и отчасти эвакуація ея очутились всецѣло въ зависимости отъ морского пути Константинополь—Трапезундъ, безопасности котораго нанесенъ столь сильный ударъ нашимъ дѣятельнымъ флотомъ. Если подвозъ моремъ для корпусовъ, дѣйствующихъ на сарыкамышскомъ направленіи, считался необходимымъ, то для войскъ лѣваго турецкаго фланга, дѣйствующихъ въ зачарохскомъ краѣ, онъ является единственнымъ. Удачныя дѣйствія нашего флота у Сурменэ, Ризы и Хопы показали всю несостоятельность расчета турецкой главной квартиры воспользоваться этимъ важнымъ для нихъ стратегическимъ коммуникаціоннымъ путемъ при безспорномъ фактѣ господства нашего флота на морѣ. Разстрѣлъ послѣднимъ турецкихъ судовъ у Синопа показалъ, что даже и отдаленный, болѣе чѣмъ на 500 верстъ отъ нашего восточнаго побережья Чернаго моря, морской путь отъ Константинополя на Трапезундъ находился, благодаря выдающейся активной дѣятельности нашего флота, въ крайней опасности. Эта полная солидарность армій и флота чрезвычайно важна, именно, въ настоящій моментъ, когда съ колоссальной потерей матеріальной части у наличнаго состава турецкой арміи послѣдняя особенно нуждается въ немедленномъ подвозѣ для нея всего необходимаго. Потопленіе нашимъ флотомъ этихъ средствъ подвоза, обусловливающихъ жизнеспособность и боевую силу турецкой арміи было равноцѣнно окончательному уничтоженію остатковъ 3-й турецкой арміи Изеттъ-паши.

Придунайскій театръ. Выставивъ около 6-ти корпусовъ, т. е., 300 тысячную армію, подъ начальствомъ генерала Франка, австрійцы послѣ обстрѣла Бѣлграда и демонстративныхъ переправъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Дуная, 29-го іюля начали вторженіе въ Сербію со стороны р. Дрины. Послѣ усиленной бомбардировки Шабаца, австрійцы навели мосты черезъ р. Саву. Главныя силы австрійцевъ, переправившись черезъ Дрину у Лѣшницы и Ложницы, двигались по направленію на Валіево. Сбивъ передовые сербскіе отряды, австрійцы быстро начали подвигаться въ долину Ядара и къ Церъ-Планинѣ. Тѣмъ временемъ, сербская армія, закончивъ стратегическое развертываніе, также перешла въ наступленіе, и у Церъ-Планины нанесла жестокое пораженіе австрійцамъ. Австрійцы

въ полномъ безпорядкѣ бросились къ Далинѣ, при переправѣ черезъ которую 8-й австрійскій корпусъ былъ совершенно уничтоженъ. Сербы при этомъ захватили до 10 тысячъ плѣнныхъ, 55 орудій, 8 гаубицъ, обозъ, снаряженіе и проч. Въ половинѣ августа сербы снова захватили Щабацъ и вскорѣ перешли въ наступленіе и со стороны Бѣлграда. Въ 20-хъ числахъ августа они уже переправились черезъ Саву и штурмомъ взяли Бажаницкія высоты у Землина, а также и самый Землинъ. Для парированія этого удара, австрійцы тогда произвели давленіе въ районѣ Мачвы, но сербы сами сосредоточили тамъ значительныя силы и разбили австрійцевъ, нанеся жестокое пораженіе особенно 13-му корпусу. При поспѣшномъ отступленіи австрійцы оставили болѣе 10 тысячъ одними только убитыми. Послѣ этого, сосредоточивъ до 4-хъ австрійскихъ корпусовъ на фронтѣ Звирникъ-Любове, австріцы, съ цѣлью загладить пораженіе, вновь перешли въ наступленіе въ районѣ Крупане. Это послѣднее заставило сербовъ отказаться отъ наступленія со стороны Бѣлграда, но дало возможность развить новое наступленіе, уже совмѣстно съ Черногоріей, въ предѣлахъ Босніи и Герцеговины. Общее направленіе было выбрано на Сараево. Во второй же половинѣ сентября, сербско-черногорская армія заняла высоты у Сараево. Столь блестящіе успѣхи сербской арміи заставили австрійцевъ стянуть туда громадныя силы, до 8-ми корпусовъ, съ которыми и рѣшено было уже нанести не пораженіе, а произвести полный разгромъ Сербіи. Подъ натискомъ превосходныхъ силъ сербы отошли въ глубь страны и сосредоточились на линіи рѣки Калубары. Послѣ ожесточенныхъ 10-ти дневныхъ боевъ, въ виду охвата ихъ лѣваго фланга, сербы, подъ давленіемъ превосходныхъ силъ австрійцевъ, очистили позицію на Колубарѣ, а 16-го ноября и самый Бѣлградъ. Командующій войсками на южномъ фронтѣ, генералъ Потіорокъ, стремительно бросился преслѣдовать сербовъ, при этомъ ему и въ голову не приходило, что его можетъ постигнуть та же печальная участь, которая постигла австрійскаго генерала Альвинци, 117 лѣтъ тому назадъ, въ сраженіи при Риволи. Оттѣснивъ французскую дивизію Жубера, Альвинци немедленно телеграфировалъ о своемъ блестящемъ успѣхѣ въ Вѣну и бросился преслѣдовать ее въ колоннахъ, не имѣвшихъ

между собою никакой связи. Тогда Бонопарте, подтянувъ часть свѣжей дивизіи Массены, перешелъ въ контръ-атаку, обрушился всѣми силами на среднюю колонну и разбилъ ее на голову; послѣ этого обѣ фланговыя колонны отступили, причемъ правая, не знавшая участи центра, была окружена и взята въ плѣнъ. То же самое случилось и здѣсь: въ упоеніи побѣды, одержанной не искусствомъ, а подавляющей силой, Потіорокъ телеграфировалъ Вильгельму о взятіи Бѣлграда и, отправивъ около двухъ корпусовъ, какъ излишнихъ, на нашъ фронтъ, самъ бросился преслѣдовать разбитыхъ и деморализованныхъ, по его мнѣнію, сербовъ. Послѣдніе, однако, воспользовавшись, какъ и Наполеонъ при Риволи, разброской ихъ силъ, разбили сначала центръ, въ то время какъ фланги австрійцевъ, не зная обстановки, продвигались впередъ. Тогда, сербы, воодушевленные присутствіемъ короля Петра съ двумя сыновьями, бросились на ихъ лѣвый флангъ и, разбивъ его, нанесли, затѣмъ, рѣшительное пораженіе и правому флангу.

Эта блестящая побѣда отдала въ руки сербовъ плѣнными 300 офицеровъ, 42 тысячи нижнихъ чиновъ, 3 австрійскихъ знамени, 130 орудій, 29 лафетовъ, 362 зарядныхъ ящика, 10 тысячъ ружей, обозы, госпиталя и громадное количество боевыхъ продовольственныхъ припасовъ. Главнокомандующій Потіорокъ, за это жестокое пораженіе былъ отрѣшенъ отъ командованія и преданъ суду. Послѣ этого рѣшительнаго пораженія расчитывать на какое-либо новое наступленіе со стороны австрійцевъ, конечно, было невозможно, и послѣдніе, сознавая все свое безсиліе, далѣе роспуска ложныхъ слуховъ о якобы новомъ, еще болѣе грандіозномъ, походѣ противъ Сербіи не пошли.

Выводы.

Переходя къ оцѣнкѣ новѣйшихъ техническихъ данныхъ въ настоящей войнѣ необходимо замѣтить, что однимъ изъ важнѣйшихъ условій успѣшнаго стратегическаго развертыванія явился новый факторъ—желѣзныя дороги. Только наличность чрезвычайно развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ тылу Германіи и отсутствіе ихъ въ достаточномъ количествѣ у насъ позволяли германцамъ благополучно уходить

изъ подъ нашихъ ударовъ тогда, когда полное пораженіе ихъ казалось неизбѣжнымъ. Такъ, они ушли изъ подъ Варшавы, перебрасываясь сразу по пяти желѣзнодорожнымъ линіямъ. Необычайная густота желѣзныхъ дорогъ дала имъ успѣхъ у Сольдау, а также и въ послѣднемъ наступленіи въ Мазурскихъ озерахъ. Не будь густой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ тылу австрійскихъ армій въ Карпатахъ, австрійскія арміи, расчищающія имъ проходъ, давно были бы отброшены въ Венгрію. Еще большее значеніе имѣла сѣть желѣзныхъ дорогъ при дѣйствіи германцевъ по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ въ отношеніи западнаго и восточнаго фронтовъ. Малѣйшую неудачу на одномъ фронтѣ, имъ удавалось при помощи переброски туда войскъ съ другого, немедленно исправлять. Только желѣзныя дороги спасали и Австрію, позволяя ей въ критическія минуты подвозить войска со стороны Сербіи и Буковины. Еще большее вліяніе на веденіе военныхъ дѣйствій оказало усовершенствованіе орудій, взрывчатыхъ снарядовъ, малоколиберныхъ ружей, пулеметовъ, автомобильныхъ батарей и бронированныхъ автомобилей. Прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе 42 сантиметровыя германскія мортиры. До появленія этихъ мортиръ у Осовца ихъ репутація, какъ необычайно разрушающей силы, была чрезвычайно велика. Можно считать вполнѣ достовѣрнымъ, что до настоящаго времени они на нашемъ фронтѣ вовсе не участвовали, и только возможно, что одна изъ нихъ принимала участіе въ декабрьскихъ бояхъ у Кракова и на Дунаецѣ. Появленіе двухъ 42-хъ сантиметровыхъ мортиръ подъ Осовцемъ настолько ихъ скомпрометировало, что всякая вѣра въ ихъ чудодѣйственную силу совершенно исчезла. Подъ Льежемъ и Антверпеномъ только имъ и приписывали разрушеніе фортовъ въ самый короткій промежутокъ. Одинъ изъ нихъ, какъ увѣряютъ германцы, даже былъ уничтоженъ въ 6 часовъ, другіе въ сутки. Между тѣмъ, подъ Осовцемъ эти мортиры обстрѣливали верки крѣпости цѣлыхъ два мѣсяца и, не достигнувъ никакихъ результатовъ, вынуждены были отойти обратно. Объясняютъ это нѣмцы тѣмъ, что якобы ни одинъ изъ снарядовъ въ крѣпость не попалъ. Во всякомъ случаѣ, результатъ получился тотъ, что, если снаряды и ложились

въ крѣпость, то поврежденій не давали, а если они вовсе не попадали, то держать на вооруженіи орудія, которыя бы изъ нѣсколькихъ тысячъ выстрѣловъ не давали ни одного попаданія, нѣтъ никакого смысла. Поэтому, и успѣхъ, приписываемый 42-хъ снтм. мортирамъ у Льежа и Антверпена, нужно отнести не къ этимъ мортирамъ, а, вообще, къ тяжелымъ орудіямъ, современной артиллеріи, выставляемымъ въ подавляющемъ числѣ.

Достаточно сказать, что еще въ 1870 году гранаты разрывались на 30 осколковъ, между тѣмъ, какъ теперь на 240. Шрапнели раньше разрывались на 37 частей, теперь же на 340. Чугунныя бомбы, вѣсомъ въ $2^1/_2$ пуда, при селитренномъ порохѣ давали 42 осколка, теперь же, наполненныя пироксилиномъ, даютъ ихъ тысячу. Осколки и пули, разлетаясь при этомъ въ стороны, поражаютъ въ пространство на 300 шаговъ отъ мѣста разрыва. Вотъ эти то орудія и были причиной быстраго уничтоженія не столько верковъ Антверпена, сколько живой силы, т. е. арміи. Выставивъ около 200 орудій осаднаго парка и 300-400 полевыхъ орудій осадной арміи, германцы, конечно, не могли не забросать бельгійскую армію, бывшую тогда вдобавокъ еще милиціонной. Арміи эти, заброcанныя 1000-ми пудовъ желѣза, стали и чугуна не выдержали и отступили за форты, не обороняя даже внутренней ограды. Отсюда ясно, что старый выводъ, сдѣланный Наполеономъ, сказавшимъ, что крѣпости, подобно пушкамъ, представляютъ собою не болѣе, какъ орудія, которыя сами по себѣ не дѣлаютъ дѣла, но требуютъ, чтобы ими искусно управляли, вполнѣ оправдался. Если на западѣ германцамъ въ 9 дней удалось оттѣснить гарнизонъ бельгійцевъ, то у Осовца, несмотря на присутствіе 42 сантиметровыхъ мортиръ и обстрѣливаніе тяжелыми орудіями почти непрерывно съ утра до вечера, они не могли оказать никакого вліянія на нашъ гарнизонъ, не допустившій ихъ къ фортамъ даже и на двѣ версты. Введеніе пулеметовъ, выпускающихъ 600 выстрѣловъ въ минуту, и скорострѣльныхъ ружей, при пробивной способности пули на 600 шаговъ сразу 4 шеренгъ, допускаетъ возможность на открытомъ пространствѣ полнаго взаимнаго уничтоженія. Слѣдствіемъ этого и явилась позиціонная война. Какъ на западѣ, такъ и у насъ, на Бзурѣ

позиціи обѣихъ сторонъ представляютъ изъ себя сплошные подземные города, гдѣ положительно все, отъ боевой цѣпи до обоза, находяшагося въ тылу, закопалось въ землю. Произошло это отъ того, что, при введеніи новой остроконечной пули, траекторія которой сдѣлалась на столько настильной, а прямой выстрѣлъ увеличился до 800 шаговъ, что между сторонами образовалось смертоносная зона въ 1000 шаговъ, которую пройти въ открытомъ бою безъ громадныхъ потерь положительно невозможно. Для того, чтобы атакующая часть послѣ потерь въ періодъ наступленія не уступала по численности обороняющемуся при приближеніи къ противнику на 60 шаговъ, теперь необходимо чтобы на каждые 100 человѣкъ защитниковъ было 632 атакующихъ. Для того же, чтобы атакующая часть могла достигнуть позиціи противника, необходимо, чтобы силы ея были въ 8 разъ больше обороняющагося. Этимъ и можно объяснить, что въ январьскихъ атакахъ на Бзурѣ германцы образовали особыя дивизіи смерти, которыя, будучи заранѣе обречены на погибель, должны были атаковывать наши неприступныя позиціи, грудами устилая впереди лежащіе скаты и блестяще доказывая этимъ, что идея германцевъ, воспитавшихъ свои арміи въ духѣ безпощаднаго наступленія, окончательно разбилась о новѣйшую технику вооруженія, требующую сочетанія обороны съ наступленіемъ. Кромѣ усовершенствованія балистическихъ данныхъ самыхъ орудій, необходимо отмѣтить и новый способъ перевозки ихъ на автомобиляхъ, т. е. появленіе у всѣхъ европейскихъ армій автомобильныхъ батарей. Вся разница этихъ батарей отъ обыкновенныхъ та, что лошадиная тяга замѣнена автомобилями. Но если обыкновенныя батареи при сильномъ современномъ огнѣ быстро несутъ потери людьми и лошадьми, то автомобильныя батареи, въ случаѣ разрушенія мотора, уже вовсе не могутъ быть вывезены съ боя по ихъ большой тяжести, ни лошадьми, ни на рукахъ пѣхотой. Въ такомъ положеніи оказались двѣ батареи 22-го германскаго корпуса, переброшеннаго изъ Бельгіи въ Карпаты, въ періодъ третьяго австрійскаго наступленія. Одна изъ нихъ не сдѣлала даже ни одного выстрѣла, какъ была немедленно подбита нашей артиллеріей, и только части ея удалось уйти съ поля сраженія. Такимъ образомъ, не отри-

цая пользы автомобильныхъ батарей, какъ въ смыслѣ быстроты передвиженія, такъ и безопасности стрѣльбы, громаднымъ недостаткомъ ихъ нужно считать большую зависимость отъ шоссейныхъ дорогъ, которыми какъ Польша, такъ и Карпатскій театръ войны,—крайне бѣдны. Исключается возможность пользованія ими и лѣтомъ въ песчаномъ грунтѣ, а зимою по снѣгу, когда колеса орудій забиваются въ грунтъ и буксируя на мѣстѣ, являются жертвой непріятельскаго огня. Отсюда видно, что автомобильныя батареи въ настоящую компанію, проявивъ себя съ положительной стороны на бельгійскомъ фронтѣ, гдѣ благодаря обилію шоссе имъ удавалось быстро перебрасываться по обширному фронту даже на 150 верстъ, оказались вовсе непригодными, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, у насъ. Поэтому, примѣненіе ихъ здѣсь сравнительно ограничилось только тѣми случаями, когда боевыя дѣйствія захватывали районы, богатые шоссейными путями. Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ бронированными автомобилями, которые не разъ оказывали самое рѣшительное вліяніе на ходъ боя въ различныхъ его стадіяхъ. Такъ, бронированные автомобили сыграли выдающуюся роль въ бояхъ у Сольдау, когда германскіе автомобили врывались въ самый центръ расположенія нашей пѣхоты и вырывали изъ нея цѣлые ряды. Такъ какъ появленіе ихъ явилось нѣкоторой новизной, то и борьба съ ними еще не была налажена. Ружейный и пулеметный огонь по нимъ оказался совершенно недѣйствительнымъ. Только послѣ догадались, что, если нѣтъ подъ рукой артиллеріи,—а ея никогда не бывало, такъ какъ автомобили ея умышленно избѣгали,—то достаточно было перерыть канавами шоссе, чтобы сдѣлать отступленіе автомобилей невозможнымъ. Отсюда и въ основаніе тактики бронированныхъ автомобилей была вложена быстрота и внезапность, безъ наличія которыхъ успѣхъ былъ невозможенъ. Въ виду того, что вооруженіе названныхъ автомобилей состояло не только изъ пулеметовъ, но и изъ пушекъ, то и кругъ задачъ ихъ значительно увеличился. Вездѣ, гдѣ только нѣтъ артиллеріи противника, автомобиль можетъ достигнуть блестящихъ успѣховъ. А такъ какъ самый сильный огонь является анфиладный, то главное мѣсто дѣйствій бронированныхъ автомобилей и получилось на флангахъ. Мы

неоднократно добивались блестящихъ успѣховъ, благодаря содѣйствію бронированныхъ автомобилей.

Большой успѣхъ они имѣли въ лодзинской операціи, въ Карпатахъ, на Бзурѣ и особенно у Прасныша. Въ общемъ, эта новая техническая данная явилась большимъ боевымъ коэфиціентомъ и оказала громадное вліяніе на тактику дѣйствій передовыхъ частей, вынуждая ихъ во время своихъ дѣйствій быть крайне осторожными, что значительно замедляло всякую развѣдку. Еще большую услугу они оказали во время преслѣдованія и въ ночныхъ атакахъ, наводя полную панику, на отступающаго, всегда легко подверженнаго повышенной впечатлительности. Чтобы дополнить картину введенія послѣднихъ техническихъ средствъ борьбы, нужно указать еще на ручныя гранаты и стальные щиты, примѣнявшіеся въ настоящей войнѣ въ изобиліи обѣими сторонами. Ручныя гранаты съ большимъ успѣхомъ практиковались уже въ японскую кампанію и имѣютъ сильное моральное дѣйствіе; бросаясь обыкновенно рукой, они отлетаютъ на 50-60 шаговъ и, ударяясь о встрѣчаемое ими препятствіе, разрываются на мелкіе осколки. Для противодѣйствія ружейнымъ пулямъ, у тѣхъ отдѣльныхъ людей, которые выдвигаются впередъ съ цѣлью развѣдки или наблюденія за боемъ, большое примѣненіе получили также стальные щиты. Они состоятъ изъ двухъ металлическихъ щитовъ, образующихъ экранъ около $1^1/_2$ арш. вышины и столько же ширины. Этотъ экранъ на колесахъ катится впередъ и прикрываетъ собою сразу до 8 человѣкъ.

Въ началѣ это нововведеніе французскими офицерами было встрѣчено насмѣшками и получило названіе „бабьяго изобрѣтенія", но впослѣдствіи оно получило иное освѣщеніе, особенно теперь, когда съ введеніемъ остроконечной пули дальность ружейнаго огня значительно увеличилась. Германцы, также отнеслись къ нимъ съ недовѣріемъ, а Лебель прямо сказалъ, что „мы очень желали бы ихъ видѣть, у нашихъ враговъ". Однако, теперь мы видимъ ихъ въ изобиліи у самихъ германцевъ. Собственно, самая идея стальныхъ щитовъ та же самая, что и введенія щитовъ въ артиллерію для прикрытія орудійной прислуги. Только благодаря этимъ щитамъ прислуга можетъ сравнительно спокойно работать у орудій. Это настолько измѣнило тактику артилле-

ріи, что отъ послѣдней теперь невозможно требовать окончательнаго потушенія огня непріятельской артиллеріи, а лишь его уменьшенія до возможно бо́льшихъ предѣловъ. Такъ какъ сила современнаго огня заставила искать ночныхъ битвъ, то отсюда явилась необходимость и въ ночномъ освѣщеніи. Съ этой цѣлью въ войскахъ появились сильные прожекторы. Сильный свѣтъ, бросаемый прожекторомъ, совершенно ослѣпляетъ наступающаго на 1—1½ версты, не давая ему возможности брать вѣрный прицѣлъ, а также слѣдить за результатами огня. Опыты стрѣльбы съ прожекторами, сдѣланные въ Германіи по освѣщеннымъ щитамъ, изображавшимъ колонны, около 3 верстъ, а по отдѣльнымъ фигурамъ до 1½ верстъ, показали, что процентъ попаданія былъ такой же, какъ и днемъ. Такіе же прожекторы имѣются и ручные, гдѣ платиновый фокусъ въ центрѣ пароболискаго посеребреннаго рефлектора, раскаляется до бѣла подъ струей надавленнаго воздуха, насыщеннаго парами минеральной эссенціи. Приборъ такой вѣситъ около 6 фунтовъ и носится на перевязи. Ослѣпительный свѣтъ освѣщаетъ мѣстность на ½ версты. Кромѣ того, почти во всѣхъ ночныхъ бояхъ этой войны примѣнялись и ракеты, разбрасывающія снаряды съ бенгальскими огнями, при наступаніи на которыя они воспламенялись, обнаруживая этимъ занимаемую позицію. Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить вліяніе новѣйшихъ техническихъ данныхъ на тактику кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты. Съ усовершенствованіемъ артиллеріи и инженернаго искусства, знаменитые рейды наполеоновской эпохи и междуусобной войны 1865 г. стали невозможны. Только сильныя поддержки въ видѣ стрѣлковыхъ частей позволили намъ въ періодъ карпатскихъ боевъ наносить австрійцамъ серьезные удары на ихъ сообщенія. Развѣдывательная служба кавалеріи въ тактическомъ отношеніи въ виду бездымнаго пороха значительнозатруднилась. Уже въ 1870 году одинъ стрѣлокъ, засѣвшій на деревѣ благодаря бездымному пороху, перебилъ цѣлый взводъ.

Въ стратегическомъ же отношеніи, благодаря приданію кавалеріи пулеметовъ и мотоциклетокъ, а иногда и самокатчиковъ, благодаря полученію устойчивости, роль кавалеріи значительно увеличилась. Въ то время, какъ до настоящей войны стратеги-

ческая развѣдка представляла изъ себя паутину, въ настоящую войну она представляетъ непроницаемую завѣсу. Только благодаря этой устойчивости, которую получила кавалерія, намъ удалось произвести массовую перегруппировку послѣ галиційской битвы, сосредоточивъ, подъ прикрытіемъ конницы, значительныя силы за Вислой. Въ виду особаго значенія въ эту кампанію желѣзныхъ дорогъ разрушеніе ихъ кавалеріей значительно возвысило стратегическую роль послѣдней. Какъ въ наступленіи, такъ и въ оборонѣ кавалерія явилась тѣми щупальцами, которые всегда ставили армію въ полную извѣстность о противникѣ. Отошло въ область преданія и мнѣніе нѣкоторыхъ авторитетовъ, считавшихъ массовую атаку конницы лишь призракомъ. Наша блестящая атака донцовъ на венгерскую кавалерійскую дивизію у Городка, обратившая ее въ полное бѣгство, стремительная атака гусаръ, уланъ и драгунъ въ лодзинскихъ бояхъ на германскую пѣхоту, вполнѣ воскресили блестящія времена атакъ Зейдлица и Мюрата.

Особенный успѣхъ атаки эти имѣли тогда, когда онѣ были подготовлены артиллерійскимъ огнемъ и велись на нерастроенную пѣхоту. Тогда они поистинѣ оправдывали ожиданія защитниковъ массовыхъ атакъ, увѣрявшихъ, что въ моментъ такой атаки рѣшительно все равно, что будетъ въ рукахъ у дрогнувшей пѣхоты — магазинки ли, кремневыя ли ружья или, наконецъ, просто вилы. Такой атакой сметала наша кавалерія германскую пѣхоту у Брезинъ и Прасныша, захватывая германскую артиллерію даже въ запряжкѣ. Нельзя, однако, не замѣтить, что германская кавалерія неизмѣнно избѣгала нашихъ атакъ. Если же она ихъ и принимала, то почти никогда до конца не доводила. Отсюда видно, что роль кавалеріи, благодаря приданію ей пулеметовъ, а слѣдовательно и устойчивости, не только не уменьшилась, но сильно увеличилась. Тактика артиллеріи, съ введеніемъ скорострѣльныхъ пушекъ, съ усовершенствованіемъ снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ, значительно усложнилась. Увлеченіе открытыми позиціями, такъ часто встрѣчавшееся въ японскую кампанію, прошло. Артиллерія всѣхъ армій зарылась въ землю. На вершинѣ или горѣ, какъ это было раньше, артиллерія располагаться теперь не въ состояніи. Почти всѣ позиціи—закры-

тыя, стрѣльба съ которыхъ производится по невидимой цѣли. Не исключались, однако, и случаи, когда, какъ при преслѣдованіи австрійцевъ на лупковскомъ направленіи, наши горныя орудія взбирались на кручу, располагаясь въ 600—800 шаговъ отъ противника и довершая его пораженіе. Тактика пѣхоты измѣнилась сравнительно мало. Какъ въ японскую кампанію ротныя поддержки, частные и общіе резервы разбивались въ тонкую линію, такъ и въ эту войну мы видимъ сплошныя тонкія линіи, ползкомъ подкрадывающіяся къ позиціи. Попытки германцевъ измѣнить эту тактику и примѣнить для атаки густыя колонны, какъ это они дѣлали на Бзурѣ и у Козювки, стоили для нихъ колоссальнѣйшихъ жертвъ. Если раньше, при неудачномъ штурмѣ, въ догонку отступающему посылалось 2—3 залпа и этимъ все кончалось, то теперь это обстоитъ иначе. Отступленіе отбитаго штурма сопровождается страшными потерями, такъ какъ нынѣшнія остроконечныя пули съ близкихъ разстояній сносятъ черепъ, раздробляютъ кости и вырываютъ внутренности. Въ довершеніе всего, техническія усовершенствованія оружія, крайне затруднили уборку раненыхъ, вслѣдствіе чего цѣлыя массы ихъ оставались на полѣ сраженія. Въ общемъ же, современныя и техническія усовершенствованія механизма войны приводятъ къ заключенію, что сочетаніе разумной обороны съ наступленіемъ, какое принято нами, является болѣе выгоднымъ способомъ веденія войны, чѣмъ рекомендуемое фонъ-деръ Гольцомъ безпощадное наступленіе. Это же вполнѣ согласуется и съ словами Кляузевица, сказавшаго, что во всѣ времена главнокомандующіе, не исключая и тѣхъ, которые имѣли особую склонность къ наступленію, все-таки признавали оборонительную систему болѣе дѣйствительнымъ образомъ всякой войны.

Морская сила въ мiровой войнѣ.

К. Г. Житковъ.

Прежде чѣмъ коснуться вопроса объ участiи и значенiе морской силы въ мiровой войнѣ, постараемся, въ общихъ чертахъ, выяснить тѣ данныя, на основанiи которыхъ теоретически считается необходимымъ для государствъ, обладающихъ *прибрежной* полосой, имѣть въ составѣ своихъ вооруженныхъ силъ и флотъ. Это читателю самому уяснить— исполнилъ ли флотъ, и въ какой мѣрѣ, свое назначенiе въ настоящей войнѣ?

Главнымъ назначенiемъ военно-морской силы, какъ и сухопутной, является *уничтоженiе* врага, такъ какъ при этомъ наиболѣе рацiональнымъ образомъ достигается цѣль войны—подчиненiе себѣ воли противника. При этомъ условiи достигается безусловная безопасность своего побережья и вѣрнѣйшая возможность захвата непрiятельскаго; въ то же время *владѣнiе моремъ* обезпечиваетъ свободу сообщенiя во время войны съ остальнымъ мiромъ и отнимаетъ эту возможность у непрiятеля. Указанная же свобода морскихъ сообщенiй играетъ громадную роль въ военное время, такъ какъ море соединяетъ тѣ страны, которыя оно разъединяетъ, и подвозъ жизненныхъ и военныхъ припасовъ, такъ необходимыхъ для длительнаго веденiя войны, не мыслимъ безъ господства флота надъ моремъ.

Наконецъ, одной изъ важнѣйшихъ задачъ флота во время войны, просто достижимой при упомянутомъ выше условiи — *владѣнiи моремъ,* является созданiе благопрiятной обстановки для дѣйствiя сухопутныхъ войскъ; обезпеченiе тыла и фланговъ своей армiи, и обратно—открытiе

доступовъ къ непріятельскому побережью въ тылъ и флангъ его расположенія—вотъ чѣмъ усиливаетъ флотъ свою и ослабляетъ противную стороны.

Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ назначеніе флота, отводящее ему опредѣленное мѣсто въ ряду вооруженныхъ силъ государства. Правда, тотъ или иной результатъ войны въ конечномъ счетѣ *въ большинствѣ случаевъ* зависитъ отъ сухопутной военной силы, а на флотъ ложится какъ бы вспомогательная роль, но нерѣдко эта, во время плохо сыгранная, роль влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія и для военныхъ дѣйствій на сушѣ.

Вспомнимъ историческіе примѣры — печальной памяти крымскую кампанію, гдѣ мы имѣли, хотя и побѣдоносный (надъ турками при Синопѣ въ 1853 г.), но несоотвѣтствовавшій требованіямъ современной техники флотъ, или недавнюю японскую войну, гдѣ наличіе сильнаго флота и успѣхъ его надъ японскимъ сдѣлали бы военныя дѣйствія на материкѣ излишними. Нѣсколько поздно (уже послѣ войны) пришелъ главнокомандующій, генералъ Куропаткинъ, въ своихъ „Итогахъ войны“ къ заключенію, что „главную роль въ войнѣ съ Японіей долженъ былъ играть нашъ флотъ“.

Къ счастью, въ настоящей великой войнѣ, когда дѣйствія одновременно идутъ на многихъ побережьяхъ, на сторонѣ союзныхъ державъ имѣется первый по силѣ въ мірѣ флотъ Англіи, самое выступленіе которой, какъ морской державы, уравновѣсило недостаточныя морскія силы Россіи и Франціи [1]).

Участіе Англіи на сторонѣ союзниковъ сразу дало имъ увѣренность въ успѣхѣ, и можно смѣло сказать разбило надежды Германіи на осуществленіе ея плановъ.

Дѣйствительно, выступленіе Англіи имѣло весьма крупныя послѣдствія: во-первыхъ, противъ германскаго флота высту-

[1]) Считая русскій флотъ за единицу, относительная величина другихъ флотовъ выразится слѣдующими цифрами: флотъ Франціи 2,3, Германіи—3,4, Австро-Венгріи—0,8. Изъ этихъ цифръ ясно видно громадное значеніе участія въ войнѣ флота Англіи, выражающагося въ той же системѣ цифрой 8,5. Данныя взяты изъ справочника, „Россійскій Императорскій Флотъ“, 1914 г., стр. 140. А. Домбровскій.

пилъ сильнѣйшій противникъ, связавшій его дѣйствія, во-вторыхъ, это вмѣшательство повлекло за собою нейтралитетъ Италіи, чѣмъ была обезпечена граница Франціи съ юго-востока и господство безъ всякой борьбы союзнаго флота въ Средиземномъ морѣ, въ-третьихъ, въ войну на сторонѣ союзниковъ вмѣшалась Японія, обезпечивъ своимъ образомъ дѣйствій нашу дальневосточную окраину. Помимо этихъ кардинальныхъ измѣненій въ группировкѣ воюющихъ силъ, съ выступленіемъ Англіи появилась надежда, и она уже теперь, черезъ 6 мѣсяцевъ войны крѣпнетъ все больше, что удастся довести до истощенія *экономическія силы* Германіи. Вотъ эту роль—доведенія государства до *голода*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, до капитуляціи, могутъ выполнить союзники *единственно* благодаря англійскому флоту, и это очень хорошо понимается въ самой Германіи, считающей именно англичанъ своимъ главнымъ врагомъ и ненавидящей ихъ за это больше другихъ своихъ противниковъ.

Указанная роль флота, незамѣтная сначала и обнаруживающаяся воочію теперь, когда въ Германіи уже приступаютъ къ реквизиціи жизненныхъ припасовъ для урегулированія питанія мирнаго населенія,—разыгрывалась имъ какъ будто за кулисами, безъ видимыхъ эффектныхъ боевъ, разгрома непріятельскихъ морскихъ силъ, наоборотъ, даже съ многими видимыми для обывателей потерями, понесенными британскимъ флотомъ и возбудившими цѣлый рядъ нареканій на тихія дѣйствія флота и его вождей.

И опять-таки лучше другихъ оцѣнили кажущееся бездѣйствіе своего противника сами нѣмцы.—Такъ, графъ Ревентловъ въ „Deutsche Tageszeitung" совѣтовалъ „обществу не придавать слишкомъ большого значенія тактическимъ успѣхамъ германскаго флота. Они нисколько еще не ослабили британской морской силы, которая потеряла только нѣсколько старыхъ судовъ. Всѣ англійскія современныя боевыя суда до сихъ поръ цѣлы, а между тѣмъ, это, именно, они даютъ такой перевѣсъ британскому флоту надъ германскимъ. Если бы въ настоящее время произошелъ бой между двумя флотами, то англійскія эскадры приняли бы въ немъ участіе всѣ цѣликомъ, какъ будто бы никакихъ потерь они доселѣ не понесли. *Въ обществѣ*, добавлялъ онъ, *многіе наивно*

объясняютъ кажущееся бездѣйствіе британскаго флота — слабостью и нерѣшительностью. Но это не совсѣмъ такъ, на самомъ дѣлѣ здѣсь на лицо выполненіе обдуманной стратегической программы".

Что же сдѣлалъ за 6 мѣсяцевъ англійскій флотъ реальнаго? Какова его „обдуманная стратегическая программа"?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти далъ въ своемъ парламентскомъ выступленіи еще въ концѣ осени самъ Уинстонъ Черчилль, первый лордъ адмиралтейства, по нашему морской министръ.

Начавъ съ указанія, что морскому министру теперь трудно защищаться, такъ какъ въ оправданіе приходится ссылаться на свѣдѣнія, опубликованіе которыхъ повредило бы войнѣ, и поблагодаривъ отъ имени адмиралтейства печать за громадную пользу, которую она приноситъ флоту и родинѣ, Черчиль перешелъ къ изложенію „четырехъ великихъ опасностей", угрожавшихъ британскому флоту съ начала войны.

„Прежде всего, была опасность, что европейская война застанетъ британскій флотъ врасплохъ, и непріятель получитъ возможность нанести ударъ немобилизованному и неожидающему нападенія флоту. Это было бы самое страшное. Но, къ счастью, морскія силы Англіи были готовы къ войнѣ"[1])

„Вторая опасность заключалась въ возможности прорыва на открытые морскіе пути очень большого числа непріятельскихъ крейсеровъ, прежде чѣмъ англичане успѣли бы принять нѣкоторыя мѣры для парированія ударовъ на свою морскую торговлю. Въ настоящее время можно считать, что опасность эта миновала. До войны комитетъ имперской обороны разсчитывалъ, что въ первые 3 мѣсяца военныхъ дѣйствій коммерческій флотъ Британіи потеряетъ, по меньшей мѣрѣ, 5%, но онъ счастливъ заявить, что потери достигли всего только 1,9%".

„Третья опасность—это злоупотребленія со стороны непріятеля въ пользованіи минными загражденіями. Въ этомъ отношеніи Англія понесла ущербъ и дальше будетъ нести ущербъ, но соотвѣтствующія мѣры теперь приняты. Ущербъ

[1]) Это произошло вслѣдствіе пробной мирной мобилизаціи всего флота передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій.

взвѣшенъ, и Черчилль надѣется, что отнынѣ онъ будетъ уменьшаться. Борьба противъ германскихъ пріемовъ пользованія минными загражденіями развивается вполнѣ успѣшно".

„Появленіе новаго оружія—подводныхъ лодокъ—обусловило собою четвертую опасность. Способность сильнѣйшаго флота обезпечивать себѣ свободу движеній на морѣ уменьшилась, благодаря развитію техники этихъ судовъ. Можно съ удовлетвореніемъ констатировать, что англійскій подводный флотъ гораздо могущественнѣе германскаго. Если онъ достигъ меньшихъ успѣховъ, то только потому, что англійскія лодки до сихъ поръ почти не встрѣчаютъ въ морѣ „мишеней" для своей минной стрѣльбы".

Въ этихъ словахъ морского министра чрезвычайно вѣрно отмѣчены характерныя черты дѣятельности британскаго флота, касающіяся начальнаго періода войны.

Дѣйствительно, для успѣха всего дѣла, первѣе всего необходима была боевая готовность флота [1])—и таковая, по счастливому стеченію обстоятельствъ, была окончена еще до войны, благодаря пробной мобилизаціи всѣхъ британскихъ морскихъ силъ.

Вторымъ дѣломъ готоваго къ дѣйствіямъ флота должно было бы быть *вступленіе въ бой* съ флотомъ врага, но противникъ не пожелалъ открытаго единоборства, а прибѣгъ къ тактикѣ слабаго—*минной войнѣ*—минамъ и подводнымъ лодкамъ, надѣясь вывести изъ строя большое количество британскихъ судовъ, чтобы уравнять его матеріальное превосходство. На аренѣ дѣйствій—у побережья Великобританіи, да и на всемъ пространствѣ Сѣвернаго моря, появляются мины загражденія; съ военныхъ и коммерческихъ судовъ, прикрываясь нейтральнымъ флагомъ, въ явное нарушеніе обычаевъ войны, засѣваютъ германцы цѣлыя поля этими дѣйствительнѣйшими орудіями разрушенія, стараясь такимъ способомъ стѣснить свободу плаванія британскихъ судовъ и подорвать ихъ господство на морѣ. Но вырвать у англичанъ

---

[1]) Изъ экономическихъ соображеній въ обыкновенное время въ боевой готовности, т. е. съ полнымъ количествомъ запасовъ и полнымъ комплектомъ команды, находится только ядро флота—обыкновенно наиболѣе современныя суда; старые корабли находятся въ резервѣ и требуютъ для своей готовности извѣстнаго мобилизаціоннаго срока.

господство надъ водами Сѣвернаго моря Германіи не удалось; стараясь соблюдать съ начала войны международные обычаи, дѣйствовавшіе до этой войны и требовавшіе для дѣйствительности блокады побережья поддержки ея военными силами, даже безъ всякаго объявленія о „блокадѣ“ британскій флотъ установилъ таковую, и насколько производительна оказалась она за первые два мѣсяца войны, видно изъ цифръ, сообщенныхъ англійскимъ адмиралтействомъ въ концѣ сентября: число захваченныхъ германскихъ судовъ достигало цифры 387, съ общимъ водоизмѣщеніемъ 1.140.000 тоннъ, что составляло около 23% всего тоннажа германскаго торговаго флота (5.000.000 тоннъ) [1]), въ то же время число захваченныхъ англійскихъ судовъ достигало цифры 86 при общемъ водоизмѣщеніи 229.000, т. е. немного болѣе 1% (отъ 20.122.173 тоннъ).

Тяжелую дозорную службу несли при этомъ британскіе крейсера и миноносцы въ Сѣверномъ морѣ, достигая въ своихъ походахъ даже самаго пресловутаго „мокраго треугольника“ [2]) (Гельголандъ—Вильгельмсгафенъ—Куксгафенъ), и вызывая врага на бой, причемъ наносили ему существенныя потери (15 августа у Гельголанда потоплены 3 легкихъ крейсера, 4-го октября у береговъ Голландіи 4 миноносца). Тщетно отстаивала Англія свободу отъ минъ открытаго моря, не примѣняя вовсе этого оружія, и только, когда на сцену появились подводныя германскія лодки,—когда, правда случайно, но въ одинъ день (10-го сентября) погибли 3 крейсера по 12.000 тоннъ водоизмѣщенія, и когда, время отъ времени, выведеніе британскихъ судовъ изъ строя стало повторяться, адмиралтейство рѣшило примѣнить и со своей стороны минныя загражденія, и въ концѣ сентября опубликовало о за-

---

[1]) Приводимыя ниже цифры даютъ яркую иллюстрацію паденія внѣшней торговли Германіи—таковая по ввозу въ Нью-Іоркъ, оцѣнивавшаяся въ іюлѣ въ 11.183.543 долл., въ августѣ опустилась до 5.269.312, а въ сентябрѣ до 1.443.793 долларовъ. Въ одномъ Нью-Іоркѣ находятся сейчасъ въ бездѣйствіи 18 пароходовъ компаній Гамбургъ—Америка и Сѣверный Германскій Ллойдъ, съ водоизмѣщеніемъ 233.285 тоннъ, общій же тоннажъ пароходовъ, бездѣйствующихъ во всѣхъ портахъ Америки, достигаетъ до 600.000 тоннъ.

[2]) Укрѣпленный германскій районъ, гдѣ находятся главныя морскія силы.

крытіи южной части Сѣвернаго моря– входовъ въ Темзу и въ Англійскій каналъ, а черезъ мѣсяцъ, когда оказалось, что германскія лодки проникаютъ и за линію минныхъ загражденій, Англія не остановилась передъ объявленіемъ и всего Сѣвернаго моря „ареной военныхъ дѣйствій".

На этой „аренѣ" частныя суда появляться, вообще, не должны, такъ какъ ихъ ждетъ грозный подводный врагъ— мины загражденія, въ обиліи поставленныя теперь англичанами для защиты отъ германскихъ лодокъ; въ то же время торговымъ судамъ нейтральныхъ государствъ объявленъ свободный безопасный путь вблизи береговъ Великобританіи, на которыхъ британскому флоту легко вести свой контроль надъ торговыми судами: адмиралтейство, дѣйствительно, нашло вѣрный способъ борьбы съ „третьей" и „четвертой" опасностями Черчилля и классически разрѣшило вопросъ о господствѣ на морѣ и „блокадѣ" побережья, новымъ, доселѣ неизвѣстнымъ способомъ.

Борьба, между тѣмъ, шла успѣшно—къ концу четвертаго мѣсяца войны морская торговля Германіи сократилась почти на 90% (изъ 5.000.000 тоннъ работало только 549.000) [1]), а къ концу 6-го мѣсяца и вовсе перестала существовать. Въ одной изъ берлинскихъ газетъ въ статьѣ „Морская война" помѣщено было слѣдующее, прискорбное для всякаго государства, а особенно видѣвшее свое „будущее на водахъ", признаніе: „всякій считалъ, что въ нашей войнѣ съ Англіей, блокада береговъ сама собой разумѣется, на самомъ же дѣлѣ такой блокады нѣтъ. Конечно, практическаго значенія это не имѣетъ, такъ какъ *наша морская торговля все же перестала существовать*. Такимъ образомъ, *не уничтоживъ нашего флота*, врагу удалось осуществить то, что имъ считалось главнымъ— *уничтоженіе нашей морской торговли и прекращеніе доступа къ нашимъ берегамъ*".

Таковой представляется борьба британскаго флота за господство на главномъ театрѣ войны—въ Сѣверномъ морѣ за первые полгода войны—господство, хотя и не полное,

[1]) За то же время по офиціальнымъ свѣдѣніямъ сокращеніе англійской морской торговли выражается 2.9% (585.551 тоннъ отъ 20.122.173 тоннъ общаго водоизмѣщенія).

оставалось все время за нимъ: полное прекращеніе подвоза въ Германію и сокращеніе такового же черезъ нейтральныя страны—вотъ результатъ дѣятельности британскихъ боевыхъ эскадръ.

Въ то же время флотъ принесъ сухопутной арміи своихъ союзниковъ — Бельгіи и Франціи — существенную помощь обезпеченіемъ переброски британской арміи съ островъ на материкъ, а позднѣе принялъ участіе въ поддержкѣ лѣваго фланга союзныхъ армій со стороны моря въ сраженіи при каналѣ Изерѣ.

Если о послѣднихъ дѣйствіяхъ флота и сообщалось въ печати, причемъ отдавалось должное славной работѣ морскихъ дальнобойныхъ орудій, сметавшихъ своимъ огнемъ береговыя батареи, то о первой заслугѣ флота не упоминалось нигдѣ, а между тѣмъ, перевезти 200-тысячную армію, безъ потери хотя бы одного транспорта, представляется, съ морской точки зрѣнія, операціей исключительно трудной и успѣшно достижимой только при владѣніи моремъ.

И если можно еще не удивляться перевозкѣ войскъ изъ самой метрополіи, требующей сравнительно небольшого срока, то нельзя не преклониться передъ организаціей обезпеченія перевозки войскъ изъ многочисленныхъ англійскихъ колоній. Эта перевозка, подчасъ черезъ нѣсколько океановъ, протекла, можно сказать, положительно въ обстановкѣ мирнаго времени.

Правда, въ то время, когда она происходила, немногочисленные германскіе крейсера, съ знаменитымъ „Эмденомъ“ во главѣ, наводили панику въ нѣкоторыхъ районахъ на океанскую торговлю союзниковъ, но это была только *временная* „премія“ за право безпрепятственнаго провоза океанами сухопутныхъ войскъ, охранявшихся военными судами, и нельзя не признать, что расчеты англичанъ вполнѣ оправдались; послѣ почти четырехмѣсячнаго хозяйничанія германскихъ крейсеровъ въ океанахъ, дальнѣйшая дѣятельность ихъ была прекращена, для громаднаго большинства изъ нихъ навсегда, освободившимся отъ охраны при перевозкѣ войскъ англійскимъ флотомъ.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ результаты дѣятельности морскихъ силъ Англіи на главномъ театрѣ войны въ Сѣверномъ морѣ, по борьбѣ за господство на немъ.

Обратимся теперь къ главному, по справедливости единственному, противнику союзниковъ на морѣ—германскому флоту. Что сдѣлалъ онъ? Какой стратегическій планъ довелось выполнить ему?

Общественное мнѣніе Германіи, также какъ и у насъ, и въ Англіи, было взволновано бездѣйствіемъ своего флота и обвиняло его личный составъ—„обыватели слышатъ о побѣдоносномъ шествіи германской арміи и недовольны, что наши эскадры не выходятъ въ бой противъ англійскаго флота"—писалъ капитанъ I ранга Персіусъ въ берлинской газетѣ. „Мы имѣемъ право считать свой личный составъ превосходнымъ, но, къ сожалѣнію, въ современной морской войнѣ матеріальная часть играетъ значительно большую роль, чѣмъ въ войнѣ сухопутной... Мы должны, прежде всего, сохранить свои корабли въ цѣлости, такъ какъ надо расчитывать, что, такъ или иначе, морская мощь Британіи въ Сѣверномъ морѣ скоро будетъ ослаблена, и намъ надо ждать этого времени, чтобы тогда нанести свой ударъ".

Другой германскій морской писатель, отставной вице-адмиралъ Кирхгофъ, выступившій въ самомъ началѣ войны, тоже совѣтывалъ обществу терпѣливо ждать, пока наступитъ время для активныхъ дѣйствій германскаго линейнаго флота. „Теперь пока идетъ минная война. Личному составу флота и безъ того тяжело выжидать благопріятнаго момента для выступленія, и общество должно это понимать и воздерживаться отъ вреднаго вліянія на личный составъ своими жалобами и нервничаніемъ. Перенести выжидательное положеніе можетъ только такой флотъ, который увѣренъ въ себѣ и сохранитъ свою силу; въ противномъ случаѣ, выжиданіе поведетъ къ деморализаціи".

Вотъ какимъ планомъ объясняется бездѣйствіе германскаго флота „Открытаго моря" [1]): минная война и подводныя лодки—вотъ орудія выжидательной стратегіи флота Нѣмецкаго моря, „закрытаго англичанами".

Теперь уже можно ясно видѣть, что въ заявленіяхъ морскихъ публицистовъ была доля правды: начиная съ перваго дня войны вплоть до декабря, т. е. въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ

---

[1]) „Hochseeflotte"—названіе главной германской эскадры.

германскій флотъ „Открытаго моря“ не выходилъ изъ предѣловъ „мокраго треугольника“, и только минныя заградители, миноносцы и подводныя лодки бороздили поверхность и глубины „Нѣмецкаго моря“; результаты крейсированія этихъ судовъ оказались на лицо—нѣсколько дозорныхъ судовъ британскаго флота, поддерживавшихъ въ началѣ войны, еще по старому обычаю, блокаду непріятельскихъ береговъ, пошли ко дну (3 взорвались на минахъ, 7 потоплены лодками), причемъ, какъ и всегда бываетъ, повсюду въ обществѣ новое орудіе морской войны—подводныя лодки—сейчасъ же пріобрѣло первостепенное значеніе.

Приходилось неоднократно слышать слова осужденія и другой сторонѣ: германцы умѣютъ пользоваться новымъ оружіемъ, а англичане нѣтъ. Мнѣніе это безусловно малообоснованное, такъ какъ неуспѣшность дѣйствій британскихъ лодокъ объясняется не неумѣніемъ его личнаго состава, а неимѣніемъ объекта дѣйствій—германскій флотъ скрывается въ портахъ, и англичанамъ не на комъ показать свое искусство [1]); въ то же время скрыться въ свои порта англійскія суда не могутъ, иначе море осталось бы безъ охраны, и гибель, время отъ времени, британскихъ судовъ отъ лодокъ непріятеля является той же „преміей“, которая платится Англіей за контроль надъ морскими путями.

Однако, этимъ внѣшнимъ эффектомъ—потопленіемъ нѣсколькихъ судовъ дѣло и ограничилось — англичане освоились съ новой, „четвертой“ по счету Черчилля, опасностью и измѣнили дислокацію своихъ силъ, результатомъ чего было уменьшеніе потерь британскаго флота: такъ, за первыя четыре недѣли лодками потоплено было 4 корабля съ 1718 чел. команды, за слѣдующія 12 — всего 3 съ 564 чел.; въ то же время, для созданія непріятелю „частичныхъ затрудненій“, адмиралтейство и объявило о заминированіи южной части Сѣвернаго моря.

Дальнѣйшая постановка минъ германцами у сѣвернаго побережья Ирландіи, каковая операція могла быть произведена, по мнѣнію британскаго адмиралтейства, единственно

---

[1]) Случаи потопленія англійской лодкой крейсера „Хелла“ и миноносца у Эмса показываютъ, что это объясненіе весьма вѣроятно.

при помощи коммерческихъ судовъ подъ нейтральнымъ флагомъ, заставила Англію пойти дальше и объявить все Сѣверное море „ареной военныхъ дѣйствій“.

Мѣры, принятыя Англіей, чрезвычайно раздражили Германію, увидѣвшую въ этомъ объявленіи посягательство на свою, и такъ уже подорванную въ корнѣ, торговлю съ нейтральными, и еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, черезъ интервью съ американскимъ журналистомъ, создатель германскаго флота, адмиралъ фонъ-Тирпицъ, объявилъ міру, что „разъ Англія намѣрена уморить Германію голодомъ, послѣдняя будетъ уничтожать подводными судами всѣ торговыя суда, приближающіяся къ Англіи“.

Дѣйствительно, на шестомъ мѣсяцѣ войны, германское адмиралтейство объявило воды, окружающія великобританскіе острова, вмѣстѣ съ каналомъ, „ареной военныхъ дѣйствій“ и, не оставивъ, такимъ образомъ, никакого пути для мореходства, обрекло *на смерть* всѣхъ, даже нейтральныхъ гражданъ, вынужденныхъ зайти въ эту зону, такъ какъ поддерживать дѣйствительность запрета [1]) прохода этой зоной назначены подводныя лодки, которымъ, уже по однимъ своимъ размѣрамъ, немыслимо снимать передъ потопленіемъ съ пароходовъ ихъ команду и пассажировъ. Такъ отвѣтила, чувствующая свое полное безсиліе на морѣ, Германія на свое изолированіе отъ внѣшняго міра Англіей.

Къ чему поведетъ эта борьба?—Къ ожесточенію противъ Германіи всѣхъ нейтральныхъ!

Соединенные Штаты уже опубликовали свой протестъ въ дипломатической нотѣ, напоминающей Германіи, что „право воюющихъ подвергать осмотру и обыску суда ограничено лишь предѣлами дѣйствительной блокады“, чего не имѣется въ виду. Въ случаѣ же „разрушенія въ открытыхъ моряхъ американскихъ судовъ и уничтоженія американскихъ гражданъ“ правительству Штатовъ было бы трудно „разсматривать подобный образъ дѣйствій иначе, какъ не подлежащее опредѣленію нарушеніе правъ нейтральной державы“, что было бы „трудно согласовать съ дружественными отноше-

[1]) Срокомъ вступленія въ силу этого запрещенія германское адмиралтейство объявило 18 февраля новаго стиля.

ніями. Это заставило бы американское правительство возложить всю отвѣтственность за эти акты на императорское правительство, а также принять всѣ мѣры, необходимыя для защиты имущества и жизни американскихъ гражданъ".

Такова недвусмысленная угроза нейтральной державы, наиболѣе[1]) другихъ заинтересованной въ свободѣ сношеній съ Англіей и другими нейтральными: новый противникъ появляется на горизонтѣ Германіи [2]).

Такимъ образомъ, борьба за свободу морской торговли къ концу 6-го мѣсяца войны приняла грандіозные, небывалые размѣры, причемъ всѣ прежнія понятія международнаго права о блокадѣ, о собственности на морѣ и жизни нейтральныхъ сошли на нѣтъ. Ближайшее будущее, чреватое событіями, должно показать, выиграла или проиграла Германія своимъ новымъ выступленіемъ [3]).

---

[1]) Въ англійской декабрьской нотѣ, обращенной къ Соединеннымъ Штатамъ, приводятся интересныя сравнительныя цифры американскаго экспорта за ноябрь 1913 г. и ноябрь 1914 г.

Въ Швецію	въ ноябрѣ 1913 г.	377	тыс. долл.
	" " 1914 "	3.858	" "
Въ Норвегію	" " 1913 "	477	" "
	" " 1914 "	3.318	" "
Въ Данію	" " 1913 "	558	" "
	" " 1914 "	7.101	" "
Въ Италію	" " 1913 "	2.971	" "
	" " 1914 "	4.781	" "
Въ Голландію	" " 1913 "	4.389	" "
	" " 1914 "	3.960	" "

Изъ этихъ данныхъ ясно видно, что Соединенные Штаты чрезвычайно заинтересованы въ поддержаніи хотя бы относительной, подъ контролемъ Англіи, свободы плаванія и никакъ не могутъ безъ рѣшительныхъ угрозъ помириться съ подрывомъ своей торговли еще и со стороны Германіи.

[2]) Ко времени печатанія статьи оказалось, что намѣренія Соединенныхъ Штатовъ воевать не были очень серьезны—по крайней мѣрѣ, за потопленный въ океанѣ крейсеромъ „Фридрихъ Эйтель" пароходъ они потребовали только денежнаго вознагражденія. Правда, подводными лодками не былъ потопленъ ни одинъ американскій пароходъ, такъ что угроза на Германію подѣйствовала.

[3]) Къ концу восьмого мѣсяца войны съ достаточной ясностью опредѣлилось уже, что надежды, возлагавшіяся Германіей на подводную блокаду, далеко не оправдали ихъ расчетовъ: по сообщенію англійскаго адмиралтейства, за время съ объявленія блокады (5/18 февраля) по конецъ марта, пото-

Одной только минной войной дѣятельность германскаго флота въ Сѣверномъ морѣ не ограничилась. Подъ вліяніемъ ли общественнаго мнѣнія съ одной стороны, съ цѣлью ли доказать незаблокированность своихъ портовъ и недѣйствительность господства англичанъ на Сѣверномъ морѣ, съ другой, но отрядъ германскихъ новѣйшихъ крейсеровъ произвелъ 3-го декабря набѣгъ [1]) на побережье Англіи; результаты его, однако, были ничтожны и совершенно не соотвѣтствовали риску, которому подвергались отъ минъ германскія суда: нѣсколько разрушенныхъ общественныхъ и частныхъ зданій въ городѣ Гарльтпулѣ и незащищенныхъ курортахъ Скарборо и Уитби, нѣсколько сотъ убитыхъ мирныхъ жителей, среди коихъ много женщинъ и дѣтей, да нѣсколько поставленныхъ у береговъ Англіи минъ загражденій—вотъ весь активъ дѣйствій флота „Открытаго моря". Набѣгъ этотъ, по признанію самихъ германцевъ, имѣющій „мало значенія въ дѣлѣ господства на морѣ" и значеніе „больше моральное", только поднялъ озлобленіе англичанъ противъ разбойниковъ-германцевъ. Были приняты соотвѣтствующія мѣры, поставлены вторая и третья зоны прибрежныхъ минныхъ загражденій, усилена бдительность дозорныхъ судовъ, въ результатѣ чего третья попытка германцевъ произвести подобный набѣгъ кончилась для нихъ неудачей — встрѣченные еще въ морѣ, въ 30 миляхъ отъ берега, сильнѣйшей крейсерской эскадрой изъ сверхъ-дредноутовъ и дредноутовъ они должны были повернуть, причемъ въ бою были серьезно повреждены два ихъ дредноута и потопленъ броненосный крейсеръ „Блюхеръ".

плено лодками и на минахъ 26 пароходовъ изъ числа 7.500 пароходовъ, прибывшихъ и выбывшихъ изъ Англіи; при этомъ уничтожено 4 подводныхъ лодки—U 8, U 12, U 20, и U 29 (на послѣдней погибъ знаменитый лейт. Ведингенъ), Единственнымъ дѣйствительно тяжелымъ результатомъ блокады для англичанъ является повышеніе страховой преміи отъ 25—до 50% и даже до 100%. Союзники отвѣтили на германскую блокаду полнымъ изолированіемъ Германіи съ моря.

[1]) Первый набѣгъ былъ произведенъ еще 21-го октября къ Ярмуту съ демонстративной цѣлью отвлечь главныя морскія силы отъ защиты отряда, поддерживавшаго съ моря союзныя арміи въ Бельгіи, на уничтоженіе котораго тоже отдѣлены были достаточныя силы; обѣ операціи германцевъ кончились ничѣмъ.

Этимъ послѣднимъ славнымъ дѣломъ, англичане воочію убѣдили германское общественное мнѣніе, что графъ Ревентловъ не ошибался, говоря, что ихъ подводныя лодки не нанесли дѣйствительнаго ущерба британскому флоту.

Такова обстановка настоящаго момента и главнѣйшія дѣйствія въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ войны на главномъ морскомъ театрѣ—Сѣверномъ морѣ: тамъ идетъ при помощи *минной* войны борьба, не на жизнь, а на смерть, за свободу торговли на морѣ. Главныя же силы обоихъ флотовъ — боевыя эскадры—въ совершенной цѣлости, выжидая удобный моментъ готовятся къ бою.

Въ полной зависимости отъ дѣйствій на главномъ театрѣ стоятъ и событія на второмъ сѣверномъ театрѣ — Балтійскомъ морѣ. Не подлежитъ большому сомнѣнію, что русскій флотъ, предоставленный самому себѣ, не долго бы продержался одинъ на одинъ противъ германскаго флота, но британскія эскадры, связавшія главныя силы противника въ Сѣверномъ морѣ, не позволили ему отдѣлить достаточныхъ силъ для уничтоженія нашихъ, сравнительно небольшихъ, силъ, благодаря чему послѣднія и смогли, занявъ оборонительное положеніе, обезпечить подходы къ столицѣ государства и къ южному побережью, гдѣ могла быть произведена высадка на правомъ флангѣ боевого расположенія нашей арміи.

Съ другой стороны, есть и такое крайнее мнѣніе, что, „если бы германскій флотъ вышелъ въ Сѣверное море и принялъ бы бой противъ англійскаго, то въ результатѣ такого сраженія Балтійское море оказалось бы во власти русскаго флота, и тогда русскія войска получили бы возможность нанести ударъ сѣверному германскому побережью". Въ этомъ опредѣленіи значенія русскаго флота есть большая доля, мало сознаваемой обществомъ, правды, такъ какъ, дѣйствительно, нахожденіе на Балтійскомъ театрѣ морскихъ силъ, союзныхъ Англіи, счастливымъ для державъ тройственнаго согласія образомъ, ставитъ германскій флотъ, что называется, въ два огня, и хотя не вырываетъ иниціативу изъ его рукъ, но заставляетъ очень и очень призадуматься для принятія рѣшенія въ своихъ дѣйствіяхъ.

Какова бы однако ни была степень взаимодѣйствія флотовъ союзниковъ, совершенно достовѣрно то, что въ теченіе

6-и мѣсяцевъ на Балтійскомъ морѣ идетъ полная опасности для жизни личнаго состава дозорная служба по наблюденію за свободой моря отъ непріятеля: въ теченіе этого долгаго времени у насъ былъ уничтоженъ крейсеръ „Паллада“, у противной стороны—крейсеръ „Магдебургъ“ и у Либавы дирижабль № 19.

Въ то же время, несмотря на необходимость сохранить пассивный образъ дѣйствія по охранѣ побережья Финскаго залива, балтійскій флотъ имѣлъ успѣхъ и въ активныхъ выступленіяхъ—такъ въ самомъ Балтійскомъ морѣ имъ потопленъ броненосный крейсеръ „Фридрихъ-Карлъ“, а позднѣе уничтоженъ лодкой сторожевой миноносецъ и подорванъ легкій крейсеръ „Газелле“; послѣдній успѣхъ пріостановилъ, даже на время, движеніе коммерческихъ судовъ въ Балтійскомъ морѣ, такъ что полнаго господства германцевъ на этомъ морѣ нѣтъ, и кто знаетъ, сколько еще испытаній готовитъ нашъ скромный, слабый матеріально, но сильный духомъ своего сплотившагося за послѣднее десятилѣтіе личнаго состава, балтійскій флотъ. Не совсѣмъ же даромъ наши союзники, говоря о русскомъ флотѣ на сѣверѣ, пишутъ: „возрожденіе русскаго флота имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ многіе думаютъ—на Балтійскомъ морѣ онъ задержалъ и связалъ собою свободу дѣйствій германскаго флота въ морѣ Сѣверномъ“.

Флотъ второй союзной намъ державы—Франціи, съ самаго начала войны безраздѣльно владѣетъ Средиземнымъ моремъ. Здѣсь міру преподанъ наглядный урокъ значенія морской силы для помощи сухопутной: блестяще выполнивъ перевозку своихъ войскъ изъ Алжира въ Европу и обратно, французскія морскія силы заблокировали австро-венгерскій флотъ въ Поло и Каттаро, не допустивъ туда спасавшихся бѣгствомъ пресловутыхъ „Гебена“ и „Бреслау“, и за всѣ 6 мѣсяцевъ ни о какихъ дѣйствительныхъ движеніяхъ запертаго флота не слышно; изъ судового состава его выбылъ крейсеръ „Цента“, потопленный артиллерійскимъ огнемъ, и нѣсколько миноносцевъ, со стороны же блокирующаго флота погибла только пробравшаяся въ самую Полу подводная лодка—таковы обо-

юдныя потери[1]. Все же Средиземное море—эта большая и кратчайшая дорога изъ богатѣйшихъ колоній Франціи и Англіи къ самимъ метрополіямъ—свободно, и плаваніе по нему безопасно какъ въ самое мирное время. Кромѣ охраны Средиземнаго моря часть французскаго флота принимала участіе и въ бомбардировкѣ германскаго расположенія на бельгійскомъ побережьѣ, а французскіе крейсера участвовали въ погонѣ за германскими торговыми судами въ Атлантическомъ и другихъ океанахъ.

Военныя дѣйствія на Средиземномъ морѣ идутъ еще на двухъ участкахъ этого театра: въ Эгейскомъ морѣ и у Египта. Часть главныхъ силъ адмирала де-Лапейрера отдѣлена была, съ началомъ войны съ Турціей, къ Дарданелламъ, гдѣ и несетъ дѣятельную службу по блокадѣ, бомбардируя, вмѣстѣ съ отрядомъ британскихъ судовъ, укрѣпленія и препятствуя ввозу контрабанды въ Турцію черезъ болгарскій портъ Дедеагачъ [2]. Блистательный подвигъ совершенъ на этомъ театрѣ англійской подводной лодкой В—11: пробравшись черезъ 5 минныхъ загражденій въ Дарданеллахъ, она взорвала турецкій сторожевой корабль „Мессудіе“ и благополучно вернулась обратно; къ сожалѣнію, попробовавшая повторить опытъ В—11, французская лодка „Сапфиръ“ обратно не вернулась.

Нигдѣ, однако, не проявилось такъ наглядно значеніе дѣйствительности морской силы, какъ въ недавнихъ дѣйствіяхъ—въ Суэцкомъ каналѣ, гдѣ произошло рѣдкое въ лѣтописяхъ флота открытое столкновеніе сухопутной арміи съ судами союзниковъ. По песчаной, обезвоженной англичанами пустынѣ

---

[1]) Уже во время печатанія статьи въ апрѣлѣ австрійской лодкой U—6 былъ потопленъ французскій крейсеръ „Леонъ Гамбетта“ (1901 г.).

[2]) Ко времени печатанія настоящей статьи союзные флоты, вмѣстѣ съ нашимъ крейсеромъ „Аскольдъ“, предприняли форсированіе Дарданеллъ: всѣ входные форты уже сбиты и взяты десантомъ, и союзный флотъ, поднявшись выше, къ укрѣпленіямъ на срединѣ пролива, ведетъ энергичную подготовку къ высадкѣ десанта. Во время обстрѣла непріятельскихъ батарей 5 марта союзный флотъ понесъ отъ плавучихъ минъ слѣдующія потери—взорвались и затонули французскій старый броненосецъ „Буве“, англійскіе „Иррезистибль“ и „Ошенъ“ (Ocean), кромѣ того „Голуа“ и „Инфлексибль“ получили поврежденія отъ огня батарей. Всѣ упомянутыя суда, за исключеніемъ послѣдняго—старой постройки (96—98 гг.), и выведеніе ихъ изъ строя не наноситъ большого ущерба союзникамъ.

наступали турки во главѣ съ германскими офицерами къ Египту, этой богатѣйшей житницѣ Англіи, разсчитывая, перейдя каналъ, вторгнуться въ долину плодороднаго Нила; но защищать самую свою жизненную артерію Англія выслала флотъ: боевыя суда союзниковъ сильнѣйшимъ огнемъ своей артиллеріи отбили всѣ атаки непріятеля, и, если вѣрить телеграммамъ, турки, не рѣшаясь повторить нападенія, окончательно повернули обратно. Съ другой стороны Аравійскаго полуострова—въ Персидскомъ заливѣ—дѣла идутъ такъ же успѣшно: съ помощью флота высаженъ десантъ, и, поднимаясь по Шатъ-Эль-Арабу, городъ за городомъ, занимаютъ британскія войска Мессопотамію.

Четвертымъ морскимъ театромъ войны является наше, 60 уже лѣтъ закрытое, Черное море. Въ его юго-западномъ завѣтномъ углу лежитъ тотъ талисманъ, къ которому прикованы сейчасъ всѣ помыслы черноморскаго флота—туда, болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ, основывая морскую силу Россіи, простиралъ свою руку Великій Царь, туда стремилась Великая Екатерина, его не смогъ удержать достигшій своимъ флотомъ Императоръ Николай I, завѣщавъ намъ въ наслѣдіе добиться разрѣшенія этой труднѣйшей, но необходимѣйшей для счастья и благосостоянія нашей родины проблемы. Талисманъ этотъ—проливы съ Царьградомъ—сейчасъ въ рукахъ „умирающаго человѣка", но часъ его смерти насталъ, и зорко караулятъ союзники съ юга, а черноморскій флотъ съ сѣвера тотъ небольшой водный районъ, гдѣ еще господствуютъ морскія силы Германо-Турціи.

Три съ половиной мѣсяца идутъ военныя дѣйствія на черноморскомъ театрѣ, и къ началу февраля почти опредѣленно выяснилось, что господство захвачено въ наши руки: крейсеръ-дредноутъ „Гебенъ", равнаго которому по силѣ и артиллеріи у насъ нѣтъ корабля, серьезно поврежденъ нашими минами и артиллеріей, и вышелъ, если не навсегда, то надолго изъ строя [1]).

---

[1]) Во время печатанія статьи выяснилось, что „Гебенъ", послѣ 3 мѣсячной починки, снова появился въ морѣ подъ Севастополемъ (21 марта), но не принялъ боя съ вышедшей къ нему нашей боевой эскадрой, а отступилъ къ Босфору. Одновременно съ этимъ выходомъ „Гебена" въ море, въ ночь на 22 марта, произошла и гибель крейсера „Меджидіе" подъ Одессой на минномъ загражденіи.

Правда, повторяются еще дикіе, противные международному праву, набѣги германо-турецкихъ крейсеровъ на незащищенные города побережья, но они существу вещей—выполненію нашими морскими силами назначенной имъ задачи — не мѣшаютъ. Подобнымъ операціямъ, имѣющимъ только „моральное значеніе", не можетъ иногда помѣшать и сильнѣйшій флотъ: вспомнимъ набѣги на незащищенные курорты Скарборо, Уитби,—и наши моряки смотрятъ на эти акты, вызывающіе обидные для личнаго состава толки, какъ на укусы комара, и, не отвлекаясь отъ своего очередного дѣла, продолжаетъ флотъ свою полезную, многотрудную, но невидную дѣятельность по крейсированію и обстрѣлу анатолійскихъ береговъ, гдѣ онъ однимъ своимъ появленіемъ уже ослабляетъ силы сражающейся у Кавказа турецкой арміи, препятствуя подвозу ей какъ подкрѣпленій, такъ и военныхъ, и жизненныхъ запасовъ. Не проходитъ положительно дня, чтобы наши суда не обстрѣляли бы побережья и не уничтожили бы десятка, другого перевозочныхъ средствъ непріятеля. И чѣмъ дальше идетъ борьба, тѣмъ дѣйствительнѣе становится помощь черноморскаго флота побѣдоносной кавказской арміи, и съ успѣхами на этомъ фронтѣ все близится тотъ часъ, когда, выполнивъ свою промежуточную задачу—на Кавказѣ, славный андреевскій флагъ, прокладывая себѣ путь къ свободному, теплому морю, появится у водъ прекраснаго Царьграда [1]).

Такова дѣятельность морской силы на четырехъ европейскихъ театрахъ—на *Сѣверномъ*, *Балтійскомъ*, *Средиземномъ* и *Черномъ* моряхъ. Остается обозрѣть еще пятый морской, самый большой изъ разсмотрѣнныхъ, во много разъ превышающій даже всѣ ихъ взятые вмѣстѣ—*міровой театръ*—*океанскій просторъ*, гдѣ съ начала войны и почти до настоящей поры велась борьба немногочисленныхъ германскихъ крейсеровъ съ морскими силами союзниковъ.

Захватъ непріятельскихъ колоній, несомнѣнно служившихъ базами для германскихъ судовъ, оперировавшихъ въ океанѣ, и уничтоженіе самихъ крейсеровъ,—вотъ задача, выполнен-

[1]) Первая бомбардировка Босфора черноморскимъ флотомъ произошла 15-го марта 1915 г., бомбардировкѣ 16-го марта помѣшалъ туманъ.

ная флотами Англіи и Японіи за полугодовой періодъ времени, въ срокъ, правда, не очень короткій, но и не слишкомъ большой, если вспомнить, что въ началѣ войны всѣ наличныя колоніальныя британскія морскія силы выполняли,—и выполнили блестяще,—задачу по обезпеченію перевозки войскъ на театры военныхъ дѣйствій.

Отдѣльнымъ эпизодомъ въ этой огромной эпопеѣ — захвата господства на океанахъ—стоятъ дѣйствія вооруженныхъ силъ Японіи по занятію германской колоніи Кіочао, въ каковой операціи почти рѣшающую роль играла опять-таки морская сила; перевозка и высадка десанта, снабженіе его, блокада побережья, бомбардировка фортовъ и поддержка фланговъ съ моря—вотъ не кричащія о себѣ дѣйствія, первостепенной важности, выпавшія на долю японскаго флота во взятіи въ 1½ мѣсяца Циндао, который Германія укрѣпляла въ продолженіе 17 лѣтъ.

Той же участи, что и Циндао,—съ меньшей только затратой человѣческихъ жизней, но при томъ же *рѣшающемъ* неизмѣнномъ участіи морской силы,—подверглись и другія океанскія колоніи Германіи: Тоголандъ, часть Камеруна и Юго-Западной Африки, земля Императора Вильгельма (часть о. Новая Гвинея), архипелагъ Бисмарка, Маршальскіе, Каролинскіе и Маріанскіе острова,—всѣ эти громадныя пространства (до 2 милл. кв. верстъ) стали, за небольшимъ исключеніемъ, достояніемъ державъ, крѣпко захватившихъ къ началу текущаго года въ свои руки власть на морѣ; та же участь постигаетъ въ настоящее время и послѣднюю изъ германскихъ колоній—Восточную Африку (около милліона кв. верстъ), захватъ которой нѣсколько задержался изъ за волненій въ Капштадтѣ. Однако, и въ этой колоніи главнѣйшій пунктъ ея, Дарасалемъ, занятъ англичанами, а въ водахъ рѣки Луфиджи, противъ острова Мафія, надежно запертъ одинъ изъ крейсеровъ—„Кенигсбергъ“.

Одновременно съ занятіемъ непріятельскихъ владѣній велась и борьба съ геройски защищавшимся, но обреченнымъ заранѣе, съ потерей своихъ опорныхъ пунктовъ, на безусловную гибель крейсерскимъ отрядомъ Германіи. Развивъ чрезвычайную энергію, этотъ отрядъ, разсѣявшійся по частямъ, успѣшно дѣйствовалъ первые три мѣсяца войны—удары „Эм-

дена“ [1]), „Карлсруе“, „Кенигсберга“, нанесенные торговому флоту союзниковъ, памятны всѣмъ, и особенно намъ, потерявшимъ въ Пенангѣ еще и „Жемчугъ“; однако, успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ. Почти одновременно погибъ въ борьбѣ съ австралійскимъ крейсеромъ „Сидней“ знаменитый „Эмденъ“ и былъ выведенъ изъ строя „Кенигсбергъ“. Побѣдоносный бой съ британскими крейсерами у береговъ Чили, въ которомъ два броненосныхъ крейсера пошли вмѣстѣ со своимъ адмираломъ ко дну, былъ лебединой пѣсней крейсерскаго отряда: первая же встрѣча съ британскими крейсерами-дредноутами, высланными на подмогу колоніальному флоту—встрѣча у Фалькландскихъ острововъ—и... все кончено: нѣтъ ни германскаго адмирала, ни его побѣдоносныхъ крейсеровъ: „Шарнгорста“, „Гнейзенау“, „Нюренберга“ и „Лейпцига“... Только „Дрезденъ“ и „Карлсруе“, да два-три вооруженныхъ океанскихъ парохода—вспомогательныхъ судна—вотъ что осталось [2]) на поверхности свободныхъ океановъ отъ крейсерской силы противника англичанъ...

А море—свободное море—все такъ же вѣрно остается въ рукахъ „владычицы морей“, какъ и раньше, и нѣтъ теперь той силы, которая могла бы вырвать его изъ рукъ нашего могучаго союзника.

Повторимъ, что же сдѣлано морской силой съ достиженіемъ ею господства на морѣ.

Во-первыхъ, оказана могучая поддержка своимъ арміямъ переброской большихъ силъ на театръ военныхъ дѣйствій и

[1]) По германскимъ даннымъ одинъ только „Эмденъ“ потопилъ 54 непріятельскихъ парохода; послѣ гибели крейсера, англійскій Ллойдъ понизилъ на половину страховку судовъ.

[2]) Ко времени печатанія статьи океанская операція германцевъ была окончательно ликвидирована: не подававшій о себѣ вѣстей крейсеръ „Карлсруе“, оказалось, погибъ отъ взрыва въ Атлантическомъ океанѣ, „Дрезденъ“ былъ уничтоженъ англичанами у о-ва Фернандецъ (Чили), а два вспомогательныхъ крейсера, „Принцъ Фридрихъ-Эйтель“ и „Кронпринцъ Вильгельмъ“, не имѣя угля, зашли въ Ньюпортъ-Ньюсъ (С.-А. С. Ш.),—и теперь ясно видно, что, несмотря на заранѣе разработанный планъ, на проявленную личнымъ составомъ личную иниціативу и высокую доблесть, крейсерскія операціи германцевъ *не повліяли* на общій исходъ борьбы, въ то же время ослабивъ ихъ силы на *главномъ* театрѣ.

создана благопріятная для нихъ обстановка — обезпечены тылъ и фланги, и все время идетъ подвозъ боевыхъ и жизненныхъ запасовъ.

Во-вторыхъ, уничтожена морская торговля противника, подвозъ къ нему матеріаловъ, имѣющихъ военное значеніе, безъ которыхъ затруднительно самое веденіе войны; мало того, благодаря контролю морскихъ путей, 500.000-ная армія германскихъ и австрійскихъ резервистовъ удержана по ту сторону океана, въ Америкѣ, и не можетъ принять активнаго участія въ войнѣ; наконецъ, самое главное, прекращенъ совершенно прямой, и сведенъ до минимума черезъ нейтральныя страны, ввозъ жизненныхъ припасовъ народонаселенію врага.

Такимъ образомъ, если вспомнить указанныя нами въ началѣ требованія, предъявляемыя теоріей къ морской силѣ [1]), нельзя не придти къ заключенію, что она достаточно успѣшно выполнила свое назначеніе на томъ или другомъ театрѣ, причемъ результатъ дѣйствій оказался въ прямой зависимости отъ силы и величины дѣйствующихъ морскихъ частей.

Правда, можно сказать, что *не было боя*, который, какъ имѣющій объектомъ уничтоженіе военной силы врага, конечно, входитъ основнымъ требованіемъ теоріи, но таковаго не послѣдовало по одной и весьма важной причинѣ: противникъ не пожелалъ оспаривать господство на морѣ въ открытомъ бою, и, такимъ образомъ, *результатовъ боя*, скажемъ сильнѣе, побѣдоноснаго боя оказалось возможнымъ достигнуть безъ сраженія: добиться бóльшаго господство на морѣ, чѣмъ теперь, врядъ-ли бы могъ англійскій флотъ и въ открытомъ бою, а въ такомъ случаѣ и самый бой является излишнимъ.

---

[1]) Приводимъ мнѣніе извѣстнаго нѣмецкаго морского писателя, Штенцеля, о задачахъ флота, завладѣвшаго моремъ: „флотъ, завладѣвшій моремъ, говоритъ онъ, послѣ выиграннаго сраженія долженъ имѣть задачею слѣдующее: очистить всѣ воды отъ непріятельскихъ судовъ, какъ коммерческихъ, такъ и военныхъ, уничтожить непріятельскія суда или овладѣть ими, перехватить нейтральныя суда, направляющіяся съ контрабандой къ нейтральнымъ портамъ, и завладѣть колоніями и островами противника“. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, все это и достигнуто противниками Германіи.

Въ заключеніе, интересно остановиться еще на роли того или другого типа судовъ въ настоящей міровой войнѣ: этотъ вопросъ, весьма сложный по своему существу и чрезвычайно интересующій общество, тоже, повидимому, не совсѣмъ правильно понимается имъ.

Всѣмъ, конечно, еще памятенъ тотъ споръ, поднятый въ нашей печати послѣ японской войны по вопросу о томъ, какой флотъ нужно строить Россіи,—и настоящая міровая война, грянувшая въ тѣ дни, когда еще не была закончена „малая судостроительная программа“, является особенно важной для разрѣшенія затянувшагося и теоретически до сихъ поръ не рѣшеннаго спора между сторонниками „линейнаго“ и „миннаго“ флотовъ. Конечно, высказывать сейчасъ окончательныя сужденія было бы неосторожно: война еще далеко не закончилась, и никому безошибочно не дано знать, какія судьбы ожидаютъ морскія силы противниковъ; однако, и полугодовой опытъ войны позволяетъ отмѣтить нѣкоторыя весьма цѣнныя указанія для раціональнаго рѣшенія вопроса о будущихъ судостроительныхъ программахъ.

Прежде всего, надо остановиться на роли впервые выступившаго на арену дѣйствій подводнаго флота. Главнымъ назначеніемъ его, по теоретическимъ разсужденіямъ до войны, было — позиціонная война для прибрежной обороны, т. е., лодки должны были, не удаляясь далеко отъ своихъ береговъ, сдѣлать ихъ неуязвимыми для нападенія противника. Это не удалось—ни у береговъ Великобританіи (два набѣга германскихъ крейсеровъ), ни у береговъ Германіи (бой у Гельголанда и набѣгъ на Куксгафенъ 12 декабря)—ни одно изъ судовъ надводнаго флота не было потоплено во время активныхъ его дѣйствій, а побережье въ то же время было обстрѣлено. Такъ же неудачно было нападеніе лодокъ на отрядъ британскихъ судовъ, неоднократно обстрѣливавшихъ бельгійское побережье и принесшихъ большую пользу союзнымъ арміямъ — всѣ атаки германскихъ лодокъ были отражены, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ были протаранены миноносцами. Условія только что упомянутой атаки исключаютъ возможность указанія, что лодки не смогли отразить надводныя суда при набѣгахъ изъ за слишкомъ большого хода послѣднихъ — если при крейсерскихъ набѣгахъ и при-

мѣнялся полный ходъ, то, во всякомъ случаѣ, борьба съ сухопутными батареями въ Бельгіи не требовала такового, и здѣсь германскія лодки поставлены были въ болѣе нормальныя условія для атаки.

Такимъ образомъ, ни въ эскадренномъ бою на полномъ ходу, каковымъ нельзя не считать послѣднее сраженіе въ Сѣверномъ морѣ, закончившееся потопленіемъ „Блюхера", и гдѣ подводныя лодки принимали участіе, ни при охранѣ побережья, подводный флотъ не вплелъ лавровъ въ свой вѣнокъ; тотъ же шумъ, который поднялся послѣ ихъ первыхъ успѣховъ объясняется дѣйствительно грандіознымъ, однако чисто внѣшнимъ, эффектомъ—почти одновременнымъ потопленіемъ трехъ большихъ кораблей. Если вдуматься глубже, то своему успѣху U—9 обязана чистой случайности: не остановись сопровождавшіе „Абукиръ" крейсера для спасенія гибнущей команды своего товарища, и „Хогъ" и „Кресси" до сихъ поръ продолжали бы благополучно плавать въ рядахъ британскихъ эскадръ, и только новизной дѣйствія лодокъ и объясняются эти тактическія ошибки англійскихъ командировъ, доставившія лейтенанту Веддингену славу побѣдителя не одного, а цѣлыхъ трехъ крейсеровъ. Слѣдующіе успѣхи подводныхъ лодокъ были далеко не такъ блестящи: наученные горькимъ опытомъ благополучно уходятъ отъ лодокъ „Баянъ" —въ Балтійскомъ морѣ при гибели „Паллады", „Тезей"—въ Сѣверномъ морѣ при гибели „Хаукъ", неизвѣстный корабль при гибели „Формидабля", а приведенная выше статистика гибели британскихъ судовъ отъ подводныхъ лодокъ (1-й мѣсяцъ—4 судна, слѣдующіе три—всего 3) показываетъ, что мѣры, принятыя противъ подводнаго врага, оказались достаточно раціональными [1]).

Конечно, отрицать совершенно значеніе роли подводныхъ лодокъ было бы ошибочно, но считать ихъ рѣшающими факторами въ современной морской войнѣ не приходится— лучшими выразителями взгляда на значеніе этого оружія

[1]) Опубликованное въ мартѣ сообщеніе о дѣятельности балтійскаго флота за время войны указываетъ на рядъ неудачныхъ атакъ германскихъ подводныхъ лодокъ: за 2 мѣсяца (октябрь—ноябрь) было 19 атакъ, изъ нихъ въ 9 случаяхъ мины не достигли цѣли, въ 9 случаяхъ лодки не могли даже выпустить минъ, и только въ одномъ случаѣ атака была удачной.

являются опять-таки тѣ же германцы. Въ своей, отнынѣ исторической, бесѣдѣ съ американскимъ журналистомъ адмиралъ фонъ-Тирпицъ высказалъ: „что подводныя лодки представляютъ новое и большое оружіе въ современной войнѣ—сомнѣваться не приходится, но не слѣдуетъ забывать, что ихъ поле дѣятельности—побережья и мелководья, какъ, напримѣръ, Англійскій Каналъ. *Бывшій до сихъ поръ опытъ не даетъ основаній думать, что большіе корабли отжили свой вѣкъ.* Еще большой вопросъ, какова была бы дѣятельность лодокъ при другихъ условіяхъ. До этой войны мы полагали, что лодки не смогутъ оставаться вдали отъ базы болѣе трехъ дней, вслѣдствіе сильнаго утомленія личнаго состава, теперь же выяснилось, что большія лодки могутъ свободно обходить Англію и оставаться въ морѣ по 14 дней. Это, правда, достигается возможностью по ночамъ ложиться на дно для отдыха, для чего лодкамъ и нужно сравнительное мелководье“. Вотъ мнѣніе создателя современной мощи германскаго флота—*подводная лодка пригодна въ извѣстной географической обстановкѣ и не замѣняетъ собой современныхъ линейныхъ кораблей.*

Минувшій полугодовой опытъ войны говоритъ, что и самая тактика борьбы у побережья еще недостаточно разработана у этого оружія, противъ котораго, въ свою очередь, будутъ изобрѣтены соотвѣтствующіе методы борьбы. Какъ бы то ни было, но назвать сейчасъ подводныя лодки главнымъ и единственнымъ оружіемъ на морѣ нельзя: *не ими же достигнуто англичанами господство на морѣ,* и не смотря на кажущійся успѣхъ этого типа судовъ, боевые флоты союзниковъ осуществляютъ съ каждымъ днемъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе свою задачу—страшной губительной изоляціи Германіи. Вѣрнымъ опредѣленіемъ значенія подводнаго флота, намъ кажется, будетъ слѣдующее: *современныя подводныя лодки представляютъ собой самостоятельный элементъ морской силы, весьма необходимый для борьбы на морѣ, но имѣющій примѣненіе только въ извѣстной обстановкѣ и не замѣняющій собой надводнаго флота.* Дѣйствительной мѣрой борьбы съ нимъ является уничтоженіе станцій подводныхъ лодокъ, что и производится теперь англичанами съ неослабѣвающей

энергіей, и густыя минныя загражденія, а при встрѣчѣ съ самой лодкой тараненія ея, измѣненіе курсовъ и полный ходъ.

Перейдемъ теперь къ антиподу разсмотрѣннаго нами типа—тоже впервые держащему экзаменъ зрѣлости—современному линейному кораблю.

Только десять лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ послѣдней большой морской войны, но ни одинъ боевой корабль, относящійся къ этому періоду (1902—1905), не можетъ уже быть названъ перволинейнымъ: игрушками кажутся эти броненосцы (12.000—14.000 тоннъ) передъ вытѣснившими ихъ новыми линейными кораблями, получившими свое имя отъ прототипа, корабля „Дредноутъ" („Безстрашный"), заложеннаго англичанами въ декабрѣ 1905 года, и достигнувшаго 22.000 тоннъ водоизмѣщенія, съ ходомъ 21 узелъ, 11″ броней и съ сильнѣйшей артиллеріей изъ X—12″ пушекъ (до того ставилось по IV—12″ на броненосецъ). На этомъ типѣ корабельные инженеры, однако, не остановились—за дредноутомъ-линейнымъ кораблемъ, въ 1906 году, появился крейсеръ-дредноутъ, корабль того же, примѣрно, водоизмѣщенія, но съ гораздо большимъ, чѣмъ дредноутъ, ходомъ (26 узловъ и больше), достигнутымъ за счетъ уменьшенія броневой защиты; въ 1909 году имъ на смѣну пришли сверхъ-дредноуты—корабли съ еще большимъ водоизмѣщеніемъ и съ крупнѣйшей, чѣмъ у дредноутовъ, артиллеріей (13½″, 14″ и 15″); такіе корабли, однако, удалось построить къ войнѣ одной только Англіи, и она пожинаетъ теперь плоды своихъ трудовъ.

За время военныхъ дѣйствій, строго говоря, можно считать, что произошло только 4 большихъ морскихъ сраженія: у Гельголанда—въ августѣ, въ водахъ у Чили—въ октябрѣ, у Фальклaндскихъ острововъ—въ ноябрѣ и послѣднее въ Сѣверномъ морѣ въ январѣ; за всѣ эти 4 боя—три раза успѣхъ былъ на сторонѣ англичанъ, и во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ принимали участіе ихъ дредноуты и сверхъ-дредноуты, которые, благодаря преимуществу хода, шутя догоняли непріятеля, и на предѣльныхъ дистанціяхъ (10-12 миль), когда пушки врага не могли ихъ достигать, посылали ему смерть и разрушеніе изъ батарей своихъ крупныхъ орудій. Такъ

было въ сраженіи при Гельголандѣ, гдѣ сверхъ-дредноутами адмирала Битти потоплены были 3 легкихъ германскихъ крейсера, такъ было и у Фалькландскихъ острововъ, гдѣ пошелъ ко дну адмиралъ Шпее со своими броненосными крейсерами, только что за мѣсяцъ до того пустившими ко дну современныхъ имъ (стараго типа) британскихъ „Монмутсъ" и „Гудхопъ", такъ было и въ послѣднемъ сраженіи, въ Сѣверномъ морѣ, гдѣ, правда, выступали и германскіе дредноуты, немедленно однако повернувшіе, какъ только замѣтили, что имѣютъ дѣло со сверхъ-дредноутами. Правда, адмиралъ Битти не нанесъ на этотъ разъ рѣшительнаго удара противнику,—потопленъ былъ одинъ только германскій крейсеръ „Блюхеръ", послѣдній изъ крейсеровъ стараго типа, постройки 1908 года,—но, судя по донесеніямъ его адмиралтейству, можно думать, что и германскимъ дредноутамъ—„Мольтке" (типа „Гебенъ"), „Зейдлицъ" и „Дерфлингеръ", изъ которыхъ два удалялись съ пожарами, нанесены были 13½″ орудіями „Лайона" и „Тайгера" немалыя поврежденія.

Итакъ, *скорость хода* и *калибръ артиллеріи*—вотъ тѣ неизмѣнные два фактора, которые играютъ рѣшительную роль въ борьбѣ линейныхъ судовъ, да и не одннхъ линейныхъ—вспомните только бой австралійскаго крейсера „Сидней" съ знаменитымъ „Эмденомъ": преимущество тѣхъ же элементовъ у „Сиднея" (5700 тн., VIII-6″, 25, 5 узл.) заставило „Эмденъ" (3650 тн., XII-4″, 24, 2 узл.) трагически закончить свою блестящую дѣятельность [1]). То же самое наблюдалось съ начала войны—а до нѣкоторой степени и теперь — на нашемъ черноморскомъ театрѣ: современный дредноутъ-крейсеръ „Гебенъ" одинъ равнялся по силѣ артиллеріи почти всему нашему флоту, преимущество же въ ходѣ (28 узловъ и 16) позволяло ему командовать разстояніемъ, и только счастливая случайность—туманъ 5-го ноября -дала возможность нашей эскадрѣ вступить съ нимъ въ бой на близкомъ разстояніи и нанести на невыгодной для

[1]) Единственный спасшійся въ фалькландскомъ бою германскій легкій крейсеръ „Дрезденъ" избѣжалъ участи своихъ товарищей только вслѣдствіе преимущества хода передъ преслѣдовавшимъ его броненоснымъ крейсеромъ „Корнуоллъ" (24, 5; 23, 5).

него дистанціи такія поврежденія, отъ которыхъ, равно какъ и отъ другихъ нашихъ дѣйствій, онъ не могъ войти въ строй долгое время; съ выходомъ же его изъ строя, господство на Черномъ морѣ перешло къ намъ, хотя послѣдній обстрѣлъ Ялты быстроходнымъ „Бреслау", равнымъ по ходу которому у насъ нѣтъ ни одного корабля, показываетъ, что и одинъ изъ упомянутыхъ факторовъ можетъ у энергичнаго личнаго состава имѣть громадное значеніе.

Мы не будемъ останавливаться на остальныхъ типахъ судовъ—минныхъ заградителяхъ, легкихъ крейсерахъ и миноносцахъ;—боевая ихъ дѣятельность за эту войну не дала еще достаточнаго матеріала для оцѣнки или переоцѣнки ихъ значенія,—но изъ изложеннаго нами выше разбора главнѣйшихъ свойствъ типичнѣйшихъ представителей пресловутаго „контръ-флота"—*подводной лодки* и „активнаго флота"—*линейнаго корабля*, можно заключить, что значеніе ихъ обоихъ, какъ обоюдно важныхъ, дополняющихъ другъ друга, элементовъ морской силы для борьбы на морѣ, не было недооцѣнено до войны нашимъ морскимъ министерствомъ, рѣшившимъ въ 1912 году строить и тѣ, и другіе [1]).

Заканчивая разборъ главныхъ типовъ судового состава, нельзя не отмѣтить еще одну слабую сторону всѣхъ споровъ, ведшихся до войны по вопросу о постройкѣ флота. Во всѣхъ статьяхъ, трактовавшихъ о типахъ военныхъ судовъ, никогда серьезно не изслѣдовался вопросъ о свойствахъ этихъ типовъ и объ ихъ боевомъ примѣненіи,—это и было главной причиной того, что публицисты никакъ не могли договориться, какой же флотъ намъ строить. Рѣшеніе этого вопроса, конечно, не просто, но правильный методъ для его рѣшенія — одинъ: во-первыхъ, изслѣдованіе свойствъ оружія морской войны, во-вторыхъ, изслѣдованіе свойствъ судовъ,

---

[1]) Въ посланіи президента Соединенныхъ Штатовъ къ конгрессу отъ 8 декабря (нов. ст.) 1914 г. говорится о могучемъ боевомъ флотѣ, какъ наиболѣе дѣйствительномъ средствѣ для защиты страны отъ внѣшнихъ посягательствъ; въ докладѣ же морского министра имѣются слѣдующія слова: „послѣднія событія текущей войны оправдали довѣріе, возлагавшееся на подводныя лодки; поэтому, Министерство предполагаетъ увеличить ихъ число и обратить серьезное вниманіе на ихъ обученіе. *Однако, американскіе морскіе спеціалисты находятъ, что главной частью флота должны остаться дредноуты*".

снабженныхъ этимъ оружіемъ, и, наконецъ, изслѣдованіе боевого ихъ примѣненія въ соотвѣтствіи съ основами военно-морского искусства.

Вотъ единственный путь къ истинѣ, и будемъ надѣяться, онъ не будетъ забытъ, когда настанетъ пора сдѣлать окончательные выводы изъ событій современной борьбы флотовъ.

Повторяемъ еще разъ: борьба ведется не на жизнь, а на смерть, и хотя происходитъ безъ видимыхъ длительныхъ эффектныхъ боевъ, но еще скорѣе, чѣмъ на сушѣ, въ мгновеніе ока, безропотно гибнутъ въ морѣ тысячи людей вмѣстѣ со своими кораблями на минѣ загражденія или отъ подводной лодки; на смѣну погибшихъ идутъ другіе, которыхъ замѣнятъ третьи, и нѣтъ теперь той силы, которая могла бы вырвать изъ рукъ союзниковъ *господство ихъ на морѣ.* И въ результатѣ, безъ выведенія изъ строя боевого флота противниковъ, уклонившихся отъ открытаго столкновенія, *уничтожена морская торговля* Германіи, Австріи и Турціи, и, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе ощущая вліяніе морской силы союзниковъ, уже въ безвыходномъ положеніи чувствуютъ себя наши враги: тактикой измора сведены будутъ успѣхи противника на-нѣтъ, и въ этомъ конечномъ результатѣ скажется все *великое значеніе господства союзныхъ флотовъ на морѣ.*

Такова еще мало понятная, но, несомнѣнно, рѣшающая роль флота въ міровой войнѣ, и хочется, чтобы значеніе морской силы было оцѣнено по достоинству, и „вторая рука Потентата“ не игнорировалась бы, какъ никчемная, ни теперь, ни послѣ этой кровопролитнѣйшей войны.

Дѣятельность нашего флота уже получила справедливую оцѣнку во второмъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы, обратившейся къ сражающимся вооруженнымъ силамъ Россіи съ нижеслѣдующими знаменательными словами:

„Государственная Дума, преклоняясь передъ доблестными подвигами нашихъ воиновъ, посылаетъ горячій привѣтъ

арміи и *флоту*; шлетъ нашимъ союзникамъ дань искренняго уваженія и сочувствія; высказываетъ твердую увѣренность въ достиженіи великихъ національныхъ и освободительныхъ задачъ войны и заявляетъ о непреклонной рѣшимости русскаго народа вести войну до тѣхъ поръ, пока не будутъ предписаны врагу условія, обезпечивающія миръ Европѣ, и возстановленіе права и справедливости“.

Этими великими словами заканчиваю я свое выясненіе значенія морской силы въ міровой войнѣ, вмѣстѣ съ горячимъ пожеланіемъ: пусть за своими избранниками пойметъ и великій народъ, что *государственная мощь опирается какъ на сухопутную, такъ и на морскую военныя силы, и безъ наличія какъ одной, такъ и другой, не можетъ существовать великая наша родина.*

Пусть пойметъ это и общество, и не забудетъ значенія флота въ настоящей войнѣ въ грядущее мирное время.

Воздушная война.

Н. А. Рынинъ.

Во время отечественной войны 1812 года въ Россіи возникла мысль примѣнить въ дѣлѣ борьбы съ непріятелемъ воздушные корабли, которые могли бы сбрасывать на врага взрывчатыя вещества.

Была начата и почти закончена близъ Москвы постройка такого корабля-дирижабля, по проекту Леппиха. Однако, несовершенство механики въ то время помѣшало изобрѣтателю достигнуть практическихъ результатовъ, а приближеніе непріятеля къ Москвѣ заставило уничтожить корабль изъ опасенія, чтобы онъ не попалъ въ руки врага.

Прошло съ тѣхъ поръ почти сто лѣтъ. И вотъ, мы видимъ, что идея, возникшая во время отечественной войны 1812 года, нашла себѣ яркое примѣненіе въ современной войнѣ.

Русскіе воздушные корабли разныхъ системъ и размѣровъ свободно летаютъ по разнымъ направленіямъ и способствуютъ русской арміи въ ея защитѣ отечества.

Краткому очерку современной воздушной войны, ея пріемамъ, ея аппаратамъ и посвящается эта небольшая статья.

Воздушные пути сообщенія, подобно воднымъ и земнымъ, имѣютъ въ настоящее время сложную организацію и управленіе. Въ воздухоплавательномъ дѣлѣ, подобно тому, какъ

и въ желѣзнодорожномъ, можно различать устройства путевыя, тяговыя, телеграфныя, по движенію и т. п.

Путевое управленіе заключаетъ въ себѣ организацію и устройство сѣти аэродромовъ, ангаровъ, эллинговъ, мастерскихъ, сигналовъ—въ видѣ крупныхъ надписей на крышахъ или пятенъ на землѣ, предсказаніе погоды и пр.

Повидимому, наибольшее развитіе получила эта отрасль во Франціи и въ Германіи.

Главнѣйшія европейскія страны покрыты сѣтью аэродромовъ, гдѣ могутъ имѣть спускъ и стоянку аэропланы, и гдѣ для нихъ устроены мастерскія и запасы бензина и масла (бензино-масляныя базы).

Для спуска и стоянки дирижаблей устраиваютъ особыя площадки съ громадными сараями-эллингами, причемъ рядомъ съ послѣдними помѣщаютъ рядъ мастерскихъ, газодобывательныхъ станцій и другихъ вспомогательныхъ учрежденій.

Кромѣ того, при эллингахъ должна быть метеорологическая станція, связанная телеграфомъ какъ съ сѣтью другихъ станцій, такъ и съ дирижаблями, на которыхъ обыкновенно устанавливается безпроволочный телеграфъ. Большинство изъ воздухоплавательныхъ станцій устроено общественными организаціями въ мирное время и между этими станціями въ нѣкоторыхъ странахъ иногда даже поддерживается пассажирское и почтовое воздушное сообщеніе. Въ военное же время весь инвентарь этихъ организацій переходитъ въ распоряженіе военнаго вѣдомства. Организація и устройство аэродромовъ, эллинговъ и сигналовъ необходима какъ для военнаго, такъ и для мирнаго времени, и оборудованіе ихъ для военнаго времени требуетъ сравнительно мало дополнительныхъ работъ. Нѣсколько измѣняются условія сигнализаціи, которая должна быть устроена такъ, чтобы враждебные летчики не могли пользоваться чужими сигналами и также, чтобы съ земли можно было отличать своихъ летчиковъ отъ чужихъ.

Аппараты же, которые принимаютъ участіе въ войнѣ, должны быть спеціально оборудованы.

Въ современной войнѣ принимаютъ участіе воздухоплавательные аппараты слѣдующихъ основныхъ типовъ.

Аппараты тяжелѣе воздуха—аэропланы—примѣняются съ однимъ рядомъ крыльевъ (монопланы), а также и съ двумя, расположенными другъ надъ другомъ, рядами крыльевъ—(бипланы).

Кромѣ того, различаютъ аэропланы, которые могутъ опускаться только на землю, и телѣжки которыхъ устроены на колесахъ или лыжахъ, отъ, такъ называемыхъ, гидроаэроплановъ, которые снабжены поплавками и могутъ опускаться на воду.

Среди аппаратовъ легче воздуха наибольшее примѣненіе находятъ управляемые аэростаты или дирижабли разныхъ системъ.

Напримѣръ, въ Германіи и Австріи летаютъ Цеппелины, Шютте-Ланцъ, Парсевали, Гроссы; во Франціи: Клеманъ-Баяры, Задіаки, Списсъ; въ Англіи: Астра-Тарресъ, Парсевали; въ Россіи имѣется рядъ выстроенныхъ въ Россіи же дирижаблей, какъ-то: Голубь, Соколъ, Альбатросъ, Орелъ, Кречетъ и др.; кромѣ того, пріобрѣтено нѣсколько дирижаблей изъ Франціи и Германіи. Воздушные шары и привязные аэростаты въ настоящей войнѣ, повидимому, находятъ себѣ мало примѣненія.

Персоналъ воздушнаго флота набирается изъ военныхъ чиновъ и добровольцевъ—летчиковъ и мотористовъ. Наблюдателями являются или сами летчики или чины команднаго состава и генеральнаго штаба. При каждомъ аппаратѣ имѣются чины для ухода за нимъ, починки, сборки, разборки, перевозки и т. п.

Для того, чтобы яснѣе представить значеніе воздушнаго флота во время войны, приведемъ таблицу успѣховъ, достигнутыхъ въ полетахъ воздухоплавательными аппаратами разныхъ системъ. Таблица эта составлена по оффиціальнымъ даннымъ, относящимся къ марту 1914 года.

Типъ аппарата.			Скорость въ километр. въ часъ V.	Дальность полета безъ спуска въ километр. L.	Продолжительность полета безъ спуска; часы, минуты T.	Высота полета въ метрахъ H.	Вѣсъ въ килогр. Собственный (мертвый) P_1	Вѣсъ въ килогр. Полезный P_2.	Отношеніе $\frac{P_2}{P_1}$
Аэропланы.	Достигнутые результаты.	Наибольшіе.	204	1100	16 ч. 22 м.	6250	4000	1500	$\frac{1}{2,7} = 0,375$
							Илья Муромецъ		
							280	260	$\frac{1}{1,08} = 0,93$
			Франція	Германія		Аргентина	Бипланъ Сикорскаго № 10 [1])		
		Наименьшіе (Блеріо № 1).	65	—	—	—	220	100	$\frac{1}{2,2} = 0,454$
		Обыкновенные (Моранъ-монопланъ)	110	200—300	2—3 ч.	1000—2000	400	280	$\frac{1}{1,43} = 0,7$
Дирижабли.			72	1400	37 ч. 30 м.	3080	25000	4000	$\frac{1}{6,25} = 0,16$
			Цеппелинъ			Франція	Цеппелинъ		
							14080	2500	$\frac{1}{5,63} = 0,177$
							Списсъ (Франція)		
Воздушный шаръ (объемъ 1450 куб. метр.).			Скорость вѣтра	2200	72 ч.	13000	450	1000	$\frac{1}{0,45} = 2,22$

[1]) См. „Воздушный Справочникъ" К. Е. Вейгелина. 1914 г., стр. 126 и 155.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ періодической прессѣ имѣются указанія, что нѣкоторые изъ этихъ рекордовъ теперь уже превзойдены; напримѣръ, на аэропланахъ была достигнута: высота полета—8150 метр., продолжительность—24 ч. 12 м., длина — 2419,9 кил. Необходимо также имѣть въ виду, что отдѣльные рекорды, упомянутые въ таблицѣ, имѣли мѣсто не одновременно.

Приведенныя данныя наглядно показываютъ, что при достигнутой аппаратами большой грузоподъемности, дальности, продолжительности, высотѣ и скорости полета, они являются серьезными орудіями борьбы, и, какъ мы теперь видимъ, дѣйствительно пріобрѣтаютъ большое значеніе на войнѣ.

При помощи воздухоплавательныхъ аппаратовъ во время войны производятся слѣдующія операціи:

Развѣдка, которая можетъ быть ближней или дальней. Ближняя развѣдка производится или при помощи привязнаго воздушнаго шара или аэростата, или при помощи небольшихъ аэроплана или дирижабля. Развѣдчикомъ является или самъ пилотъ или его пассажиръ. Иногда для изслѣдованія мѣстности примѣняютъ фотографическую ракету, дѣйствіе которой заключается въ слѣдующемъ:

Фотографическая камера соединена съ ящикомъ, въ которомъ помѣщается парашютъ и верхняя часть ракеты. На ящикѣ укрѣпленъ жироскопъ для регулированія равновѣсія. Палка для ракеты имѣетъ почти двѣ сажени въ длину, и нижняя часть ея снабжена перьями въ видѣ хвоста. Ракета, будучи зажжена, выбрасываетъ камеру на высоту около 400 саж. На этой высотѣ камера автоматически дѣлаетъ снимокъ и затѣмъ медленно падаетъ при помощи раскрывшагося небольшого парашюта. Для дальней развѣдки, верстъ на 100 и болѣе, необходимы сильные и быстроходные аэропланы и дирижабли, которые не только могли бы успѣшно совершить весь путь, но и могли бы, въ случаѣ надобности, сбросить снаряды въ непріятеля и быстро уйти изъ сферы непріятельскаго огня или отъ нападенія непріятельскихъ аппаратовъ.

Важнымъ условіемъ для успѣшной и благополучной развѣдки являются спеціальныя воздухоплавательныя карты.

той мѣстности, надъ которой производится полетъ. На этихъ картахъ изображается въ планѣ мѣстность, и особыми условными знаками показываются мѣста, имѣющія спеціальное значеніе для воздухоплавательныхъ аппаратовъ: линіи электрическихъ токовъ высокаго напряженія, мѣста, удобныя для спуска, эллинги, аэродромы и пр.

При развѣдкѣ иногда съ воздухоплавательныхъ аппаратовъ сбрасываются прокламаціи въ непріятельской территоріи или приказы и донесенія къ собственнымъ войскамъ.

Большую пользу приноситъ воздушная развѣдка для охраны морскихъ военныхъ судовъ и при десантѣ отъ нападенія подводныхъ лодокъ противника. Съ высоты гораздо легче различить подводныя лодки, въ особенности, если онѣ плывутъ неглубоко подъ водою, чѣмъ съ высокихъ мачтъ и башенъ военныхъ судовъ.

Кромѣ развѣдки, воздухоплавательные аппараты служатъ и для быстрой пассажирской и почтовой связи черезъ мѣстность, занятую непріятелемъ. Для этой цѣли иногда при благопріятномъ вѣтрѣ примѣняются свободные воздушные шары, чаще же аэропланы и дирижабли.

Большую пользу приносятъ аэропланы, дирижабли и привязные аэростаты, корректируя артиллерійскую стрѣльбу. Наблюдатель, поднявшись на аппаратѣ до извѣстной высоты, смотритъ, куда попадаютъ снаряды и сообщаетъ о томъ, при помощи особой сигнализаціи, наводчику орудія, чтобы онъ могъ исправить прицѣлъ.

Опыты триполитанской войны, послѣдней славяно-турецкой и современной указываютъ, что можно нанести вредъ противнику бросаніемъ въ него снарядовъ съ аэроплановъ и дирижаблей. Для сбрасыванія примѣняютъ либо бомбы, наполненныя взрывчатымъ веществомъ, либо особыя стрѣлы и пули, каковыя, обладая малымъ вѣсомъ, могутъ быть взяты на аппаратъ въ большомъ количествѣ. Этимъ стрѣламъ и пулямъ придается особая форма для наиболѣе легкаго прониканія въ воздухъ. Падая съ большой высоты, онѣ, при ударѣ, могутъ нанести серьезныя раны.

Одной изъ задачъ воздушнаго флота является уничтоженіе таковаго же флота противника и оборона, въ свою очередь, себя отъ нападенія послѣдняго.

Для атаки воздушнаго непріятеля, необходимо имѣть быстроходные аппараты, вооруженные скорострѣльными ружьями или легкими пулеметами.

Для защиты же аэроплановъ отъ стрѣльбы противника наиболѣе опасныя части ихъ, какъ-то, сидѣнье пилота и моторъ, бронируются, т. е., покрываются листовой сталью.

Дирижабли вооружаются также пулеметами и ружьями, причемъ вѣсъ, а, слѣдовательно, и калибръ орудій можетъ быть больше, чѣмъ у аэроплана, такъ какъ подъемная сила дирижабля больше. Напримѣръ, на цеппелинѣ установлены пулеметы не только внизу, въ гондолахъ, но и на верху, на особыхъ площадкахъ, которыя сообщаются съ гондолами при помощи спеціальныхъ шахтъ, проходящихъ внутри дирижабля. Подобнымъ же образомъ производится установка пулеметовъ и на дирижабляхъ другихъ системъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что сравнительно тяжелое орудіе и стрѣлокъ, находясь на верху матерчатаго баллона дирижабля надутаго газомъ, почти совершенно не вдавливаютъ матерію внутри баллона, до того значительно давленіе газа внутри послѣдняго.

Для отраженія воздушнаго флота съ земли, кромѣ обычнаго ружейнаго огня, примѣняются особыя пушки, которыя могутъ стрѣлять подъ большимъ угломъ къ горизонту и особыми снарядами, взрывающимися или при соприкосновеніи съ поверхностью аппарата или по прошествіи опредѣленнаго промежутка времени послѣ выстрѣла, чтобы опрокинуть аппаратъ волною воздуха, образующагося при взрывѣ, и поразить его осколками снаряда или шрапнелью. Снаряды для стрѣльбы изъ пушекъ по воздухоплавательнымъ аппаратамъ устраиваются различнымъ образомъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, предназначенные для стрѣльбы по дирижаблямъ, снабжаются губчатой платиной, которая, попадая въ водородъ, наполняющій баллонъ дирижабля, должна раскалиться и взорвать газъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь дирижабль.

Иногда снаряды снабжаютъ особой смѣсью, производящей дымъ при ихъ полетѣ, что позволяетъ судить о мѣткости стрѣльбы.

Высота и дальность полета артиллерійскихъ снарядовъ весьма значительны. Однако, чѣмъ выше и скорѣе летитъ дирижабль или аэропланъ, тѣмъ труднѣе въ него попасть.

Въ послѣднее время пробуютъ примѣнять для сокрытія аппаратовъ въ полетѣ отъ огня непріятеля, такъ называемыя, дымовыя маски, т. е. облака дыма, выпускаемаго аэропланомъ при помощи особыхъ приспособленій и закрывающаго отъ противника.

Немалыя затрудненія, въ особенности для нижнихъ чиновъ сражающихся сторонъ, представляетъ распознаваніе летящихъ на большой высотѣ своихъ аэроплановъ и отличіе ихъ отъ непріятельскихъ.

Распознаваніе это производится по формѣ аппаратовъ, по сигналамъ, нарисованнымъ на руляхъ или на нижней поверхности ихъ крыльевъ, а также по особымъ маневрамъ, которые авіаторы должны выполнить при первомъ сигналѣ съ земли.

Изъ приведеннаго краткаго описанія вооруженія воздухоплавательныхъ аппаратовъ, ихъ службы и орудій борьбы съ ними видно, что воздушный флотъ и воздушная война имѣютъ немалое значеніе, и современный опытъ веденія таковой войны съ наглядностью это подтверждаетъ. Дѣйствительно, если мы, хотя бы по журнальнымъ и газетнымъ свѣденіямъ, прослѣдимъ за дѣятельностью воздушнаго флота воюющихъ странъ, то получается слѣдующая общая ея картина:

Русско-германскій и русско-австрійскій фронты. Русскіе летчики совершили рядъ удачныхъ развѣдокъ въ Восточной Пруссіи и въ Галиціи, подвергаясь часто обстрѣлу и даже пораненіямъ, причемъ чаще всего бывали раны въ ноги. Нѣкоторые изъ летчиковъ удачно бросали бомбы въ прусскія военныя сооруженія и воинскіе поѣзда. При обстрѣлѣ авіаторы испытывали сильную качку. Русскими было взято въ плѣнъ нѣсколько австрійскихъ и нѣмецкихъ аэроплановъ, и нѣкоторые изъ нихъ, послѣ незначительнаго ремонта, оказалось возможнымъ пустить въ дѣло и совершать на нихъ полеты. Большую пользу оказали также намъ аэропланы своею службой связи и корректированіемъ артиллерійской стрѣльбы.

Непріятельскіе аэропланы и дирижабли, въ свою очередь, дѣлали развѣдку надъ русской территоріей и бросали бомбы.

Неоднократно наблюдались полеты германскихъ аппаратовъ надъ Ригой, въ Сувалкской губерніи, въ Вильковишкахъ, надъ Лодзью, въ Ковенской губерніи и въ др. мѣстахъ, иногда днемъ, иногда ночью, причемъ мѣстность освѣщалась съ непріятельскаго аппарата прожекторомъ. Иногда съ аэроплановъ бросались внизъ особыя ракеты, которыя, при ударѣ о землю, поднимались отъ нея и освѣщали мѣстность. Съ нѣкоторыхъ аэроплановъ въ Царствѣ Польскомъ разбрасывались прокламаціи и даже посылались приказы къ нѣмецкимъ отрядамъ.

Полеты цеппелиновъ надъ русской территоріей наблюдались довольно часто: ихъ видѣли у Варшавы, Ивангорода, Млавы, Серадзя, Ченстохова. Нѣсколько непріятельскихъ аэроплановъ и дирижаблей было сбито огнемъ русской артиллеріи и взято въ плѣнъ. Между прочимъ, въ Петроградъ были доставлены части одного захваченнаго цеппелина.

На австрійскомъ фронтѣ произошла знаменитая воздушная борьба Нестерова съ австрійскимъ летчикомъ. Нестеровъ примѣнилъ пріемъ „подсѣка" непріятельскаго аэроплана своимъ. Онъ достигъ цѣли и уничтожилъ врага, но толчокъ при ударѣ оказался настолько сильнымъ, что при этомъ погибъ и самъ Нестеровъ.

Русско-турецкій фронтъ. Здѣсь наиболѣе активнымъ дѣйствіемъ русскихъ авіаторовъ была воздушная атака на гидроаэропланахъ и метаніе бомбъ въ турецкія военныя суда, появившіяся у Севастополя. Результатомъ этой атаки было обращеніе въ бѣгство непріятеля.

Немалую пользу принесли своей развѣдкой, корректированіемъ артиллерійской стрѣльбы и метаніемъ бомбъ русскіе летчики при бомбардированіи русской эскадрой фортовъ у входа въ Босфоръ со стороны Чернаго моря. Въ газетахъ даже промелькнуло извѣстіе, что русскій аэропланъ сбросилъ бомбы въ Константинополь.

Въ Закавказьѣ и въ Арменіи о налетахъ авіаторовъ пока имѣется мало свѣдѣній. Можно думать, что гористая мѣстность и снѣга сильно затрудняютъ успѣшное дѣйствіе русскихъ летчиковъ.

Славяно-австрійскій фронтъ. Здѣсь, повидимому, было положено начало воздушныхъ операцій современной войны. Именно, 18 іюля 1914 года былъ замѣченъ австрійскій аэропланъ, производившій развѣдку надъ горою у Ловчена въ Черногоріи. Позднѣе австрійскіе аэропланы бросали бомбы въ Антивари, Бѣлградъ, Вышницы и въ другіе города. Однако, сербы и черногорцы успѣшно обстрѣливали непріятельскіе аэропланы и взяли нѣкоторые изъ нихъ.

На *бельгійско-германскомъ фронтѣ* въ началѣ войны перевѣсъ былъ на сторонѣ германскаго воздушнаго флота, такъ какъ въ Бельгіи имѣлось весьма мало воздухоплавательныхъ аппаратовъ. Нѣмецкіе дирижабли и аэропланы производили развѣдку надъ бельгійской территоріей, сбрасывали бомбы, прокламаціи въ Антверпенъ, Остенде, Гентъ и въ другіе города, и залетали даже въ Голландію, нарушая, такимъ образомъ, ея нейтралитетъ.

Бельгійцы по мѣрѣ возможности обстрѣливали воздушнаго непріятеля и взяли въ плѣнъ нѣсколько дирижаблей и аэроплановъ.

Наибольшаго же развитія, повидимому, достигла воздушная война на *франко-германскомъ фронтѣ.* Германія и Франція, обладая каждая сильными воздушными флотами, и вступивъ въ войну въ самомъ началѣ современной міровой борьбы, мобилизовали почти всѣ свои большія воздушныя силы, именно, на этомъ фронтѣ.

Здѣсь имѣли мѣсто почти всѣ описанные выше пріемы воздушной борьбы: развѣдка, корректированіе артиллерійской стрѣльбы, почтовая и пассажирская связи, метаніе бомбъ и стрѣлъ съ аэроплановъ и дирижаблей, сраженія въ воздухѣ аэроплановъ съ аэропланами и съ дирижаблями, обстрѣлъ воздушнаго флота съ земли и т. д.

Извѣстно, напримѣръ, объ успѣшныхъ развѣдкахъ французскихъ летчиковъ у Бельфора, Меца, Страсбурга, въ Бельгіи и въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ этихъ летчиковъ бывали ранены, но успѣвали возвратиться обратно и передать требуемыя донесенія въ свои части. Французскіе авіаторы удачно бросали бомбы въ непріятельскія сооруженія, въ эллинги, гдѣ помѣщались дирижабли, въ воинскіе поѣзда, въ войска, въ заводы Круппа въ Эссенѣ и въ другія мѣста,

Часто и удачно французами примѣнялась комбинированная развѣдка блиндированныхъ аэроплана и автомобиля, и при этомъ даже производились нападенія на непріятельскіе разъѣзды.

Германскіе аэропланы и дирижабли также совершали налеты на Францію, производя развѣдки и сбрасывая бомбы. Ихъ видѣли въ Люневилѣ, Бельфорѣ, Нанси, Булонѣ, Калэ, Реймсѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ. Въ особенности посѣщался нѣмцами Парижъ, гдѣ съ аэроплановъ кидались прокламаціи и бомбы. Одна изъ послѣднихъ, даже разрушила часть крыши собора Парижской Богоматери.

Для преслѣдованія нѣмецкихъ авіаторовъ въ Парижѣ были образованы сторожевая служба и эскадрилья изъ блиндированныхъ аэроплановъ, которые аттаковывали противника въ воздухѣ надъ Парижемъ и заставляли его улетать, продолжая воздушный бой внѣ города. Ночью же, для обнаруживанія воздушнаго врага, небо освѣщалось прожекторами, и, въ случаѣ его появленія, по особымъ сигналамъ тушились на улицахъ и въ домахъ огни, дабы не дать непріятелю возможность оріентироваться. Часто такія нападенія заканчивались плѣненіемъ или гибелью нѣмецкаго аэроплана.

Нѣкоторые изъ германскихъ авіаторовъ иногда залетали въ Швейцарію, нарушая ея нейтралитетъ.

На *англо-германскомъ фронтѣ* отмѣчены рядъ эпизодовъ воздушнаго боя и широкое примѣненіе гидроаэроплановъ и дирижаблей. Еще въ самомъ началѣ производства десанта изъ Англіи во Францію суда, перевозившія войска черезъ Ламаншъ, канвоировались дирижаблями и аэропланами, которые съ высоты изслѣдовали море и наблюдали, не покажутся ли откуда нибудь нѣмецкія военныя суда и, въ особенности, подводныя лодки, которыя могли бы быть отчетливо видны даже на нѣкоторой глубинѣ подъ водой. Англійскіе летчики произвели рядъ смѣлыхъ развѣдокъ и нападеній на непріятеля уже надъ континентомъ Европы. Извѣстенъ удачный ихъ налетъ на эллинги нѣмецкихъ дирижаблей въ Дюссельдорфѣ, Кельнѣ, Фридрихсгафенѣ и въ другихъ городахъ.

Наибольшую дѣятельность, повидимому, проявляли англійскіе гидроаэропланы, которые несли сторожевую службу

у англійскихъ береговъ для предупрежденія нѣмецкаго десанта и для развѣдки.

При попыткѣ германскихъ аэроплановъ сбрасывать бомбы на англійскую территорію и въ гавани, сторожевые англійскіе гидроаэропланы быстро поднимались и усиленно отражали противника, заставляя его улетать.

Извѣстно о комбинированныхъ дѣйствіяхъ британскихъ воздушнаго, надводнаго и подводнаго флотовъ при нападеніи на германскій флотъ и территорію Куксгавена и Гельголанда. Въ началѣ войны много писали о предполагаемомъ налетѣ германскаго воздушнаго флота изъ аэроплановъ и цепелиновъ на берега Англіи. Это нападеніе, хотя и оказалось возможнымъ, но было весьма рискованнымъ, въ особенности во время бурной зимней погоды, и матеріальный ущербъ англичанъ при такомъ нападеніи не могъ быть значителенъ, въ особенности, имѣя въ виду охрану ими всѣхъ пунктовъ, имѣющихъ военное значеніе.

Возможно, что нѣмцы будутъ беречь свой воздушный флотъ для набѣга на Англію совмѣстно со всѣми своими морскими силами—надводными и подводными. Интересно отмѣтить курьезный случай атаки и захвата англійской подводной лодкой германскаго гидроаэроплана, спустившагося на воду въ Сѣверномъ морѣ.

На *англо-турецкомъ фронтѣ* слѣдуетъ отмѣтить успѣшное дѣйствіе англійскихъ аэроплановъ у Дарданеллъ и вдоль береговъ Малой Азіи. Что же касается до развѣдокъ вдоль Суэзскаго канала и, въ особенности, вглубь Сиріи и Аравіи, то врядъ ли тамъ удастся широко пользоваться воздушнымъ флотомъ, хотя бы въ виду песчанной пыли, которая можетъ затруднять дѣйствіе моторовъ. Наконецъ, остается сказать еще нѣсколько словъ о *японо-германскомъ фронтѣ*, гдѣ, повидимому, примѣнялись только аэропланы и привязные аэростаты. Японскіе авіаторы производили развѣдки надъ Кіао-Чао и Циндао и бросали бомбы, которыми были разрушены станція безпроволочнаго телеграфа, воинскій складъ, казармы и др. сооруженія. Аэропланы помогали также японцамъ корректировать артиллерійскую стрѣльбу. Нѣмцы также пользовались своими аэропланами и нѣсколько разъ поднимали изъ осажденной крѣпости привязной аэростатъ.

Заканчивая этотъ, конечно лишь схематическій, очеркъ пріемовъ современной воздушной войны, нельзя не отмѣтить, что, несмотря на трудности веденія ея и на новизну аппаратовъ, принимающихъ въ ней участіе, русскіе аэропланы и дирижабли и русскіе летчики проявили себя цѣлымъ рядомъ успѣшныхъ и геройскихъ подвиговъ, что указываетъ на правильную подготовку ихъ для воздушной войны, и не только персонала, но и самихъ аппаратовъ, большинство изъ которыхъ было построено на русскихъ авіаціонныхъ и воздухоплавательныхъ заводахъ.

Пожелаемъ, поэтому, и дальнѣйшаго успѣха какъ русскимъ летчикамъ и воздухоплавателямъ, такъ и русской воздухоплавательной промышленности и, въ особенности, дѣлу постройки русскихъ воздухоплавательныхъ двигателей, въ которыхъ является наибольшая нужда, и будемъ надѣяться, что могущественный русскій воздушный флотъ будетъ развиваться не только для военныхъ, но и для мирныхъ, культурныхъ цѣлей.